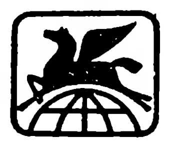
МИХ.
ЗОЩЕНКО

3

Мих. Зощенко

3

Мих. Зощенко

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Мих. Зощенко

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 3

Возвращенная молодость
*
Голубая книга
*
Перед восходом солнца
*

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

ББК 84. Р7
З 88

Составление, подготовка текста, примечания
Ю. В. ТОМАШЕВСКОГО
Послесловие
А. В. ГУЛЫГИ

Оформление художника
Н. И. ВАСИЛЬЕВА

З $\frac{4702010200\text{-}062}{028(01)\text{-}87}$ подписное

Возвращенная молодость

*

1. АВТОР ПРИНОСИТ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ

Это есть повесть о том, как один советский человек, обремененный годами, болезнями и меланхолией, захотел вернуть свою утраченную молодость.

И что же? Он вернул ее простым, но все же удивительным способом.

Человек вернул свою потерянную молодость! Факт, достойный оглашения в печати. Тем не менее не без робости автор приступает к этому сочинению. Обиды и огорчения принесет, вероятно, нам эта книга.

Ах, мы тревожимся в особенности за одну категорию людей, за группу лиц, так сказать, причастных к медицине.

Эти лица, ну там, скажем, врачи, фельдшера, лекарские помощники, работники «скорой помощи», а также, ну, скажем, заведующие аптеками с ихними женами, родственниками, знакомыми и соседями, лица эти, увидав книгу, содержание которой поначалу несколько напомнит им ихнюю профессию, лица эти, несомненно, отрицательно, а может быть, даже и враждебно отнесутся к нашему сочинению.

Этих лиц автор покорнейше просит поснисходительней отнестись к нашему труду. Автор, в свою очередь, тоже обещает им быть снисходительным, если ему случится читать повести или там, скажем, рассказы, написанные врачом, или родственником этого врача, или даже его соседом.

Автор просит у этих лиц извинения за то, что он, работая в своем деле, мимоходом и, так сказать, как свинья, забрел в чужой огород, наследил, быть может, натоптал и, чего доброго, сожрал чужую брюкву.

2. НЕКОТОРАЯ НЕОБЫЧАЙНОСТЬ НАШЕГО СОЧИНЕНИЯ

Наша повесть на этот раз мало похожа на обычные литературные вещицы. Она мало также похожа и на наши прежние художественные вещички, написанные наивной, грубоватой рукой в спехе нашей молодости и легкомыслия.

Нет, с одной стороны, это сочинение тоже можно будет назвать художественным. Тут будет и художественное описание картин нашей северной природы, описание бережков, ручейков и опушек леса. Тут будет интересный и даже занимательный сюжет. Тут будут разные сложные и сердечные переживания героев, а также рассуждения и добровольные высказывания этих героев о пользе текущей политики, о мировоззрении, о перестройке характеров и о славных грядущих днях.

Здесь будет все, чего ждет читатель от книги, которую он взял почитать вечерком, чтобы рассеять свои дневные заботы и чтоб окунуться в чужую жизнь, в чужие переживания и в чужие помыслы.

Но это только с одной стороны. А с другой стороны, наша книга—нечто совершенно иное. Это такое, что ли, научное сочинение, научный труд, изложенный, правда, простым, отчасти бестолковым бытовым языком, доступным в силу знакомых сочетаний самым разнообразным слоям населения, не имеющим ни научной подготовки, ни смелости или желания узнать, что творится за всей поверхностью жизни.

В этой книге будут затронуты вопросы сложные и даже отчасти чересчур сложные, отдаленные от литературы и непривычные для рук писателя.

Такие вопросы, как, например, поиски потерянной молодости, возвращение здоровья, свежести чувств, и так далее, и тому подобное, и прочее. А также будут затронуты вопросы о переустройстве всей нашей жизни и о возможностях этого переустройства, о капитализме и о социализме и о выработке мировоззрения. А кроме того, мы коснемся и других, не менее важных вопросов, взятых в самом их наивысшем значении и в свете текущих дней.

3. НА ЧТО ПОХОЖЕ НАШЕ СОЧИНЕНИЕ

Ну, если это и не научный труд, если, скажем, Академия наук или там, скажем, секция научных работников, согласовавшись с горкомом и Союзом писателей, не найдет здесь признаков научного сочинения или найдет эти признаки, но не сосчитает автора в достаточной степени овладевшим марксистско-ленинским мировоззрением, то в таком случае эту книгу можно будет обозначить более средним, более, так сказать, безобидным названием, не раздражающим зрения и слуха отдельных граждан и организаций.

Пусть эта книга называется, ну, скажем, культурфильм. Пусть это будет такой, что ли, культурфильм, вроде как у нас бывали на экране: «Аборт», или там «Отчего идет дождь», или «Каким образом делают шелковые чулки», или, наконец, «Чем отличается человек от бобра». Такие бывают фильмы на крупные современные научные и производственные темы, достойные изучения.

Так же, как и в этих фильмах, сначала у нас будет идти научное рассуждение с разными сносками, справками о том о сем, с разными комментариями и, может быть, даже диаграммами и статьями, окончательно разъясняющими суть дела.

И уже только потом читатель, слегка утомленный и пришибленный чужими мыслями, получит порцию занимательного чтения, которое и явится вроде как бы наглядной иллюстрацией к вышеизложенным мыслям и рассуждениям.

Конечно, умы нетерпеливые, не привыкшие идти на поводу, а также умы, ну, скажем, негибкие, грубоватые или, что ли, низменные, не имеющие особого интереса к различным явлениям природы, кроме выдачи продуктов питания,— эти умы могут, конечно, отбросить начало и комментарии, с тем чтобы сразу приступить к инцидентам и происшествиям и сразу, так сказать, получить порцию занимательного чтения.

В таком случае они без ущерба для себя прочтут, начиная с 17-й главы, правдивую повесть об удивительной жизни одного человека, который в наши реальные дни, в дни, так сказать, торжества материализма и физиологических основ, возвратил свою молодость и тем самым имел смелость и счастье соперничать в умении с самой природой или, как до революции говорили, с самим господом богом.

4. ЛЮБОВЬ АВТОРА К МЕДИЦИНЕ

Конечно, автор принужден сказать, что он человек, ну, что ли, невежественный в вопросах медицины. Не то чтобы невежественный, ну, не совсем, что ли, на все ноги подкованный, не совсем, что ли, разбирающийся в отдельных мелких, разнообразных и часто ужасно запутанных деталях этой науки. Тем не менее, по ходу повести, автор принужден будет затрагивать кой-какие передовые медицинские вопросы о том о сем, ну, там о неврастении, о нарушенном равновесии, об упадке сил и о причинах этих явлений.

Не то́ чтобы автор решительно ничего не смыслил в этом деле. Нет, он кое-что представляет себе. Но, конечно, это представление не такое уж окончательно твердое. Не такое, что вот разбуди человека ночью, и он тебе сразу все объяснит и все спросонок расскажет — где чего бывает, и зачем бывает, и как то или иное по-гречески называется, и что такое рак, и в каком боку у населения почки, и для какой цели природа пристроила человеку селезенку, и почему, в сущности, этот запутанный и даже отчасти мизерный орган называется этим довольно-таки легкомысленным названием, заметно снижающим человеческую природу в ее обычном величии.

Нет, автор, конечно, не врач, и знания его в этой сфере ограниченны. Тем не менее с детских лет автор имел глубокий и даже исключительный интерес к медицине и даже одно время пробовал было лечить своих менее ценных родственников разными домашними химическими средствами — йодом, дегтем, глицерином, травой, которую жрут собаки при заболевании, и психическими воздействиями. Каковое лечение, надо сказать, иной раз сходило довольно успешно и не всегда заканчивалось смертельным исходом того или другого зазевавшегося родственника.

Но не только к своим родственникам, но и ко всем людям автор присматривался с нескрываемым любопытством, следил, так сказать, за ежедневной игрой ихних организмов и за тем, кто сколько прожил, чем захворал и от чего именно помер. И что такое грипп. И что такое старость. И почему наступает увядание. И что надо делать, чтобы задержать быстрое течение дорогой нашей жизни.

И, надо сказать, неутешительные картины открывались постепенно перед изумленным взором автора.

5. НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ КАРТИНЫ

Ну, еще лет до тридцати пяти, сколько мог заметить автор, люди живут сносно, трудятся на своем поприще, веселятся, тратят безрассудно то, что им отпущено природой, а после этого по большей части начинается у них бурное увядание и приближение к старости [1].

У них пропадает вкус ко многим хорошим вещам. Морда у них тускнеет. Ихние глаза с грустью взирают на многие приличные и недавно любимые вещи. Их захватывают разные удивительные и даже непонятные болезни, от которых врачи впадают в мудрое созерцательное состояние и приходят в беспокойство за беспомощность своей профессии.

Этих больных захватывают также болезни более понятные и, так сказать, общедоступные, описанные в учебниках, как, например: меланхолия, водянка, параличи, сахарная болезнь, туберкулез, и так далее, и тому подобное, и прочее.

Захворавшие, выезжают тогда поскорей со своими болезнями и чемоданами на разные курорты и побережья в поисках своей утраченной молодости. Они купаются в море, ныряют и плавают, валяются часами на самом ужасном солнцепеке, шляются по горам и пьют специальные и слабительные воды. Еще более от этого хворают и с почтением взирают на врачей, ожидая от них чудес, возвращения потерянных сил и восстановления утраченных соков.

Врачи делают больным спринцевания и прижигания, купают их в ваннах, ставят им с научной целью разные клизмы и клизмочки из соленых и минеральных вод. Или ведут с больными беседы о чисто нервных явлениях со стороны организма, убеждая при этом больного отказаться от губительных мыслей и поверить в то, что он здоров как бык и что болезненные явления у него суть нечто воображаемое, вроде как бы даже фантазия, не имеющая под собой никакой реальной почвы. Это последнее совершенно запу-

[1] Автор имеет в виду так называемую интеллигентскую прослойку, причем прослойку, имеющую прежние мелкобуржуазные привычки и традиции Автор не касается в данном случае, так сказать, восходящего класса, по той простой причине, что тут нервное здоровье в достаточной степени благополучно Однако кое-что будет сказано и о пролетарском здоровье, о здоровье тех людей, кои сейчас, по роду своих обязанностей, прикоснулись к систематическому умственному труду и нажили на этом деле неврастению.

тывает простодушного больного и примиряет его с мыслью о близкой кончине. К тому же неумолимые силы природы и нарушенное привычное равновесие по большей части мало поддаются дальнейшим ухищрениям науки и живительным свойствам водолечения. И захворавший нередко заканчивает свое земное шествие, так и не узнав окончательно, что, собственно, с ним случилось и какую роковую ошибку он совершил в своей жизни.

6. ЕЩЕ БОЛЕЕ НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ КАРТИНЫ

Тогда, думая, что эти наблюдения, как бы сказать, чисто случайные, что эти наблюдения производились над людьми, здоровье и нервные силы которых подорваны многими и различными потрясениями — войной, революцией и всем, так сказать, своеобразием нашего быта,— автор тогда, не доверяя виденному, обернулся назад и нарочно прочел биографии и описания жизней всех сколько-нибудь известных и знаменитых людей прежних эпох и столетий [1]

И нет. Еще более неутешительные картины раскрылись перед автором.

Еще более бурное увядание, еще более сложные и непостижимые болезни, еще более ужасную меланхолию, хандру, разочарование, презрение к людям (I) [2], ипохондрию и еще более раннюю смерть можно было видеть на этом, так сказать, великом интеллигентском фронте.

Большой черный список можно составить из этих рано погибших великих людей (II).

Одни умирали, едва достигнув зрелого возраста, другие едва дотягивали до сорока лет, третьи, перешагнув сорокалетний возраст, влачили тем не менее жалкое существование и все равно как бы погибали для общества.

Они бросали свою славную работу (III), они целые дни валялись на оттоманках в рваных войлочных туфлях,

---

[1] Автор предпочел бы прочесть биографии обыкновенных, не великих людей, но история, к сожалению, не имеет другого материала. Впрочем, в этом смысле наша параллель и сравнение до некоторой степени будут правильны. Люди нашей революционной эпохи иной раз тратят нервную силу не в меньшей степени, чем тратили ее так называемые великие люди.

[2] Римские цифры здесь и в дальнейшем указывают на то, что к данному тексту имеются комментарии в конце книги. Однако для удобства чтения автор советует читать повесть, не обращаясь к комментариям. При чтении же комментариев следует посмотреть, к какому именно тексту они относятся.

курили трубки, грустили, бранились с женами, плакали и ныли, писали, скуки ради и чтоб забыться, свои мемуары о своей прекрасной героической молодости или сочиняли богословские и религиозные трактаты, поскольку для этой мелкой цели не требуется вдохновения (IV) и полного бурного творческого здоровья, подъема и того физического благополучия, которое было в молодости (V).

7. ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

Но что наибольше всего удивило автора — это одна черта из жизни этих знаменитых людей, живших в прошлых веках. Это такое, что ли, примирение и покорность судьбе и даже какое-то нежелание бороться со своими болезнями.

Свои болезни они нередко считали проявлением божьей воли, или особым коварством судьбы, или своей склонностью к неудачам и после небольшого курса, главным образом водолечения, безропотно сносили то, что с ними случалось, не делая даже попыток заглянуть в глубь вещей, чтоб найти причину и понять физическое происхождение своих недомоганий.

Но можно сказать, к великому счастью, не все в этом смысле были одинаковы.

Одна категория людей отличалась особою крепостью здоровья и имела, не в пример прочим, продолжительную жизнь — это люди, склонные к раздумью и, так сказать, не идеалистическому пониманию жизни. Это главным образом всякого рода философы, ученые-натуралисты, химики, естествоиспытатели и вообще всякого рода профессора и мудрецы, кои по роду своей профессии чего-то такое соображали, чего-то такое думали о разных свойствах природы.

Одним словом, это были люди, которые не только сочиняли оды или там, скажем, сюиты и симфонии, не только рисовали красками разные «Закаты», и «Восходы», и «Опушки леса», но и добросовестно задумывались о своей жизни и о своем на редкость сложном организме, и об управлении им, и о своем отношении к окружающему.

Эти по-настоящему великие люди — чаще всего безбожники и материалисты — все почти доживали до глубокой старости и спокойно, без лишних ахов, криков и причитаний, отходили, как говорилось раньше, «в царство теней и неизвестности».

Они мало чем хворали и даже, напротив того, приближаясь к старости, отличались все большим и большим здоровьем.

Они мало суетились, не делали бестолковых вещей и мужественно шли к своей цели, не дорожа, в сущности, даже своей продолжительной жизнью.

Не без сердечного трепета автор прочел биографию Вольтера, который, несмотря на превратности судьбы и гонения со всех сторон, изволил прожить до восьмидесяти четырех лет.

Знаменитый греческий врач Гиппократ, «отец медицины», как его называли, то есть, значит, человек, целиком понимающий всю физическую суть дела, прожил до девяноста девяти лет.

А некто Демокрит, по-видимому, самый мудрый человек из всех живущих, греческий философ и родоначальник материализма [1], отхватил сто два года и помер с улыбкой, говоря, что он мог бы прожить и дольше, если б к тому стремился (VI).

8. ТАК СКАЗАТЬ, «СЕКРЕТ ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ»

Нет, зря на свете ничего не бывает.

Автор полагает и даже уверен, что эти профессора и ученые люди чего-то такое узнавали, отыскивали какой-то, может быть, секрет или, скажем, не секрет, а какую-нибудь там подходящую, единственно нужную линию поведения и, пользуясь этим, беспечно жили [2], регулируя свою жизнь и свой организм, как, скажем, рабочий или там мастер регулирует свой токарный станок.

Но этот секрет личного своего благополучия и долголетия профессора, как на грех, уносили в могилу.

Конечно, кое-что отвлеченное было сказано по этому поводу. Одни говорили на тему о равновесии тела и души. Другие туманно рассуждали о необходимости быть ближе к природе или, во всяком случае, не мешать ей и вообще ходить босиком.

Третьи советовали ничему не удивляться и не отрываться от масс, говоря, что мудрость всегда спокойна.

Некоторые, спускаясь с заоблачных высот и не говоря пышных слов о душе, велели получше следить за мелкими

---

[1] Существенные черты его учения о материализме остались почти неизменными у материалистов нашего времени.

[2] Бывая нередко даже в разладе со своей эпохой.

естественными свойствами своего тела, советуя при этом кушать простоквашу, всецело рассчитывая, что это вегетарианское блюдо дает особо продолжительную жизнь, не дозволяя микробам без толку скопляться в наших внутренностях и в пошлых закоулках организма, имеющих от природы низменное и второстепенное значение.

Однако автор в бытность свою учеником знал одного преподавателя, который много лет подряд кушал эту молочную диету и, захворав неожиданно легким гриппом, как говорится, «дал дуба», оплакиваемый своими родственниками и учениками. Причем родственники и ученики в один голос утверждали, что вот именно пристрастие к кислому молоку и подкосило больного, подорвав его силы настолько, что ослабленный организм не смог сопротивляться такой, в сущности, пустячной болезни.

9. ОТЧЕГО НЕ ПОГОВОРИТЬ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ ВЕЩАХ

Не желая даже намеком унижать или в чем-либо упрекать великих людей, автор все же хочет отметить, что ничего особенно путного и положительного, а главное, доступного и понятного всем людям не было сказано в этой области [1].

И мудрые старцы, знавшие что-то такое про себя, отходили в иной мир, так и не осчастливив своих ближних.

Нет, конечно, автор не имеет намерения сейчас сказать: вот, мол, старцы померли со своим секретом, а вот автор, молодец и сукин сын, открыл этот секрет и сию минуту осчастливит человечество своим нестерпимым открытием.

Нет. Все обстоит гораздо проще и, может быть, даже обидней. Все, что будет говорить автор, по всей вероятности и даже несомненно, известно отделу здравоохранения и медицине.

И если автор имеет намерение говорить о таких вещах своим слабым, заплетающимся языком, то отчего не поговорить в доступной форме об интересных вещах, о вещах, которые всем любопытны и всем занимательны.

---

[1] Мы в данном случае не говорим о науке, величайшие открытия которой позволяют надеяться на благополучный исход борьбы человека за молодость и долголетие.

Люди в свободное от занятий время изучают литературу, говорят о музыке, собирают марки, сушат бабочек, букашек и разных там, я извиняюсь, навозных жучков, но автор подозревает, что единственная настоящая тема после политики (что, в сущности, будет в конечном счете почти одно и то же, ибо социальное переустройство общества ведет к новым, здоровым формам жизни, а стало быть, и к новому здоровью), — так единственная тема, которая у всех почти на уме, которая всем почти близка, и понятна, и необходима, как вода, как еда и как солнце, — это наша жизнь, наша молодость, наша свежесть и наше умение распоряжаться этими драгоценными дарами.

10. ПОТЕРЯННОЕ ЗДОРОВЬЕ

Сколько мог заметить автор, здоровье, главным образом среди вышеуказанной интеллигентской прослойки, несколько ухудшилось и покачнулось.

Автор имеет подозрение, что здоровье, во всяком случае нервное здоровье, всех людей, всех категорий, всех стран и всех классов и состояний значительно снизилось за последние столетия.

В самом деле, иной раз просто с удивлением и тревогой читаешь старинные книги, где описываются похождения героев самых разнообразных классов и профессий.

Вот это были на редкость молодцы и здоровяки.

Вот это были сильные и даже могучие характеры.

Вот это были обжоры и пьяницы, какие нам и во сне не снились.

То и дело читаешь: «Он почувствовал жажду, освежился, выкушав две бутылки розового анжуйского вина, и, вскочив на лошадь, понесся галопом за своим оскорбителем...»

Ну-те, скажем, поднесите две бутылки анжуйского вина нашему человеку, нашему обитателю, проживающему в 1933 году. Он, пожалуй, после этого не только на лошадь не сядет, он, по всей вероятности, «мама» сказать не сможет. А приляжет подле своей лошадки, проспится, поскрипит и поохает и потом только, приналяв телегу, поплетется по своим делам, махнув рукой на своего оскорбителя, который, в свою очередь, увидя за собой погоню, небось уже драпанул за тридевять земель (VII).

11. БЕСПЛОДНЫЕ ПОПЫТКИ

Не будучи профессором, или там, скажем, академиком, или, например, даже аспирантом, автор, по некоторой своей наивности и некоторой доле нахальства, пытался все же разобраться, в чем состоит секрет, отысканный старцами.

И нельзя ли, поняв этот секрет, слегка приподнять завесу над неувядаемой молодостью и долголетием?

Но, естественно, ничего путного из этого не вышло.

Конечно, автор приблизительно понимал, что вся штука в каком-то плавном ходе нашей машины, нашего организма, в соответствии с плавным ходом общественной жизни, окружением и средой.

Но, с одной стороны, автор видел людей, плавно живущих и вскоре умирающих от пустяковой простуды, с другой стороны, приходилось видеть черт знает какую бурную и неравномерную жизнь в бурной и даже потрясающей эпохе, и тем не менее хозяин этой жизни жил долго, превосходно и отличался примерным здоровьем и благополучием.

Тогда автор, не сдаваясь еще, стал присматриваться к работе, так сказать, отдельных частей нашего механизма и вообще к разным мелочам и мелочишкам, кои профессора могли, чего доброго, проглядеть, в силу своего высокого служебного и общественного положения находя их, ну, скажем, слишком пошлыми, мизерными, не возвышенными или даже просто унизительными для человечества и бурного роста всей христианской культуры, основанной на идеализме и на горделивом превосходстве против других животных, зарожденных, чего доброго, не в пример человеку, от плесени, воды и прочих гнусных химических соединений.

Нет, новых открытий в этой области автор, увы, не сделал, однако увидал много чего поучительного и достойного самого истинного удивления. И вот, прежде чем приступить к нашей повести, мы желаем кой о чем рассказать, без чего ну решительно нельзя будет понять всей истории человека, возвратившего себе молодость.

Мы расскажем пять небольших, но весьма забавных историек, объясняющих основную суть дела. Эти историйки можно в крайнем случае читать с полным добродушием, как рассказы.

Первая историйка будет о том, как ведет себя человек, когда ему хорошо. Вторая историйка — о том, что делает

человек, когда ему плохо. В третьей говорится о том, что делает человек для того, чтоб ему было плохо. А два последних забавных рассказа заставляют подумать о необходимости научиться управлять собой и своим на редкость сложным телом.

Итак, прослушаем пять рассказов. А засим мы приступаем к повести, до которой, как видите, не так-то легко добраться в силу на редкость трудной темы.

12. ЧЕЛОВЕК УЛЫБАЕТСЯ

Однажды автор зашел к одной знакомой даме по делу. И там, в ее комнате, увидел улыбающегося младенца, лежащего в люльке. Это был сын этой дамы.

Этот мальчик находился в том совершенно, так сказать, бессмысленном, зачаточном периоде своей жизни, когда никакого толка, никакой, казалось бы, улыбки или свинства нельзя было от него ожидать.

Да, правда, он был сыт и здоров. Он лежал в чистых, незамоченных пеленках. Легкое шелковое одеяльце, пошитое из маминого пальто, окутывало его малюсенькое, жалкое тельце. Кружевные штучки и цветочки были нашиты там и сям. И ничего — ни блоха, ни сквозняк, ни пыль, попавшая в носик,— ничего не тревожило этот крошечный микроорганизм.

Он лежал, как было сказано выше, в люльке.

Мама его стояла у окна, напяливая на пузырек новую соску. Радость и материнское удовольствие сияло на ее утомленном лице.

Автор, зайдя по делу, остановился у дверей, с чувством поглядывая на знакомую и даже классическую картину материнства и младенчества.

Вдруг автор, взглянув на малютку, заметил на его красноватой бессмысленной мордашке чего-то вроде подобия улыбки.

Черт возьми, да, это была улыбка. Это была продолжительная и не случайная улыбка. Она не была обращена ни к матери, ни к пузырьку с новой соской, ни к чему-нибудь определенному. Улыбка была сама по себе, как реакция каких-то, может быть, химических процессов, недоступных моему пониманию.

В этой улыбке светилось какое-то торжество жизни, торжество здоровья и благополучия.

«Что это значит?» — подумал я. И даже какая-то обида

и недоброжелательное чувство шевельнулось в моей зачерствелой душе.

Что ж это значит? Чему улыбается эта маленькая дрянь? Ну, еще понятно, чему улыбается мать... Но этот маленький людоед... Мыслей у него нету. Что такое радость, дружба, любовь, деньги, наслаждение — он не понимает. Он никуда не смотрит. Он ничем не любуется. Ничего не вспоминает. Тем не менее улыбка блуждает на его детском пустяковом личике.

— Чего он у вас улыбается? — спросил автор грубоватым, раздраженным тоном.

Мать, посмотрев на дитя счастливым замирающим взглядом, сказала:

— Вполне здоровый ребенок. Чего ему не улыбаться?

Поговорив с мамой о деле, автор пошел домой, по дороге рассуждая о том, что хорошее здоровье и беспечная жизнь должны, вероятно, в самом деле сопровождаться улыбкой.

— Заметим себе это,— сказал автор, потирая руки.

13. ЧЕЛОВЕК ОГОРЧЕН

Однажды, несколько лет назад, автор видел в игорном клубе игрока, который проигрывал. Это был немолодой мужчина довольно подловатой наружности — с рыжими усишками, в пенсне и с небольшой лысинкой.

Этот игрок здорово проигрывал. Он рылся яростно по карманам, выхватывал новую пачку денег и совал ее на стол с таким видом, будто хотел сказать: «Нате... Жрите... Давите меня... Топчите... Вырывайте сердце...»

Этот человек ужасно нервничал.

Его глазки метали молнии. Руки дрожали и не слушались своего владельца. Он орал, как баба, с каким-то даже повизгиванием в голосе, когда возникало какое-нибудь недоразумение.

В своем нервном возбуждении он вертелся на стуле. По временам вскрикивал. А когда сидел, то ухитрялся своими тощими коленями приподнимать край тяжелого дубового стола.

«Что это значит? — подумал автор.— Что за странное поведение у этого рыжего субъекта? Чего его, подлеца, вертит?»

«Это значит,— сказал себе автор,— что бывают обстоятельства, при которых наш организм работает на редкость плохо. Громадная энергия, возникшая при этом, пропадает

как бы впустую. Она, вернее, тратится на черт знает что — на крики, суетню и даже, как мы видели, на поднятие столов и тяжелой мебели».

И вот, когда проигравший начал особенно визгливо орать на своего соседа, этакого молодого субъекта, видимо только что вступившего на жизненное поприще, сосед этот заявил с обидой в голосе, что он немедленно бросит игру, если этот проигравшийся психопат не станет проигрывать более корректно.

Но все люди, сидящие за столом, в один голос сказали:

— Позвольте... В чем дело?.. Помилуйте. Очень естественно. Человек проигрывается. Он нервничает. Волнуется. Нечего строить обиды и требовать невозможного.

«Эти-то дураки чего заступаются? — подумал автор.— А впрочем, вероятно, такая единодушная поддержка как раз и указывает на то, что эти крики, визг и бурные движения проигравшегося есть совершенно естественное и даже обязательное проявление организма, что так и должно быть, что это в порядке вещей и что, если бы этого не было, человек, вероятно, повредил бы себе свое внутреннее хозяйство и, быть может, помер бы от удара или от разрыва сердца» (VIII).

«Заметим себе это»,— подумал автор.

Как говорится в старинных романах: дайте руку, уважаемый читатель, мы пойдем с вами, побродим по улицам и покажем вам одну прелюбопытную сценку.

14. НЕ НАДО ИМЕТЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Однажды летом на Кавказе автор зашел в зоологический сад. Собственно, это не был даже зоологический сад, а это был небольшой передвижной зверинец, приехавший на гастроли.

Автор стоял у клетки, набитой обезьянами, и следил за ихними ужимками и игрой.

Нет, это не были заморенные ленинградские обезьянки, которые кашляют, и чихают, и жалостно на вас глядят, подперев лапкой свою мордочку.

Это были, напротив того, здоровенные, крепкие обезьяны, живущие почти под своим родным небом.

Ужасно бурные движения, прямо даже чудовищная радость жизни, страшная, потрясающая энергия и бешеное здоровье были видны в каждом движении этих обезьян.

Они ужасно бесновались, каждую секунду были в дви-

жении, каждую минуту лапали своих самок, жрали, какали, прыгали и дрались.

Это просто был ад. Это был настоящий и даже, говоря возвышенным языком, великолепный пир здоровья и жизни.

Автор любовался этой картиной и, понимая свое ничтожество, почтительно вздыхая, стоял у клетки, слегка даже пришибленный таким величием, таким великолепием жизни.

«Ну что ж,— подумал автор,— если старик Дарвин не надул и это действительно наши почтенные родичи, вернее — наши двоюродные братья, то довольно-таки грустный вывод напрашивается в этом деле».

Вот рядом с клеткой стоит человек — автор. Он медлителен в своих движениях. Кожа на его лице желтоватая, глаза усталые, без особого блеска, губы сжаты в ироническую, брезгливую улыбку. Ему скучновато. Он, изволите ли видеть, зашел в зверинец поразвлечься. Он зашел под крышу, чтобы укрыться от палящих лучей солнца. Он устал. Он опирается на палку.

А рядом в неописуемом восторге, позабыв о своей неволе, беснуются обезьяны, так сказать — кузены и кузины автора.

«Черт возьми,— подумал автор,— прямо даже великолепное здоровье в таком случае я соизволил порастрясти за годы своей жизни, за годы работы головой».

Но не в этом суть.

Один посетитель зверинца, какой-то, по-видимому, перс, долго и любовно следивший за обезьянами, схватив без слов мою палку, ударил ею одну из обезьян по морде, не очень, правда, сильно, но чрезвычайно обидно и коварно, хотя бы с точки зрения остального человечества.

Обезьяна ужасно завизжала, начала кидаться, царапаться и грызть железные прутья. Ее злоба была столь же велика, как и ее могучее здоровье.

А какая-то сострадательная дама, сожалея о случившемся, подала пострадавшей обезьянке ветку винограда.

Тотчас обезьянка мирно заулыбалась, начала торопливо жрать виноград, запихивая его за обе щеки. Довольство и счастье светились на ее мордочке. Обезьяна, позабыв обиду и боль, позволила даже коварному персу погладить себя по лапке.

«Ну-те,— подумал автор,— ударьте меня палкой по морде. Навряд ли я так скоро отойду. Пожалуй, виноград я сразу кушать не стану. Да и спать, пожалуй, не лягу.

А буду на кровати ворочаться до утра, вспоминая оскорбление действием. А утром небось встану серый, ужасный, больной и постаревший — такой, которого как раз надо поскорей омолаживать при помощи тех же обезьян».

Нет, автор рассказал эту маленькую историйку вовсе не в христианском смысле и не с проповедью христианской морали — дескать, отойди от зла и, дескать, если тебя ударили по морде, то подставь еще что-нибудь подобное для удара.

Нет, автор презирает такую философию. Автор рассказал эту историйку всего лишь для того, чтобы показать, как работает здоровый мозг, не искушенный культурой, привычками и предрассудками (IX).

15. ХУДОЖНИК ХВОРАЕТ ТРИ ДНЯ

Но и это еще не все. И на этом еще не закончены наши рассуждения.

Автор желает рассказать еще две историйки, которые осветят дело с неожиданной стороны.

Автор хочет рассказать прежде про одного художника, который икал три дня.

Это было несколько лет назад, и автор в свое время чего-то такое писал про этот случай.

Но грандиозность этой картины и неожиданные выводы заставляют автора еще раз коснуться этого исключительного обстоятельства.

Художник начал икать ночью. В точности неизвестно, с чего именно началась у него икота. Он утверждал, будто он босиком дошел до этажерки и взял почитать на сон грядущий книгу стихов Сельвинского. В общем, неизвестно.

Одним словом, он проснулся ночью от икоты. Он полежал некоторое время на спине, не обращая внимания на это смешное, в сущности, и вздорное человеческое свойство.

Однако икота не проходила.

Художник выпил водички, походил по комнате, покурил и, не слишком беспокоясь, завернулся в одеяло, надеясь заснуть.

Однако сон не приходил, и икота не исчезала.

Поикав полчаса, художник в некотором страхе разбудил свою супругу и, бессвязно лепеча, начал объяснять ей, что с ним происходит.

Супруга, не найдя в этом факте ничего особенного и тем более такого, благодаря чему можно тревожить и стаскивать людей с кровати, побранившись, снова заснула, назвав мужа, перед тем как заснуть, тяжелым эгоистом, психопатом и нравственным уродом.

В общем, утро застало нашего художника сидящим на кровати. Он сидел, совершенно ошеломленный и потрясенный своей болезнью.

Он икал правильно, как какая-то неведомая машина, через каждые полминуты.

Он с грустью и со страхом поглядывал на собравшихся к нему родственников, которые были не менее его напуганы и шокированы такой странной болезнью.

Он икал три дня, с короткими промежутками на сон.

На второй день болезни родственники пригласили врача, который дал успокоительных капель и велел чем-нибудь поразвлечь больного, отвлечь его внимание от случайной болезни.

Родственники, во главе с плачущей женой, повели захворавшего в кино и потом в ресторан. Однако больной икал по-прежнему, вздрагивая всем телом, и совершенно безучастно относился и к зрелищу, и к еде, которая в изобилии была подана на стол. Он прекратил было икать, увидев поданный счет, но, проверив его и расплатившись, снова принялся за свое.

На третий день к вечеру икота прошла сама по себе. Вернее, вспылив и побранившись с женой, больной отвлекся от своей болезни и, неожиданно перестав икать, заснул, как камень, в своем кресле (X).

16. У КОРМЯЩЕЙ МАТЕРИ СКОНЧАЛСЯ РЕБЕНОК

Да, правда, художник этот был нездоровый человек. Он был неврастенический субъект с истощенным, ослабленным мозгом и с расстроенным воображением.

Но вот автор знал одну молодую, цветущую женщину. У нее помер двухмесячный ребенок.

Нет, мать не особенно страдала от этого дела. Да, конечно, она поплакала, погоревала, но успокоилась, сказав себе, что, может, это и к лучшему.

Но не в этом суть.

Так вот, молодая, кормящая грудью мать теряет своего младенца. Он умирает у нее скоропостижно. Он простудился и вдобавок, кажется, еще проглотил какой-то металлический ключик.

И вот тут происходит такая любопытная история.

Дня через три после гибели малыша молодая осиротевшая мать замечает, что грудь ее все больше и больше набухает. Появляются боли, лихорадочное состояние, общее недомогание. И температура тридцать семь и семь.

Сильная боль в груди заставляет тогда молодую даму отцедить немного молока. Она отцедила молоко раз и два. Потом стала отцеживать ежедневно. Причем видит, что количество молока не только не уменьшается, а, напротив того, даже как бы увеличивается все больше и больше. И вот она стала отцеживать почти по стакану в день, а после и больше.

Сначала это молоко выбрасывалось. Потом крайне рассудительный и бережливый супруг этой женщины, огорченный бессмысленной тратой столь драгоценной и полезной влаги, стал выпивать его.

Он выпивал это дамское молоко, давясь от отвращения и гадливости.

Первое время его мутило и даже рвало. Но он пускался на всякие хитрости, чтобы перебить природное отвращение. Он посыпал свой язык солью и перцем и зажимал нос пальцами, когда подносил стакан к своему рту.

И, выпив молоко, он как сумасшедший прыгал по комнате, отплевываясь и ругаясь, крича, что у козы и то молоко значительно вкусней и полезней для организма.

Но потом он привык к этому молоку, вошел во вкус и не прибегал к острым специям. И пил попросту и без затей, съедая при этом кусок хлеба, булку или пряник.

Так проходят две недели.

Муж, конечно, пьет молоко, поправляется и даже посмеивается над своей супругой, говоря, что она, по-видимому, темными силами природы превратилась в особый вид коровы и что, вероятно, это будет продолжаться еще не менее года, поскольку природа не очень-то входит в рассуждения и не запрашивает родителей, нужно ли им молоко или, может быть, прекратить его доставку.

И вот идет третья неделя.

Молодая женщина ежедневно отцеживает молоко, и муж, возвращаясь со службы, выпивает его, капризничая иной раз и фигуряя и делая грубые замечания по поводу того, что молоко как будто жидковатое и количество его несколько меньше, чем обычно это дают обыкновенные козы и коровы.

Наконец, огорченная насмешками и замечаниями, молодая дама приглашает в отсутствие мужа врача и, сты-

дясь, просит его как-нибудь медицинским способом прекратить ненужный поток.

Врач, осмотрев больную, удивляется ее неопытности и туго перевязывает ее грудь бинтом, говоря, что тем самым он механически закрывает доступ и прекращает заготовку молочной продукции, перебивая инерцию, которой сейчас не требуется.

Так проходит несколько дней. Молодая дама, перенесши легкую лихорадку, перестает давать молоко, к глубокому огорчению мужа, который за последние дни прямо даже пристрастился к бесплатному напитку и заметно округлился в теле. И в силу этого он возненавидел врача, пообещав при случае набить ему морду и спустить с лестницы.

Но потом он утешился, увидев, что супруга его стала заметно меньше кушать.

Тут, похвалив природу за коммерческую справедливость и отсутствие грубого надувательства в области обмена веществ, муж перестал пилить жену и к врачу, который зашел понаведаться, отнесся с полным уважением и почтительным доверием.

Эту историю мы рассказали неспроста. Этим автор хотел еще раз сказать, что не только при слабом мозге, но и при полном здоровье надо уметь управлять своим организмом и надо уметь вовремя перебивать инерцию, так как мозг сам по себе не всегда интересуется, нужна ли та работа, которой он заведует.

17. АВТОР ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛ СВОЮ МОЛОДОСТЬ

На этом заканчиваются наши научные объяснения.

Все, что видел автор, и все, что он рассказал сейчас,— все эти отдельные сценки и эпизоды, все эти мелочи, достойные скорей врача, чем писателя, не объясняют в достаточной мере того, чего нам хотелось.

Автор присматривается к этим мелочам, надеясь из всего этого чего-то сделать, чего-то установить, определить, вывести один какой-то закон поведения, одно правило, по которому следует вести свою жизнь.

Но практически из этого ничего не выходило. Все рассыпалось в руках автора. Каждое обстоятельство было правильно и справедливо само по себе, но вместе ничего не

выходило, и секрет неувядаемой молодости и свежести терялся в неизвестности.

Автор хотел все это отложить и обо всем этом подумать под конец своей жизни, так сказать — умудренный опытом.

Но года два назад произошла одна встреча, благодаря которой многое стало ясным и доступным пониманию.

Автор встретил одного человека, который до некоторой степени открыл секрет своей молодости. Нет, это не был, вероятно, тот секрет, которым владели великие люди. Но все же это был секрет, благодаря которому человек после целого ряда неудач и даже катастроф возвратил свою утраченную молодость.

Этому человеку было пятьдесят три года. Он уже как будто примирился со своей судьбой. Уже вялые его движения, уже седые волосы, уже потухшие глаза — все говорило за то, что песенка его спета.

И, понимая это, человек как бы покорился и безропотно подставил себя под последние удары жизни.

Он вяло и медленно ходил, с тупым безразличием неся свое выпуклое брюхо и свою поникшую голову. Он бормотал что-то про себя, покачивая своей вялой головой. И, казалось, ничто более не оживит этого дряхлеющего тела.

И только по временам, скорей механически, чем с чувством, сожалея о своей потерянной молодости и о безвозвратно прошедших днях юности, он хватался за голову, не понимая и не умея понять, с чего ему начать, чтоб задержать свою жизнь, и стоит ли ему начинать или начинание это ни к чему не приведет.

Дайте руку, уважаемый читатель,— мы поедем с вами в Детское Село и посмотрим, что сделал этот человек, для того чтобы вдохнуть жизнь в свое разрушенное тело и вернуть свою молодость.

18. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Этому человеку было пятьдесят три года. Он был ученый человек, получивший высшее образование и имеющий разные дипломы и заграничные командировки.

Он имел довольно редкую у нас в Союзе профессию — он был астрономом.

О нем будет в дальнейшем большая речь, о нем автор расскажет подробно и обстоятельно. А пока мы желаем

рассказать вообще, об общем положении и о том, как и при каких обстоятельствах мы встретили этого человека.

В августе 1931 года автор на время поселился в Детском Селе.

Утомленный бессонницей, ежедневной работой и разными личными делами, автор на время скрылся из Ленинграда и случайно, по знакомству, получил небольшую комнату во временное пользование. Эта комната была как раз в квартире этого человека, вернее — во втором этаже небольшого домика, который был в аренде у этого ученого профессора.

Автор не хотел близко знакомиться с ним, и не искал этого знакомства, и даже избегал его, но близкое соседство невольно делало автора свидетелем и наблюдателем того, что происходило в этом доме.

Первое время автор даже не наблюдал, даже не присматривался ни к чему, даже избегал разговоров и встреч. И только иной раз прислушивался к заунывной музыке, которая доносилась к нему снизу.

Этот человек имел привычку ежедневно играть на рояле. Он играл почти каждый вечер час или два.

И первое время это обстоятельство сердило и раздражало автора. Этот человек, как нарочно, выбирал самые грустные, самые печальные мелодии, чем приводил автора иной раз в полное исступление.

Он играл грустные романсы Чайковского и разные там прелюдии и этюды Шопена — музыканта, который от чахотки и меланхолии умер в тридцатидевятилетнем возрасте.

И автор, лежа на своей кровати, невольно прислушивался к этим печальным звукам и видел в них грустную старость, увядание, желание умереть и то необычайное примирение с судьбой, от которого автор бежал и чему автор хотел сопротивляться.

И, слушая эти мелодии, автор, вероятно, в сотый раз думал о печальных днях старости и увядания и о смерти, которая, может, уже стоит за плечами этого игравшего на рояле человека.

Нет, смерть никогда не страшила автора. Но вот увядание, дряхлость. Раздраженные нервы. Тусклый взгляд. И печальная морда. И набрякшее брюхо. И утомленные мускулы. Вот что приводило автора в страшное беспокойство, и вселяло тревогу, и заставляло думать об этом день и ночь.

19. ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ

И, думая об этом, пытаясь понять, в чем же дело, желая узнать, какую ошибку совершают люди, что уже в тридцать пять лет к ним приходит увядание, автор бегал по комнате и закрывал свои уши руками, чтоб не слышать больше заунывной музыки, звавшей к покорности, безропотности и тому отчаянию, которым был полон и этот стареющий профессор, и тот музыкант, сочинивший уже мертвыми руками эту торжественную музыку своей близкой гибели.

Профессор играл, по временам делая паузы, как бы думая и оплакивая свою судьбу.

Да, в самом деле. Как не хочется умирать. И как желательно задержать свое увядание.

Какие прелестные вещи происходят на свете. Какие милые вещи творятся на каждом шагу. Как весело и интересно работать. Какие акварельные картинки отдыха рисуются автору в его утомленном мозгу.

Вот пастух гонит стадо. Щелкает бичом. Солнце садится за лесом. Огород. Пугало машет руками. Птицы летают.

Яблони стоят в белом цвету. Река течет. Скамейка под деревом. Мельница машет крыльями.

Как! И на все это глядеть потухшим взором? Во всем видеть надоевшие, скучные и досадные картинки? Вот она, старость. Вот увядание. Вот презренные годы, которые костлявой рукой берут за горло.

Девушка, повизгивая, купается в пруде. Ее подружка, утомленная, лежит на траве, и платье прелестными складками покрывает ее юное тело.

Вот ворона клюет мусор. Бабочка летит. Крестьяне на телегах едут в поле. Гармоника раздается.

Нет, немыслимо, невозможно писать о таких вещах. Немыслимо даже на минуту представить все это в скучном виде, в досадном освещении.

Все прекрасно и даже величественно на свете. Все замечательно нравится. И все должно нравиться до последних дней, до самого последнего дыхания, до последнего туманного взора.

Как же это сделать? Как достигнуть этого, как сохранить свою юную свежесть и впечатления до конца дней?

Нет, автор не стремится жить до ста лет. Но он до ста лет желает сохранить свою юность и свою молодость.

Автор не знает, о чем думал этот стареющий человек,

играя на пианино. Автор предполагал, что он думал об этих вещах — о своей неприглядной старости, о своем утомлении и о своем желании задержать это страшное разложение и распад.

20. ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ ВОЛОСАТОВ

Итак, этот стареющий господин, этот ученый педагог и астроном жил в Детском Селе, в местах довольно поэтических, красивых и даже восхитительных, вблизи бывшего царского парка.

Он жил в небольшом домике с прелестным видом на фонтан и на разные клумбы, дорожки и деревья. Гуляющая публика, проходя мимо, восторгалась исключительной красотой мест, но сам профессор, попривыкнув, не обращал внимания на эту красоту и несколько даже удивлялся, когда ему об этом говорили.

Он жил здесь совместно со своей семьей, которая состояла из стареющей супруги, двух взрослых детей и домработницы.

Он ездил читать лекции в Ленинград. И каждое утро, вставая, проклинал эту обязанность, бормоча ругательства и выражая свое недовольство.

И, видимо, страдая душой и болея телом, он кряхтел, пыхтел, вздыхал и охал, напяливая на ноги башмаки. И, шаркая ими, шел мыться и оправляться, на ходу говоря домработнице: «Соня, дайте же мне чаю. Я скоро ухожу».

И каждое утро было в точности похоже одно на другое.

Да, это было скучное пробуждение, скучное утро скучной и унылой жизни человека, который не ожидает уже больше от дальнейшего никаких сюрпризов, никаких неожиданностей и ничего хорошего.

Мы не хотим, конечно, назвать настоящую его фамилию, да и не можем, так сказать, обнародовать и выставить на всеобщее любопытство его подлинное имя. Мы назовем его Василий Петрович. И придадим ему фамилию, ну хотя бы — Волосатов.

Конечно, можно бы потрудиться и придумать фамилию более красивую или более оригинальную, а не брать столь случайное, ничего не обозначающее наименование. Однако можно привыкнуть и к этой фамилии.

Такая, скажем, блестящая и сияющая, как фейерверк, фамилия Пушкин мало обозначает чего хорошего, если от нее немного отвлечься и если отойти от привычки к ней. Это

будет средняя фамильица из батальной жизни, вроде — Ядров, Пулев или Пушкарев.

А между тем эта фамилия благодаря великим делам засияла, как фейерверк, как комета на небе и как солнце в мировом пространстве.

А такая благозвучная фамилия, как Долгоруков, если опять-таки отвлечься от привычки и чуть сместить обозначения, получится просто дрянная, не дающая радости своему владельцу — Длиннорукий.

Нет, нам сдается, эта фамилия Волосатов — фамилия правильная и подходящая.

А если кому-нибудь она все же покажется смешной и если кто-нибудь увидит в этом склонность автора выставлять все, так сказать, святое в пошлом, комичном и мизерном виде, то на всякий случай вот вам еще фамилии и имена.

Отличное, мощное и красивое имя римского императора — Калигула — обозначает всего-навсего «солдатский сапог». Имя другого римского императора — Тиберия — означает «пьяница». Клавдий — «разгоряченный вином». Дивное, поэтическое наименование — Заратустра, рисующее нам нечто возвышенное, поднебесное, обозначает, увы, в переводе с арабского «старый верблюд». Мечта поэтов и желание многих дам называться хоть сколько-нибудь похожей фамилией — Боттичелли — в переводе на наш скромный язык означает всего лишь маленькую бутылочку или посудину. И, стало быть, сама фамилия будет по-нашему — Бутылочкин или Посудинкин. Эдип — «опухшие ноги».

Знаменитый художник Тинторетто — значит «маляр», «красильщик». Замечательный писатель Вассерман — Водянкин или там Водовозов. И даже фамилия политического деятеля Пуанкаре означает примерно — Кулаков («квадратный кулак»).

Учительница французского языка, когда автор учился в школе, имела прелестную фамилию Матино, что чрезвычайно шло к ее задорному французскому личику. Однако если эту фамилию, так сказать, перепереть на язык родных осин, то это будет просто нечто даже недостойное — дворовая собачонка. Или, значит, по-нашему,— Дворняжкина. То-то здорово! То-то огорчение для любителей заграничной красоты и эстетики!

Нет, мы решительно не нарушаем мирового порядка, придавая нашему герою скромную фамилию Волосатов, что по-французски будет, если хотите, мосье Шве. А по-не-

мецки — господин Харман. А по-итальянски, может, черт его знает,— Беатрисини, или, скажем, Солио, или Дидини. Я не знаю.

Одним словом, Василий Петрович Волосатов жил в Детском Селе вместе со своей семьей.

Жена Екатерина Сергеевна, пятидесяти лет, сын Николаша, девятнадцати лет, и, наконец, дочка, взрослая девица, научный работник и литературовед, Лидия, или, проще, Лида,— вот какова была семья у нашего стареющего профессора.

Его, между прочим, называли в семье не Вася, и не папа, и не Василий Петрович, его называли очень странно и даже несколько необычно, его называли — Василек.

— Вот и Василек приехал,— говорила Лида, увидев папу.

— Василек, иди обедать,— звала супруга.

И даже домработница, правда, конфузясь, называла его за глаза Васильком, хихикая при этом и покачивая головой,— дескать, выдумали, черти, бесятся от излишнего жиру.

Это миленькое и радостное наименование чрезвычайно не подходило к стареющему, обрюзгшему человеку, потерявшему сияние молодости и свежести.

Автор не знает, как возникло это имя. Быть может, сердобольная мама, нежно целуя и лаская миленького ребенка, ужаснулась вдруг простоте имени и стала называть его этим забавным уменьшительным аллегорическим словом.

Но скорей всего, хочется думать, так назвала его собственная супруга в счастливые годы молодости и юности. Быть может, они только что поженились. Быть может, они сидели на балконе и глядели на море и на закат солнца.

Чудный воздух струится. Темнеющее небо без одного облачка. Прибой моря. Парус где-то далеко.

Ах, автору живо представляется эта счастливая картина!

Они сидят на балконе и любуются красотой природы. Ему двадцать три года, ей двадцать.

Он крепкой загоревшей рукой обнимает ее тонкий стан. Она, склонившись головкой, полулежит на его плече.

Ей чудно и хорошо. Жизнь кажется волшебной сказкой. Рядом сидящий муж — древним героем, ведущим ее к неслыханным идеалам и к удивительной жизни. Помимо заката, ей, быть может, добавочно рисуются какие-нибудь

там цветки, мотыльки, жучки, какое-нибудь там поле, даль, васильки, тюльпаны и белые лилии.

Она томно закрывает глаза. Муж бормочет ей нежные слова, называя ее Катюшечкой и мамулечкой. Вдруг, капризно надув губки, она восклицает, поглядев на мужа:

— Как глупо, что тебя назвали — Вася. Это прозаично. Вася, Васюк, Василий... Так было бы хорошо, если б у тебя было имя Митя или там Петя. А то — Вася. Пропадает вся иллюзия, и не хочется даже глядеть на закат.

Ах, он конфузится, лепечет то и се, улыбается, говорит: вздор, дескать, ну как же, помилуй... Ну что ты, ей-богу... Ну почему же... Вот были же великие люди... Тоже среди них были Василии... Но тут, кроме Василия Блаженного и дяди Пушкина, Василия Львовича, он никого не припоминает и, сконфузившись, смолкает.

Тут она, несколько оживившись, вспоминает, что да, действительно, вот и с маминой стороны был дядя Василий, и он тоже жил довольно хорошо.

И после небольшой паузы, поглядев на заходящее светило и на роскошную южную растительность, она задумчиво говорит:

— Знаешь что, тогда я, пожалуй, буду называть тебя Васильком, а? Вот имя, которое к тебе подходит.

Он глупо смеется, обнимает ее и целует. Он похлопывает ее по розовой щечке, треплет ей волосы, дует ей в розовое ушко и говорит: «Ах ты моя крошечка. Ах ты моя умница». И, не доглядев заката, ведет ее в комнату, говоря, что, какие бы у них ни были имена, они все же самые счастливые люди на земном шаре.

Тут она падает ему на грудь и, всхлипывая от восторга, целует его лицо солеными от слез губами, бормоча: «Васюта, Василек, Василечек». И он говорит: «Ну ладно. Чего там... Пойдем сюда...» И, задыхаясь от радости, кричит: «Катя! Катюша! Екатерина!..»

Ах, только приближаясь к сорока годам, можно оценить всю радость этих юных лет за те, быть может, глуповатые и смешные минуты, когда они ничуть не кажутся смешными.

Так вот, Василий Петрович Волосатов назывался в семье по сложившейся привычке Васильком.

А сам он был старый, увядший, больной, раздраженный и почти погибший.

И, казалось, только в насмешку можно было дать ему это сияющее имя.

21. ЕГО НАРУЖНОСТЬ И НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА

Итак, он был старый, больной и утомленный. Гримаса неудовольствия как бы застыла на его лице. Глаза стали пустые и равнодушные. Щеки висели складками. Шея покрылась морщинами. Седые усы поникли книзу. Кожа потеряла блеск жизни. И он ходил медленно, вяло передвигая ногами, выпятив живот и распустив губы, как это делают беременные женщины.

Короче говоря, это был среднего роста пузатый усач с лицом бледным и равнодушным, достойным жалости и медицинских советов.

А между прочим, в комнате на стене висели две фотографии, на которых его запечатлели в момент сияющей молодости.

Как странно и любопытно глядеть. Какая удивительная разница. Какая страшная перемена.

Вот он снят как будто бы за границей. Стоит около киоска с цветами. Голова слегка закинута назад. Сам тонкий, как тростинка. Черный плащ небрежно брошен на руку. Соломенная панама с пестрой лентой. Усики топорщатся кверху. Легкая самоуверенная улыбка играет на его лице. И кажется, что ему море по колено, все трын-трава и жизнь перед ним в изобилии рассыпает блага и радости.

А вот еще фотография.

Вот он снят со своей молодой невестой. Черный фрак. Стоячий воротничок. Маргаритка в петлице. Молоденькая невеста, прелестная, как куколка, завернута в разные немыслимые кисейные штучки и воланы. Глазки у ней вытаращены. Ротик полураскрыт. Нежная ее лапка покоится в его мужественной, загрубелой руке... И сама молодая невеста припала головой к его плечу, как бы ища защиты от предстоящих бед, несчастий и битв жизни.

А он и тут немножко наглый, самоуверенный, с победоносным взглядом — мол, ничего... обойдется... как-нибудь проживем... чего там расстраиваться и раскисать... было бы здоровье и молодость.

Ах, как, вероятно, нехорошо владельцу фотографии глядеть на свою пропавшую молодость! Как небось замирает сердце и как многое, вероятно, хочется отдать, чтоб хоть на короткое время вернуть потерянное.

Короче говоря, у этого человека прошла молодость, миленькая невеста с вытаращенными глазками превратилась в черт знает что — в даму в пенсне с синеватыми

губами. Весь восторг молодости сменился равнодушием и по временам желанием поскорей закончить неудачную игру.

Вот каков был профессор в тот год, о котором идет речь.

Что касается его нравственных качеств, то тут, к чести его надо сказать, он был на большой высоте.

Он был из тех хороших людей, которые проживали до революции в нашей стране, страдая и огорчаясь, видя безобразие строя, страшную несправедливость и вопиющее неравенство.

Он был в душе горячим и пламенным революционером, пока не пришла революция. И он мечтал о равенстве и братстве, пока не наступило социальное переустройство.

Этот профессор и звездочет был мечтатель и фантазер, не любящий грубых объятий жизни и ее пошлой действительности.

Тем не менее он был хороший человек — отзывчивый и справедливый, вечно за что-нибудь страдающий, полный беспокойства, тревоги и ожиданий.

Он расстраивал свое сердце по малейшим пустякам. Он волновался, если где-нибудь плакал ребенок. Он ходил по саду, стараясь не раздавить лягушку или даже червяка. Он тревожился, если дочь Лида опоздала со службы и не вернулась с ее обычным поездом. Он тогда с беспокойством ходил по саду, вздыхал, заламывал руки, считал до тысячи и, не дождавшись, плелся на вокзал, желая уторопить события или услышать, что никакой катастрофы не было в этот день.

И, встретив дочку, он хватал ее за руку, бормоча и смеясь, говоря: «Ну, боже мой, как же так можно пугать отца, ведь он думал, невесть что случилось».

После чего он снова впадал в равнодушие и, сонный, плелся за дочкой, брюзжа что-то себе под нос.

Что же касается его ума, то он был, вероятно, умный человек, иначе, надо полагать, он не сумел бы возвратить свою потерянную молодость.

Впрочем, об уме говорить трудно. Понятие это весьма запутанное и неопределенное.

Еще в молодые годы автор отлично умел разбираться, кто умен, а кто глуп. А сейчас автор не решается давать свои оценки и определения. Честно говоря, автор слегка запутался в этих определениях.

Иная пустенькая девица, щебечущая о природных свойствах жизни, кажется автору мудрейшей особой. И жу-

чок, при виде врага притворившийся мертвым, вызывает у автора чувство удивления и восторга.

А староватый философ, рассуждающий о разных психологических тонкостях и вывертах, кажется иной раз набитым дураком, болваном, фразером и пустомелей, не видящим дальше своего носа.

Автор, между прочим, знал одну собаку, от которой все были в крайнем восторге. Владелица этой собаки, какая-то бывшая дама-патронесса, невероятными красками описывала умственные свойства своего четвероногого друга.

— Только что она не говорит,— рассуждала дама со слезами на глазах.— А так во всем остальном собака ни в чем решительно не уступает мне самой.

И действительно, собака была из тех смышленых псов, которые чего-то такое понимают.

Этому псу клали на морду, на кончик носа, хлебный шарик — и пес не трогал, покуда не получал разрешения.

Собаку научили таскать корзину и даже полоскать белье. Ухватив зубами какие-нибудь панталоны, она полоскала это в пруде, ворочая мордой то туда, то сюда.

Собака приносила спички из кухни и туфли из-под кровати.

А однажды, когда проехал автомобиль по шоссе, собака с лаем бросилась из сада и с рычанием пыталась схватить зубами резиновую шину.

«Стало быть,— подумал автор,— псина-то ведь ни черта не смыслит. Стало быть, она не только не понимает, что это есть нечто неживое, машина, автомобиль, который нельзя укусить, а стало быть, она вообще ничего не понимает. Мрак и невероятная путаница царят в этом собачьем мозгу...»

Нет, автор с осторожностью говорит, что есть ум и что есть глупость (XI).

22. ЕГО СЕМЬЯ, РОДСТВЕННИКИ И ВООБЩЕ ЗНАКОМЫЕ

Теперь представим по порядку родных и знакомых нашего профессора.

Вот прежде всего и, так сказать, первым номером нашей программы идет его мадам, его супруга и подруга его жизни, с которой он, себе на удивление, прожил двадцать пять лет.

Это была небольшого роста высохшая дама в пенсне,

незаметная в смысле наружности, а также в смысле душевных качеств.

Она в своем доме как бы даже не существовала. И только время от времени проявляла признаки жизни — бранясь с кем-нибудь из соседей, с домработницей или с дворником. При этом она поднимала рев и визг, крича мужу, что ее оскорбляют и он, мужчина, должен за нее заступиться. На что профессор в молодые годы говорил: «А ты отойди, не обращай внимания». А в старости говорил: «А уйди ты, матушка, знаешь ли куда...»

Не привыкшая работать и тем более служить, она прожила двадцать пять лет за спиной мужа, и у ней было только и делов, что распорядиться насчет обеда или сшить себе новый капот.

За двадцать пять лет она едва-едва родила пару детей да сделала один аборт. Вот и все, что она сделала в своей жизни.

А остальное время она ничего не делала. Впрочем, в молодые годы она бурно ревновала своего мужа к каждой даме, закатывая сцены, истерики и драмы. А к сорока годам весь ужасающий остаток своего времени она посвятила гаданию на картах и пасьянсам, которыми она занималась до глубокой ночи.

Она имела в этом даже некоторую сумасшедшую страсть. И гадала, и раскладывала карты решительно на все и даже на самые пустые, вздорные вещи — ну, вроде того, что скоро ли подадут обед, пойдет ли сегодня дождь, вернется ли когда-нибудь свободная торговля и получит ли муж деньги. Ну, и так далее, и тому подобное, и прочее — вообще чушь и дребедень.

И, прожив с ученым мужем двадцать пять лет, она так ничему и не научилась и ничего не поняла, хотя иной раз и любила вставлять в разговоре какое-нибудь астрономическое понятие — там, Сатурн, Уран, Млечный Путь, протуберанцы и так далее. И даже, правда изредка, затевала и разговор на сложные темы, отчего профессор махал рукой и уходил в свою комнату, где закрывался на крючок и не выходил иной раз до другого дня.

Тем не менее у ней были славные дети. Особенно на редкость симпатичная была старшая девочка Лида, которой в настоящие дни было двадцать три года. Она окончила университет и с самых молодых лет всецело стояла на платформе советской власти. И в этом смысле пикировалась со своим отцом, упрекая его в реакционности взглядов и отсталости.

Нет, она не отличалась красотой и женской прелестью. Она была несколько неуклюжа, с мужскими движениями и угловатыми манерами. И мужчины не посматривали на нее туманными глазами.

В силу чего она все помыслы своей жизни посвятила работе и общественным нагрузкам. Она была активисткой, ударницей и энтузиасткой.

Второй ребенок — девятнадцатилетний мальчик Коля — был болезненный юноша, проводивший большую часть своих дней в больницах, санаториях и домах отдыха. О нем не будем говорить. Ему, увы, надлежало вскоре умереть.

Вот какова была семья у профессора.

Что касается его родственников, то родственников было немного — брат профессора, известный врач-гинеколог, работающий на крупном строительстве, да две-три племянницы, о которых в силу экономии бумаги говорить, конечно, не приходится.

Что же касается его знакомых, то знакомых профессор порастерял за годы революции. А переехав из Ленинграда в Детское Село, профессор и вовсе остался без знакомых, не стараясь, впрочем, завязывать новые знакомства или отыскивать прежние.

На службе профессор близких отношений ни с кем не имел и, кончив дело, уходил, торопясь поспеть на поезд.

Вот примерно какое окружение было у профессора. Одним словом, у него не было ни близких, ни друзей, ни приятелей. У него не было даже какой-нибудь паршивой собаки или овцы, с которой он мог бы пойти погулять.

У них была кошка. Пустое и вздорное животное. Ничтожная тварь, которую профессор весьма не любил и при случае всегда ее сгонял с места газетой, книгой или даже локтем, где бы эта тупая тварь ни расположилась.

Да, он был, в сущности, очень одинокий человек. И это было тем более странно, что он сумел вернуть свою молодость.

23. ЕГО СОСЕДИ

Ах да, мы позабыли сказать о его соседях.

Вот случайное знакомство, сыгравшее значительную роль в его жизни.

Итак, стало быть, вот еще несколько описаний и характеристик, после чего мы приступаем к главным событиям.

Одним словом: уже видны, так сказать, берега нашей занимательной повести. И автор просит читателя умерить досаду на него за его склонность к отвлеченным беседам и рассуждениям.

Итак, о соседях.

Эти соседи носили фамилию Каретниковы. И принадлежали к канцелярскому миру.

Сам товарищ Каретников был бухгалтер. А его супруга служила в «Электротоке». Этот бухгалтер был еще нестарый человек, лет сорока восьми, потерявший совесть на своей профессии. Это был весьма молчаливый субъект с песьяком на глазу. И к тому же, говорят, полный импотент, неврастеник и психопат, думающий только о своей болезни и недомоганиях.

Его супруга была дама, так сказать, совершенно в обратном смысле. Это была пышная особа, цветущая и здоровая, любящая нравиться мужчинам, пустившаяся во все тяжкие на склоне лет.

Любовник у нее был некто такой Кашкин, без стеснения носивший свою весьма неважнецкую фамилию.

Это была мрачная личность. Такой плешивый, но с усами. Арап и прохвост. Беззастенчивый жулик. Такая веснушчатая кожа. Широкий нос. И короткие руки с кривыми пальцами. Он служил на коннозаводе не то кем-то, не то чем-то, не то черт его разберет кем — каким-то, кажется, объездчиком.

Во всяком случае, он ходил на раскоряченных ногах, усы носил стоячие, и пес его знает, чего он там делал, на этой службе.

Этот мерзавец, любивший поговорить о том о сем, был откровенный негодяй. Он открыто высказывал свои политические взгляды и воззрения и в своем цинизме превосходил все, до сих пор живущее на земле.

Он говорил, что он прежде всего хочет жить. А все остальное существует для него постольку-поскольку и отчасти как нечто мешающее его жизни. На все остальное ему решительно наплевать. Ему наплевать на мировые проблемы, течения и учения. Что касается взглядов, то он, знаете, не вождь и не член правительства, и, стало быть, он не намерен забивать свою голову лишними взглядами. И заместо этого он лучше подумает о личных делах и удовольствиях и о собственном строительстве жизни. И вообще, он, между прочим, признает каждое правительство, которое стоит у власти, и каждое правительство он согласен горячо приветствовать.

Эту свою гнусную идеологию он прикрывал исторической необходимостью, говоря, что случайно ничего не бывает и если кто у власти, тому, стало быть, и предназначено историей стоять у власти и заворачивать делами.

Вообще, он жил, не слишком задумываясь, беспечно и жизнерадостно, отличаясь крайним здоровьем и умением распоряжаться людьми. В этот же дом он приходил как в свой собственный, обжирая хозяев и командуя всем их бытом.

Затем шла единственная дочка Туля. Такая красивая, миловидная барышня с дивными ресницами и тоненькими бровями.

Этой последней было девятнадцать лет.

Воспитанная в самые тяжелые годы гражданской войны, когда люди кушали овес, картофельную шелуху и турнепс, она тем не менее выросла краснощекой, цветущей и круглолицей, как будто вскормленная мягкими булками, пирожными и ананасами.

Ее прелесть и красота сослужили ей, впрочем, плохую службу. Было слишком много соблазнов и выбора. И к девятнадцати годам она уже успела переменить пять мужей и сделать семь или восемь абортов.

И в настоящее время она вновь проживала на девичьем положении у своих родителей.

Это была, в сущности, пустенькая барышня, с головой, всецело набитой крепдешином, тюлем, отрезами шелка, комбине, чулками и прочим дамским гарнитуром.

Ее главное желание было — ничего не делать, кушать экспортное сладкое и лежать, выслушивая разные комплименты, обещания, предложения, просьбы, требования и восклицания.

Круглая мордочка, как луна. Черные, слегка навыкате глаза. Чувственный ротик, подмалеванный и подрисованный. Широкие бедра и пышный бюст. Круглые плечики и стройные ножки. Тут было от чего сходить с ума и добиваться ее благосклонности.

Нет, она не была продуктом социалистического общества. Она возникла как реакция каких-то таинственных и сложных процессов жизни. Она не укладывалась в рамки советской действительности.

Она была рождена для капиталистического строя. Ей нужны были коляски и автомобили, горничные и девчонки со шляпными коробками. Ей нужны были франтоватые мужчины с хлыстиками и моноклями. Маленькие собачки в синих шерстяных накидках. Швейцары, вежливо откры-

вающие двери. И почтительный шепот восторга, восхищения и зависти перед ее богатством и миловидностью.

Нет, она ничего не знала об этой жизни и никогда ее не видела. Но она догадывалась, и мечтала, и рисовала в своем воображении картины пышной роскоши и сказочного великолепия.

Ее не коснулось дыхание современности. Она не поняла и не оценила достоинств новой жизни. Она считала эту новую жизнь как временное несчастье, как заминку в делах, как некоторое, что ли, личное невезение, которое пройдет, и тогда наступит то, что было раньше и что будет всегда.

Тем не менее она рано поняла все свои возможности, которых было в настоящее время не так-то много.

Она поняла, что ей не разбогатеть в социалистическом обществе, что мужчины, даже если их будет полтора десятка, не смогут, по крайней мере сегодня, сложившись, создать ей пышную, сказочную жизнь.

Она стала тогда присматриваться к тем мужчинам, которые имели видное положение, ромбы или шпалы на петлицах или какие-нибудь значки, отличающие их от простых смертных, полагая, что, шагая через таких как бы со ступеньки на ступеньку, она сумеет выбраться на гребень жизни. И тогда там, наверху, она расправит свои крылышки и продиктует миру свои диковинные условия.

Тем не менее ничего подходящего она не находила. Она встречала трудовую жизнь, ограниченный заработок и погруженных с головой в работу людей. Она согласна была ждать и надеяться.

Она по своей неопытности наделала много ошибок. Первые ее мужья были молодые юнцы и мальчишки, которые прельщались ее красотой и мечтали о том, что она будет ихней подругой и достойным товарищем, с которым можно, так сказать, идти рука об руку к светлому будущему.

Между тем с первых же дней она выказывала такое отчаянное пристрастие к деньгам и нарядам и такое, можно сказать, яростное, исступленное устремление ко всем материальным благам, что молодые влюбленные мужчины с первых же дней испуганно смотрели на нее и били отбой, понимая, что она запутает их и доведет до тюрьмы и до черт знает чего.

Все пятеро мужей, в разное, конечно, время, бросили ее на второй и на третий месяцы.

Она всякий раз с плачем возвращалась домой, где

находила свою девичью комнатку нетронутой. Эту комнату родители сохраняли для нее, так сказать, на всякий пожарный случай. И таких случаев было уже пять.

Папаша-бухгалтер, занятый лечением своих недомоганий, безразлично относился к возвращению своей дочери. Он говорил: «А, это ты... Вернулась?» И снова погружался в свои думы или в свое лечение.

Мамаша ахала и вздыхала. А негодяй Кашкин смеялся, говоря, что девочка с течением времени поумнеет и покажет еще кузькину мать всем живущим на земле мужчинам.

В сущности говоря, девочка была родной дочерью своим родителям — своей матери и главным образом отцу, который весьма бурно провел свою жизнь, полагая, что кроме любви, ничего на свете не существует.

В настоящее время он меланхолически сиживал на крыльце, предаваясь грусти и отчаянию. Он сидел, подперев щеку рукой, смотря куда-то вдаль и чего-то вспоминая. Какая-нибудь проходящая мимо женщина заставляла его вздрагивать. Он приосанивался, прищуривал глаза, покусывал губы и громко откашливался, как бы приглашая этим женщину посмотреть в его сторону. После чего, махнув рукой, снова углублялся в себя и в свои воспоминания.

Свои недомогания и потерю здоровья он приписывал почему-то блошиным укусам.

Он яростно боролся с этими паразитами. По нескольку раз в месяц он вытаскивал в сад все кровати, матрацы, перины и диваны. Он обжигал на примусе кровати и яростно выколачивал палкой все, что можно было выколотить.

Он создал целую теорию, по которой выходило, что он лишился здоровья благодаря по крайней мере трем миллионам укусов клопов и блох, которые заносили в его кровь различные яды и микробы в течение сорока восьми лет и выпили по крайней мере десять литров крови.

Он лечился от своего бытового отравления и от своих нервных недомоганий разными домашними средствами.

Презирая врачей и говоря, что они вконец заездили его, он, по совету друзей, пил разную дрянь и настойки, садился зимой на час и полтора в кадку с рыхлым снегом, а летом окунался до пояса в холодную воду, в силу чего постоянно хворал простудой, лишаями, мокрой экземой, песьяками и анемией конечностей. И имел чертовские затруднения, когда садился в кресло или на скамейку.

Ничто другое его не интересовало и не трогало, и он

даже удивлялся, как может людей что-либо трогать, кроме здоровья.

Служил он, впрочем, исправно, говоря, что счет и цифры ему полезны как отвлекающее средство, оттягивающее лишнюю кровь от ног к голове.

К любовникам своей жены он относился терпимо, играя с ними иной раз в шашки и в подкидные дураки.

Но всякий раз, когда появлялся на горизонте новый фаворит, он проявлял грозные признаки гнева. Он буйствовал, устраивал скандалы, орал, грозил всех убить, становился нежным и пылким мужем и на несколько дней действительно отгонял нового любовника, который от непривычки пугался, полагая, что это все время так и будет.

Но по прошествии нескольких дней бухгалтер смирялся, угасал и вежливо встречал друга дома.

Последнего фаворита — Кашкина — бухгалтер боялся как огня. И действительно, подобной личности нельзя было не бояться. Этот был способен на все: наорать, ударить в морду и даже выгнать из дому.

Он ежедневно приходил на своих кривых лапах, покручивая кверху усы, хохоча и громыхая.

Он шутил, веселился и подсмеивался, говоря бухгалтеру:

— Ну, как у вас насчет поправления здоровья? — И, не выслушав, шел на своих полусогнутых на дамскую половину, где его ожидали в цветном капоте, благоухая одеколоном и пудрой.

Эта мерзавка, бывшая мать, ничуть не стыдилась своей дочери. Напротив того, часто беседуя с ней, она разговаривала как с подругой, хохоча и веселясь над некоторыми подробностями дочкиной жизни.

Вот какова была семья соседей Каретниковых. И вот какова была девятнадцатилетняя девочка Туля, сыгравшая решительную роль в жизни нашего профессора.

Но не она вернула ему молодость. Напротив, она чуть не погубила ему все начатое.

24. ПРОФЕССОР СТАРЕЕТ ВСЕ БОЛЬШЕ

Семья профессора, когда-то дружная, жившая общими интересами, заметно распадалась. Уже не было общих обедов. Каждый кушал в своей комнате, в разное время. И только вечерний чай подавался для всех в комнате профессорши.

За этим чаем шли вялые, безразличные разговоры о погоде, о дровах, еде и о прочих мелочах быта.

И только иной раз Лида, энергичная и резкая особа, грубоватая и крикливая, начинала пикироваться с отцом, упрекая его в реакционности взглядов, в отсталости и в отрыве от масс.

Отец, вяло защищаясь, ежился и пытался уходить, но, вызванный на объяснения, начинал сердиться, кричать и упрекать дочку в непочтительности.

Почему же непочтительность? Какой вздор! Нет, она говорит с ним не как с отцом, а как со старшим товарищем, который заблуждается и которого надо остеречь. Ведь не дело же, что он, умный, образованный и возвышенный, стоит на позициях болота и защищает старый, реакционный мир, идя против прекрасного будущего.

Отец, возмущенный свободностью ее речи, горячился все больше и больше, высказывая под горячую руку свои взгляды и воззрения.

Нет, он возмущен. Девчонка, которая ни черта не смыслит, смеет его остерегать. Нет, почему же? Он честный человек. Он всегда стоял за новую жизнь. Но он не видит логики в некоторых вещах. Он не видит будущего. Он не желает фантазировать вместе со всеми. Короче говоря, он не представляет жизни без денежных отношений. Нет, он не идет против социализма. Очень хорошо, если это будет, но этого, вероятно, не будет. Это потерянное время. Это романтический бред и фантазия, которую он очень уважает, но он имеет право не доверять будущему.

Захлебываясь от волнения, Лида, размахивая руками, требовала от отца конкретно указать, что именно ему кажется невероятным и невозможным и в чем, по его мнению, нет логики.

Но отец уклонялся от объяснений, бормоча, что он не все еще продумал и что он все ей скажет, когда ему самому будет ясно.

Эти разговоры оканчивались криками и воплями. Возмущенный отец, припертый к стене ясностью и элементарностью вопросов, терялся, защищаясь криками, упреками и слезами.

Черт возьми! Хорошо. Извольте. Да, вот он за капиталистический мир. Да, он предпочитает быть нищим в Европе. Он предпочитает там открывать двери буржуям. Вот какое иной раз у него бывает настроение. Вот до чего его доводят собственные дети. Вот — делайте с ним что хотите.

Лида, раскрыв рот, с изумлением смотрела на отца. Ее

поражала сила его гнева и сила его раздражения. Жалость шевелилась в ее сердце, но, поборов в себе это, она с натянутой улыбкой вставала из-за стола и, пожав плечами, уходила.

Взбешенный и раздраженный Василек выходил из комнаты, разбрасывая стулья и стуча дверьми.

Он выходил в сад и на улицу и шагал, размахивая руками. Он боялся этих вспышек, предполагая, что это его погубит или еще более подорвет его силы. Но всякий раз после этих вспышек гнева он с удивлением замечал, что вялость его и расслабленность исчезают и даже какое-то мужество и бодрость как бы вливаются в его жилы (XII).

Он возвращался к себе, слегка успокоившись, мог даже работать — писал письма, просматривал лекции и читал, что случалось с ним очень редко. Однако наутро он вставал разбитый и утомленный и, еле двигаясь, шел на работу.

Такие разговоры случались все чаще, и вспышки гнева делались все сильнее и страшнее.

Мадам, махая руками и умоляя успокоиться, уходила от греха в другую комнату. А Василек гневно и раздраженно бушевал, кричал и выбегал из дома.

В такие дни соседи Каретниковы, волнуясь от неизвестности, с любопытством прислушивались к крикам, ожидая, что скандал перенесется на улицу, и тогда им будет все ясно и понятно, что там происходит.

Прохвост Кашкин, предполагающий, что это скандалят муж с женой и крайне ненавидя эту последнюю, потирая руки, говорил о профессоре: «Ну, молодец. Кажется, спасибо, загрыз старуху. Давно пора».

Эти семейные раздражительные сцены совершенно расшатали семью профессора.

Сам Василек, стараясь избежать скандалов, стал просто бояться своей дочери. Он избегал встреч, а когда встречался — хмурился или умоляющими глазами смотрел на нее.

Теперь все реже семья собиралась в саду.

В теплые летние и осенние вечера еще недавно семья, рассаживаясь на крыльце, дружески беседовала о том о сем. Сейчас это почти прекратилось.

И, собравшись иной раз в саду, семья неловко молчала. Лида качалась в гамаке. Василек ходил по дорожкам, лавируя между лягушек. Мадам сидела на крыльце. А Коля, когда был дома, располагался у раскрытого окна.

Наконец мадам, желая расшевелить общество, начинала нести какую-нибудь чушь и околесицу.

— А вот, кажется, Сатурн,— говорила она, наобум тыча куда-нибудь пальцем.

Профессор, горько усмехаясь, начинал выговаривать ей, что неужели она за двадцать пять лет жизни с ним не научилась разбираться в солнечной системе, что Сатурна в это время и в этой четверти неба не бывает.

Лида, желая сгладить свои отношения с отцом, спрашивала его о той или иной звезде. И тогда понемножку смягчались сердца, и начинался разговор об астрономии и о новых открытиях в этой области.

Однако, видимо, многое было уже сказано и рассказано, и требовались новые слушатели, которые оживили бы лектора.

Такие слушатели находились. И чаще всего это был друг дома соседей — Кашкин, любитель поговорить на научные темы. Завидя профессорскую семью, он подходил к забору и, глядя на небо своими осоловелыми глазами невежды, абсолютно ничего не понимая и не разбираясь, где чего есть, говорил какую-нибудь пошлость, вроде того что есть ли люди на Луне.

Профессор, горько усмехаясь, описывал мертвую планету, лишенную воздуха и всякой жизни.

— А скажите, профессор,— говорил Кашкин, разглядывая небо нахальным взглядом,— а где у вас тут Юпитер расположен?

Профессор показывал ему на Юпитер. И Кашкин, ковыряя в зубах щепкой или соломинкой, расспрашивал о вселенной, хотя решительно никакого дела ему не было до мироздания. Его больше всего занимала мысль, как и всякого, правда, здравомыслящего человека,— есть ли жизнь на других планетах, а если есть, то какая именно, какой там строй, имеются ли там, как думает профессор, лошади, собаки и магазины.

Профессор оживленно говорил о том, что астрономия — самая точная наука, и она, собственно, не занята разгадкой вопроса — есть ли жизнь на других планетах. Вопрос этот в астрономии третьестепенный, и что науку более интересует состав материи вселенной, чем поиски живых существ, и тем более — собак и лошадей.

Тем не менее профессор высказывал целый ряд предположений. Он говорил о Марсе и Венере. Рассказывал, какая там температура и какова там возможная жизнь. Он рассказывал о других, более дальних планетах: о Юпитере, где год равняется двенадцати нашим годам, а сутки всего десяти часам, о Нептуне, где год длится сто шестьдесят

пять лет и где весна продолжается сорок лет. О Сатурне, опоясанном кольцом, на котором сутки длятся тоже десять часов, а год — почти тридцать наших лет.

Эти элементарные сведения несказанно поражали нашего Кашкина. На каждую фразу профессора он говорил: «Не может быть!», или «Да что вы говорите!», или «Да бросьте, не смешите меня!» — каковые замечания сердили и раздражали профессора.

— Я извиняюсь,— говорил Кашкин,— ну как же сутки-то десять часов? Бросьте вы меня смешить! Как же это они укладываются в это время?

Профессор говорил о свойствах приспособления, но Кашкин, пораженный кратковременными сутками, делал собственные умозаключения, выводы и предположения.

— Ну хорошо,— говорил он,— ну, пущай они спят три часа, ну, пущай работают четыре часа, но три-то часа, поймите, мне же мало для личных дел. Все-таки хочется туда-сюда пойти. Я не говорю — театр. В театрах я почти не бываю. Но мало ли? Одних трамваев другой раз ждать час и больше приходится. Или там чего-нибудь купить — цельные сутки стоять. Нет, это у них что-то уж очень торопливая жизнь. У нас все-таки, знаете, лучше. Хотя тоже, конечно, много неувязок, но в двадцать четыре часа мы все неувязки можем уложить. У нас хватает этих часов для беспорядка.

Но особенно Кашкин был недоволен порядком на тех планетах, где год длился тридцать и сто шестьдесят лет.

— Вот с этим,— говорил он,— я, профессор, никак не могу примириться. Это уж, знаете, есть чистое безобразие и перегиб. Год — сто шестьдесят лет! Что же это? Я, для примеру, родился осенью, в сентябре. Это я, значит, дай бог, только до весны протяну. Это, значит, я даже лета не увижу. Даже если буду семьдесят лет жить. Ну нет, знаете, я так не согласен... И как же они, черти, вообще-то обходятся? Ну, там, урожай. Да они, подлецы, не засеют, а потом сто шестьдесят лет жди, питайся воздухом и грибами... И, значит, у них пятилетка в четыре года пятьсот лет идет. Очень мило! Ну, это, знаете, какие-то подлецы там живут, а не люди.

Профессор добродушно посмеивался над изысканиями Кашкина. Они вдвоем изощрялись, выискивая недостатки и несуразности длинного года и высчитывая, сколько времени там длится пятилетка в неделю и каковы там должны быть ее особенности.

Лида хмурилась, говоря, что это уж антисоветские анекдоты и она просит наконец умолкнуть.

На своих раскоряченных ногах Кашкин уходил, совершенно обалдевший от научных сведений.

Эти сведения до того чувствительно поражали его в самое сердце, что он иной раз, не заходя на дамскую половину, уходил домой, покачивая головой, недоверчиво зыркая на звезды и явно не веря многому.

После ухода Кашкина Василек, как бы извиняясь за свое легкомыслие и анекдоты, рассказывал иной раз о новых открытиях, о движении Солнца и о вечном холоде вселенной, о гибели Земли и о таких неизмеримых пространствах, какие недоступны пониманию человека (XIII).

Такие вечера случались, однако, все реже и реже. Профессор все больше замыкался в своей комнате, избегал общества, часами неподвижно лежал в постели, и, казалось, все окружающее перестало его интересовать.

25. ДЕНЬГИ, ЛЮБОВЬ, СТАРОСТЬ, СОМНЕНИЯ

Домашние неприятности совершенно сломили здоровье профессора. Но он сердился и раздражался не потому, что в спорах его побеждала Лида — девчонка и его дочь. Он сердился на себя за то, что не мог прийти до сих пор к какому-нибудь определенному и ясному политическому решению.

То ему казалось все правильным, нужным и замечательным, и даже грандиозным. То, напротив того, встречая какие-нибудь мелочи быта или человеческие свойства, он махал рукой и говорил, что все это вздор и неосуществимая фантазия.

И в своих противоречиях он искренне страдал, волновался и стремился прийти к какому-нибудь решению, что ему не удавалось.

Эти противоречия уничтожали остаток здоровья профессора. Он стал плохо спать, задыхался, хватался рукой за сердце и чувствовал такую усталость, какой он еще никогда не знал.

Лида с жестокостью молодости не замечала этих страданий Василька. Ей во что бы то ни стало хотелось образумить отца, выбросить из него весь идеалистический мусор прежней жизни. Ей казалось, что ее отец ни о чем не думает и что он попросту не слишком-то политически грамотный господин. И в силу этого она не уставала говорить с ним о политике, растравляя его и приводя в бешенство.

Жизнь Лиды неожиданно изменилась. Однажды, вернувшись из Ленинграда домой, она спокойным, бытовым голосом сказала родителям, что сегодня она вышла замуж, записавшись с секретарем коллектива.

Родители, раскрыв рот, слушали столь спокойные речи о столь крупном событии, недоумевая и не осмеливаясь расспрашивать.

Да, она вышла замуж. Временно она остается еще дома. Но весной или осенью муж получает квартиру, и тогда она распростится со своей семьей.

Мать, взволнованная и ошеломленная, просила хотя бы привести мужа — посмотреть на него одним глазком.

Ну что ж, она, конечно, приведет его. Только он слишком перегружен. Ему сейчас не до личной жизни. Она сама-то будет видеть его раз или два в неделю. И то, если он не будет в отъезде. А если его пошлют на посевную, то долго не придется видеться. Пока же они видятся только на службе, и то в обеденный перерыв, раз или два в пятидневку.

Мамаша, думая, что она от всех этих своих гаданий и пасьянсов слегка свихнулась, слушала свою дочку, не стараясь даже уразуметь основную суть.

Эта перемена почти не отразилась на Лиде — ни на ее характере, ни на отношениях к родным. Впрочем, с некоторой, пожалуй, мягкостью и жалостью она стала разговаривать с отцом. И, поспорив с ним, сама первая шла на примирение.

Однако споры не прекращались.

— Василек,— говорила Лида таким тоном, будто бы разговаривала с маленьким,— мне бы хотелось услышать от тебя наконец, в чем дело, в чем твое расхождение с нами. Ну, давай не будем сердиться и ругаться. Давай поговорим по-хорошему. Я постараюсь тебе объяснить.

Не доверяя мягким словам, Василек отпекивался, бормоча о том, что да нет, он как будто бы со всем согласен, разве что некоторые мелочи, о которых, право, не стоит говорить. Это сложно, и она не поймет.

Нет, она-то поймет, но вот она чего не понимает: как это заблуждаются люди? Так все ясно. Отчетливо. Такая открывается грандиозная, величественная картина новой жизни, где нет классов, рабства, эксплуатации. Ей просто не понять, как умный и порядочный человек может не пойти за этим. И в чем наконец его сомнения? И что за таинственные мелочи, хотела бы она знать. Вероятно, за

этими мелочами стоит нечто крупное, что толкает его в ряд классовых врагов.

Нет. Он, в сущности, не враг. Ну хорошо, он расскажет о своих сомнениях. Он сам, впрочем, не очень-то разбирается в них. Нет, он вообще против капитализма.

Ну хорошо. Он постарается объяснить.

Да, он согласен, что капитализм не ведет человека к улучшению моральных качеств. В самом деле, капитализм оплачивает наилучше всего и создает наилучшие условия тем людям, которые умеют торговать. Значит, там наивысшая оплата идет прежде всего по тем, в сущности, низменным способностям и по тем невысоким качествам ума, как, скажем, хитрость, изворотливость, умение вовремя купить и с выгодой продать. И в силу этого он признает, что в основном капитализм культивирует и обостряет ум именно в его низменных свойствах. Он признает, что и в смысле тактики правильно, пожалуй, именно теперь в корне изменить порядок, чем ждать, как ожидают, скажем, меньшевики улучшения человеческой породы и еще большего развития техники. Он признает, что такой взгляд есть малодушное желание отложить решение вопроса на дальние времена, так как улучшение породы само собой не приходит и никакой тенденции к этому нельзя увидеть на протяжении сотен лет.

Лида радостно слушала отца, бормоча: «Ах, молодец! Ах, Василек! Ах, глядите! Он сумел перешагнуть меньшевиков».

Да, со всем этим он согласен. Все это он считает правильным и достойным. Его тут беспокоила одна вещь, которую он, пожалуй, разрешил. Он говорит об инстинкте, свойственном каждому животному, об инстинкте накопления и о заботе о черном дне, без чего не бывает ни спокойного существования, ни ясности, ни здоровья. Ну что ж, в этом смысле государство берет на себя заботу. Это дело поправимое. Но вот, как ни странно, одна вещь никак не укладывается в его голове. Он никак не может отрешиться от понятия денег и никак не может понять жизни, в которой деньги не будут играть той роли, какая им предназначена. Да, он против эксплуатации труда. Он против частной торговли и наживы. Но он против равенства. Он за социализм с деньгами.

— Ах, это мелочи! — смеялась Лида.— Ну вот, и договорились. Ну, Василек, ну как, право, не совестно! Ведь это же самый пустой вопрос. Ведь деньги — это вопрос привычки. Сознание изменит эту привычку. Или ты

действительно думаешь с деньгами въехать в социализм?

Да, он признает, что от этого привычного понятия просто трудно отрешиться. Но за этим он видит более сложные вещи. Ну, хотя бы старость и уродство, ничем не компенсированные.

— Ну, это уже свинство,— сердилась Лида.— Ты, кажется, договариваешься до черт знает чего. Значит, ты хочешь, чтоб старики были бы богатые и имели возможность покупать в жены молодых женщин, так?

Нет, зачем покупать? Зачем такие резкие слова? Нет, он не хочет этого. Он просто реально оценивает человеческие свойства. Он признает, что любовь и уважение, которые куплены за деньги, ничего не стоят. Что это, в сущности, отвратительно и не дает ни радости, ни утешения. Но он не решает этого вопроса в области эстетики. Он считает, что молодая женщина может искренне полюбить и даже такого, как он, если у него положение лучше, чем у других. А если этого положения у него не будет — кто на него посмотрит? Все пойдут за молодыми.

Лида, с трудом скрывая смех, слушала Василька.

— Ах,— смеялась она,— папка, Василек, значит, только-то у тебя и расхождения! Значит, ты, старый ловелас, выговариваешь себе возможность жениться на молоденькой женщине!

Василек сердился, говоря, что она ничего не понимает и что за этим стоит вся жизнь. Что это определяет не только старость, но и зрелые годы.

Лида, в свою очередь, сердилась, браня отца развратником, грязным стариком, которому нужна проституция и покупка любви за деньги.

— Ничего,— говорила она,— вас, стариков, приведут в христианский вид. Нечего вам развивать грязные инстинкты и стремиться черт знает к чему. Поживите наконец в чистой и опрятной старости. А если захотите настоящей любви — вас и в пятьдесят лет могут полюбить не за деньги, а за общественно-полезную работу, за тонкость ума, за талант. Невелика честь полюбить за деньги. Это не настоящее.

Взволнованный Василек просил ее умолкнуть, говоря, что ей не понять всей сложности вопроса и что он вовсе не о себе говорит, а вообще. Вообще о старости и о стремлениях людей. Он знает, что, если будут все равны — старики останутся за флангом и ничем не будут компенсированы. Он знает людей, знает, как возникают чувства.

Снова разгорался спор и крики, сыпались обидные слова. Страсти разгорались. Василек стучал кулаком об стол, говоря, что она его уморила. Лида кричала, что ему, старику, следует думать о своей науке, а не о паршивых девицах, что она этим буквально шокирована, что она поражена низменными уклонами своего отца.

Задыхаясь и хватаясь за сердце, Василек, раскладывал стулья, выбегал на улицу, напялив на свою седую голову фуражку.

Он шел, как бы не видя ничего, по улице. Потом волнение его понемногу ослабевало. Ах, зачем были крики и волнения? Его жизнь закончена. И все ничтожно в сравнении с этим концом. Что — ему двадцать лет, что он горячился и кричал? Как глупо! Ах, как глупо и тяжело! Он шел мимо маленьких домиков, размахивая руками и не сторонясь прохожих. Он смотрел на эти деревянные домишки, построенные в прошлом столетии. Тут, в этом бывшем Царском Селе, в этих домиках, проходила прежняя придворная жизнь рухнувшей империи. Тут жили барыни и фрейлины. Гвардейские офицеры и сановники. И люди, близкие ко двору. Он с любопытством осматривал окна и подъезды, к которым когда-то подъезжали кареты и коляски. Он мысленно видел людей, выходящих из карет. Лакеев в красных ливреях. Дам с маленькими собачками, в мехах, в боа.

Вот какой-нибудь гвардеец, гремя саблей, входил в этот подъезд к какой-нибудь пышной красавице.

Нет, он позабыл эту жизнь. И казалось странным, что это когда-то было. Вот в чем у него не было сомнений. Он презирал эту дворянскую жизнь, напыщенную и пошлую. Его раздражали баре, и особняки, и пышная жизнь, которая давалась по рождению, а не по заслугам.

Вот в чем он не знал сомнения и что презирал. Но деньги, деньги! Новая жизнь, в которой будет равенство и не будет денег. Вот это не укладывалось в его голове.

Какая-то молодая особа в шелковом пальто, с накрашенными губками, мило улыбнувшись, поклонилась ему

Он сначала не обратил внимания, не ответил на поклон, потом, обернувшись, посмотрел ей вслед, недоумевая, кто бы это был.

Он обернулся не вовремя. Молодая особа в этот момент, тоже обернувшись, кривляясь и дурачась, высунула ему кончик языка. Но, видя, что он заметил ее глупую шалость, смутилась и бросилась в сторону, захохотав и закрыв лицо руками.

«Кто бы это был? — подумал профессор.— Ах, возможно, что это соседская дочка».

Он никогда не обращал на нее внимания и не запомнил ее лица. Но, вероятно, это была она — с накрашенными губами, вульгарная и неприятная особа с вихляющимися бедрами.

Это в самом деле была Туля. Она возвращалась со свидания домой. Она смеялась теперь своей шалости. И, веселая, краснощекая, шла домой своей танцующей походкой.

Она дошла до калитки своего сада и обернулась назад. Милая привычка красавицы, которая предполагает, что за ней кто-нибудь сзади волочится. Но никого не было. Старый профессор стоял на углу и смотрел в другую сторону, ошеломленный старыми видениями.

Она еще раз показала кончик языка этому глупому старику, без толку стоящему на углу, и, смеясь, вошла в сад. Она не предполагала еще, что этот стареющий человек через год будет ее мужем.

26. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Однажды Василек вернулся домой бледный, с перекошенным лицом.

Он лег на кровать и, сказав жене, что умирает, просил принести холодной воды. Он положил на сердце компресс и через час, отдышавшись, сел на кровать, рассказывая слабым голосом, что́ с ним случилось.

Да, что-то с ним творится неладное. Сердце работает все хуже. Вялость и усталость приковывают его к кровати. Бессонница мучает его. Сегодня он чуть не умер в поезде от сердечного припадка.

Это резкое ухудшение своего здоровья он приписывал своей старости. Однако предполагал, что, помимо этого, он, видимо, заболел какой-то нервной болезнью. И он действительно был болен.

Все душевные невзгоды, конфликты и противоречия, все особенности его жизни и характера подготовляли ту нервную раздражительность, которая к старости часто бывает непоправима и признаки которой сходны с признаками старости и, быть может, имеют одинаковую сущность.

Чудовищную работу надо было ему проделать — убрать болезнь и вернуть растраченную молодость.

Нет, у него сейчас и мыслей таких не было. Есть врачи и медицина, которые помогут ему собраться с силами.

Да, он чувствовал, что, кроме старости, он, пожалуй, еще чем-то болен. И тогда он однажды решил навестить врача.

Нет, мы не будем заниматься скучными объяснениями его лечебных процедур.

Он полгода лечился у врачей. Ему прописывали бром и стрихнин, мышьяк и фитин. Ему прописывали ванны и клизмы. Его закутывали в сырые простыни и пронизывали его тело электричеством. Его расспрашивали, не было ли у него тяжелых болезней и не предавался ли он каким-нибудь излишествам в детстве. С ним беседовали о сложностях нервных болезней, грели его голову синим светом и пытались даже усыпить, чтоб внушить ему светлые мысли о здоровье. И никто ему не рассказал простыми и понятными словами о том, как могла возникнуть его болезнь и как с ней бороться, помимо пилюль и микстур (XIV).

Короче говоря, через полгода он был задерганный неврастеник, напуганный всеми признаками своей болезни и пугающийся всего. Он робел, если сердце плохо работало. Он страшился, если желудок не действовал день. И считал часы, сколько он спал, и сколько он недоспал, и сколько ему надо еще поспать, чтобы быть свежим. Постоянные мысли о болезни, приемы лекарств и процедур совершенно укрепили в его сознании мысль, что он тяжело болен. Болезнь, подкрепленная микстурами, не имела намерения покидать больного. А старость ее усиливала и поощряла.

Он взял отпуск и лежал теперь в кровати, тяжело дыша, не имея часто сил ни сесть, ни встать, ни даже лежать.

Напуганный таким состоянием, он хотел поехать к знаменитому невропатологу. В один из крайне упадочных дней, когда он едва встал с постели, он, принуждая себя, стал собираться.

Он побрился, переодел белье, оделся и, опираясь на палку, покачиваясь, вышел на улицу.

Но тут, к своему изумлению, увидел, что все проделанные движения не только его не утомили и не только не лишили остатка сил — напротив того, он почувствовал некоторый прилив сил, который, впрочем, скоро сменился упадком.

Но этого было достаточно, чтоб подумать и внимательно присмотреться к болезни. Нет, он не поехал к врачу, а, погуляв в парке, стал думать о своей болезни, присматриваясь к ней и анализируя ее.

Мы не будем и тут описывать первые шаги лечения и первые ошибки. Дело это скучное и неинтересное. Мы

вкратце расскажем об основном. Автор ни на минуту не забывает о читателе, которому охота наконец узнать, как профессор женился, как развелся с женой и что из этого вышло. И не было ли еще чего-нибудь интересного или исключительного. Все было. И обо всем мы будем рассказывать.

Итак, Василек сам лично принялся изучать свою болезнь. Он достал книги, словари и медицинские энциклопедии. И внимательно стал все читать, делая выписки и рассматривая анатомические картинки, снимки внутренностей и диаграммы.

Это было кропотливое и длительное занятие. Все было профессору внове, и каждую мелочь приходилось изучать и проверять.

И, читая груду книг, Василек искренне огорчался и жалел, что нет какого-то руководства, какого-то одного сборника правил, по которым надлежало понимать работу своего тела и своей психики.

Первые шаги его были неправильны и ложны.

Понимая, что ему следует сдвинуть себя с мертвой точки, он принялся за физическую культуру. Он стал делать гимнастику, разные повороты и приседания, от которых буквально охал и кричал диким голосом. У него поднялось сердцебиение, от которого он чуть не умер, и тогда он оставил это почтенное занятие, решив, что до этого ему следует еще что-то сделать.

И, раздевшись, он стоял перед зеркалом, грустно поглядывая на свою фигуру. Печальное и ужасное зрелище! Все тело было вялое и поникшее. Все безжизненно висело, во всем были смерть, разрушение и упадок.

Как мудрено из этого сделать что-нибудь хорошее, молодое, здоровое, цветущее.

И, вспоминая молодые, здоровые тела, упругие и подтянутые, он делал сравнение и видел, что́ именно ему надо делать и в чем иметь изменения.

Тогда, понимая, что это печальное тело, полное упадка и дряхлости, создалось благодаря его жизни, благодаря его поступкам и поведению, он решил по возможности изменить эту жизнь, и поведение, и поступки.

И вот тут-то он столкнулся с такими трудностями, что часто отчаяние захватывало его, и он неподвижно лежал часами, решив не бороться больше и плыть по течению.

Лида приходила к нему и гладила его руку, упрашивая не предаваться отчаянию.

— Василек, — говорила она, — что за мысль так лечить

себя? Есть способ более простой и легкий — подойти вплотную к жизни. Займись общественной работой, почувствуй себя частью общей семьи. Ты все равно придешь к этому.

Но он, печально покачивая головой, говорил, что это не для него, он никогда не почувствует себя искренним. Он попробует бороться один.

Он решил изменить свою жизнь, свой порядок дня и все свои привычки. Для этого ему надо было убрать все обстоятельства, приводившие его в раздражение.

Этих обстоятельств было так много и они были так вески, что, казалось, это было сделать невозможно.

Однако шаг за шагом, доказывая себе логически и внушая, он убрал причины, приведшие его к болезни. Он вспоминал свои молодые годы, вспоминал, как он относился к тем или иным вещам, и старался следовать этому, хотя это иной раз было трудно и даже невозможно. Он хотел правильным поведением убрать свою болезнь и создать молодость (XV).

Но он вспоминал не те зрелые годы, когда создался его характер, а ту свою юность, когда он жил беспечно, не задумываясь, как цветок или как птица. Он вспоминал те годы для того, чтобы сравнить и увидеть те ошибки, которые он допустил и которые привели его к старости и одряхлению.

И, создавая себе новые привычки, расставаясь с прежним добродушием старости, убирая от себя все волнения, беспокойства и тревоги, он вдруг стал замечать в себе какую-то жестокость молодости и даже по временам какую-то, пожалуй, подлость, которую он вовсе не хотел иметь.

Но игра была сделана. И остановиться он не хотел и не мог. Однако до молодости ему было еще так же далеко, как до Северного полюса.

27. ЦЕНА МОЛОДОСТИ

Когда ему пришла мысль о молодости, о том, что он снова может стать молодым, свежим, энергичным и беззаботным, он, страшно взволнованный и даже потрясенный, выбежал из дому и долго бродил по саду, стараясь унять ужасное волнение и дрожь во всем теле.

Эта мысль показалась ему настолько удивительной, сказочной, невероятной и вместе с тем не несбыточной, что чем больше он думал, тем ярче рисовались счастливые картины его будущих дней.

Тогда он вышел из сада и, быстро шагая, пошел в парк. И там, в парке, ходил, сняв фуражку, взволнованный и пораженный.

Была ранняя осень. Желтые листья лежали на дорожках и на траве. Легкий ветер по временам покачивал верхушки деревьев. И неприятно каркали вороны, потревоженные первым дуновением осени.

Василек присел на скамейку и, уронив фуражку на землю, неподвижно сидел, закрыв глаза и боясь шевельнуться, чтоб не потревожить свои волшебные мысли.

Ему рисовались необычайные картины его будущей молодости.

Цветы. Роса. Летнее утро. Солнце в окошке. Радостное пробуждение. Беззаботность. Любовь. И тот восторг, та свежесть чувств и те восхитительные ощущения молодости, о которых он почти позабыл и которые трудно даже сейчас припомнить или даже на минуту представить себе.

Да, он позабыл эти ощущения. И теперь, стараясь припомнить, поражался, насколько все было иное и почти сказочное, удивительное по своей силе и радости.

Он вспомнил вдруг первое письмо от женщины. Надушенный конверт. И тоненькие буковки. И сладостную дрожь в руках, когда он распечатывал это милое послание. Он вспомнил вдруг себя мальчишкой. Первую ложку варенья, когда сводило скулы от желания и жадности. Утреннюю дрожь и восторг, когда он вставал на рассвете, чтоб идти удить рыбу.

Нет, ничего подобного, ничего похожего не случалось с ним в дальнейшей жизни.

Да, он вернул бы эти ощущения любой ценой, хотя бы даже на самое короткое время.

И тогда он, улыбаясь, стал думать: а что именно он отдал бы за несколько лет возвращенной молодости?

И оказалось, что он отдал бы решительно все — жизнь, здоровье близких людей, честность, и профессию, и все то, чем привык дорожить и гордиться с самого начала своей жизни.

И тогда он стал смеяться, говоря себе, что это бывает только в сказках, что никто не потребует от него ни преступления, ни «продажи души», ни подлости за возвращенную молодость. Он вернет ее собственным умением и ценой своих знаний и настойчивости.

Он пришел домой иным человеком, чем был прежде. Он холодными глазами посмотрел на свою мадам и Лиду. И, медленно шагая, вошел в свою комнату.

Еще вчера он, возвращаясь домой, старался незаметно проскользнуть к себе, чтоб не натолкнуться на чьи-нибудь расспросы и чтоб не встретиться с Лидой и не начать с ней объяснений, разговоров и дискуссий. Сегодня он, усмехаясь и не опуская глаз, прошел перед Лидой, готовый в случае чего дать ей решительный отпор.

В короткое время он резко изменился и изменил свою жизнь, привычки и даже свою психику.

Он свыкся было со своей старостью, со своим утомлением и сутулыми плечами. Он с молодых лет привык презирать лощеных, здоровых, краснощеких, грудастых людей, называя их животными и скотами. Нынче в своем воображении он рисовал себя именно таким. Он полюбил этот образ и стремился к нему. Все, что раньше его тревожило и приводило в беспокойство, перестало его тревожить. Он относился ко всем вещам иначе, чем раньше, и усмехался тому, что заставляло еще недавно страдать и волноваться.

Встречаясь с Лидой, он мило улыбался и говорил ей, что он вел себя как мальчишка, что этому пришел конец, что он покорнейше просит ее больше не третировать его и не задергивать бессмысленными вопросами и требованиями. Что касается политических вопросов, то пусть она знает — он не враг, он, в общем счете, идет за социализм, и кое-какие мелочи он сам, без чьей-либо помощи, в дальнейшем продумает и решит. Это решение он откладывает на те времена, когда он будет здоров. И если придет к положительному решению, то отдаст все свои силы и это свое возвращенное здоровье на общее дело.

Тем не менее Василек начал по временам подтрунивать над Лидой, говоря, что она курсистка, девчонка и пигалица, которой впору сопливых ребят учить, а не его, профессора и довольно видного ученого своего времени.

Их роли теперь переменились. Теперь Лида, взбешенная и взволнованная холодными, саркастическими словами, хлопала дверью, выбегая из комнаты. А он иронически подшучивал, говоря, что в нашем любезном отечестве всегда почему-то было затруднительно жить и эта трудность и по сие время остается. Да, конечно, он понимает — трудности роста, но что вообще он не слишком-то высокого мнения о российских мозгах, которые выдумали дугу и балалайку — пустые и комичные предметы, без которых решительно обошлось все остальное человечество.

Лида кричала, что он пошляк и обыватель и что ей совестно, что у нее такой мизерный отец. Нет, она приложит все старания уехать из дому как можно скорей. Она

завтра же попросит мужа вывезти ее из этого обывательского вертепа.

Однако она не уезжала. Ее муж, с которым она виделась весьма редко, был сейчас, как нарочно, до крайности загружен самыми экстренными делами. Он приходил домой поздно и, поспав часов шесть, снова спешил по своим делам. Он со дня на день откладывал переезд Лиды, говоря, что счастье от них не убежит и что сейчас есть дела поважнее всех мелочей повседневной жизни.

Лида, несколько огорчаясь в душе и вместе с тем удивляясь поспешности, с какой он женился, соглашалась немного обождать, признавая, что поиски квартиры, переезд и разные хозяйственные дела и передряги отрицательно отзовутся на ходе его работ. А он хвалил ее за благоразумие и политическую зрелость, говоря, что он теперь наглядно видит, как он здорово не ошибся, выбрав именно ее, и что лучшей жены ему действительно, пожалуй, сейчас не найти... И Лида, довольная похвалой, восторженными глазами смотрела на мужа, говоря, что и ей тоже, пожалуй, лучшего мужа не надо. Они были по-своему счастливы и не спешили потревожить свое счастье поцелуями и объятиями.

Что касается Василька, то он теперь ежедневно занимался гимнастикой. Начав с маленьких упражнений и легких поворотов, он перешел к более сложным вещам — он бегал по саду туда и сюда, перепрыгивая, как козел, через клумбы и скамейки. И даже, когда никто не следил, подтягивался на руках, держась за сучок дерева, надуваясь и багровея от чрезмерного старания.

У себя дома, в комнате, он ходил преимущественно голый или в легких трусиках, а на улицу, несмотря на прохладный сезон, выходил в сетке, в летних штанах и в туфлях на босую ногу. В таком безобразном виде, несвойственном ученому, он добегал до вокзала или до парка и, нимало не смущаясь встречных, возвращался домой, покрасневший и оживленный.

Лида с изумлением посматривала на отца, считая, что старик слегка свихнулся и что все это, вероятно, закончится весьма дурно.

28. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Между тем жизнь соседей, Каретниковых, шла по-прежнему. По-прежнему бухгалтер Каретников, возвращаясь с работы, сидел на крыльце, поглядывая

обалделыми глазами на проходящих женщин. А иногда с яростью выколачивал матрацы и перины и обжигал на примусе кровати и даже деревянные стулья и столы.

Эти выколачивания являлись всякий раз причинами ссор и криков.

Мадам профессорша, делая замечания по поводу пыли и блох, нарывалась на неприятности и грубые окрики.

Молчаливый Каретников, не вступая в пререкания, показывал ей кукиш или с еще большей энергией начинал бить палкой по одеялам. А Кашкин, заслышав боевые крики профессорши, поспешал в сад и тотчас вступал в словесную схватку, срамя профессоршу и называя ее облысевшей дурой и некультурной мерзавкой, которая осмеливается запрещать им все гигиенические начинания Что ж, значит, по ее милости они должны нюхать пыль и подвергаться укусам паразитов? Очень хорошо. Ну нет, он не посмотрит на ее идиотские требования. И, крича так, он умолял своего бухгалтера трясти одеяло как можно ближе к ее забору или даже за ее забором, чтобы это наглядно напоминало ей о чистоте и культуре.

Женское население дома не принимало участия в этих схватках. Туля, в своем шелковом пальтеце, гуляла неизвестно где. А мадам Каретникова готовила еду на кухне, чтоб накормить своего фаворита, ослабевшего от крика и любовных битв.

Профессор Василек, несмотря на окрепшее здоровье, страдая по временам меланхолией и упадком чувств, выходил иной раз на эти крики, желая рассеяться и немного освежиться. Он иронически относился к этим мещанским драмам и, желая примирить обе стороны, начинал разговоры о том о сем.

Разговорившись с Кашкиным, он однажды пошел с ним прогуляться и после этого даже подружился с ним.

Его привлекал этот здоровый, плотный субъект, который не знал, что такое меланхолия, утомление чувств и прочие интеллигентские ощущения.

Он присматривался к нему, стараясь узнать, как он достиг всего этого и что он для этого делает.

Он хотел поучиться у этого бревна и хотел позаимствовать у него его навыки и склонности.

Но он увидал глупость и непроходимую пошлость, которые защищали этого человека от превратностей жизни.

Польщенный вниманием профессора и увидев, что им интересуются, Кашкин начал молоть всякую чушь и лепетать афоризмы своей житейской мудрости.

— Здоровье,— говорил Кашкин,— никому зря не дается. И если человек осыпан болезнями, то он есть ослабший человек, не способный бороться против жизни. Я, говорит, держусь мнения митрополита Филарета, который прожил до ста пяти лет, не допуская до своего сердца никаких огорчений. Я, говорит, не считаю возможным огорчаться при жизни. А когда помру или когда буду к этому состоянию склоняться, вот тогда и начну беспокоиться. И когда меня начнут, черт возьми, зарывать в сырую землю, вот тогда я и буду огорчаться, беспокоиться и проситься наружу. Я, говорит, есть индивидуум, которому охота жить, а не расстраиваться.

— А какую вы имеете цель в жизни? — говорил профессор, желая понять идеологию этого неповторимого индивидуума.— Ну, к чему вы, например, стремитесь?

— Не смешите меня,— говорил Кашкин.— Я стремлюсь ко всему хорошему, но, конечно, какой-нибудь такой, знаете ли, цели не имею (XVI).

Взяв профессора под руку, Кашкин на своих раскоряченных ногах шел рядом, говоря, что главную причину потревоженной жизни профессора он видит в его малоинтересной супруге, от которой он бы сам сгорел в месяц, если бы ему, боже сохрани, довелось такое супружество.

Профессор, вернувшись домой, прилег на кровать и стал думать о своем браке и о своем одиночестве. Ему хотелось разговаривать и шутить, ему хотелось легких и смешных отношений. Но он видел суровую даму в пенсне, замкнутую в своем фантастическом мире.

Тогда он стал вспоминать свои любовные романы, которые бывали у него раньше. Он вспомнил свой последний роман, который случился девять лет назад.

Он вспомнил эту женщину, Людмилу Павловну, сестру своего приятеля, богатого домовладельца-эмигранта, бежавшего от пролетарской революции в Париж. Эта женщина, красивая и взбалмошная, почему-то замешкалась и осталась на родине, страдая от этого и ужасаясь той жизни, которую она получила в обмен на свое беспечное и веселое времяпрепровождение.

Это был жалкий и короткий роман, который закончился неожиданно и, вернее, даже не закончился: попросту Василек, подавленный своим безразличием ко всему, перестал бывать, не объяснив ей и ничего не сказав.

Сейчас ему крайне захотелось ее увидеть, поговорить и утешить нежными словами и обещаниями.

И на другой день, поехав в Ленинград, он после лекций отправился ее разыскивать.

Он нашел ее на прежней квартире.

Он с замиранием сердца поднялся по лестнице и постучал в дверь, готовый к тому, что его не примут, выгонят или оскорбят.

Он прошел сквозь грязный коридор коммунальной квартиры, сквозь развешанное белье, мимо любопытных людей, которые высовывали свои головы то из одной, то из другой двери.

Он не узнал ее, когда вошел в комнату. Крайне увядшее лицо, равнодушные глаза, седые прядки волос и темная бумазейная кофта ошеломили профессора и заставили его раскаяться, что он пришел.

Она сидела за столом и пила чай, дуя в блюдечко. Жалкий жестяной чайник стоял на столе. Какие-то лепешки лежали на бумаге.

Она захлебнулась, увидев его, и, замахав руками, вскочила, обрадовавшись и восторгаясь.

Ах, она рада, что он пришел, она часто его вспоминала. Что он так смотрит на нее? Неужели она так сильно изменилась?

Он рассматривал ее со страхом и нескрываемым удивлением.

Он, не сдерживая себя, сказал — ах! — и стал бормотать слова приветствия и извинения.

Они сели на диван и не знали, о чем говорить.

Наконец она сказала, что она замужем, что ее муж рабочий, что он любит ее и уважает, а она живет с ним потому, что надо же с кем-нибудь жить. Нет, она не огорчается, как прежде, она просто не думает о прошлом и будущем.

Говоря так, она вдруг заплакала и, подойдя к умывальнику, стала вытирать заплаканные глаза, всхлипывая и сморкаясь в полотенце. Потом снова села рядом, робко положив свои ладони на его руки.

Василек, проклиная себя за то, что он явился, бормотал слова утешения и, поговорив о своей жизни, встал, прощаясь и обещая почаще заходить.

Он с пустым и холодным сердцем вышел из комнаты и шел теперь по улицам, браня себя за ненужное посещение.

Он вышел на набережную, держа в руках фуражку. Осенний ветер с моря гудел в ушах и трепал его волосы.

Нет, он не чувствовал ни жалости, ни огорчения. Он чувствовал одиночество и чудовищную пустоту.

Он прошел мимо Зимнего дворца и подходил теперь к мосту.

Звенели трамваи. Гудели автомобили. Мимо проходили люди, чужие и равнодушные.

О какой молодости он думал? Что за вздор! Он — старый человек из другой жизни. Вот он помнит этот мост на барках. Осенняя Нева высоко вздымала это варварское сооружение. Не трамваи, а конки, запряженные парой лошадей, въезжали с неистовым звоном на мост. Ах да, впереди пристегивали третью лошадь, и кучер, стегая кнутом, подбодрял животных преодолеть препятствие.

Здесь, по панели, ходили люди в котелках, гвардейские офицеры и гремели саблями, и роскошные барыни, нахально развалившись на сиденьях, проезжали в экипажах.

Какая безумная затея вернуть свою молодость, когда какая-то тень той прошлой жизни неотступно шла за ним по пятам.

29. ПЕРЕМЕНА

Вот наконец наступила зима.

Василек, поздоровевший и почти цветущий, бегал на коньках, нимало не смущаясь улыбок и косых взглядов.

Его несколько грузная фигура, брюшко и, главное, длинные усы веселили и развлекали молодежь на катке. Малыши, подшучивая над ним, открыто смеялись и даже толкали иной раз на него какого-нибудь зазевавшегося конькобежца.

Но Василек мужественно сносил все нападки.

Когда он появлялся на катке на своих снегурочках, раздавались возгласы восхищения и крики радости... Раздавались возгласы: «Папаша пришел. Папаша, не упади — лед раздавишь».

Но после первых двух месяцев к нему привыкли и даже заставляли его участвовать в потешном шествии и в общем беге.

Маленькие шестнадцатилетние девочки Липа и Нюся, и совершенно маленькие девчурки, родившиеся после революции,— Антенна, Фратерните,— и Володя подружились с профессором и бегали с ним взапуски, хохоча и веселясь.

Они заставляли его отгадывать их имена, и Василек наугад называл целый ряд имен и, не умея отгадать, смеялся при этом и дурачился.

Да, этот солидный профессор, державший в своей голове весь звездный мир, этот почти управитель небесных сфер, наизусть знающий, сколько километров до Луны и сколько весит планета Сатурн, этот человек вел теперь дурацкие разговоры на самые поразительно ничтожные темы — в каком классе учится та или иная девчонка, и как ее зовут, и какая профессия может быть у ее отца.

Раскрасневшийся и слегка утомленный, Василек приходил домой и, напевая себе под нос, шел на кухню, где шарил в духовке, что осталось от обеда.

Он приходил в свою комнату и, вспоминая минувшие пустяки, раздевался и ложился в кровать и почти тотчас засыпал.

Утром, вставая рано, он делал гимнастику, бегал по саду и, подзаправившись, выезжал в Ленинград.

Между тем у соседей случилась неприятность. Бедная девочка Туля, рассчитывая выйти замуж за человека с одним ромбом, снова в слезах вернулась домой, говоря, что ей поразительно не везет и что мужчины более подлецы, чем можно было думать.

Равнодушный к таким делам бухгалтер Каретников на этот раз несколько взволновался, говоря, что это уже, знаете ли, слишком, что он не в состоянии кормить эту прожорливую девчонку, которая только и делает, что возвращается домой, заставляя родителей переживать неожиданности.

Мадам Каретникова, удивившись неизменности линии Тулиной жизни, велела ей поступить на работу, находя, что сейчас это для женщины более верное дело, чем все остальное.

А Кашкин сказал, что ей следует попросту выйти замуж хотя бы за их соседа профессора, который приблизительно мечтает об этом и который будет ее возить на южные побережья и курорты, а подохнув, непременно оставит ей крупную персональную пенсию, все имущество и арендованный дом.

Туля, со слезами слушая эти советы, махала руками и визгливо начинала рыдать, когда упоминалось имя профессора, но потом вдруг, пообдумав и вытерев глазки, сказала, что ей, пожалуй, нравится это. И что она, если на это пошло, берется буквально в два счета убрать госпожу профессоршу со своей дороги.

Кашкин, вдохновленный идеей и подбодряемый нелюбовью к профессорше, чувствуя свои организаторские способности, решил самолично двинуть дело.

Он явился к профессору на другой день и, шепча ему на ухо, без обиняков сказал, что нынче мучения профессора окончились — он может, если хочет, сделать официальное предложение одному из лучших созданий, а именно Туле — необыкновенной красоточке и умнице, которая что-то последнее время вздыхает по нем.

Василек, несколько ошеломленный сообщением, начал отговариваться, утверждая, что он и не думал об этом и что, в сущности, ему даже не нравится эта накрашенная кукла, у которой выщипаны брови и черт знает какая походка, привлекающая, может быть, развратных турок и арабов, но отнюдь не его. И что вообще ему более нравятся скромные и милые женщины с грустными глазами и медленными движениями.

Но Кашкин, перестав шептать на ухо, начал вдруг кричать на профессора, укоряя его почему-то в неблагодарности и утверждая, что он фигуряет, не имея на то решительно никаких природных данных. Он велел профессору зайти к ним в гости и убедиться в несостоятельности его толкований.

Несколько смущаясь и робея, Василек на другой день, пройдя через сад вороватой походкой, пришел к ним.

Мамаша, никогда не видевшая профессора вблизи, попятилась от гнева и удивления, сказав Кашкину, что этот престарелый субъект навряд ли составит счастье ее любимой дочери.

Но Кашкин, махнув на нее рукой и закричав, велел не вмешиваться не в свое дело. Он велел ей побежать на кухню и приготовить покушать чего-нибудь такого особенного, которое непременно нравится профессорам и ученым.

Затем, приказав Туле быть не слишком развязной и подвижной и велев не слишком ворочать ногами, говоря, что профессор этого почему-то не любит, он подвел ее к Васильку, сказав, что еще два года назад он понравился ей, когда она его увидела первый раз спящим на траве в саду. Ей будто бы запомнился этот нежный, скромный и неподвижный образ, который в дальнейшем буквально ей мешал подолгу сосредоточиваться на каком-нибудь другом отдельном мужчине.

Туля, засмеявшись, серебристым голоском сказала, что спящим она его не видела, но сидящим на скамейке она

действительно много раз его видела и всякий раз до чрезвычайности удивлялась его грустному и усталому виду.

Они начали болтать, вспоминая случайные встречи, а Кашкин тем временем побежал за бухгалтером.

Найдя его на крылечке, он велел ему выйти к гостям, приказав при этом вести преимущественно строго научные разговоры и не разрешив ни в коем случае касаться каких-либо недомоганий бухгалтера, говоря, что беседы о болезнях могут вообще затормозить или сорвать общий ход дела.

Семейный вечер прошел довольно гладко, за исключением речей Кашкина, который, уторапливая события, договаривался до крайних степеней, громко советуя профессору не откладывать то дело, о котором они нынче беседовали. При этом он подмигивал и хлопал профессора по руке, называл его молодцом, свирепым силачом и дядей с барок.

Бухгалтер, выпив пару рюмок, захмелел и, неся околесицу, обнимал профессора, говоря, что, если бы не его недомогания, он бы мир перевернул со всеми его научными достижениями.

Туля, сияя красотой и распространяя аромат духов, расспрашивала профессора об его замечательной профессии, интересуясь главным образом, какую именно оплату профессор имеет за столь трудное, кропотливое научное дело.

С этого дня профессор стал бывать у соседей ежедневно. Туля вела себя крайне строго и благородно, позволяя профессору раза два в вечер поцеловать ее руку.

Побрившись и надушившись, помолодев лет на десять, Василек ежедневно приходил к Туле и подолгу засиживался у нее, разговаривая о том о сем и строя планы будущей жизни.

Девушка говорила, что она согласна быть его женой, но что она ставит непременным условием — побрить или в крайнем случае покороче постричь усы, которые носил профессор. Она говорила, что мужчины теперь не носят таких усов, что это смешно, и ей просто будет стыдно и совестно гулять с ним. Говоря об этом, она чуть не плакала и брала слово непременно исполнить ее желание.

В скором времени Василек действительно подстриг усы, оставив маленькие полоски, которые он слегка подкрасил в коричневый цвет, помолодев благодаря этому еще лет на пять.

Василек возвращался теперь домой, всякий раз смущаясь и побаиваясь предстоящих объяснений. Но объяснений не было. Лида злобными глазами смотрела на отца и, презрительно фыркая, отворачивалась.

Что касается мадам, то она как будто бы ничего не замечала и неистово раскладывала пасьянсы, стараясь найти ответы на свои сомнительные и вздорные вопросы.

Здоровье Василька было в это время чрезвычайно хорошим. Он чувствовал себя молодым и энергичным. Он чувствовал тот прилив сил и ту замечательную радость, которых не было у него уже много лет (XVII).

Он мог подолгу работать, как прежде, в молодые годы. Он начал записывать даже свои лекции, которые бросил восемь лет назад.

Он радостный вставал утром. Шел на работу и, вернувшись домой, спешил к Туле, к которой он чувствовал теперь привязанность, благодарность и даже влюбленность.

Кашкин, подмигивая ему, потирал руки и говорил слова ободрения, от которых профессор таял и радовался.

В один прекрасный весенний день профессор, сложив два чемодана и написав жене записку, вышел незаметно из дому и перебрался на жительство к соседям.

30. ДРАМА

Драма произошла более сильная, более тяжелая, чем можно было ожидать.

Долго не понимая, в чем дело, профессорская жена теперь как-то сразу почувствовала всю тяжесть событий.

Лида, смущаясь и краснея за отца, держа в дрожащей руке записку, говорила матери разные слова утешения. А та, остолбенев, ошеломленная сидела в кресле, неподвижно устремив взор в одну точку. Она не плакала и не рыдала, и даже слезы не текли у нее из глаз.

Эта странная немолодая женщина, жившая в своем каком-то фантастическом мире, вдруг почувствовала себя несчастной, молодой и оскорбленной.

Страшное отчаяние овладело ею. Она после нескольких минут ошеломления стала метаться по комнате, истерически крича и падая на пол. Ее припадки и горе были так велики, что Лида думала было побежать к соседям, чтобы умолить их вернуть беглеца.

Однако к вечеру покинутая женщина, по-видимому,

немного успокоилась. Она надела шелковое платье, подкрасила губы и долго стояла у зеркала, что-то соображая и напряженно думая.

Полагая, что мать успокоилась, Лида ушла к себе.

Но поздно вечером к ней прибежала домработница Соня, говоря, что мадам ушла неизвестно куда в одном платье.

Чувствуя недоброе, Лида выбежала на улицу и, не найдя мать, послала записку к соседям, трагически сообщая Васильку о событии.

Профессор, прочитав записку, хотел было побежать домой, но, подумав, остался и попросил Кашкина сходить выяснить, что случилось.

Кашкин, движимый крайним любопытством, не стал себя упрашивать. Он моментально побежал к Лиде и, узнав, что мадам ушла в одном легком платье, высказал предположение, что она непременно ушла к вокзалу и там, вероятно, бросилась под проходящий поезд. Высказывая это предположение, он добавил, что подобные дела в его практике не раз случались и он слегка даже привык к этому и, во всяком случае, не видит в этом чего-нибудь особенного и такого, из-за чего надо чересчур волноваться и рыдать.

Так неуклюже успокаивая Лиду, он побежал с ней к вокзалу и, не найдя там ее матери, высказал предположение, что она, может быть, повесилась в чулане, что на это тоже иногда решаются оскорбленные женщины.

Лида, закричав и схватив Кашкина за руку, бросилась домой. Они бежали через парк, чтобы сократить дорогу.

Была весенняя светлая апрельская белая ночь. Снег еще не совсем стаял. И Лида, плача и торопясь, промокнув до колен, умоляла Кашкина поспешить, чтобы спасти ее несчастную мать.

Вдруг у пруда они увидели лежащую фигуру. Наклонившись к ней, увидели, что это была жена профессора. Она лежала на снегу, странно раскинув руки. Ноги ее были в воде.

Кашкин высказал предположение, что она непременно отравилась, после чего хотела броситься в пруд.

Однако это было не так. Она лежала в глубоком обмороке. Она хотела, видимо, броситься в воду, но силы ее оставили, и теперь она лежала, потеряв сознание.

Лида с Кашкиным с трудом принесли ее домой и, приведя в чувство и натерев спиртом, уложили в постель.

Покинутая женщина, очутившись в тепле, расплакалась, и это были слезы здоровья и облегчения.

Кашкин, почувствовав некоторое снисхождение и жалость к ней, сказал, что все обомнется и все будет хорошо и что ради них, мерзавцев мужчин, не стоит, собственно, проливать драгоценные дамские слезы, которые могут пригодиться для других целей.

После чего, успокоив Лиду, он вернулся домой и, захлебываясь от торопливости и возбуждения, рассказал профессору, что именно случилось.

Профессор, пожав плечами, сказал, что завтра он непременно зайдет объясниться с ней и что подобного взрыва дурацкой романтики он не ожидал увидеть.

Туля, надув губки, сказала, что он, кажется, что-то слишком озабочен событием и, кажется, готов даже сейчас побежать. И что если это так, то ей не нужно такого раздвоенного чувства, пусть он совсем уходит к своей кикиморе и больше не возвращается. Ее самолюбию не очень-то льстит подобная соперница, с которой к тому же ничего не случилось.

Через час бухгалтер Каретников пошел узнать о последних новостях. Не заходя в дом, он поглядел в окно и увидел, что профессорша спала. А рядом с ней на стуле сидела Лида, скорбно сжав губы и нахмурив брови.

Утром, как ни в чем не бывало, профессор отправился в Ленинград и вернулся к Туле, не заходя домой.

Профессорша, заболев простудой и нервной горячкой, две недели пролежала в постели. И встала несколько иной, чем была,— чрезвычайно строгой, молчаливой и сосредоточенной.

Лида два раза приезжала домой со своим мужем.

Это был человек, по наружности простой и добродушный, в высоких русских сапогах и темном свитере. Он, конфузясь, улыбался, когда говорил, и Лиду называл Лидухой.

Он, покачивая головой и возмущаясь поступком профессора, утешал тещу, говоря, что муж, конечно, вправе уйти, но что именно так уходить, конечно, не полагается. Она должна быть твердой и мужественной, ей не так-то много лет, чтобы впадать в отчаяние. Он предлагал устроить ее на работу и, радостно оживляясь, говорил о будущей жизни, о невозможности в дальнейшем таких мещанских драм и о счастливых днях, которые люди завоюют себе упорным трудом и собственной волей.

Он обещал непременно найти ей такую счастливую работу, которая принесет облегчение и не даст ей быть одинокой и покинутой.

Лида благодарно пожимала ему руку и говорила матери, что это единственный человек, цельный и мужественный, которого она уважает в полной мере.

31. НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Что касается профессора, то он без памяти полюбил свою красавицу Тулю, или, как по паспорту оказалось, Наталью Каретникову.

Он просто не представлял, что у него может возникнуть такое чувство.

Он часами, когда она спала, смотрел на ее лицо, на ее узенькие бровки и вздрагивающий ротик. Он боялся пошевельнуться, чтоб не разбудить ее.

И, когда она вставала, он приносил ей чай в кровать и с ложечки кормил ее, упрашивая и умоляя скушать и выпить еще.

Она ломалась и капризничала, говоря, что у нее нет аппетита и что в скором времени она, наверное, умрет от туберкулеза или от чего-нибудь подобного, в то время как волчий аппетит не покидал ее ни днем ни ночью.

Она капризничала, фигуряла и третировала мужа.

Она заставляла его по нескольку раз приносить то одно, то другое. И он, боясь ее гнева и немилости, безропотно исполнял все ее капризы и желания.

Он страстно и необыкновенно полюбил ее. А она, видя такую любовь, совершенно дошла до пределов возможного. Она валялась в кровати до тех пор, пока он не приходил со службы, и вообще часто не желала совсем вставать, и не хотела даже мыться, говоря, что вода першит ее атласную кожу и закидывает прыщиками.

Он, намочив полотенце теплой водой с одеколоном, вытирал ее красную мордочку. И чистил ей зубки, упрашивая ее раскрыть ротик, чтоб пополоскать.

Она, дурачась, плевалась в него полосканием и падала на кровать от смеха, когда он пытался обидеться или нахмуриться.

Она называла его дурачком, мурочкой и мордочкой, и он таял от этих ласковых слов, чувствуя себя на седьмом небе от счастья и блаженства.

Теперь Василек, приезжая со службы, приносил ей

конфеты и подарки. Он обещал ей сделать разные меховые пальто и длинные шелковые платья.

Туля, капризничая, требовала разных немыслимых вещей — горностаевых палантинов, поездки в Японию или в крайнем случае поездки в Ялту, на Черное море.

Это последнее профессор ей торжественно обещал, после чего она почувствовала как будто некоторую благодарность и нежную привязанность к молодеющему старику, надоедавшему ей своими ласками.

Кашкин, видя необычайную любовь, горделиво ходил по дому и, встречаясь с профессором, говорил, что, не будь его, тот никогда не увидел бы ничего подобного, а помер бы в своей лачуге, как последний муравей, без луча счастья и радости.

Профессор жал ему руку и говорил «мерси», на что Кашкин уклончиво отвечал, что с «мерси» ему не сшить шубы.

Туля, по временам требуя зрелищ, ходила с профессором в кино и ездила в Ленинград, посещая там кафе и мюзик-холлы.

И всякий раз профессор, выходя с Тулей из сада, немного трусил, боясь встретиться с Лидой или с бывшей женой.

Он встретил однажды Лиду, держа свою Тулю под ручку.

Лида страшно покраснела, увидев его. И вдруг, подойдя к нему, неловко и как-то по-женски ударила его по лицу.

Туля, дико завизжав, хотела, как разъяренная тигрица, броситься на Лиду. Но Василек, схватив Тулю за руки, отвел ее в сторону и попросил не впутываться в глупую историю.

Он посмотрел на Лиду скорее равнодушно, чем злобно, и улыбнулся ей какой-то нехорошей улыбкой, обнажившей его зубы. Затем, приподняв фуражку, он круто повернулся на каблуках и, взяв свою разъяренную крошку под руку, проследовал дальше.

Лида бросилась назад, к своему дому. А Василек, потирая щеку, увлекал подальше свою даму, которая буквально рвалась догнать Лиду, чтоб схватиться с ней или укусить в щеку.

Кашкин, узнав об этом случае, страшно хохотал, говоря, что теперь профессор, съев по морде, тем самым окончательно отрезал пути к возвращению. Он сказал, что случай этот, несомненно, к счастью и что теперь следует окончательно ликвидировать все отношения.

Он намекал на оставленное в том доме имущество профессора и вызвался принести все это, если ему будет уделено кое-что из заграничного гардероба профессора. Туля тоже пожелала пойти вместе с Кашкиным, но Василек попросил ее не делать этого.

В тот же день Кашкин, придя к Лиде, потребовал суровым тоном выдачи всего, что полагалось профессору.

Лида вдруг, не сдерживая себя, плюнула в лицо Кашкина, сказав, что он может обирать, что ему угодно.

Кашкин, сказав: «Но-но, не очень-то распущайте себя плевками», проник в комнату и, собрав два узла имущества, вернулся к профессору, умолчав о плевке.

Однако плевок этот взбудоражил Кашкина. И, почувствовав часа через полтора крайнее оскорбление, он дал себе слово разорить это осиное гнездо.

И, выйдя в сад, он стал кричать в сторону соседей разные обидные, оскорбительные слова и названия, предлагая Лиде выйти и обещая заплевать с ног до головы эту долговязую дылду, которая разыгрывает из себя какую-то горделивую баронессу.

Покричав еще о безобразии аристократической жизни и вернувшись домой, Кашкин отобрал из профессорского гардероба несколько пар брюк и джемпер и, слегка утешившись, позабыл о своих угрозах.

Между тем наступил май.

Туля категорически велела профессору достать путевку в дом отдыха на Кавказ или в Крым.

И Василек, достав путевки, стал поспешно собираться, слегка беспокоясь, как бы не случилось такого, что помешает им выехать.

32. ПОЕЗДКА НА ЮГ

Наконец день поездки был назначен.

Туля, возбужденная и красивая, впервые в своей жизни собиралась в столь далекое путешествие. Неопытная в таких делах, она собрала в свои чемоданы столько ерунды и дряни и столько простынь, полотенец и шляпок, что все это нужно было нести по крайней мере трем носильщикам.

Василек, не менее взволнованный предстоящей поездкой, суетился и нервничал.

Его здоровье было прекрасным, и он никогда еще не чувствовал такой бодрости и прилива энергии. Небольшой шум в голове он приписывал волнениям последних дней.

Любовь его к Туле не ослабевала. И, кроме любви, он чувствовал к ней благодарность — ему казалось, что эта девочка возвратила его молодость.

Накануне отъезда вдруг пришла записка от Лиды.

Василек, прочтя записку, страшно побледнел и стал ходить по комнате, обхватив свою голову руками.

Туля иронически и недоброжелательно смотрела на него, ожидая, что он сейчас отменит поездку или что произойдет сейчас еще что-нибудь, более худшее. Привыкнув к неожиданностям своей жизни, она была готова ко всему.

Но Василек, взяв себя в руки, сказал, что все пустяки, все пройдет и все обойдется.

В записке Лида писала, что его сын Николай умер в больнице после операции.

Василек, поцеловав Тулю, сказал ей, что они тем не менее едут завтра и что нет той силы, которая остановит их.

Через час они продолжали сборы как ни в чем не бывало.

Наконец наступил день отъезда.

В отдельном купе они выехали из Ленинграда в Севастополь.

Василек был счастлив и радостен. Он восторженными глазами смотрел на Тулю, говоря, что, кроме нее, вся остальная жизнь померкла для него.

Они приехали в Севастополь и на пароходе выехали в Ялту.

Девушка впервые видела юг и теперь, восторгаясь природой, вскрикивала, показывая пальчиком то на величественные горы, то на необычайные облака.

Василек объяснял ей все, что полагается, и таял от радости и счастья.

Много раз он был тут, все, казалось, уже стерлось в его воображении, но сейчас он как бы новыми глазами глядел на все, восхищаясь не менее, чем восхищалась она.

Они приехали в Ялту и остановились в гостинице, в комнате, выходящей на море.

Первые дни невозможно описать — настолько все было необыкновенно хорошо и замечательно.

Они утром, обнявшись, выходили на балкон и, целуясь, восторгались неземными красотами природы.

И теперь, вспоминая свои молодые годы, он почти не видел разницы. Напротив, многое сейчас казалось ярче и дороже и даже таким, каким он никогда не видел.

Его несколько беспокоили легкие головные боли и непрестанный шум в ушах. Но он позабывал об этом в присутствии Тули.

Через несколько дней Туле, однако, надоели картины природы и чрезмерно пылкая любовь профессора.

Она сидела теперь на балконе в некоторой меланхолии, капризничая и раздражаясь еще больше, чем всегда.

Василек пытался занять ее разговорами о том о сем. Он рассказывал ей о звездах и планетах, но она не проявляла никакого интереса к далеким мирам. Она ходила по земле двумя ногами, и все, что было далеко и недостижимо, ее ничуть не трогало и даже не забавляло.

Она вставляла глупые и даже ехидные фразы в его астрономические рассуждения, спрашивая о таких вещах, о которых науке было неизвестно,— о любовных делах на других планетах, о шелковых тканях и о том, что бы случилось, если бы она, величественная в своей красоте, появилась бы в ином мире.

Нет, ее не слишком-то интересовала эта чушь и детские сказки. Ей было скучно вдвоем сидеть на балконе. Она начала ныть и скулить, говоря, что ей хочется танцев, заслуженного успеха и прекрасных экипажей.

Она начала флиртовать с молодыми людьми на пляже и в столовой. Она начала снова наряжаться и выходить к обеду подкрашенная и подведенная.

Молодые люди, принимая профессора за ее отца, довольно недвусмысленно подходили к Туле с разговорами и предложениями погулять.

Василек не препятствовал прогулкам и, воспользовавшись ее отсутствием, отдыхал на кровати, надеясь, что спокойствие утихомирит шум в голове.

Он чувствовал себя исключительно хорошо, но неистовый шум и звон в ушах заставлял его думать о том, что происходит что-то не совсем благополучное.

Он приписывал это морским ваннам и купаньям и отчасти тому режиму молодости, который он вел в течение почти полугода. Он давал себе слово быть более осторожным и не ходить в далекие прогулки по горам.

Однажды, придя к себе в номер после морских ванн, он неожиданно застал Тулю в объятиях какого-то молоденького инженера.

Свет померк в его глазах.

Он сказал: «Ах, Туля!» — и, судорожно хватаясь руками за дверь, упал.

Плача и причитая, Туля бросилась к нему. А молодой

мужчина, поправляя галстук и бормоча: «Пардон, пардон», выбежал из комнаты.

Был позван коридорный, который положил Василька на диван.

Был приглашен врач, который сказал, что у профессора удар, быть может незначительный и несерьезный.

Василек лежал, неподвижный, на диване. У него отнялась правая часть тела, и он не мог говорить.

Он умоляющими глазами глядел на Тулю и разводил левой рукой, как бы говоря, что вот, мол, какое произошло несчастье.

Через два дня ему стало лучше, и он с трудом мог произнести несколько слов.

Эти первые слова были:

— Вез'ыте д'ом'ой...

33. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Что касается Кашкина, то с отъездом профессора он почувствовал крайнюю пустоту, и ему буквально не сиделось дома.

Он несколько дней, весьма недовольный и рассерженный, ходил по комнатам, задергивая чету Каретниковых своими грубыми замечаниями и окриками.

Да, черт возьми, он свалял дурака. Он, который создал буквально небесное счастье обшарпанному профессору,— он не воспользовался ничем. Пару штанов, что он взял у этой ученой размазни, он бы мог отдать и обратно.

Рассерженный Кашкин, хватая из шкапа эти штаны, швырял их в кроткого бухгалтера, который все же не осмеливался брать себе эти штаны, а, откладывая в сторону, говорил, что профессор в дальнейшем непременно еще чего-нибудь отпустит из своих вещей.

Кашкин, презрительно фыркая, плевался на пол, чувствуя, что он упустил горячее время.

Да, черт возьми, очень ему нужны штаны, когда он мог бы потребовать у профессора по крайней мере обеспечения на год, пайка или хотя бы поездки в ту же Ялту. Казалось бы, мог эта скотина сообразить и вывезти на южное побережье не только эту дуру, но и его, утомленного хлопотами и беготней. Если на то пошло, он возьмет сейчас и дернет в Ялту. Какого черта он тут будет ждать. Пускай профессор чувствует и понимает его благодеяние.

И действительно, поговорив несколько дней на эту тему,

Кашкин, неожиданно купив билет, выехал в Ялту, ликвидировав перед тем кое-что из вещей профессора.

Кашкин приехал в Ялту на третий день после несчастного случая, из-за которого профессор поплатился своей завоеванной молодостью.

Впрочем, врач, который лечил его, сказал Туле, что положение не очень плохое и что при правильном режиме профессор вскоре будет здоров.

Врач утешил Тулю, добавив, что дело не только в несчастном случае, а тут давно подготовлялась почва для удара — профессор, видимо, не совсем по силам вел жизнь молодого человека.

Туля, успокоившись на этом, пофлиртовала с врачом, прося его заходить почаще.

Кашкин прибыл к вечеру.

Тысячи слов и всевозможных чувств волновали его, когда он подходил к гостинице. Он церемониться не будет. Нет, он все скажет. Он ему отпоет. Хорош гусь — взял и уехал, а ему оставил шиш с маслом. Думает — ученый, так может затирать рядовых людей.

Кашкин открыл дверь номера со словами:

— Хороши, нечего сказать. Блаженствуют. Валяются, подлецы, на диване...

Однако в первое же мгновение Кашкин понял все. Он увидел банки с лекарствами на стуле и неподвижное лицо профессора. Он увидел Тулю с заплаканными глазами, сидящую на стуле в купальном костюме.

Сердито посмотрев на Тулю, которая зарыдала, он подошел к профессору и сказал:

— Говорить-то можете, или уже тово?

Василек, с трудом разевая рот, сказал, что он просит поскорей везти его в Ленинград.

Побранившись с Тулей и назвав ее холерой и вороной в павлиньих перьях, Кашкин стал распоряжаться отъездом, несмотря на то, что врач категорически запретил везти больного сейчас.

— Дорога его может убить,— сказал врач.— Сейчас не стоит рисковать.

Тем не менее, а может быть, и благодаря этому Кашкин, заказав билеты, сказал, что завтра они отбывают на пароходе в Севастополь.

Только один день Кашкин побродил по пляжу и пару раз выкупался. Благодаря этому он был сердит и к югу отнесся критически, говоря, что ничего особенного он в нем не находит.

На другой день они сели на пароход. Профессора внесли на носилках. Туля следовала с заплаканными глазами, как вдова, нарядившись в черное.

С большим трудом и хлопотами они приехали в Ленинград и с вокзала отправили профессора в больницу в карете «скорой помощи».

Дорога не ухудшила состояния больного — он лишь немного отупел и не обращал внимания на своих спутников, которые в его присутствии говорили черт знает о чем, и даже Кашкин обнимал Тулю, говоря, что, несмотря на все, она все же дивно хороша и он, пожалуй, даже мог бы жениться на ней.

На что Туля, смеясь, говорила, что он рылом не вышел и что назначение ее в жизни не такое, чтобы быть женой какого-то мелкого подлеца.

Отправив профессора в больницу, Кашкин с Тулей вернулись в Детское Село.

Лида, находясь в саду, неожиданно увидела их.

Скрывая свое отвращение и гордость, она подошла к забору и дрожащим голосом спросила Кашкина об отце.

На что Кашкин, засмеявшись, сказал, что ее отец прихворнул и в настоящее время лежит в городской больнице буквально без задних ног.

Туля, для приличия заплакав, вошла в дом, к крайнему изумлению бухгалтера и его супруги, которые просто застыли в неподвижных позах от удара и удивления.

А Лида, поговорив с мамашей, оделась и выехала без промедления в Ленинград.

Мать осталась дома и, заламывая руки, тревожно ходила по комнатам.

Лиду пустили к отцу только на пятый день.

Купив у ворот больницы несколько мандаринов, Лида вошла в палату к отцу, строгая и суровая.

Но, увидев отца в жалкой и страдающей позе, заплакала, уткнув голову в его колени.

Слезы полились из глаз Василька, и он, взяв здоровой рукой ее руку, поцеловал, как бы прося прощения.

Через несколько минут они, успокоившись, разговаривали дружески и любовно.

Василек полулежал на подушках. Правая часть его тела не совсем еще слушалась своего хозяина, и речь его была затруднена и невнятна.

Однако Василек надеялся на быстрое улучшение. К счастью, кровоизлияние в мозг было весьма незначитель-

ное, но положение ухудшалось нервным ударом, который, по мысли врача, должен пройти в ближайшие дни.

Что касается своей жизни, то Василек, с трудом ворочая языком, сказал:

— Бы'ают ош'ыбки, но л'ыния п'авильная.

34. ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

Через месяц Василек выписался из больницы.

Лида, приехав за ним, отвезла его в Детское.

Однако он мог бы и сам, без посторонней помощи, вернуться. Болезнь его исчезла, и только сильная бледность говорила о недавнем несчастье. Походка его была твердая и мужественная. Они пешком прошли от вокзала домой.

У калитки дома соседей остановились, как бы случайно.

— Ну что,— сказала Лида,— сюда?

Профессор, молча взяв Лиду за руку, пошел к своему дому.

Ему стало неловко вдруг за некоторую театральность и благородство жеста, тем более что благородства не было, а была боязнь за свою жизнь и неуверенность в своих силах. Он украдкой посмотрел на Тулино окно. Сердце его больно и сладко сжалось. Нет никакого сомнения, что он вернулся бы к ней и униженно просил бы ее любви и прощения.

Василек, горько усмехнувшись, взял Лиду крепко под руку и вошел в свой сад. Предстоящая встреча с женой волновала его. Руки его слегка тряслись, и голос дрожал.

Он вошел на крыльцо смертельно бледный.

Профессорша встретила его почему-то нарядная, с накрашенными губами и с цветком в волосах.

Они молча поцеловались, и Василек, опустившись вдруг на колени, сказал, что он виноват и просит прощения.

Мадам заплакала, обнаружив тем самым подведенные ресницы и свою неопытность в косметических делах.

Все кончено. Она не сердится на него. Напротив, она считает себя виноватой во многом. Она не интересовалась его жизнью. Она вела себя как дура и как старуха. Но теперь все пойдет заново.

Тут, смеясь и плача, они стали обдумывать свою дальнейшую жизнь.

Лида ходила по комнате, потирая руки, довольная и гордая возвращением отца.

В короткое время Василек вернул почти прежнее состояние, то состояние, которое у него было до отъезда на юг.

Два летних месяца, полный отдых и великий опыт прошлых дней сделали его здоровье даже более крепким, чем было прежде.

Он бегал в своей сетке по саду и по парку, он играл в волейбол, катался на лодке, и вскоре его было просто не узнать.

А осенью, начав работать, он, несколько конфузясь, заявил Лиде, что он теперь записался в бригаду ударников и что у него политических расхождений теперь нету. А кое-какие мелочи он, пожалуй, согласен оценить несколько иначе, чем он их оценивал раньше.

Быть может, он этим намекал на обойденную старость. Да, он идет за новую, прекрасную жизнь, за новый мир, в котором все человеческие чувства будут подлинные и настоящие, а не покупные.

Лида, с восхищением хлопая в ладоши, говорила, что лучшего отца ей не сыскать.

Профессорша тоже подтянулась. Гимнастикой она не пожелала заниматься, говоря, что у нее почему-то не гнутся ноги, но зато она помногу гуляла по саду с кошкой на руках.

А вечером, надев желтый капот, энергично ходила по комнатам, желая спокойной ночи обитателям дома — мужу, и Лиде, и ее супругу, когда тот раз в шестидневку приезжал к ним.

Мадам теперь подолгу беседовала со своим мужем, и муж вскоре убедился, что она не такая уж дура, какой она казалась ему последние двадцать лет.

Он даже почувствовал к ней некоторую нежность и нередко называл ее теперь «мамуля», что отдаленно напоминало ему солнечное наименование — Туля.

35. ЭПИЛОГ

Уехав вскоре из Детского Села, автор более не встречался с этими людьми.

Но, говорят, что за это время ничего плохого там не случилось.

Профессор, говорят, чувствует себя весьма недурно. Он совершенно побрил усы и выглядит совсем молодцом, помолодев еще лет на пять.

Он по-прежнему энергично работает и даже собирается, выпустить книгу о мироздании.

Лида по-прежнему замужем за своим супругом. Они, кажется, этой осенью собираются в Ялту, если его почему-либо не пошлют на трассовые разработки.

Во всяком случае, он регулярно бывает теперь в Детском раз в шестидневку, и счастье Лиды не поддается описанию.

Эта, как ее, жена профессора, сагитированная Лидиным мужем, деятельно изучает стенографию и надеется с нового года начать работать. Но выйдет ли из этого толк, автор не берется судить.

Что касается Кашкина, то этот последний по-прежнему процветает. Ему ровнехонько ничего не делается. На службе он получил повышение за активность, и в настоящее время Алексей Иванович Кашкин отдыхает в Гаграх в доме отдыха.

У Каретниковых он бывал последнее время редко — по-видимому, он перенес поле деятельности в другое место.

Сам Каретников этим летом неожиданно погиб — его убило молнией. Вернее, молния ударила невдалеке от него, а он, подумав невесть что, умер от разрыва сердца. Все это произошло чрезвычайно неожиданно и быстро. Бедняга, даже не вскрикнув, упал, и его многострадальная душа тотчас вознеслась к небу.

Похоронами распоряжался Кашкин. Он хоронил и заказывал гроб. И даже сам катил тележку, на которой возлежали бренные останки его друга, господина Каретникова.

Кое-кто из родственников Каретникова пришел на похороны в надежде, что им перепадет кое-что из оставшегося имущества. Но надежды были более чем эфемерны. И мадам, и сам Кашкин не допустили родственников даже на балкон, заставив их ожидать процессию в саду, под липами.

Кашкин сказал на могиле небольшую речь о том, что покойный Каретников был неплохой человек, хотя он и задурил свою голову излишней глупостью и беспокойством за свою болезнь.

Мадам Каретникова громко рыдала, оплакивая скорей Кашкина, который уже тогда глядел в сторону, чем усопшего мужа.

Бедная девочка Туля после еще одной неудачной истории нашла наконец тихую пристань. Она вышла замуж за корабельного инженера Ф. К. и зажила спокойной жизнью.

Корабельный инженер после медового месяца велел ей было поступить на службу, но не тут-то было. Поступив на службу, Туля через несколько дней почувствовала себя матерью и, бросив службу, перешла на положение домашней хозяйки и будущей матери.

Она несколько подурнела, желтые пятна выступили на ее лице, отчего она горько рыдала, говоря, что материнство ей кажется не менее трудным, чем замужество.

Но все это пройдет, и Туля еще будет сиять в Ленинграде своей незабываемой красотой.

Брат профессора, известный врач, по-прежнему работает на новостройке.

Две племянницы его тоже чего-то делают и изредка бывают у профессора.

Соня ушла и поступила на фабрику «Красное веретено».

Волосатовы взяли было девчонку семнадцати лет, но она, оказалось, страдала припадками эпилепсии. И, кроме того, подавая к столу кушанья, всякий раз половину съедала, оставляя семью полуголодной.

Ей хотели было отказать, но она, вскоре отъевшись, перестала прибегать к этому способу насыщения и пока что служит, хотя ею и не все довольны.

Вообще, говорят, профессора не узнать. Он ходит загоревший и окрепший, много и с удовольствием работает и больше не жалуется на головные боли и шум в ушах.

И можно предполагать, что года через два он левой рукой будет гнуть подковы, если почему-либо случайно не умрет.

С Лидой же Василек больше не ссорится. Он говорит, что идет за новую жизнь, за ту жизнь, которая будет уважать человека не за хитрость и не за количество денег, а за подлинные достоинства — за талант, ум и мужество. Кое-какие же мелочи новой жизни не вызывают у него, пожалуй, больше никаких сомнений.

И, говоря об этом, Василек всякий раз слегка вздыхает и украдкой поглядывает в ту сторону, где находится Тулин дом (XVIII).

КОММЕНТАРИИ И СТАТЬИ К ПОВЕСТИ «ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ»

I (к стр. 11)

Интересно отметить, что некоторые знаменитые люди рассматривали свою хандру и «презрение к человечеству» как нечто высокое, малодоступное простым смертным, полагая при этом, что это не признаки физического нездоровья и не результат неправильной жизни, а что-то возвышенное и исключительное, полученное ими в силу большого назначения жизни.

Обычно биографы из почтительности поддакивают этим мыслям и утверждают, что гениальный человек не мог ужиться в той пошлой обстановке, которая окружала его.

Между тем хандра есть совершенно определенное физическое состояние, вызванное либо неправильной работой нервных центров, а стало быть, и неправильной работой внутренней секреции, либо нерасчетливой тратой энергии, не пополненной вовремя. Сколько мог заметить автор из тех же биографий, физически здоровый человек с неутомленным мозгом не имел ни презрения к людям, ни хандры, ни ужасов пошлости, а если находил эту пошлость, то работал и боролся за то, чтоб улучшить будущее. Но, заболев, всегда приобретал эти свойства.

II (к стр. 11)

Вот список наиболее замечательных и всем известных людей (музыкантов, художников и писателей), закончивших свою жизнь в самом цветущем возрасте:

Моцарт (36 л.), Шуберт (31), Шопен (39), Мендельсон (37), Бизе (37), Рафаэль (37), Ватто (37), Ван-Гог (37), Корреджио (39), Эдгар По (40), Пушкин (37), Гоголь (42), Белинский (37), Добролюбов (27), Байрон (37), Рембо (37), Лермонтов (26), Надсон (24), Маяковский (36), Грибоедов (34), Есенин (30), Гаршин (34), Джек Лондон (40), Блок (40).

Сюда можно добавить еще много имен знаменитых людей, умерших около сорокалетнего возраста:

Мопассан (43), Чехов (43), Мусоргский (42), Скрябин (43), Ван Дейк (42), Бодлер (45) и другие.

Необходимо отметить следующее: некоторые из этих замечательных людей покончили жизнь самоубийством, иные умерли от чахотки, третьи от неожиданных и, казалось бы, случайных болезней. Но если присмотреться ближе, то никакой случайности не оказывается. Все совершенно логически вытекало из прожитой жизни. Все было «заработано собственными руками» [1].

Даже смерть от эпидемического заболевания не доказывает еще случайности. Здоровый, нормальный организм оказал бы достойное сопротивление, для того чтобы одержать победу над болезнью.

Автор хочет этим сказать, что случайной смерти как бы не существует.

Даже насильственная смерть, скажем, дуэль и смерть Лермонтова, скорее похожа на самоубийство, чем на случайную гибель.

Дуэль и смерть Пушкина также в какой-то мере напоминает самоубийство или желание этого, может быть даже и не доведенное до порога сознания. Во всяком случае, если проследить все поведение поэта за последние три-четыре года жизни, то это соображение покажется правильным. Достаточно сказать, что Пушкин за последние полтора года своей жизни сделал три вызова на дуэль. Правда, два первых вызова (Соллогуб, Репнин) остались без последствий, но они были показательны — поэт сам стремился найти повод для столкновений. Настроение искало объект [2].

Третья, состоявшаяся дуэль, привела Пушкина к гибели. Однако погиб не тот здоровый, вдохновенный Пушкин, каким мы его обычно представляем себе, а погиб больной, крайне утомленный и неврастеничный человек, который сам искал и хотел смерти. Уже начиная с конца 1833 года жизнь Пушкина стремительно идет к концу.

Можно вспомнить слова сестры поэта — Павлищевой:

«Если бы пуля Дантеса не прервала его жизни, то он немногим бы пережил сорокалетний возраст».

Автор не рассматривает этих людей вне эпохи. Нет сомнений, что личное свойство и поведение того или иного человека создавались средой и всеми особенностями эпохи. О чем мы и будем говорить попутно.

[2] В молодые годы Пушкин давал повод для дуэли, но не стремился найти его.

И в самом деле: здоровье Пушкина в конце 1833 года резко изменилось.

Известна запись о Пушкине в январе 1834 года (Граббе):

«Пылкого, вдохновенного Пушкина уже не было. Какая-то грусть лежала на его лице».

Осипова пишет в 1835 году:

«Приехал Пушкин, скучный и утомленный...»

Муж сестры поэта пишет:

«Сестра была (в январе 1836 года) поражена его худобой, желтизной лица и расстройством нервов. Ал. Серг. не мог долго сидеть на одном месте, вздрагивал от звонка и шума...»

Начиная с 1834 года в письмах Пушкина все время попадаются такие фразы: «Желчь волнует меня...», «От желчи здесь не убережешься...», «У меня решительно сплин...», «Желчь не унимается...», «Все дни болит голова...», «Начал много, но ни к чему нет охоты...», «Головная боль одолела меня...»

Эти письма написаны человеком несомненно больным, разбитым и страдающим неврастенией.

Эта болезнь развивалась и усиливалась со дня на день и привела поэта к желанию смерти.

Известна запись, сделанная со слов Е. Вревской:

«За несколько дней до дуэли Пушкин, встретившись в театре с баронессой (Вревской), сам сообщил ей о своем намерении искать смерти».

Эта смерть была не случайна.

Целый ряд противоречий, политических и личных, двойственное отношение к своему социальному положению, запутанные материальные дела и почти невозможность изменить жизнь — покинуть столицу без того, чтобы не поссориться со двором,— все это расшатало силы поэта и привело его к такому физическому состоянию, при котором поэт стал искать выхода в смерти.

В двух случаях Пушкин продолжал бы жить. Первое — Пушкин отбрасывает политические колебания и, как, скажем, Гете, делается своим человеком при дворе. Второе — Пушкин порывает со двором и идет в оппозицию.

Двойственное же положение, в котором находился поэт (кстати сказать, не только по своей воле), привело его к гибели.

Противоречия не ведут к здоровью.

Эта смерть была не случайна и неизбежна. Эта смерть была похожа на самоубийство.

Самоубийство же, по мнению автора, не может быть случайным. Тут громадная ошибка, когда говорят: у человека была сильная воля, и поэтому он мог покончить с собой. Это, несомненно, не так. По большей части никакой воли самоубийца не проявляет. Попросту у человека создается такое физическое состояние, при котором уничтожение себя является как бы нормальным и не случайным актом. (Можно допустить лишь редкие исключения.)

Обычно говорят: он покончил с собой, потому что у него было такое душевное состояние. Это верно. Но тут пропускается одно звено. Такое звено пропускают, когда, скажем, говорят: у пьяницы дрожали руки. Что это значит? Это значит, что центры, истощенные и разрушенные алкоголем, плохо заведуют движением.

У самоубийцы же душевное состояние, то есть мозг, ослабленный и истощенный навязчивыми мыслями и в дальнейшем, может быть, отравленный ядами неправильно работающих внутренних органов, приводит в такое полнейшее расстройство все тело и всю секрецию, что человек, в сущности говоря, почти не делает над собой насилия, заканчивая свою жизнь.

Конечно, бывают самоубийства в состоянии аффекта, в состоянии умоисступления. В этом случае картина упадка одинакова, хотя и не равноценна. Мозг, охваченный тревогой, тоской, страхом, быстро истощаясь, или, скажем, отравляясь, или находясь в полупарализованном состоянии, приводит жизнь тела в такую, правда временную, негодность, что человеку не составляет труда искать смерти.

Такого рода самоубийства, конечно, бывают нередко. Но это случается главным образом с истерическими людьми и обычно имеет благоприятный исход, поскольку сам самоубийца приходит (скажем, от холодной воды) в нормальное состояние и деятельно помогает людям спасти себя, крича о помощи и требуя спасательных кругов, врачей и карету «скорой помощи». Люди же, ищущие смерти не в состоянии временного исступления, от такой помощи отказываются и, спасенные раз, все равно и почти всегда заканчивают свои дни насильственной смертью.

Природа в этом смысле как бы идет навстречу. Ослабленный, полупарализованный мозг почти не имеет реакций на боль, и, стало быть, страх смерти и инстинкт сохранения жизни значительно притупляются.

Приходилось видеть на войне, как раненые и оше-

ломленные люди долго не ощущают не только боли, но даже и своей раны.

В декабре 1930 года я видел, как раненых при катастрофе (товарный поезд подмял под себя трамвай) отвозили в больницу. Один молодой человек, находясь в сознании, сказал пожарному:

— Я сам доберусь до больницы. Помогите лучше вот этой женщине. У нее, кажется, сломана рука.

Как оказалось в дальнейшем, у этого молодого человека были вдребезги разбиты ноги. И не только пойти — он не мог даже двинуться.

Тут природа как бы подготовляет человека к смерти, нередко лишая его разума и чувствительности. При любой почти смерти, даже, скажем, при замерзании, симптомы обнаруживаются прежде всего со стороны нервной системы. Замечается сильное притупление ощущений и полное отсутствие чувствительности. Мозг находится в полупарализованном состоянии, и переход к смерти нечувствителен.

И, стало быть, наоборот — чем-либо ослабленный и полупарализованный, истощенный мозг не защищает организм от смерти, а, напротив того, способствует ей, даже ищет ее и, во всяком случае, поощряет поиски.

Конечно, некоторые самоубийства на первый взгляд поражают и изумляют своей казалось бы неожиданностью.

Джек Лондон, этот здоровяк и «матрос», этот писатель величайшего оптимизма и утверждения жизни, покончил с собой на сороковом году жизни. Смерть эта казалась действительно неожиданной и невероятной. Родные писателя долгое время даже скрывали это обстоятельство.

Что же оказалось? Джек Лондон в течение восьми-девяти лет написал столько, сколько другой писатель, при нормальной работе, мог бы сделать в течение своей продолжительной жизни.

Почувствовав крайнее утомление, писатель бросает работу и уезжает на какие-то чуть ли не Соломоновы острова, надеясь там починить свое здоровье долгим отдыхом и путешествием.

Однако мозг, ослабленный крайним и длительным напряжением и отчасти алкоголем, не мог восстановить и даже поддержать нормальную работу организма. Потерянная инерция, на которой держался писатель, рухнула. И реакция была столь велика, что человек без сожалений расстался со своей жизнью.

Это, так сказать, в общих чертах картина гибели этого человека. Какова же внутренняя механика гибели? Как

простыми словами, не переводя на язык науки, точнее объяснить механизм этой катастрофы?

Мозг, то есть нервные центры мозга, заведует всем внутренним хозяйством и регулирует работу всех органов.

Усиленная мозговая работа возбуждает и искусственно усиливает деятельность всех органов. (Заметим, что чем сильнее нервные раздражители, тем обычно интенсивней эта внутренняя работа органов.)

Но вот работа прекращена. Нервных раздражителей больше не существует. Привычный поток крови к нервным центрам и усиленное питание этих центров прекращается. Работа центров идет вяло и с перерывами. Это влечет за собой вялость и даже по временам бездеятельность многих органов внутренней секреции. И налицо картина крайнего ослабления и крайнего упадка жизни.

У Лондона нервное раздражение, в силу огромной работы, было чрезвычайно велико. Тем сильнее оказалась реакция, когда эти раздражители были убраны. Эта смерть, если так можно сказать, произошла от неумелого обращения с самим собой.

Сделаем сравнение. Если автомобиль, идущий со скоростью восьмидесяти верст в час, резко остановить, то катастрофа неизбежна. Это знают люди, управляющие машинами, но этого почти не знают люди, управляющие своим телом. Смерть Лондона была не случайна.

Но можно ли было ее избежать? По-видимому, можно. Тут потребовался бы постепенный переход на отдых. Потребовались бы временно иные раздражители, которые поддержали бы работу организма и не создали бы столь сильной реакции. Такие раздражители, как смена впечатлений, поездка и путешествие, в данном случае, конечно, не могли помочь. Они были слишком неравноценны прежним раздражителям. На это можно было бы пойти при незначительном переутомлении.

Вопрос этот, конечно, чрезвычайной сложности, и о нем будет речь в дальнейшем. Пока только отметим, что смерть этого писателя была не случайна, но она была не неизбежна.

Крайнее утомление мозга и неумение создать себе сколько-нибудь правильный отдых привели и Маяковского к ранней смерти.

Политические противоречия не раздирали поэта — их не было. Тут главным образом была трагедия постоянной работы. Даже гуляя по улицам, Маяковский бормотал стихи. Даже играя в карты, чтоб перебить инерцию работы, Маяковский (как он говорил автору), продолжал додумы-

вать. И ничто — ни поездка за границу, ни увлечения, ни сон — ничто не выключало полностью его головы. А если иной раз, создавая насильственный отдых, поэт и выключал себя из работы, то вскоре, боясь крайнего упадка сил, снова брался за работу, чтоб создать ту повышенную нервную инерцию, при которой он чувствовал, что живет.

Трудно сказать, как именно создалось такое состояние. Быть может, существовали какие-нибудь природные свойства, какие-нибудь органические неправильности нервных центров. Но, может быть, это создалось благодаря собственным ошибкам и собственному неумению руководить собой.

Известно, что Маяковский, выезжая, скажем, отдыхать на юг, менял там свой режим — подолгу лежал на солнце, вел размеренную жизнь, но для головы, для мозга он режима не менял. Он продолжал работать, продолжал обдумывать свои новые произведения. И даже нередко выступал перед публикой с чтением своих стихов. Это был, конечно, не отдых. Это создавало хроническое нервное перераздражение. Поэт с каждым годом чувствовал себя все хуже. Головные боли, вялость и разбитость усиливались.

Следует отметить, что причины своих недомоганий Маяковский видел в другом. Свои частые недомогания поэт приписывал то туберкулезу, который якобы начался у него (как ему одно время казалось), то табаку. Он бросил курить и вовсе бросил пить, отказываясь даже от рюмки вина, однако никакого улучшения, конечно, не последовало.

Утомленный и ослабленный мозг не слишком заботится о внутреннем хозяйстве, которым он заведует и которое он регулирует. Это и привело поэта к гибели.

Все другие причины и обстоятельства были чисто случайными. И если бы этих причин не было, нашлись бы иные причины, которые толкнули бы поэта на самоубийство. Настроение искало объект.

Такая трагедия и гибель нередко случались с великими людьми. И причины такой гибели часто создавались не только социальными обстоятельствами или противоречиями, а попросту иной раз непомерной тратой нервной энергии, неумением обращаться с самим собой и неумением заведовать своей сложной машиной — своим телом.

Многие из замечательных людей погибли также от чахотки. Вот болезнь, которая чаще всего поражала поэтов, писателей и музыкантов.

Случайность заражения этой болезнью почти отпадает. Был целый ряд случаев, когда здоровые люди в течение

долгих лет жили и ухаживали за больными чахоткой и сами не заражались.

Шопен умер от чахотки на сороковом году своей жизни. Жорж Занд, прожившая с ним вместе несколько последних лет, осталась до конца своей жизни здоровой. Жена Чехова также не заразилась этой болезнью, от которой умер Антон Павлович.

Стало быть, тут все дело в особой склонности, в особом предрасположении подорванного организма. Ведь нередко бывали случаи, когда люди по доброй воле прививали себе ту или иную болезнь, чтобы на себе проследить течение ее, однако не заболевали.

Был невероятный случай, когда мюнхенский профессор Петтенкофер (в 1883 г.), желая доказать, что микробы не для каждого человека представляют опасность и даже что они сами по себе безвредны, взял пробирку с ядовитой культурой холерных вибрионов и на глазах многих свидетелей выпил все содержимое ее. Петтенкофер не только не умер, но даже не заболел расстройством желудка.

Этот невероятный случай назван наукой загадочным. Высказывали мнение, что микробы действительно не для всех опасны и что требуется особое предрасположение и особые свойства ослабленного организма. Это мнение, вероятно, и есть наиболее правильное. Вообще же вопрос о сопротивляемости организма остается до сего времени неразрешенным.

Здесь, по-видимому, можно провести параллель и в отношении заболевания чахоткой. По-видимому, надо иметь особую склонность и, может быть, особое, неправильное питание легких, чтоб заболеть чахоткой.

Существует распространенное мнение, будто больной туберкулезом обычно отличается чрезвычайной склонностью к чувственности и повышенным эротизмом. Однако возможно, что тут в какой-то мере причина спутана со следствием. Повышенная чувственность, требуя большого расхода энергии, несомненно нарушает и понижает питание легких и создает благоприятную почву для туберкулеза.

Конечно, не только повышенная чувственность, но и всякая непомерная трата сил может создать аналогичную картину.

А если это так, то и чахотка не является чем-то неожиданным и случайным, даже при условии неблагоприятной наследственности. Она, правда, нередко и даже по большей части возникает в силу социальных причин и бывает часто

как бы неизбежной благодаря непомерной работе и крайне тяжелым условиям жизни, но вместе с тем она также происходит и за счет неумелого обращения со своим организмом.

В заключение этой статьи автор хотел сказать несколько слов о Гоголе и о причинах его ранней смерти.

Болезнь, психоз и смерть Гоголя чрезвычайно характерны и поучительны.

Конечно, о Гоголе должна быть особая речь. Кажется даже странным, что этот великий человек, вернее — великий писатель, находится в нашем списке, то есть в списке тех лиц, которые чего-то не поняли.

Из чувства почтения к этому писателю автор не решается окончательно утверждать свои мысли. Быть может, автор и сам тут в чем-нибудь не разобрался. Но все же нам кажется, что Гоголь совершил грубейшую ошибку, приведшую его к душевной болезни и к ранней смерти.

С тридцати лет Гоголь ездил по европейским курортам в поисках своей утраченной молодости.

Он ждал, что исцеление придет к нему, если он примет столько-то ванн и выпьет столько-то стаканов карлсбадской воды.

Он с серьезным видом писал об этом своим друзьям. Эти письма просто тяжело читать. Представление Гоголя о своем организме иной раз доходит до полной наивности, что идет вразрез с его умом и пониманием жизни.

Но автор в данном случае делает поправку на эпоху. Каждая эпоха бывает слепа к каким-то вещам.

Гоголь искал исцеления от воды и от путешествий, в то время как это исцеление могло прийти к нему лишь изнутри. Быть может, стоило только изменить свое отношение к тем вещам, которые его тревожили. Что, пожалуй, можно было сделать, так как больших противоречий политических и общественных писатель не знал.

Философ Сенека (53 г. нашей эры) писал своему другу Люцилию:

«О Люцилий, чему ты дивишься, что путешествия тебе не помогли. Ведь ты повсюду за собой возил себя самого».

(Эту замечательную фразу Сенека приписывал Сократу.)

Так вот, Гоголь повсюду возил с собой себя самого и ничего не сделал для того, чтобы изменить это и предотвратить душевную болезнь, которая развивалась при крайне ненормальном течении его жизни.

Гоголь умер на 42-м году жизни. Врачи, лечившие его

последние годы, находились в полнейшем недоумении по поводу его болезни. Казалось бы, никаких болезней у него не было. И, конечно, восемьдесят лет назад эти болезни распознать было трудно. У него был нарушен обмен веществ и была неправильная, крайне ослабленная работа всех органов, несомненно вызванная расстройством внутренней секреции, которая, в свою очередь, пришла в негодность в силу крайнего переутомления нервных центров. Необходимо сказать, что внутренняя секреция находится в теснейшей связи с тем аппаратом, который состоит из ряда центров, находящихся в мозгу [1].

Стало быть, значительное утомление мозга и неправильное питание его нарушают работу секреции, которая, в свою очередь, неправильно работая, отравляет мозг и кровь химически неправильной продукцией своих желез.

Тут, вероятно, дело не только в систематическом утомлении. В данном случае (у Гоголя) можно допустить какую-то наследственную неправильность, какую-то слабость механизма, заложенную в центральный частях нервной системы, которая регулирует и создает обмен веществ. В наши годы медицина, без сомнения, признала бы у Гоголя психоневроз, который, вероятно, можно было убрать путем тщательного психоанализа и перевоспитания характера. При разумном отношении это не привело бы к душевной болезни. В молодые годы у Гоголя большой нервный подъем сменялся сильнейшей депрессией. Это как раз и указывает на непорядки в регуляторе, который ведает темпом и ритмом организма. В молодые годы Гоголь отчасти умел бороться с этой неправильностью, правда скорей инстинктом, чем рассудочно. Он перебивал неправильную и ложную инерцию упадка сменой впечатлений, путешествиями.

Он встряхивал себя с ложной позиции, как встряхивают, чтоб зажечь, электрическую лампочку с порванным волоском. Если б Гоголь изучил себя более внимательно и понял некоторые особенности своего не совсем здорового мозга, он смог бы управлять собой и не допустил бы разви-

---

[1] Это так называемая вегетативная нервная система, которая, кроме центров в мозгу, состоит еще из нескольких нервных стволов, имеющих разветвления по всему телу. Аппарат этот регулирует и заведует деятельностью центра, работой кишечно-желудочного канала, кровообращения, выделением химических секретов желез и т. д. Эта связь (несомненно, взаимная) между железами секреции и нервной системой чрезвычайно сложна и не окончательно изучена. Во всяком случае, тесная связь установлена — укол булавкой в определенный участок мозга вызывает появление в моче животного сахара.

тия душевной болезни, которая возникла от целого ряда причин и ненормальностей как внутреннего порядка, так и внешней линии его жизни.

Интересно и доказательно отметить, что физическая смерть Гоголя последовала именно из-за неправильного обмена веществ. Последние недели своей жизни, будучи психически больным, Гоголь ел чрезвычайно мало, а последние дни он вовсе отказывался от еды. Тогда врачи стали его кормить насильно. Однако желудок его бездействовал. И Гоголь умер в полном упадке сил от полнейшего функционального расстройства всего организма.

В сущности говоря, тут все дело было в истощенном мозгу. Правда, врачи говорят, что мозг сам по себе не истощается. Но это, вероятно, не совсем так — неправильное питание мозга, конечно, изменяет состав клетки и истощает нервные узлы, а стало быть, истощает или, лучше скажем, ослабляет мозг, который является главным регулятором нашего тела, и ни одно жизненное явление, ни один процесс, ни один жизненный акт не совершается без предварительного нервного импульса и без особой реакции мозга. И, повредив этот аппарат, нарушив правильность его отправлений, можно тем самым совершенно запутать и привести в негодность работу всех органов.

Повредить же этот сложный и нежный аппарат чрезвычайно легко. Желудок, сердце и легкие существуют миллионы лет — они неразрывно связаны с человеческим существованием. Мозг же как аппарат мышления возник недавно. И это тем более требует бережного и умелого обращения.

III (к стр. 11)

Таких людей, бросивших работу в молодые годы, чрезвычайно много. Из великих можно назвать: Глинка, Шуман, Фонвизин, Дэви, Либих, Буало, Томас Мур, Вордсворт, Кольридж и другие.

Очень характерна жизнь нашего замечательного композитора Глинки. Он прожил 54 года, но примерно в 38 лет деятельность его почти заканчивается. Он берется писать две новые оперы, но бросает работу. И последние 10 лет находится в большой депрессии — пишет лишь мемуары о своей жизни и церковные произведения.

Буало прожил до 75 лет, но с 40 уже не работал.

Знаменитый химик Дэви, открывший ряд новых элементов (калий, натрий, барий и магнезий), открывший газ ацетилен, изобретатель предохранительной лампочки, на-

званной его именем, гениальный физик и химик Дэви в 30 лет уже близится к закату. И в 33 года его научная деятельность обрывается. Однако после этого он живет еще 20 лет. Причем интересно отметить силу разрушения или, скажем, изменения работы его мозга. За эти 20 лет он пишет две незначительные и даже странные книжки. Одна из них — «Руководство к ужению рыб». Вторая — «О культуре». Последняя книга признавалась любопытной и даже замечательной, но человечество, несомненно, обошлось бы и без нее.

Вот еще картина гибели и разложения великого человека. Знаменитый немецкий химик Либих (1803—1873) к 30 годам, крайне переутомленный напряженной мозговой работой, уже чувствовал полнейший упадок сил.

Он писал друзьям:

«...Я почти устал от своей жизни и могу представить себе, что в иных случаях выстрел или веревка являются прохладительными средствами».

Вот другое письмо, которое писалось в 35-летнем возрасте:

«...Не будь я женат и не имей я троих детей — порция синильной кислоты была бы мне приятнее, чем жизнь...»

Тем не менее человек прожил до 70 лет. К 40 годам прекращается его карьера как экспериментатора в области науки.

Главные его открытия и исследования были сделаны до 37-летнего возраста.

Во второй половине жизни он кое-как работал над практическим применением своих открытий. Эти работы, однако, практического применения не имели и не получили никакого распространения.

Суп для грудных детей, порошок для печения хлеба, кофейный экстракт — вот чем 30 лет занят был великий человек. Тут произошла (как и у Дэви), по-видимому, какая-то физиологическая затрата тех частей мозга, которые особенно напрягались при творческой работе.

Шуман, Гофман, Леонид Андреев закончили свою деятельность примерно к 36 годам.

В 36 лет Л. Андреев писал в письме:

«Началась бессонница. Все не сплю — в голове клейстер. Я нездоров. Вдруг сразу начинает отказываться вся машина. Видимых причин как будто и нет. Невидимые — где-то глубоко, в душе. Все болит, работать не могу, бросаю начатое».

И в 38 лет:

«Теперь совсем расхворался. Что-то с нервами, что-то с сердцем, что-то с головой. Все болит, и в особенности распроклятая голова...»

С этих лет Андреев перестал существовать как замечательный писатель. Произведения последних лет были посредственны и даже как бы вымучены.

Причины были, говоря идеалистическим языком Андреева, «где-то глубоко, в душе».

Блестящий сатирический английский поэт Вордсворт (1770—1851) прожил 81 год. Англия считала его одним из величайших поэтов и называла его именем целую эпоху английской литературы, ту эпоху, в которой блистали имена Байрона, Шелли, В. Скотта. Вордсворт пользовался в Англии большей популярностью, чем даже Байрон. Однако все ценное сделано было Вордсвортом до 40 лет. После чего, как отмечала история литературы, «он исписался и в течение 40 лет повторял самого себя...».

Другой замечательный поэт Англии, Кольридж, жил до 62 лет, но в 30 лет оставил поэзию, как сказано у биографа — по болезни, и выступал в дальнейшем только в качестве критика, а еще позже — в качестве философа и богослова.

Чрезвычайно любопытна жизнь и гибель нашего писателя Фонвизина. Литературная его карьера закончилась в 37 лет. В 40 лет его разбил паралич. Причины этой болезни врачи установить не могли. Однако сам Фонвизин приписывал это исключительно усиленной литературной деятельности.

Разбитого параличом Фонвизина возили в колясочке, причем он не раз приказывал лакею остановить свою коляску на набережной, около Академии наук (там был тогда университет), и, когда студенты выходили из университета, Фонвизин махал рукой и кричал им: «Не пишите, молодые люди, не пишите. Вот что сделала со мной литература».

Он умер на 48-м году жизни.

Напряженная мозговая работа подорвала даже такие великолепные, даже сказочные силы, как у Наполеона.

На 36-м году жизни Наполеон делает первую грубейшую ошибку. Он впервые выказывает страх (то есть, попросту, слабость нервов) перед Бурбонами — арестовывает на нейтральной зоне герцога Энгиенского и расстреливает его.

Про эту ошибку наполеоновский министр полиции

Фуше остроумно сказал: «Это было больше, чем преступление,— это была ошибка».

В 1808 году Наполеон начинает самую бесполезную и даже бессмысленную войну против Испании. Один из биографов, говоря об этой войне, отмечает: «Разум Наполеона утратил сознание меры».

После первых неудач нервы Наполеона уже заметно стали сдавать. Вернее — нервы Наполеона стали сдавать, и тогда начались первые неудачи. После 1808 года Наполеон стал не только раздражительным, но он буквально приходил в бешенство при малейшем возражении.

С этих лет он уже подряд проигрывает почти все сражения. Он затевает плохо продуманный поход в Россию. Он становится чувствительным и даже малодушным. В период Ста дней он проявляет признаки крайнего безволия — он плачет над портретом сына и в ответственнейший момент не едет сам к войскам, а посылает своего генерала.

Можно смело сказать, что после 39 лет жизни Наполеон как бы не существует.

О Наполеоне 1815 года биограф пишет:

«Не физическая, а душевная усталость свинцовой тяжестью приковывает его даже днем на целые часы к кровати».

Истощенный, перераздраженный мозг разрушил этого великого и необычайно умного человека, быть может — одного из умнейших людей.

Вот небольшая сценка, которая показывает, насколько Наполеон был умен и насколько понимал физическую сущность вещей.

В 1810 году он посетил лагерь зачумленных. Он хотел показать пример мужества и бесстрашия. Обойдя лагерь, он сказал своим приближенным: «Кто способен побороть страх, тот может побороть и чуму».

И в самом деле. Страх — это такое нервное состояние (слабость, бездеятельность многих нервных центров), при котором организм особенно восприимчив к болезням.

Закат Наполеона был не случаен. Он был, кроме того, неизбежен. Положение обязывало затрачивать колоссальную энергию.

IV (к стр. 12)

Это устаревшее слово «вдохновение», вероятно, ничего не объясняет современному читателю. И поскольку весь наш материал касается людей, связанных с творчеством, нелишне об этом кое-что сказать и расшифровать это поня-

тие, это состояние, которому приписывались какие-то чуть ли не божественные свойства.

Старое понятие «вдохновение» не заменено еще другим словом. Это такое, что ли, счастливое сочетание физического здоровья, бодрости, нервной свежести и уверенности в себе, которое позволяет всю силу своей личности бросить в одно место — в данном случае, скажем, в искусство. Это есть мощь, потенция. Это есть особая, но не совсем правильная работа всего организма. Вернее, даже совсем неправильная работа. Вдохновение — не совсем нормальное состояние. Это скорее перегрузка, это высокая работа организма за счет других, более низких, функций. Это так называемая «сублимация».

Каким образом и откуда возникает это творческое состояние, названное вдохновением?

Замечено, что человек, который живет распутно, не может иметь вдохновения. Он может иметь вдохновение, но он имеет его тем меньше, чем больше он распутничает. Причем не только распутство, то есть излишняя трата энергии, но и счастливая, равномерная жизнь, благополучие, любовь к женщине — все это весьма плохие обстоятельства для вдохновения.

Правда, классический пример — влюбленные пишут стихи. Но они всякий раз перестают писать, если их любовь увенчана. То есть влюбленные пишут стихи именно до того момента, покуда они не затратили своей энергии на более «низменные» потребности.

Если же, предположим, человека оставила женщина и этим он несчастен — есть все шансы, что он напишет какую-нибудь вдохновенную поэму или роман. Таких примеров мы знаем множество [1].

Чрезвычайно трагична и показательна в этом смысле жизнь Бальзака. Этот величайший писатель, написавший столько, сколько никому не удавалось, подряд терпел в любви поражения.

Человек любил женщину в течение почти 30 лет. И за эти годы он лишь три раза с ней встречался. Первый раз две недели, второй раз месяц, и наконец, уже будучи развали-

---

[1] Боккаччио в своем предисловии к «Декамерону» пишет, что несчастная любовь создала ему эту книгу. Он написал эту книгу «благодаря Амуру, который освободил его от своих уз».

Бетховен однажды, отказавшись от любви, которую предложила ему одна из его поклонниц, сказал своему другу: «Если бы я таким образом захотел пожертвовать свои силы, что же бы осталось для лучшего, для благородного?»

ной, за полгода до смерти, он женился на ней. Вот пример необычайной сублимации, переключения низменных процессов на творчество.

Ж. Ж. Руссо пишет роман «Новая Элоиза» в тот год, когда он, как сообщают его биографы, был безумно влюблен в одну женщину — и она не принадлежала ему.

Вот еще один классический пример сублимации.

Пушкин делает предложение Н. Гончаровой. Свадьба назначена на октябрь 1830 года. Пушкин получает от отца имение Болдино и в последних числах августа спешно выезжает туда для устройства дел. В первых числах сентября Пушкин собирается вернуться назад. Однако возвращение невозможно. Всюду по случаю холеры расставлены карантины, и путь к Москве и Петербургу отрезан. Влюбленный поэт невольно задерживается в Болдине больше чем на три месяца.

Все негодование, страсть, тоска, злоба и бешенство на задержку, вся нерастраченная нежность и любовь к своей невесте — все это в течение трех месяцев «перемалывается», переключается на творчество. Так называемая «болдинская осень» была исключительна по обилию творческой продукции. Никому, пожалуй, и никогда не удалось в течение трех месяцев создать столько, сколько создал Пушкин.

Он закончил «Евгения Онегина», он написал пять «Повестей Белкина», он написал «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Домик в Коломне», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Историю села Горюхина» и, кроме того, несколько мелких стихотворений. Это была знаменитая «болдинская осень», которая всегда поражала историков литературы.

Величайшее творчество никогда почти не шло об руку со спокойным, размеренным благополучием и тем более — с удачной любовью к женщинам. Правда, многие, если так можно сказать, «надували» природу. Гете, например, был женат на неграмотной служанке, жил с ней, казалось бы, безоблачно долгие годы, однако он постоянно влюблялся в «прекрасных женщин», которых он встречал при дворе. И эту влюбленность он как бы превращал в поэзию.

И нам не приходилось видеть по-настоящему счастливых людей, которые были бы велики в своей работе. Все они были неудачники в личной судьбе. Трагична жизнь Ницше, Гоголя, Канта, которые вовсе не знали женщин.

V (к стр. 12)

Кажутся чрезвычайно наивными и неуклюжими те критики, которые «уговаривают» писателя вернуться на путь художественного творчества. Одно время, например, уговаривали Л. Н. Толстого вернуться к художественной прозе, в то время как писатель был занят религиозными вопросами. Уговаривали Гоголя.

Конечно, тут никакие уговоры не помогают. Тут дело не в нежелании писателя. Тут дело в физическом состоянии, которое изменить не так-то просто.

В этом смысле даже Белинский допустил ошибку, наставляя Гоголя на путь истины и упрашивая его вернуться к прежней художественной работе.

Как будто это зависит от писателя. Хорошо, дескать, сейчас вернусь.

Такое возвращение могло быть после капитального ремонта всего организма писателя, что, например, не удалось Гоголю. А если бы удалось, то он вернулся бы и без всякого увещевания. И, вернувшись, создал бы не искусственным образом «положительный тип», о котором он так мечтал и за которого все же взялся во втором томе «Мертвых душ», не имея на то физических данных.

Это, повторяю, могло бы случиться, если б Гоголь вернул свое здоровье и свою «утраченную молодость». И, может быть, за порогом сознания такое стремление — найти положительного героя — и было стремлением пересоздать себя и свою больную психику. Но тут надо было начать именно с себя.

VI (к стр. 13)

Вот список великих людей, здоровье и долголетняя жизнь которых были, по мнению автора, организованы собственными руками:

Кант — 81, Толстой — 82, Галилей — 79, Гоббс — 92, Шеллинг — 80, Пифагор — 76, Сенека — 70, Гете — 82, Ньютон — 84, Фарадей — 77, Пастер — 74, Гарвей — 80, Дарвин — 73, Спенсер — 83, Смайльс — 90, Платон — 81, Сен-Симон — 80, Эдисон — 82 [1].

Здесь наиболее всего характерны следующие примеры.

Кант (1724—1805) нередко говорил (и писал), что он

---

[1] Сюда, несомненно, следует отнести также и нашего гениального соотечественника И. П. Павлова, которому в настоящее время 85 лет, однако он не потерял ни бодрости, ни способности к творческой работе.

сам, собственными руками сделал себе здоровье и удлинил свою жизнь.

К этому относились как к некоторому чудачеству великого философа.

Между тем Кант, как мы увидим, на самом деле «сделал себя», и даже сделал, если можно так сказать, из материала не совсем «доброкачественного».

В молодые годы Кант отличался весьма плохим здоровьем. Многочисленные болезни, нервные припадки и наклонность к меланхолии предсказывали непродолжительную жизнь.

«Это был слабенький мальчик,— писал его биограф,— с нежным, бессильным телосложением, с плоской, вдавленной грудью».

Другой биограф (Куно Фишер) говорил о Канте:

«Человек со слабым здоровьем, причинявшим ему всякого рода беспокойства и затруднения при умственной работе».

И, наконец, сам Кант писал:

«У меня имелась наклонность к ипохондрии, граничащая с пресыщением жизнью».

Бессильный, даже болезненный от природы, он между тем достиг глубокой старости. К 40 годам здоровье его укрепляется все больше и больше, и до последних двух лет его жизни он не знает никаких болезней.

«Его хорошее телесное состояние (сообщает биограф) было следствием осторожности. Он никогда не болел (кроме молодых лет) и никогда не нуждался в медицинской помощи».

Продолжительную свою жизнь он считал делом своих рук. Он вел специальную запись рано умерших людей и ежегодно читал и внимательно изучал таблицы смертности, которые по его просьбе всегда присылались ему кенигсбергской полицией.

Вся его жизнь была размерена, высчитана и уподоблена точнейшему хронометру. Ровно в десять часов он ложился в постель, ровно в пять он вставал. И в продолжение 30 лет он ни разу не встал не вовремя. Ровно в семь часов он выходил на прогулку. Жители Кенигсберга проверяли по нем свои часы.

Все в его жизни было размерено, заранее решено, и все было продумано до самой малейшей подробности, до ежедневной росписи кушаньям и до цвета каждой отдельной одежды.

Об этом стремлении установить твердые привычки мы

будем говорить отдельно (см. комментарий X). Пока же скажем, что это стремление вовсе не было чудачеством или особой, что ли, ненормальностью Канта. В этом была целая система, целое даже учение, о котором, повторяю, будет у нас отдельная речь.

Во всяком случае, всю свою жизнь Кант подчинил строжайшей системе гигиенических правил, выработанной им самим и основанной на продолжительном и чрезвычайно тщательном наблюдении над своим телом и настроением.

Он в совершенстве изучил свое телесное устройство, свою машину, свой организм, и он наблюдал за ним, как химик наблюдает за каким-либо химическим соединением, добавляя туда то один, то другой элемент.

И это искусство сохранять жизнь, оберегать и продолжать ее основано на чистом разуме.

Силой разума и воли он прекращал целый ряд болезненных явлений, которые подчас у него начинались.

Ему удавалось даже, как утверждали биографы, приостанавливать в себе простуду и насморк.

Его здоровье было, так сказать, собственным, хорошо продуманным творчеством.

Психическую силу воли он считал верховным правителем тела.

Автор не считает идеалом такую жизнь, похожую на работу машины. Надо все же сказать, что опыт Канта удался, и продолжительная жизнь и громадная трудоспособность его блестяще это доказывают.

Это был изумительный опыт человека, приравнявшего свой организм к точнейшей машине. В этом было, конечно, много справедливого. Но в этом была и ошибка, о которой будем говорить в дальнейшем.

Пастер (1822—1895). Знаменитый натуралист и профессор химии на 40-м году жизни был разбит параличом. У него было кровоизлияние в мозг от чрезвычайно большой, напряженной работы, которая велась, так сказать, запоем, без всякого элементарного соблюдения гигиенических правил.

И — случай исключительный и даже беспримерный: он прожил почти до 74 лет. То есть после удара он прожил с лишком 30 лет, причем в эти 30 лет отличался исключительным здоровьем и необычайной нервной свежестью. Больше того: наиболее ценные работы и открытия были сделаны именно в этой второй половине жизни этого гениального человека.

Биографы вскользь указывают, что Пастер, медленно оправляясь от удара, обложил себя медицинскими книгами от домашнего лечебника до Смайльса и, изучая себя и свою болезнь, шаг за шагом сумел возвратить свое здоровье и молодость. Правда, до конца жизни Пастер слегка волочил левую ногу, но тут, вероятно, оставалось механическое повреждение тканей мозга, и изменить это было не в силах человека.

Гете (1749—1831) так же, как и Кант, стремился к точности и порядку. Так же, как и Кант, он не имел в молодости здоровья. И это здоровье он создал собственной волей и тщательным изучением своего тела.

В 19 лет у него было кровотечение из легких. В 21 год он был, казалось бы, конченый неврастеник с крайне расшатанным здоровьем и нервной системой.

Он не мог переносить даже малейшего шума. Каждый шум приводил его в бешенство и исступление. Сильные головокружения и обмороки мешали ему заниматься умственным трудом.

Изучив себя, Гете шаг за шагом вернул и сделал себе блестящее здоровье, которое не покидало его почти до конца его продолжительной жизни. (Он умер 82 лет.)

Он боролся со своим нездоровьем, со своей неврастенией и с психической слабостью чрезвычайно настойчиво и обдуманно.

Признавая, что хотя бы отвращение к шуму есть не только физическое, но и психическое состояние, он стал преодолевать это отвращение несколько, казалось бы, странным, но несомненно верным путем. Он приходил в казармы, где бьют в барабан, и подолгу заставлял себя слушать этот шум. Иной раз он, будучи штатским человеком, шагал вместе с воинскими частями, заставляя себя маршировать под барабанный бой.

Чтобы побороть свою привычку к частым головокружениям, он нередко заставлял себя подниматься на соборную колокольню. Он стал посещать больницы, следил за операциями и этим необычным способом укрепил свои нервы и свою психику и до конца дней остался крепким, мужественным и исключительно работоспособным человеком.

Эти, в сущности, небольшие сведения о его борьбе за здоровье показывают все же и заставляют предполагать, что и в дальнейшем была громадная борьба за здоровье и за свою жизнь, при тщательном изучении самого себя. Эта борьба закончилась полнейшей победой. Гете прожил до

глубокой старости и до глубокой старости не потерял творческих способностей.

Этот великий человек был одним из очень немногих, который, прожив 82 года, не имел даже дряхлости.

«И когда он умер,— сообщает Эккерман,— и с него сняли платье, чтоб переодеть, оказалось, что его 82-летнее тело было юношески молодым, свежим и даже прекрасным».

Да, правда, по нашему мнению, Гете пошел на некоторый компромисс. Он не пошел на борьбу и сделался блестящим придворным министром, выкинув всю двойственность, которая, несомненно, расшатывала его здоровье и его личность в молодые годы. Он сделался консерватором и «своим человеком» при герцогском дворе, чего, например, не мог сделать Пушкин.

Между прочим, смерть, по мнению Гете, зависит от воли человека.

Гете, будучи 68-летним стариком, писал в письме по поводу смерти своего знакомого:

«Вот умер З., едва дожив до 75 лет. Что за несчастные создания люди — у них нет смелости прожить дольше».

Секретарь Гете Эккерман, оставивший после себя записки, приводит такой разговор с Гете:

« — Вы говорите о смерти, как будто она зависит от нашего произвола?

— Да,— отвечал Гете,— я часто позволяю себе так думать».

Стало быть, как и Кант, Гете признавал за психикой верховное управление.

«Просто невероятно,— писал Гете,— какое влияние может оказать дух (то есть мозг, психика) на поддержание тела... Главное, надо научиться властвовать над самим собой».

И однажды, когда Гете заболел, поранив палец, он приписал излечение собственной своей воле:

«Я неминуемо заразился бы гнилой горячкой, если б не устранил от себя болезнь твердой волей. Просто невероятно, что может сделать нравственная воля. Она проникает все тело и приводит его в деятельность, которая не допускает вредных влияний».

Порядок и точность во всем были главные правила поведения Гете.

«Вести беспорядочную жизнь доступно каждому»,— писал Гете.

И, будучи министром, говорил:

«Лучше несправедливость, чем беспорядок».

Л. Н. Толстой прожил 82 года. Его длительная жизнь не была случайностью.

Он прожил долго не потому, что его жизнь была жизнью графа и помещика — благоустроенная и обеспеченная. Конечно, это отчасти ему помогло, но зато отчасти это его и губило, создавая целый ряд противоречий, которые расшатывали его нервы и здоровье. Как известно, эти противоречия и явились причиной его смерти — великий старик, порвав эту барскую жизнь, ушел из дома и вскоре в пути умер.

Обычные представления о Толстом как о человеке с прекрасным здоровьем неверны. В молодые годы он болел легкими и даже лечился от начавшегося туберкулеза. А начиная с 40 лет он страдал тяжелой неврастенией и большим упадком сил. С этой неврастенией он упорно боролся в течение многих лет. Эта борьба была успешна. Бросив художественную литературу и занявшись философией, Толстой сумел вернуться к прежней работе, возвратив себе потерянные силы.

В период болезни он писал об этом болезненном состоянии своим друзьям и родным. Эти письма удивительно читать, настолько они по своему настроению не совпадают с обычным нашим представлением о Толстом, который в 75 лет научился ездить на велосипеде и в 80 лет гарцевал на лошади и делал на ней рысью по двадцать верст.

Вот, например, он писал Страхову:

«Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоров. Уныние. Отчаяние в своих силах. Думать даже — и к тому нет энергии».

Из писем к Фету:

«...Я был нездоров и не в духе и теперь так же. Нынче чувствую себя совсем больным...

...Не сплю, как надо, и потому нервы слабы и голова, и не могу работать, писать».

Из писем к жене (1869):

«Третьего дня я ночевал в Арзамасе... Было два часа ночи. Я устал страшно, хотелось спать, ничего не болело. Но вдруг на меня напала тоска, страх, ужас — такие, каких я никогда не испытывал. Я вскочил, велел закладывать. Пока закладывали, я заснул и проснулся здоровым».

Такого рода выдержек из писем можно привести целое множество. По этим письмам можно восстановить картину физического упадка и нервной болезни Л. Н. Толстого.

Интересно проследить, как Л. Н. Толстой боролся за

свои нервы и каким путем он восстанавливал свое здоровье. Понимая, что какие-то участки его мозга переутомлены литературным трудом, он не бросал вовсе работы (что, несомненно, его погубило бы), а переключал свою энергию на другое. То он начинал заниматься греческим языком, то хозяйством, входя в каждую мелочь, то составлял азбуку для крестьян, то, наконец, брался за философию и писал статьи по религиозным и нравственным вопросам.

В сущности, вся философия Толстого — философия чрезвычайно неврастеничная, «удобная», если так можно сказать, для того физического состояния, в котором находился писатель, когда об этом писал. Все философские выводы и правила поведения были сделаны как лечебник здоровья — как быть здоровым, и что именно для этого следует делать, и каково должно быть отношение к окружающим вещам, людям и обстоятельствам. Эта философия была главным образом пригодна для самого Толстого с его характером, с его особенностями и с его неврастенией.

И в создании этой философии было стремление организовать себя, защитить себя от болезней, которые расшатывали его волю и тело. И трудно представить, что это было иначе. Толстой был слишком умен, чтобы видеть всех людей похожими на себя, и вряд ли он мог думать, что его философская система, его система непротивленчества и пассивная покорность пригодны для всех, и даже здоровых, стойких, энергичных людей.

Автор не имеет намерения унизить гениального писателя. По всей вероятности, Толстой и не думал о себе, когда писал свои статьи. В этих философских статьях было стремление помочь страждущим и больным людям, но, вероятно, подсознательно это было стремление найти такое отношение к вещам, при котором можно было бы продолжить свою жизнь и не разрушать своего здоровья.

Эта философская система для многих закончилась катастрофически. Было несколько самоубийств среди последователей Толстого и много испорченных жизней.

Вспоминается известное самоубийство некоего толстовца, кажется Леонтьева, который, раздав свое имущество и разуверившись в учении, застрелился на 43-м году своей жизни.

Как бы там ни было — Толстой одержал победу. Он вернул свое потерянное здоровье, вернул способность к творчеству и почти до конца своих дней не имел ни дряхлости, ни упадка.

В. Булгаков пишет о 82-летнем Толстом:

«Л. Н. ехал такой крупной рысью, что мне пришлось поспевать за ним галопом».

И после того как Толстой проехал верхом шесть верст, Булгаков спросил:

«Вы не устали, Лев Николаевич?»

Толстой ответил:

«Нет, ни крошечки».

Вот еще один замечательный человек, который вернул себе свою потерянную молодость и создал себе продолжительную жизнь, с которой он, впрочем, без сожаления расстался. Это философ, воспитатель Нерона — знаменитый Сенека (род. в 3 году до нашей эры).

Сенека в молодые годы дважды пытался покончить с собою, ибо его здоровье было столь печально, что не оставалось никакого желания жить. Об этом он сам писал в своих письмах.

Он не покончил с собой исключительно из жалости к своему отцу.

Сколько можно понять из биографии и из писем, Сенека был болен жесточайшей неврастенией и ипохондрией, а также неврозом желудка, что вовсе лишало его возможности поддерживать свои истощенные силы.

И любопытное обстоятельство: философ в этот период своей жизни навлек на себя гнев императора Калигулы. Император не скрывал своих чувств — он завидовал огромному красноречию и уму молодого Сенеки.

Он отдал приказ — убить философа. Однако приближенные императора заявили, что убивать философа не стоит, так как он все равно не сегодня завтра умрет по причине своей крайней болезненности.

Тогда император отменил решение и предоставил дело природе.

Однако философ не умер. И через несколько лет сумел полностью вернуть свое потерянное здоровье. Причем это не было случайностью. Это была огромная работа над собой. Это была переделка всей психики. И философ не без основания мог написать в своем письме: «Прожить сколько нужно — всегда в нашей власти».

Свое здоровье, продолжительную жизнь, свою необычайную силу воли и твердость психики философ сумел создать при самых неблагоприятных обстоятельствах. Три императора (Калигула, Клавдий и Нерон) пытались раздавить его своей властью.

В царствование Клавдия (когда Сенеке было 40 лет) он

был сослан на остров Корсику и 8 лет провел в изгнании, которое еще более укрепило его силу воли и здоровье.

Его вернули из ссылки и назначили воспитателем Нерона.

Свою необычайную твердость воли и силу ума Сенека сохранил до последних минут своей жизни.

Он умер около 70 лет в полнейшем и великолепном здоровье. Возможно, что он прожил бы и до 90 лет, если бы Нерон не приговорил его к смерти.

В 65 году против Нерона был составлен заговор. Сенека был замешан в заговоре и приговорен к смертной казни. Причем, в виде особой милости, император Нерон предоставил своему бывшему воспитателю право покончить жизнь самоубийством.

Это самоубийство произошло при таких необычайных обстоятельствах и настолько показало мужество и волю этого великого старика, что стоит полностью привести описание последних часов философа. Это самоубийство описано Тацитом:

«Получив известие о приговоре, Сенека хотел сделать завещание, однако ему в этом отказали.

Тогда, обратившись к своим друзьям, философ сказал, что, так как ему не позволено завещать им его имущество, у него все же остается одна вещь, может быть — самая драгоценная, а именно — образ его жизни, любовь к науке и привязанность к друзьям. Философ утешал друзей и уговаривал не плакать, напоминая об уроках стоической философии, проповедовавшей сдержанность и твердость.

Он обратился затем к своей жене и умолял ее умерить свою печаль, не сокрушаться долго и позволить себе некоторые развлечения.

Паулина протестовала, уверяя, что смертный приговор касается их обоих, и тоже велела открыть себе жилы [1]

Сенека не противился столь благородному решению ее сколько из любви к своей жене, столько же и из боязни тех обид, которым она может подвергнуться, когда его не будет.

Затем Сенека открыл себе жилы на руках. Однако, увидя, что старческая его кровь вытекает медленно, он перерезал также артерии и на ногах.

---

[1] Нам с нашими нервами и нашей психикой трудно даже представить всю эту картину в бытовом плане. Плачущие друзья. Философ, который должен на глазах всех перерезать себе вены. Жена, которой муж позволил сделать то же самое. Стража, стоявшая у дверей в ожидании конца. Толпа любопытных... Нам трудно представить эту картину в реальном бытовом плане.

Опасаясь, чтобы вид его не смутил жены, он велел перенести себя в другое помещение.

Однако смерть все не приходила. Тогда Сенека приказал дать себе яду, но и яд не подействовал.

Тогда философ приказал посадить себя в горячую ванну. Он сделал возлияние Юпитеру-освободителю и вскоре испустил дух».

Повторяю, нам просто трудно представить всю силу и твердость этого человека. Надо было иметь железные нервы, чтобы так мужественно вести себя. Это сделал человек, который в молодые годы погибал от крайнего расстройства нервов.

Кстати сказать, жена Сенеки, Паулина, была спасена. Нерон опасался, что эта смерть вызовет разговоры об его излишней жестокости, и потому велел спасти ее. Ей успели перевязать вены, и хотя она потеряла много крови, однако осталась жива.

Смерть Сенеки была случайна. Он мог бы прожить значительно дольше.

VII (к стр. 15)

Конечно, к этому заявлению позволительно отнестись несколько юмористически. Но есть и другие примеры, которые доказывают эту мысль со всей серьезностью.

Кстати, еще о вине. В арабских сказках в одном месте говорится о человеке, который пришел в гости:

«Он выпил три ритля вина, и тогда в сердце его вошли радость и восторг».

Три ритля примерно равняются полутора литрам. Порция не совсем нормальная людям с нашим здоровьем.

Впрочем, доказывать, что изменились и ухудшились нервы за последние несколько столетий, нет даже надобности. Это и без того чрезвычайно ясно. В данном случае достаточно хотя бы припомнить только что описанную смерть Сенеки и обстоятельства, которые сопровождали эту смерть.

Впрочем, вот еще одно описание, которое еще с большей наглядностью показывает, какова разница в нервах.

Тот же Сенека пишет в своих письмах о том, как он зашел однажды в римский цирк посмотреть на бой гладиаторов.

Да, правда, Сенека возмущается жестокостью этого побоища. Но он пишет об этом все же со спокойствием и с той нервной твердостью, которая незнакома нам.

Сенека хотел посмотреть на что-нибудь веселое или в крайнем случае на организованный бой гладиаторов, но попал на побоище преступников.

А надо сказать, что в римском цирке по утрам бились на поединках гладиаторы, то есть мастера фехтовального дела. В полдень же бились преступники без всяких щитов и доспехов. Все тело их было открыто для взаимных ударов. И никакого милосердия или пощады, конечно, нельзя было ожидать. В сущности, это, видимо, была особого рода смертная казнь — преступники сами себя убивали.

Трудно представить, как при этом вели бы себя зрители с нашими нервами.

Между тем Сенека пишет о пристрастии и любви зрителей именно к такого рода боям:

«Громадное большинство предпочитает такую бойню обыкновенным поединкам и гладиаторским боям. И ее предпочитают потому, что здесь нельзя отразить удара шлемом или щитом».

Предпочитать же такое побоище — надо действительно для этого иметь необычайные нервы.

С нашей точки зрения, эти бои, да и организованные бои гладиаторов, были просто ужасны.

Мы иной раз представляем себе эти бои как нечто праздничное и торжественное. Однако это было далеко не так. Оказывается, «робких и ленивых бойцов побуждали к бою ударами бичей и горящими факелами».

Сенека пишет:

«Недавно один из германцев, которого готовили к утреннему спектаклю на гладиаторских боях, отпросился для отправления известных потребностей. Там он взял губку, привязанную к палке и предназначенную для вытирания нечистот, засунул ее себе в рот и, заткнув таким образом горло, задушил себя».

Вот каково было состояние у людей, готовившихся к бою.

Вот еще что пишет Сенека:

«Недавно везли под стражей к утреннему спектаклю одного гладиатора. Как будто отягощенный сном, он качался, сидя в повозке, и наконец спустил голову до того низко, что она попала между колесных спиц, и держал ее там до тех пор, пока поворотом колеса ему не свернуло шею».

Римские граждане стремились посмотреть на эти бои, но все же предпочитали, как говорит Сенека, еще более кровавое побоище преступников.

Эта жестокость и звериная психика и есть, в сущности говоря, звериная крепость нервов.

Можно привести еще пример, правда книжный, об изменении здоровья.

Существует мнение, что при некотором нервном ослаблении половой инстинкт все же ни в какой мере не понижается. Однако, по-видимому, это не так.

Мы читаем в старинных книгах о таких страданиях неразделенной любви и о таком бешенстве желания, которое нам ни в какой мере недоступно и непонятно.

Мы рассматриваем это как особое литературное преувеличение и как экзотику, не думая о том, что это было именно так. В наших современных книгах нет даже сколько-нибудь похожего преувеличения. У нас любовь и желание рассматриваются по большей части как наслаждение, которое можно приобрести если не в одном, так в другом месте. И я не вспоминаю ни одной современной книги, в которой говорилось бы о чрезмерных страданиях влюбленного.

А, например, Апулей («Золотой осел») сравнивает страдания влюбленного по крайней мере с чумой.

В арабских сказках говорится о физическом изменении человека, любовь которого не разделена.

«У него изменился цвет лица, и его тело похудело, и перестал он есть, пить и спать, и сделался точно больной, который 20 лет болен».

И даже подряд говорится о смерти, которая произошла из-за той же неразделенной любви.

Автор — не ученый и не исследователь, и он, пожалуй, не сумеет решить вопроса — каким образом и по каким именно причинам в дальнейшем изменялись и ослаблялись нервы.

Но ослабление это произошло с несомненной ясностью, и резкую перемену в особенности можно заметить в последние два столетия.

Быть может, тут следует пролить несколько капель яду, поговорив возвышенным языком о гибельности буржуазной европейской культуры, о неправильном ходе истории и о всей утонченной цивилизации, которая изнашивает мозг. Или, быть может, следует написать сатирическую книгу по истории культуры. Такую книгу однажды посоветовали написать автору. Но автор не имеет к этому склонности. Автор не слишком верит в целебные свойства сатиры и без особой жалости расстался бы с высоким званием сатирика.

Автору случалось видеть сатириков. Они все кипели

благородным негодованием, описывая людские пороки — жадность, корысть, угодничество и низкопоклонство. Они плакали слезами, говоря о необходимости улучшить человеческую породу. Но вот когда произошла социальная революция, когда в нашей стране стали ломать характеры и стали выколачивать из людей всю дрянь, которая накопилась за тысячи лет,— эти самые сатирики уехали за границу и стали поговаривать о том, что, в сущности говоря, пожалуй, даже скучновато жить, ежели все люди будут возвышенные, честные и порядочные.

Так вот, автор не имеет склонности, да и не сумеет в сатирическом плане решить вопроса о гибельности культуры. Но о причинах, изменивших здоровье, во всяком случае о причинах, изменивших здоровье тех замечательных людей, о которых мы писали, автор попытается все же говорить.

Вот мы говорили уже о том, как нередко человек, прожив 35 лет, становился дряхлым и изможденным, бросал работу, жил в тягость себе и людям и наконец умирал, не сумев вернуть своей молодости.

Такую катастрофу мы приписываем личному поведению человека, признавая при этом некоторую, что ли, иной раз неизбежность.

Однако личное поведение нельзя целиком отнести за счет неумения жить. Ведь даже и это неумение жить показывает, что существуют, стало быть, такие внешние причины, при которых надо иметь какое-то особое умение и особую сноровку, чтобы пользоваться жизнью.

Мы хотели выяснить, почему именно так рано иной раз погибают замечательные люди. Мы пришли к мысли, что они погибают от расстройства нервов, которое создает в дальнейшем расстройство работы всего организма. И что это расстройство нервов происходит по двум причинам.

Первая причина — душевный конфликт, то есть разного рода противоречия, как высокого общественного порядка, так и личного, житейского характера. Механика этого страдания заключается в том, что мозг переутомляется от этих постоянных навязчивых или тяжелых мыслей и тем самым (являясь как бы регулятором всей работы организма) путает эту работу и создает привычку к неправильности.

Вторая причина — профессиональная, то есть профессиональное переутомление мозга, которое создает аналогичную картину болезни.

Однако профессиональная причина имеет истоки, не только заключенные в неумении руководить собой. Да, конечно, частично можно отнести и к этому — и к неумению, и к той исключительной, если так можно выразиться, возвышенной любви к своей профессии, когда нарушаются все правила гигиены и отдыха для того, чтобы создать напряженнейшее произведение. Но это, так сказать, «издержки производства». И об этом может быть особая речь. (Хотя отметим, что и здесь экономические причины нередко играют решающую роль.)

По большей же части профессиональное заболевание возникает от причин, лежащих вне человека.

Другими словами, можно отлично знать и помнить все гигиенические правила, однако не следовать им из-за внешних обстоятельств. Эти внешние обстоятельства почти всегда экономического характера, а если углубить это дело, то и социального. Это та неправильная покупка труда и те требования потребителя, которые заставляют поставщика непомерно работать, чтоб создать себе сколько-нибудь сносные условия или те условия, к которым он стремится.

Стало быть, и в первом, и во втором случае, то есть и при душевном конфликте, и при профессиональных причинах, в общем счете, все дело, за некоторым исключением, лежало в тех социальных установках, которые существовали.

И, значит, гибель многих замечательных людей, о которых мы говорили, произошла главным образом из-за неумения руководить собой и своим телом в тех условиях, которые при этом были.

Умение же жить вопреки всему необычайно трудно и было лишь доступно чрезвычайно немногим людям, о которых мы говорили. Стало быть, истоки всего этого вопроса лежат все-таки главным образом в социальных установках. И, стало быть, вопрос этот усложняется во всем своем объеме.

Этот вопрос о катастрофе замечательных людей мы решали как бы в грубом счете. То есть брали весьма ощутимые признаки — ранняя смерть, болезнь, душевные конфликты, прекращение работы. Но сколько, вероятно, было иных, более нам незаметных причин, которые вели к упадку жизнь и работу. Мы говорим о бедности, материальных лишениях, бесплодных попытках создать себе сносную жизнь.

Достаточно хотя бы сказать, что Бетховен — человек, который, может быть, больше, чем другие, доставил радость людям,— умер в нищете. Причем он умер не в какой-ни-

будь седой древности, когда государственный строй как бы не нес ответственности в силу отсутствия высокой культуры и неуважения к искусству. Бетховен умер всего лишь сто лет назад. И нищета его, несомненно, со всем позором ложится на политическое устройство.

Мы говорим о вещах, которые, вероятно, много раз были продуманы. Мы говорим об этом не для того, чтобы открыть какую-нибудь новую Америку. Мы говорим об этих вещах для того, чтобы еще раз заново осветить все положение, которое существовало раньше и существует теперь в других странах.

Новый социалистический порядок нашей страны, по-иному распределяя блага, в корне меняет все отношения. Эти блага получают трудящиеся, то есть писатели, музыканты, ученые, рабочие и служащие, а не люди, умеющие торговать.

И в этом есть большая справедливость. И трудности наших дней — явление временное.

К некоторым областям труда у нас придется отнестись более гибко, чем это иной раз наблюдается сейчас.

Линдберг, который перелетел океан в тридцать шесть часов, стал состоятельным человеком. Может, и неправильно то, что он стал богатым человеком, но то, что его жизнь обеспечена,— это, несомненно, правильно. Во-первых, за этими тридцатью шестью часами стоят долгие годы тренировки и навыка, во-вторых, от этого человека можно ожидать еще более значительных достижений, даже если он продолжительное время этих достижений не делает.

Рассматривать же его как человека, способного всякий раз перелетать океаны, абсурдно.

Это не следует рассматривать как нечто свойственное человеку, как нечто доступное ему постоянно. Этот взгляд и это требование, несомненно, снижают квалификацию.

При капиталистической системе такое снижение квалификации, особенно в области искусства, случается нередко. А у нас этого следует, стоит и можно избежать.

VIII (к стр. 19)

Здесь пример переключения одной энергии на другую, то есть переключения психической энергии на физическую. Человек, раздражившись, создал в своем теле энергию, которая не исчезает сама по себе, даже при условии успокоения,— она лишь переключается на другой вид энергии.

В данном случае она переключилась на физическую энергию — человек стал кричать, двигаться и даже ста-

рался приподнимать тяжелые вещи. И, конечно, чем сильнее возникшая энергия, тем резче ее проявление.

Эти крики и физические усилия необходимо было сделать, для того чтобы возникшая энергия не обратилась во вред организму. Эта энергия в противном случае могла бы создать расстройство и заболевание органов, а иной раз даже и смерть.

Интересно отметить, что психическая энергия, возникшая таким образом, переключаясь, чаще всего избирает наиболее уязвимые места, то есть больные или чем-либо ослабленные места организма.

Стало быть, при дурном сердце явления возникли бы со стороны этого больного органа в виде припадка, сердцебиения или нарушения ритма.

При нездоровом желудке энергия избрала бы этот орган.

И не только такого рода энергия, но и любой болезненный процесс в организме может избрать это наиболее уязвимое место.

Я вспоминаю такой любопытный случай: одному малышу (моему сыну) привили оспу. В тот же день, наклонившись к нему, чтобы померить температуру, я случайно обжег его ладонь папиросой. Уже на другой день на месте этого незначительного ожога возникла оспенная язвочка, которая воспалилась гораздо значительнее, чем на уколах, сделанных врачом. То есть раздраженное больное место оказалось наиболее восприимчивым и доступным болезненному процессу.

Конечно, медицине известны и все эти законы, и всякого рода переключения энергии, но большинству людей эти законы либо вовсе неизвестны, либо известны в такой незначительной степени, что не приходится говорить о практическом применении своих знаний.

Ведь существуют более сложные законы энергии, знание которых просто необходимо, для того чтобы иной раз уберечься от катастрофы, или заболевания, или даже от той ранней смерти, о которой мы упоминали. Нередко такая смерть происходила просто от неумения руководить своим организмом, то есть от незнания самых элементарных законов энергетики.

Часто при усиленной мозговой работе человек не чувствует ни утомления, ни ослабления, а, напротив того, он чувствует себя превосходно и не теряет трудоспособности, полагая при этом, что его организм справляется и такая усиленная работа ему не вредна.

Между тем мозг может потреблять энергию, видимо, значительно выше нормы, однако это происходит, несомненно, за счет других органов, за счет других частей организма.

Вот почему при остановке работы реакция иной раз сказывается в чрезвычайной степени и нередко дело заканчивается гибелью (как, например, у Дж. Лондона).

Интересно, что даже в молодых науках известны тончайшие законы энергетики,— во всяком случае, их знает человек, который работает в этом деле.

А законы энергетики нашего организма, быть может и изученные в совершенстве, мало кому известны и, во всяком случае, малопопулярны.

Конечно, существуют целые отделы науки, как гигиена и логика, но все ж это для большинства людей малодоступно, слишком отвлеченно, туманно и, главное, малоприменимо практически.

В сущности, до сего времени нет каких-то элементарных правил, элементарных законов, по которым надлежит понимать себя и руководить собой не только в области своего труда и своей профессии, но и в повседневной жизни. Тут требуется какое-то практическое искусство понимать работу своего тела.

Ведь все специальности выработали особую и наилучшую технику работы, причем эта техника работы постоянно рационализируется и улучшается. Художник отлично изучил краски, которыми он работает, но жить он по большей части не умеет и предоставляет свою жизнь случаю, природе и собственному неумению.

Скажем, мало кому известно о том, что наш организм может работать на разные скорости (как любая машина), причем часто большая скорость отнюдь не является вредной, а, напротив того, чрезвычайно полезной и даже благодетельной. Случайно или по целому ряду обстоятельств человек, расходующий незначительное количество энергии и живущий, так сказать, на медленном темпе, по большей части так и продолжает жить, совершенно не предполагая, что он может создать энергию значительно большую.

Правда, эта скорость зависит от внешних причин и является как бы не всегда подвластной воле человека, но все же, зная об этом, человек мог бы иной раз регулировать работу своего тела и не впадал бы в грубые ошибки.

Переход с одной скорости на другую обычно соверша-

ется случайно и нередко является неожиданностью для самого хозяина тела.

Приходилось видеть людей, которые годами лечились от меланхолии, от упадка сил и от нежелания жить, в то время как эта ослабленная работа организма — вялость и пониженный обмен веществ — часто вовсе не является показателем болезненных процессов.

Чаще всего это лишь тот медленный темп, медленная скорость, в которую человек попал либо случайно, либо по ряду обстоятельств, либо просто не умея руководить собой.

При слишком большой скорости организм может, как мы видели, потерпеть катастрофу, растратив запасные силы и не заметив этого. При слишком же незначительной скорости эта катастрофа бывает гораздо чаще и гораздо опасней — машина может остановиться или долгое время бездействовать, не вырабатывая или мало вырабатывая нужные для жизни и движения химические элементы.

Конечно, для каждой скорости необходимо иметь цель и устремление — машина не может двигаться на одном месте. И это всегда надо иметь в виду.

В общем, сущность скорости заключается в следующем: если человек случайно (или вынужденно) будет все делать медлительно, с неохотой, затрачивая незначительную энергию, если он будет валяться, мечтать или петь грустные песни, то такое же состояние возникает в работе организма. Причем, при частой повторности этого, организм как бы привыкает пользоваться только такой скоростью. И, привыкнув к этой скорости, человек не умеет уже освободиться от нее, полагая, что это есть состояние его здоровья, в то время как это не состояние здоровья, а всего лишь по большей части случайно утвердившаяся скорость.

И наоборот — человек может приучить работать свой организм на значительную скорость без всякого вреда для себя. В этом случае только повышается весь обмен веществ.

Тут существует какая-то своеобразная диалектика работы организма. Все движется, нет ничего утвердившегося, и нет состояния, от которого нельзя было бы уйти. А если какое-либо состояние или, скажем, скорость утверждается, то это чаще всего происходит в силу собственных ошибок или непонимания.

Тут чрезвычайно интересно отметить, что не только отдельного человека, но и целый народ (хотя бы в нашей стране) можно перевести на другую скорость, хотя бы и весьма непривычную. Для этого необходимо прежде всего расстаться с прежними привычками и выработать новые,

которые, утвердившись, создадут новую, повышенную работу организма.

Конечно, тут преобладающую роль играет цель и устремление. Однако нельзя сказать, оценивая идеалистически, что все без исключения стремятся к цели. Тем не менее и их можно и должно изменить. Что у нас и делается не без успеха.

Стремительный темп побуждает к новой, быстрой работе организма.

Люди же, не попавшие в эту переделку, те люди, которые, вопреки всему, старались сохранить свои навыки и прежние традиции, те самые люди, о преждевременной старости которых мы говорили,— они все терпят катастрофу.

IX (к стр. 21)

Здесь следует сделать такое сравнение — мозг здоровый, нормальный и мозг больной, истощенный. Какая же разница в их работе? И в чем именно эта разница? И нельзя ли путем сравнения этой работы или, вернее, путем сравнения поведения увидеть причину, приведшую мозг к заболеванию или неврастении.

Разница, оказывается, вот в чем. Здоровый мозг (в данном случае, скажем, мозг обезьяны) имеет ту чрезвычайно резкую особенность, что он реагирует только лишь на то, что есть в данную минуту. Этот мозг как бы не помнит ничего другого, кроме того, что есть. Он имеет короткую реакцию.

Вот обезьяну ударили. Она реагировала на это со всей силой своего темперамента. Но вот ей дали виноград — и счастье ее не омрачается воспоминаниями об ударе. Этот здоровый мозг как бы лишен всяких воспоминаний.

Мозг же больной, ненормальный (как крайность, допустим, мозг психически больного), напротив того, имеет ту резкую особенность, что он все время, постоянно и без перерыва что-то такое помнит. Какая-то идея, какое-то представление или мания не покидают мозг. Тут длительная и постоянная реакция.

Такой мозг как бы не воспринимает ничего другого. Он почти, сколько замечено, не реагирует на окружающее. Он как бы всецело погружен в свое воспоминание. И в этом вся видимая разница и нередко, быть может, первоначальный источник заболевания.

Теперь, если мы возьмем мозг среднего заболевания, мозг неврастеника или просто переутомленный мозг, мы

увидим, что основное свойство его состоит также в задержке каких-то воспоминаний. Мы увидим, что человек, больной неврастенией, постоянно чем-то мучается, что-то решает, не может прийти к выводу и как бы несет в себе постоянное беспокойство и какие-то постоянные воспоминания. Этим самым он заставляет все время и беспрерывно работать свой мозг, что, несомненно, создает картину все большего заболевания, ибо появляется привычка, которая утверждается настолько, что даже сон не изменяет ее. И обычно сон неврастеника, сколько замечено, не дает ни облегчения, ни отдыха, а, напротив, он часто утомляет больного значительно больше даже, чем день.

Стало быть, весь вопрос заключается в следующем: как дать отдых мозгу и как убрать эти воспоминания? Об этом мы и попытаемся говорить.

Нет сомнения, что больной, освободившийся от неврастении, сумел сам случайно или по своей воле создать себе правильный, разумный отдых для мозга. И вся трудность избавления от неврастении именно в этом и заключается.

Автор, правда, не собирался писать домашнего лечебника и тем более не собирался давать медицинских советов. Но поскольку зашел разговор об этой болезни, о болезни чрезвычайно частой, новой и даже как бы повседневной, автор считает своим долгом поделиться своими знаниями.

Вот болезнь, которая нередко, в особенности в ее начале, не расценивается как болезнь — она расценивается как некоторая, что ли, перемена характера или перемена настроения. И по большей части человек, не заметив ее начала, принимается лечиться, когда болезнь приняла тяжелый и мучительный характер. Причем надо сказать, что часто не только начало не замечается, но не замечается и самый разгар болезни.

Я нередко получаю письма от читателей, которые жалуются на скуку, хандру, на свою раздражительность и нелюбовь к окружающим людям. Они просят меня, писателя, дать им совет, как им следует жить, чтобы избавиться от этих нравственных страданий. Причем они вовсе не подозревают, что они больны и что им следует обратиться не к писателю, а к врачу. Конечно, это относится не ко всем, которые скучают, но все же к большинству.

Вот, например, отрывок из письма, которое я получил в 1932 году. Автору письма 31 год. Он железнодорожный техник и чертежник.

«Я стал просто каким-то нравственным инвалидом. Мой характер, всегда жизнерадостный и темпераментный, круто переменился в сторону ухудшения. Еще недавно мне нравилось шумное общество, ухаживание за женщинами, товарищеские вечеринки и беседы, а сейчас я становлюсь нелюдимым и меня приводит в раздражение все это, то есть все, что мне раньше нравилось. Смех мне кажется глупым и пошлым. И я даже впадаю в бешенство оттого, что вдруг слышу громкий хохот, шутки или даже пенье. Я избегаю даже ходить в театр, чтоб не раздражаться...

Да, моя жизнь несладкая, и в другой раз она меня тяготит какой-то своей ненужностью...

Дорогой Зощенко, что это — старость, или, может быть, все с годами становятся такими же, а только я не умею овладеть собой.

Чем мне заняться? Какие книги мне надо читать, чтоб хоть на мгновенье чувствовать себя хорошо и жизнерадостно. Посоветуйте».

Автор этого письма приписывает перемену своего характера возрасту или неумению владеть собой. Между тем он попросту болен неврастенией. Его раздражительность, скука, крайняя вспыльчивость и нежелание жить — все это признаки нервного перераздражения и нервной болезни.

Однако человек отнюдь не считает себя больным, и даже такой мысли у него не появляется, иначе он обратился бы к врачу, а не к писателю. И вот тут-то и заключается вся сложность болезни.

При чахотке поднимается температура. При расстройстве желудка болит живот. При простуде человек чихает. А тут черт его разберет — какие-то странные признаки болезни: человек сердится, недоволен окружающим, ему скучно, противно жить.

С такими признаками действительно не сразу разберешься, в чем дело, и не сразу поймешь, что надо идти к врачу, а не к писателю.

Вот еще одно письмо. Оно столь любопытно и характерно, что, несмотря на длину, я его печатаю полностью. Это письмо получено мною в 1931 году от одной работницы из Киева.

«Тов. Зощенко!

Меня очень интересует один вопрос, и я решилась его спросить у вас как у писателя.

Не знаю только, сумеете ли вы ответить на мой вопрос так, чтоб ваш ответ я смогла легко понять. Придется немно-

го коснуться моей жизни, для того чтобы вы имели возможность ответить на заданный мною вопрос.

Мне всего лишь 23 года, но я за свою короткую жизнь успела пережить много горя, страданий и мучений. Я себя начала помнить с очень малых лет, кажется с четырех или пяти, но, во всяком случае, Октябрьский переворот 1917 года я так ясно помню, будто он был только лишь сегодня утром.

Я дочь рабочего. У меня есть брат, сестры и мать. Отец мой умер в 1922 году.

Пережив революцию 1917 года, жизнь у нас пошла умеренным темпом. (Мы жили в провинции — Елисаветграде.) До 1919 года мы жили более или менее спокойно. Брат мой был партийцем с 1917 года. Служил он в Красной Армии командиром артиллерийского полка, который во время гражданской войны беспрерывно находился в боях. Когда артполк приезжал в Елисаветград, брат учил меня (шутки ради) ездить на коне и метать ручные гранаты. Это было в 1918 и 1919 годах.

И вот благодаря такой «военной тренировке» я одолела премудрость верховой езды и развила широкий размах руки для метания гранат. С детства я отличалась черезмерной смелостью и способностью очень быстро все воспринимать, и поэтому за какие-нибудь шесть-семь месяцев я превосходно ездила на коне и метала гранаты на восемьдесят метров в длину.

В 1919 году я заболела сыпняком. Неожиданно в город пришла банда Григорьева и устроила еврейский погром. Меня, больную, с температурой выше сорока градусов, пришлось спускать с окна квартиры на пустынный двор, где имелись сараи, в которых мы имели бы возможность пробыть до ухода банды. В квартире боялись остаться, так как Григорьев, узнав бы, что в нашей семье имеются коммунисты, беспощадно изрубил бы всю семью в капусту.

И вот, не доходя до сараев, во двор влетают бандиты. Угрожая топорами, саблями и карабинами, требуют денег. Сколько было денег — отдали. Но черносотенцы этим не отделались, повели нас в штаб к атаману Григорьеву. Проходя по улицам, я, увидав горы трупов, потеряла сознание. Когда пришла в себя, узнала, что бандиты до штаба не довели, а отпустили домой. Узнала также, что ранили тетю и на улице убили мою сестру.

В 1920 году у власти были: Деникин, Махно, Петлюра, Юденич и дикая дивизия генерала Корнилова. И при каждом из них надо было бояться смерти из-за брата-коммуни-

ста. У нас были личные враги, которые высказывали белопогонникам нашу семью.

И вот в 1920 году, когда в Елисаветграде был Деникин, пришли белые в наш дом, требуя сказать, где брат. Не узнав, они потащили меня в контрразведку, надеясь, что я, испугавшись (по малости лет), скажу, где находится брат. Они от меня ничего не узнали. Я все время твердила: «Не знаю». Увидав, что я ничего не скажу, они, избив меня, выпустили. Затем эти же деникинцы оставили в моей памяти неизгладимое впечатление, от которого у меня и по сегодняшний день волосы на голове подымаются. Во дворе у нас жил портной. Пришли к нему четыре офицера с требованием пошить им брезентовые плащи с кожаными отворотами, воротниками и манжетами. Если портной сделает к вечеру — озолотят. Если не сделает — расстреляют.

С помощью всех жильцов дома портной сшил вместо четырех только два плаща. Вечером пришли офицеры и, узнав, что не все плащи готовы, выволокли портного во двор и, приставив его к стене, изрешетили его вдребезги. Я, увидав всю эту историю, вспылила, прибежала к себе в комнату, схватила гранату, лежавшую в печи, и выскочила на двор, держа гранату за спиной. Офицеры стояли в углу двора и о чем-то совещались. Я сделала два шага по направлению к ним и, сорвав кольцо с гранаты, швырнула ее прямо в них. Когда дым рассеялся, на земле лежали только части их тел, а я от потрясения и волнения свалилась в постель на два месяца. Выздоровев, я получила подарок из штаба Красной Армии — настоящий браунинг.

1921 год был сравнительно спокоен, но только кошмарный голод еще больше измучил меня и всю семью. Правда, нам не приходилось есть древесную кору, так как брат, получая очень малый командирский паек, все-таки три четверти его уделял семье, иногда и весь. Семье из семи человек приходилось с этим пайком очень и очень голодать. 1922 год был для нас легче. Отец работал. Сестры на службе получали паек. Кое-как перебивались. Брат был в Киеве. И вот летом 1922 года новое несчастье тяжелым камнем падает на нашу семью. Отец заболевает сыпным тифом и, проболев месяц, умирает.

Брат, узнав о несчастье, приехал в Елисаветград и забрал нас в Киев. Поздней осенью, также в 1922 году, одна сестра заболевает брюшным тифом и умирает от осложнения — воспаления легких. Мама, не перенесши такого удара, умирает от паралича. Я осталась с одной сестрой и с женатым братом. Оставшись без средств, я начинаю

искать работу. Брат не допускает мысли, чтоб я это сделала,— только учиться и учиться.

В 1924 году я была в цирке. Видела наездников. Вспомнив, что я когда-то умела прекрасно джигитовать, с места в карьер срываюсь с места и лечу к директору цирка с просьбой, чтоб он меня принял в цирк наездницей. Он соглашается, но, узнав, что у меня нет костюмов, нет коня, предлагает мне месяц работать бесплатно с тем условием, что костюмы он сам мне даст. Коня же взять из цирковой конюшни. Не имея другого выхода, я соглашаюсь на это условие. В цирке я работала с 1924 по 1928 год. Тяжелая, напряженная работа подломила мои силы, и я ушла из цирка с расширенным сердцем и острым малокровием.

В 1928 году пошла работать на производство — на стекольный завод. Работа неквалифицированная. Заработок очень небольшой. Обучаясь три месяца на металлообрабатывающем заводе, получаю квалификацию — фрезеровщица 5-го разряда.

Работаю и по сегодняшний день. Работа очень интересная, живая, увлекательная. Дело приходится иметь со станками, моторами, валами, пасами. Но я работаю машинально. Не знаю, чем объяснить. Стоит мне только положить и заштановать в станок болванку и пустить станок на самоход, как мной овладевает какая-то одеревенелость, тупость. Кажется, что все надоело, и все люди, окружающие меня, кажутся какими-то механическими истуканами, заводными куклами.

Вне заводской моя жизнь делается еще хуже, она начинает мне еще больше надоедать. Прихожу домой — не с кем слово молвить, сестра утром учится в институте, вечером работает, брат живет отдельно. Далеко. Подруг у меня очень мало. Есть масса знакомых, но что толку в них. Ведь нет у меня искреннего друга, с которым я бы могла делиться чувствами. А самой все переносить — очень и очень тяжело. Быть одинокой и никем не понятой и не иметь возможности поговорить с живой человеческой душой, которая отзывчиво отнеслась бы к моим тяжелым чувствам,— лучше умереть. Я временами думаю о смерти. Я часто выдвигаю ящик письменного стола и вынимаю браунинг, подаренный мне за «геройский подвиг», глажу его холодный блестящий ствол. Мысли о смерти часто меня навещают, но какая-то невообразимая сила заставляет меня отказаться от этой мысли.

Тов. Зощенко! Я лишь теперь задам вам вопрос, на который с нетерпением буду ждать вашего ответа. Скажите

мне (если знаете), почему сейчас, в 1931 году, когда Советское государство окрепло, все люди живы, резвы, все жаждут жить, увлечены интересной работой, ударничеством, соцсоревнованием, темпами строительства,— я не могу, физически не могу чувствовать этот пульс жизни страны. Мне кажется, что все заглохло, а только далекими отголосками раздаются удары пульса.

Вы, т. Зощенко, себе представить не можете, до каких зеленых чертиков мне все надоело. Прихожу домой и сажусь писать свои «откровенные мысли», а когда их потом читаю, меня начинает тошнить, оттого что каждый день пишу одно и то же.

А ведь иначе не могу. У меня одна тема: «Надоело все до смерти», «С жизнью покончить — самое благое дело». Но никак не могу приставить дуло револьвера к виску. Как только это сделаю, во мне пробуждается жажда жизни, которая сейчас же исчезает, как только спущу руку с оружием.

Вы скажете: «Нет силы воли». Вы правы, бесконечно правы. У меня была сила воли. Была. Не знаю, где я ее потеряла. Возможно, что эта сила погибла от всех моих переживаний.

Тов. Зощенко! У меня к вам просьба. Большая просьба. Ответьте мне. Что мне делать? Как мне выбраться из этого воображаемого болота, в котором я захлебываюсь? Ведь это болото гораздо хуже топкого.

Сама я не имею сил выбраться. Помогите мне. Прошу.

Ответа жду с нетерпением».

Я написал этой женщине подробное письмо, написал, что ее состояние есть болезненное состояние и что никаких других причин и оснований нету (тем более в 23 года) для того, чтобы чувствовать скуку жизни и пресыщение.

И посоветовал ей устроиться в дом отдыха или в санаторию хотя бы на месяц. В дальнейшем же, после отдыха, посоветовал изменить сколько возможно образ ее жизни, говоря, что ее замкнутая и одинокая жизнь, вне общественных интересов, несомненно, снова приведет ее к упадку, даже если она поправится.

Спустя, кажется, пять месяцев я снова получил от этой женщины письмо. Это письмо было более радостно и даже отчасти восторженно. Она писала, что недавно вернулась из отпуска и что только теперь поняла сущность своих упадочных мыслей — они происходили действительно от переутомления и нервной болезни. И что врачи действительно

подтвердили ее болезнь, написав в путевке: неврастения.

Вот об этой болезни, вернее — об излечении этой болезни автор и желает сказать несколько слов. Быть может, я ошибусь тут в каких-нибудь тонкостях и наименованиях, но общая картина будет правильной.

Основная причина неврастении — это переутомление, вернее — перераздражение мозга. Это перераздражение может произойти по многим и разнообразным причинам. Однако все причины имеют одинаковую сущность. Они создают то психическое противоречие, тот душевный конфликт, при котором мозг как бы не находит покоя, непрестанно думая об одном и том же.

Другими словами: непрестанно думая об одной и той же вещи, о вещи чаще всего тягостного характера, человек способен заболеть неврастенией. Ибо, думая непрестанно, мозг не находит отдыха и, переутомляясь, начинает работать неправильно, создавая этим неправильную работу внутренних органов и самоотравление организма.

Человек способен заболеть неврастенией в одинаковой степени как от мыслей высокого значения, так и от мыслей мелких, незначительных и даже в другой раз вздорных.

Человек может перераздражить свой мозг, думая и непрестанно беспокоясь, ну, скажем, о личной своей судьбе или о судьбе близкого человека, или даже, скажем, о своей комнате, которой он не доволен.

Вот пример заболевания от причин, казалось бы, не способных привести к неврастении.

Влюбленный человек, постоянно думая о любимой женщине, нередко заболевает неврастенией — он худеет, теряет аппетит, делается раздражительным и даже начинает думать о смерти. Такие примеры заболеваний мы во множестве находим в литературе и иногда в жизни. Казалось бы, такое счастливое состояние, как влюбленность (иной раз даже взаимная), не должно привести к заболеванию.

Однако заболевание происходит нередко, и причина этого как раз и кроется в постоянных мыслях, в постоянных воспоминаниях о любимом человеке. Причем эти воспоминания и мысли не выводят мозг из постоянной работы и, значит, не дают возможности создать отдых. Стало быть, неврастения — это есть прежде всего утомление, вернее — перераздражение мозга, это есть неправильная работа мозга, а также и последствия этой неправильной работы.

И вся суть избавления от неврастении состоит, повто-

ряю, в том, чтобы дать отдых мозгу. Однако это сделать не всегда легко, а иногда и чрезвычайно трудно.

При сравнительно здоровой, нормальной психике излечение приходит само по себе при условии более или менее продолжительного отдыха и перемены обстановки. В этом случае вовсе не требуется, а иногда даже и вредно анализировать и разбирать свою болезнь.

При сложной психике, не совсем здоровой и не совсем нормальной, исцеление не приходит само по себе. И только потому, что больной не умеет создать себе отдых. А создать себе отдых он не может, так как не может и не умеет освободиться от тягостных мыслей и воспоминаний. Больной может часами лежать, может вести самый строгий режим, но мысли и воспоминания не выводят мозг из постоянной работы и из постоянного беспокойства. Причем нередко эти мысли, в силу болезненного состояния, слишком высоко переоцениваются, и, стало быть, избавление от них затрудняется.

Как же избавиться от этих воспоминаний? Как сделать, чтобы воспоминания перестали тревожить человека? Это сделать можно.

Эти мысли и воспоминания физическим путем убрать нельзя. Их можно убрать лишь единственным способом — дать им иную оценку.

Есть такая замечательная фраза, сказанная Марком Аврелием:

«Измени свое мнение о тех вещах, которые тебя огорчают, и ты будешь в полной безопасности от них».

Что это значит? Это значит, что любую вещь, любое обстоятельство мы можем оценить по своему усмотрению и что нет какой-то абсолютной цены для каждой вещи.

Причем такая новая, облегчающая оценка создается не путем, что ли, самовнушения, это создается прежде всего логическим рассуждением. Больной говорит себе: «Меня тревожит эта мысль. Но я болен. Я сейчас не имею возможности оценивать это обстоятельство так высоко, как я его обычно оценивал. Я оценю его ниже либо временно вовсе с ним не посчитаюсь».

И если это сделано сердечно, то есть если человек действительно с чувством, а не только формально подумал об этом,— избавление от тревожных мыслей приходит с необычайной простотой. А освободившись от тревожных воспоминаний, больной тем самым создает себе отдых и, отдохнув, приводит в порядок весь организм, истощенный неправильной работой.

Эту картину избавления от неврастении я нарисовал, так сказать, в общих и грубых чертах, не вдаваясь в некоторые подробности и в некоторые осложненности этой болезни. Нездоровая психика столь разнообразна, что врачу, вероятно, приходится всякий раз сообразоваться с индивидуальными особенностями больного.

Но в общих чертах общий принцип заболевания и общий принцип излечения мне кажется правильным на все случаи.

Конечно, только лечить болезни недостаточно, надо уметь также и предупреждать их. И если лечение в данном случае состоит в умелом отдыхе, то и предупреждение этой болезни также состоит в правильном и разумном отдыхе.

Создавать себе правильный отдых — это большое искусство.

Ленину принадлежит замечательная фраза: «Кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать».

Для здорового человека умение отдыхать состоит в правильном и разумном отвлечении от работы. Другими словами, для отдыха необходимо создать иные реакции, чем те, которые были в условиях работы.

В этом смысле, мне кажется, у нас были допущены изрядные ошибки.

К счастью, сейчас это меняется, но год или два назад эти ошибки чрезвычайно ощущались. Создавалось такое положение, что абсолютно все — театр, журналы, кино и даже цирк — все давалось под одним и тем же углом. Все говорило о двух-трех революционных темах. Такая целеустремленность, несомненно правильная, привела на практике к некоторым извращениям. Появились приспособленческие произведения, которые, так сказать, били в одну точку, не затрагивая ничего другого и не давая разумного развлечения. И это, в сущности, не давало отдыха.

X (к стр. 22)

Тут, как мы видим, организм как бы работает вслепую. То есть, скажем, такое случайное отправление отрицательного свойства, как икота, при известных обстоятельствах может быть зафиксировано организмом как нечто правильное и нормальное. В силу инерции, в силу привычки производить одинаковые действия эта отрицательная, то есть ненужная, работа организма продолжается. Она получает как бы права гражданства, а налицо — картина заболевания.

В сущности, неважно, почему именно возникла икота.

Тут важен принцип. Она могла возникнуть не только от центральных причин или от центральных заболеваний. Она могла возникнуть от чисто случайного, непроизвольного сокращения грудобрюшной преграды. Но в дальнейшем нервная система, регулируя и заведуя всеми процессами, «не разобралась», если можно так сказать, в ненужности этого явления и в силу, вероятно, некоторого своего истощения не убрала, а, напротив того, зафиксировала как нечто правильное и нужное.

Если это так, если нашему организму свойственна привычка даже к отрицательным явлениям, если случайно возникший неправильный процесс может продолжаться даже в столь открытом виде, то сколько же мелких, незаметных и глубоко скрытых неправильностей бывает в нашей сложной машине, тех неправильностей, которые, повторяясь, создают заболевание.

Тут же неважно отметить, какое заболевание они создают — функциональное или органическое. Все функциональные расстройства в силу постоянной привычки к неправильности могут создать механическое повреждение в том или ином органе. Стало быть, все дело и тут заключается в умелом руководстве и в умении перебивать неправильную, ложную привычку.

Тут необходимо сказать о чрезвычайном свойстве организма — о привычке и о той инерции, которая создается этой привычкой.

Всем известно, что при нормальном здоровье организм имеет свойство работать с необычайной точностью, почти как машина. То есть человек нередко просыпается утром не только в определенный час, но даже в определенную минуту. Человек хочет есть именно в те часы, когда он привык. Кишечник ежедневно опорожняется в определенные часы, с точностью до минуты.

Это значит, что организм склонен работать, как машина, как хронометр, то есть организм имеет свойство приобретать точные привычки и неуклонно им следовать. Всякие изменения привычек влекут за собой изменения в организме и подчас даже расстройство работы органов, не освоившихся с новыми распоряжениями.

Поэтому при болезненном состоянии почти всегда благодетельно изменить распорядок. То есть необходимо поставить организм в новые условия, для того чтобы создать в нем новую и более выгодную инерцию.

Медицина знает это обстоятельство. И, скажем, больному туберкулезом велит изменить образ жизни, то есть

бросить прежние привычки и навыки, приведшие легкие к заболеванию.

Теперь возникает другой случай. Организм работает хорошо. Следовательно, нет надобности менять привычки. Напротив того, этим привычкам надо неуклонно следовать.

Вероятно, Кант это имел в виду. Кант, как мы говорили, приравнял свой организм почти к хронометру. Установив правильную работу в своем организме, Кант создал инерцию и, как машина, продолжал жить, стараясь чем-либо не сдвинуть себя с ранее установленных привычек.

Мы говорили, что жители Кенигсберга проверяли по нем свои часы. В течение 30 лет Кант не отходил от своих привычек.

Это был поразительный опыт, который закончился победой. Но тут крылась и ошибка, которая создавала из человека некоторое подобие машины для работы.

Возможно, конечно, что великий философ и стремился сделать из себя отличную машину для думанья, однако и тут можно усмотреть некоторую неправильность, которая привела Канта, правда в глубокой старости, к психической болезни.

Можно создать любую привычку для тела, но нельзя забывать, что при частой повторности психика как бы усиливает эту привычку и доводит ее до крайности.

Обжора десять лет назад всегда в значительной степени меньший обжора, чем это сейчас. Человек, привыкший оберегать свое здоровье, через десять лет приобретает как бы манию к этому.

Кант через 20 лет приобрел все свойства маньяка. Но, как бы там ни было, опыт Канта удался, и при всей крайности опыт все же был правильный — привычка, так сказать, создала вторую натуру. Руководить привычками и создавать их — вот один из основных вопросов руководства своим телом.

Энергия, возникшая в организме, имеет свойство расходоваться именно в той привычке, которая случайно либо по собственной воле сделана.

Один писатель так начал свою биографию: «Я пишу оттого, что не могу не писать. Каждое утро я чувствую потребность писать».

Это значит, что писатель создал себе привычку писать и ходит под этой инерцией, не понимая, откуда что идет. В сущности, надо наоборот. Надо, чтобы человек распоряжался своей инерцией, надо, чтобы человек управлял своей машиной. А тут получается, что машина управляет челове-

ком, и писатель благодарит судьбу за ниспосланные способности писать.

Автору приходилось видеть людей, которые находились в каком-то постоянном чувственном состоянии. Это не были здоровяки, которые расходуют свою энергию от избытка. Это были тщедушные люди, которые просто не могли на себя налюбоваться, полагая, что природа особо выделила их и особо отметила, дав им исключительные возможности и силы на это почтенное занятие.

Автору приходилось видеть, как случайно перебитая ложная инерция таких людей создавала им буквально катастрофу.

Тут аналогичная картина той, о которой мы говорили, упоминая об усиленной мозговой работе.

И в этом, и в другом случае устанавливается привычка расходовать свою энергию за счет других частей организма. И такая измененная инерция почти всегда катастрофична.

В старости такое изменение инерции, даже при нормальном расходовании энергии, также нередко заканчивается катастрофой. Человека увольняют в отставку, и нередко он буквально рушится в несколько дней, если не сумеет перестроить свои привычки и не сумеет немедленно создать новые.

Значит, дело обстоит так: все, даже ошибочное, ложное и вредное (даже яд), принимается организмом, в силу привычки, как нормальное и даже часто как необходимое. И при управлении своим телом особенно важно учитывать это состояние. И весь смысл этого учета — вовремя остановить инерцию, идущую со знаком «минус».

Смысл жизни не в том, чтобы удовлетворять свои желания, а в том, чтобы иметь их.

Эта привычка и создание инерции простираются часто за пределы сознания.

Пушкин говорил, что он мог писать главным образом осенью. Это значит, что однажды, написав удачно осенью, он оставил в своей психике убеждение, которое в дальнейшем создало ему привычку.

Но тут вопрос большой сложности, и решение его мы отнесем к концу книги, когда будем говорить о силе внушения.

Все эти вопросы автор разбирает и будет разбирать не с точки зрения медицины, а с точки зрения литературы.

Один критик, которого я весьма уважаю и которому я рассказывал об идее моей книги, сказал с улыбкой: «У нас в литературе были случаи, когда врачи делались

писателями, но чтоб писатель сделался врачом — этого не было».

Это, может, и так, но это несправедливо. Я вовсе не стремлюсь быть врачом, но я считаю, что некоторое знание этой профессии не только полезно писателю, но даже и необходимо, в особенности сейчас, когда многие вещи рассматриваются заново. Те идеалистические понятия, которые иной раз имеет литература в представлении о человеке, и о его психике, и о его поведении, идут нередко вразрез с понятиями, которые имеет наука.

Возвышенную скорбь, почтенную хандру, прелестную грусть, очаровательное уныние, гордое презрение к людям, благородное самоубийство и раннюю поэтическую смерть наука, увы, рассматривает несколько иначе, чем литература.

И знание всего этого писателю столь же необходимо, как необходимо художнику знание анатомии. Конечно, художник может рисовать и без знания анатомии. Можно рисовать, как рисовали пещерные жители — профиль с двумя глазами. И это, кстати сказать, нередко можно наблюдать в литературе.

XI (к стр. 34)

Вот пример необычайного ума и вместе с тем поразительной слепоты и непонимания самых важных и необходимых вещей... Вот пример ума, который зачеркивает почти все свои достижения.

Речь идет о Ницше (1844—1900).

Ницше писал о своем уме как о высшей человеческой возможности. Глава книги (кажется, «Человеческое, слишком человеческое») называется «Отчего я так умен».

Однако так ли умен Ницше, как он писал о себе?

Рассматривая его жизнь, мы видим такое чудовищное непонимание себя и такое варварское отношение к своему телу и мозгу, что мы никак не можем признать ум Ницше «высшим проявлением человеческой возможности».

Ницше предложил идею «сверхчеловека», то есть такого человека, который имеет высшее состояние физического и умственного здоровья, человека, свободного в своих взглядах, воззрениях и поступках.

Это тем более обязывало Ницше знать кое-что о себе.

Однако мы видим просто невероятные вещи.

Приведя себя к 35 годам непомерной работой в очень нервное, перераздраженное состояние, потеряв сон, аппетит и способность к правильному пищеварению, он не

видит нужды поправить это отдыхом или правильным режимом. Он, не меняя режима, возлагает все надежды на исцеление, только на пилюли и микстуры. Он ежедневно проглатывает кучу лекарств. От вялости пищеварения он принимает капли, от головных болей — порошки. От бессонницы — жесточайшее средство — веронал и хлоралгидрат.

Эти лекарства он принимает ежедневно.

В течение 11 лет он почти ни разу не ложится спать, не приняв снотворного порошка. Когда эти порошки не действуют, он увеличивает дозу или заменяет другими средствами, которые вызывают короткий, пятичасовой искусственный сон.

Биограф приводит количество хлоралгидрата, проглоченного Ницше в течение только одного месяца,— около пятидесяти граммов.

Состояние здоровья Ницше к 40 годам делается ужасным. Однако Ницше не видит и не находит причин, приведших его в такое состояние. Больше того — он находит эти причины в атмосферном давлении. Он ищет облегчения от своих страданий в перемене места и в перемене климата. Он приписывает особые целебные свойства тому или иному месту, но, приехав на это место, естественно, скоро разочаровывается.

Он приписывает особые вредные свойства табаку и чаю. Он вовсе отказывается от этих, в сущности невинных в сравнении с вероналом, наркотиков.

В 39 лет он пишет в письме:

«Страшные и почти непрерывные страдания заставляют меня с жадностью ожидать конца».

Однако он ожидает этого конца еще почти 20 лет. В 46 лет он заболевает душевной болезнью и на 57-м году жизни умирает. 11 лет он живет психически больным.

Быть может, все же Ницше имел склонность к этой психической болезни? Может быть, и в молодые годы он был не совсем нормальным в своей психике и в своем физическом здоровье?

Нет, по-видимому, все было заработано собственными руками, даже если и имелась некоторая склонность к психическим неправильностям.

Физическое здоровье Ницше было поразительным. Иначе трудно представить, как бы он мог проглатывать в таком количестве хотя бы веронал.

Свои нервы он расшатывает непомерной работой. Причем никаких материальных причин как будто к этому не было.

В 27 лет у него начинаются первые нервные недомогания — головные боли и спазмы желудка. В 35 лет он оставляет кафедру университета. И с 35 лет до 46 он живет, поддерживая себя лекарствами и искусственными средствами, не стараясь отыскать причину своих недомоганий.

Страшная жизнь и страдания Гоголя меркнут в сравнении с этой жизнью.

Но была ли борьба за свое здоровье? По-видимому, да [1]. Последние два года своей сознательной жизни Ницше как будто бы пытается восстановить свои силы. Он пытается это сделать психическим воздействием. Он как бы уговаривает себя, что он, в сущности, здоров. И в самый разгар своих болезней он пишет в своих сочинениях, что здоровье его, в общем счете, благополучно.

Если бы этого не было, если бы в его жизни не произошло никакой борьбы за здоровье, тогда, пожалуй, можно бы было признать исключительный фанатизм, безумие и нежелание ничего знать, кроме своей работы.

Да, Ницше был фанатиком, человеком, выше всего ставившим свою работу, но нам кажется, что не было нужды доводить себя до такого состояния. Мы признаем, что «издержки производства» при напряженнейшем труде бывают велики и подчас даже непоправимы. Но мы утверждаем, что в данном случае не было необходимости так беспрерывно и так варварски испытывать свое тело. Это, как ни огорчительно, можно лишь приписать непониманию.

Существует, правда, мнение, что великие вещи создаются в болезненном состоянии. Это, конечно, неверно. Напротив, великие вещи создаются, видимо, в полном здоровье и в подъеме. И лишь потом наступает депрессия. И если не делать значительного перерыва в работе, то возникает хроническое болезненное состояние, которое мы

---

[1] Приходится, к сожалению, догадываться. Материал не в достаточной степени освещает это.

Почти всякий раз, прочитывая биографический материал, приходится сталкиваться с большими трудностями. Как правило, биографы упускают самое важное и сообщают примерно так:

«После чего великий писатель занемог, и через три дня его не стало».

А чем он занемог и от чего его не стало — обычно не указывается. Подряд приходилось читать такие «полноценные» сведения:

«Тяжелый недуг сломил возвышенную душу этого великого человека».

«Лишения и невзгоды оборвали эту ценную жизнь».

Даже знаменитый историк Скворцов пишет об Ив. Грозном:

«Он умер от страшной болезни. У него пухло тело и гнили внутренности».

Что это за болезнь — никому не известно.

так часто встречаем среди великих людей. И это нас заставляет думать, что великие вещи создаются в каком-то болезненном состоянии. Напротив, это болезненное состояние отнюдь не повышает качества вещей, как иной раз думают, а, несомненно, понижает.

История литературы знает величайшие произведения, созданные в полнейшем здоровье. Причем иной раз эти произведения создавались не в так называемых «муках творчества», а напротив — с необычайной легкостью и даже как бы шутя. Пример — хотя бы «Декамерон» Боккаччио. Так что говорить о том, что Ницше было необходимо создавать себе какое-то особое болезненное состояние,— неправильно.

Я не расцениваю качества человека по длине его жизни. Иная короткая жизнь более ценна, чем прожитое столетие. Но считаю, что если удлинить прекрасную короткую жизнь, то качество ее не ухудшится.

Ницше этого сделать не мог и 11 лет провел в безумии.

XII (к стр. 43)

Мы уже достаточно много говорили о так называемых скоростях работы организма. Организм может работать и на малой скорости, и на повышенной скорости. И эта перемена работы часто зависит от нервных раздражителей. Вялая, малокровная работа мозга заставляет вяло работать все хозяйство тела.

Случайное нервное раздражение, волнение или возбуждение иной раз выводят тело из привычной медлительной работы. В данном случае пример такой перемены скорости.

Доказательством того, что это так, доказательством того, что работа тела стоит в теснейшей зависимости от мозга и от мозга зависит та или иная скорость работы, может быть следующее обстоятельство.

Считается, что сон наиболее крепок бывает в утренние часы — примерно от трех до пяти утра. Запись деятельности мозга показывает, что все нервные раздражения, сновидения и приливы крови в эти часы минимальны.

Между тем статистика говорит, что именно на эти утренние часы выпадает большая часть смертей, причем смертей обычно тихих и неболезненных. То есть можно предположить, что отсутствие нервных раздражителей как бы уменьшает скорость работы и иной раз, при условии особой болезненности, даже и останавливает работу тела.

Мне пришлось в больнице видеть, как одной умираю-

щей старухе дали полстакана шампанского, чтоб поддержать ее жизнь на несколько минут, для того чтобы проститься с родными.

В безжизненное, неподвижное, почти мертвое тело влили шампанское. (Как известно, действие алкоголя прежде всего сказывается на мозге.)

Почти в одно мгновенье произошла такая невероятная перемена, что просто трудно представить, не видя этого.

Серое, мертвое лицо оживилось и покрылось легким румянцем. Глаза открылись. Руки сделали плавный жест. Старуха села на кровати и, как бы продолжая только что брошенный разговор, внятно и отчетливо сказала: «Но где же, в самом деле, Саша? Почему он не приходит?»

Ее родственник, почти потрясенный такой картиной, едва передвигая ноги, подошел к старухе.

Она оживленно беседовала с ним несколько минут, потом, схватившись рукой за сердце, откинулась на подушку и умерла.

Повышенная скорость при ее состоянии была смертельна.

Между прочим, этой повышенной скоростью можно объяснить целый ряд казалось бы необычайных явлений.

Вот хотя бы такое явление.

В одной умной и замечательной книге говорится о «таинственном» инстинкте человека — о радости катастрофы. О том, что — вот таинственное явление, которого нам не понять.

В самом деле, какая невероятная и на первый взгляд непостижимая вещь — человеку свойственно радоваться при виде какого-нибудь разрушения, катастрофы, стихийного бедствия. (Эта радость, конечно, бывает тогда, когда сам человек вне опасности.)

Откуда, в самом деле, из каких глубин психики вырастает эта радость, почти восторг?

Как часто приходится видеть веселые лица, искрящиеся глаза, смех и улыбки при самых неподобающих условиях — наводнении, катастрофах, пожаре и так далее.

Я долгое время не мог найти объяснения этому. Я пробовал решать это сложными путями.

Мне казалось, что это тот древний инстинкт, та радость человека, спасшегося от стихийных бедствий, радость, которая осталась в глубине психики.

Но, конечно, это решение было недалеким и, я бы сказал, идеалистическим.

Эта радость, несомненно, возникает от физиологических

причин. Нам известно, что некоторое обилие кислорода заставляет животное крайне оживляться и даже, пожалуй, радоваться — прыгать и делать бурные движения.

Необычайная картина разрушения или катастрофы настолько увеличивает нервное раздражение, настолько повышается работа мозга и всех органов, что возникает та повышенная скорость всего тела, которая и приводит человека к крайнему оживлению и даже радости. Но эта радость не относится к виденному. Эта радость возникает от повышенного обмена веществ, от обилия кислорода, от всей необычайной скорости, которая непривычна человеку.

Конечно, такая радость катастрофы, быть может, не всем свойственна. Слишком плохие нервы или слишком хорошие, вероятно, не знают такой реакции.

Тут, предвидя некоторые возражения, мы должны оговориться.

Мы постоянно подчеркиваем необычайную роль мозга в жизни всего нашего хозяйства.

Нам нежелательно, если кто-либо сделает неправильные выводы.

Я вовсе не переоцениваю роли мозга. Тут требуется разъяснение.

Вот какой разговор был у меня однажды с одним известным критиком, ныне умершим, В. П. Полонским.

Я жил в Гаграх, где находился тогда Полонский. Это было примерно за несколько месяцев до его смерти.

Мы часто с ним ходили по набережной, гуляли и разговаривали. Однажды я рассказал ему об идее этой книги. Он был чрезвычайно заинтересован идеей, много об этом думал и каждый день, встречаясь со мной, расспрашивал о подробностях.

Однако с одним положением он не согласился.

Он сказал, что я слишком, по-видимому, преувеличиваю значение мозга. Что это, вероятно, не так. Что существует целый ряд простейших видов, которые вовсе лишены мозга. И тем не менее их жизнь не подвергается никаким случайным отклонениям. Что тут вся суть, видимо, в тех химических элементах, которые вырабатывают секреты.

Полонский был, конечно, в основном прав. Мне тоже казалось, что преобладающую роль в жизни нашего тела играют те внутренние химические процессы, которые выполняются железами секреции. Но тут не следует забывать роль мозга, который тесно (и взаимно) связан с деятельностью этих желез. Мозг дает толчок к этой работе и является как бы регулятором.

Полонский привел пример, что сейчас происходят любопытные опыты — у животного вырезают мозг, и тем не менее оно продолжает жить и живет месяцами. Бабочка, лишенная мозга, продолжает даже летать.

Эти примеры мне были известны. Они как раз отлично доказывали мою мысль.

В самом деле, а как живут эти животные, лишенные мозга? Оказывается, крыса с вырезанным полушарием мозга не имеет ни потребности есть, ни каких-либо других потребностей.

Ее надо искусственно кормить, иначе она умрет через несколько дней. И полет бабочки лишен всякого смысла — она делает это механически.

Я не переоцениваю мозг. Хозяйство может продолжать работу без участия мозга. Но как идет эта работа?

Мозг является как бы регулятором хозяйства. При здоровом мозге, при его правильной, нормальной работе, мозг, быть может, и не имеет решающего значения для здоровья всего организма. Однако неправильная работа мозга немедленно приводит в расстройство весь организм. Если это управление врет и его не подправлять, происходят неисчислимые беды, пока все не заканчивается катастрофой.

XIII (к стр. 46)

Недавно вышла в Госиздате чрезвычайно интересная книга английского ученого и астронома, профессора Кембриджского университета Джемс Джинса.

Книга называется «Вселенная вокруг нас».

Эта книга замечательна во многих отношениях. Это одна из редких серьезных книг, написанных отличным, легким и даже изящным языком. Книга, несмотря на всю серьезность, читается как увлекательный роман. Однако для человека, мало знакомого с астрономией, книга все же трудна.

Книга написана в 1930 году, так что в ней представлены сравнительно последние данные о состоянии астрономии и о всех открытиях, сделанных за последние годы.

Между прочим, Джинс, пожалуй, впервые пытается показать размер Вселенной или, во всяком случае, хочет дать приблизительное понятие о размерах. Это он делает чрезвычайно остроумным способом. Размер Вселенной он показывает, так сказать, на макете, на воображаемой модели.

Решает это он так. Прежде всего он определяет масштаб модели.

Земля ежегодно описывает вокруг Солнца путь длиной в один миллиард километров (делая 30 километров в одну секунду).

Представим весь этот путь в виде булавочной головки диаметром в 2 миллиметра. Солнце сократится в ней до крошечной пылинки размером в 0,01 миллиметра. Земля будет пылинкой настолько малой, что ее нельзя будет рассмотреть в микроскоп.

Вот микроскопический масштаб этой модели.

Что же получается? Получается, что даже при столь незначительном масштабе ближайшая от Земли звезда, так называемая Ближайшая Центавра [1], в этой модели будет помещена на расстоянии 200 метров.

Расстояние этой звезды от Земли во Вселенной равно 40 биллионам километров. Эта астрономическая цифра почти ничего не говорит нашему воображению. Тут требуется перевести на более наглядный язык. Скорый поезд шел бы до этой ближайшей звезды 78 миллионов лет. Пушечное ядро летело бы 2 миллиона лет. Катастрофу, ну, скажем, гибель этой ближайшей до нас звезды, мы бы увидели через 4 года, а услышали бы через 4 миллиона лет.

Итак, звезда Ближайшая Центавра помещается в модели на расстоянии 200 метров от Земли. Но это всего лишь ближайшая звезда. Чтобы расположить в модели хотя бы сто ближайших к Солнцу звезд, модель должна была бы иметь полтора километра в высоту и столько же в длину.

Но это только для ста звезд.

Простым глазом мы можем увидеть около 6 тысяч звезд. А в лучший современный телескоп мы можем разглядеть примерно 100 миллионов звезд.

Если бы эти звезды поместить в модели, модель пришлось бы расширить до 6 миллионов километров. Можно представить этот размер модели, если вспомнить, что расстояние до Луны всего лишь меньше полмиллиона километров (384 тысячи километров).

Но из этих ста миллионов звезд, расположенных в нашей модели, всего лишь видимо незначительное число звезд, которые можно увидеть в наши телескопы.

При всей безнадежности этой модели все же кое-какое представление о неизмеримом пространстве Вселенной мы получаем.

---

[1] Ближайшая Центавра есть спутник яркой звезды южного полушария — Альфа Центавра.

И принцип такого показа все же чрезвычайно занимателен и нов.

Джинс сообщает также о новейших открытиях, сделанных в области астрономии.

В марте 1930 года открыта новая, девятая планета солнечной системы, названная Плутоном.

Эта планета, размеры которой несколько меньше, чем Земли, находится за орбитой Нептуна. То есть она самая дальняя планета от Солнца.

Любопытно, что эта планета обнаружена была еще 15 лет назад путем сложных математических вычислений. Ученые по некоторым неправильностям движения Нептуна догадались, что существует какая-то еще новая планета. Путем вычисления установлено было ее место. И действительно, после долгих поисков обсерватории в Аризоне удалось обнаружить ее.

Крайняя дальность расстояния до этой планеты затрудняет наблюдение за ней. Так что ни суточного движения, ни многих тех подробностей, какие мы знаем о других планетах, установить не удалось.

Во всяком случае, обитатель Плутона, если бы такой существовал, получал бы в 1600 раз меньше солнечного света и тепла, чем получает обитатель Земли. Солнце казалось бы ему небольшой звездочкой. Температура на Плутоне, по-видимому, чрезвычайно низкая, около —230°

Кстати, очень любопытны представленные в книге температуры поверхности планет. (Это тепло измеряется особыми, специальными сверхчувствительными инструментами.)

По последним измерениям, температура поверхности Юпитера равна приблизительно — 150°, Сатурна — 150°, Урана —170°

На поверхности этих планет, стало быть, не может быть ни рек, ни морей. И никакой органической жизни, повидимому, не существует.

Более близкие к Солнцу планеты имеют температуру, более сходную с Землей.

На Марсе, на экваторе, температура в полдень достигает +10°, однако ночью температура падает, примерно до —70°

Органическая жизнь на Марсе все же возможна. Однако, по-видимому, ее нет. Атмосфера чрезвычайно разрежена. Давление барометра всего лишь 60 миллиметров (на Земле 760). По-видимому, почти отсутствует вода.

На Венере температура выше земной. Однако на Венере

день равен нескольким земным неделям [1]. Так что разница между дневной и ночной температурой, видимо, очень велика. Предполагают, что ночью температура падает ниже нуля, а днем на 60° выше, чем на Земле.

Планета, вероятно, слишком горяча еще для жизни. Через биллион лет Венера все же может превратиться в то, что теперь представляет Земля. И, по-видимому, Земля будет тогда в таком же положении, как сейчас Марс.

Мне недавно пришлось читать в какой-то фантастической книге скептические слова о том, что Марс старше нашей планеты, жизнь там, по-видимому, более развита, однако все же марсиане долететь до нас не сумели. Однако это, по-видимому, рисуется иначе. Когда на Марсе были примерно такие условия, как на Земле, Земля представляла собой, вероятно, слишком еще горячую планету, на которой, видимо, едва-едва зарождалась жизнь. (Соотношение примерно такое же, как Земля и Венера.) На Венере обнаружены громадные испарения. Вся поверхность, вероятно, покрыта водой, и жизнь, видимо, едва только зарождается. И побывать нам на Венере так же будет затруднительно, как и марсианам на Земле. Интересно, что до сих пор все исследования материи Вселенной (спектральным анализом) не обнаружили никаких новых элементов, кроме того, что мы знаем и имеем на Земле. Это указывает на однородный состав Вселенной. Это дает право предполагать, что и принцип зарождения жизни всюду одинаков. Однако биологи до сих пор не могли установить, как возникает жизнь [2]. Вот одна из самых увлекательных задач, которую будет разрешать наука. Я чувствую трепет от будущих сообщений: «Ученому X удалось создать химическим путем живое существо...»

Самая ближайшая к Солнцу планета Меркурий весьма нарушает единый принцип движения планет. Меркурий вращается вокруг своей оси иначе, чем Земля, иначе, чем все планеты. Меркурий обращен одной лишь стороной к Солнцу. Он как бы перекатывается через себя. В силу этого температура в одном полушарии, обращенном к Со-

---

[1] Сутки длятся примерно полтора месяца. Это вызвано крайне медленным движением Венеры вокруг своей оси. Впрочем, суточное движение Венеры еще не окончательно установлено Это сделать очень трудно, так как Венера постоянно окутана облаками и испарениями, и почти нет возможности найти для ориентировки какую-нибудь неподвижную точку.

[2] У Гомера есть фраза: «Мир возник из Океана». Современная же наука установила, что состав плазмы (крови) — это точный состав океанской воды.

лнцу, достигает +350° Другое полушарие погружено в вечную ночь. И холод там достигает холода Вселенной —240° Жидкости кипят на одном полушарии, и все сковано морозом на другом. И жизнь, конечно, при таких условиях невозможна.

Астрономия считается одной из точнейших наук, основанных на точных математических вычислениях. Однако в этой науке слишком много гадательного. Нам кажется, что это все же одна из самых сказочных и увлекательных наук. Ее доказательства остаются по большей части условными. Эта наука не ощупывает руками материала. Материал расположен на таком расстоянии и в таких пространствах, что большинство доказательств будет все же условным.

Какая еще из наук занимается разгадкой такого далекого будущего, как это делает астрономия! Астрономия старается разгадать, что будет через миллионы и биллионы лет. Эта разгадка строится на математике. Однако как много в этом гадательного.

Любая книга по астрономии заканчивается сказочным рассуждением (всякий раз иным) о будущей жизни на Земле и о гибели этой планеты.

В книге Джинса заключительная глава также посвящена будущей жизни и будущей гибели Земли.

Вот несколько строчек о гибели:

«...В силу потери Солнцем его массы Земля отступает от него со скоростью приблизительно одного метра в столетие. Через биллион лет Земля будет на 10 % дальше от источника света и тепла, чем теперь. Земля станет получать на 20 % меньше его излучения, и ее средняя температура будет приблизительно на 15° ниже, чем теперь. Однако Солнце через биллион лет не будет излучать столько же тепла и света, как в наши дни... Судя по другим звездам, энергия Солнца уменьшится приблизительно на 20 %. Это вызовет уменьшение температуры Земли еще на 15° Так что через биллион лет все это приведет к понижению температуры на Земле приблизительно на 30° При такой температуре жизнь на Земле может все же продолжаться в силу большой приспособляемости человека к окружающим условиям...»

Однако это одно из десятка предположений о возможной гибели Земли. Далее Джинс приводит еще ряд предположений. Оказывается, до остывания Земли с ней может случиться масса неожиданностей, при которых все математические вычисления, все строгие выкладки и циф-

ры летят в бесконечность. Тут-то и обнаруживается вся шаткость теории и вся сказочность этой науки, вернее — сказочность материала.

Оказывается:

1. Солнце может случайно столкнуться с другой звездой. Тогда произойдет катастрофа, которая превратит в газ всю солнечную систему.

2. Один астероид[1] может налететь на другой, и тогда при этом изменится все движение системы.

3. Какая-нибудь звезда, двигаясь из глубин пространства, «может зайти внутрь солнечной системы и этим внесет существенные изменения», причем Земля, изменив орбиту, окажется уже не в состоянии служить пристанищем жизни.

4. Солнце весьма близко находится сейчас от «левого края главной ветви звезд». И если бы сила света Солнца уменьшилась бы всего лишь на 3 % — оно бы попало еще ближе к опасному «левому краю». При этом тепло упало бы столь значительно, что жизнь была бы изгнана с Земли. Океаны превратились бы в лед, а наша атмосфера — в жидкий воздух.

Приводится еще ряд возможностей и случайностей, какие мы не рискуем предложить читателю в силу сложности объяснения.

Дальше приводятся оптимистические предположения:

1. На 3 % сила света уменьшится не ранее как через 150 миллиардов лет.

2. Столкновения между звездами бывают сравнительно редко.

3. Перед человечеством открыты перспективы по крайней мере еще на десятки миллиардов лет.

Годы, слишком достаточные, чтобы подумать о будущем.

Из всей книги лучше всего написан конец. Несколько последних строк звучат необычайно сильно и мужественно. Я с охотой подписался бы под этими строчками.

«В далеком будущем наши потомки, взирая на длинную перспективу времен, будут считать наши века за туманное утро истории мира. Наши современники будут казаться им героическими личностями, которые сквозь дебри невежества, ошибок и предрассудков пробивали себе путь к позна-

---

[1] Астероиды — крошечные планеты, лежащие за орбитой Марса. Диаметры этих планет весьма незначительные — часто меньше ста километров. Таких крошечных планет около тысячи.

нию истины, к умению подчинить себе силы природы, к построению мира, достойного того, чтобы человечество могло в нем жить. Мы окутаны еще слишком густым предрассветным туманом, чтоб могли, даже смутно, представить себе, каким явится этот мир в полном сиянии дня».

Этот блестящий конец примиряет нас с теми шаткими предположениями, на которых построена теория о гибели Земли. Некоторая сказочность этих предположений позволяет и нам попробовать свои силы в фантазии.

...Изменяется климат. Температура падает с каждым столетием. Моря и озера уменьшаются в своих размерах. Океаны превращаются в моря. Все меньше и реже облака обволакивают небо. Уменьшаются осадки. Громадные пространства Земли превращаются в безводные пустыни. Люди борются за воду. От полюсов прорываются каналы, по которым течет драгоценная влага, государственное достояние. Вся техника брошена на борьбу с безводьем. Разреженный воздух все значительней меняет жизнь. Люди становятся меньше размером. Карликовые животные пасутся на искусственных лугах. Ученые месяцами заседают, оспаривая возможности перелета на Венеру. Дождь выпадает раз в год. Техника не поспевает за потребностями населения...

Эти наши сказочные предположения можно обосновать на более твердой базе.

Водные пространства действительно уменьшаются. Увеличиваются пустыни — эти, так сказать, первые омертвевшие пятна Земли. Известно, например, что там, где сейчас пустыня Гоби, миллион лет назад была цветущая страна. Геологи предполагают, что именно там совершалась эволюция человеческой расы. Именно это место (Центральная Азия), оказывается, не покрывалось ледниковым покровом.

В этой пустыне десять лет назад была найдена стоянка людей каменного века. Там же были найдены громадные кости чудовища. Это чудовище названо белуджитерией. О размерах его можно судить по длине черепа — череп длиной около двух метров.

Стало быть, возможно, что пустыни и являются первыми признаками распада. Если это так, то наше фантастическое предположение правильно.

Однако нас более интересует будущая жизнь, чем будущая гибель, и еще более интересует настоящая жизнь, чем будущая.

В силу этого мы просим извинения за некоторое увлечение фантастикой.

Любопытство и крайняя любовь современного читателя к знанию позволили нам это сделать.

Кстати, еще об астрономии и о земных делах.

Интересную историю рассказал мне один ленинградский астроном. Еще до войны Пулковская обсерватория для нового телескопа заказала в Англии объектив диаметром в 32 дюйма.

Трудность изготовления таких стекол необычайна. Во всем мире существуют всего лишь четыре-пять заводов, изготовляющих рефракторы. Война помешала работе. После войны фирма несколько раз отливала это стекло, но всякий раз это было неудачно.

Наконец года два назад фирма прислала нам отказ. Тогда решено было изготовить объектив своими силами. Предложено было сделать это Изюмскому заводу.

Приехали в Пулково представители завода, осмотрели телескоп и сказали, что они вполне берутся сделать такой объектив.

В Пулкове весьма недоверчиво и даже скептически отнеслись к этому.

Однако через несколько месяцев стекло было отлито. И результаты дела оказались блестящие. В настоящее время это стекло шлифуется, и, быть может, вскоре астрономы будут наблюдать в него далекие миры. Это будет первое советское стекло, изготовленное для астрономии.

XIV (к стр. 52)

Необычайно интересный рассказ я услышал однажды от одного врача.

Это было лет пять назад. Я тогда лечился от неврастении и обошел множество врачей в надежде найти такого, который вылечил бы меня.

Однако я не находил такого врача. Мне прописывались лекарства и давались пилюли, от которых болезнь моя никоим образом не исчезала, а, напротив того, даже увеличивалась.

Тогда я решил найти врача, который был бы сам болен неврастенией. Мне казалось, что такой врач, несомненно, поможет мне и своим опытом, и своим практическим знанием этой болезни.

Таких врачей я находил в изрядном количестве.

Один довольно известный ленинградский невропатолог после длинной беседы мне сказал:

— Знаете что, я болен неврастенией, кажется, с тех пор как я себя помню. Скажу честно — полностью вылечиться мне никогда не удавалось. Но я организовал эту болезнь и довел ее до такой степени, что она мне почти не мешает. Я приспособился к этой болезни... Излечиться от нее, конечно, можно, однако если она не проникла глубоко в психику. В этом случае надо попросту переродиться, для того чтобы стать здоровым.

Я растерянный ушел и от этого врача.

Тогда я решил найти врача, который сам излечился от неврастении.

И вот однажды случайно я встретил такого врача.

Это было на юге. В Крыму. Я зашел к нему просто по вывеске.

В полутемной комнате, завешанной портьерами, сидел человек лет сорока. Его лицо меня чрезвычайно поразило необычайной свежестью и спокойствием. Его глаза были блестящи и жизнерадостны. Он приветливо указал мне на кресло.

— Были ли вы больны неврастенией? — спросил я врача.

— А если нет?

— Тогда я извинюсь за беспокойство и уйду.

— А если да? — сказал он.

— Тогда я попрошу вас рассказать мне, как вы вылечились.

Врач, улыбаясь, посмотрел на меня. Наш разговор — пациента с врачом — был несколько необычен.

— Да,— сказал он,— я был болен неврастенией в течение нескольких лет. Но мое излечение вряд ли вам скажет что-нибудь. Я бы лучше попросил вас рассказать о своей болезни. Давайте совместными усилиями проанализируем вашу болезнь и попытаемся найти ее истоки.

Я отказался. Я сказал, что мне все известно о моей болезни и почти ничего не известно о способах излечения. Я сказал, что временами мне бывало лучше и болезнь исчезала, но в общем я от неврастении не вылечился.

— Да, это очень трудно,— сказал врач.— Тем более что от нее мало вылечиться. Надо позабыть, что она существует или существовала. И если вы не позабыли, она с неизбежностью вернется. Надо хотя бы на первое время вычеркнуть ее из сознания психики. В памяти не должны оставаться даже признаки этой болезни. Без этого никогда окончательно не расстаться с болезнью.

Через несколько минут врач рассказал мне свою историю излечения.

Он заболел неврастенией, когда ему было 23 года. Он только что окончил Военно-медицинскую академию. Усиленные занятия, запутанные личные дела, неудачная любовь к женщине превратили этого молодого человека попросту в инвалида. За год он дошел до крайней степени расстройства. Он спал по три-четыре часа в день. Он потерял десять кило. И вся жизнь превратилась для него в сплошное мучение. Меланхолия и хандра не покидали его.

Состоятельные родители (это было за два года до мировой войны) отправили его лечиться в Швейцарию. Около года он провел в санатории, однако полностью излечиться ему не удалось. Прежние воспоминания вызывали всякий раз возврат болезни, хотя, правда, и не в такой степени, как раньше.

Молодой врач ежедневно уходил в горы. И, по совету лечивших его врачей, ходил по горам по нескольку часов, делая десятки километров.

Несколько раз он простужал и отмораживал ноги, делая переходы через снежные вершины. Не обратив внимания на это, он продолжал свои ежедневные экскурсии. Наконец он заболел. Болезнь началась с закупорки вен. Ноги распухли и отказывались служить. Известный немецкий врач нашел у него редчайший случай раннего склероза и еще какую-то болезнь, название которой я позабыл.

Угрожала смерть, ампутация или полный паралич ног. Лечение ни к чему не приводило. Через несколько месяцев молодой врач, отказавшись от операции, полностью потерял обе ноги — они были парализованы.

Все потрясение, весь ужас катастрофы, вся перемена жизни настолько изменили направление психики больного, что через два месяца, встав на костыли, он не нашел у себя никаких признаков неврастении.

Все раздражение, тоска, хандра и меланхолия исчезли и никогда более к нему не возвращались. А если и возвращались первое время, то это не было вызвано неврастенией. Это было вызвано печальной переменой. Но он привык к своей инвалидности. И вот 15 лет, как он не знает, что такое дурное настроение. Он много работает, пишет книгу, медицина его чрезвычайно интересует — у него нет времени думать, что он несчастен, напротив, он считает себя счастливым, он считает, что никогда он не имел такой бодрости и такой радости жизни, как сейчас.

И при этих словах врач показал на свои ноги, закрытые пледом. Они были неподвижны и мертвы.

Тут я увидел, что врач сидит в кресле-коляске. Он откатил свою коляску от стола и сказал:

— Нет, я не чувствую себя несчастным. По крайней мере таким несчастным, каким я был в Швейцарии, когда бродил по горам. Мне страшно вспоминать об этих потерянных годах.

Я ушел от врача взволнованный и даже потрясенный.

Какая необычайная и жестокая насмешка — чувствовать себя больным и несчастным, не имея несчастий, и быть здоровым и радостным, потеряв так много.

После этого удивительного рассказа я стал как-то лучше понимать сущность этой болезни. От нее надо вылечиться, и потом ее надо позабыть. А позабыть ее можно только таким чувством, которое заставит о ней не думать.

Однако то чувство, которое испытал врач, было слишком дорогой ценой за возвращенное здоровье.

XV (к стр. 54)

Мы отмечали выше, что основное руководство над своим телом, несомненно, заключается в умении создавать правильные привычки и неуклонно им следовать.

От этих приобретенных привычек и зависит вся личная судьба и все физическое и психическое здоровье человека.

Однако создание и возникновение привычек часто не лежит в пределах разума. Эти привычки часто создаются за порогом сознания. И в этом смысле давление со стороны бессознательного чрезвычайно велико. Мы говорили, что А. С. Пушкин легко писал осенью и отличался большой продуктивностью именно в эту часть года. Он сам не раз говорил, что осень для него — творческая пора.

Однако возникновение этой привычки произошло, несомненно, в силу случайности. Видимо, однажды написав удачно осенью и повторив эту удачу, он создал в своей психике именно это убеждение. Такое же убеждение он мог создать также и для другого времени года. Для этого только потребовалась бы другая случайность.

Создание этой привычки возникло не в пределах разумности.

Человек, который поверит, что он может увлечься только, ну, скажем, женщиной со светлыми волосами, несомненно создал в себе это убеждение путем случайно возникшего представления. Это представление, утвердившись в психике, создало привычку.

Стало быть, создание таких привычек и склонностей является как бы самовнушением.

Во всей нашей жизни, во всех наших поступках и, может быть, во всех склонностях самовнушение всякий раз играет большую роль, чем можно даже предполагать.

Гипнотизер может заставить человека не только заснуть, он может приказать, то есть внушить ему, сделать любой поступок и может вызвать у него любое болезненное ощущение. Больше того — гипнотизер может так воздействовать на мозг, что, скажем, рука или нога у человека перестает разгибаться. То есть воздействие чужой воли на мозг может быть беспредельным.

Однако если чужая воля столь распоряжается внутренней жизнью, то нет сомнения, что собственная воля и собственная психика могут распоряжаться не в меньшей степени.

И действительно, мы знаем исключительные примеры самовнушения.

Один из немецких журналов приводит ряд интереснейших опытов, иллюстрирующих необычайную силу самовнушения.

Один врач, на глазах у пациента разогрев на огне железную палочку, сказал, что сейчас слегка приложит ее к руке пациента. Однако он приложил к руке не эту палочку, а точно такую же, но холодную. Тем не менее на коже пациента в том месте, где была приложена палочка, обнаружился характерный ожог с небольшим покраснением и даже пузырем.

Другой берлинский врач (Шлейх) рассказывает, что одна пациентка (крайняя истеричка) приняла в приемной шум вентилятора за жужжание пчелы. Ей показалось, что эта пчела ее ужалила. Она почувствовала страшную боль в нижнем веке, и на нем вскоре появилась опухоль величиной с куриное яйцо, с покраснением воспалительного характера.

Тот же врач Шлейх рассказывает еще более поразительный случай из своей практики.

Однажды в клинику явился клиент и рассказал, что он уколол палец ржавым гвоздем и что теперь он боится заражения крови. Врач, не найдя признаков заражения, отпустил больного. Тем не менее через два дня мнимобольной умер. Вскрытие, произведенное доктором Лангерхансом, не обнаружило решительно никаких анатомических признаков, которые могли бы вызвать смерть.

Итак, если самовнушение и воздействие психики может

вызвать столь ощутимые и даже невероятные признаки, как ожог, воспаление и даже смерть, то та же психика за порогом сознания, видимо, может воспроизводить любые действия со всем хозяйством своего организма.

Любая болезнь, любое свойство характера могут быть вызваны путем неправильного психического представления, путем самовнушения, которое, как мы видели, играет столь значительную и выдающуюся роль.

И действительно, наряду с так называемыми органическими болезнями, мы встречаем огромное количество самых невероятных болезней, вызванных психическим расстройством и неправильностью работы нервных центров.

Воздействие же психики и самовнушения на работу всего организма столь велико, что, по-видимому, большинство болезней сто́ит отнести за этот счет. Во всяком случае, за этот счет стоит отнести большинство первоначальных заболеваний, которые в дальнейшем, может быть, и создают длительные болезни и подчас органические повреждения.

Страдания от таких болезней не меньше, а может быть, даже и больше, чем страдания от подлинных болезней.

Излечение от таких болезней всегда почти связано со случайностью и «чудом», которые весьма легко объясняются. Это чья-то воля, которая заставляет неправильную, ложную работу психики изменить направление. Этим можно объяснить все чудесные исцеления, все «могущество» знахарей, бабок и «святых старцев».

Причем часто это могущество ни на чем не основано. Оно основано лишь на собственной вере больного в чужое могущество. Эта вера попросту изменяет ложную работу психики (ложный ток энергии), давая ей другое, правильное направление.

Возникшая уверенность в своих силах — вот причина излечения больного самыми невероятными, «чудесными» средствами — «святой водой», «святым словом» (встань и иди!) и самыми различными амулетами и образками.

Такие болезни нервного происхождения, болезни, возникшие от ложной и неправильной работы психики, часто случаются с людьми нездоровыми, с ослабленной психикой и неврастениками.

Как правило, неврастении сопутствуют десятки болезней, от которых больные не могут освободиться в течение долгих лет. Разговор об этих болезнях не в плане нашей книги, тем не менее мы скажем о них несколько слов.

Часто заболевание многих органов вызвано тем внутренним самообманом, самовнушением и тем отсутствием

природной логики, которое характерно именно при больной психике.

Человек с больной и ослабленной психикой подвергается такому количеству самых разнообразных болезней, что перечислить их нет никакой возможности.

Но чаще всего болезненным явлениям подвергаются желудок, сердце и органы секреций.

Больной часто годами лечится от своих заболеваний водами, диетой, каплями и всякими процедурами, что иной раз только ослабляет орган и как бы укрепляет его в болезненном состоянии. Местное лечение таких болезней всегда вредоносно — оно потакает слабой психике и утверждает ложное представление. Тут вся суть в нервах и в переутомленных мозговых центрах, а не в самих органах.

Такие первоначальные ложные представления возникают, конечно, и у здоровых, но здоровый человек как бы не обращает внимания на случайное мгновенное расстройство И тогда это расстройство проходит. Если же обратить внимание, прислушаться к этому или — что всего хуже — испугаться, тогда болезненное явление со всей силой возвращается и утверждается в ослабленной психике.

Избежать этих ложных болезней можно, собственно, единственным средством. Избежать можно тем поведением, которое при этом имеет здоровый человек, то есть на это не следует обращать внимания.

И сложность этого излечения состоит в том, что возникший болезненный процесс не следует подавлять или вытеснять, как это обычно делается. Его попросту следует лишить внимания.

И в этих тонких подразделениях следует внимательно разобраться. Приведем пример.

Если у человека возникло сердцебиение и он испугается — сердцебиение усилится. Если человек скажет себе, что он не желает этого сердцебиения, то есть будет его подавлять, оно не исчезнет. Но если он скажет себе, что это вздор, что это случайность и это пройдет, причем если это будет сказано с полной уверенностью и внимание от него будет отвлечено на что-нибудь иное, тогда сердцебиение действительно проходит, ибо оно, если так можно сказать, зародилось в психике.

Точно так же дело нередко обстоит и с легочной астмой, и с желудочными расстройствами, и с расстройствами секреции. Такие болезни чаще всего возникают от неправильной и ложной работы ослабленной психики.

И сложность излечения их состоит еще в том, что больной почти всякий раз думает, что на этот раз у него болезненное явление на самом деле, а не нечто воображаемое. Тем более что признаки болезни и все явления далеко не воображаемые. Воображаемое лишь начало, вернее — не воображаемое, а ложное. И поверить в ложность болезни почти всегда трудно, однако можно. И, убедившись в этом раз, можно уже с легкостью освободиться от нее в дальнейшем. Такая болезнь исчезает так же мгновенно, как и возникает.

На этом, повторяю, построены все «чудесные исцеления» — излечение хромых, слепых, паралитиков, глухих, «одержимых» и так далее.

Малодушие и слабость воли не позволяют верить в свои силы, однако малодушие склонно верить в чужую силу — вот причины могущества «старцев», знахарей и «святых».

Стало быть, в вопросах здоровья самовнушение играет чрезвычайную роль. Причем это самовнушение нельзя рассматривать в том поверхностном смысле — вот, мол, человек сознательно внушил себе ту или иную болезнь или склонность. Это самовнушение, повторяю, происходит не в пределах разумности, это самовнушение формируется в том малоизученном мире, который носит название «подсознательного».

В этом мире, то есть за порогом сознания, создаются, повторяю, не только многие болезни и недомогания, но создаются и основные склонности, привычки, характер и даже подчас вся судьба.

Гете, как мы говорили, утверждал, что даже смерть зависит часто от воли человека. Это надо понимать в том смысле, что в подсознательной психике человека создается твердое убеждение, к которому и стремится человек. И, изменив эти представления, можно тем самым изменить свои склонности, стремления и даже весь характер и продолжительность жизни.

До некоторой степени странно, что этот удивительный мир, от которого зависит почти все или очень многое, так мало изучен.

Почти до последнего времени люди, говоря о бессознательном, приписывали ему нечто таинственное и непостижимое.

Шопенгауэр, например, назвал это даже «исчадием нашего таинственного существа».

Он писал:

«Переработка материала (у художника) обыкновенно

происходит в темной глубине. Отсюда происходит то, что мы не можем дать отчета о происхождении наших глубочайших мыслей: это исчадие нашего таинственного существа».

Однако это «таинственное» вовсе не следует рассматривать как действительно таинственное и мистическое. Это прежде всего, несомненно, физиологическая деятельность мозга, вернее — деятельность тех участков мозга, которые, видимо, не в такой мере еще развиты, для того чтобы деятельность эта была равносильна деятельности сознательной части мозга. Быть может, этой деятельности принадлежит будущее. Быть может, первые проблески сознательной жизни человека начинались так же и были так же похожи на бессознательное. И, быть может, гениальный человек — это тот человек, у которого в большей степени развиты эти участки мозга.

Во всяком случае, нет сомнения, что гениальный человек часто выводит за порог сознания именно те мысли и идеи, которые рождаются не в пределах обычной разумности.

Творчество (в особенности гениальность), как известно, необычайным образом связано с «бессознательным».

Как часто приходится читать признания больших художников в том, что в их работе играет огромную роль бессознательное.

И Гете, и Толстой, и многие величайшие писатели, художники и даже ученые считали бессознательное неотъемлемой частью творчества. Некоторые из них даже стремились искусственным путем вызвать деятельность своего подсознания.

История искусства знает небезынтересный опыт в этой области. Это трагикомичная история о том, как один художник, не надеясь на свое сознательное восприятие вещей, решил перед работой подвергнуться гипнозу.

Этот художник (Вирц, 1806—1865, Бельгия) писал картину казни преступника. Для более правдивой передачи страдания казнимого художник перед одной казнью попросил загипнотизировать себя и внушить, что казнят именно его. Ему хотелось не только свое поверхностное сознание, но и всю глубину своей психики привлечь к творческой работе.

Художника поместили на месте казни и загипнотизировали. Обманутое сознание и покорное ко всему подсознание вызвали в человеке такое реальное страдание и такой ужас смерти, что загипнотизированный начал бороться с «пала-

чом», а потом жалким голосом умолял поскорее покончить с ним.

Разбуженный художник долгое время не приходил в себя и после этого опыта захворал тяжелым нервным расстройством.

Картину же казни преступника он, поправившись, написал со всем блеском.

Этот случай, конечно, не в достаточной мере определяет деятельность подсознания. Но он характерен как пример желания художника привлечь к своему творчеству всю глубину своей психики.

Между прочим, знаменитый немецкий философ Шеллинг (1775—1854), говоря о подсознании (интуиции), предсказывал даже исчезновение наук, вернее — «вытеснение наук непосредственным знанием, полученным интуитивным путем».

Свою мысль Шеллинг основывал на том, что огромное большинство величайших научных открытий было сделано интуитивно и даже значительно раньше, чем были отысканы доказательства.

Нам известно хотя бы несколько теорем, доказательства которых мы не знаем до сего времени. Они были открыты подсознанием.

XVI (к стр. 59)

Скорость работы нашего организма, как мы говорили, зависит всякий раз от цели и устремления. Без цели и устремления движение как бы прекращается или сводится к минимуму.

Весьма часто человек, исполнив тот или иной труд или намерение, умирает или долгое время находится в упадке.

И наоборот — человек, у которого есть планы дальнейших работ, есть цель и устремление, часто продолжает жить, несмотря даже на слабое и разрушенное здоровье.

Конечно, большинству людей нашей страны не приходится говорить о «цели жизни». Высокая цель — борьба за социализм, за лучшую жизнь, без угнетения капиталом — несомненно, создает правильную и усиленную работу всего тела. И тут, казалось, нет даже нужды понимать механику этого дела.

Тем не менее благодаря неумелому руководству над своим телом, а также благодаря неправильному отдыху или отсутствию отдыха человек ставит себя иной раз в упадочное положение, и тогда ему просто необходимо знать

весь принцип работы нашего организма. В общем, принцип такой:

Движение приостанавливается, если нет устремления Движение возрастает, чем ярче и сильнее устремление.

У одного это устремление — большая и высокая цель, у другого — поиски славы, богатства, удовлетворение тщеславия, у третьего, наконец, как будто устремлений вовсе нет, но это устремление, попросту в силу низменности натуры, разбито на ряд мелких животных устремлений, вплоть до удовлетворений своего аппетита и любовных стремлений.

В сущности, нет человека, который не имел бы устремлений. А если случится, что человек потерял эти устремления,— он по большей части погибает.

Замечательную историю мне рассказали несколько лет назад.

Это история о том, как человек, потеряв цель и устремление, создал это искусственным путем и что из этого вышло.

Года три назад я был в Одессе. И вот на трамвае поехал осматривать окрестности.

На какой-то остановке кондуктор объявляет: «Башня Ковалевского».

Действительно, недалеко от остановки, почти на берегу моря, стояла огромная кирпичная башня, в шесть или семь этажей. Это было безобразное кирпичное здание, похожее на огромную водопроводную каланчу.

Тут же, в трамвае, я услышал рассказ об этой башне

Оказывается, года за четыре до революции один богатый человек, крупный коммерсант, выстроил эту башню на своем участке земли без всякой видимой надобности — просто так, глядеть на море.

Это был чрезвычайно богатый человек, человек, прославившийся в свое время кутежами, развратом и швырянием денег.

К 40 годам он, однако, пресытился своей богатой жизнью. Он все испытал. И, кажется, ничего не осталось такого, чего он не видал.

Его богатство давало ему обеспеченную жизнь. Он ездил за границу, в Египет и в Америку. Но с каждым годом желаний у него становилось все меньше и меньше.

И наконец у него не оказалось никаких стремлений даже самых элементарных.

Ему ничего не хотелось. Никаких желаний не было И он впал в жесточайшую меланхолию.

Он купил под Одессой дом и землю и приехал сюда, чтобы пожить у моря — отдохнуть. Но отдых не удавался. Пресыщение было столь велико, что даже отдых был ему в тягость.

Он попробовал было заняться благотворительностью, но это оказалось скучным и неинтересным.

Наконец кто-то из знакомых посоветовал ему построить новый дом. Дома он строить не стал, но решил построить высоченную башню, с которой можно было бы любоваться морем.

Почти год он затратил на это дело. Почти год он работал, хлопотал, заказывал, горячился, спорил. Жизнь была заполнена. Снова он чувствовал себя хорошо и радостно. Меланхолия исчезла.

Но вот наконец башня была готова.

На другой день, после того как все мелочи были закончены, Ковалевский бросился вниз с верхнего этажа башни. Он разбился насмерть.

Эта замечательная история необычайно характерна. Она чрезвычайно обнажает, так сказать, механику движения. Создав искусственным образом цель и достигнув ее, человек покончил с собой.

Мне вспоминается письмо Л. Н. Толстого к Фету.

Фет строил дом в своей усадьбе. И Л. Н. Толстой давал ему советы. Один из советов цитирую по памяти:

«Стройте подольше, дорогой Фет, иначе опять может напасть на вас хандра».

Искусственные устремления создавал себе также Гоголь. Всякий раз, долго оставаясь на одном месте, он впадал в меланхолию. Ему необходимо было какое-то устремление, для того чтобы организм его работал более сносно. Он время от времени устраивал путешествия, говоря, что только в дороге он чувствует себя хорошо. Часто он устраивал эти путешествия без всякой надобности.

Анненков писал об одном таком путешествии Гоголя:

«Эта поездка принадлежала к числу тех прогулок, какие Гоголь предпринимал иногда без всякой определенной цели, а единственно по благотворному действию, которое производила на Гоголя его дорога».

Гоголь писал на протяжении всей своей жизни:

«Дорога — мое единственное лекарство... Только в дороге я чувствую себя хорошо... Все сюжеты почти я обделываю в дороге... Дорога сделала со мной чудо — свежесть и бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал...»

Конечно, благодетельное влияние дороги можно отчасти

приписать психическому воздействию, но вместе с тем устремление, временная цель и достижение этой цели всякий раз почти действовали на здоровье благотворно. Гоголь прибегал к этому всякий раз, когда, истощившись в работе и потеряв возможность работать, чувствовал упадок, пустоту и бесцельность существования.

Дорога была для него лекарством, когда разрушение не было слишком велико.

Кстати, говоря о Гоголе (см. комментарии II), мы сообщили, что Гоголь, по-видимому, ничего не понимал в своем теле и всецело полагался на минеральные воды, от которых он ожидал исцеления.

Справедливость требует отметить, что в последние два года Гоголь стал приближаться к верному пути. Однако это было слишком поздно.

Как известно, на свое тело Гоголь почти не обращал внимания — он не занимался никаким спортом и даже не любил этого.

Но года за два до смерти он начал заниматься физической культурой.

Данилевский пишет:

«Он катался на плоту, работал в саду, говоря, что телесное утомление, «рукопашная» работа на вольном воздухе освежает его и дает силу писательским занятиям».

Арнольди (тоже о двух последних годах Гоголя) пишет:

«Купаясь, он делал разные гимнастические упражнения, находя это здоровым».

Однако все остальное самолечение Гоголя было крайне неправильным и вредным.

Например (по словам Шевырева), Гоголь каждое утро лечился, обертываясь в мокрую простыню.

Нет сомнения, что это не приносило хорошего результата. Напротив, в таком состоянии нервного возбуждения и крайнего нервного истощения, в каком бывал Гоголь, такое лечение было попросту ужасным. Холодная мокрая простыня чрезвычайно повышала нервное возбуждение, в то время как его надо было погасить.

Это создавало картину искусственного возбуждения, которое сменялось еще бóльшим упадком, чем было. Кроме того, это создавало упорные бессонницы и неврастеническое перераздражение мозга. Холодная вода пригодна не для всякого неврастеника. Для Гоголя же это было почти смертельно.

Такой, казалось бы, пустяк, быть может, и был одной из главных причин постоянных недомоганий, а впоследствии,

как результат этих недомоганий,— душевной болезни и ранней смерти Гоголя.

Вот, так сказать, вред от неумелого самолечения. Впрочем, этот совет был дан Гоголю врачом за границей. Однако, быть может, в то время этот совет был и правилен.

Вот еще пример самолечения:

«Перед обедом Гоголь пил воду, которая, как он говорил, придавала деятельность желудку. Для возбуждения аппетита он ел с перцем».

Это было тоже ошибочным. Вода перед обедом, напротив, понижала деятельность желудка — она разжижала желудочный сок, и пищеварение благодаря этому было менее энергичным, чем могло быть.

Вообще все самолечение Гоголя, даже если оно было правильным, затеяно было, пожалуй, слишком поздно. Разрушение было велико — мозг был в полупарализованном состоянии.

Вот как описывал походку Гоголя один из его современников (Михольский):

«Он странно передвигал ноги — с каким-то едва уловимым оттенком паралича».

Это очень ценное наблюдение было сделано в мае 1848 года (за четыре года до смерти), когда Гоголь был в Киеве у попечителя учебного округа. Это наблюдение еще раз подчеркивает правильность нашего соображения — все дело заключалось в истощенном, полупарализованном мозгу.

Однако мы остережемся сказать, что это истощение произошло в силу анатомических изменений мозга.

Быть может, в основе этого была всего лишь функциональная неправильная заторможенность, которая превратилась в стойкую привычку.

А если это так, то излечение было возможно, хотя трудности были бы необычайно велики.

Высокая основная цель, к которой стремился Гоголь — закончить «Мертвые души»,— давала ему силы. И когда Гоголь сжег «Мертвые души», он тем самым уничтожил свою цель и этим уничтожил свою жизнь.

XVII (к стр 65)

Здесь мы хотим снова затронуть вопрос о переключении «низменных» процессов на творчество.

Несколько писем, которые я получил после напечатания первой части повести, заставляют меня с большей ясностью подойти к этому вопросу.

Несколько читателей почему-то оспаривали происхождение «болдинской осени» Пушкина (комментарий IV). Один читатель, огорченный столь материалистическим подходом к возвышенным вещам, пишет по простоте душевной: «Не может быть, что творчество Пушкина возникало таким образом».

Я подивился столь дружному возражению, однако я не собираюсь сдавать позиции.

В сущности, мне казалось, что тут и доказывать было нечего. Мне казалось, что все и так ясно.

Человек, который отдает энергию на одно, попросту не способен отдать столь же много на другое. Тут арифметически ясно. Тут все дело в пропорции: чем больше отдано на одно, тем меньше остается на другое.

Конечно, вопрос о целомудрии и о переключении энергии не вполне единогласно решен наукой. Вопрос этот оказался спорным и запутанным.

Много сказано было за и много сказано было против.

Бебель, например, считал, что всякое подавление естественных влечений действует крайне вредно. Он считал, что следует упражнять все органы, для того чтобы быть здоровым. Бебель даже считал, что умственное расстройство у Паскаля и у Ньютона (в преклонном возрасте) создалось благодаря подавленным влечениям.

Л. Н. Толстой, напротив, защищал целомудрие, энергично выступая против «плотской любви».

В общем, целомудрие во все времена считалось средством достижения высокой производительности со стороны тела и ума. Во все времена и даже в самой седой древности атлеты, борцы и гладиаторы, подготовляясь к состязанию, отказывались от любви. Парижский университет в течение шести столетий не принимал женатых, считая, что женатый человек для науки потерян.

Можно, наконец, вспомнить, что некоторые насекомые попросту умирают после полового акта.

Между тем по статистике, которая велась в Англии, католическое (безбрачное) духовенство отнюдь не отличалось долговременной жизнью.

Тут возникают некоторые противоречия, которые следует разрешить.

И вот, сопоставляя целый ряд доказательств и рассуждений, лично нам кажется правильной такая позиция.

Благодаря целомудрию, благодаря переключению «низменных» страстей можно достигнуть необычайной производительности. Однако, по-видимому, это можно отнести

лишь к молодым годам. В дальнейшем, чтоб не прекратилась деятельность тех или иных внутренних органов, дающих в крови нужные химические составы, влечение не следует подавлять. Его можно переключать лишь в некоторой его части. Причем слишком много энергии, отданной на любовь, несомненно снижает творчество. Однако мы не хотим этим сказать, что творчество возрастает, если вовсе нет любви.

Во всяком случае, половая энергия должна возникнуть. Вовсе не возникшая энергия подавляет и уничтожает творчество.

Второе возражение получено мной от одного врача.

Речь идет об усталости мозга. Современная наука считает, что мозг сам по себе не утомляется, а происходят лишь те торможения, которые как бы прекращают или ослабляют работу мозга.

Однако, говоря об усталости мозга, я и не стремился подчеркнуть его физическое изменение, я говорил главным образом об изменении деятельности мозга при утомлении, то есть о функциональных изменениях.

В самом деле, функциональная деятельность мозга состоит из двух основных механических процессов — торможения и возбуждения.

При усталости, по-видимому, нарушается равновесие в их деятельности и наступает ослабление этих механизмов.

При хронической же усталости и перераздражении возникает неврастения, то есть третий функциональный процесс, процесс постоянных ошибок в работе торможений и возбуждений.

Причем нередко создается стойкая привычка к торможению или, наоборот, к возбуждению. И борьба с этой привычкой и есть в основном борьба со слабыми нервами.

XVIII (к стр. 79)

Как часто, закрывая какую-либо книгу, мы думаем об авторе — какой он, как он прожил свою жизнь, что он делает и что думает.

Если есть портрет, мы с любопытством рассматриваем черты лица, стараясь угадать, какие у писателя склонности, какой характер и какие страсти потрясают его.

Нынче, заканчивая книгу, мы решаем дать читателю некоторые сведения о себе.

Я родился в Ленинграде (в Петербурге) в 1895 году. Мне сейчас 37 лет.

Мой отец — украинец (Полтавской губернии), художник. Дворянин.

Он умер рано — сорока с чем-то лет. Он был талантливый художник-передвижник. Его картины и сейчас имеются в Третьяковской галерее, в Академии художеств и в Музее революции. (Отец был в социал-демократической партии.)

Моя мать русская. В молодые годы она была актрисой.

Я кончил гимназию в Ленинграде. Учился весьма плохо. И особенно плохо по русскому — на экзамене на аттестат зрелости я получил единицу по русскому сочинению. (Сочинение было на тему о тургеневских героинях.)

Эта неуспеваемость по русскому мне сейчас тем более странна, что я тогда уже хотел быть писателем и писал для себя рассказы и стихи.

Скорей от бешенства, чем от отчаяния, я пытался покончить со своей жизнью.

Осенью 1913 года я поступил в университет на юридический факультет. Мне было тогда 18 лет.

Я год занимался в университете, но своим делом почти не интересовался. Сдал минимум — один экзамен по римскому праву. И все почти дни проводил в физическом кабинете, слушая лекции профессора Хвольсона.

Весной 1914 года я без денег поехал на Кавказ и поступил там на железную дорогу контролером поездов (на линии Кисловодск — Минеральные Воды). Там же давал уроки.

Осенью, в начале войны, я вернулся в Ленинград и вместо университета, прослушав ускоренные военные курсы, уехал прапорщиком на фронт.

У меня не было, сколько я помню, патриотического настроения — я попросту не мог сидеть на одном месте из-за склонности к ипохондрии и меланхолии. Кроме того, я был уволен из университета за невзнос платы.

Вплоть до революции я пробыл на фронте в Кавказской гренадерской дивизии. На Германском фронте, командуя батальоном, был ранен и отравлен газами.

В Февральскую революцию я вернулся в Ленинград. При Временном правительстве был назначен начальником почт и телеграфа и комендантом Главного почтамта.

В сентябре 1917 года я выехал в командировку в Архангельск. Был там адъютантом архангельской дружины и секретарем полкового суда.

За несколько недель до прихода англичан я снова уехал

в Ленинград. Был момент, когда я из Архангельска хотел уехать за границу. Мне было предложено место на ледоколе. Одна влюбленная в меня француженка достала мне во французском посольстве паспорт иностранного подданного.

Однако в последний момент я передумал. И незадолго до занятия Архангельска успел выехать в Ленинград.

В июле 1918 года я поступил в пограничную охрану. Сначала служил в Стрельне, потом в Кронштадте.

Из пограничной охраны перевелся добровольцем в Красную Армию и в ноябре 1918 года отправился в действующую армию, на Нарвский фронт.

В Красной Армии я был командиром пулеметной команды и потом полковым адъютантом.

Я не коммунист и в Красную Армию пошел сражаться против дворянства и помещиков — против среды, которую я в достаточной мере хорошо знал.

Я пробыл на фронте полгода и по болезни сердца (порок, полученный после отравления газами в германскую войну) уволился из армии.

После этого я переменил десять или двенадцать профессий, прежде чем добрался до своей теперешней профессии.

Я был агентом уголовного розыска (в Ленинграде).

Был инструктором по кролиководству и куроводству (в Смоленской губернии, город Красный, совхоз Маньково).

Был старшим милиционером в Лигове.

Изучил два ремесла — сапожное и столярное. И даже работал в сапожной мастерской на Васильевском острове (на 2-й линии, против Академии художеств).

Там же, работая в мастерской, впервые встретился с писателем. Это был Н. Шебуев — в свое время редактор «Бича». Он принес чинить сапоги и, помню, с любопытством разговаривал со мной, удивляясь познаниям сапожника.

Последняя моя профессия до писательства — конторское занятие. Я был конторщиком и потом помощником бухгалтера в Ленинградском военном порту.

Там же, на работе, я написал первые свои рассказы и издал первую свою книжку без фамилии на обложке — «Рассказы Назара Синебрюхова». Тогда же я вошел в содружество писателей «Серапионовы братья».

Мои первые рассказы попали к Горькому. Горький пригласил меня к себе, правильно покритиковал и помог мне материально. А также устроил мне академический

паек. С тех пор началась моя литературная судьба. И с тех пор меркнет разнообразие моей жизни.

Скоро 15 лет, как я занимаюсь литературой.

О чем и для кого я писал?

Вот вопросы, которые занимают критику.

Существует мнение, что я пишу о мещанах. Однако мне весьма часто говорят: «Нет ли ошибки в вашей работе? У нас ведь нет мещанства как отдельного класса, как отдельной прослойки. У нас нехарактерна эта печальная категория людей. С какой стати вы изображаете мещанство и отстаете от современного типа и темпа жизни?»

Ошибки нет. Я пишу о мещанстве. Да, у нас нет мещанства как класса, но я по большей части делаю собирательный тип. В каждом из нас имеются те или иные черты и мещанина, и собственника, и стяжателя. Я соединяю эти характерные, часто затушеванные черты в одном герое, и тогда этот герой становится нам знакомым и где-то виденным.

Я пишу о мещанстве и полагаю, что этого материала хватит еще на мою жизнь.

Для кого я пишу?

Я пишу, я, во всяком случае, имею стремление писать для массового советского читателя.

И вся трудность моей работы свелась главным образом к тому, чтоб научиться так писать, чтобы мои сочинения были всем понятны. Мне много для этого пришлось поработать над языком. Мой язык, за который меня много (зря) ругали, был условный, вернее собирательный (точно так же, как и тип). Я немного изменил и облегчил синтаксис и упростил композицию рассказа. Это позволило мне быть понятным тем читателям, которые не интересовались литературой. Я несколько упростил форму рассказа (инфантилизм?), воспользовавшись неуважаемой формой и традициями малой литературы.

В силу этого моя работа мало уважалась в течение многих лет. И в течение многих лет я не попадал даже в списки заурядных писателей. Но я никогда не имел от этого огорчений и никогда не работал для удовлетворения своей гордости и тщеславия.

Профессия моя оказалась все же чрезвычайно трудна. Она оказалась наиболее тяжелой из всех профессий, которые я имел. За 14 лет я написал 480 рассказов (и фельетонов), несколько повестей, две маленькие комедии и одну большую. А также выпустил мою самую интересную (документальную) книгу — «Письма к писателю».

Нынче, в 1933 году, я начал писать «Возвращенную молодость». Я писал ее три месяца, а думал о ней четыре года.

Читатель, который огорчится переменой моего творчества, может быть спокоен. Выпустив эту книгу, я снова буду продолжать то, что начал. Эта книга — просто временная передышка.

Эту книгу я написал в назидание себе и людям. Я написал ее не для того, чтобы пофилософствовать. Я никогда не уважал такой бесцельной философии.

Мне попросту хотелось быть в этом смысле полезным в той борьбе, какую ведет наша страна за социализм. Я всегда удивлялся крайнему непониманию людей и крайнему незнанию самых элементарных правил руководства своим телом. Мне казалось, что знание всего этого необходимо людям, которые много работают.

Мне хотелось простым языком рассказать о том, что я думал и что знал. Быть может, я кое в чем наврал — в таком случае я смиренно прошу у науки извинения.

Эти мои медицинские рассуждения не списаны с книг. Я был той собакой, над которой произвел все опыты.

Я знаю, что я до чрезвычайности опростил и, так сказать, огрубил всю предложенную схему жизни, здоровья и смерти. Подозреваю, что кое-что значительно сложнее и кое-что просто непонятно моему воображению (электричество). Но я писал эту книгу не как научное исследование, а как занимательный роман.

Эта книга, для ее достоверности и для поднятия авторитета автора, все же обязывает меня жить по крайней мере 70 лет. Я боюсь, что этого не случится. У меня порок сердца, плохие нервы и несколько неправильная работа психики. В течение многих лет в меня стреляли из ружей, пулеметов и пушек. Меня травили газами. Кормили овсом. И я позабыл то время, когда я лежал на траве, беспечно наблюдая за полетом птичек.

Нет, я не стремлюсь прожить слишком много, тем не менее я считаю позорным умереть в 38 лет.

Итак, книга кончена.

Последние страницы я дописываю в Сестрорецке 9 августа 1933 года.

Я сижу на кровати у окна. Солнце светит в мое окно. Темные облака плывут. Собака лает. Детский крик раздается. Футбольный мяч взлетает в воздух. Красавица в пестром халате, играя глазами, идет купаться.

Кашкин поспевает за ней, поглядывая на ее пышные плечи.

Он поигрывает прутиком и насвистывает победный марш.

В саду скрипнула калитка. Маленькая девчурка, как говорит мой друг Олеша — похожая на веник, идет в гости к моему сыну.

Благополучие и незыблемость этих вечных картин меня почему-то радуют и утешают.

Я не хочу больше думать. И на этом прерываю свою повесть.

Август 1933

Голубая книга

*

М. ГОРЬКОМУ

Дорогой Алексей Максимович!

Два года назад в своем письме вы посоветовали мне написать смешную и сатирическую книгу — историю человеческой жизни.

Вы писали:

«По-моему, вы и теперь могли бы пестрым бисером вашего лексикона изобразить-вышить что-то вроде юмористической «Истории культуры». Это я говорю совершенно убежденно и серьезно...»

Я могу сейчас признаться, Алексей Максимович, что я весьма недоверчиво отнесся к вашей теме. Мне показалось, что вы предлагаете мне написать какую-нибудь юмористическую книжку, подобную тем, какие уже бывали у нас в литературе, например «Путешествие сатириконовцев по Европе» или что-нибудь вроде этого.

Однако, работая нынче над книгой рассказов и желая соединить эти рассказы в одно целое (что мне удалось сделать при помощи истории), я неожиданно наткнулся на ту же самую тему, что вы мне предложили. И тогда, вспомнив ваши слова, я с уверенностью принялся за работу.

Нет, у меня не хватило бы сил и уменья взять вашу тему в полной своей мере. Я написал не Историю культуры, а, может быть, всего лишь краткую историю человеческих отношений.

Позвольте же, глубокоуважаемый Алексей Максимович, посвятить вам этот мой слабый, но усердный труд, эту мою «Голубую книгу», которую вы так удивительно предвидели и которую мне было тем более легко и радостно писать, сознавая, что вы будете ее читателем.

Сердечно любящий вас
Мих. Зощенко

Январь, 1934 г.
Ленинград

ПРЕДИСЛОВИЕ

Веселость нас никогда не покидала.

Вот уже пятнадцать лет мы, по мере своих сил, пишем смешные и забавные сочинения и своим смехом веселим многих граждан, желающих видеть в наших строчках именно то, что они желают видеть, а не что-нибудь серьезное, поучительное или досаждающее их жизни.

И мы, вероятно по своему малодушию, бесконечно рады и довольны этому обстоятельству.

Нынче мы замыслили написать не менее веселую и забавную книжонку о самых разнообразных поступках и чувствах людей.

Однако мы решили написать не только о поступках наших современников. Перелистав страницы истории, мы отыскали весьма забавные факты и смешные сценки, наглядно рисующие поступки прежних людей. Каковые сценки мы также предложим вашему вниманию. Они нам весьма пригодятся для доказательства и утверждения наших дилетантских мыслей.

Нынче, когда открывается новая страница истории, той удивительной истории, которая будет происходить на новых основаниях, быть может — без бешеной погони за деньгами и без великих злодеяний в этой области, нынче особенно любопытно и всем полезно посмотреть, как жили раньше.

И в силу этого мы решили, прежде чем приступить к новеллам из нашей жизни, рассказать вам кое-что из прежнего.

И вот, перелистав страницы истории своей рукой невежды и дилетанта, мы подметили неожиданно для себя, что большинство самых невероятных событий случалось по весьма немногочисленным причинам. Мы подметили, что особую роль в истории играли деньги, любовь, коварство,

неудачи и кое-какие удивительные события, о которых речь будет дальше.

И вот в силу этого мы разбили нашу книгу на пять соответствующих отделов.

И тогда мы с необычайной легкостью, буквально как мячи в сетку, распихали наши новеллы по своим надлежащим местам.

И тогда получилась удивительно стройная система. Книга заиграла всеми огнями радуги. И осветила все, что ей надо было осветить.

Итак, в книге будет пять отделов.

В каждом отделе будет особая речь о том предмете, который явится нашей темой.

Так, например, в отделе «Любовь» мы расскажем вам, что знаем и думаем об этом возвышенном чувстве, затем припомним самые удивительные, любопытные приключения из прежней истории и уж затем, посмеявшись вместе с читателем над этими старыми, поблекшими приключениями, расскажем, что иной раз случается и бывает на этом фронте в наши переходные дни.

И то же самое мы сделаем в каждом отделе.

И тогда получится картина полная и достойная современного читателя, который перевалил через вершины прошлого и уже двумя ногами становится в новой жизни.

Конечно, ученые мужи, подобострастно читающие историю через пенсне, могут ужасно рассердиться, найти наше деление произвольным, крайне условным и легкомысленным.

Итак, перед нашим взором пять отделов: «Деньги», «Любовь», «Коварство», «Неудачи» и «Удивительные события».

Отметим, что последний отдел должен быть самый замечательный.

В этом отделе будут отмечены наилучшие, наиблагороднейшие поступки, поступки высокого мужества, великодушия, благородства, героической борьбы и стремления к лучшему.

Этот отдел, по нашей мысли, должен зазвучать как Героическая симфония Бетховена.

Нашу книгу мы назвали Голубой.

Голубая книга!

Мы назвали ее так, оттого что все другие цвета были своевременно разобраны. Синяя книга, Белая, Коричневая, Оранжевая... Все цвета эти были использованы для названий книг, которые выпускались различными государства-

ми для доказательства своей правоты или, напротив,— вины других.

Нам едва оставалось четыре-пять совершенно невзрачных цвета. Что-то такое: серый, розовый, зеленый и лиловый. И посудите сами, что таким каким-либо пустым и незначительным цветом было бы по меньшей мере странно и оскорбительно назвать нашу книгу.

Но еще оставался голубой цвет, на котором мы и остановили свое внимание.

Этим цветом надежды, цветом, который с давних пор означает скромность, молодость и все хорошее и возвышенное, этим цветом неба, в котором летают голуби и аэропланы, цветом неба, которое расстилается над нами, мы называем нашу смешную и отчасти трогательную книжку.

И что бы об этой книге ни говорили, в ней больше радости и надежды, чем насмешки, и меньше иронии, чем настоящей, сердечной любви и нежной привязанности к людям.

Итак, поделившись с вами общими замечаниями, мы торжественно открываем наши отделы.

И по этим отделам, как по аллеям истории, мы предлагаем читателю прогуляться.

Дайте вашу мужественную руку, читатель. Идемте. Мы желаем вам показать кое-какие достопримечательности.

Итак, мы открываем первый отдел — «Деньги», который, в свою очередь, распадается на два отдела: исторические новеллы о деньгах и рассказы из наших дней на эту же тему.

А прежде этого в отвлеченной беседе обрисуем общее положение. Итак — «Деньги».

ДЕНЬГИ

1. Мы живем в удивительное время, когда к деньгам изменилось отношение.

Мы живем в той стране, в которой прекратилось величественное шествие капитала.

Мы живем в том государстве, где люди получают деньги за свой труд, а не за что-нибудь другое.

И потому деньги получили другой смысл и другое, более благородное назначение — на них уже не купишь честь и славу.

2. Этот могущественный предмет до сей славной поры с легкостью покупал все, что вам было угодно. Он покупал сердечную дружбу и уважение, безумную страсть и нежную преданность, неслыханный почет, независимость и славу и все, что имелось наилучшего в этом мире.

Но он не только покупал, он еще, так сказать, имел совершенно сказочные свойства превращений.

И, например, обладательница этого предмета, какая-нибудь там крикливая подслеповатая бабенка без трех передних зубов, превращалась в прелестную нимфу. И вокруг нее, как больные, находились лучшие мужчины, добиваясь ее тусклого взгляда и благосклонности.

3. Полоумный дурак, тупица или полный идиот, еле ворочающий своим косноязычным языком, становился остроумным малым, поминутно говорящим афоризмы житейской мудрости. Пройдоха, сукин сын и жулик, грязная душонка которого при других обстоятельствах вызывала бы омерзение, делался почетным лицом, которому охота была пожать руку. И безногий калека с рваным ухом и развороченной мордой нередко превращался в довольно симпатичного юношу с ангельской физиономией.

Вот в кого превращались обладатели этого предмета.

И вот, увы, этому магическому предмету, слишком

действовавшему на наше мягкое, как воск, воображение и имеющему столь поразительные свойства, достойные сказки, нанесены у нас тяжелые раны. И что из этого будет и получится, лично нам пока в полной мере и до конца не известно.

Однако мы думаем, что ничего плохого, кроме хорошего, не произойдет. И, быть может, счастье еще озарит нашу горестную жизнь.

4. Вот если, предположим, какое-нибудь, ну, я не знаю, какое-нибудь там разумное существо, скажем, с другой культурной планеты, ну, предположим, с Марса или там с Юпитера, завернет, допустим, ненадолго на нашу скромную землю, — существо это, не привыкшее к нашим земным делам, до крайности изумится течению нашей земной жизни.

Конечно, хочется думать, что это разумное существо в первую очередь и хотя бы ввиду обширности наших полей и равнин завернет или упадет именно к нам. И тогда его изумление не будет столь грандиозно.

Но если оно, допустим, по неопытности, или там из крайнего любопытства, или, чего доброго, из желания, в силу своей порочности, порезвиться, завернет сначала в одну из европейских стран, рассчитывая там отвести свою душеньку, засохшую в мытарствах далеких и строгих планет, то оно, непривычное к таким видам, до крайности поразится в первое же мгновенье.

5. Вот, предположим, существо это спустилось, или, придерживаясь более земных понятий, скажем, упало на своем летательном аппарате куда-нибудь, ну, там, поблизости какого-нибудь мирового города, где, так сказать, блеск, треск и иммер элеган.

Сверкают, предположим, лампионы. Вырываются к нему лучи реклам. Блестит на облаках всем на удивленье какая-нибудь там световая бутылка с шампанским. Пробка у ней нарочно выскакивает. Световые брызги блестят. Внизу гремит музыка. Поезд грохочет. Визжит там, я извиняюсь, какой-нибудь человечишка, которому отхватило полноги. Сок течет... Автомобиль едет, до отказу наполненный шикарными дамами. Они с хохотом и прибаутками едут куда-нибудь там, ну, я не знаю — в оперу или кабаре, повеселиться. Бравый полисмен оживленно отдает им честь... Где-то мило поют... Где-то раздается выстрел... Где-то плачут, охают и танцуют.

6. Одним словом, грохот, треск и блеск ошеломляют наше приезжее существо, которое тем не менее бесстрашно устремляется вперед, чтоб посмотреть на невиданное дотоле зрелище.

Смешавшись с толпой, наше странное существо идет, предположим, на своих кривых ножках по главной улице.

Ротик у него раскрыт, глазенки вращаются туда и сюда, в сердце, если имеется таковое, неясная тревога сменяется сожалением, что сдуру оставлено насиженное место, и вот — не угодно ли, может быть, черт знает что сейчас произойдет.

И вруг существо видит: подъезжает к подъезду какой-нибудь там шикарный мотор.

7. Три швейцара стремительно выбегают и с превеликим почтением открывают дверцы. И любопытные, затаив дыхание, смотрят на того, кто сейчас оттуда вылезет.

И вдруг из авто, наклонив головку, выпархивает, вообразите себе, этакая куколка, крайне миловидная, красивенькая дама, такая прелестная, как только может представить себе праздничная фантазия мужчины. В одной ручке у нее крошечный песик, дрожащий черненький фокстерьер, в другой ручке — кулек с фруктами — ну, там персики, ананасы и груши.

Она выпрыгивает из авто с крайне беспомощными словами: «Ах, упаду!» или «Ах, Алексис, ну где же ты наконец!».

И вот вслед за ней, кряхтя, плюясь и поминутно сморкаясь, вылезает Алексис на своей хромой ноге. Этакое, представьте себе, грубое животное, этакая у него морда — нос кривой, одной скулы нету, и из глаза гной течет. Нет, он одет модно и элегантно, но сразу видать, это ему никак не помогает, а, напротив того, усиливает его крайне безобразный вид.

8. И вот все ему тем не менее кланяются в три погибели, все на него восторженно смотрят. Шепот восторга и почтения пробегает по рядам.

— Ах,— говорит швейцар, дрожа от волнения,— какое счастье, господа, что он к нам пожаловал.

А он, этот хромоногий субъект, видать состарившийся в злодеяниях, небрежно зевая и не закрывая даже своего едала рукой, идет себе на своей кривой ноге, нехотя поглядывая на прелестную даму, которая суть не кто иная, как его жена.

— Пардон. Кто это такое? — испуганно спрашивает наше разумное существо у швейцара.— Это что же будет: какой-нибудь ваш великий ученый, или политический деятель, или, может быть, крупный педагог своего времени?

— Педагог,— презрительно говорит швейцар.— Если б педагог, то никакой бы, извиняюсь, суматохи не случилось. У нас педагогов, может быть, с кашей жрут, а это приехадши миллионер.

9. С трудом понимая, что это значит, наше разумное существо узнает, что этот хромоногий субъект, которому оказано столь великое уважение, только тем и замечателен, что он весьма удачно торгует автомобильными шинами, купленными на те деньги, которые оставил ему его папа.

Не понимая, что́ это значит, и не желая ломать свои возвышенные мозги, наше разумное существо, рассердившись, решает тогда покинуть землю, где земных обитателей уважают за столь странные и непонятные свойства.

И вот спешит наше приезжее существо обратно к своему летательному аппарату.

И по дороге видит странные сценки. Оно видит шикарных и развязных людей в длинных шубах, подбитых мехом. И людей жалких, бедно одетых, идущих трухлявой, вороватой походкой. Оно видит ребятенка с протянутой лапкой. И роскошного нахального младенца с свисающими от жира щеками, которого за ручку ведет мама и поминутно кормит то бисквитами, то каким-то мягким шоколадом.

Оно видит картину, наверно привычную и для его потустороннего взора,— оно видит молодую красоточку, поспешно выбежавшую на тротуар и пристающую к мужчинам с надеждой заработать у них на своей миловидности.

10. И, видя все это, наше существо спешит, чтобы сесть в свой аппарат и лететь куда глаза глядят.

И вдруг оно чувствует, как чья-то рука лезет в его карман, которого, вообще-то говоря, у него и нету, а деньги, по обычаю своей планеты, оно, может быть, держит на груди.

Прижав лапчонкой это место, чтобы не уперли последнее сбережение, наше существо садится в аппарат и, нажав кнопку, поспешно взлетает к ярким небесам, бормоча на своем тарабарском наречии:

— А ну вас, знаете ли, к лешему. Тоже, представьте себе, планета.

Прощайте, прощайте... До свиданья... Прилетайте почаще. Быть может, в дальнейшем что-нибудь изменится. Привет вашим. Пишите. Заглядывайте к нам. У нас течение жизни идет по-иному.

11. Да, в самом деле, у нас иная жизнь. Нет, у нас есть деньги. У нас на них многое можно купить, но они иначе распределяются между людьми. И у нас нет уважения к тому, кто почему-либо их больше имеет. У нас такую личность уважают главным образом за другие качества.

Значит, новая жизнь, новые отношения и новая страница истории.

И вот, стало быть, если это так — интересно и всем обязательно нужно и полезно посмотреть, что было раньше, раз этого сейчас нету, и что случилось в прошлом, раз больше не хотят, чтоб это происходило в настоящем.

И вот, послюнив палец, мы перелистываем пожелтевшие страницы бесстрастной истории.

И тут мы сразу видим, что история знает великое множество удивительных рассказов о деньгах. Однако, прочитав их, мы решительно не можем понять, почему история должна рассказывать об этом беспристрастно. Напротив. Некоторые историйки, на наш взгляд, весьма прекомичны, и над ними надо смеяться. А есть рассказы, над которыми следует проливать слезы.

Но нет, что вы, мы не собираемся пересказать вам всю историю. Мы расскажем то, что было наиболее смешно, и то, что было наиболее характерным, как нам показалось.

12. Вот, например, извольте прослушать рассказ о силе денег, рассказ о том, как однажды с публичного торга продавался царский трон. Причем не самый, конечно, трон, не мебель, а целое царствование. И каждый желающий богатый субъект, любитель поцарствовать, мог преспокойно стать царем. И мог, так сказать, всем на удивленье, создать свою собственную какую ни на есть худородную династию. И это случилось не в какой-нибудь там захудалой стране, где, так сказать, ковыль, леса и белки, а ни больше ни меньше как в самом величественном Риме.

Причем это было тем более достойно всякого удивления, что в то время и трон, и царская династия необыкновенно почитались и были, так сказать, нечто божественное, освященное привычками и веками. И уж, во всяком случае, понятие об этом было несколько иное, чем, извиняюсь,

в наши дни. Но тем не менее деньги все же над этим восторжествовали.

Бесстрастная история рассказывает, что в Риме в 193 году нашей эры преторианцы [1], нуждаясь в деньгах, пустили императорский трон с публичного торга.

Желающих быть императорами оказалось больше, чем следовало ожидать.

13. Мы представляем себе, как при этом горячились жены претендентов на престол. И какие были крики, стоны и вопли, и, может быть, даже, извините, драки и побоища. Было, конечно, весьма соблазнительно из полного ничтожества стать вдруг императрицей. Однако два человека вскоре обскакали всех.

Один богатый человек, городской префект Сульпициан, предложил около восьми миллионов рублей за престол.

Однако другой претендент, сенатор Дидий Юлиан, придурковатый и немолодой субъект, жена которого, повидимому, нервно стояла рядом, хриплым голосом, унимая сердцебиение рукой, сказал, что он дает каждому солдату ровно по шесть тысяч двести пятьдесят динариев, что составляло в общей сложности тринадцать миллионов рублей.

Сумма эта вызвала великий энтузиазм в массах, и сенатор Дидий Юлиан, шатающийся от слабости и волнений, получил заманчивый престол.

— Ты просто дурак! — вероятно, сказала супруга императору.— Брякнуть тринадцать миллионов! Они бы нам и за девять уступили...

— Ну уж, матушка, почем я знал. Ты бы меня со свету сжила, ежели бы кто другой перебил.

14. Однако со свету сжила его не супруга. А, кое-как процарствовав шестьдесят шесть дней, этот любитель императорской власти неожиданно закончил свое земное существование — те же преторианцы его умертвили, заколов кинжалами.

— Мерзавцы,— наверно, кричал бедняга император,— что вы, ей-богу, делаете, я же вам, кажется, заплатил сполна.

Однако доблестные воины, надеясь, вероятно, вовлечь в подобную сделку еще следующего богатого дурака, безжа-

---

[1] Преторианцами назывались отборные войска — стража римских императоров.

лостно прикололи горе-императора, невинная и многострадальная душа которого поспешно взвилась к небу, горько жалуясь господу богу на величайшее свинство и вопиющую людскую непорядочность.

Свинство же действительно было преогромное — за тринадцать миллионов царствовать всего два месяца и после того отдать богу душу! А впрочем, дурак был отчасти сам виноват — зачем полез в императоры.

Но, в общем, трон — это неудивительно.

15. Вот было удивительно, когда церковь стала продавать ордера на отпущение грехов. Это у них уклончиво называлось индульгенциями.

Мы, собственно, не знаем, как возникло это дело. Вероятно, было заседание обедневших церковников, на котором, давясь от здорового смеха, кто-нибудь предложил эту смелую идею.

Какой-нибудь там святой докладчик, наверное, в печальных красках обрисовал денежное положение церкви.

Кто-нибудь там несмело предложил брать за вход с посещающих церковь.

Какой-нибудь этакий курносый поп сказал гнусавым голосом:

— За вход брать — это они, факт, ходить не будут. А вот, может быть, им при входе чего-нибудь этакое легонькое продавать, дешевенькое, вроде Володи... что-нибудь вкручивать им...

Кто-нибудь крикнул:

— Дешевенькое тоже денег стоит. А вот, может, нам с каждого благословения брать? Или: водой морду покропил — платите деньги.

16. Но тут вдруг наш курносый поп, фыркая в руку и качаясь от приступов смеха, сказал:

— А может, нам, братцы, грехи отпущать за деньги? У кого какой грех — гони монету... И квиток получай на руки... Ай, ей-богу...

Тут, без сомнения, шум поднялся, смешки, возгласы.

Пожалуй, какая-нибудь высохшая ханжа, воздев к небу руки, сказала:

— А как же бог-то, иже еси на небеси?

Курносый говорит:

— А может, мы для него и стараемся... Я только, братцы, другого боюсь — вдруг не понесут деньги... Народ форменный прохвост пошел.

Но тут, проголосовав, решили испытать это дело. Дело, вопреки сомнениям, двинулось хорошо. И вот этой выгодной торговлишкой церковь усердно занималась в течение многих веков.

Любой грех можно было выкупить за определенную плату.

17. Божественный наместник Христа, некто папа Лев X (1514 год), сильно нуждаясь в деньгах и желая расшевелить эту заглохшую было в его время торговлишку, решил отправить за границу специального человечка, надеясь потрясти карманы состоятельным иностранцам, верующим в святость и непогрешимость церкви.

Этот человек, монах Тецель, объехал все германские владения, бойко торгуя там ордерами на отпущение грехов.

Он ездил на лошади с двумя ящиками. В одном ящике у него были папские грамоты и ярлыки на отпущение грехов — прошлых, настоящих и даже будущих. В другой ящик монах пихал деньги за вырученный товар.

История рассказывает про это арапство забавный анекдот, как один германский рыцарь встретил в лесу этого монаха. Этот рыцарь купил у монаха ордер на отпущение того греха, который он намерен исполнить. После чего, избив монаха и отняв у него ящик с деньгами, скрылся.

18. Впрочем, что касается церкви, это тоже не так уж поразительно. По части денег церковь всегда отличалась непомерной жадностью. И самые крупные суммы скапливались в церковных и монастырских недрах и подвалах.

Конечно, попы прошлого, надо сказать, несколько отличались от современных затрушенных служителей культа. Это были яростные молодцы и любители хорошо пожрать и выпить. Многие из них ходили со шпорами, вооруженные мечами и пистолетами, многие ездили на конях, сражались и ворочали политическими делами. И, любя широкую жизнь, загребали деньги с живых и мертвых.

Так что все, что касается церкви, это не так поразительно.

А вот очень интересно читать, как из-за денег произошло падение знаменитого придворного деятеля, кавалера и светлейшего князя, господина Меньшикова.

Вот это было поразительно, как такой опытный волк и царедворец, переживший четырех императоров, много раз попадавшийся в кражах, взятках и лихоимствах, дважды еле спасшийся от пыток и дыбы, этот, можно сказать,

видавший виды опытный злодей пропал на совершенно пустом деле.

Поводом к его падению послужила небольшая и весьма даже преглупая денежная история.

19. Надо сказать, что императору Петру II было в то время двенадцать лет. И в день его именин петербургское купечество, не отличаясь фантазией, но желая подольститься к своему царю, подарило ему несколько сот червонцев.

История не говорит, сколько именно червонцев, но то, что их несли на подносе императору, надо полагать, что это было не очень мало и не очень много, а в меру.

А когда служитель нес эти деньги на подносе, светлейший князь Меньшиков имел несчастье и неосторожность встретить его.

— Ты что, дурак, несешь? — наверно, спросил Меньшиков.

— Как что — деньги.

— Как деньги?! А ну-ка, давай их сюда.

И взял.

— Государь еще слишком мал,— неопределенно добавил Меньшиков.— Он еще не понимает, что такое деньги.

Однако, как оказалось, мальчишка-император отлично понимал, что такое деньги.

Узнав о том, что деньги взял себе Меньшиков, мальчишка, говорит история, буквально наорал на него.

— Я тебе покажу, что я император! — вскричал разгневанный отрок.

20. Нам живо рисуется эта историческая сценка, достойная быть записанной.

— Да-а,— сказал мальчишка, встретив Меньшикова.— Ты что же это мои деньги-то заграбастал? Хитрый какой!

— Ка-акие деньги, ваше величество? Что вы?.. Помилуйте... в глаза-с не видал...

— Да-а... какие! Сам небось взял, а теперь говорит — «какие»... Это мне принесли, а не тебе.

— Ах, эти деньги... Что купцы принесли, ваше величество?

— Да-а... Я император, а не ты... Купцы, может, мне принесли...

— Ах, да, да... вспоминаю, ваше величество... А я их, знаете ли... велел, тово... к себе, тово... отнести. Пущай, думаю, у меня полежат, покуда ваше величество не подрастет.

— Отдай мои деньги,— заревел мальчишка.— Я маме скажу. Я тебе покажу, что я император!

Устрашенный Меньшиков побежал к себе, чтобы вернуть эти деньги. «Смотрите, — думал Меньшиков, — такой маленький шкет, а уже так отлично понимает. Прямо не хуже меня. Надо будет действительно отдать деньги этой шельме, — пожалуй, беды не оберешься».

21. Однако в тот же день вечером, когда Меньшиков явился во дворец, его не приняли. А через несколько дней он был арестован и сослан на вечное жительство в глухую деревню.

Конечно, причины этого падения были более сложны. Тут была борьба придворных партий, однако интересно, что поводом к падению послужил именно этот денежный случай.

История рассказывает, что Меньшиков чрезвычайно был напуган, когда его не приняли во дворце.

Сохранилось до наших дней его письмо к императору. В этом письме он буквально унижался, и молил о пощаде, и предлагал «возвратить деньги с избытком».

Однако двор деньги эти вернул с еще большим избытком, чем предполагал господин Меньшиков.

Меньшикова лишили всех орденов, чинов и поместий. У него конфисковали буквально несметное богатство — несколько сот пудов золота и около четырнадцати миллионов деньгами.

Оказывается, светлейший князь не зевал и за сорок лет близости к царям лихо награбил себе совершенно сказочное состояние.

Как говорится, поделом вору и мука.

22. Но все это — и трон, и церковь, и политические падения,— все это не более удивительно, чем то, что мы желаем рассказать.

Мы желаем рассказать о том, как сам господин закон почтительно относился к деньгам.

История не знает ничего более поразительного, чем это.

Вот как это у них было, согласно истории.

Там у них за уголовные преступления наказаний почти не было. И можно было убивать и так далее. И вместо наказания обвиняемый платил денежный штраф. И его после этого, пожав руку, отпускали. И даже, может, просили почаще заходить.

В общем, очень у них было мило в этом смысле. Лег-

ко дышалось. Чего угодно можно было делать. Были бы деньги.

Причем такая гуманная система существовала не только в России, но во всем мире. И это длилось целые века.

Только в России в этом смысле слегка перестарались и прямо дошли до ручки. Там это очень привилось. И там даже специальные законы написали и определили, сколько и за что надо платить.

Так что уголовный кодекс выглядел у них все равно как ресторанное меню. Там цена указана за любой проступок. И каждый, согласно указанной цене, мог выбирать себе любое дело по карману.

Однако перестанем шутить и давайте всерьез зачитаем кодекс.

23. Вот зачитайте выписки из «Русской Правды»: [1]

● «Если придет на двор (то есть в суд) человек в крови или в синяках, то свидетелей ему не искать, а обидчик пусть платит продажи [2] — три гривны».

Отметим, что гривна не равнялась нашему гривеннику и этот мордобой не оценивался в тридцать копеек, не то все ходили бы с распухшей мордой. Гривна — это был кусок серебра около одной трети фунта.

● «Если кто ударит кого батогом, либо чашей, либо рогом, либо тыльной стороной меча, то двенадцать гривен продажи, а если обиженный, не стерпев того, ударит мечом, то вины в том нет».

Штраф этот опять-таки шел в пользу князя, хотя били и не его.

Однако кое на чем мог подзаработать и пострадавший.

● «Если кто поранит другому руку и рука отпадет или отсохнет, или поранит ногу, глаз или нос, то платит виру — двадцать гривен, а потерпевшему — десять гривен».

На этом мелком деле князь имел в два раза больше, чем потерпевший, что нельзя назвать полной справедливостью.

Но были дела, на которых князь терпел явные убытки:

● «Кто отрубит другому какой-либо палец — три гривны продажи, а потерпевшему — десять гривен».

Интересно, что и за палец, и за целую руку потерпев-

«Русская Правда», из которои мы делаем выписки, к середине XIII века.

[2] «Продажей» назывался штраф за преступление в пользу князя Вознаграждение потерпевшему называлось «урок». Штраф за убийство назывался «вирой».

ший получал одинаково по десять гривен, а князь на пальцах терял почему-то больше чем в семь раз.

24. Однако не будем разбираться в этих психологических тонкостях. Деды небось туго знали чего делали.

Но вот поразительно: цены за убийство, в общем счете, почти не превышали цен за драки и моральные оскорбления.

Вот извольте, прейскурант за убийства. Извиняемся, конечно, за отступление, но уж очень у них интересно и наглядно получается.

Делаем выписки из той же «Русской Правды», записанной в «Новгородской летописи»:

• «Если убьют купчину немца в Новегороде, то за голову десять гривен».

Столь унизительно низкая цена за голову иностранного специалиста в дальнейшем, правда, была доведена до сорока гривен, и убийство интуристов, видимо, стало не всем по карману и не всем доступно, но все же цена была немного больше, чем удар чашей или рогом по отечественной морде.

• «Если кто убьет княжого конюха, повара или подъездного — сорок гривен за голову».

• «Если кто убьет княжого тиуна (приказчика, судью, дворецкого) — двенадцать гривен».

Судя по данным ценам, интеллигенция мало ценилась в те времена. Конюхи и повара стоили несколько дороже.

25. Но все эти цены, можно сказать, были до некоторой степени приличны и не слишком уж роняли человеческое звание и достоинство и стоимость человеческой жизни.

Однако же были цены просто из рук вон плохие:

• «Если убьют рабочего — пять гривен.

Если убьют смерда (крестьянина) — пять гривен.

За холопа — пять гривен.

За рабу — шесть гривен»

Иной раз, правда, цены за «простых людей» повышались:

• «Кто убьет ремесленника или ремесленницу — двенадцать гривен».

Закон не был чужд и гуманных соображений:

• «Кто убьет кормильца (дядьку) — двенадцать гривен».

Кражи и ограбления также оплачивались всевозможными денежными штрафами.

Причем эти штрафы не превышали двенадцати гривен.

И только конокрадство и поджог карались знаменитым наказанием — «потоком и разграблением». То есть обвиняемого изгоняли из дома и «всем миром» разграбляли его имущество.

26. В общем, денежный штраф являлся, сколько можно заключить, единственным возмездием за всякое преступление.

И, конечно, такой закон, действующий в течение многих столетий, без сомнения, отличным образом обработал сознание у людей — кто имел побольше денег, тот мог не только своим ближним разбивать морды жердью или там чем угодно, но мог и убивать их и делать все, что ему заблагорассудится,— закон стоял на страже всевозможных мелких его интересов и душевных потребностей. И мы полагаем, что и в наше время там, где слишком почитается богатство, это высокое, гордое сознание остается неизменным.

Конечно, до революции и в нашей стране любой богатый гражданин с легкостью мог освободиться от самых тяжелых обвинений. И, например, преступления богатых и влиятельных помещиков никогда почти даже и не выявлялись наружу. Поскольку денежные взятки и связи не доводили дело до суда.

Вот, например, был такой знаменитый случай: калужский губернатор Лопухин (1819 год) за взятки прекращал все дела во вверенной ему губернии. Этот аферист и пройдоха однажды за семь тысяч взялся даже прекратить дело помещика Хитрово, который обвинялся в убийстве.

27. Можно представить, какой был при этом разговор!

— Извиняюсь,— сказал, наверно, добродушный губернатор,— только меньше как за семь тысяч я не возьмусь.

— Тысчонок бы пять,— вздохнувши, говорил помещик

— Лизет,— спросил губернатор супругу,— не помнишь ли, душенька, сколько мы в прошлый раз взяли за этого, ну, как его... которого к медведю... бросили... Четыре? Вот видите, молодой человек, мы четыре тысячи взяли за то, что какой-то там медведь слегка помял дворянина. А тут у вас бог знает что — убийство! Вот не убивали бы — вот, может, я бы и ничего с вас не взял. Это уж ваша неосторожность...

— Ну ладно,— сказал помещик,— согласен, только вы уж того, поскорей. А то ваши прохвосты каждый день ходят... Беспокоят.

— А вы их в морду,— сказал губернатор, пряча деньги.

В общем, это дело всемогущий губернатор действительно прекратил. Правда, если бы речь шла об убийстве, ну, скажем, «смерда» или наемного рабочего, то дело бы окончательно заглохло, но помещик имел неосторожность угробить дворянина. И дело случайно просочилось и стало известным в Петербурге.

Александр I велел отдать Лопухина под суд. Больше года тянулось это каверзное дело, и окончилось оно ничем. Вернее, у прохвоста губернатора оказался родственник председатель Государственного совета, и сенат не захотел портить с ним отношений. Дело об этом подлеце так и заглохло. И тем более заглохло дело об убийстве.

28. Итак, если господин закон столь почтительно и робко относился к людям, имеющим деньги, и деньгами можно было оплатить всякое свое преступление, то сами посудите, что тяга и стремление к деньгам были весьма серьезным делом. И действительно, в этом смысле люди сильно преуспевали и в этом деле, можно сказать, доводили свою фантазию до крайних пределов возможного. Но тут, так сказать, мораль у них сильно раскололась. С одной стороны, нужно было хапнуть деньги, для того чтобы жить честно и быть в безопасности от превратностей жизни, а с другой стороны, добыча денег почти всегда была связана с преступлением. Тут можно было растеряться. Поэтому бедняга человек, награбив деньги и сразу забывши обо всем, лепетал высокие слова о совести и чести и писал об этом законы, а до этих пор вполне мог и был способен с легкостью зарезать родного папу, чтоб воспользоваться его имуществом.

И, скажем прямо, такое сильное стремление к деньгам было таким, что никакое другое дело не могло хотя бы сколько-нибудь с этим равняться.

То есть никаких преград не существовало для достижения денег.

29. Скажем прямо: в смысле добычи денег — это ужас, что делалось на протяжении всей истории.

В свое время знаменитый писатель Карамзин так сказал: «Если б захотеть одним словом выразить, что делается в России, то следует сказать: воруют».

Однако мы не будем, конечно, говорить о профессиональных ворах и грабителях — так сказать, специалистах по доставанию денег,— дело это повседневное и малоудиви-

тельное. Но мы хотим обратить ваше благосклонное внимание на несколько почтенных и уважаемых фигур, воровство и грабежи которых являются некоторой, что ли, неожиданностью.

Мы уже имели честь говорить о Меньшикове. Этот пройдоха за одно только царствование Петра I четыре раза был под судом за кражи, взятки и лихоимство. Петр снисходительно относился к своему любимцу и всякий раз спасал его от казни. Но, например, одного штрафу по суду господин Меньшиков заплатил около трехсот тысяч рублей. Если не врут историки. А сумма эта по тем временам неслыханная. Так можете себе представить, сколько упер этот тип, если был такой штраф.

Но вот взгляните на пресветлую фигуру тех времен — на господина Петра Толстого. Сей почтенный господин был сподвижник Петра I, наш уважаемый посол в Константинополе, крупнейший деятель того времени, человек умный и даже отмеченный многими талантами. И, скажем к слову,— прапрадед нашего Л. Н. Толстого, что не помешало ему быть изрядным арапом.

30. При отъезде его послом в Константинополь (в 1705 году) он получил на подкуп турецких сановников двести тысяч червонцев. И, как установлено, больше чем половину денег он присвоил себе.

Наверно, он подумал: «Чем я буду каким-то неизвестным туркам платить, дай-ка я возьму себе за труды».

Однако один его подьячий, Тимофеев, сделал на него донос. Этот донос Толстой успел перехватить. И, чтоб спрятать концы в воду, отравил своего этого беднягу подьячего.

И об этом отравлении лично донес в посольский приказ, мотивируя свое убийство тем, что подьячий хотел будто бы обратиться в магометанство. История сохранила этот на редкость любопытный документ — письмо П. Толстого (от 10 июня 1706 года).

Господин Толстой писал:

«...Подьячий Тимофеев намеревался было стать бусурманом, о котором его намерении бог мне помог увидеть. Позвав его к себе, тайно запер его у себя в избе, где сплю, до ночи. А в ночь он выпил рюмок вина, скоро умер и тем сохранил нас от такой беды...»

Это хитрое письмецо написано, как видите, по правилам дипломатии, без особого нажима на совершившийся факт. А факт был таков, что Толстой, заперев подьячего в комна-

те, дал ему бутылку отравленного вина. Дурак подьячий, хлебнув этого вина, вскоре отдал богу свою праведную душу. И тем самым, можно сказать, сохранил Толстого от беды.

31. Но пойдем дальше. Дело об убийстве подьячего заглохло, поскольку мотивировка убийства была сделана с полным знанием дела. Переход человека в иную веру для русского правительства всегда казался каким-то пределом человеческой подлости. Это обижало правительство. И вселяло в них неуверенность: дескать, они не так хороши со своей религией и хозяйством, что от них бегут.

Однако через месяц посольский секретарь также не побоялся написать донос на Толстого. Эта крупная кража червонцев, видимо, слишком подействовала на окружающих, с которыми Толстой не изволил поделиться.

Тогда Толстой отравил и этого несчастного секретаришку. И снова сам сообщил в посольский приказ, что секретарь будто бы имел секретные отношения с турецким визирем и, желая замести следы, сделал донос на него, в сущности ни в чем не повинного человека.

Дело пошло в Петербург, однако Петр I, давно уже переставший удивляться таким делам, посмотрел на все это сквозь пальцы и велел следствие прекратить.

Вероятно, на фоне других фигур Толстой был еще довольно светлой личностью. Воображаем, какие там были остальные.

В общем, госпожа история знает такое великое множество случаев преступлений, связанных с деньгами, что нет возможности пересказать все это.

32. И мы не будем этим утруждать ваше благосклонное внимание и не будем портить вам благодушного настроения перечислением всего того, что мы знаем об этом. Все, так сказать, и так достаточно ясно. Вопросов, как говорится, не имеем. Скажем только, что стремление к деньгам — это одна из самых сильных и могучих страстей, которые потрясали и потрясают уважаемое человечество.

И эту сильную страсть государство иной раз отлично умело использовать для достижения своих мелких нуждишек. И если, например, нужно было поймать какого-нибудь государственного преступника, первое, что делалось, — объявлялась цена за его голову.

Чуть не на каждой странице истории имеются цены за ту или иную голову.

Например, однажды римский диктатор Сулла (83 год до нашей эры), захватив власть в свои руки, приказал истребить всех приверженцев своего врага и соперника Мария. А для того чтобы никто не избег этого истребления, Сулла, будучи большим знатоком жизни и человеческих душ, назначил необычайно высокую цену за каждую голову.

Он объявил, что за каждого убитого он заплатит по двенадцать тысяч динариев (около пяти тысяч рублей золотом).

33. Эта высокая цена столь подействовала на воображение граждан, что (история рассказывает) «убийцы ежечасно входили в дом Суллы, неся в руках отрубленные головы».

Мы приблизительно представляем себе, как это было.

— Сюда, что ли?.. С головой-то...— говорил убийца, робко стуча в дверь.

Господин Сулла, сидя в кресле в легкой своей тунике и в сандалиях на босу ногу, напевая легкомысленные арийки, просматривал списки осужденных, делая там отметки и птички на полях.

Раб почтительно докладывал:

— Там опять явились... с головой... Принимать, что ли?

— Зови.

Входит убийца, бережно держа в руках драгоценную ношу.

— Позволь! — говорит Сулла.— Ты чего принес? Это что?

— Обыкновенно-с... Голова...

— Сам вижу, что голова. Да какая это голова? Ты что мне тычешь?

— Обыкновенная-с голова... Как велели приказать...

— Велели... Да этой головы у меня и в списках-то нет. Это чья голова? Господин секретарь, будьте любезны посмотреть, что́ это за голова.

— Какая-то, видать, посторонняя голова,— говорит секретарь,— не могу знать... голова неизвестного происхождения, видать отрезанная у какого-нибудь мужчины.

34. Убийца робко извинялся:

— Извиняюсь... Не на того, наверно, напоролся. Бывают, конечно, ошибки, ежели спешка. Возьмите тогда вот эту головку Вот эта головка, без сомнения, правильная. Она у меня взята у одного сенатора.

— Ну, вот это другое дело,— говорил Сулла, ставя в списках галочку против имени сенатора.— Дайте ему там

двенадцать тысяч... Клади сюда голову. А эту забирай к черту. Ишь, зря отрезал у кого-то...

— Извиняюсь... подвернулся.

— Подвернулся... Это каждый настрижет у прохожих голов — денег не напасешься.

Убийца, получив деньги и захватив случайную голову, уходил, почтительно кланяясь своему патрону.

В общем, больше двух тысяч голов было доставлено Сулле в течение нескольких недель.

История бесстрастно добавляет, что никто не избег своей печальной участи.

35. Но однажды, полвека спустя (43 год нашей эры), когда цена за голову случайно скакнула еще выше, произошла такая резня, что, кажется, мир не знал ничего подобного.

Римский консул Марк Антоний после убийства Юлия Цезаря предназначил к смерти триста сенаторов и две тысячи всадников. И, идя по стопам господина Суллы, объявил, что будет платить высокую плату с тем, чтобы объявленных в списках уничтожили в короткий срок.

Цена за голову действительно назначена была поразительно высокая — двадцать пять тысяч динариев (около восьми тысяч рублей). Рабам же, чтобы понимали свое низкое положение при убийстве высоких господ, полагалось меньше — тысяча динариев.

Тут страшно представить, что произошло. История говорит, что сыновья убивали своих отцов. Жены отрубали головы спящим мужьям. Должники ловили и убивали на улице своих кредиторов. Рабы подкарауливали своих хозяев. И все улицы были буквально залиты кровью.

Цена действительно была слишком уж высокая. Мы имеем мнение, что в течение месяца люди перебили бы друг друга, если бы государство продолжало так платить.

Однако история знает еще более высокую цену. Так, например, за голову знаменитого Цицерона, величайшего из римских ораторов, было назначено пятьдесят тысяч динариев.

Эта отрубленная голова была торжественно поставлена на стол. И жена Марка Антония, эта бешеная и преступная бабенка, проткнула язык Цицерона булавкой, говоря: «Пусть он теперь поговорит».

36. Но самая высокая цена была назначена однажды за голову английского короля Карла I. Карла I выдали за четыреста фунтов стерлингов (около четырех миллионов)

Но тут, пожалуй, меньше нельзя было взять — два государства усердно торговались в течение месяца. И Шотландия, куда бежал Карл, выдала его Англии, поступившись своими христианскими взглядами за четыре миллиона. Карлу I отрубили голову. И мы представляем, с какими предосторожностями рубили эту слишком драгоценную голову.

Однако нас, конечно, интересует не цена, а способ, которым пользовались.

Наполеон за голову знаменитого тирольца Гофера, поднявшего народное восстание за независимость страны, посулил заплатить всего что-то около двух тысяч рублей. Тем не менее Гофер, укрывавшийся в горах, уже через два дня был пойман своими же тирольцами. Он был выдан французам и ими расстрелян (1810 год).

И вот этим милым денежным способом пользовались во все времена, на протяжении всей истории, даже новейшей.

Любопытно, что за голову русского провокатора Дегаева (1874 год) царское правительство назначило очень крупную сумму.

На улицах Петербурга были расклеены афиши с его портретом. За указание местонахождения назначалась награда в пять тысяч рублей, а за «содействие к поимке» — десять тысяч рублей золотом.

Однако этот мрачный подлец Дегаев избежал своей участи. Он бежал в Америку и там умер своей смертью, так сказать, при нотариусе и враче.

37. Итак, на этом прекращаем наши исторические новеллы. Скажем только вдобавок ко всему, что во все времена и при всех обстоятельствах деньги были подчас единственным средством для достижения самых наитруднейших задач. За деньги продавались должности и люди. За деньги можно было купить себе графский титул и всякие удивительные возможности. Например, можно было позавтракать с царем или с царицей, если, скажем, пожертвовать крупную сумму на что-нибудь такое полезное. В общем, все двери и сердца раскрывались перед этим. И провокаторы продавали остатки своей совести. И все вообще продавалось. И деньги были, так сказать, форменным образом вместилищем всякой человеческой пакости. И нередко самые темные дельцы, имея

Дегаев был член партии «Народной воли». За провокаторскую деятельность он был приговорен партией к смерти. Желая избежать смерти, он предложил убить начальника охранного отделения Судейкина, что и сделал.

деньги, всплывали на поверхность государственной жизни и распоряжались судьбами целого государства.

Был, между прочим, знаменитый случай, когда бандит, спекулянт и самый беззастенчивый авантюрист шотландец Лоу (1716 год), сколотивший себе темными средствами несколько миллионов, был назначен во Франции генерал-контролером финансов.

И мы думаем, что, порывшись в заграничных делах нашего времени, мы найдем немало подобных случаев.

38. В общем, перелистав всю историю, мы не увидели ни одного случая, когда бы деньги потерпели крах или поражение.

Впрочем, об одном замечательном поражении мы вам можем рассказать такую интересную новеллу.

Это произошло со знаменитым ювелиром и скульптором Бенвенуто Челлини.

Папский двор, желая наконец освободиться от крайне беспокойного художника, решил умертвить его. А Челлини сидел в это время в тюрьме по обвинению в краже казенного золота. Челлини, конечно, считал себя безвинно пострадавшим, однако мы не дали бы поручительства за него. Разве что из уважения к его гению — покривили бы душой.

И вот попы решили воспользоваться случаем, чтоб покончить с ювелиром. Он долгие годы досаждал им своим дерзким поведением.

И вот решили умертвить его, но таким образом, чтобы смерть эта была бы сколько-нибудь похожа на естественный конец. Яд в этом деле не был пригоден. Признаки отравления ядом слишком заметны. Возникли бы толки и пересуды, коих не желал честный и богобоязненный папа. Все-таки неудобно: папа, высшие идеалы, «Христос воскресе» — и вдруг грубое убийство. Хотелось, одним словом, сделать тихо, бесшумно и, главное, с христианским смирением.

И вот тогда вместо яда решили заключенному дать в пище толченый алмаз. Это было уже испытанное средство: человек умирал как бы от колик и расстройства желудка.

39. И вот этот алмаз папский двор дал одному ювелиру, для того чтобы тот растолок нелегко поддающийся этому камень.

Пройдоха ювелир, желая заработать на этом деле, растолок вместо полученного алмаза более мягкий и менее драгоценный камень — голубой берилл. Корыстный мастер

заработал на этом пару золотых, а что касается Б. Челлини, то тот, проглотив с пищей этот растолченный мягкий камень, остался жив на пользу страждущего человечества.

Хотя Челлини и пережил, как он пишет, огромный страх близкой смерти, но потом, как опытный ювелир, он распознал в растолченном камне голубой берилл, а не алмаз, который был бы смертелен.

Вот, пожалуй, единственный случай, когда деньги не сыграли той роли, какая им была предназначена.

Но зато они сыграли ту же роль, но только для другого. Так что сияние денег от этого не померкло.

Однако мы знаем один случай, когда деньги в своем могуществе потерпели ужасный крах. И тут уже ничто на помощь не пришло. Вот как это было.

40. И это даже не новелла, а целая симфония.

Речь идет о закате и падении великого Рима.

В ту, можно сказать, грозную эпоху деньги сыграли некоторую роль.

Историки рассказывают, что в Риме вдруг скопились огромные суммы. Дело в том, что Рим перед этим одержал большие победы в Азии и в Македонии. И благодаря этому Рим разбогател. Громадные контрибуции и грабежи в завоеванных землях создали в Риме необыкновенный прилив денег. И тогда сенат, видя, что дела идут у них весьма хорошо, освободил все население на двадцать четыре года от всех налогов и поборов. Это необычайным образом вдохновило богачей и спекулянтов.

Которые имели деньги — захотели иметь еще больше. Многие бросились в рискованные спекуляции. И стали давить с еще большей силой неимущий класс. И Рим, как сообщает история, стал задыхаться в деньгах. И тогда начался разгул и, прямо скажем, вакханалия.

Денежные аристократы, пресыщенные удовольствиями, устраивали неслыханные оргии и пиршества.

Для столов богачей стали привозить изысканные предметы роскоши.

Знаменитый римский цензор Порций Катон одной фразой определил положение государства. Он сказал: «Городу, в котором рыба стоит дороже упряжного вола, помочь уже ничем нельзя».

41. Так и случилось — Риму ничто не помогло. И Рим вскоре потерял свое мировое значение.

Вот что рассказывает история о деньгах.

Она рассказывает о великих злодеяниях, о преступлениях и убийствах. Она рассказывает о гибели народов, о возвеличении подлецов и темных проходимцев и о всех больших и малых потрясениях, которые нещадно нанесли людям деньги.

И мы, простите, не верим, что сейчас это совсем не так происходит, как это происходило раньше. Мы имеем мнение, что именно так и происходит. А что касается до нашей страны, то в основном у нас этого нету, и по этой причине нам, так сказать, с горы видней.

Но мы, конечно, не строим свою философию на морали. Мы, любезный читатель, не делим жизнь и дела на добро и зло. И не говорим «ах» или «ох». А мы нашу пресветлую жизнь делим более грубо: на хорошую и плохую.

И вот, с добросовестным и прилежным старанием прочитав историю, мы заметили, что даже при таком делении хорошего было слишком мало, а плохого было достаточно повсюду и куда ни плюнь.

И мы имеем скромное мнение, что это плохое произошло, пожалуй, даже не из-за денег, а из-за удивительной системы, или, вернее, из-за распределения денег, которые проходили не через те руки, через которые им надлежало проходить.

42. Но, ах, мы вдруг в тумане будущего видим снисходительную и кривую усмешку человека, который утонченными пальцами перелистывает горестные страницы варварской истории, в которой деньги, можно сказать, затмили солнце, звезды, луну и вполне уважаемую человеческую личность. И даже любовь, о которой мы имеем намерение кое-что рассказать вам в следующем отделе.

Но мы не хотим заниматься бесцельными речами, рассуждениями и восклицаниями.

Скажем прямо, что деньги играют и будут еще играть преогромную роль даже и в нашей измененной жизни. И нам (совестно признаться) не совсем ясны те торжественные дни, когда этого не будет. И нам лично, собственно, даже и неизвестно и не совсем понятно, как это произойдет и что при этом каждый будет делать. И как это вообще пойдет.

Но мы должны сказать, что у нас многие печальные дела, связанные с деньгами, вернее — с богатством, уже безвозвратно исчезли. И мы отчасти освободились от многих опасностей и превратностей жизни. И мы снимаем шапку перед этими обстоятельствами.

43. Но деньги, мы повторяем, играют у нас изрядную роль, из-за них совершаются и происходят многие комичные и варварские историйки, о которых мы вам и собираемся рассказать.

Давайте же посмотрим, какие это историйки.

А перед тем отметим, что мы, почтенный критик, возьмем для этого отрицательные факты. А что касается до положительных сторон, то мы тебя, как пресветлую личность, желающую все время читать только хорошие и достойные случаи, с легким сердцем отсылаем к пятому отделу, что имеется у нас в конце книги. И там твое усталое сердце успокоится от всего хорошего.

Итак, начинаются наши юмористические рассказы о деньгах.

Любезный читатель, побереги свои карманы.

РАССКАЗЫ О ДЕНЬГАХ

СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО [1]

Конечно, плата, она как-то ограничивает человека в его фантазиях. Она борется с излишествами, с проявлением разных темных сторон характеров. Она, в этом смысле, имеет свои светлые стороны. Она лакирует жизнь.

Вот если подумать, что с завтрашнего дня трамвай будет бесплатный, то нет сомнения, что для многих граждан просто закроется доступ к этому дешевому передвижению. Конечно, оно и сейчас, мягко говоря, не так уж симпатично ехать в трамвае, а тогда и подавно будет немыслимо. Тут не только, я извиняюсь, на подножках, тут на электрической дуге будут ехать.

Другому вовсе и не надо ехать — ему всего два шага шагнуть. Ему это для прогулки очень полезно, а он непременно поедет. Он непременно захочет проявить свою угнетенную амбицию. И он вопрется в самую гущу человеческих тел и поедет, хотя его могут там задавить до смерти. Но это ему неважно. Ему бы только поехать. А там хоть трава не расти.

И он ведь, заметьте, до конца рейса доедет, хоть это ему и не надо. А если трамвай круговой, так он, я так думаю, весь круг обернет, а то и два загнет, прежде чем добровольно слезет на своей остановке. Вот какие бывают люди. Некоторые по три круга станут загибать. А некоторых вообще будет не выкурить с трамвая. Они, может, даже спать там лягут. Они до остервенения дойдут, если объявить, что это даром.

Нет, по-моему, надо менять свои характеры. По-моему,

---

[1] Часть новелл, помещенных здесь, написана мною специально для «Голубой книги». Другая часть новелл — переработка моих рассказов прежних годов.

это отблеск буржуазной культуры. И с этим надо энергично бороться и переделывать свою психику.

Вот давеча я сам, не целиком переделавши свою психику, съел на одном банкете что-то такое, кажется, кружков десять мороженого. И после недели две разогнуть тела не мог.

Так что я эти слова заявляю, лично продумавши и все испытавши.

Я как-то такое видел на одной площади бесплатную карусель. Она была поставлена как раз в аккурат против церкви. Наверно, чтоб верующие могли развлечься, а безбожники могли бы, не заходя в храм, провести культурно время.

Так там очень серьезные дела происходили. Многие-то, конечно, не знали, что карусель даром. И потому стеснялись заходить. А которые знали, то на тех прямо удержу не было.

Я видел одного парнишку, которого оттягивали, и то он не шел.

Он как сел на деревянную кобылку, так прямо как прилип к ней и мотался на ней часа три. Только когда он совсем сомлел и стал белый, как глина, он позволил себя снять своим друзьям. И то брыкался и не хотел допустить, чтобы его сняли.

Ну, конечно, его положили на землю, он дышал, как рыба, и смотрел на небо, еле чего понимая. Но потом, оправившись, обратно полез на лошадь и крутился до тех пор, пока снова не захворал. И то после этого не сразу слез. А он слез только тогда, когда «в Ригу поехал».

Тут волей-неволей ему пришлось слезть. А то публика стала обижаться, говоря, что при вращении карусели оно как-то не того получается. А то бы он не слез. Но тут его сторож стянул и даже, кажется, заехал в морду за недопустимое безобразие.

После чего парень долго лежал на брюхе, надеясь, отдохнув, еще малость покрутиться. Но потом, видимо, не совладав с пошатнувшимся здоровьем, попер домой.

Так что, вообще говоря, неизвестно, сколько человеку всего нужно. Наверно, больше того, чем сколько ему нужно, и не менее того, чем сколько он хочет.

Так что все в порядке. «Потолок» имеется. Пламенный привет молодым людям, переделывающим свои характеры.

Что касается престарелых людей, то мы про них не говорим. Они, воспитанные на прежних денежных делах, сами понимают в этом меру и чуть что — хватаются всякий

раз за карман. Но зато они не понимают меру в смысле доставания денег. Вот тут они прямо способны на всякое безобразие. Вот, извольте, расскажу про одну старушенцию, которая дошла до крайних пределов выдумки и свинства в этом деле. Вот каким мерзким способом она доставала деньги.

РАССКАЗ ПРО НЯНЮ, ИЛИ ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ У ЭТОЙ ПРОФЕССИИ

Конечно, старый человек не всегда может попасть в ногу с новой жизнью.

Это особенно почему-то относится к старухам. Вот этот старческий материал вообще, надо честно сказать, как-то слабо разбирается в современных течениях. Перед ихними старческими глазами какие-то, что ли, круги плавают, или мошки, или пес их знает что, но только им как бы не до того. Они не слишком-то задумываются о грядущих судьбах человечества. И они тем более гимнастикой не могут заниматься, отчего часто подвержены меланхолии и политической немощности.

Вообще надо сказать, что старухи, воспитанные на прежних капиталистических делах, зачастую решительно отказываются перестраиваться и буквально не хотят хотя бы слегка, что ли, изменить свою закостенелую психику. Они знай себе гнут то, чего было раньше, и не понимают то, чего есть, и то, чего решительно не может быть.

Особенно если речь идет о деньгах. Если речь идет о деньгах, то это конченое дело. Тут никакие советы не помогут. Старый человек, он любит заработать, скопить, и вообще у него при виде денег руки дрожат и ноги подгибаются.

И не только, скажем, глубоко дряхлые старухи гнут эту прежнюю линию, но и более молодые, которым, может, там по сорок пять, пятьдесят, пятьдесят пять лет. Эти тоже малодоступны перевоспитанию.

На этой почве на днях произошло одно прямо возмутительное дело у нас в Ленинграде.

Тут такие супруги Фарфоровы имели няню. Они взяли ее до своего ребенка. Они сами не могли своему ребенку обеспечить уход и ласку. Они оба-два служили на производстве.

Сам Серега Фарфоров служил. И она служила. Он рублей, может, полтораста брал. И она не меньше ста огребала.

И вот при такой ситуации у них происходит рождение ребенка.

Вот родился у них ребенок как таковой, и, конечно, пришлось до него взять няню. А то бы, конечно, они не взяли.

Тем более у них даже такой привычки не было — брать себе нянек. Они не понимали такого барства.

Но тут тем более им выгодней было иметь няню, чем самой мадам Фарфоровой покинуть место службы и удалиться с производства.

И вот, конечно, определилась к ним няня.

Не очень старая и не очень такая молодая. Одним словом, пожилая и довольно-таки на вид страхолюдная.

Но за безобразной внешностью Фарфоровы вскоре увидели у нее доброе сердце. И никак не могли предвидеть, что за гадюку они пригрели на своей груди.

А они, конечно, нарочно взяли себе такую некрасивую, чтоб она не шлялась, и чтобы не имела личного счастья, и чтоб только смотрела на ихнего младенца.

И тем более — они взяли ее по рекомендации. И там им сказали: дескать, это вполне непьющая, пожилая, некрасивая старуха. И, дескать, она любит детей и прямо с рук их не спущает. И даром что это старуха, но это такая старуха, что она вполне достойна войти в новое, бесклассовое общество.

Это им так сказали. Но они еще не имели своего мнения.

И вот они берут эту няню и видят: действительно, золото, а не няня. Тем более она сразу полюбила ребенка. Все время с ним ходит, с рук не спущает и прямо гуляет с ним до ночи.

А Фарфоровы, являясь передовыми людьми, не перечили в этом. Они понимали, что воздух и гулянье вполне укрепляют организм ихнему младенцу. И думаю: «Пожалуйста. Пущай гуляет. Тем более мы будем реже видеть ее зверскую харю».

И вот происходит такая ситуация.

Утром родители на производство, а ихняя няня берет младенца, берет пузырек с коровьим молоком и идет гулять по улицам Ленинграда. И гуляет с ним прямо до глубокой ночи.

Только раз однажды идет по улице член правления Цаплин. Он — с домкома. Он — одна из главных фигур в правлении.

Вот он идет по улице, думает, может, там про свои интимные дела или там кого бы из ввереных ему жильцов

на черную доску занести как злостного неплательщика. И вдруг — смотрит — что такое? Стоит на углу потрепанная старуха. Держит она на своих руках младенца. И под этого младенца она просит. Некоторые прохожие при виде этого зрелища отворачиваются, а некоторые, сочувствуя чужой беде, подают ей монетку или две на пропитание. А та им кланяется. И показывает младенца — дескать, не для себя прошу, а вот для этого.

Семен Михайлович Цаплин давать ей не хотел, он просто так поглядел на ее личность. И видит, личность будто знакомая. И глядит — да, действительно, это суть няня с фарфоровским ребенком. Тем более обознаться трудно — морда у нее такая, что очень глубоко в душу западает.

Член правления Цаплин ничего ей на это не сказал и вообще ни копья не подал, но повернулся и пошел обратно домой.

Неизвестно, как он дожил до вечера, но вечером говорит самому Фарфорову:

— Я, говорит, чересчур удивляюсь, уважаемый товарищ, но, говорит, или вы своей домработнице денег не платите, или, говорит, я не пойму подобной ситуации. А если, говорит, вы ее нарочно засылаете под ребенка просить, то вы, говорит, есть определенно чуждая прослойка в нашем пролетарском доме.

Фарфоров, конечно, говорит:

— Я извиняюсь, об чем речь? Про что вы говорите — я чего-то не пойму.

Тогда член правления говорит про то, чего видел, и про то, чего перечувствовал, наблюдая подобное зрелище.

Тут происходят разные сцены. Происходят крики и улыбки. И все выясняется.

Тогда зовут няню. Ей говорят:

— Как же так можно? Вы что — обалдели? Или вы ненормальная, и у вас в голове не все дома.

Няня говорит:

— В этом пороку нет. Так ли я стою, или мне сердобольные прохожие в руку дают. Я, говорит, прямо не пойму, об чем разговор. Ребенок через это не страдает. И, может, ему даже забавно видеть такое вращение людей вокруг себя.

Фарфоров говорит:

— Да, но я не хочу своему ребенку присваивать такие взгляды с детских лет. Я не дозволю вам производить такие действия.

Мадам Фарфорова, прижимая своего ребенка к груди, говорит:

— Нам это в высшей степени оскорбительно. Мы вас выгоняем со своего места.

Цаплин говорит:

— А я, как член правления, скажу: вы всецело правы выгнать эту бешеную няньку.

Старуха говорит:

— Ах, подумаешь, до чего испугали! Нянь нынче не очень много — меня, может, с руками оторвут. А я под вашего щенка едва трешку зарабатывала, а уж упреков не оберешься. Я от вас сама уйду, поскольку вы какие-то бесчувственные подлецы, а не хозяева.

После этих слов Фарфоров, рассердившись, накричал на нее и даже хотел из ее слабого тела вытряхнуть старческую душонку, но член правления ему не разрешил. После чего ее с позором выгнали. Так она и ушла, и рекомендации не взяла, и неизвестно, куда поступила. Но, наверное, она снова где-нибудь нянчит младенца и под него подходяще зарабатывает.

Наверное, ей до зарезу нужны деньги, иначе прямо трудно объяснить ее поведение. А на что ей деньги — этого я прямо не пойму. Старуха сыта, одета, валенки имеет, жалованье получает, это прямо ее какой-нибудь каприз и, главное, наверное, прежнее мелкобуржуазное воспитание, бессмысленная тяга к деньгам и неправильное мировоззрение.

Я еще понимаю, если у нее есть какая-нибудь благородная цель. Вот если бывает цель, тогда я могу снисходительно отнестись к подобным фактам в смысле доставания денег.

И я однажды, как мы сейчас увидим из следующего рассказа, весьма снисходительно и терпимо отнесся к подобному случаю, о котором мы имеем намерение вам рассказать сейчас.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Стою я раз в кино и дожидаюсь одну даму.

Тут, надо сказать, одна особа нам понравилась. Такая довольно интересная бездетная девица. Служащая.

Ну, конечно, любовь. Встречи. Разные тому подобные слова. И даже сочинения стихов на тему, никак не связанную со строительством, чего-то такое: «Птичка прыгает на ветке, на небе солнышко блестит.. Примите, милая,

привет мой... И что-то такое, не помню,— та-та-та-та... болит...»

Любовь в этом смысле всегда отрицательно отражается на мировоззрении отдельных граждан. Замечается иной раз нытье и разные гуманные чувства. Наблюдается какая-то жалость к людям и к рыбам и желание им помочь. И сердце делается какое-то чувствительное. Что совершенно излишне в наши дни.

Так вот, раз однажды стою в кино со своим чувствительным сердцем и дожидаюсь свою даму.

А она, поскольку служащая и не слишком дорожит местом,— она любит опаздывать. На службе-то, конечно, за это строго. Ну, а тут она знает — за два опоздания ее не уволят. Вот она и отыгрывается на личной почве и на гуманных чувствах.

Так вот, стою как дурак в кино и дожидаюсь.

Так — очередь у кассы струится. Так — дверь раскрыта на улицу, заходите. Так — я стою. И как-то энергично стою, весело. Охота петь, веселиться, дурака валять. Охота кого-нибудь толкнуть, подшутить или схватить за нос. На душе пенье раздается, и сердце разрывается от счастья.

И вдруг вижу — стоит около входной двери бедно одетая старушка. Такой у нее рваненький ватерпруф, облезлая муфточка, дырявые старинные башмачонки.

И стоит эта старушка скромно у двери и жалостными глазами смотрит на входящих, ожидая, не подадут ли.

Другие на ее месте обыкновенно нахально стоят, нарочно поют тонкими голосами или бормочут какие-нибудь французские слова, а эта стоит скромно и даже как-то стыдливо.

Гуманные чувства заполняют мое сердце. Я вынимаю кошелек, недолго роюсь в нем, достаю рубль и от чистого сердца, с небольшим поклоном, подаю старухе.

И у самого от полноты чувств слезы, как брильянты, блестят в глазах.

Старушка поглядела на рубль и говорит:

— Это что?

— Вот, говорю, примите, мамаша, от неизвестного.

И вдруг вижу — у ней вспыхнули щеки от глубокого волнения.

— Странно, говорит, я, кажется, не прошу. Чего вы мне рубль пихаете?.. Может быть, я дочку жду — собираюсь с ней в кино пойти. Очень, говорит, обидно подобные факты видеть.

Я говорю:

— Извиняюсь... Как же так... Я прямо сам не понимаю... Пардон...— говорю.— Прямо спутался. Не поймешь, кому чего надо. И кто за чем стоит. Шутка ли, столько народу...

Но старуха поднимает голос до полного визга.

— Это что же, говорит, в кино не пойди — оскорбляют личность! Как, говорит, у вас руки не отсохнут производить такие жесты? Да я лучше подожду дочку и в другое кино с ней пойду, чем я буду с вами сидеть рядом и дышать зараженным воздухом.

Я хватаю ее за руки, извиняюсь и прошу прощения. И поскорей отхожу в сторонку, а то, думаю, еще, чего доброго, заметут в милицию, а я даму жду.

Вскоре приходит моя дама. А я стою скучный и бледный и даже несколько обалдевший и стыжусь по сторонам глядеть, чтобы не увидеть моей оскорбленной старухи.

Вот я беру билет и мелким шагом волочусь за своей дамой.

Вдруг подходит ко мне кто-то сзади и берет меня за локоть.

Я хочу развернуться, чтоб уйти, но вдруг вижу — передо мной старуха.

— Извиняюсь,— говорит она,— это не вы ли мне давеча рубль давали?

Я что-то невнятное лепечу, а она продолжает:

— Тут не помню кто-то мне давал сейчас рубль... Кажется, вы. Если вы, тогда ладно, дайте. Тут дочка не рассчитала, а вторые места дороже, чем мы думали. А в третьих местах я ничего не увижу по причине слабости глаз. Прямо хоть уходи. Извиняюсь, говорит, что напомнила.

Я вынимаю кошелек, но моя дама выпускает следующие слова:

— Совершенно, говорит, не к чему швыряться деньгами. Уж если на то пошло, я лучше нарзану в буфете выпью.

Я говорю:

— Нарзан вы получите, не скулите. Но рубль я должен дать. Мало ли какие бывают денежные заминки. Надо, говорю, по-товарищески относиться.

Нет, я все-таки дал старухе рубль, и мы в растрепанных чувствах стали глядеть картину,

Под музыку дама меня пилила, говоря, что за две недели знакомства я ей пузырке одеколону не мог купить, а, между прочим, пыль в глаза пускаю и раздаю рубли направо и налево.

Под конец стали показывать веселую комедию, и мы, забыв обо всем, весело хохотали.

А эта старуха сидела со своей дочкой недалеко от нас и тоже иногда весело похрюкивала.

И я был очень рад, что доставил ей это культурное удовольствие. И даже если бы она у меня попросила два рубля, я бы тоже ей дал не моргнув глазом.

Но, в общем, это мелкий факт, а что касается до крупных дел, связанных с деньгами, то мы, например, знаем такой нижеследующий случай.

Вот забавная новелла, при чтении которой любители таинственного получат кой-какое удовольствие.

ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, КОНЧИВШАЯСЯ ДЛЯ ОДНИХ ПЕЧАЛЬНО, ДЛЯ ДРУГИХ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО

Про эту таинственную историю рассказал мне один врач по внутренним и детским болезням.

Это был врач довольно старенький и весь седой. Через этот факт он поседел или вообще поседел — неизвестно. Только действительно был он седой, и голос у него был сиплый и надломленный.

То же и насчет голоса. Неизвестно, на чем голос он пропил. На факте или вообще.

Но дело не в этом.

А сидит раз этот врач в своем кабинете и думает свои грустные мысли.

«Пациент-то, думает, нынче нестóящий пошел. То есть каждый норовит по страхкарточке даром лечиться. И нет того, чтобы к частному врачу зайти. Прямо хоть закрывай лавочку».

И вдруг звонок раздается.

Входит гражданин средних лет и жалуется врачу на недомогание. И сердце, дескать, у него все время останавливается, и вообще чувствует он, что помрет вскоре после этого визита.

Осмотрел врач больного — ничего такого. Совершенно как бык здоровый, розовый, и усы кверху закрючены. И все на месте. И никакого умирания в организме не заметно.

Тогда прописал врач больному нашатырно-анисовых капель, принял за визит семь гривен, покачал головой и, по правилам своей профессии, велел ему зайти еще раз завтра. На том они и расстались.

На другой день в то же время приходит к врачу старушонка в черном платке. Она поминутно сморкается, плачет и говорит:

— Давеча, говорит, приходил к вам мой любимый племянник, Василий Леденцов. Так он, видите ли, в ночь на сегодня скончался. Нельзя ли ему после этого выдать свидетельство о смерти?

Врач говорит:

— Очень, говорит, удивительно, что он скончался. От анисовых капель редко кончаются. Тем не менее, говорит, свидетельство о смерти выдать не могу — надо мне увидеть покойника.

Старушонка говорит:

— Очень великолепно. Идемте тогда за мной. Тут недалече.

Взял врач с собою инструмент, надел, заметьте, калоши и вышел со старушкой.

И вот поднимаются они в пятый этаж. Входят в квартиру. Действительно, ладаном попахивает. Покойник на столе расположен. Свечки горят вокруг. И старушка где-то жалобно хрюкает.

И так врачу стало на душе скучно и противно.

«Экий я, думает, старый хрен, каково смертельно ошибся в пациенте. Какая канитель за семь гривен».

Присаживается он к столу и быстро пишет удостоверение. Написал, подал старушке и, не попрощавшись, поскорее вышел. Вышел. Дошел до ворот. И вдруг вспомнил — мать честная, калоши позабыл.

«Экая, думает, неперка за семь гривен. Придется опять наверх ползти».

Поднимается он вновь по лестнице. Входит в квартиру. Дверь, конечно, открыта. И вдруг видит: сидит покойник Василий Леденцов на столе и сапог зашнуровывает. Зашнуровывает он сапог и со старушкой о чем-то препирается. А старушка ходит вокруг стола и пальцем свечки гасит. Послюнит палец и гасит.

Очень удивился этому врач, хотел с испугу вскрикнуть, однако сдержался и, как был без калош, кинулся прочь.

Прибежал домой, упал на кушетку и со страху зубами лязгает. После выпил нашатырно-анисовых капель, успокоился и позвонил в милицию

А на другой день милиция выяснила всю эту историю.

Оказалось: агент по сбору объявлений, Василий Митрофанович Леденцов, присвоил три тысячи казенных денег.

С этими деньгами он хотел начисто смыться и начать новую великолепную жизнь.

Однако не пришлось.

Калоши врачу вернули месяца через три, после всяких длинных процедур, заявлений, просьб и хождений по всем местам.

В общем, врач отделался сравнительно благополучно и, кроме испуга и расстройства нервов по поводу долгой невыдачи калош, других неприятностей не имел.

И, рассказав мне эту историю, врач, вздохнувши, добавил:

— Имея три тысячи, этот фрукт хотел за семь гривен смыться из этого мира, но медицина не допустила. Вот до чего доводит людей жадность к деньгам.

Однако мы знаем историю о такой жадности к деньгам, какая не так-то уж часто бывает.

Вот эта история.

РАССКАЗ ПРО ОДНОГО СПЕКУЛЯНТА

Жил в Ленинграде некто такой Сисяев. Такой довольно арапистый человек. Он во время нэпа, когда частники еще работали, держал парикмахерскую. Только, кроме стрижки и брижки, он еще иностранной валютой торговал и вообще разные темные делишки обстряпывал. Ну и, конечно, засыпался.

Он засыпался в тридцатом году летом. Маленько посидел где следует. И вскоре его, голубчика, выперли из Ленинграда куда-то подальше. Ему чего-то, одним словом, дали — минус семь, или плюс семь, или восемь — черт его разберет. Я в этих делах пока что слабо понимаю.

Одним словом, его, как спекулянта, выслали в Нарымский край.

И, значит, он, хочешь не хочешь, поехал.

А надо сказать, он своего ареста ожидал. У него сердце было неспокойно. Он еще за неделю сказал своим компаньонам: дескать, как бы не угодить куда-нибудь.

И, конечно, на всякий случай он взял старую кожаную тужурку, подпорол ей бортик и зашил туда десять царских золотых монет и один золотой квадратик. Может быть, помните — государство в двадцать четвертом году выпустило такие золотые квадратики для технических надобностей.

Вот он, значит, на всякий пожарный случай и подзашил

свое добро в тужурку, и прямо из этой тужурки он больше не вылезал. Да еще в брюки он тоже зашил разные бумажные деньги. И в сапоги под стельки положил более носкую валюту — доллары.

И стал поджидать.

Только он недолго ждал. Вскоре после того его взяли вместе с тужуркой. И осенью он поехал куда следует.

Только неизвестно, как он там жил. Может быть, скорей всего он не очень худо жил. Тем более бумажных денег у него было вдоволь припасено. Он знай себе подпарывал брюки и вынимал что-то из бумажника. А до золота, между прочим, не дотрагивался.

Только живет от так больше года. И вдруг хворает. Он хворает воспалением легких. Он там простудился. Его там просквозило на работе. И он там захворал.

Конечно, кашель поднялся, насморк, хрипы, температура минус сорок градусов. В боку колет. Аппетита нету. И вообще человек чувствует приближение собственной кончины.

И тогда ночью снимет с себя кожаную куртку и вновь подпарывает ей бортик.

Он подпарывает ей бортик, кладет на язык золотые монетки и глотает их в порядке живой очереди.

«Поскольку,— думает он,— я помру, а тут кто-нибудь шарить начнет. А мне это неприятно. И пущай это золото у меня в брюхе лежит, чем кто-нибудь им воспользуется» И, значит, подумавши так, глотает.

Только, может, он проглотил пять или шесть штук, как вдруг замечает эти преступные действия один из его приятелей. Их там по семь человек вместе жило.

Заметил это приятель, поднял тарарам и не допустил глотать остальные деньги.

И хотя тот за того хватался и умолял, но этот говорит:

— Мне, говорит, не так золота жалко. Я себе золота не возьму. Но я, говорит, не могу допустить проглатывать. Тем более воспаление легких иногда проходит. А тут и денег не будет, и вообще засорение желудка.

Короче говоря, больной вскоре действительно поправился. Он выздоровел. Грудь ему освободило. Дыхание вернулось. Но является новая беда — в желудке колет, кушать неохота, и слюна идет.

И спасибо, что больной не все монеты заглотал. А то бы совсем невозможно получилось.

Конечно, можно было бы больному схлопотать в Томск поехать, на операцию лечь. Но только он сам не захотел.

Он, может, пугался, что во время хлороформа он недосмотрит и хирурги разворуют его монеты, лежащие в желудке.

Он только допустил разные внутренние средства и дозволил себя массировать.

Разные сильные средства, конечно, выгнали монеты наружу, но по подсчету их оказалось меньше, чем следует.

Тут вообще дело темное. Или уперли во время тарарама несколько монет, или они в желудке остались.

Так что ежели считать, что в желудке ничего нету, то недостает трех монет и одного квадратика. Тогда, значит, действительно уперли. И тогда, значит, надо прекратить массаж и лечение.

Но зачем на людей тень наводить? Может быть, монеты лежат себе в желудке.

Тем более для здоровья это не играет роли. Золото не имеет права давать ржавчину, так что оно может лежать до бесконечности.

Конечно, жалко, что валюта лежит без движения. Но, может, она и в движении у других граждан.

Что касается до спекулянта, то он имеет мнение, что золото благополучно лежит у него в желудке, зацепившись за какой-нибудь естественный поворот внутренней системы. Но для душевного спокойствия он непременно хочет сделать себе просвечивание. И если наука найдет, что золото там внутри, то он и не будет его трогать до поры до времени.

Эту правдивую историю мы рассказали, желая показать вам, что любовь к деньгам иной раз бывает сильнее смерти.

А прочитав следующий рассказ, вы вполне убедитесь в этом и даже в большем.

Это рассказ о том, как одна жадная бабенка благодаря отсутствию денег не разрешила умереть своему мужу. Что является просто возмутительным даже хотя бы с точки зрения медицины.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЖЕНА НЕ РАЗРЕШИЛА МУЖУ УМЕРЕТЬ

Проживал на Петроградской стороне один небогатый живописец по имени Иван Саввич Бутылкин.

Он состоял в какой-то, я не знаю, кустарной артели и там чего-то такое делал. Он, кажется, работал. Он писал там плакаты и вывески, и разные номера для домов, и всякие указатели, и так далее.

Он, между прочим, мог бы очень недурно жить, но он, к сожалению, часто хворал и, не отличаясь хорошим здоровьем, не мог работать и тем более зарабатывать. Хотя и имел весьма крупное дарование в своей профессии.

Но жил он удивительно худо, бедно и то есть никак не имел возможности наладить свою препечальную жизнь.

А в довершение всего на его плечах находилась еще его супруга, по имени Матрена Васильевна, тоже Бутылкина, на которой он имел несчастье жениться до революции, не понимая еще, что значит такое подруга жизни.

Это была чересчур невозможно крикливая баба, любительница ничего не делать.

Она ничего не работала, разве только что готовила обед и грела иногда на примусе воду. И она не была помощницей своему тщедушному супругу, который по состоянию своего здоровья не мог много зарабатывать.

В довершение всего она же его и пилила, и ругала, и своими ежедневными грубыми возгласами, криками и скандалами выворачивала наизнанку слабую и поэтическую душу нашего художника и живописца. Она требовала, чтоб он больше зарабатывал. Она хотела ходить в кино и кушать разные фрикасе и прочее.

Он, конечно, старался, но из этого мало чего выходило. Ну и она, конечно, его ругала.

Одним словом, он всецело находился у нее под башмаком.

Тем не менее она прожила с ним восемнадцать лет Правда, они другой раз между собой ссорились и дрались, но так чтобы слишком больших скандалов или убийств этого у них не было.

Она на это не шла, поскольку понимала, что супруг к ней все-таки бережно относится. А если его не будет или с ним разойтись, то еще неизвестно, как обернется. Другой, может, такой арап попадется, что сам ничего делать не будет, а ее, вечную страдалицу, заставит работать круглые сутки.

А она, родившись задолго до революции, понимала свою женскую долю как такое, что ли, беспечальное существование, при котором один супруг работает, а другой апельсины кушает и в театр ходит.

И вот, представьте себе, однажды Иван Саввич Бутылкин неожиданно вдруг захворал.

А перед тем как ему захворать, он ослаб вдруг до невозможности. И не то чтоб он ногой не мог двинуть, ногой он мог двинуть, а он ослаб, как бы сказать, душевно. Он

затосковал, что ли, по другой жизни. Ему стали разные кораблики сниться, цветочки, дворцы какие-то. И сам стал тихий, мечтательный. И все обижался, что неспокойно у них в квартире. Зачем, дескать, соседи на балалайке стрекочут. И зачем ногами шаркают.

Он все хотел тишины. Ну, прямо-таки собрался человек помереть. И даже его на рыбное блюдо потянуло. Он все солененького стал просить — селедку.

Так вот, во вторник он заболел, а в среду Матрена на него насела.

— Ах, скажите, пожалуйста, зачем, говорит, ты лег? Может, ты нарочно привередничаешь. Может, ты работу не хочешь исполнять. И не хочешь зарабатывать.

Она пилит, а он молчит.

«Пущай, думает, языком треплет. Мне теперича решительно все равно. Чувствую, что помру скоро».

А сам горит весь, ночью по постели мечется, бредит. А днем лежит ослабший, как сукин сын, и ноги врозь. И все мечтает.

— Мне бы, говорит, перед смертью на лоно природы поехать, посмотреть, какое это оно. Никогда ничего подобного в своей жизни не видел.

И вот осталось, может, ему мечтать два дня, как произошло такое обстоятельство.

Подходит к его кровати Матрена Васильевна и ехидным голосом так ему говорит:

— Ах, помираешь? — говорит.

Иван Саввич говорит:

— Да уж, извиняюсь... Помираю... И вы перестаньте меня задерживать. Я теперича вышел из вашей власти.

— Ну, это посмотрим,— говорит ему Мотя,— я тебе, подлецу, не верю. Я, говорит, позову сейчас медика. Пущай медик тебя, дурака, посмотрит. Тогда, говорит, и решим — помирать тебе или как. А пока ты с моей власти не вышел. Ты у меня лучше про это не мечтай.

И вот зовет она районного медика из коммунальной лечебницы. Районный медик Иван Саввича осмотрел и говорит Моте:

— У него или тиф, или воспаление легких. И он у вас очень плох. Он не иначе как помрет в аккурат вскоре после моего ухода.

Вот такие слова говорит районный медик и уходит.

И вот подходит тогда Матрена к Ивану Саввичу.

— Значит, говорит, взаправду помираешь? А я, говорит, между прочим, не дам тебе помереть. Ты, говорит,

бродяга, лег и думаешь, что теперь тебе все возможно. Врешь. Не дам я тебе, подлецу, помереть.

Иван Саввич говорит:

— Это странные ваши слова. Мне даже медик дал разрешение. И вы не можете мне препятствовать в этом деле. Отвяжитесь от меня...

Матрена говорит:

— Мне на медика наплевать. А я тебе, негодяю, помереть не дам. Ишь ты какой богатый сукин сын нашелся — помирать решил. Да откуда у тебя, у подлеца, деньги, чтоб помереть! Нынче, для примеру, обмыть покойника — и то денег стоит.

Тут добродушная соседка, бабка Анисья, вперед выступает.

— Я, говорит, его обмою. Я, говорит, Иван Саввич, тебя обмою. Ты не сомневайся. И денег я с тебя за это не возьму. Это, говорит, вполне божеское дело — обмыть покойника.

Матрена говорит:

— Ах, она обмоет! Скажите пожалуйста. А гроб! А, например, тележка! А попу! Что, я для этой цели свой гардероб буду продавать? Тьфу на всех! Не дам ему помереть. Пущай заработает немного денег и тогда пущай хоть два раза помирает.

— Как же так, Мотя? — говорит Иван Саввич.— Очень странные слова.

— А так,— говорит Матрена,— не дам и не дам. Вот увидишь. Заработай прежде. Да мне вперед на два месяца оставь — вот тогда и помирай.

— Может, попросить у кого? — говорит Иван Саввич.

Матрена отвечает:

— Я этого не касаюсь. Как хочешь. Только знай — я тебе, дураку, помереть не дам.

И вот до вечера Иван Саввич лежал, словно померший, дыхание у него прерывалось, а вечером он стал одеваться. Он поднялся с койки, покряхтел и вышел на улицу.

Он вышел во двор. И там, во дворе, встречает дворника Игната.

Дворник говорит:

— Иван Саввичу с поправлением здоровья.

Иван Саввич говорит ему:

— Вот, Игнат, положеньице. Баба помереть мне не дает. Требует, понимаешь, чтоб я ей денег оставил на два месяца. Где бы мне денег-то раздобыть?

Игнат говорит:

— Копеек двадцать я тебе могу дать, а остальные валяй попроси у кого-нибудь.

Иван Саввич двугривенного, конечно, не взял, а пошел на улицу и от полного утомления присел на тумбу.

Вот он присел на тумбу и вдруг видит — какой-то прохожий кидает ему монету на колени. Он как бы подает, увидев перед собой больного и чересчур ослабевшего человека.

Тут Иван Саввич слегка оживился.

«Ежели, думает, так обернулось, то надо посидеть. Может, набросают. Дай, думает, сниму шапку».

И вот, знаете, в короткое время действительно прохожие накидали ему порядочно.

К ночи Иван Саввич вернулся домой. Пришел он распаренный и в снегу. Пришел и лег на койку.

А в руках у него были деньги.

Хотела Мотя подсчитать — не дал.

— Не тронь, говорит, погаными руками. Мало еще.

На другой день Иван Саввич опять встал. Опять кряхтел, оделся и, распялив руки, вышел на улицу.

К ночи вернулся, и опять с деньгами. Подсчитал выручку и лег.

На третий день тоже. А там и пошло, и пошло — встал человек на ноги. И после, конечно, бросил собирать на улице. Тем более что, поправившись, он уже не имел такого печального вида и прохожие сами перестали ему давать.

А когда перестали давать, он снова приступил к своей профессии.

Так он и не помер. Так Матрена и не дала ему помереть.

Вот что сделала Матрена с Иван Саввичем.

Конечно, какой-нибудь районный лейб-медик, прочитав этот рассказ, усмехнется. Скажет, что науке не известны такие факты и что Матрена ни при чем тут. Но, может, науке и точно не известны такие факты, однако Иван Саввич и посейчас жив. И даже на днях он закончил какую-то художественную вывеску для мясной торговли.

А впрочем, случай этот можно объяснить и медицински, научно. Может, Иван Саввич, выйдя на улицу, слишком распарился от волнения, перепрел, и с потом вышла у него болезнь наружу.

Впрочем, неизвестно.

В общем, жадная бабенка, любительница денег, сохранила благодаря своей жадности драгоценную жизнь своему супругу. Что является, конечно, весьма редким случаем. А чаще всего бывает наоборот. Чаще всего бывает так, что

благодаря такой жадности человек теряет даже и то, что имеет.

И вот вам об этом рассказ.

Вот интересная новелла про одну жадную молочницу, пожелавшую увеличить свои доходы.

РАССКАЗ ПРО ОДНУ КОРЫСТНУЮ МОЛОЧНИЦУ

Одна симферопольская жительница, зубной врач О., вдова по происхождению, решила выйти замуж.

Ну а замуж в настоящее время выйти не так просто! Тем более, если дама интеллигентная и ей охота видеть вокруг себя тоже интеллигентного, созвучного с ней субъекта!

В нашей, так сказать, пролетарской стране вопрос об интеллигентах — вопрос довольно острый. Проблема кадров еще не разрешена окончательно, а тут, я извиняюсь,— женихи. Ясное дело, что интеллигентных женихов нынче немного. То есть есть, конечно, но все они какие-то такие: или уже женатые, или уже имеют две-три семьи, или вообще хворают, что, конечно, тоже не сахар в супружеской жизни.

И вот при такой ситуации живет в Симферополе вдова, которая в прошлом году потеряла мужа. Он у ней умер от туберкулеза.

Вот, значит, помер у ней муж. Она сначала, наверное, легко отнеслась к этому событию. «А-а, думает, ерунда!..» А потом видит — нет, далеко не ерунда!.. Женихи по свету не бегают пачками. И, конечно, загоревала.

И вот, значит, горюет она около года и рассказывает о своем горе молочнице. К ней ходила молочница, молоко приносила. Поскольку муж у ней помер от туберкулеза, так вот она начала заботиться о себе, усиленно питалась. Она пила молоко по два литра в день. И от этого питания она прямо распухла и имела здоровье очень выдающееся. И, наверно, оттого к ней стали заходить в голову разные легкие, воздушные мысли о супружестве.

И вот, значит, она пьет молоко около года, все больше поправляется и, между прочим, имеет дамский обывательский разговор со своей молочницей.

Неизвестно, с чего у них началось. Наверно, она пришла на кухню и разговорилась. Вот, мол, продукты дорожают. Молоко, дескать, жидковатое, и вообще женихов нету. Молочница говорит:

— Да, мол, безусловно, чего-чего, а этого мало!

Зубной врач говорит·

— Зарабатываю подходяще. Все у меня есть — квартира, обстановка, деньжата! И сама, говорит, я не такое уж мурло. А вот подите же, вторично замуж выйти буквально не в состоянии. Прямо хоть в газете печатай!

Молочница говорит:

— Ну, говорит, газета — это не разговор. А чего-нибудь такое надо, конечно, придумать.

Зубной врач отвечает:

— В крайнем случае я бы, говорит, и денег не пожалела. Дала бы денег той, которая меня познакомит в смысле брака.

Молочница спрашивает:

— А много ли вы дадите?

— Да,— говорит врачиха,— смотря какой человек отыщется. Если, конечно, он интеллигент и женится, то, говорит, червонца три я бы дала не моргнув глазом.

Молочница говорит:

— Три, говорит, это мало. Давайте пять червонцев, тогда я вам подыму это дело. У меня, говорит, есть на примете подходящий человек.

— Да, может, он не интеллигент,— говорит врачиха,— может, он крючник? За что я буду давать пять червонцев?

— Нет, говорит, зачем крючник. Он очень интеллигентный. Он — монтер.

Врачиха говорит:

— Тогда вы меня познакомьте. Вот вам пока червонец за труды.

И вот на этом они расстаются.

А, надо сказать, у молочницы ничего такого не было на примете, кроме собственного ее супруга.

Но крупная сумма ее взволновала, и она начала прикидывать в своем мозгу, как и чего и как бы ей попроще выбить деньги из рук этой врачихи.

И вот приходит она домой и говорит своему супругу:

— Вот, мол, Николаша, чего получается. Можно, говорит, рублей пятьдесят схватить так себе, здорово живешь, без особых хлопот и волнений.

И, значит, рассказывает ему всю суть дела. Мол, чего, если она нарочно познакомит его с этой разбогатевшей врачихой, а та сдуру возьмет да и отсыплет ей пять червонцев.

— И, говорит, в крайнем случае, если она будет настаивать, можно записаться. В настоящее время это не составит

труда. Сегодня ты распишешься, а завтра или там после завтра — обратный ход!

А муж этой молочницы, этакий довольно красивый мужчина, с усиками, так ей говорит:

— Очень отлично. Пожалуйста! Я, говорит, всегда определенно рад пятьдесят рублей взять за ни за что. Другие ради такой суммы месяц работают, а тут такие пустяки — записаться!

И вот, значит, через пару дней молочница знакомит своего мужа с зубным врачом.

Зубной врач сердечно радуется и без лишних слов и причитаний уплачивает молочнице деньги.

Теперь складывается такая ситуация.

Муж молочницы, этот известный трепач с усиками, срочно записывается с врачихой, переходит временно на ее апартаменты и пока что живет там.

Так он живет пять дней, потом неделю, потом десять дней.

Тогда приходит молочница.

— Так что, говорит, в чем же дело?

Монтер говорит:

— Да нет, я раздумал вернуться! Я, говорит, с этим врачом жить останусь. Мне тут как-то интересней получается.

Тут, правда, он схлопотал по морде за такое свое безобразное поведение, но мнения своего не изменил. Так и остался жить у врачихи. А врачиха, узнав про все, очень хохотала и сказала, что поскольку нет насилия, а есть свободный выбор, то инцидент исчерпан.

Правда, молочница еще пару раз заходила на квартиру и дико скандалила, требуя возврата своего супруга, однако ни черта хорошего не вышло. Больше того — ей отказали от места, не велели больше носить молока во избежание дальнейших скандалов и драм.

Так за пять червонцев скупая и корыстная молочница потеряла своего красивого, интеллигентного супруга.

И мы вообще очень рады и довольны, что именно так произошло.

Теперь эта дура может на досуге и в полном одиночестве подумать, какую ошибку она совершила.

Однако бывает, что люди и не совершают подобных ошибок и вообще не слишком уж загораются при виде денег, тем не менее, когда им деньги случайно попадаются в лапы, они имеют душевные волнения и сильные переживания не в меньшей степени, чем эта дура-баба молочница.

Вот об одном таком человеке, которому попались в руки деньги, мы и хотим вам рассказать. И вы сейчас увидите, как влияют деньги на симпатичного человека.

ТРАГИКОМИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ПРО ЧЕЛОВЕКА, ВЫИГРАВШЕГО ДЕНЬГИ

Конечно, таких рассказов, в которых человек выиграл, скажем, сто тысяч и с ним после этого чего-то такое случилось и стряслось, таких рассказов в литературе существует, конечно, до черта.

Но то, чего мы хотим рассказать, по своей комичности положений превосходит все, до сих пор написанное в этой области.

Отметим к тому же, что все это голая правда.

Вот представьте себе утро. Туманный Ленинград. Надо сейчас идти трудящимся на работу. Вот сейчас они попьют чайку и пойдут гордой вереницей.

Но что случилось? Чей-то крик, я извиняюсь, раздается.

Это в нашей коммунальной квартире раздаются крик, топот, треск и разные возгласы.

Жильцы сбегаются на это место и видят вот что.

Рабочий Борька Фомин в розовых подштанниках шляется по своей комнате. Челюсти у него трясутся. И лицо белое, как глина. В одной руке у него газета. В другой — почтовая открытка. В третьей руке его супруга держит талон, и так она восклицает:

— Ах, уйдите все из комнаты. Еще ничего не известно. А я лично не могу поверить, что мы с Борей пять тысяч выиграли.

Борька Фомин, у которого от волнения с носа капля падает, говорит:

— Получаю открытку со сберкассы. Что такое? Пардон! Выиграл деньги...

Жена говорит:

— Вся моя жизнь проходит в сумерках. Что-нибудь удивительное случилось — этого не бывает. Если же Борька выиграл такие деньги, то я, говорит, непременно знаю, что произойдет какое-нибудь такое, благодаря чему я скорей всего не увижу этих денег.

Один жилец говорит:

— Часто бывает, они печатают, недосмотревши цифры. Или нолики у них заскакивают и не там расположены. Трудящиеся ахают, а после, конечно, не то выигрывают...

Тут приносят семь газет из разных комнат.

Все глядят и проверяют и видят — нету сомненья, Борька Фомин, этот, не представляющий из себя ничего особенного, выиграл пять тысяч, и не известно никому, чего он сейчас будет делать с этими деньгами.

Борькин племянник, живущий тут же молодой мальчишка лет семнадцати, Вовка Чучелов, сдающий экзамен на звание шофера и не привыкший еще давить людей, говорит Борису Андреевичу:

— Чем, дядя, понапрасну слова кричать — побегите в сберкассу. Если вам дадут эти деньги — значит, вы действительно выиграли.

Тут все начинают кричать на Бориса Андреевича и велят ему побежать в кассу.

Его жена по своей женской недоверчивости при этом так восклицает:

— Сейчас он у меня, подлец, под трамвай ссыплется или его автобус зацепит. Этого не бывает, чтоб я свободно по пять тысяч выигрывала.

Вот Борис моментально одевается, бежит и вскоре возвращается обратно — белый, как глина.

Он говорит всем присутствующим ослабевшим голосом человека, только что летавшего в стратосферу.

Он говорит:

— Да, я выиграл пять тысяч. Они мне велели послезавтра прийти за деньгами. Они говорят: «Это в нашем районе бывает раз в сто лет».

Тут все поздравляют Бориса Андреевича и велят ему полежать на кушетке, чтоб не сорвать ход организма до получения денег.

Жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Я хочу строго подумать, чего может случиться, благодаря чему мы не получим этих денег.

Вот проходит целый день, и утром снова раздаются крик, топот и грубые восклицания.

Все жильцы спешат на место происшествия и видят вот что.

Борис Андреевич лежит в розовых подштанниках на кушетке. Челюсти у него трясутся, и капли падают с носа.

Жена говорит:

— Еще хорошо, что его, подлеца, у меня в ряды партии не приняли. Вот бы он мне конфетку подложил.

Жильцы говорят:

— А что такое?

— Да как же, говорит, что! Он, оказывается, у меня две

недели назад, не дождавшись выигрыша, стал, как ребенок, рекомендации себе просить у разных высших лиц. Хорошо — ему не дали. Он хотел, видите ли, записаться. Вот бы пришлось, наверное, я так думаю, половину денег отдать на борьбу с тем и с этим, и в МОПР, и во все места.

Один жилец говорит:

— Отдавать не обязательно, но, конечно, другие по своей охоте оставляют себе рублей шесть на папиросы, а все остальное отдают на строительство.

Жена говорит:

— Хорошо, что дураков в партию не принимают, — вот был бы номер!

Борька кричит:

— Об чем речь, раз этого нету. В жизни все бывает к лучшему.

Жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Я хочу подумать, чего еще может случиться.

На третий день Боря получил деньги сполна. Он со вздохом отдал двадцатку на дирижабль, а остальные принес домой. И заперся в комнате.

На четвертый день утром раздаются крики, воркотня, вопли, топот и грубая брань.

Это Борис Андреевич, поругавшись с женой, разводится с ней и теперь уходит к одной барышне. Такая жила в другом конце коридора — Феничка. Такая белобрысенькая. И, кажется, из чухонок. Но такая удивительно миленькая душечка. Тоненькая, как мечта поэтов.

И он, собрав вещи, как раз переходит к ней и так про жену восклицает:

— Ухожу от нее, поскольку я увидел всю ее мелкобуржуазную сущность. Она меня в такое героическое время подбила взять заявление, и я ей никогда этого не прощу и всякий раз, видя ее, буду непременно страдать и огорчаться. Но я не хочу ее даром бросить. Я ей дам рублей сто денег, и пущай она, дьявол, не вмешивается в мои сердечные дела.

Жена говорит:

— Вот так да! Я же вам говорила.

Тогда племянник Вовка совместно с Борисом Андреевичем моментально переносят вещи к Феничке и там весь вечер празднуют пышный бал.

На шестой день снова в квартире раздаются крики, возгласы и дамские слезы.

Что такое? Пардон. Извиняюсь, что случилось?

Ах, это, знаете, у Бориса Андреевича сперли ночью все деньги.

Рисуется чудовищная картина ужаса и потрясения.

Сам Борис Андреевич лежит на кровати с мордой бледной, как глина. Он шепчет слова удивления и разводит руками, показывает этим силу своего душевного страдания.

Тут же рядом на ковре лежит без памяти Феничка. У нее украли туфельки и пальто.

Тут узнается, что Борькин племянник Чучелов, не сдав еще экзаменов на шофера, исчез неизвестно куда. Рисуется картина подлой кражи со стороны этого бешеного родственника.

Тогда вдруг появляется Феничкин брат или черт его знает кто. Тоже, кажется, из чухонцев. Со значком ГТО.

Он почти ничего не говорит и только ногами выпихивает лишних обитателей из комнаты.

Последним номером он выгоняет Борьку Фомина и бьет его в рыло за исковерканную дамскую жизнь плюс туфельки и пальто.

Борька с криками страдания мечется по коридору с мордой, вспухшей, как пирог.

Тогда его бывшая жена берет его под свое покровительство и разрешает ему снова находиться на ее половине.

Борька ложится на пол в ее комнате и страдает так, что даже пришедший милиционер, привыкший видеть все, чего бывает, не может этого видеть.

Борька говорит жене:

— Ах, я сам не понимаю, как я от вас ушел. Только ваша любовь завсегда скрашивала мои неимоверные страдания. Я, как в бреду, жил три дня с этой белобрысой чухонкой, у которой совершенно поделом сперли плюшевые туфли и пальто и у которой брат я не знаю какой подлец и убийца живых существ. Ах, у меня была морока в голове от этих всех дел. Я вам в присутствии товарища милиционера приношу свои сердечные извинения за все явления.

Милиционер говорит:

— Ах, перестаньте вы канючить. Моя душа буквально разрывается от этих слов. Я прошу вас замолчать и говорить то, что случилось, а не то, что было. Я, говорит, составляю протокол, а не пишу поэмы из жизни оборванцев.

Борька говорит:

— Тогда слушайте. Феничка ночью спала, а я, не помню зачем-то, на минутку пошел в уборную. Наверно,

Вовка Чучелов все это увидел и взял из комнаты эти деньги и эти вещи.

Милиционер записывает это и уходит.

Муж с женой мирятся и живут друг с другом с необыкновенной любовью.

Борька с Феничкой не раскланивается. А она щеголяет в новых туфельках, неизвестно откуда полученных.

Феничкина сестра Сима, с которой Борька разговорился, сказала, что этот белобрысый, набивший ему морду, отнюдь не брат, а любовник. И этим все объясняется.

Страдания Борьки прекращаются. Он ходит на работу и там дает разные смелые обещания.

Жена говорит:

— Ну ладно, что же делать, если тебе нравится, попроси у кого-нибудь рекомендацию. Ты у меня тянешься ко всему, как ребенок.

Вдруг через две недели вызывают Борьку в милицию. И там ему сообщают, что в Гаграх на Кавказе поймали его племянника, Вовку Чучелова. Он истратил четыреста рублей, а остальные деньги Борька может моментально получить обратно.

Борька, с лицом бледным, как глина, возвращается домой. У него в руках деньги. И он садится на кушетку, неохотно смотрит на всех и не совсем понимает, что случилось.

Его жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Еще неизвестно, что будет.

Эта неизвестность продолжается три дня.

После чего Борис Андреевич вдруг моментально с бухты-барахты женится на Феничкиной сестре — Симе.

От счастья он не ходит на работу три дня, и его выгоняют на полгода. Но он на это плюет и не горюет. Он кладет свои деньги на книжку. И эту книжку носит теперь на груди на самом толстом шпагате.

Феничка говорит, что ей все это безразлично. А жена говорит: «Вот так штука!» — и выходит неожиданно замуж за знакомого бывшего поляка, который переезжает на ее площадь, как не имеющий таковой.

Вот теперь интересно, что будет, когда Борис Андреевич поистратится.

Прочитавши этот рассказ, мы можем вместе с вами подивиться удивительным делам. И, подивившись этим делам, давайте с надеждой подумаем о тех прекрасных

днях, в которые деньги не будут иметь такое выдающееся значение.

Мир ахнет и удивится, какая, наверное, будет замечательная жизнь.

А нам, подлецам, воспитанным на дряни и безобразии, даже и не понять, как это будет.

На этом мы хотели закончить наши рассказы о деньгах, с тем чтобы перейти к рассказам о любви. Однако близость этого поэтического отдела «Любовь» позволяет нам рассказать еще одну новеллу, в которой два наших предмета — деньги и любовь — столкнулись между собой.

И вот что получилось.

Это рассказ об одной богатой и состоятельной гражданке, которая за деньги приобрела себе любовь.

Вот как это было.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ ПОД ЛОЗУНГОМ «СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ»

Богатых, собственно, у нас нету. Но зажиточные у нас имеются.

У нас некоторые хорошо получают. Некоторые по займам выигрывают. Некоторые вообще пес их знает откуда берут деньги.

Но что такое богатство — мы мало себе представляем. Мы почти не знаем, что это за состояние, при котором все можно купить, и рушатся все преграды, и нет ничего на свете, чего нельзя пожелать.

Конечно, у нас бывает кое-что вроде этого. Ну, там, кое-какие мелкие остатки прежних состояний. И тогда при этом случаются удивительные дела, от которых мы отвыкли, но на которые нам стоит поглядеть.

Вот, извольте, рассказ о том, как одна любовь была куплена за деньги и что из этого получилось.

А жила в Ленинграде одна вообще дамочка, дочка одного богатого инженера.

Или он не был инженер, а был подрядчик — сейчас это хорошо неизвестно. Только факт, что он строил частные дома и при этом неимоверно разбогател. Ну, может быть, там хапнул или вообще украл, я не знаю.

Вот он чертовски разбогател (а было это в начале нэпа) и, разбогатевши, стал, конечно, приобретать разные ценные вещицы, разные там картины, ковры, лампы, одеяла. При этом у него имелись золотые монеты царской чеканки,

брильянты и вообще чертова уйма всякого добра и костюмов.

Конечно, неизвестно, что случилось бы с ним в наши дни, но он, будучи неглупым человеком, своевременно в двадцать четвертом году умер со спокойной улыбкой на устах — дескать, эх вы, дураки, не знаю, как вы, а я при лично нажил и дочке все передаю.

И сам, как говорится, сыграл в ящик.

А дочка у него была ну вообще малоинтересное суще ство, такая вообще барышня, ни то ни се. Ну вообще ходит, сидит, говорит и кушает, но к поэзии не имеет склонности и на рояле играть не может.

Без своего богатства ей, конечно, ноль цена, но, по скольку у нее было богатство, за ней мужчины сильно волочились и даже три раза подряд женились на ней, но все как-то неудачно. И даже за ней один доктор ухаживал. Но, будучи политически грамотным человеком, он не придал значения ее богатству, понимая, что это есть нечто кратковременное. Он несколько поухаживал за ней и, предвидя неприятности, ушел, как говорится, в кусты.

Но тут она знакомится с одним инженером. Такой интересный красавец, тоняга, одевается. Такой вообще педант и любимец женщин. Душистый платок в кармане, какие-то запонки, еще что-то такое. И при этом имеет имя —Лютик.

Вот этот молодой любимец дам посещает нашу Елену Григорьевну и видит у нее несметное количество ценного барахла. И вот, распалившись на это добро, он кружит дамочке голову и однажды говорит ей, мол, не хотите ли вы быть моей женой.

А эта дура, влюбленная в него как кошка, трясется от радости и говорит: «Ах, я твоя навеки».

Вот он, не будь дурак, женится на ней поскорей, чудно живет, восторгается жизнью, закусывает по пять раз в день и думает: «Вот так устроился!»

Он переезжает в Детское Село, в собственный дом, и вдруг примечает, что дамочка-то ему малоинтересна. Никакой такой любви у него к ней не имеется, и даже ему неохота находиться с ней рядом и дышать тем же воздухом.

«Разводиться, думает, мне с ней в высшей степени глупо, но я, думает, зевать не буду».

И вот он заводит разные флирты и романы и разные любовные похождения. Живет там на полный ход с какой-то невероятной красавицей. При этом с ней кутит и выпивает и бросает к ее ногам разные мелкие ценности.

Домой приезжает, как говорится, еле можаху, но при этом делает вид, будто он чересчур утомился строительством и делами и поэтому не может даже беседовать со своей супругой.

— Я, говорит, извиняюсь, не могу по-прежнему подолгу разговаривать с вами на разные темы и тем более любоваться вами, поскольку от усиленных занятий у меня изменился характер и я потерял некоторую живость своего темперамента.

И при этом он стал при ней притворяться — ходит сгорбившись, охает, харкает лишней слюной и прикрывается двумя одеялами. А у самого морда цветущая и здоровье — лучше не надо.

В довершение всего он подговорил одного знакомого врача, Орлова, чтобы тот нашептал Елене Григорьевне разные устрашающие слова. И дал ему для этого некоторую сумму денег.

Вот врач приезжает, ахает, восклицает и говорит Елене Григорьевне:

— Да! Это да! Охо-хо! Такое молодое, цветущее существо, а здоровье у него в высшей степени поганое. Вы его берегите и не волнуйте. Пущай он лучше всего спит в отдельном кабинете. И ваше дамское дело исполнять все его капризы и требования.

Вот эта дура немыслимо рыдает, ходит на цыпочках и ничем не тревожит своего супруга, которого по-прежнему любит и обожает.

И так проходит год и два. И наконец три. И проходит пять лет, и дело приближается к нашим дням.

И вот наступает 1933 год.

И вот раз однажды приходит до Елены Григорьевны ихний сосед. Такой счетовод Федоров. Такой вообще счетоводишка — дурак, фанфарон и мелкая личность.

Чего-то они разговорились о том о сем (а Лютика не было дома), а Елена Григорьевна говорит:

— Знаете что, мне нынче скучно. Поедемте в ресторан. Я буду платить, а вы не беспокойтесь. Послушаем музыку, скушаем по цыпленку и провернем интересно время.

Этот прохвост, счетоводишка Федоров, говорит:

— Очень рад. С великим удовольствием.

Вот они едут в Ленинград. Заходят в «Асторию». Ковры. Столики. Играет оркестр. Танцуют великолепные пары. А этот болван Федоров одет, наверное, в свой серый пиджачок, небритая морда, галстук, наверное, свернулся на сторону. Ай-яяй!

Вот они садятся за столик, заказывают себе цыплят и так далее. И вдруг Елена Григорьевна видит — что такое — фантасмагория! Она видит: ее супруг, Лютик, танцует шимми с какой-то дамой.

Ах, она ничего не сказала и не вздрогнула. Она только встала из-за столика и пошла к выходу, будто с ней приключилось нехорошо и ей надо пойти в уборную.

А ее счетоводишка Федоров, видя, что сумочка с деньгами на столе, не стал тревожиться. Она, думает, навряд ли сбежала. А в крайнем случае я два цыпленка съем.

Вот Елена Григорьевна летит моментально домой. И по дороге ей полностью раскрывается вся чудовищная картина. Ей сразу стало все ясно и какой обман она имела в течение семи лет.

Она летит домой. Сразу роется в его письменном столе. Вытаскивает разные письма и записочки и читает это все побелевшими губами. И видит — да, обман налицо, и он не поддается описанию.

Она находит разные дамские письма. Она читает в них поэтические слова о том о сем: «Уважаемый Лютик...», «Ты — мой бог...», «Целую вас...», «Ах, ах...». И все такое.

Она восклицает: «Ах!», падает ненадолго в обморок, но потом берет себя в руки и говорит себе: «Я, кажется, полюбила подлеца».

Нет, она ничего не говорит ему, когда он на другой день приезжает. Она только нервно ходит по саду, нетерпеливо рвет листочки с деревьев и шепчет: «Вот так да!»

А этот подлец Лютик, не привыкши видеть ее такой, приходит от того зрелища в содрогание и говорит себе:

«Это, кажется, я перехватил через край. Семь лет я обманываю эту дуру и даже не живу с ней. А в силу ее любви ко мне, я, кажется, закрываю ей доступ к интересам жизни».

И тогда он, у которого нежные побеги совести еще не совсем завяли, приходит в сад, садится с ней рядом на скамеечку и так говорит ей:

— Сердечный привет, Елена Григорьевна. Я хочу вам нынче рассказать кое о чем. Вот, знаете, какое дело...

И начинает ей рассказывать, как это было.

— Да, говорит, я не жил с вами семь лет в силу обмана. Но я не желаю больше заедать вашу жизнь. Каждое живое существо имеет право на чью-либо любовь и ласку, и вы используйте этот закон природы.

Она говорит:

— Это хорошо, что вы мне сказали. И, поверьте, мне

очень дороги нежные побеги вашей совести. Но я, говорит, и без того все это знала.

Он сильно удивляется, а она продолжает:

— Что же касается ваших слов насчет любви и ласки, то я, говорит, не такая уж дура, как вы думаете. Любовь и ласка у меня бывали, и вы напрасно меня жалеете и считаете за придурковатую, думая, что я только на вас и глядела.

Тогда он в страшном гневе встает со скамейки и говорит:

— Как понимать ваше выражение? Значит, вы цацкались с другими и имели, кажется, любовников, или, говорит, я чего-то не понимаю. Ответьте мне их имена, или я сам за себя не отвечаю.

Она называет ему семь различных имен, и в числе их упоминает фамилию Федоров и фамилию Орлов.

От этих двух фамилий Лютик приходит в содрогание и падает на скамейку.

Он говорит:

— Тогда я дурак, что вам рассказал. Вы, говорит, есть проявление всей человеческой подлости. И мое презрение к вам не дозволяет мне находиться с вами рядом. Я, говорит, от вас уезжаю. До свиданья.

Он думал, что она будет его умолять, но она, почувствовав силу своего богатства, говорит:

— Очень великолепно. А то я сама хотела вам это предложить.

Он плюет на цветы, на клумбу, на скамейку и, взбешенный, собрав свои чемоданы, моментально уезжает в Ленинград.

А она смеется и говорит:

— Валяй, валяй, я, говорит, за свои деньги почище тебя видела.

Вот он уезжает к своей невероятной красавице, которая, видя, что он приехал налегке и не может теперь иметь такой комфорт жизни, вскоре расстается с ним.

А он тогда женится на одной зажиточной певичке, которая выступает на концертах по пять раз в день и имеет право на хорошую жизнь.

Что касается Елены Григорьевны, то она вскоре выходит замуж за этого дурака Федорова.

А тот, по странному совпадению, прожив с ней полгода и не зная подробностей о предыдущем муже, стал тоже чего-то жаловаться на свое здоровье, но Елена Григорьевна, засмеявшись, сказала:

— Ну что ж, если так, тогда давайте расстанемся.

На что тот, почти моментально поправившись, стал повсюду бывать с ней, и жизнь их потекла по установленным правилам.

Они часто выезжают в ресторан. Она, уставшая от житейских бурь, слегка постарела и, сидя за столиком, презрительно поглядывала на мужчин. А болван Федоров, кушая цыплят и утей, в свою очередь с тоской поглядывал на молоденьких баб, которые там и сям расположены в ресторане.

Неимоверные траты денег заставили Елену Григорьевну сильно раскошелиться. Она беззастенчиво стала продавать золотые монеты царской чеканки. И вскоре на этом засыпалась.

Ей пришили дело, и недавно выслали ее на жительство в город Арзамас.

А подлец Федоров от этих дел отбоярился. Он сказал:

— Я не я, и супруга не моя, и насчет денег я понятия не имел — я любил ее бескорыстно.

Тем не менее, снедаемый такой любовью, он за ней в Арзамас не поехал.

Так пожелаем же ей счастливого пути и спокойной жизни в Арзамасе, где она, наверное, будет конторщицей и где она получит те чувства, которые она заслуживает без своего крупного богатства.

Счастливый путь!

На этом мы закончим наши рассказы о деньгах.

И, прочитавши еще небольшое нижеследующее послесловие, которое, так сказать, вроде как бантиком завяжет наш отдел, мы с великими надеждами перейдем ко второму отделу, который у нас носит заманчивое и на первый взгляд игривое название «Любовь».

Итак, извольте небольшое, вроде болтовни, послесловьице к первому отделу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, с вашего разрешения, мы заканчиваем, уважаемые товарищи, наш отдел «Деньги».

И вот, что же мы видим, прочитавши все это с добросовестным вниманием? Что же мы видим, прочитавши интересные новеллы из истории и смешные рассказы из нашей жизни?

А мы видим, что деньги, как это ни удивительно, приносят людям большие огорчения. Но как это бывает — мы не беремся утверждать. Быть может, это происходит от злосчастного свойства денег, а быть может, и наоборот — от горестных сторон наших, в сущности неважных характеров. Но, быть может, одно влияет на другое и как-нибудь такое взаимно действует.

И если, предположим, изменить одно, то, наверно, изменится другое. А которые думают, что можно второе изменить, а первое пущай остается в прежней силе, в прежнем блеске и почете, — те, я так думаю, прежестоко ошибаются.

В общем, наше дело сказать, а вы там как хотите.

Итак, на этом, проливши несколько капель слез и погоревав о падении и гибели многих хороших людей, мы закрываем наш отдел, озаренный несчастьем, и со своей романтической душой вступаем с пылкой надеждой в новый, радостный отдел — «Любовь».

И мы уже слышим шепот, и робкое дыхание, и трели на гитаре, и кой-какие стишки. И дамские крики. Выстрел. И рев младенца. И, пардон, кажется, снова звон денег.

Читатель, пригладь свои волосы и завяжи потуже галстук. Мы сейчас пойдем с тобой по той аллее, которая требует некоторой, что ли, выправки, красоты разных линий, очертаний и внешних форм. Туда, я извиняюсь, нельзя прийти на косолапых ногах и с небритой мордой.

Итак, пригладьте свою прическу — мы пойдем по аллее, освещенной трепетной луной. Высокие липы, представьте себе. Скамейка под деревом. Пруд. Как сказал поэт,

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде...

Ах, вот где, наверно, мы увидим радость и восторги, которых люди вполне заслуживают. Вот где, наверно, мы увидим счастье, которое нам искупит огорчения прежних страниц.

Читательница, ваше милое присутствие здесь крайне необходимо. Дайте вашу нежную ручку, положите ее нам на грудь, успокойте наше сердцебиение, которое происходит от предчувствия всего хорошего.

Итак, мы начинаем новый отдел — «Любовь».

ЛЮБОВЬ

1. Вот когда госпожа смерть подойдет неслышными стопами к нашему изголовью и, сказав «ага», начнет отнимать драгоценную и до сих пор милую жизнь, — мы, вероятно, наибольше всего пожалеем об одном чувстве, которое нам при этом придется потерять.

2. Из всех дивних явлений и чувств, рассыпанных щедрой рукой природы, нам, наверное, я так думаю, наижальче всего будет расстаться с любовью.

И, говоря языком поэтических сравнений, расставаясь с этим миром, наша вынутая душа забьется и застонет, и запросится назад, и станет унижаться, говоря, что она еще не все видела из того, что можно увидеть, и что ей хотелось бы чего-нибудь еще из этого посмотреть.

Но это вздор. Она все видела. И это есть пустые отговорки, рисующие скорей величие наших чувств и стремлений, чем что-либо иное.

3. Конечно, есть и помимо того разные исключительные и достойные случаи и чувства, о которых мы тоже, наверно, горько вздохнем при расставании.

Нам, без сомнения, жалко будет не слышать музыки духовых и симфонических оркестров, не плавать, например, по морю на пароходе и не собирать в лесу душистых ландышей. Нам препечально будет бросить нашу славную работу и не лежать на берегу моря с целью отдохнуть.

Да, это все славные вещи, и обо всем этом мы тоже, конечно, пожалеем при расставании. И, может быть, даже всплакнем. Но вот о любви будут пролиты особые и горчайшие слезы. И когда мы попрощаемся с этим чувством, перед нами, наверно, весь мир померкнет в своем величии, и он покажется нам пустым, холодным и малоинтересным.

Как у одного поэта сказано,

Любовь украшает жизнь,
Любовь — очарование природы...
Существует внутреннее убеждение,
Что все, сменяющее любовь, ничто.

Вот видите, французский поэт Мюссе сказал, что все ничтожно в сравнении с этим чувством. Но он, конечно, отчасти ошибался. Он, конечно, слегка перехватил через край.

4. Тем более нельзя забывать, что эти строчки сказал француз. То есть человек от природы крайне чувственный и, простите, вероятно, бабник, который от чрезмерно волновавших его чувств действительно может брякнуть бог знает что из этой области.

Они, французы, там у себя, в Париже, сколько нам говорили, выйдут вечерком на бульвар и, кроме разных красоточек, которых они величают «курочками», спервоначалу решительно ничего другого не видят. Вот какие они любители женской красоты и грации!

Так что у нас есть основания слегка погасить удивительную пылкость этих поэтических строк.

5. Но вот взгляните на русского поэта. Вот и русский поэт не отстает от пылкого галльского ума. И даже больше. Не только о любви, а даже о влюбленности вот какие мы находим у него удивительные строчки:

О влюбленность, ты строже судьбы,
Повелительней древних законов отцов...
Слаще звуков военной трубы.

Из чего можно заключить, что наш прославленный поэт считал это чувство за нечто высшее на земле, за нечто такое, с чем не могут даже равняться ни строгости уголовных законов, ни приказания отца или там матери. Ничего, одним словом, он говорит, не действовало на него в сравнении с этим чувством. Поэт даже что-то такое намекает тут насчет призыва на военную службу — что это тоже ему было как будто бы нипочем. Вообще что-то тут поэт, видимо, затаил в своем уме. Аллегорически выразился насчет военной трубы и сразу затемнил. Наверно, он в свое время словчился-таки от военной службы. Оттого, может, и пустился на аллегорию

В этом смысле гораздо легче иметь дело с прозой.

В прозе не может быть таких туманностей. Там все ясно. А впрочем, и поэзию, как видите, можно разъяснить.

6. У другого русского поэта мы тоже находим не менее сильные строчки.

У этого поэта, надо сказать, однажды сгорел дом, в котором он родился и где он провел лучшие дни своего детства. И вот любопытно посмотреть, на чем этот поэт утешился после пожара.

Он так об этом рассказывает. Он описывает это в стихотворении. Вот как он пишет:

Казалось, все радости детства
Сгорели в погибшем дому,
И мне умереть захотелось,
И я наклонился к воде,
Но женщина в лодке скользнула
Вторым отраженьем луны,
И если она пожелает,
И если позволит луна,
Я дом себе новый построю
В неведомом сердце ее.

И так далее, что-то в этом роде.

7. То есть, другими словами, делая вольный перевод с гордой поэзии на демократическую прозу, можно отчасти понять, что поэт, обезумев от горя, хотел было кинуться в воду, но в этот самый критический момент он вдруг увидел катающуюся в лодке хорошенькую женщину. И вот он неожиданно влюбился в нее с первого взгляда, и эта любовь заслонила, так сказать, все его неимоверные страдания и даже временно отвлекла его от забот по приисканию себе новой квартиры. Тем более что поэт, судя по стихотворению, по-видимому, попросту хочет как будто бы переехать к этой даме. Или он хочет какую-то пристройку сделать в ее доме, если она, как он туманно говорит, пожелает и если позволит луна и домоуправление.

Ну, насчет луны — поэт приплел ее, чтоб усилить, что ли, поэтическое впечатление. Луна-то, можно сказать, мало при чем. А что касается домоуправления, то оно, конечно, может не позволить, даже если сама дама в лодке и пожелает этого, поскольку эти влюбленные не зарегистрированы и вообще, может быть, тут какая-нибудь недопустимая комбинация.

8. То есть я не знаю, может, наш грубый солдатский ум, обстрелянный тяжелой артиллерией на двух войнах, не

совсем так понимает тончайшие и нежнейшие поэтические сплетения строчек и чувств. Но мы осмеливаемся приблизительно так думать благодаря некоторому знанию жизни и пониманию насущных потребностей людей, жизнь которых не все время идет по руслу цветистой поэзии.

Короче говоря, поэт и тут говорит о любви как о наивысшем чувстве, которое, при некоторой доле легкомыслия, способно заменить человеку самые насущные вещи, вплоть даже до квартирных дел. Каковое последнее утверждение всецело оставляем на совести поэта.

Но это, конечно, не есть мнение только трех пылких поэтов.

И все остальные тоже, бряцая, как говорится, даже на самых дребезжащих лирах, напевали любовные слова, еще более даже поразительные и беззастенчивые, чем эти.

9. Что-то там такое вспоминается из Апухтина:

Сердце воскреснуло, снова любя,
Трам-та-ра-рам, там-там...
Все, что в душе дорогого, святого...
Трам-та-ра-рам...

Причем это написал далеко не мальчик лет восемнадцати. А это написал солидный дядя лет сорока восьми, очень невероятно толстый и несчастный в своей личной жизни. Тем не менее он тоже, как видите, считает, что все мертво и безжизненно, пока в его сердце не возникла любовь.

Вот еще вспоминаются какие-то бешеные строчки:

Что такое любовь? О любовь! О любовь!
Это солнце в крови, это в пламени кровь...

Что-то такое, черт побери... да...

Это райская сень, обретенная вновь.
Смерть над миром царит, а над смертью — любовь.

10. Тут даже французская поэзия, пожалуй, маленько отстает — у них, можно сказать, нету такого бешеного натиска, как, например, в этих строчках. А это писала русская поэтесса. Она проживала в начале нашего столетия и была, говорят, довольно интересная. Во всяком случае, с большим поэтическим темпераментом. Вообще дамочка, видать, прямо дрожала, когда сочиняла это стихотворение. Факт, можно сказать, больше, конечно, биографический, чем пример поэзии... Бедняге мужу, наверно, сильно доставалось... Наверно, капризная. Дурака валяет. Целый день, наверно, в постели валяется с немытой мордой. И все время

свои стишки вслух читает. А муж-дурак сидит: «Ох, восклицает, это изумительно, пупочка, гениально!» А она говорит: «Правда?»...

Дураки! А потом взяли и оба умерли. Она, кажется, от туберкулеза, а он тоже, наверно, чем-нибудь заразился.

11. Тут, без сомнения, многие скептики, ученые и педанты, у которых сердца обледенели в одиноких скитаниях по полярным странам науки, прочтя эти стихотворные строчки, пожмут, пожалуй, плечами и скажут: дескать, это какое-то неумеренное мнение каких-то слишком пылких сердец, развязных душ и развращенного мировоззрения.

И они удивятся, что об этом чувстве существует такое мнение, и такие стихи, и такие слова, каких они вовсе не знали, и даже не допускали мысли, что об этом что-либо подобное когда-либо произносилось.

И, может, и правда, удивительно, что это так и что у нас бывает такая поэзия, но вот нам в руки недавно попалась одна прозаическая книжка. Автор ее — певец, Федор Иванович Шаляпин.

Так он в этой книжке с полной откровенностью признается, что все, что он делал в своей жизни, он делал главным образом для любви и для женщины. Вот какие бывают мнения о любви поэтически настроенных людей.

12. А что касается до людей трезвых и рассудительных, что касается философов и разных там мыслителей, умы которых пролили много света на самые таинственные и сложные явления жизни, что касается до этих людей, то они, в общем счете, мало чего говорили об этом чувстве, но иногда, конечно, считались с ним, подсмеивались и даже произносили в другой раз кой-какие афоризмы своей житейской мудрости.

Из более меланхоличных изречений мы можем, если хотите, привести вам слова Шопенгауэра, одного из самых мрачных философов, каких только знал мир.

Этот мрачный философ, жена которого, несомненно, изменяла ему на каждом шагу, произнес такие слова о любви:

«Любовь — это слепая воля к жизни. Она заманивает человека призраками индивидуального счастья и делает его орудием для своих целей».

13. Из более дурацких старинных изречений можем привести следующее:

«Любовь есть как бы сочетание небесных звуков».

Из более поэтических:

«Никогда нельзя ударить женщину, даже цветком».

Из более трезвых, но с уклоном в идеализм:

«Любовь возникает от таких преимуществ, которые любящий ценит тем более, чем менее он сам ими владеет».

Небезызвестный философ Платон даже предложил такую теорему:

«Сущность любви заключается в полярном различии возможно больших противоположностей» [1].

Из более правильных изречений мы можем привести слова нашего пресветлого поэта и философа Пушкина:

Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю павшее зерно
Весны огнем оживлено.
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь,
Душа ждала кого-нибудь.

14. Но это, так сказать, философия и механика любви.

А что касается до более точных исследований в этой области, то мы мало чего знаем об этом. И, может быть, даже и не надо об этом знать. И даже скорей всего, что ничего не надо знать. Поскольку сознание портит и помрачает почти все, до чего оно дотрагивается.

Как у Достоевского очень правильно сказано: «Слишком много сознания и даже всякое сознание — болезнь». А у другого поэта сказано: «Горе от ума». И мы полагаем, что эта фраза сказана далеко не случайно. Вообще как возникает любовь — от психических ли представлений или скорей всего существует какая-нибудь точная формула из неизведанной области электричества, — мы не знаем и решительно не хотим знать.

Итак, сознавая, что мы мало чего знаем о любви, но вместе с тем признавая за этим нежным чувством нечто немаловажное и даже грандиозное, мы с особым трепетом

[1] Любопытно, что Платон в дальнейшем отказался от этого взгляда. В своей знаменитой книге «Идеальное государство» Платон приводит следующие положения: «Женщина должна «рожать государству» в возрасте от двадцати до сорока лет. Мужчина может «творить государству» от тридцати до пятидесяти пяти лет. Сильнейшие должны сожительствовать с сильнейшими. Слабейшие со слабейшими. Детей от первых — воспитывать, от вторых — бросать». Если б этот фантастический закон, предположим, провели в жизнь, то мир не знал бы ни Наполеона, отцу которого было двадцать два года, а матери восемнадцать, ни Пушкина, отцу которого было двадцать семь лет.

и сердечным волнением берем в свои руки тяжелые тома истории.

Мы хотим поскорей увидеть ту достойную роль, какую играло это чувство в жизни народов. Мы хотим увидеть грандиозные события, приключившиеся из-за любви, или там великолепные поступки отдельных граждан. Мы знаем, что мы хотим увидеть. И потому, чтоб понежить свою душу, мы располагаемся поудобней в кресле и, закурив душистую сигару, начинаем уверенной рукой перелистывать пожелтевшие страницы истории.

И вот что мы там видим.

15. Сначала нам под руку лезут все какие-то, черт возьми, мелкие любовные дела и чепуховые, ерундовые делишки из повседневной жизни — разные там браки, предложения и свадьбы, заключенные деловыми и рассудительными умами.

Вот, видим, какой-то герцог... Что-то такое... Женится на дочери короля, имея надежды на трон.

Вот еще какая-то гран-персона, желая прирезать к своим владениям ряд городов, тоже делает предложение какой-то припадочной принцессе...

Российские великие князья... Что-то такое... Из эпохи татарского ига... «Наперерыв стремятся (как пишет историк) пережениться на дочерях хана, с тем чтобы снискать себе его расположение...»

Вот какой-то еще, вообразите себе, Хильперих I... Франкский король... Женится на дочери короля испанского... Как буквально пишет история, «с тем чтобы нанести удар своему врагу, принцу Зигеберту».

16. Причем об этих любовных делах на коммерческой подкладке историки пишут без всякого, можно сказать, воодушевления, этаким вялым канцелярским тоном, как о самых пустых, примелькавшихся предметах. Историки даже не добавляют от себя никаких восклицаний, вроде там: «Ай-яй!», или «Вот так князь», или «Фу, как некрасиво!», или хотя бы: «Глядите, еще одним подлецом больше!».

Нет, ничего подобного беспристрастные историки не восклицают. Хотя, правда, если начать восклицать, то, пожалуй, никаких восклицаний не хватит, поскольку по ходу мировой истории видим целое море подобных дел.

Но мы, пожалуй, не будем подробно перечислять эти коммерческие предприятия. Мы хотим коснуться более интересных вопросов. Хотя, конечно, и в этой области тоже

были разные поразительные случаи и анекдоты, достойные внимания современного читателя.

17. Вот, например, очень забавный факт. Он нам понравился своей, так сказать, наглядностью сюжета. Он очень характерен, этот факт. Он взят из старинной русской жизни. Из эпохи Иоанна Грозного.

А приехал в то время в Россию немецкий герцог, некто Голштинский.

Неизвестно, что он там делал в этой своей Германии, но только историкам стало известно, что он прибыл в Россию, с тем чтобы жениться по политическим соображениям на дочери двоюродного брата Ивана IV.

И вот он приехал. Наверное, расфуфыренный. В каких-нибудь шелковых штанах. Банты. Ленты. Шпага сбоку. Сам, наверное, длинновязый. Этакая морда красная, с рыжими усищами. Пьяница, может быть, крикун и рукосуй.

Вот он приехал в Россию, и, поскольку все уже было письменно оговорено, сразу же назначили свадьбу.

18. Ну, суетня, наверное, мотня. Мамочка бегает. Курей режут. Невесту в баню ведут. Жених с папой сидит. Водку хлещет. Врет, наверно, с три короба. Дескать, у нас, в Германии... Дескать, мы герцоги, и все такое.

И вот происходит такая довольно печальная вещь. Невеста, увы, неожиданно умирает. Она, бедняжка, возвращается из бани, простуживается чертовски и умирает в течение трех дней.

Жених, конечно, в неописуемом горе, хочет обратно уезжать в Германию. И в растрепанных чувствах уже прощается с родными, как вдруг ему говорят:

— Товарищ герцог! Погодите уезжать. У нас еще, на ваше счастье, имеется одна барышня. Ее сестренка. Она, правда, постарше той, и она менее интересна из себя, но все-таки она, может быть, вам подойдет. Тем более такой путь сделали из Германии — обидно же возвращаться с голым носом.

Герцог говорит:

— Конечно, подойдет. Что же вы раньше-то молчали? Ясно, что подойдет. Об чем речь! А ну покажите.

В общем, несмотря на траур, свадьба была вскоре сыграна.

19. Но, может быть, черт возьми, подобные факты и поступки происходили только у царей и среди герцогов?

Может, только в королевских чертогах существовала такая грубая расчетливость и брак без всякой любви, в силу там, может быть, разной, ну, я не знаю, дипломатии, хронического безденежья или там неважных условий царской жизни.

Может быть, у простых смертных как раз наоборот: любовь протекала естественным образом, и она веселила и радовала сердце окружающих?

На этот вопрос придется ответить отрицательно.

Некоторым категориям простых смертных вообще было как будто не до любви. Владетельные господа, как известно, женили своих верных рабов как им вздумается.

Недавно мы прочитали, что русские помещики весьма часто женили своих крестьян по такому способу: они выстраивали своих крестьян по росту и записывали их с кем попало: высоких мужиков — с высокими женщинами, низеньких — с низенькими. И такую запись посылали священнику для исполнения.

Тут, можно сказать, было не до любви.

А что касается разных там, я извиняюсь, чиновников, спекулянтов, мешочников и так далее, то эти господа тоже, по-видимому, мало чего понимали в любви. Браки у них совершались вроде как коммерческие дела. И без приданого там вообще не имели привычки шагу шагнуть.

20. Ну а если коснуться жизни более высокого полета и взять там разных графов, баронов и купцов, то эти господа, при всей своей праздной жизни, тоже мало себе представляли, какого цвета любовь.

Вот прелестная историческая новелла, рисующая нам все, как оно у них было.

Во Франции при Людовике XV (1720 год) один спекулянт нажил себе темными аферами огромное состояние. Он всего достиг. И у него все было. Но он еще захотел непременно породниться с самой наидревнейшей аристократической фамилией, — у него мелькнула такая фантазия. И он со своим богатством, не зная никаких преград, решил выдать замуж свою дочку за обедневшего маркиза со знаменитой фамилией д'Уау.

А дочке его в то время было всего три года. А маркизу было лет тридцать. Причем обедневший маркиз, несмотря на крупнейшее приданое, вовсе не имел никакого намерения ожидать двенадцать лет.

Изящно разводя руками и сверкая золотым лорнетом, он, наверное, говорил папаше-спекулянту сиплым голосом:

— Послушайте, я бы рад с вами породниться, и сумма меня вполне устраивает, но у вас невеста чересчур мала. Пущай немного подрастет, тогда будет видно — я, может быть, женюсь.

21. Но честолюбивый папаша пожелал немедленно стать родственником маркиза. Он тем самым, так сказать, хотел прикоснуться к высшей аристократии. И вот тогда он заключил с маркизом такой договор. Он ежемесячно выплачивает маркизу огромное жалованье до совершеннолетия невесты. Через двенадцать лет маркиз обязуется жениться на ней. Обручение же должно состояться теперь.

И вот в течение девяти лет маркиз аккуратно получал свое жалованье и предавался всем радостям жизни. А на десятый год молоденькая, двенадцатилетняя невеста, заболев дифтеритом, скончалась.

Можно представить себе, какие слезы лил папаша-спекулянт! Во-первых, конечно, безумно жалко девочку, а во-вторых, подумать только, сколько денег зря ухлопано! И, конечно, нет никаких надежд получить с господина маркиза назад хоть частицу.

А тот, наверно, потирая руки, говорил огорченному папаше: дескать, насчет денег, уж конечно, сами понимаете. Раз девочка скапутилась — мое счастье.

22. Но это еще что! Были также и более удивительные дела на любовном фронте.

Вот, например, очень странно читать, как мужчины — разные красавцы, бароны, отважные рыцари, кавалеры, купцы, помещики и цари — женились, не видя своих невест. Причем это было довольно частое явление. И вот это нам, современным читателям, до некоторой степени удивительно.

Там узнавали только, какие дела, и финансы, и какое имущественное положение у невесты, кем папаша служит или где он царствует, — и все. Ну, некоторые, может быть, осторожные женихи спрашивали, какая приблизительно подруга жизни, не горбатая ли, — и все.

Давали свое согласие и женились, так сказать, втемную, заглазно. И невесту только в последний момент видели.

Нет, в наше время — трудно даже представить, как бы это могло у нас быть! У нас были бы, наверно, вопли, нервные крики, отказы, заваруха, мордобой и черт знает что. А там как-то такое обходилось.

23. Конечно, случались неприятности и безобразия.

Например, из мировых скандалов известны два.

Один — знаменитый случай, который даже в театрах играют как чудовищную трагедию и драму из царской жизни.

Филипп II Испанский, старик лет шестидесяти, решил женить своего сына и наследника, знаменитого Дон Карлоса. Он его решил женить на французской принцессе Изабелле, что было выгодно и необходимо, согласно высокой политике. Сам же он эту принцессу не видел. Знал, что молоденькая и стремится выйти замуж, но какая она из себя, он не знал.

Но когда после обручения он ее увидел, то влюбился в нее и женился на ней сам, к громадному огорчению сына, который тоже был неравнодушен к своей прелестной невесте. После чего, как известно, произошла драма между отцом и сыном.

24. Второй случай был в Персии. Персидский царь Камбиз (сын знаменитого Кира) сделал предложение дочери египетского фараона Амазиса II (529 год до нашей эры). Это предложение Камбиз сделал, не видя невесты. В это время разъезды и переезды были весьма сложным делом. И на поездку в Египет надо было затратить несколько месяцев.

А по слухам стало известно, что дочь египетского фараона отличается выдающейся красотой и миловидностью.

И вот могущественный персидский царь, отец которого завоевал почти весь мир, взял и послал предложение дочери египетского царя.

Фараон, чрезвычайно любивший свою единственную дочь, не захотел отпустить ее в неведомые края. Но вместе с тем он боялся оскорбить отказом владыку мира. И вот он тогда выбрал наиболее красивую девушку из рабынь и послал ее в Персию вместо своей дочери. Причем он послал ее как свою дочь, и для этой цели ей дали соответствующее указание.

История рассказывает, что Камбиз, женившись на ней, чрезвычайно полюбил ее, но, когда случайно обман раскрылся, он безжалостно умертвил ее и, оскорбленный в лучших чувствах, пошел войной на Египет.

Это была, пожалуй, одна из сильнейших любовных драм, из которой можно увидеть, как иной раз возникает любовь и как она заканчивается.

25. Ах, мы живо представляем себе этот драматический эпизод и этот трагический момент, когда раскрылся весь обман!

Вот они сидят, обнявшись, на персидской оттоманке.

На низенькой скамейке стоят, представьте себе, восточные сласти и напитки — там рахат-лукум, коврижки и так далее. Этакий толстенный перс с опахалом в руках отгоняет мух от этих сладостей.

Персидский царь Камбиз, выпив стаканчик какого-нибудь там шери-бренди, с восхищением любуется своей прелестной супругой и бормочет ей разные утешительные слова: дескать, «ах ты моя египтяночка!.. Ну, как там у вас в Египте?.. Папаша фараон, наверно, тебя чересчур баловал. И вообще, как же можно тебя не баловать, когда ты такая у меня душечка, и я полюбил вас, моя дорогая принцесса, с первого своего взгляда за вашу царственную походку и так далее».

26. Тут или она понадеялась на свои женские чары, или уже неизвестно, что случилось в ее женском сердечке, только она, засмеявшись серебристым смехом, сказала, что вот, дескать, какой нелепый случай: дочка-то фараона существует сама по себе в Египте, а он вот, персидский царь Камбиз, без ума полюбил ее, ничего общего с дочкой фараона не имеющую. Он полюбил простую девицу из рабынь. Вот что делает любовь с сердцем мужчины.

Тут без содрогания нельзя представить дальнейшую сцену.

Наверно, он заорал диким голосом. Вскочил с дивана в одних подштанниках. С одной босой ноги туфля упала. Губы побелели. Руки трясутся. Колени подгибаются.

— Как?! — закричал он по-персидски.— Повтори, что ты сказала! Господа министры! Арестуйте нахалку!

Тут министры прибежали. Ах, ах! Что такое? Успокойтесь, ваше величество!.. Глядите — туфельку с ноги обронили, теряете королевское достоинство.

Но, конечно, не так-то легко успокоиться, поскольку громадное оскорбление нанесено самолюбию.

27. И вот вечером, после того как спешно отрубили голову несчастной египтянке, Камбиз, наверно, долго совещался с министрами.

Размахивая руками и волнуясь, он нервно ходит по комнате.

— Нет, какая сволочь египетский фараон, а? — восклицает он с возмущением.

Министры, почтительно вздыхая, качают головами и разводят руками, ехидно переглядываясь между собой.

— Что же я теперь делать буду, господа, после такого оскорбления? Войной, что ли, мне пойти на этого негодяя?

— Можно войной, ваше величество.

— Только он, собака, забрался далеко... Египет... Африка... Туда чуть не год идти... На верблюдах, кажется, надо...

— Ничего, ваше величество... Войска дойдут.

— Я ее обласкал, — снова раздражаясь, говорил Камбиз.— Я ее принял, как египетскую принцессу, страстно полюбил, а это, оказывается, не то... Как же, господа? Что же я — собака, что мне его дочка недоступна? Взял и подослал какую-то шушеру... А?

28. Министр иностранных дел, сдерживаясь от приступа внутреннего смеха, говорит:

— Главное, ваше величество, мировой скандал-с...

— Вот именно!.. Я же и говорю — скандал. Ай, ну что же я буду делать?

— Главное, ваше величество, в мировую историю войдет, вот что худо... Дескать, Персия... Камбиз... Подсудобили барышню...

— Ай, ну что ты меня расстраиваешь, сукин сын!.. Собирать войска!.. Идти походом!.. Завоевать и стереть весь Египет к чертовой матери!..

В общем, Камбиз самолично двинул войска на Египет и в короткое время завоевал его. Однако престарелый и горемычный фараон Амазис к тому времени умер. А его племянник Псаметих, не ожидая для себя ничего хорошего, покончил с собой.

Что же касается до злополучной царской дочери, то никаких следов о ее судьбе мы, к сожалению, в истории не нашли...

Один знакомый профессор истории, читающий лекции в университете, мне сказал, что Камбиз эту египтянку будто бы отдал в гарем одного из своих министров. Но насколько это верно, мы не беремся утверждать. Но это, конечно, возможно. В общем, любовь рассеялась как дым. Из чего видно, почем стоил фунт этого чувства.

29. Значит, что же? Значит, дело обстоит как будто неважно? Где же эта знаменитая любовь, прославленная

поэтами и певцами? Где же это чувство, воспетое в дивных стихах?

Неужели недоучки-поэты, рифмоплеты и любители всякой красоты и грации допустили такое возмутительное преувеличение? Что-то мы, читая историю, не находим подобных эффектных переживаний.

Нет, конечно, перелистывая историю, мы кое-что встречаем. Но это чересчур мало. Мы хотели, чтоб на каждой странице сверкала какая-нибудь бесподобная жемчужина. А то раз в столетие натыкаемся на какую-нибудь сомнительную любовишку.

Вот тут мы наскребли что-то такое несколько любовных рассказов. А прочитали для этого со старанием решительно всю историю от разных там, я извиняюсь, эфиопов и халдеев и от сотворения мира вплоть до нашего времени.

И вот только и наскребли то, что вы сейчас увидите. Вот, например, довольно сильная любовь, благодаря которой одна дочка переехала на колеснице своего папу.

Вот как это у них было.

30. Римский царь Сервий Тулий имел дочку. А у дочки был муж, человек довольно сомнительной репутации. Но тем не менее дочка его исключительно любила.

И вот этот господин замыслил сбросить с престола благородного отца этой дочки, Сервия Тулия. Конечно, это был старик — Сервий Тулий, и он вел какие-то неудачные войны с этими, представьте себе, с какими-то этрусками. Но все-таки сбрасывать его было жалко. И тем более убивать его не надо было. Это уже было свинство.

Но этот энергичный зять, посоветовавшись с дочкой старика, решил все-таки убить ее папу. И она из любви к этому кровопийце согласилась.

И вот на площади этот энергичный зять, подкупив наемного убийцу, безжалостно убивает кинжалом благородного старичка. И тот, не пикнув, падает. И народ кричит: «А кто же, господа, теперь у нас будет императором?»

И вот дочка этого убитого отца, вместо того чтобы от огорчения рыдать и падать на труп своего папы, вскакивает на колесницу и, желая приветствовать нового императора — ее мужа, с криком радости колесами переезжает к черту труп своего только что убитого отца.

Сцена хотя до некоторой степени препротивная, но все же сильная. И любовь этой царской дочки выходит довольно содержательная. Все-таки надо очень любить, чтоб в такой момент старика переехать.

Стоит на колеснице. Гикает. Волосы растрепались. Морда перекосилась. «Ура!» — кричит новому императору. И едет через все что попало.

А в толпе кричат:

— Глядите, эта бесстыдная бабенка не постеснялась даже, кажется, своего папу переехать.

Нет, все-таки это была любовь. И отчасти, наверно, желание самой царствовать. В общем, неизвестно.

31. Но вот вам еще более сильная любовь, случившаяся с одной небезызвестной исторической дамой на закате ее жизни.

Русская императрица Екатерина II на склоне своих лет, имея от роду что-то пятьдесят восемь лет, безумно влюбилась в одного молодого отважного красавца — Платона Зубова. Ему было двадцать один год, и он был действительно юноша очень интересный собой. Хотя его брат Валериан был еще более интересен. В Русском музее имеются два их портрета — так это действительно: брат был неслыханной красоты.

Но старуха увидела брата позже и поэтому, не зная как и чего, сразу влюбилась в Платона. А когда увидела Валериана, то ахнула и сказала: «Да, этот юноша мне бы тоже понравился. Но, поскольку я уже полюбила Платона, я уж так, пожалуй, и буду продолжать».

А Платон, видя, что Валериан произвел на старуху неотразимое впечатление, послал этого своего братишку на войну. И красавцу на войне оторвало ногу ядром.

Так что старуха целиком привязалась к Платону и осыпала его разными удивительными милостями.

Интересно бы знать, как у них возник роман. Красавчик, вероятно, ужасно стеснялся на первых порах и робел, когда пожилая дама на него напирала. Естественно, робеешь: все-таки священная особа, так сказать, императрица всея России и так далее, и вдруг, черт возьми, какие-то грубые дела!

32. Представим себе этот роман.

— Ну, обними же меня, дурачок! — говорила императрица.

— Прямо, ей-богу, не смею, ваше величество, — бормотал фаворит.— Имею, так сказать, робость и уважение к императорскому сану.

— Да забудь ты об этом. Ну, назови меня Екатерина Васильевна (или как там ее по батюшке).

И мальчишка, неестественно смеясь, почтительно дотрагивался до стареющих плеч императрицы. Но потом привык и за свою любовь получил больше чем следует.

В общем, в свои двадцать четыре года красавец уже был генерал-аншеф, наместник Новороссийского края и главный начальник всей артиллерии.

Немолодая дама, влюбляясь с каждым годом в него все более, не знала, как бы и чем ему угодить.

Она разрешила ему просматривать все секретные депеши и донесения из-за границы. Все министры и генералы, прежде чем попасть к Екатерине, проходили через него.

Министров и придворных юноша принимал, лежа на кушетке в шелковом бухарском халате. Старые генералы, почтительно дрожа, стояли навытяжку перед молодым красавчиком.

Старая императрица, влюбленная без меры, доверила ему все самые ответственные государственные дела. Любовь ее буквально ослепила.

33. А между тем мальчишка имел весьма смутные представления о жизни и политике. Например, известен его проект новой России.

В этом удивительном проекте столицами первой степени гордо указаны: Петербург, Берлин, Астрахань, Москва и Константинополь. Среди городов второй степени указаны почему-то Краков, Таганрог и Данциг. В этом проекте имеется такая фраза:

«Государыня столь обширной империи уподобляться должна солнцу, благотворным взором своим согревающему все, что лучи его достать могут».

В общем, по одному этому проекту можно судить, насколько старой даме было решительно наплевать на все государственные дела и как вся мировая политика померкла в сравнении с ее последней любовью.

Но этот случай скорей показывает нам стареющего человека во всей его печальной красоте, чем счастливые свойства любви.

Однако вот вам история одной большой любви, которая случилась в расцвете сил.

34. История эта тоже довольно известная, обошедшая театральные площадки. Так что мы не будем особенно долго на ней останавливаться. Это, знаете, о том, как римский консул Марк Антоний полюбил египетскую царицу Клеопатру. В общем, давайте вспомним эту историю, тем

более что эта трогательная история все же до крайности удивительна. Честолюбивый человек, достигший, представьте себе, огромной власти, влюбившись в женщину, бросил решительно все. Он бросил даже свои войска, с которыми он шел на завоевание. И навсегда застрял в Египте.

Он подарил Клеопатре римские земли, правда завоеванные им, — Армению, Сирию, Киликию и Финикию. И возвел ее в сан царицы царей.

Римский сенат, видя скандальные действия военачальника, спешно отрешил Антония от должности первого консула. Но влюбленный Антоний не захотел даже вернуться на родину.

Тогда Рим объявил войну Клеопатре. И у них началась славная борьба.

Антоний совместно с Клеопатрой выступил против римского войска.

Римские войска приближались к Александрии, и римский консул Октавиан написал Клеопатре письмо о том, что она может еще спасти свою жизнь и престол, если только пожертвует Антонием.

35. Госпожа царица, видя, что ее дела неважные, решила пожертвовать своим пылким возлюбленным.

И, пока Антоний вел борьбу с Октавианом, Клеопатра уведомила своего любовника через слуг, что она лишила себя жизни. Она знала, что любивший ее Антоний не переживет горя. И действительно: узнав о гибели Клеопатры, Антоний пронзил себя мечом.

Однако рана оказалась не смертельной. И Антоний, узнав, что Клеопатра жива, велел принести себя на носилках к ней. И в ее объятиях он умер, простив ее за обман.

Эта удивительная история действительно говорит о довольно большой любви, которая затмила решительно все остальное.

А Клеопатра в дальнейшем тоже покончила с собой.

Дело в том, что Октавиан собирался отправить ее в Рим в качестве трофея. Клеопатра хотела было своим кокетством увлечь и этого вождя, но из этого ничего не вышло, и тогда она, не желая пережить позора, отравилась. И вместе с ней отравились тридцать ее прислужниц.

И нам почему-то жалко эту красавицу, которой Октавиан сказал: «Брось, царица, свои уловки, меня на это не поймаешь». А ей было уже сорок лет, и она поняла, что ее песенка спета.

36. Но вот еще одна большая любовь, при которой человек позабыл даже о своем революционном долге.

Речь идет о муже знаменитой мадам Талльен.

Во французскую революцию главный секретарь революционного совета Талльен был послан Робеспьером в Бордо для ареста бежавших туда аристократов.

И вот в тюрьме он познакомился с арестованной молодой женщиной — Терезой Фонтенэ. Он влюбился в нее и выпустил ее из тюрьмы.

Робеспьер, узнав, что Талльен выпустил арестованную, снова велел арестовать ее.

Тогда Талльен, соединившись со сторонниками Дантона, повел такую борьбу против Робеспьера, что в короткое время сумел свалить его. И одним из мотивов этой борьбы была, несомненно, любовь к Терезе Фонтенэ.

В дальнейшем Талльен женился на ней, но она вскоре его бросила и вышла замуж за какого-то князя.

Но это еще не все, что знает история.

Еще помимо этого совершались по временам небольшие и на первый взгляд малозаметные события, но тем не менее эти события буквально, можно сказать, как солнце пробивались сквозь дебри лесов. Это была большая любовь.

37. Вот, например, жены декабристов, блестящие светские дамы, бросили все и добровольно, хотя их никто не высылал, пошли в Сибирь за своими мужьями.

• Больной Радищев должен был отправиться в ссылку. А незадолго до этого умерла его жена. Тогда сестра жены последовала за ним на поселенье...

• Сын богатого помещика, блестящий кавалергард Ивашов, полюбил гувернантку Камиллу, служившую в их доме. Родители, конечно, отказали ему в этом браке. Но через год, когда Ивашов по делу декабристов был сослан на двадцать лет в Сибирь, молоденькая гувернантка добровольно последовала за ним.

• У английского поэта Р. Броунинга умерла горячо любимая жена. Страшно оплакивая ее, поэт положил в гроб самое дорогое, что было для него, — тетрадь своих новых сонетов.

Правда, в дальнейшем, когда поэт еще раз полюбил, он достал эту тетрадь, но это не так важно.

• Наполеон в разгар сражения в 1796 году писал Жозефине:

«Вдали от тебя весь мир — пустыня, в которой я одинок и покинут. Ты — единственная мысль всей моей жизни».

• Лассаль писал Елене Деннигес: «У меня исполинские силы, и я их утысячерю, чтобы завоевать тебя. Никто в мире не в состоянии оторвать тебя от меня... Я страдаю в тысячу раз больше, чем Прометей на скале».

38. Чернышевский, влюбленный в свою жену, писал Некрасову: «Не от мировых вопросов люди топятся, стреляются, делаются пьяницами, — я испытал это и знаю, что поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли».

• Город Вейнсберг осажден неприятелем. Победители разрешили женщинам покинуть город перед разгромом. Причем разрешили каждой женщине взять то, что ей было наиболее дорого, и то, что она может унести с собой. И вот несколько женщин на руках вынесли своих доблестных мужей.

Конечно, это последнее событие похоже на легенду. История любит по временам, так сказать, для морального равновесия придумать что-нибудь такое чувствительное.

39. Из чувствительных анекдотов забавен следующий.

Какой-то рыцарь, отправляясь в поход, поручил жену своему другу. Друг влюбился в жену. Жена влюбилась в него. Но клятва верности, конечно, ненарушима.

И вот, чтобы сохранить и испытать эту верность, они спят в одной постели, положив между собой обоюдоострый меч.

Меч-то, может быть, они и положили, и спали, может быть, они тоже в одной постели, — этот исторический факт мы опровергать не будем, — но что касается всего остального, то, извините, сомневаемся.

В общем, на этой сентиментальной чепухе мы заканчиваем наши исторические новеллы.

Вот что рассказывает история о любви.

Она, в общем, весьма немного рассказывает об этом чувстве. Дескать, да, действительно, чувство это, кажется, имеется. Истории, дескать, приходилось иной раз сталкиваться с этой эмоцией. Дескать, бывали даже кой-какие исторические события и случаи на этой почве. И совершались кое-какие дела и преступления.

Но чтобы это было что-нибудь такое, слишком грандиозное, вроде того, что напевали поэты своими тенорами, — вот этого история почти не знает.

Напротив, коммерческие души вполне оседлали это чувство. И оно не представляет никакой опасности для тихого хода истории.

40. Нет, это чувство не помешало людям идти по той дороге, по которой они добросовестно и терпеливо идут.

И история вправе монотонными голосами рассказывать нам о том, что было, и о том, сколько какой жених получил «карбованцев» за то или иное свое чувство.

Да, конечно, тут речь шла о прошлых столетиях. И, может быть, теперь кое-что изменилось?

Мы, к сожалению, не побывали за границей и в силу этого не можем полностью удовлетворить ваше законное любопытство.

Но мы имеем мнение, что навряд ли там произошли какие-нибудь крупные перемены.

Наверно, мы так думаем, какой-нибудь маркиз со своим звучным именем является женихом трехлетней крошки. И папаша ежемесячно выплачивает ему жалованье.

И, наверно, какая-нибудь стареющая особа, позабыв все на свете, держит при себе какого-нибудь танцора Зубова и осыпает его своими милостями.

Все, надо полагать, идет, как оно и шло.

А что касается как у нас, то у нас произошли изрядные перемены.

41. И некоторые печальные дела, связанные с любовью, у нас все же понемножку исчезают. Например, коммерческий расчет почти прекратился. И денежные счеты упростились и сильно уменьшились. И вообще оно стало как-то в этом смысле понятней, и менее хлопотливо, и не так обременительно.

Давайте же посмотрим, какие отрицательные дела бывают у нас на любовном фронте. И, так сказать, железной метлой сатиры давайте подметем то, что можно подмести.

Итак, переходим к любовным рассказам из нашей жизни.

РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ

РАССКАЗ О СТАРОМ ДУРАКЕ

Есть такая, может быть, знаете, знаменитая картина из прежней жизни, она называется — «Неравный брак».

На этой картине нарисованы, представьте себе, жених и невеста.

Жених — такой вообще престарелый господинчик, лет этак, может быть, семидесяти трех с хвостиком. Такой вообще крайне дряхлый, обшарпанный субъект нарисован, на которого зрителю глядеть мало интереса.

А рядом с ним — невеста. Такая, представьте себе, молоденькая девочка в белом подвенечном платье. Такой, буквально, птенчик, лет, может быть, девятнадцати.

Глазенки у нее напуганные. Церковная свечка в руках трясется. Голосок дрожит, когда брюхастый поп спрашивает: ну как, довольна ли, дура такая, этим браком?

Нет, конечно, на картине этого не видать, чтоб там и рука дрожала, и чтоб поп речи произносил. Даже, кажется, и попа художник не изобразил по идеологическим мотивам того времени. Но все это вполне можно представить себе при взгляде на эту картину.

В общем, удивительные мысли навевает это художественное полотно.

Такой, в самом деле, старый хрен мог до революции вполне жениться на такой крошке. Поскольку, может быть, он — «ваше сиятельство» или он сенатор, и одной пенсии он, может быть, берет свыше как двести рублей золотом, плюс поместья, экипаж и так далее. А она, может, из бедной семьи. И мама ее нажучила: дескать, ясно, выходи.

Конечно, теперь всего этого нету. Теперь все это благодаря революции кануло в вечность. И теперь этого не бывает.

У нас молоденькая выходит поскорей за молоденького.

Более престарелая решается жить с более потрепанным экземпляром. Совершенно старые переключаются вообще на что-нибудь эфемерное — играют в шашки или гуляют себе по набережной.

Нет, конечно, бывает, что молоденькая у нас иногда выходит за пожилого. Но зато этот пожилой у нас обыкновенно какой-нибудь там крупнейший физиолог, или он ботаник, или он чего-нибудь такое изобрел всем на удивление, или, наконец, он ответственный бухгалтер и у него хорошая материальная база на двоих.

Нет, такие браки не вызывают неприятных чувств. Тем более тут можно искренне полюбить — может, это какая-нибудь одаренная личность, хороший оратор, или у него громадная эрудиция и прекрасный голос.

А таких дел, какие, например, нарисованы на вышеуказанной картине, у нас, конечно, больше не бывает. А если что-нибудь вроде этого и случается, то это вызывает всеобщий смех и удивление.

Вот, например, какая история произошла недавно в Ленинграде.

Один, представьте себе, старик, из обыкновенных служащих, неожиданно в этом году женился на молоденькой.

Ей, представьте себе, лет двадцать, и она интересная красавица, приехавшая из Пензы. А он — старик, лет, может быть, шестидесяти. Такой вообще облезлый тип. Морда какая-то у него потрепанная житейскими бурями. Глаза какие-то посредственные, красноватые. В общем, ничего из себя не представляющая личность, из таких, какие в каждом трамвае по десять штук едут.

И к тому же он плохо может видеть. Он, дурак, дальтонизмом страдает. Он не все цвета может различать. Он зеленое принимает за синее, а синее ему, дураку, мерещится белым. В довершение всего он был женат. И вдобавок ко всему жил со своей старухой в крошечной и неважной комнатенке.

И вот тем не менее, имея такие дефекты, он неожиданно и всем на удивление женится на молодой прекрасной особе.

Окружающим он так объяснил это явление: дескать, новая эра, дескать, нынче даже старики кажутся молодыми и довольно симпатичными.

Окружающие ему говорят:

— Вы поменьше занимайтесь агитацией и пропагандой, а вместо этого поглядите, чего ей от вас нужно. Это же анекдот, что она за вас выходит замуж.

Старик говорит:

— Кроме своей наружности и душевных качеств, я ничего материального не имею. Жалованье маленькое. Гардероб — одна пара брюк и пара рваных носовых платков. А что касается комнаты, этой теперешней драгоценности, то я живу пока что со своей престарелой супругой на небольшой площади, какую я намерен делить. И в девяти метрах, с видом на помойку, я буду как дурак от счастья жить с той особой, какую мне на старости лет судьба послала.

Окружающие ему говорят:

— А ну вас к лешему! Вас не убедишь.

И вот он разделил площадь. Устроил побелку и окраску. И в крошечной комнатке из девяти метров начал новую великолепную жизнь, рука об руку с молодой, цветущей особой.

Теперь происходит такая ситуация.

Его молодая подруга жизни берет эту крошечную комнату и меняет ее на бо́льшую. Поскольку нашелся человек, которому дорого было платить и он хотел иметь свои законные девять метров, без излишков.

И вот она со своим дураком переезжает на эту площадь, в которой четырнадцать метров.

Там живет она некоторое время, после чего проявляет бешеную энергию и снова меняет эту комнату на комнату уже в двадцать метров. И в эту комнату снова переезжает со своим старым дураком.

А переехав туда, она с ним моментально ссорится и дает объявление в газету: дескать, меняю чудную комнату в двадцать метров на две небольшие в разных районах.

И вот, конечно, находится пара, которая мечтает пожить совместно, и за эту комнату они с радостью отдают две свои.

Короче говоря, через два месяца после, так сказать, совершения таинства брака наш старый дурак, мало чего понимая, очутился в полном одиночестве в крошечной комнатке за городом, а именно — в Озерках.

А молодая особа поселилась на Васильевском острове, в небольшой, но славной комнатушке.

А вскоре, имея эту комнату, она вышла замуж за молодого инженера, и теперь она бесконечно счастлива и довольна.

Старый дурак хотел подать в суд на эту особу за надувательство. И даже он разговаривал по этому поводу с одним бывшим юристом. Но этот юрист, из бывших адвокатов, весело посмеявшись, заявил, что обман этот доказать край-

не трудно, и к тому же молодая особа, может быть, искренне увлеклась им и, только узнав его поближе, разочаровалась.

На этих сладких мечтах наш старый дурень и успокоился. И теперь он ежедневно трясется на поезде, выезжая из этих своих Озерков на службу.

В общем, как говорится, не угадал папаша. Старого воробья провели на мякине. А он расчувствовался, фантазию построил, всякие любовные мечты, за что и пострадал сверх всякой меры.

Вообще, как видите, и в нашей жизни на любовном фронте случаются неприятности. У молодых это бывает реже. А старость, скромные средства и красные подслеповатые глаза не создают в любви благоприятную ситуацию.

Вот вам еще крошечный рассказ о коммерческой любви. А засим мы перейдем к более достойным случаям.

ЖЕНИТЬБА — НЕ НАПАСТЬ, КАК БЫ ПОСЛЕ НЕ ПРОПАСТЬ

Говорят, будто в прежнее время без приданого браков почти не существовало.

Каждый порядочный жених приставал к родителям невесты прямо с ножом к горлу: дескать, объясните, какое будет приданое у невесты, и сколько денег, и сколько чего, или я жениться не буду.

Ну, родители с перепугу назначали сумму и рассказывали, где какое у невесты приданое.

А в настоящее время у нас даже это слово «приданое» позабыто. Даже мы слабо представляем себе, как это у них с этим было.

Конечно, и в наше время случаются типы, которые вместе с женитьбой норовят чего-нибудь такое заполучить лишнее: какую-нибудь там, может быть, мебель, комнату или в крайнем случае хотя бы носильное платье, чтобы себе перешить.

Однако это у нас тоже не так-то легко бывает. И жениху не всегда удается реализовать подобную бессмысленную фантазию.

Даже, например, такая мелочь — висит хорошенькая брошка на груди у невесты. Однако это ровным счетом ничего не означает. Женился человек, и, оказывается, никакой брошки у супруги нету. Оказывается, брошка была занята у подруги, а подруга, может быть, уже шесть

раз была замужем, и брошка у нее к тому же из нетемнеющего металла.

Или, например, висит шуба на вешалке. А после оказывается, что шубу комнатный жилец повесил.

Нет, нынче которые женятся наперед знают, что много с невесты не возьмут.

Конечно, многие сейчас смотрят не так на имущество, как на служебное положение будущей супруги. Но это тоже не всегда является чем-то положительным.

Вот какой случай произошел однажды.

Один молодой человек познакомился с одной молодой особой. И видит, что эта молодая, прекрасная особа очень интересная и приятная собой.

Но внешность его не так удивила. А он очень удивился и призадумался, когда узнал, что эта особа — женщина-бухгалтер.

Профессия эта довольно редкая. Она требует особого напряжения ума, а потому бухгалтеров у нас мало, и они все прилично оплачиваются.

А молодой человек смотрел на жизнь и на ее проявления крайне трезво. Он любви не понимал и только одним интересовался: как бы ему получше пожить и попитаться.

И вот вдруг видит такой экстраординарный случай — женщина-бухгалтер. Так сказать, великолепная подмога в жизни. И вот он с ней получше познакомился. Сводил ее пару раз в кино, объяснился в любви. И сказал: «Не желаете ли записаться?» А она говорит: «Ах, пожалуйста! Я очень рада».

И вот он с ней записался. Чертовски полюбил ее. И она его полюбила.

Но вдруг она является однажды со службы и ему говорит:

— Вот, Петя, какое дело. Я ушла с работы. Я, скажу откровенно, давно мечтала: как выйду замуж, так и перестану мотаться по канцеляриям. В общем, я бросила работу.

Вот супруг чертовски взволновался. Ахает, кричит и просит. И думает: «Вот так штука! Я же специально из-за этого женился».

Но супруга говорит:

— Нет, довольно колбасы, я служить не буду. Я не имею намерения в душной канцелярии терять высокую квалификацию своей красоты и молодости.

Супруг говорит:

— Но поймите, это буржуазное мещанство! Ты, гово-

рит, мне особенно нравилась своей самостоятельностью. Я, говорит, прямо потрясен печальным фактом!

Но сколько он ни говорил, она настояла на своем — и теперь не служит. А он чертовски мучается и все мечтает с ней разойтись, но это ему не удается, поскольку они переехали в общую комнату, за которую отдали две свои, что было, конечно, легче сделать, чем наоборот.

А в довершение всего она родила ему младенца и тем самым его еще больше прикрепила. И он ее уже не бросит, поскольку ему будет жалко зря платить ей алименты.

В общем, он ошибся в своих расчетах и теперь адски страдает.

А случай этот, конечно, частного характера,— он небольшой и мелкий. И мы, не занимаясь обобщением и не обличая наших уважаемых граждан в излишнем корыстолюбии, переходим к более солидным делам из любовной практики.

Вот, извольте, интересный рассказ, из которого вы увидите, на что любовь и ревность могут толкнуть не старую еще женщину.

РАССКАЗ О ПИСЬМЕ И О НЕГРАМОТНОЙ ЖЕНЩИНЕ

Жили себе в Ленинграде муж и жена.

Муж был ответственный советский работник. Он был нестарый человек, крепкий, развитой и вообще, знаете ли, энергичный, преданный делу социализма и так далее.

И хотя он был человек простой, из деревни, и никакого такого в свое время высшего образования не получил, но за годы пребывания в городе он поднаторел во всем и много чего знал и мог в любой аудитории речи произносить. И даже вполне мог вступать в споры с учеными разных специальностей — от физиологов до электриков включительно.

А жена его, Пелагея, между тем была женщина неграмотная. И хотя она приехала из деревни вместе с ним, но ничему такому не научилась, осталась неграмотной и даже свою фамилию она не могла подписывать.

А муж Пелагеи, видя такую ситуацию, ужасно огорчался, страдал и не понимал, как ему выйти из беды. Тем более он сам был чересчур занят и не имел свободного времени на переподготовку своей супруги.

И он ей говорил:

— Ты бы, Пелагеюшка, как-нибудь научилась читать

или хотя бы фамилию подписывать. Наша страна, говорит, постепенно выходит из вековой темноты и некультурности. Мы кругом ликвидируем серость и неграмотность. А тут вдруг супруга директора хлебозавода не может ни читать, ни писать, ни понимать, чего написано! И я от этого терплю невозможные страдания.

А Пелагея на это, конечно, так говорит. Она рукой махнет и так отвечает:

— Ах, отвечает, Иван Николаевич, об чем вы хлопочете! Мне этим не к чему заниматься. В свое время я за это не взялась, а теперь мои годы постепенно проходят, и моя молодость исчезает, и мои руки специально не гнутся, чтобы, например, карандаш держать. На что мне учиться и буквы выводить? Пущай лучше молодые пионеры занимаются, а я и так до старости лет доживу.

А муж Пелагеи, конечно, вздыхает с огорчением и говорит:

— Эх, эх, Пелагея Максимовна!..

Но однажды все-таки Иван Николаевич принес домой учебник.

— Вот, говорит, Поля, новейший букварь-самоучитель, составленный по последним данным науки. Я, говорит, сам тебе буду показывать. И просьба — мне не противоречить.

А Пелагея усмехнулась тихо, взяла букварь в руки, повертела его и в комод спрятала: пущай, дескать, лежит, может потомкам пригодится.

Но вот однажды днем присела Пелагея за работу. Пиджак Ивану Николаевичу надо было починить, рукав протерся.

И села Пелагея за стол. Взяла иголку. Сунула руку под пиджак — шуршит что-то.

«Не деньги ли?» — подумала Пелагея.

Посмотрела — письмо. Чистый такой, аккуратный конверт, тоненькие буковки на нем, и бумага вроде как духами или одеколоном попахивает.

Екнуло у Пелагеи сердце.

«Неужели же, думает, Иван Николаевич меня зря обманывает? Неужели же он сердечную переписку ведет с порядочными дамами и надо мной же, неграмотной дурой, насмехается?»

Поглядела Пелагея на конверт, вынула письмо, развернула — не разобрать по неграмотности.

Первый раз в жизни пожалела Пелагея, что читать она не может.

«Хоть, думает, и чужое письмо, а должна я знать, чего

в нем пишут. Может, от этого вся моя жизнь переменится, и мне лучше в деревню ехать, на мужицкие работы».

И у самой в груди закипело от обиды и досады. И сердце перевернулось от огорчения.

«Все-таки, думает, я Ивана Николаевича чересчур люблю, если через это письмо я настолько страдаю, мучаюсь и ревную. Как, думает, обидно, что я этого письма прочесть не могу! Я бы сразу узнала, в чем тут дело».

И вот она заплакала. И стала вспоминать разные мелочи про Ивана Николаевича. Да, он действительно как будто переменился в последнее время. Он стал об усиках своих заботиться — причесывает их. И руки часто моет. И надевает новую кепку.

Сидит Пелагея, думает эти мысли, смотрит на письмо и ревет белугой. А прочесть письма, конечно, не может. Поскольку даже не понимает буквы. А чужому человеку ей показать, конечно, совестно.

После она, поплакав, спрятала письмо в комод, дошила пиджак и стала поджидать Ивана Николаевича.

И, когда пришел он, Пелагея и виду не показала. Напротив того, она ровным и спокойным тоном разговаривала с мужем и даже намекнула ему, что она не прочь бы поучиться и что ей чересчур надоело быть темной и неграмотной бабой.

Очень этому обрадовался Иван Николаевич.

— Ну и отлично! — сказал он.— Я тебе сам буду показывать.

— Что ж, показывай! — сказала Пелагея.

И сама в упор посмотрела на ровные, подстриженные усики Ивана Николаевича. И снова у ней сердце сжалось и в груди перевернулось от досады и огорчения.

Два месяца подряд Пелагея изо дня в день училась читать. Она терпеливо по складам составляла слова, выводила буквы и заучивала фразы. И каждый вечер вынимала из комода заветное письмо и пыталась разгадать его таинственный смысл.

Однако это было очень нелегко.

Только на третий месяц Пелагея одолела науку.

Утром, когда Иван Николаевич ушел на работу, Пелагея вынула из комода письмо и принялась читать его.

Она с трудом разбирала тонкий почерк. И только еле уловимый запах духов от бумаги подбадривал ее.

Письмо было адресовано Ивану Николаевичу.

Пелагея читала:

«Уважаемый товарищ Кучкин.

Посылаю вам обещанный букварь. Я думаю, что ваша жена в два-три месяца вполне может одолеть премудрость. Обещайте, голубчик, заставить ее это сделать. Внушите ей, объясните, как, в сущности, отвратительно быть неграмотной бабой.

Сейчас, к этой годовщине, мы ликвидируем неграмотность по всей республике всеми средствами, а о своих близких почему-то забываем.

Обещайте, Иван Николаевич, это сделать.

С коммунистическим приветом *Мария Блохина».*

Пелагея два раза прочитала это письмо и, чувствуя какую-то новую обиду, заплакала.

Но потом, подумав об Иване Николаевиче и о том, что в ее супружеской жизни все в порядке, успокоилась и спрятала в комод букварь и злополучное письмо.

Так в короткое время, подгоняемая любовью и ревностью, наша Пелагея научилась читать и писать и стала грамотной.

И это был поразительный случай из истории ликвидации неграмотности у нас в Союзе.

Но вот прочтите рассказ о любви еще более интересный, чем этот.

РАССКАЗ ПРО ДАМУ С ЦВЕТАМИ

Следует отметить, что этот рассказ не такой уж чересчур смешной.

Другой раз бывают такие малосмешные темы, взятые из жизни. Там какая-нибудь драка, мордобой или имущество свистнули.

Или, например, как в этом рассказе. История о том, как потонула одна интеллигентная дама. Так сказать, смеха с этого факта немного можно собрать.

Хотя, надо сказать, что и в этом рассказе будут некоторые смешные положения. Сами увидите.

Конечно, я не стал бы затруднять современного читателя таким не слишком бравурным рассказом, но уж очень, знаете, ответственная современная темка. Насчет материализма и любви.

Одним словом, это рассказ насчет того, как однажды через несчастный случай окончательно выяснилось, что всякая мистика, всякая идеалистика, разная неземная любовь, и так далее, и тому подобное есть форменная брех-

ня и ерундистика. И что в жизни действителен только настоящий материальный подход и ничего, к сожалению, больше.

Может быть, это чересчур грустным покажется некоторым отсталым интеллигентам и академикам, может быть, они через это обратно поскулят, но, поскуливши, пущай окинут взором свою прошедшую жизнь и тогда увидят, сколько всего они накрутили на себя лишнего.

Так вот, дозвольте старому, грубоватому материалисту, окончательно после этой истории поставившему крест на многие возвышенные вещи, рассказать эту самую историю. И дозвольте еще раз извиниться, если будет не такой сплошной смех, как хотелось бы.

Тем более, повторяем, какой уж там смех, если одна дама потонула. Она потонула в реке. Она хотела идти купаться. И пошла по бревнам. Там, на реке, у берега, были гонки. Такие плоты. И она имела обыкновение идти по этим бревнам подальше от берега, для простору и красоты, и там купаться. И, конечно, потонула.

Но дело не в этом.

А в деревню Отрадное, по реке Неве, приехал в этом году на дачу некто такой инженер — Николай Николаевич Горбатов.

Он — инженер-технолог или путеец. Одним словом, у него на форменной фуражке какой-то производственный значок — напильник и еще чего-то такое. Но не в этом суть.

Весной в этом году приехал в Отрадное этот инженер со своей молодой супругой — Ниной Петровной.

Ничего такого особенного в ней не наблюдалось. Так, дама и дама. Черненькая такая, пестренькая. Завсегда в руках цветы. Или она их держит, или она их нюхает. И, конечно, одета очень прекрасно.

Несмотря на это, инженер Горбатов ее до того любил, что было удивительно наблюдать.

Действительно, верно, он ничего другого от жизни не имел и никуда не стремился. Он общественной нагрузки не нес. Статей не писал. И вообще, надо откровенно сказать, он избегал общественной жизни.

Он не попал в ногу современности. Ему было, конечно, лет сорок, и он весь был в своем прошлом. Ему, одним словом, нравилась прошлая буржуазная жизнь с ее разными подушечками, консоме и так далее.

А в настоящей текущей жизни он ничего, кроме грубого, не видел и свою личность от всего отворачивал.

И поскольку она — супруга и не выдаст его, он рассказывал ей свои разные реакционные мысли и взгляды.

— Я, говорит, человек глубоко интеллигентный, мне, говорит, доступно понимание многих мистических и отвлеченных картин моего детства. И я, говорит, не могу удовлетвориться той грубой действительностью, бедностью, сокращением, квартирной платой и так далее. Я, говорит, воспитан на многих красивых вещах и безделушках, понимаю тонкую любовь и не вижу ничего приличного в грубых объятиях,— и так далее, и тому подобное. Я, говорит, только считаюсь с духовной жизнью и с запросами сердца, а что касается ихнего марксизма, то я над этим насмехаюсь и не желаю с ним считаться.

Так вот он не раз ей говорил и, конечно, имея такие взгляды, не стремился найти что-нибудь хорошее в нашей современности.

И вот, в силу всего этого, он оторвался от масс и окончательно замкнулся в свою семейную жизнь и в свою любовь к этой милочке с цветочками.

А она, безусловно, соответствовала своему назначению.

И, поскольку она была его супругой, она в тон ему пела, со всем таким соглашалась и чересчур горевала о прежней жизни.

Одним словом, это была поэтическая особа, способная целый день нюхать цветки и настурции или сидеть на бережку и глядеть вдаль, как будто там что-нибудь имеется определенное — фрукты или ливерная колбаса.

Вот, значит, какие это были супруги со своей любовью!

Про нее нельзя сказать, чтоб она его чересчур любила и обожала, но он действительно глаз с нее не сводил. Утром он уезжает на пароходе, а она, в своем миленьком пеньюаре, спешит его провожать на своих тонких интеллигентских ножках. Он ее за локоток придерживает, чтоб, боже сохрани, она ножки себе не вывихнула. И чего-то ей щебечет, воздушные поцелуи с парохода посылает. Одним словом, противно и тяжело смотреть.

Вот он уехал, а она и сидит, что дура, мечтает про разные отвлеченные вещи. Ну, пойди постирай, если не хочешь физкультурой заниматься. Или пойди тому же самому Горбатову кровать прибери. Нет! Сидит и сидит. И кушать не просит. Зато потом, наверное, легко растерялась со своими мечтами и не могла через это на сушу выбраться.

Ну, постольку поскольку она уже утонула, не будем

тревожить ее память разными оскорбительными замечаниями.

Так вот, часов около семи Горбатов приезжал обратно с места своей службы. Он приезжает с места службы и спешит увидеть свою голубку.

Он первый прыгает с парохода. И что-нибудь несет в своих руках. Или там гостинцы, или там трусики ей, или какой-нибудь новенький бюстгальтер.

Он дарит ей тут же, и сам ее по спинке хлопает, дурачится, обнимает. Чего ему! Он, главное, никакой общественной нагрузки не несет и весь замкнулся в свой горизонт и в свои нежные переживания.

Ну, она посмотрит, что он принес, нахмурит носик и идет на своих тонких ножках.

Только, одним словом, она потонула. Очень, конечно, жалко, вполне прискорбный факт, но вернуть ее к жизни, тем более с современной медициной, невозможно.

Конечно, занимайся она в свое время хотя бы зарядовой гимнастикой, она нашлась бы в самый последний момент и выплыла бы. А тут со своими цветами окунулась — и враз пошла ко дну, не сопротивляясь природе.

Тем более она шла по скользким бревнам. Она всегда по этим бревнам ходила купаться. А тут пошла после дождя, на своих французских каблучках — и свалилась. Только что трусики остались на плоту.

А может быть, она и нарочно в воду сунулась. Может, она жила-жила с таким отсталым элементом и взяла и утонула. Тем более, может быть, он заморочил ей голову своей мистикой.

Но только, конечно, вряд ли. Скорей всего, если объяснить психологически, она поскользнулась на бревнах и потонула.

Конечно, не будем чересчур расстраивать читателей художественным описанием дальнейших событий. Скажем только, что инженер Николай Николаевич чрезвычайно убивался и страдал от этого факта. Он валялся на берегу, рыдал и все такое, но его подруга погибла безвозвратно, и даже ее тело не могли найти. И от этого инженер тоже чересчур страдал и расстраивался.

— Если бы,— говорил он своей хозяйке,— она нашлась, я бы больше успокоился. Но, говорит, такая жуткая подробность, что ее не нашли, совершенно меня ослабляет. И я, говорит, через это ночи не сплю и все про нее думаю. Тем более я ее любил совершенно неземной любовью, и мне, говорит, только и делов сейчас, что найти ее, приложиться

к ее праху и захоронить ее в приличной могилке и на ту могилку каждую субботу ходить, чтобы с ней духовно общаться и иметь с ней потусторонние разговоры. Поскольку моя любовь выше земных отношений.

Так он сказал, настриг листочков и на этих листочках написал крупным шрифтом: мол, нашедшему тело, и так далее, будет дано крупное вознаграждение в размере тридцати рублей, и тому подобное.

И эти записульки он расклеил по всей деревне и по рыбацкому поселку.

Только проходит месяц — безрезультатно. Очень многие ищут кошками, баграми и так далее, но почему-то найти не могут.

А он, голубчик инженер Горбатов, ходит все время сторонкой, ни с кем не здоровается, и только у него и делов, что ожидает, не найдут ли его подруги.

Конечно, никакое горе особенно долго не может продолжаться. В этом отношении наш организм дивно устроен. И самая кошмарная драма слишком скоро забывается, и почти ничего от нее не остается.

Так что горе инженера немножко тоже поутихло. Хотя он и продолжал горевать, считая, что его крупная любовь останется с ним навеки.

И, горюя, он не переехал с дачи, а продолжал ежедневно ездить, не желая расставаться с дорогими местами.

И вот в начале сентября рыбаки отыскали ее тело. Ее течением отнесло километров на пять и прибило к берегу.

Ну, приезжают к инженеру два рыбака и докладывают: мол, осмотрите, надо опознать, и, в случае чего, с вас приходится.

Ах, он очень засуетился, побледнел, заторопился в своих движениях, сел в лодку и поехал с рыбаками.

Не будем особенно сгущать краски и описывать психологические подробности, скажем только, что инженер Горбатов тут же на берегу подошел к своей бывшей подруге и остановился подле нее. Кругом рыбаки, конечно, стоят молча и глядят на него, чего он скажет: признает ли он или не признает, тем более признать было, конечно, затруднительно — время и вода сделали свое черное дело. И даже грязные тряпки от костюма были мало похожи на что-нибудь такое приличное, на бывший прекрасный костюм. Не говоря уже про лик, который был тем более попорчен временем.

Тогда один из рыбаков, не желая, конечно, терять понапрасну драгоценное времечко, говорит: дескать, ну

как? Она? Если не она, так давайте, граждане, разойдемся, чего стоять понапрасну.

Инженер Горбатов наклонился несколько ниже, и тут полная гримаса отвращения и брезгливости передернула его интеллигентские губы. Носком своего сапожка он перевернул лицо утопленницы и вновь посмотрел на нее.

После он наклонил голову и тихо прошептал про себя:

— Да... это она.

Снова брезгливость передернула его плечи. Он повернулся назад и быстро пошел к лодке.

Тут рыбаки начали на него кричать: мол, а деньги, деньги, мол, посулил, а сам тигаля дает, а еще бывший интеллигент и в фуражке!

Горбатов, конечно, без слова вынимает деньги и подает рыбакам и прибавляет еще пять целковых, с тем чтобы они как-нибудь сами захоронили эту даму на здешнем кладбище.

И после этого Н. Н. Горбатов уехал в Отрадное, а оттуда в Ленинград.

А недавно его видели — он шел по улице с какой-то дамочкой. Он вел ее под локоток и что-то такое интересное вкручивал.

Так вот и вся история.

Память об утонувшей и глубокую неземную любовь к ней со стороны инженера почтим вставанием и перейдем к текущим делам. Тем более время не такое, чтоб подолгу задерживаться на утонувших гражданках и подводить под них всякую психологию, физиологию и тому подобное.

Тем более что из текущих дел у нас еще имеются вопросы о любви, которые мы должны проработать.

Вот пока что прочтите смешной, но пустенький случай из нашей личной жизни.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Иду я раз однажды по улице и вдруг замечаю, что на меня женщины не смотрят.

Бывало, раньше выйдешь на улицу этаким, как говорится, кандебобером, а на тебя смотрят, посылают воздушные взгляды, сочувственные улыбки, смешки и ужимки.

А тут вдруг вижу — ничего подобного!

Вот это, думаю, жалко! Все-таки, думаю, женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Один буржуазный экономист или, кажется, химик

высказал оригинальную мысль, будто не только личная жизнь, а все, что мы делаем, мы делаем для женщин. И, стало быть, борьба, слава, богатство, почести, обмен квартиры и покупки пальто, и так далее, и тому подобное,— все это делается ради женщины.

Ну, это он, конечно, перехватил, собака, заврался на потеху буржуазии, но что касается личной жизни, то я с этим всецело согласен.

Я согласен, что женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Все-таки, бывало, в кино пойдешь, не так обидно глядеть худую картину. Ну, там, ручку пожмешь, разные дурацкие слова говоришь,— все это скрашивает современное искусство и бедность личной жизни.

Так вот, каково же мое самочувствие, когда раз однажды я вижу, что женщины на меня не смотрят!

Что, думаю, за черт? Почему на меня бабы не глядят? С чего бы это? Чего им надо?

Вот я прихожу домой и поскорей гляжусь в зеркало. Там, вижу, вырисовывается потрепанная морда. И тусклый взор. И краска не играет на щеках.

«Ага, теперь понятно! — говорю я сам себе.— Надо усилить питание. Надо наполнить кровью свою поблекшую оболочку».

И вот я в спешном порядке покупаю разные продукты.

Я покупаю масло и колбасу. Я покупаю какао и так далее.

Все это ем, пью и жру прямо безостановочно. И в короткое время возвращаю себе неслыханно свежий, неутомленный вид.

И в таком виде фланирую по улицам. Однако замечаю, что дамы по-прежнему на меня не смотрят.

«Ага,— говорю я сам себе,— может быть, у меня выработалась дрянная походка? Может быть, мне не хватает гимнастических упражнений, висения на кольцах, прыжков? Может, мне недостает крупных мускулов, на которые имеют обыкновение любоваться дамы?»

Я покупаю тогда висячую трапецию. Покупаю кольца и гири и какую-то особенную рюху.

Я вращаюсь, как сукин сын, на всех этих кольцах и аппаратах. Я верчу по утрам рюху. Я бесплатно колю дрова соседям.

Я, наконец, записываюсь в спортивный кружок. Катаюсь на лодках и на лодчонках. Купаюсь до ноября. При этом чуть не тону однажды. Я ныряю сдуру на глубоком

месте, но, не достав дна, начинаю пускать пузыри, не умея прилично плавать.

Я полгода убиваю на всю эту канитель. Я подвергаю жизнь опасности. Я дважды разбиваю себе башку при падении с трапеции.

Я мужественно сношу все это и в один прекрасный день, загорелый и окрепший, как пружина, выхожу на улицу, чтобы встретить позабытую женскую одобрительную улыбку.

Но этой улыбки опять не нахожу.

Тогда я начинаю спать при открытом окне. Свежий воздух внедряется в мои легкие. Краска начинает играть на моих щеках. Морда моя розовеет и краснеет. И принимает даже почему-то лиловый оттенок.

Со своей лиловой мордой я иду однажды в театр. И в театре, как ненормальный, кручусь вокруг женского состава, вызывая нарекания и грубые намеки со стороны мужчин и даже толкание и пихание в грудь.

И в результате вижу две-три жалкие улыбки, каковые меня мало устраивают.

Там же, в театре, я подхожу к большому зеркалу и любуюсь на свою окрепшую фигуру и на грудь, которая дает теперь с напружкой семьдесят пять сантиметров.

Я сгибаю руки, и выпрямляю стан, и расставляю ноги то так, то так.

И искренне удивляюсь той привередливости, тому фигурянью со стороны женщин, которые либо с жиру бесятся, либо пес их знает, чего им надо.

Я любуюсь в это большое зеркало и вдруг замечаю, что я одет неважно. Я прямо скажу — худо и даже безобразно одет. Прекороткие штаны с пузырьками на коленях приводят меня в ужас и даже в содрогание.

Но я буквально остолбеваю, когда гляжу на свои нижние конечности, описанию которых не место в художественной литературе.

«Ах, теперь понятно! — говорю я сам себе.— Вот что сокрушает мою личную жизнь — я плохо одеваюсь».

И, подавленный, на скрюченных ногах, я возвращаюсь домой, давая себе слово переменить одежду.

И вот в спешном порядке я строю себе новый гардероб. Я шью по последней моде новый пиджак из лиловой портьеры. И покупаю себе брюки «оксфорд», сшитые из двух галифе.

Я хожу в этом костюме, как в воздушном шаре, огорчаясь подобной моде.

Я покупаю себе пальто на рынке с такими широкими плечами, которых вообще не бывает на нашей планете.

И в выходной день однажды в таком наряде выхожу на Тверской бульвар.

Я выхожу на Тверской бульвар и выступаю, как дрессированный верблюд. Я хожу туда и сюда, вращаю плечами и делаю па ногами.

Женщины искоса поглядывают на меня со смешанным чувством удивления и страха.

Мужчины — те смотрят менее косо. Раздаются ихние замечания, грубые и некультурные замечания людей, не понимающих всей ситуации.

Там и сям слышу фразы:

— Эво, какое чучело! Поглядите, как, подлец, нарядился! Как, говорят, ему не стыдно? Навернул на себя три километра материи.

Меня осыпают насмешками и хохочут надо мной.

Я иду, как сквозь строй, по бульвару, неясно на что-то надеясь.

И вдруг у памятника Пушкину я замечаю прилично одетую даму, которая смотрит на меня с бесконечной нежностью и даже лукавством.

Я улыбаюсь в ответ и три раза, играя ногами, обхожу памятник Пушкину. После чего присаживаюсь на скамеечку, что напротив.

Прилично одетая дама с остатками поблекшей красоты пристально смотрит на меня. Ее глаза любовно скользят по моей приличной фигуре и по лицу, на котором написано все хорошее.

Я наклоняю голову, повожу плечами и мысленно любуюсь стройной философской системой буржуазного экономиста о ценности женщин.

Я подмигиваю Пушкину: дескать, вот, мол, началось, Александр Сергеевич.

Я снова обращаюсь к даме, которая теперь, вижу, буквально следит немигающими глазами за каждым моим движением.

Тогда я начинаю почему-то пугаться этих немигающих глаз. Я и сам не рад успеху у этого существа. И уже хочу уйти. И уже хочу обогнуть памятник, чтобы сесть на трамвай и ехать куда глаза глядят, куда-нибудь на окраину, где нет такой немигающей публики.

Но вдруг эта приличная дама подходит ко мне и говорит:

— Извините, уважаемый... Очень, говорит, мне странно об этом говорить, но вот именно такое пальто украли у моего мужа. Не откажите в любезности показать подкладку.

«Ну да, конечно, думаю, неудобно же ей начать знакомство с бухты-барахты».

Я распахиваю свое пальто и при этом делаю максимальную грудь с напружкой.

Оглядев подкладку, дама поднимает истошный визг и крики. Ну да, конечно, это ее пальто! Краденое пальто, которое теперь этот прохвост, то есть я, носит на своих плечах.

Ее стенания режут мне уши. Я готов провалиться сквозь землю в новых брюках и в своем пальто.

Мы идем в милицию, где составляют протокол. Мне задают вопросы, и я правдиво на них отвечаю.

А когда меня, между прочим, спрашивают, сколько мне лет, я называю цифру и вдруг от этой почти трехзначной цифры прихожу в содрогание.

«Ах, вот отчего на меня не смотрят! — говорю я сам себе.— Я попросту постарел. А я было хотел свалить на гардероб недостатки своей личной жизни».

Я отдаю краденое пальто, купленное на рынке, и налегке, со смятенным сердцем, выхожу на улицу.

«Ну ладно, обойдусь! — говорю я сам себе.— Моя личная жизнь будет труд. Я буду работать. Я принесу людям пользу. Не только света в окне, что женщина».

Я начинаю издеваться над словами буржуазного ученого.

«Это брехня! — говорю я себе.— Это досужие выдумки! Типичный западный вздор!»

Я хохочу. Плюю направо и налево. И отворачиваю лицо от проходящих женщин.

Но вот что интересно — этот небольшой случай произошел со мной года два назад.

И хотя за эти два года я, казалось бы, еще больше постарел, но тем не менее этим летом я познакомился с одной особой, и она, представьте себе, мною сильно увлеклась. И, главное, смешная подробность: я в это лето одевался, как нарочно, исключительно худо. Ходил черт знает в каких штанах и в дырявых спортивных туфлях.

И вот, тем не менее это на любовь не повлияло. И я через это счастлив и доволен, и даже мы вскоре женимся по взаимной любви.

И я надеюсь, что то, что вы прочтете в следующем рассказе, с нами не произойдет.

СВАДЕБНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Конечно, Володька Завитушкин немного поторопился. Был такой грешок.

Володька, можно сказать, толком и не разглядел своей невесты. Он, по совести говоря, без шляпки и без пальто ее никогда даже и не видел. Потому все главные события на улице развернулись.

А что перед самой свадьбой Володька Завитушкин заходил со своей невестой к ее мамаше представляться, так он, не раздеваясь, представился. В прихожей. Так сказать, на ходу.

А познакомился Володя Завитушкин со своей невестой в трамвае. Дней за пять до брака.

Сидит он в трамвае и вдруг видит, перед ним этакая барышня вырисовывается. Такая ничего себе барышня, аккуратненькая. В зимнем пальто.

И стоит эта самая барышня в зимнем своем пальто перед Володькой и за ремешок держится, чтоб пассажиры ее не опрокинули. А другой рукой пакет к груди прижимает. А в трамвае, конечно, давка. Пихаются. Стоять, прямо сказать, нехорошо.

Вот Володька ее и пожалел.

— Присаживайтесь, говорит, ко мне на одно колено, все легче ехать.

— Да нет, говорит, мерси.

— Ну, так, говорит, давайте тогда пакет. Кладите мне на колени, не стесняйтесь. Все легче будет стоять.

Нет, видит, и пакета не отдает. Или пугается, чтоб не упер. Или еще что. Глянул на нее Володя Завитушкин еще раз и прямо обалдел. «Господи, думает, какие бывают миловидные барышни в трамваях».

Едут так они две остановки. Три. Четыре. Наконец видит Завитушкин — барышня к выходу тискается. Тоже и Володька встал. Тут у выхода, значит, у них знакомство и состоялось.

Познакомились. Пошли вместе. И так у них все это быстро и без затрат обернулось, что через два дня Володька Завитушкин и предложение ей сделал.

Или она сразу согласилась, или нет, но только на третий день пошли они в гражданский подотдел и записались. Записались они в загсе, а после записи и развернулись главные события.

После записи пошли молодые на квартиру к мамаше. Там, конечно, полная суматоха. Стол накрывают. Го-

стей много. И вообще семейное торжество — молодых ждут.

И какие-то разные барышни и кавалеры по комнате суетятся, приборы ставят и пробки открывают.

А свою молодую супругу Володька Завитушкин еще в прихожей потерял из виду.

Сразу его, как на грех, обступили разные мамаши и родственники, начали его поздравлять и в комнату тащить. Привели его в комнату, разговаривают, руки жмут, расспрашивают, в каком, дескать, союзе находится.

Только видит Володька — не разобрать ему, где его молодая жена. Девиц в комнате много. Все вертятся, все мотаются, ну, прямо с улицы, со свету, хоть убей, не разобрать.

«Господи,— думает Володька,— никогда ничего подобного со мной не происходило. Какая же из них моя молодая супруга?»

Стал он по комнате ходить между девиц. То к одной толкнется, то к другой. А те довольно неохотно держатся и особой радости не выказывают.

Тут Володька немного даже испугался.

«Вот, думает, на чем засыпался — жену уж не могу найти».

А тут еще родственники начали коситься — чего это молодой ходит как ненормальный и на всех девиц бросается. Стал Володька к двери и стоит в полном упадке.

«Ну, спасибо, думает, если сейчас за стол садиться будут. Тогда, может, что-нибудь определится. Которая со мной сядет, та, значит, и есть. Хоть бы, думает, вот эта белобрысенькая села. А то, ей-богу, подсунут какое-нибудь дерьмо, потом живи с ним».

В это время гости начали за стол садиться.

Мамаша христом-богом просит обождать еще немного, не садиться. Но на гостей прямо удержу нет, прямо кидаются на жратву и на выпивку.

Тут Володю Завитушкина волокут на почетное место. И рядом с ним с одного боку сажают девицу.

Поглядел на нее Володька, и отлегло у него на сердце.

«Ишь ты, думает, какая. Прямо, думает, недурненькая. Без всякой шляпки ей даже лучше. Нос не так уж просится наружу».

От полноты чувств Володя Завитушкин нацедил себе и ей вина и полез поздравлять и целоваться.

Но тут и развернулись главные события.

Начали раздаваться крики и разные вопли.

— Это, кричат, какой-то ненормальный сукин сын. На всех девиц кидается. Молодая супруга еще к столу не вышедши — прибирается, а он с другой начал упражняться.

Тут произошла абсолютная дрянь и неразбериха.

Володьке бы, конечно, в шутку все превратить. А он очень обиделся. Его в суматохе какой-то родственник бутылкой тиснул по затылку.

Володька кричит:

— А пес вас разберет! Насажали разных баб, а мне разбирайся.

Тут невеста в белом балахоне является. И цветы в ручках держит.

— Ах, так, говорит, ну, так это вам выйдет боком.

И опять, конечно, вопли, крики и истерика.

Начали, конечно, родственники выгонять Володьку из квартиры.

Володька говорит:

— Дайте хоть пожрать. С утра, говорит, не жравши по такой канители.

Но родственники поднажали и ссыпали Володьку на лестницу.

На другой день Володя Завитушкин после работы зашел в гражданский подотдел и развелся.

Там ему сказали несколько кислых слов.

— Хотя, говорят, иной раз бывают такие легкомысленные браки. Но впредь этого не делайте. А то под суд попадете.

И тут же сразу развели.

Так что он теперь холостой и снова может жениться на желающих.

Но чего хорошего в браке и зачем к этому стремятся — это прямо трудно понять.

Обыкновенно жены изменяют, и загадочная подробность — всегда вместо мужа любят кого-нибудь другого. Так что не знаю, как вы, а я гляжу против такого брака. Хотя если говорить о браке, то я стою за крепкий и твердый брак. Тем не менее не закрываю себе глаза на это и знаю, что это такое.

В общем, вот чего однажды приключилось на любовном фронте.

ЗАБАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Жена одного служащего, довольно молодая и очень интересная дама, выходец из мелкобуржуазной семьи, влюбилась в одного актера.

Он был артист драмы и комедии. И вот она в него влюбилась.

Или она увидела его на подмостках сцены и он покорил ее великолепной игрой, или, наоборот, она игры его не видела, а он, может, просто понравился ей своей артистической внешностью, но только, в общем, она в него порядочно сильно влюбилась. И даже она одно время не знала, как ей поступить: уйти ли ей от мужа и перейти к артисту, или от мужа ей не уходить, а просто увлекаться актером, не перестраивая своей жизни.

Но потом, увидев, что актер драмы вроде как ничего не имеет — ни пайка, ничего такого особенного,— решила от мужа не уходить. Тем более что артист и сам не горел желанием на ней жениться, будучи уже человеком, обремененным многочисленной семьей.

Но, поскольку они были влюблены друг в друга, они все же стали встречаться по временам.

И он ей звонил по телефону, и она к нему забегала на репетицию, чтоб посмотреть, как он бойко играет роль. И через это она в него еще сильнее влюбилась и мечтала с ним почаще встречаться.

Но поскольку им, собственно, негде было встречаться, то они, буквально как Ромео и Джульетта, стали встречаться на улице или в кино или забегали в кафе, чтобы перекинуться нежными словами.

Но такие короткие встречи их, конечно, мало удовлетворяли, и они постоянно горевали, что ихняя жизнь неблагоприятно складывается и им даже негде поговорить о своей безумной любви.

А к нему она, конечно, не могла заходить, поскольку артист был семейный человек.

А что касается если к ней зайти, то она нередко его приглашала, когда ее супруг был в учреждении. Но он, зайдя пару раз, категорически от этого отказался.

Как человек нервный, одаренный, кроме того, болезненным художественным воображением, он попросту пугался находиться у нее, думая, что вот, мало ли, сейчас войдет муж и начнутся, может быть, крупные разговоры со стрельбой и так далее.

И в силу таких мыслей артист находился у нее в гостях,

так сказать, в ненормальном состоянии и вообще полумертвый от страха.

И тогда она, конечно, перестала его приглашать к себе, поскольку видит, что человек ну просто душевно болеет и делается как бы не от мира сего.

И вот однажды она ему говорит:

— Тогда — вот что! Если хотите со мной повидаться, то приходите в следующий выходной день к моей подруге.

Артист драмы говорит:

— Вот и великолепно! А то, знаете, моя профессия требует утонченных нервов, и я, говорит, не могу не робеть, находясь у вас. Я, говорит, переживаю, ну все равно как на сцене.

А у нее была ближайшая подруга Сонечка. Очень миленькая особа, не без образования. Кажется, из балетных.

И муж нашей дамы вполне одобрял это знакомство, говоря, что лучшей подруги для жены он себе и не желает.

И вот наша балетная, после горячих просьб, разрешила своей подруге повидаться у нее для переговоров с любимым человеком.

И вот утром, в выходной день, наш артист, получше принарядившись, попорол на это свидание.

А надо сказать, что в трамвае у него случился небольшой эпизод и столкновение с соседом. Ну, в общем, легкая перебранка, крики и так далее. В результате чего наш артист, как человек несдержанный, немного более чем следует погорячился. И когда сосед после перебранки сошел с трамвая, наш артист, не утерпев, плюнул в него. И был очень рад, что трамвай быстро пошел и оскорбленный сосед не мог уже догнать его, как того хотел.

Однако от этого столкновения настроение нашего артиста не испортилось. Он встретился со своей симпатией, и они совместно пошли к подруге, которая проживала в коммунальной квартире, в небольшой, но уютной комнате, ключ от которой находился в их руках.

И вот они зашли в комнату, присели на диван, чтоб поговорить о своей дальнейшей жизни, но вдруг в дверь кто-то постучал.

Молодая дама сделала артисту знак не отзываться, но артист и без этого замер в безмолвии.

Вдруг за дверью раздается голос:

— Скажите, а скоро она вернется?

Наша дама, услышав голос, страшно побледнела и шепотом сказала актеру, что это голос ее мужа. И что муж,

должно быть, увидел их на улице, и вот он теперь их выследил.

Артист драмы, услышав о подобном камуфлете, просто даже затрясся и задрожал и затаив дыхание прилег на диван, с тоской глядя на свою симпатию.

А голос за дверью говорит:

— Тогда я напишу записку. Скажите, что я заходил.

И вот муж нашей дамы (а это был действительно он), написав записку, подсунул ее под дверь и сам пошел к выходу.

Наша дама, очень удивившись, моментально схватила эту записку и стала читать ее. После чего начала громко рыдать, вопить и падать на диван.

Артист драмы, немного придя в себя от звуков дамского голоса, тоже не без удивления зачитал эту записку, в которой говорилось:

«Крошка Сонечка! Я случайно освободился раньше и заскочил к тебе, но — увы! — не застал. Зайду в три. Крепко целую. *Николай*».

Наша дама сквозь слезы и рыдания говорит артисту:

— Что бы это значило? Как вы думаете?

Артист говорит:

— Скорее всего ваш муж увлекается вашей подругой. И он зашел сюда не иначе как отдохнуть от своей семейной жизни. Теперь ваша совесть должна быть спокойна — позвольте вашу ручку.

И только он хотел преподнесть ее ручку к своим шершавым губам, как раздается неистовый стук в дверь. И за дверью слышится тревожный голос подруги:

— Ах, откройте поскорее! Это я пришла. Не заходил ли кто-нибудь без меня?

Услышав эти слова, наша дама моментально разразилась рыданиями и, открыв дверь, с плачем подала подруге оставленную записочку.

Та, прочитав записку, немного смутившись, сказала:

— В этом нет ничего удивительного. А раз вы все знаете, то я скрываться не буду. В общем, я прошу вас моментально уйти, поскольку ко мне должны кое-кто зайти.

Наша дама говорит:

— То есть как кое-кто? Из записки видно, что к тебе сейчас мой муж зайдет. Хорошенькое дело! — уйти в такую минуту. Да я, может, желаю посмотреть, как этот подлец переступит порог этого вертепа.

Молодой человек, у которого попросту испортилось

настроение от всех этих передряг, хотел было уйти от греха, но наша дама, в пылу раздражения, не велела ему уходить.

Она сказала:

— Вот сейчас явится мой муж, и тогда мы разрубим этот запутанный узел.

Услышав слова, близкие к лексикону военной жизни, артист, найдя шапку, стал уже более энергично прощаться и уходить. Но тут между подругами произошла перебранка и спор относительно его самого — надо ли ему уходить.

Сначала обе подруги хотели его оставить до прихода мужа как вещественное доказательство. Первая — чтоб показать мужу, что за птица ее подруга, допустившая их в свою комнату, вторая — чтоб показать, какова его жена.

Но после этого мысли у них переменились. Подруга вдруг не захотела себя компрометировать, а жена не пожелала упасть в глазах мужа. И, на этом сговорившись, они велели нашему артисту моментально поскорей уйти.

И только этот последний, довольный таким оборотом, стал прощаться, как вдруг снова раздался стук в дверь. И голос мужа произнес:

— Дорогая Соня, это я! Откройте!

Тут произошла некоторая паника и замешательство в комнате.

Артист драмы моментально поник духом и, находясь в страшной тоске, хотел было прилечь на диван, чтоб притвориться больным или умирающим, но вовремя подумал, что как раз в подобном горизонтальном положении по нем и могут скорей всего открыть огонь, как по легкомысленно лежащему на диване.

И в силу этого он стал мотаться по комнате, задевая за все ногами и производя страшный шум и грохот.

Пришедший муж, находясь за дверью, крайне удивился задержке и грохоту и начал уже более энергично колотить в дверь, думая, что в комнате происходит что-нибудь особенное.

Тогда подруга говорит артисту:

— Вот эта дверь ведет в комнату моего соседа. Я вам сейчас ее открою. Пройдите туда и оттуда дуйте в коридор и на лестницу. Горячий привет!

И сама поскорей открывает крючок на двери и велит артисту побыстрей уйти, тем более что пришедший муж, услышав в комнате шум, стал срывать дверь с петель, чтоб войти в комнату. Тогда наш артист пулей вбежал в соседнюю комнату и хотел было выйти в коридор, как вдруг

заметил, что дверь в коридор была заперта с той стороны, по-видимому на висячий замок.

Артист бросился назад, чтоб сказать двум дамам о том, что он в критическом положении — дверь закрыта, и ему не пройти. Однако уже было поздно.

В эту комнату был впущен муж, и там поднялся разговор, при котором появление артиста было бы крайне нежелательным.

Тогда артист, как человек неуравновешенный, моментально ослаб от множества событий и, почувствовав крайний физический упадок и головокружение, прилег на кровать, полагая, что он тут в полной безопасности.

И вот он лежит себе на кровати и думает разные отчаянные мысли — о том о сем и, в частности, о вздорности любовных порывов. И вдруг слышит, как кто-то гремит замком в коридоре. Кто-то такое, одним словом, возится около двери и, должно быть, сейчас войдет в комнату.

И вдруг дверь действительно открывается, и на пороге показывается человек с корзинкой пирожных из Торгсина.

Увидев человека, лежащего на его кровати, пришедший раскрывает рот от удивления и, мало чего понимая, хочет захлопнуть за собой дверь.

Артист начинает извиняться и лепетать разные слова, и вдруг он с ужасом видит, что вошедший хозяин комнаты есть не кто иной, как тот человек, с которым он утром побранился и в которого он плюнул с площадки трамвая.

Не рассчитывая унести ноги, наш артист снова, как малолетний ребенок, ложится на кровать, думая, что это в крайнем случае только сон, который сейчас пройдет, и тогда наступит великолепная жизнь, без всяких особых неприятностей и передряг.

Вошедший, у которого удивление пересилило гнев, говорит жалобным голосом:

— Да что ж это такое, господа? Ко мне сейчас знакомая придет, а тут, глядите, какое-то мурло у нас расположилось в моей комнате. Как же он в нее вошел? В запертую дверь?

Артист, видя, что ему рук не ломают и его не бьют по сопатке, говорит с душевным подъемом:

— Ах, пардон! Я сию минуту уйду. Я только на секундочку прилег отдохнуть... Я не знал, что это ваша кровать... У меня голова закружилась от множества событий...

Тут хозяин комнаты, у которого гнев снова пересилил удивление, стал кричать:

— Но это безобразие! Он, глядите, вперся с ногами на

мою кровать. Да я, может быть, знакомым своим не разрешаю с ногами находиться. Это что за новости! Какой подлец!

И он подбегает к артисту, хватает его за плечи и буквально вытряхивает с кровати. И вдруг замечает, что личность артиста ему знакома по утреннему происшествию.

Тут наступает небольшая пауза.

Хозяин, мало чего понимая, говорит:

— Ах, вот когда ты мне попался, рыбий глаз!

И хочет его схватить за горло.

Но в это время раздается нежный стук в дверь.

Хозяин говорит:

— Ну, скажи спасибо, что ко мне дама сейчас пришла, которую я жду. А то бы я с тебя сейчас размазню сделал.

И, взяв артиста за воротник, тащит его к дверям, чтоб выпихнуть его в коридор, как тряпку, на что артист вполне соглашается и даже доволен.

Но вдруг открывается дверь, и на пороге комнаты появляется довольно интересная дама, которая пришла в гости к хозяину и явилась в некотором роде как бы спасительницей нашего пресловутого артиста.

Однако наш артист при виде дамы просто попятился назад от изумления и даже закачался, поскольку эта вошедшая дама была его супруга.

И в смысле совпадения это было действительно нечто поразительное.

Тут наш артист, крайне молчаливый за последние два часа, начал просто орать и буянить, требуя от жены объяснений, что значит это таинственное посещение.

Жена начала плакать и рыдать и говорить, что это ее сослуживец и что она действительно иногда к нему заходит попить чаю с пирожными.

Сконфуженный сослуживец сказал, что теперь, поскольку они квиты, они могли бы помириться и втроем выпить чаю. На что актер разразился такой неистовой бранью и криками, что жена впала в истерику. А ее сослуживец снова полез драться, почувствовав оскорбление за плевок.

И тогда все соседи прибежали поглядеть, что у них тут делается.

Среди присутствующих оказались также и наша дама с мужем и с подругой.

Узнав все, что произошло, все шестеро, собравшись в комнате, стали совещаться, что же им делать.

Которая из балетных так говорит своей подруге:

— Очень просто! Я выхожу замуж за Николая. Артист женится на тебе, а эти двое сослуживцев тоже составят вполне счастливую пару, служащую в одном учреждении. Вот как нам надо сделать.

Сослуживец, к которому пришла жена артиста, говорит:

— Здравствуйте пожалуйста! У ней, кажется, куча ребятишек, а я на ней буду жениться. Тоже, знаете, нашли простачка.

Артист драмы говорит:

— Я прошу не оскорблять моей жены. Тем более я не намерен выдавать ее за первого встречного.

Жена артиста говорит:

— Да я бы к нему и не переехала. Глядите, какая у него комната! Разве я могу вчетвером, с детьми, тут находиться?

Сослуживец говорит:

— Да я тебя с детьми на пушечный выстрел к этой комнате не подпущу. Имеет такого подлеца мужа, да еще вдобавок мою комнату хочет оттяпать. Вижу — уже лежит один на моей кровати.

Сонечка из балетных примиряюще говорит:

— Тогда, господа, давайте так: я выйду за Николая, артист с супругой так и останутся, как были, а на жене Николая мы женим этого дурака сослуживца.

Сослуживец говорит:

— Здравствуйте! Еще не легче. Вот я сейчас с ней запишусь. Держите карман шире! Да я в первый раз вижу эту облезлую фигуру. К тому же, может, она карманная воровка?!

Артист говорит:

— Просьба не оскорблять наших дам. Я считаю, что это правильный выход.

Наша дама говорит:

— Ну нет, знаете. Я не намерена из своей квартиры никуда выезжать. У нас три комнаты и ванна. И не собираюсь болтаться по коммуналкам.

Сонечка говорит:

— Из-за трех негодяев у нас все пары распадаются,— так было бы славно. Я за Николая, эта за этого. А эти так.

Тут между дам началась грубая перебранка и счеты о том о сем. После чего мужчины скрепя сердце решили, что все должно идти по-прежнему. На этом они и разошлись.

Однако совершенно по-прежнему не пошло. Сонечка вскоре вышла замуж за своего соседа, сослуживца жены

артиста. И к ней по временам стал приходить в гости наш артист, который ей понравился благодаря своему мягкому, беззащитному характеру.

А наша дама, разочаровавшись в обывательском характере артиста, влюбилась в одного физиолога. А что касается Николая, то у него, кажется, сейчас романов нет, и он всецело погружен в работу, но с Сонечкой он, впрочем, иногда встречается, и в выходные дни он нередко ездит с ней за город.

Вот какие иногда бывают случаи на любовном фронте.

На этом мы хотим закончить наши любовные рассказы, с тем чтобы перейти к следующему отделу — «Коварство».

Однако близость этого отдела позволяет нам рассказать еще одну новеллу, в которой два этих предмета — любовь и коварство — соединились между собой.

И вот что получилось.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ, ПОД НАЗВАНИЕМ «КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ»

Один молодой человек, некто Сергей Хренов, браковщик-приемщик с одного учреждения, начал ухаживать за одной барышней, за одной, скажем, работницей. Или она за ним начала ухаживать. Сейчас, за давностью времени, нету возможности в этом разобраться. Только известно, что стали их вместе замечать на саратовских улицах.

Начали они вместе выходить. Начали даже под ручку прохаживаться. Начали разные всякие любовные слова произносить. И так далее. И тому подобное. И прочее. А этот франтоватый браковщик однажды замечает своей даме:

— Вот, говорит, чего, гражданка Анна Лыткина. Сейчас, говорит, мы гуляем с вами и вместе ходим и, безусловно, говорит, совершенно не можем предвидеть, чего из этого будет и получится. И, говорит, будьте любезны, дайте мне на всякий случай расписку: мол, в случае чего и если произойдет на свет ребенок, то никаких претензий вы ко мне иметь не будете и не станете с меня требовать денег на содержание потомства. А я, говорит, находясь с такой распиской, буду, говорит, еще более с вами любезен, а то, говорит, сейчас, когда каждое действие предусматривает уголовный кодекс, я нахожусь как скованный. И я, говорит, скорее всего отвернусь от нашей с вами любви, чем я буду

впоследствии беспокоиться за свои действия и платить деньги за содержание потомства.

Или она была в него слишком влюблена, или этот франтик заморочил ей голову, но только она не стала с ним понапрасну много спорить, а взяла и подписала ему бумажку. Мол, и так далее, и в случае чего я никаких претензий к нему не имею, и ладно, с него денег требовать не буду.

Она подписала ему такую бумажку, но, конечно, сказала кое-какие горькие слова:

— Это, говорит, довольно странно с вашей стороны! Я раньше никогда таких расписок никому не давала. И даже мне, говорит, чересчур обидно делается, раз ваша любовь принимает такие причудливые формы. Но, говорит, раз вы настаиваете, то я, конечно, могу подписать вашу бумажку.

— Да уж, будьте любезны! Я, говорит, уже много лет присматриваюсь к нашей стране и знаю, чего боюсь.

Одним словом, она подписала бумажку. А он, не будь дурак, засвидетельствовал подпись ее прелестной ручки в домоуправлении и спрятал этот драгоценный документ поближе к сердцу.

Короче говоря, через полтора года они, как миленькие, стояли перед лицом народного суда и докладывали ему о своем прежнем погасшем чувстве.

Она стояла в белом своем трикотажном платочке и покачивала малютку.

— Да, говорит, действительно, я по глупости подписалась, но вот родился ребенок как таковой, и пущай отец ребенка тоже несет свою долю. Тем более я не имею работы, и так далее.

А он, то есть бывший молодой отец, стоит таким огурчиком и усмехается в свои усики.

Мол, об чем тут речь? Чего такое тут происходит, ась? Чего делается, я не пойму. Когда и так все ясно и наглядно, и при нем, будьте любезны, имеется документ.

Он торжественно распахивает свой пиджак, недолго в нем роется и достает свою заветную бумажку. Он достает заветную бумажку и, тихонько смеясь, кладет ее на судейский стол.

Народный судья поглядел на эту расписку, посмотрел на подпись и на печать, усмехнулся и так говорит:

— Безусловно, документ правильный...

Браковщик говорит:

— Да уж, совершенно, так сказать, я извиняюсь,

правильный. И, вообще, не остается никакого сомнения. Все, говорит, соблюдено, и все не нарушено.

Народный судья говорит:

— Документ, безусловно, правильный, но только является такое соображение: советский закон стоит на стороне ребенка и защищает как раз его интересы. И в данном случае, по закону, ребенок не должен отвечать или страдать, если у него отец случайно попался довольно-таки хитрый сукин сын. И в силу, говорит, вышеизложенного, ваша расписка не имеет никакой цены, и она только дорога как память. Вот, говорит, возьмите ее обратно и спрячьте ее поскорее к себе на грудку. Эта расписка вам будет напоминать о вашей прошлой любви.

Короче говоря, вот уже полгода, как бывший отец платит деньги.

И это совершенно справедливо.

На этом, товарищи, мы закончим наши рассказы о любви.

Этих рассказов оказалось восемь, а не десять. Ну, пусть так и будет. Наша жизнь не так-то уж забита любовными делами, чтобы без конца рассуждать о чувствительных мотивах. На этом мы прекращаем наши рассуждения о любви.

И, прочитавши еще небольшое нижеследующее послесловие, мы с превеликой тревогой перейдем к третьему отделу, который у нас имеет угрожающее название — «Коварство».

Итак, прочтите небольшое послесловьице ко второму отделу. Это послесловьице, так сказать, крепче свяжет все то, что мы вам говорили про любовь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, уважаемые товарищи, мы заканчиваем наш отдел «Любовь».

И вот, что же мы видим, прочитавши все это с добросовестным старанием? Что же мы видим, прочитавши новеллы из нашей жизни и смешные рассказы из прежней истории?

А мы видим, что любовь, как это ни удивительно, связана прежде всего с крупнейшими неприятностями. То, знаете ли, обман наблюдается, то ссора и заваруха, то муж вашей любовницы круглый дурак, то жена у вас попадается такая, что, как говорится, унеси ты мое горе, то вообще сильная корысть наблюдается, только припасай деньги.

Главное, что можно заключить,— наши характеры уж очень препаршивые. Они, знаете, как-то мало еще приспособлены для занятий столь чудесными делами, как, например, любовь, свадьбы, встречи с дорогими особами и т. д.

Да, у нас, приходится сознаться, дрянные и корыстные характеры, благодаря которым мы сами закрываем себе доступ к безоблачной жизни.

И в этом смысле мы все-таки слегка завидуем тем будущим, вполне перевоспитанным молодым людям, которые, поплевывая, будут проживать, скажем, через пятьдесят лет. Вот уж эти, черт возьми, возьмут свое. Вот они не будут разбазаривать свое время на разную чепуху — на всякие крики, скандалы...

Воображаем, с какими образцовыми, изумительными красавицами они будут, черт возьми, знакомы!

Даже какой-нибудь мелкий человечишко, не представляющий из себя ничего значительного, и тот, наверное, будет наряду со всеми пользоваться великолепной, сказочной жизнью, достойной человека тех времен.

Ах, нет, мы не жалуемся, мы в этом смысле отчасти

тоже весьма довольны своими сердечными делами, но это, конечно, не мешает нам видеть кое-какие недостатки. То, например, наша знакомая одета небрежно, то у нее на голове, к примеру, такая шляпочка, что лошади пугаются. То вообще просит повести ее в ресторан. А то давеча вел одну под руку — у ней, представьте себе, французский каблук сломался. Главное, совестно, идти не может: одна нога короче, другая длиннее, когда идет — хромает. А снять туфли и идти в чулках — я не дозволяю. Мне както совестно, что у меня такая дама идет. Извозчиков нету. Денег мало, чтоб нанять людей перенести даму. Здоровье плохое, чтоб нести самому. Дама плачет. Ах, какие бывают дела!

Конечно, это мелочи, пустяки в сравнении с вечностью, но все-таки хочется полного комфорта, который не за горами.

Итак, друзья, подумав возвышенным образом о скором будущем, мы переходим к новому отделу — «Коварство».

Тут у нас главным образом пойдет речь о всяких жуликах и подлецах, которые своими коварными действиями тормозят плавный ход нашей жизни.

И мы уже слышим ихние трескучие голоса и видим трясущиеся руки и нахальный блеск ихних глаз.

И хотя нам весьма противно браться за это самое, однако мы с прилежным терпением постараемся вывести всех подлецов на свежую воду.

Так вот, переходим к отделу — «Коварство».

Краска стыда и негодования заливает наше лицо.

КОВАРСТВО

1. Итак, не без душевных треволнений открываем новый отдел — «Коварство».

Но, прежде чем приступить к делу, дозвольте поделиться с читателем гражданской скорбью.

2. Своей профессией, уважаемый читатель, мы не особенно довольны.

Профессия сатирика довольно, в сущности, грубая, крикливая и малосимпатичная.

Постоянно приходится говорить окружающим какие-то колкости, какие-то грубые слова — «дураки», «шантрапа», «подхалимы», «заелись» и так далее.

Действительно, подобная профессия в другой раз как-то даже озадачивает современников. Некоторые думают: «Да что это такое? Не может быть! Да нужно ли это, вообще-то говоря?»

3. И верно — на первый, поверхностный взгляд все другие профессии кажутся значительно милей и доступней человеческой душе.

Бухгалтер, например, специально как-то там складывает цифры между собой на пользу страждущего человечества, чтобы оно, так сказать, не слишком проворовалось в денежном смысле.

Другой там какой-нибудь тип из актерской братии энергично поет с эстрады и своим, скажем, козлетоном отвлекает людей от всевозможных житейских страданий.

Там какой-нибудь, я не знаю, профессор, питомец академических наук, решительно все знает и опять-таки всех удивляет своими невероятными знаниями.

Хирург режет разные язвы и карбункулы на наших скоропортящихся телах, способных каждую минуту загнить и зачервиветь. Водолаз откачивает воду и ныряет на дно морское. Дворник стережет дом и открывает калитку.

И только, я говорю, мы, сатирики, вроде как бы и не люди, а собаки.

4. Нет, вообще-то говоря, если подумать глубже, профессия эта тоже нужная и полезная в общественном смысле. Она одергивает дураков и предостерегает умных от их глупых поступков. Она расширяет кругозор и мобилизует внимание то одних, то других на борьбу то с тем, то с этим. Она иллюстрирует всякого рода решения и постановления, а также приносит известную пользу в смысле перевоспитания людских кадров.

Так что профессия, спору нет, в высшей степени не так уж очень особенно бесполезная.

Единственно, я говорю, профессия тем нехороша, что она не дает много беспечной радости своему владельцу.

Она утомляет ум и зрение. Она вредна и недопустима при малокровии и туберкулезе. А также при колите и язвах желудка ею не следует заниматься.

Она предрасполагает к меланхолии и нарушает обмен веществ. Нервная экзема и сахарное изнурение также иной раз суть прямые следствия этой вредной профессии. Кроме того, она портит характер, ссорит с окружающими и нередко разводит с женами.

5. И, в силу вышеизложенного, отличаясь оптимизмом и крайней любовью к жизни и к людям, решили мы больше не напирать на сатирическую сторону дела.

И, не отказываясь от сатиры, решили мы с этого момента слегка, что ли, переменить курс нашего литературного корабля.

И даже въезжая, как видите, в столь ответственную гавань, носящую грозное название «Коварство», решили мы уже и на этот раз попробовать свои силы не в качестве желчного сатирика прежней формации, из таких, которые заламывают руки, стыдят и восклицают, а решили мы попробовать себя в качестве ну вроде бы члена коллегии защитников.

Конечно, казалось бы, в высшей степени странно защищать подобные дефекты человеческого духа, но защита у нас будет до некоторой степени своеобразная и далеко не всех мы намерены защищать.

6. Итак, значит, произнося на палубе нашего корабля подобные эффектные речи, пытаемся мы тем временем въехать в обширную и плохо защищенную гавань. Но

бурные воды всевозможных литературных течений, вдребезги разбившие берег, не разрешают нам с легкостью это произвести.

И, желая тогда переждать некоторое время, чтоб обдумать, как бы полегче к этому подойти,— останавливаемся мы на рейде и не без растерянности поглядываем на берега, на которых уже, подмигивая, прохаживаются всякого рода проходимцы, жулики, хитрецы, арапы, комбинаторы и заплечных дел мастера.

И при виде этого сброда у нас на душе делается слегка, мы бы сказали, коломитно.

И мы так восклицаем: «Ах, кажется, мы напрасно решили заступиться за эту шушеру!»

Впрочем, вот какое мы имеем соображение.

7. Звери, например. Предположим, животные. Ну там, скажем, кошки, собаки, петухи, пауки и так далее. Или даже в крайнем случае взять — дикие звери. Слоны там. Отчасти жирафы. И так далее.

Так у этих зверей, согласно учению Брема, ничего подобного вроде того, что у нас, не бывает. Они, как это ни странно, коварства почти не понимают. И там у них этого нету.

И это, вообще говоря, отчасти даже курьезно, что у людей это есть, а у остальных этого нету. А люди как бы все-таки, чего бы там ни говорили, в некотором роде есть венец создания, а не наоборот. И тем не менее у тех нету, а у этих есть. Вот это даже странно. И как-то нелепо.

Это всегда отчасти коробило и волновало наиболее честных специалистов-философов, проповедующих общее развитие и душевную бодрость.

«Нельзя допускать,— сказал в свое время славный философ Платон,— чтоб птицы и звери имели нравственное превосходство перед людьми».

Но с тех пор в ужасной, можно сказать, сутолоке жизни прошло что-то там, кажется, две тысячи лет, и эти так и продолжали иметь то, чего не было у зверей.

А звери, может быть, тем временем постепенно совершенствовались и совершенствовались и наконец дошли до того, чего они сейчас из себя представляют.

8. Итак, согласно доказательству Брема, звери не имеют коварства. Они живут бодро и энергично, некоторые из них поют, некоторые все-таки крякают, рычат, вопят, рявкают

и так далее, но тем не менее все они отличаются бодростью и любовью к жизни. И жизнь у них протекает сравнительно гладко, без особого арапства, среди красивых картин природы, в тиши лесов и полей.

Другое дело, что им там все-таки проще обходиться. Как сказал поэт про какого-то, не помню, зверька — что-то такое:

И под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.

Это, кажется, он сказал про какого-то отдельного представителя животного мира. Что-то такое в детстве читалось. Какая-то чепуха. И после заволокло туманом. Одним словом, речь шла там про какую-то птицу или про какую-то козу. Или, кажется, про белку. Что ей так легко живется и что ей, конечно, в голову не приходит ловчиться или там идти на всякие лесные комбинации и аферы.

Но это, конечно, другой вопрос. В общем, только факт, что животный и растительный мир почти незнаком с коварством.

А поскольку некоторые европейские ученые отчасти смешали в одну кучу людей и зверей и они не делают слишком большой разницы между теми и этими, то мы осмеливаемся поэтому вывести стройное умозаключение, что ничего такого лишнего, чего не бывает у зверей, не должно бы, собственно говоря, быть и у представителей нашей славной породы.

9. А если чего-нибудь есть или имеется — значит, были к тому уважительные причины.

И которые возьмут в руки историю, те сразу могут убедиться, отчего это бывает.

Прошлая жизнь, согласно описанию историков, была уж очень, как бы сказать, отвратительно ужасная. То и дело правили какие-то кровавые царьки, какие-то в высшей степени, пес их знает, свирепые тираны, владетельные господа, герцоги, потомственные дворяне, бароны и так далее. И все они, конечно, делали со всей публикой чего хотели. Отрезали языки у тех, которые болтали не то, чего надо. Сжигали на кострах, если, например, человек высказывал собственные научные или религиозные мысли. Кидали для потехи диким зверям и крокодилам. И вообще без зазрения совести поступали как хотели.

И от всех этих дел публика, наверно, нравственно ослабла. И характеры у них отчасти испортились. У них, может, озлобился ум. И они стали ко всему приноравли-

ваться, и с течением веков через это, может быть, произошли коварство, арапство, подхалимство, приспособленчество, и так далее, и тому подобное, и прочее.

10. А сами-то по себе, может, все эти и тому подобные явления чисто случайные, и они наносные на прекрасной и в высшей степени порядочной натуре человека.

Вот интересно. В свое время Наполеон так отозвался о Голландии. Он, видите, присоединял к Франции эту маленькую цветущую страну и в государственном акте так, в высшей степени коварно, отозвался об ней: он назвал ее — «наносная земля французских рек».

Так вот, может, и тут. Может быть, коварство и все такое есть наносная земля, возникшая благодаря бурному и свирепому течению прежней жизни.

А если это так, то мы, как защитники угнетенных, с удовольствием высказываем эту мысль. Наверное, так оно и есть.

И, значит, скорей всего, когда там изменится курс, как, например, у нас, все это как сон исчезнет, и наступит счастье, способное удовлетворить запросы самого капризного ума.

И, говоря о таких вещах, всегда как-то хочется приподнять завесу, которая закрывает от нас грядущее. Все-таки очень хочется увидеть, как-то там у них пойдет.

11. Но у них в этом смысле, без сомнения, отлично пойдет. Это уж отчасти заметно по некоторым данным нашей жизни. У нас, в общем счете, публика, что ни говорите, заметно исправилась к лучшему. Многие стали более положительные, честные. Работяги. Заметно меньше воруют. Многие вдруг заинтересовались наукой. Чтением книг. Некоторые поют. Многие играют в шахматы. В домино. Ходят на концерты. Посещают музеи, где глядят картины, статуэтки и вообще чего есть. Дискуссируют. Лечатся. Вставляют себе зубы. Гуляют в парках и по набережной. И так далее.

В то время как раньше эти же самые дулись бы в карты, орали бы в пьяном угаре и перед дверью ресторанов выбивали бы друг другу остатние зубы.

Нет, если говорить о чистоте нравов, то у нас перемена в наилучшую сторону. И с этим можно поздравить население. Поздравляем! Пламенный привет, друзья!

12. И при всем том прошло, заметьте себе, немного меньше, чем два десятка лет. А ну-те, пройдет, предположим, еще

полсотни лет?! Ого! Это прямо удивительно, что может получиться!

Итак, все дрянное постепенно, может быть, будет отставать и отлепляться, и, наконец, ударит год, когда мы, сами того не понимая, предстанем друг перед другом во всей своей природной красоте.

Конечно, для полноты цели потребуется, естественно, довольно продолжительное время. Чтоб перековаться еще более основательно.

А то, конечно, некоторые, в силу своего коварства, возможно, что отчасти подыгрывают, или они делают вид, что они уже совершенно готовы, в то время как в душе у них горит небось пламя прежней жизни. И они, может, горюют, что им не дают развернуться. И только это никому не видно, благодаря опять-таки коварству, которое, я так думаю, при перековке одно из последних покинет наши бренные тела.

13. Истории вполне известны такие факты, когда малоустойчивые элементы обнаруживали свое настоящее лицо. Как, например, однажды было в Англии. Представьте себе — строгая пуританская Англия. Кромвель. Чистота нравов. Сжигание для чего-то музыкальных инструментов. И так далее.

И вдруг в самое короткое время, то есть меньше чем в полгода, эта чопорная Англия превращается в самую разгульную страну. Крики, пьянство, базар, танцы. Бренчат на всех инструментах. Безобразие. Бешеный разгул. Проституция. И так далее. И даже не проходит полгода, как один из друзей Кромвеля, генерал Монк, восстанавливает, представьте себе, королевскую власть. Он восстанавливает на престол Карла II. Ну что это такое? Какой подлец! То есть ужас что было.

То есть это было, по словам историков, то, что все низкое и подлое носило до сих пор маску коварства и благочестия, которую при первом же случае все эти молодцы моментально скинули. Вот как опасны мошенники со своим коварством. Двадцать пять лет носили маску!

14. Итак, коварство. История знает, прямо скажем, превеликое множество рассказов о коварстве.

Даже первая страница, первый, можно сказать, младенческий ход на полях истории и то у них начинается с коварства и недоверия.

Такой, в общем, благородный жест, который теперь умиляет наши сердца, такой славный жест, как, например, рукопожатие друзей, имел в своем историческом прошлом несколько иной смысл, чем он сейчас имеет. Наши славные предки всего-навсего хотели, оказывается, удостовериться, нет ли в руках подошедшего какого-нибудь камня или оружия. И благодаря этому они, конечно, трогали за руку. И этим они проверяли, не допущена ли хитрость.

А после это, может, вошло у них в привычку. А теперь убрать даже как-то неохота. Особенно отчего бы в наше время не поздороваться за руку с какой-нибудь знакомой, которой отчасти симпатизируешь? И в руке которой явно, кроме сумочки с пудрой, ничего не бывает. Ну, а на службе — другой вопрос. Там, пожалуй, здороваться не к чему — лишняя трата времени и не так уж слишком гигиенично.

И кто бы мог думать, что такой в высшей степени благородный и отчасти сентиментальный жест — символ культуры и роста духа — имеет такое тяжелое прошлое! Как это, право, неприятно! Это как-то даже снижает наше значение.

15. Итак, первая страница истории открывается с коварства, недоверия и хитрости.

А дальше как из рога изобилия сыплются всякие тому подобные факты и рассказы о коварстве.

Кое-чего, извольте, расскажем. Но начинать придется, между прочим, с попов. То есть с церкви и с ихних церковнославянских дел.

Главное, мы вовсе не имеем какой-нибудь особой тенденции запачкать или уронить в грязь эту культсекцию. Мы вовсе не хотим подрывать ее авторитет в глазах мировой буржуазии. И вообще мы бы ни в коем случае с них не начинали. Но в данном случае очень уж их дела, говоря церковным языком, вопиют к небу.

Тут надо отдать должное: они были на первом месте. Тут у них в области коварства есть дела, прямо не перекрытые за весь ход мировой истории.

Например, чего они делали. Они приговоренных к сожжению передавали светской власти с таким елейным заключением: «Наказать с возможной кротостью, без пролития крови».

И это самое «без пролития крови» как раз и обозначало на ихнем церковнославянском языке — сожжение.

16. Конечно, какой-нибудь современный поп, читая эту фразу, наверно сильно переконфузится. Может, даже он скажет: да, дескать, наши слегка, пожалуй, перехватили через край, извиняюсь.

Но нам, конечно, с этого извинения не шубу шить.

Вот они еще на что шли в своем рвении к небесной чистоте. Они там, у себя в застенках, во время инквизиции брали с арестованных такого сорта расписки:

«А если при этом (то есть при пытке) осужденный умрет, или будет ранен, или если за этим последует кровотечение или членовредительство, то произошло это по его вине, ибо он не хотел сознаться и сказать правду».

И вот с христианским смирением какой-нибудь толстоватый поп подкладывал для подписи своей жертве подобную хамскую записку, где в каждом слове проявление высшего коварства и подлости.

И при этом, наверное, вздыхал и поднимал к потолку свои белесые буркалы. И сам вежливенько говорил: «Сын мой, подмахни эту записульку...»

И прошло, может, триста лет, а у нас в груди закипает от желания, я извиняюсь, ударить в рожу этой преподобной личности. Разные святые слова: «Христос воскрес», «святый боже», а сами сколько прекрасного народу пережгли на своих поповских кострах. Ради, так сказать, чистоты христианского учения. Вот уж, можно сказать, башмак стоптался по ноге. Крапивное семя!

17. Я извиняюсь, конечно, за некоторую неровность стиля. Волнение, знаете, ударяет. Уж очень беспримерное нахальство с ихней стороны.

Вообще в смысле коварства это была очень отчаянная публика.

Среди них один римский папа особенно чересчур отличился.

Он придумал удивительное коварство для достижения своей цели. Это был папа Сикст Пятый. Это ему такое имя дали при восшествии на папский престол. А так-то, до этого, его звали Перетта. И он был не папа, а простой кардиналишка из монахов.

И вот он находится в положении обыкновенного кардинала, и это ему все мало. Он еще непременно хочет стать римским папой. Еще чего! То есть он хочет быть папой, но не может. И прямо он от этого желания страдает и чуть не умирает.

А там у них это было не так-то просто — папой быть.

Другие, может быть, тоже к этому стремятся. А наш герой — из простых монахов и не имеет особой протекции. Только что он не дурак.

18. И вот тут, как нарочно, умирает у них прежний римский папа. Может быть, Сикст Четвертый. Я, впрочем, не уверен в этом. И вот у них начинаются перевыборы. Может быть, пленум. Или там конференция специалистов по священному писанию. Одним словом — выборы.

Воображаю, какие понаехали! Шелковые рясы. Выступают медленно. Ручки пухлые. Морды лоснятся. И почти все кардиналы. Крапивное семя!

И наш герой, кардиналишка Перетта, тоже, конечно, поторопился сюда приехать.

Поглядел, может, на избранное общество и думает: «В таком виде, какой я есть, они, мерзавцы, навряд ли меня выберут. Их надо чем-нибудь заинтересовать. Дай, думает, я им устрою метаморфозу».

И с этими словами он является на перевыборы вроде как больной. Он охает, кашляет и ходит сгорбившись. Поминутно хватается за грудку и при этом восклицает: вот, дескать, братцы, какой номер! Ослаб в высшей степени, серьезно хвораю и думаю скоро протянуть ноги. И, главное, прямо ничем не интересуюсь, до чего меня прищемило.

И сам говорит шепотом. С одышкой. И только у него, у подлеца, глаза сверкают, как у мошенника.

19. Другие кардиналы думают:

«Вот бы хорошо, в самом деле, такого слабенького папу выбрать. Он тихий, болезненный, все время хворает. Очень будет милый и застенчивый папа. И он навряд ли будет во все входить и всех подтягивать. А то, ей-богу, другого выберешь, он тебе навернет. Нет, непременно надо этого выбрать».

И с этими словами они его выбирают.

Историки говорят, что сразу после избрания, почти немедленно, произошла чудовищная перемена. Кардинал выпрямил стан и заговорил с собравшимися таким резким и суровым тоном, что привел всех в трепет.

И он пять лет был папой. И он весьма сурово вел дела. Он во все вникал и всех тянул. И даже казнил двух кардиналов. И сам был здоров как бык. Так что все вскоре убедились, что он их чертовски надул.

В общем, когда он умер, обозлившиеся церковники сбросили его статую с пьедестала и разбили ее в мелкие

дребезги. И это, говорят, был в некотором роде единственный случай, что разбили статую.

Наверно, он, собака, сильно им всем насолил. Но это был, в общем, большой психолог. Молодец!

20. А то они еще однажды одного довольно хорошего короля убили. То есть он, может быть, и не так был хорош, но они тоже уж, знаете, слишком хороши. Они его в церкви убили. Они ему яд в причастие подсыпали.

И это был один из удивительнейших церковных номеров — подсыпать яд в причастие и дать человеку, который, может быть, заскочил в церковь с самыми благими и божественными намерениями.

В общем, они его отравили таким поразительным способом. А это был, между прочим, германский император Генрих Седьмой. Там у них было, если помните, несколько Генрихов. Собственно, семь. Генрих Птицелов. Он, вероятно, любил птиц ловить. Скорей всего надо предполагать, что это была какая-нибудь порядочная балда, что он за птицами гонялся, вместо того чтоб править.

Потом был у них такой Генрих Мореплаватель. Этому, наверное, нравилось любоваться морем. Или он, может быть, любил посылать морские экспедиции. Впрочем, он, кажется, правил в Англии или в Португалии. Где-то, одним словом, в тех краях. Для общего хода истории это абсолютно неважно, где находился этот Генрих. А что касается Германии, то там, кроме того, были еще какие-то маловыдающиеся Генрихи. И, наконец, этот наш несчастный труженик — Генрих Седьмой. Он правил Германией еще значительно до фашизма. Он был у них императором в четырнадцатом веке.

21. И он ничего особенного из себя не представлял. Единственно он, говорят, пугался, как бы современники его не убили. И в этом смысле он сильно остерегался. Так что мы их, то есть церковников, вполне понимаем, что иначе как в церкви, его и нельзя было взять. Так что по-своему они и правы. Потому что дома он давал еду попробовать повару и приближенным. И, наверно, кроме того, со специальной целью у него под столом собаки находились. И он, может, по временам бросал им огрызки, чтоб удостовериться, правильная ли еда.

Ну, а в церкви он, естественно, не мог на этот счет тревожиться. Он был абсолютно спокоен. И он, наверное, глотнул причастие без всякого сомнения. Он, наверное, его

пил с большим удовольствием. Может быть, он даже подумал: «Это, мол, единственное местечко, где я, не тревожась, пью и кушаю. Не начать ли мне, думает, вообще в храмах закусывать. Сейчас, думает, питье допью и просвиркой закушу. Славно!»

Но не тут-то было. Только он выпил, и только он хотел облаткой заесть, как вдруг зашатался, побледнел и, как говорится в священном писании, упал с катушек долой.

22. И, наверное, упавши, сердито на попов взглянул. Дескать, что ж это вы, господа, обалдели! Неужели у вас хватило нахальства подсыпать чего-нибудь мне в причастие? Вот так номер!

И, вздохнувши раз-другой, скончался, увидев всю несостоятельность христианской церкви. Но было уже, к сожалению, поздно.

Попы, наверное, вскрикнули от удивления. Которые, конечно, не знали, в чем дело, и которые, может, сами хотели допить причастие и докушать просвирки. Но теперь забоялись это делать.

А которые знали, те, конечно, потирая руки, вприпрыжку побежали докладывать об этом кому следует.

И только потом историки откуда-то узнали, что яд в причастие велел подсыпать папа, который не ладил с этим императором.

Вот какой это был арапский случай из церковной жизни. А наш скромный Генрих так и помер. И даже ничего путного не сказал потомству.

Вообще, что касается императоров, то они, после попов, стоят на втором месте в смысле количества рассказов о коварстве.

И нам бы пришлось рассказывать множество исторических новелл, если бы у нас на это была сильная охота.

23. Жизнь императоров, естественно, переплетается с высшей царской политикой, так что она всегда бывает полна коварства и хитрости. И в этом нет ничего особенно удивительного.

Так что мы ограничимся небольшим повествованием об императорах, с тем чтобы поскорей перейти к более средним людям, проживающим без всяких особых намерений.

Вот, например, из императоров был большой негодяй, некто Тарквиний Гордый. Он был римский император. Или, кажется, царь.

Человек это был в высшей степени заносчивый и, судя

по названию, наверное гордый. Он у них в Риме правил. И он там одно время, в Риме, водопроводы проводил. И этим он в дальнейшем очень удивил последующие поколения. И, собственно говоря, этим он отчасти и прославился. Все его за это чересчур хвалили. То есть потомки. А для своих-то современников он был большой подлец.

Он так говорил о своем правлении:

— Поборы, налоги, каторжный труд — все это входит в систему моего правления. Бедным и задавленным народом мне наилегче всего управлять.

Однако народ не захотел оценить эти гордые мысли императора Тарквиния, и его к черту сбросили с трона. И последние свои годы он, несмотря на свою гордость, провел в крайней бедности и нищете. Поделом вору и мука!

24. Исключительным коварством отличался, между прочим, прославленный император Нерон. Вот этот вообще шел на любые поступки для достижения своих целей.

Но особенное коварство он проявил в отношении своей матери. Он непременно хотел убрать с дороги свою царственную мамашу, которая его резко осуждала и вмешивалась в политику. Он хотел ее убить, но это ему не удавалось. Она была в высшей степени увертливая и живучая особа. И даже, всецело понимая каторжный характер своего сына, она, по словам историков, всякий раз принимала перед едой противоядие, так сказать — на всякий пожарный случай.

Особа была, во всяком случае, опытная и себя в обиду не давала. К тому же и сама порядочная преступница. Так что умоляем читателей особенно ее не жалеть, когда речь дойдет до происшествия.

В общем, римский историк Светоний рассказывает, как Нерон велел сделать в ее комнате потолок, который мог бы обрушиться на старуху.

Вот как пишет Светоний. И это поразительно читать:

«Он устроил в ее спальне потолок с обшивкой, который с помощью машины можно было обрушить на нее во время сна».

25. Можно представить, каков был разговор при заказе этого потолка.

— Не извольте беспокоиться! — говорил подрядчик.— Потолок сделаем — просто красота! Ай, ей-богу, интересно вы придумали, ваше величество!..

— Да гляди, труху у меня не клади,— говорил Нерон.— Гляди, клади что-нибудь потяжельше. Легкая труха ей нипочем. Знаешь, какая у меня мамаша!

— Как же не знать, ваше величество? Характерная старушка. Только какая же может быть труха? Ай, ей-богу, интересно, ваше величество: я особо большой камешек велю положить в аккурат над самой головкой вашей преподобной маменьки.

— Ну, уж вы там как хотите,— говорил Нерон,— но только чтоб — раз! — и нет маменьки.

— Не извольте тревожиться. Считайте, что ваша маменька уже как бы не существует на этом свете. Не успеют они на днях проснуться, как на них потолок — кувырк! И вообще-с, несчастный случай, вроде землетрясения. Никто не виноват, и маменька, между прочим, больше не присутствует. Ай, ей-богу, интересно вы придумали, ваше величество! Очень, как бы сказать, натуральное средство против маменьки.

— Ну, ладно, ладно! Поменьше, дурак, языком трепли!

26. Но подрядчик оказался слишком энтузиастом своего дела. Он так кругом раззвонил об этом заказе, что слухи дошли до ушей царственной мамаши, которая, конечно, разгневалась и оскорбилась и тотчас покинула гостеприимный дворец.

Однако Нерон на этом не успокоился.

Он тогда срочно приказал командующему флотом заманить свою мамашу на особый разборный корабль. Причем корма этого корабля была устроена таким образом, что она могла внезапно отделяться и все, находящиеся на ней, падали в воду.

И старуха, которая хотела подальше удалиться от своего сына, с удовольствием, конечно, воспользовалась любезным приглашением и сдуру села на этот корабль.

И вдруг она вскоре очутилась в воде. Можно представить, какой поднялся визг и крик! И какая вообще была неожиданность кувыркнуться в воду! Тем не менее привыкшая благодаря сыну к походной жизни старуха и тут не потеряла голову. Она начала плавать и нырять и, хватаясь за деревянные части корабля, все-таки удержалась на морской поверхности.

А близкие друзья этой старухи вскоре подоспели и вытащили ее на берег.

И тогда она вместе с ними скрылась в одном из загородных дворцов.

Но вскоре неутомимый Нерон пронюхал, где она находится, и подослал наемного убийцу. Там ее и убили.

Вот это какой был коварный подлец! Впрочем, мамаша его была не менее подловата, а потому, повторяем, жалеть ее, так сказать, не приходится.

27. А то у них был еще такой — Лизистрат. Этот, кажется, даже не был императором. Но он в свое время все-таки както там правил. Он был правителем, собственно, даже у них не в Риме, а в Афинах. То есть он вообще был грек. И, будучи греком, он себе и правил помаленьку в Греции.

Однако, по словам историков, его правление что-то ему не особенно задавалось. Тем более время было слишком тревожное. Возникали, говорят, разные политические партии. Шаткое положение. И так далее.

А он, конечно, хотел завоевать симпатии народа, чтоб покрепче утвердиться. Но и это ему не удавалось, как он ни старался. А без этой симпатии его, конечно, могли каждую минуту легко сковырнуть. Тогда, по словам историков, он взял кинжал и нанес себе неопасную рану в грудь. И в таком, можно сказать, отвлеченном виде, с кинжалом в груди, он предстал перед удивленным народом. Он приехал на площадь на колеснице. И в груди кинжал торчит. Очень, так сказать, оригинально!

28. И там, на площади, не вынимая кинжала, он произнес громовую речь о покушении злодея на его жизнь и о своей горячей любви к народу, которая выше его жизни.

Согласно утверждению историков, народ после недоверчивого молчания растрогался и стал аплодировать зарвавшемуся вождю.

После чего народ стал, говорят, относиться к нему более симпатично и не прогонял его со своего поста, считая, что он вполне сердечный человек, не дорожащий своей жизнью ради общего блага.

А он этим воспользовался и вскоре утвердил единовластие.

После чего он очень счастливо правил, покуда вскоре не умер.

Но историки, узнав откуда-то обо всех этих подробностях и, в частности, о кинжале, пригвоздили его к позорному столбу как арапа и жулика, который с холодным расчетом пустился на подобную аферу, чтоб покрепче захватить власть в свои руки.

Вообще о царях и правителях можно было бы расска-

зать бесчисленное множество разных любопытных историек, пока не надоест.

Однако нас наибольше всего интересует частная жизнь и ее теневые стороны, чем что-либо другое. Нас интересует коварство, проявленное, если так можно сказать, исключительно для личного пользования.

29. Мы имеем намерение вам рассказать об одном человеке, который проявил исключительное коварство для достижения своей цели. Причем благодаря этому коварству многие пострадали, а двоим даже отрезали языки. Это было при русской императрице Елизавете Петровне.

В общем, вот как это было.

Сначала там правила, может, вы уже слышали, такая Анна Леопольдовна. Вообще молодая особа, со своим маленьким сыном. Но вскоре ее, конечно, прогнали, и на трон вступила Елизавета Петровна. А она была, между прочим, дочь Петра Великого. И, конечно, как это всегда бывает, там сразу после переворота начались аресты и так далее. Многих сенаторов и царедворцев вообще прогнали. Кое-кто угодил в тюрьму. А такой был у них обер-гофмаршал Левенвольд,— так его вообще решили выслать в Сибирь.

А это был в высшей степени красивый мужчина и франт. И он всем женщинам исключительно нравился. И он пользовался у них успехом.

И когда стали ссылать такого мужчину, естественно, многие заволновались.

А одна, красавица Лопухина, узнав, когда и куда он едет, вызвала к себе начальника отряда, который должен был сопровождать в Сибирь франта.

30. Это был некий поручик Бергер.

Этот поручик весело и интересно жил в Петербурге. Веселился и мотал наследство, и ему, конечно, просто не хотелось ехать в Сибирь.

А тут как раз приглашает его Лопухина и изъявляет желание с ним поговорить.

Вот он приходит к ней, и она ему говорит: вот, дескать, заботьтесь хорошенько о вашем арестанте. И передайте ему, что я его искренно люблю и помню. И пусть он не особенно расстраивается и пусть надеется на лучшие перемены.

Так она ему это откровенно сказала об этом и попрощалась.

А молодой поручик, услышав подобную фразу о переменах, решил сделать себе карьеру. Он решил раздуть

историю, надеясь, что его тогда не пошлют в Сибирь, а арестанта, может быть, даже тут повесят, на его счастье. В общем, только он тотчас забежал во дворец и с преувеличением рассказал камергеру Лестоку, как и чего ему было сказано.

31. Старая лиса Лесток, желая еще больше выдвинуться, решил раздуть это дело до громадных размеров. Он решил создать из этого дела что-то вроде какого-нибудь заговора. Тотчас образовали какую-то комиссию, следствие, суд.

И бедную красавицу Лопухину за неосторожную фразу о переменах подвергли пытке и казни. Мерзавцы отрезали ей язык, били ее кнутом и сослали в Сибирь.

А этого Бергера императрица вызвала к себе и поблагодарила. Она ему сказала: «Хвалю. Вот так и впредь поступай. Вот теперь, говорит, я чувствую, что вполне могу положиться на тебя в этом ответственном деле — при охране государственного злодея Левенвольда. Поезжай с богом! Еще раз хвалю».

Засим Бергер был допущен к царской ручке, и дня через три он, совершенно обалдевший от всех дел, трясся в кибитке, сопровождая арестанта в Сибирь.

Так его негодяйство и не доставило ему того, чего он рассчитывал.

И в противном случае нам было бы это слишком огорчительно читать.

Вообще он оставался несколько лет в Сибири. И там он спился. И умер от водянки.

Вот к чему приводят иной раз подобные коварные замыслы.

Но эта история о поручике Бергере все-таки как-то понятна человеческой душе. Ну, хотел человек скомбинировать, чтобы не ехать в Сибирь. Но это ему не удалось.

Подобные факты подряд бывают в истории — когда подлец строит свое счастье на чужом несчастье и для этой цели хитрит, травит и подсиживает. Это, так сказать, «великое вечное», и с этим во все времена следует горячо бороться.

Но в другой раз коварство проявляется без особой на то нужды. Вот что нас крайне удивляет.

32. Вот какую историческую новеллу мы желаем вам рассказать. Только это было, конечно, очень давно. Это было в шестом веке. Так что просьба не удивляться соб-

ственным именам, которые целиком правдивы и не выдуманы.

Жену короля звали Австрахильда. А короля — Гунтрам. Он был король в Бургундии. И, согласно утверждению историка, он был сыном меровингского короля Хлотаря Первого. Вот какие, между прочим, были короли на заре европейской жизни!

Так вот, эта супруга бургундского короля, мадам Австрахильда, начала последнее время что-то хворать. У нее было, по-видимому, какое-то внутреннее заболевание, поскольку лучшие врачи того времени терялись и не могли определить, что именно у нее есть.

Но тем не менее ее как-то лечили. Хотя она была отчасти недовольна этим лечением, и за полтора года она переменила девять врачей, тем не менее ей все делалось хуже, и наконец она стала умирать.

Собрались, конечно, родственники у ее изголовья. Ее дети. Король бургундский Гунтрам тоже пришел.

Начал ее, наверно, утешать: дескать, что же сделать, потерпите. Бог дал, бог и взял. Ничего, дескать, похороним пышно. Нет ли вообще каких-нибудь у вас последних земных забот, просьб или приказаний?

Она ему говорит:

— Да, у меня кое-что есть из земных забот. Меня лечили девять врачей. Однако я теперь, как видите, умираю. Я, говорит, прошу вас, ваше величество, в тот день, когда я умру, отрубите им головы. И это есть мое последнее пожелание.

33. Историки не приводят слов, которые сказал Гунтрам в ответ на эту супружескую просьбу. Весьма вероятно, что он, пожав плечами, сказал:

— Пожалуйста. Об чем речь! Сколько там у вас их было? Ах, только девять. Да сделайте одолжение! Очень рад! Что же вы раньше-то молчали?

Австрахильда говорит:

— Да как-то так... Надеялась, что это порядочные люди и что они меня вылечат, а они вот куда загнули — я теперь, как видите, умираю, наверно, через этих врачей.

— Не знаю, как вы,— сказал Гунтрам,— а я их на пушечный выстрел к себе не подпускаю. Это вы дали маху.

Австрахильда говорит:

— Вот я теперь и прошу вас отрубить головы у этих медицинских работников.

Гунтрам говорит:

— Просьбу вашу, конечно, исполню. Что другое — не знаю, а это сделаю с превеликим удовольствием. Даже я жалею, что вы за такое малое количество людей просите. Может, хотите пристегнуть сюда еще чего-нибудь,— например, ваших сиделок и которые за вами убирают?

34. Австрахильда говорит:

— Пожалуй! Можно и их. Они тоже, конечно, дурака валяют.

В общем, король и нежный супруг исполнил это последнее желание.

Австрахильда умерла вечером, а утром, на рассвете, девяти злополучным врачам отрубили головы перед королевским жилищем.

И это был в свое время, надо полагать, довольно тяжелый удар по медицине.

И это, конечно, произошло оттого, что королева, наверное, сильно разочаровалась в медицине, что было вполне естественно в ее критическом положении.

А главная причина была, несомненно, в том, что королева была мстительная особа и ум имела в высшей степени коварный и озлобленный.

В общем, как бы там ни было, врачи снова сомкнули свои поредевшие ряды и снова мало-помалу стали лечить, уже не встречая подобных пациентов. Но кое-что вроде этой пациентки все-таки иной раз бывало.

А то был еще такой случай из области коварства.

35. Такой жил при Екатерине Второй крупный политический деятель, некто Орлов. Знаменитый граф, любитель лошадей.

Вообще-то, он не был графом, но после убийства Петра Третьего, к чему он был причастен, его произвели в графы.

А вообще, это был крупный прохвост. Это был джентльмен из числа человеческого отребья, которые возвеличиваются благодаря удаче, личному нахальству и счастливой наружности.

А тут еще вдобавок брат его, Гриша Орлов, состоял одно время, как известно, любовником Екатерины. Естественно, что жизненный путь обоих этих братьев был усыпан розами.

Короче говоря, однажды Екатерина Вторая приглашает к себе этого джентльмена и так ему говорит:

— Будь, говорит, другом: поезжай сейчас в Италию. Там, говорит, объявилась самозванка, княжна Тараканова.

Она выдает себя, между прочим, за дочку Елизаветы Петровны. Или, может, это действительно ее дочка. Только она метит на престол. А я этого не хочу. Я еще сама интересуюсь царствовать. Короче говоря, тебе, Орлов, поручается как-нибудь арестовать и доставить эту государственную злодейку.

И Орлов, конечно, поехал. И, наверно, даже не без удовольствия, поскольку интересная командировка.

36. Он приехал в Рим, познакомился там с этой княжной и сделал вид, что в нее он исключительно горячо влюбился.

А ее дамское сердце сразу растаяло от такой любви, и она стала ему доверять.

И он говорит:

— Я до того в вас влюбился, что согласен помочь вам вступить на всероссийский престол.

Что у них там было, в Риме, в подробностях историкам неизвестно, только всем остальным известно, что она в дальнейшем, уже в тюрьме, родила ему младенца.

Так вот, Орлов ухаживает за этой княжной, всюду с ней бывает и устраивает ей для развлечения всякие смотры и парады.

И вот однажды приезжают они в Ливорно для этой цели. Там стоял русский флот, и княжна Тараканова, как будущая императрица, сильно заинтересовалась этим флотом. Она хотела, может быть, посмотреть, как он плавает.

А Орлов, который подбил ее на это, говорит:

— Я вам покажу морской парад — это, госпожа Тараканова, что-нибудь особенное.

И вот они приехали в Ливорно и глядят, чего происходит на море.

Орлов, собака, говорит:

— Хотите, может быть, покататься по морю? То, говорит, я с большим удовольствием вас прокачу на каком-нибудь военном корабле, сиречь судне.

Та говорит:

— Пожалуй.

37. И вот они садятся на корабль и едут.

Он с ней очень любезен и поминутно ей целует ручки. И говорит:

— Немножко покатаемся — и назад. Не волнуйся.

Только вдруг она замечает, что они уже далеко заехали и берегов не видно. Она начинает волноваться, но он ей замечает:

— Что вы! Какие могут быть сомнения! Хотите, говорит, мы даже сейчас на корабле перевенчаемся.

И вот пара матросов переодевается попами, и под сдавленный смех окружающих разыгрывают венчание.

Потом молодые удаляются в каюту, а на другой день к каюте приставляется часовой, и княжне объявляют, что она арестована.

Вообще, княжну Тараканову привезли в Петербург и посадили в Петропавловскую крепость.

Сияющий Орлов предстал перед императрицей и рассказал все, что было. Но она нахмурилась и говорит:

— Ну, уж это ты слишком загнул. Это ты перехватил. Но победителя не судят — за поимку спасибо.

Вскоре княжна Тараканова родила в каземате орловского выродка. А сама она вскоре умерла от чахотки. И ребятенок тоже, кажется, умер.

А Орлов имел нахальство однажды к ней зайти на допрос. И она плюнула ему в лицо, и, кроме того, он получил от нее пощечину.

И будь он жив, мы бы тоже били бы его в морду при первой встрече.

Вот какие бывают случаи исключительного коварства.

38. На этом, собственно говоря, мы хотели закончить наши исторические новеллы. Но сделать это не так-то просто. Это не отдел «Любовь», где пять-шесть фактиков — и вам все ясно и понятно. Это «Коварство», которое в истории накопилось до самых краев. И тут пятью новеллами не отделаться.

Тут у нас накопилось слишком громадное количество разных фактов.

Тогда мы решили вот что сделать.

Исторические рассказы о коварстве больше вам рассказывать не будем. А вот сколько тут есть у нас фактов, высыплем все в одну кучу, и разбирайтесь сами. И будет это у нас вроде как отдел «Смесь».

Тут вы найдете весьма любопытные и острые сценки и случаи. Некоторые писатели, которым лень будет рыться в историческом белье, могут даже воспользоваться, если захотят, одной-другой темкой. Автор, во всяком случае, не будет на это в претензии. Тем более история, можно сказать,— общее достояние и общее дело, за которое следует всем краснеть.

Итак, исторические новеллы закончены. Начинаются разные мелочи и анекдоты. Вот они.

39. • Кай Юлий Цезарь отдал распоряжение по войскам украшать оружие золотом, серебром и драгоценными камнями. Он рассчитывал, что благодаря этому солдаты при отступлении не будут бросать оружие. Так и оказалось.

• По древним русским законам, если обвиняемый не сознавался в своей вине, его испытывали огнем. Обвиняемый должен был взять голой рукой кусок раскаленного железа. Если рука останется невредимой, говорит закон, обвиняемого следует оправдать.

• Римский император Константин, желая распространить христианство, издал постановление — освобождать от рабства всех рабов, которые пожелают креститься.

• Вольтер наиболее смелые свои книги издавал под чужой фамилией. Он приписывал эти книги умершим авторам.

• На одном пиршестве римский император Калигула, взглянув на возлежавших близ него двух сенаторов, разразился громким хохотом. Сенаторы учтиво спросили, почему он смеется.

— Потому,— ответил Калигула,— что одного моего кивка достаточно, чтоб вас двоих удавили. Вот почему я и рассмеялся.

40. • Людовик Четырнадцатый, чтобы возвеличить блеск своего царствования, стал осыпать золотом и подарками художников, писателей и поэтов, которые действительно начали прославлять его в своих произведениях, описывая благосостояние страны и высший разум правителя.

• Русский поэт Надсон, переписываясь с какой-то его поклонницей — графиней Лидой, весьма откровенно ей отвечал на все ее политические вопросы. Эта графиня Лида оказалась женой жандармского полковника, действующей по поручению полиции.

• Последний царский министр Протопопов, желая удержать власть и влияние при дворе, сделал распоряжение по полиции посылать императрице с разных концов России телеграммы с изъявлением верноподданнических чувств.

• Первый русский драматург, знаменитый Сумароков (1775 год), задолжал богачу Демидову две тысячи рублей. Демидов описал дом Сумарокова. Чиновники, чтобы унизить писателя, дом, стоивший шестнадцать тысяч, оценили в девятьсот один рубль, шестнадцать с половиной копеек, за каковую сумму дом и был продан.

41. Делаем небольшую передышку. Слишком большое количество подлецов и негодяев вызвало у нас легкое сердцебиение и дрожь в руках.

Из этих вышеуказанных мелочей следует особо отметить, во-первых, последний факт. Можно представить гнусные морды чиновников, которые вошли с портфелями и расположились в креслах и, чтобы покочевряжиться и показать свою силу, нарочно так низко оценили дом. Сумароков от людской подлости, как он сам говорил, «упал духом и запил». И вскоре умер в страшной нищете и упадке.

Очень интересен также факт с Протопоповым. Об этом, между прочим, писал английский посланник Бьюкенен. И это вполне похоже на правду. Этот грязный тип вполне мог пойти на такое мелкое коварство.

Что касается Надсона, то его переписка с «графиней Лидой» была в свое время опубликована и вызвала, говорят, большой скандал.

Калигула же был, по словам римского историка Светония, выдающимся преступником и злодеем. И ничего нет удивительного, что он так подумал и потом рассмеялся. Воображаем самочувствие этих двух сенаторов. Один, наверное, сильно поперхнулся, а другой, вероятно, засмеялся дребезжащим смехом и сказал:

— Всегда вы, ваше величество, что-нибудь забавное придумаете. Очень имеете острый ум.

А что до того, что Юлий Цезарь велел украшать оружие, то это был интересный психологический трюк. Вообще это был великий полководец. Молодец!

42. Но пойдем дальше.

● Любовник Екатерины Первой, камергер Монс, был казнен Петром. Несчастного посадили на кол. А голову потом отрезали и положили в банку со спиртом. И эту банку Петр велел поставить в комнате Екатерины. Когда эту голову принесли, Екатерина сказала придворным:

— Вот, господа, до чего доводит разврат придворных!

● В приговоре о казни Монса буквально сказано: «Государственный преступник Монс приговаривается к казни за вмешательство в дела, не принадлежащие ему».

● Екатерина Вторая, желая осмотреть завоеванные местности, отправилась на галере по Днепру. Светлейший князь Потемкин, чтобы удивить императрицу и желая показать, что завоеванные земли сказочно богаты, велел построить по берегам Днепра красивые домики, церкви

и сады. Сюда были пригнаны стада коров и овец. Двигались обозы. И подставные мужики — в нарядных костюмах — сидели на берегу.

● Перед приездом Екатерины (1785 год) в Москву московский губернатор издал постановление — выгнать всех нищих из города, «дабы видение толикого числа нищих ее не обеспокоило».

● Петергоф был устроен Петром Первым на манер Версаля. Приезжие иноземные гости поражались сказочному великолепию дворца, и это, как пишут историки, «разрушало у них обычное представление как о дикой, варварской Московии».

● Студент Сазонов, бросивший бомбу в министра Плеве, был ранен осколком этого снаряда. Он очнулся в больнице. Над ним склонилось доброе лицо врача.

— Вы тут бредили, молодой человек,— сказал врач,— называли разные имена. Но ничего, на меня вы можете вполне положиться. Я сам когда-то увлекался идеями. Можете мне довериться.

Один из служащих больницы предупредил Сазонова, что этот врач — агент полиции.

— Ну что вы кричите? — сказал врач, когда Сазонов попросил его уйти.— Ну хорошо: я позову фельдшера, он вам сделает перевязку.

Этот фельдшер тоже оказался агентом сыскной полиции.

43. На этом заканчиваем наше историческое повествование. И прямо жалость берет. Имеем еще целую кучу материала. Но, чтоб не погрешить против красоты формы, решили мы на этом остановиться.

Только разве что вскользь отметим кое о чем. Зароним, так сказать, искру в ваше воображение. А вы уж, благодетели, сами там дорисуйте общую картину.

Отметим хотя бы провокаторов. Вот где в высшей степени процветало коварство. Например, один Азеф чего стоил! Или, скажем, зубатовщина. Это было тоже нечто неслыханное. Этот господин при помощи полиции начал вдруг организовывать рабочее движение. И даже устраивал стачки. Вот собака!

Отметим также представителей торгового мира с их славным лозунгом: «не обманешь — не продашь». Обратим ваше внимание на буржуазный быт, при котором нередко болонки печенье жрут, а трудящиеся только на это смотрят.

Отметим, наконец, слишком мягкое перо господ писателей, которые иной раз писали далеко не то, чего думали. И наоборот.

Ах, мы не можем отказать себе в удовольствии привести небольшую, так сказать, писанину, в которой видать, как и что.

Неизвестный мадридский борзописец составил отчет о генеральном аутодафе в 1680 году. Вот как он пишет.

44. Только прежде необходимо сказать нижеследующее. Во время инквизиции государственные преступники и еретики нередко приговаривались к сожжению. Причем тех, которые раскаивались в своей ереси, предварительно душили, а потом сжигали. А упорствующих грешников сжигали без удушения.

Вот составитель отчета пишет о казни в таком стиле:

«Сии последние (то есть упорствующие) шли со странной бледностью в лице, с очами, помраченными и как бы извергающими пламя, с таковым видом, что казались одержимы бесом...», «Обращенные же шли с великим смирением, утешением, покорностью и веселием духовным, что казалось — сквозь них сияла благодать божия. Можно было думать, что они, счастливые, уже были вознесены на небеса... Засим преступники были казнены. Сначала удушены были гарротой обращенные, засим преданы огню упорствующие, кои были сожжены заживо, с немалыми признаками нетерпения, досады и отчаяния».

Форсисто написано! И то, что, наверное, требовалось. Прямо сквозь строчки видим ехидную морду составителя, который склонился над бумагой. Улыбается. Продажная личность! Нашел духовное веселие у приговоренных людей. Но, поскольку свыше требовался подобный восторженный стиль,— вот он его и выполнил.

Впрочем, конечно. Наверное, жрать надо. Семья. Жена. Дети. Мало ли! Но все-таки сукин сын! Крапивное семя!

Итак, на этих чертовских строчках закончено наше историческое повествование.

И с сердцем, разорванным пополам, мы закрываем пожелтевшие от грязи страницы истории.

Вот что рассказывает она о коварстве.

45. Она рассказывает, что этого добра, по ходу мировой истории, было слишком много и достаточно, куда ни плюнь.

И вообще чуть не каждая страница истории понабита этим действием.

Оно посещало пышные дворцы и великолепные чертоги. Оно заглядывало в бедные хижины и жалкие лачуги. И дух его присутствовал то там, то там.

Бедняки иной раз шли по этой скользкой дорожке, чтобы не потерять нить своей жизни. А богатые нередко проявляли свое коварство благодаря своему злобному и мещанскому характеру.

А что касается попов и царей, то эти, как мы видим, особенно отличались.

Да, конечно, тут речь шла о прошлых веках и столетиях. И вот интересно знать, как теперь обстоят дела в этом.

Матушка Европа, конечно, имеет буржуазный строй, так что коварство, несомненно, там на прежней высоте. И разницы там скорей всего никакой не случилось.

А что касается как у нас, то в жизни у нас, конечно, большие перемены. И разные хорошие факты произошли и превосходные дела, о которых мы упоминали уже в других отделах. Но коварство у нас, конечно, имеется.

46. Что касается коварства, то — увы! — оно у нас, несомненно, тоже еще есть, и не будем закрывать глаза — его порядочно.

И было бы странно, если бы его совершенно не было. Можно сказать, столько веков создавали и лелеяли это самое. И, наверное, не может того быть, чтоб раз-два — и нет ничего.

Нет, у нас коварство, конечно, есть. И даже у нас специальные названия подобрали для обозначения этого — двурушники, комбинаторы, авантюристы, аферисты, арапы и так далее. Из чего вполне видать, что у нас этого добра еще достаточно.

Но только у нас именно то хорошо, что есть полная уверенность, что с течением времени этого у нас не будет. И с чего бы ему быть, раз на то никаких причин не останется.

Но пока, конечно, и на нашем горизонте еще имеются разные подобные дела. Давайте же посмотрим, какие это дела. И давайте метлой сатиры подметем то, что нужно и можно подмести.

Итак, начинаются рассказы из нашей жизни.

РАССКАЗЫ О КОВАРСТВЕ

ИНТЕРЕСНАЯ КРАЖА В КООПЕРАТИВЕ

Воровство у нас есть. Но его как-то значительно меньше.

Кое-кто успел перековаться и больше не ворует. А некоторых не удовлетворяет, как бы сказать, выбор ассортимента. Некоторые же, не видя собственников и миллионеров, перестроились и крадут теперь у государства.

Но, конечно, естественно, крадут не так, как они это раньше производили.

Нынче только дурак крадет, не понимая современности.

А многие современность отлично понимают и уже осваивают новейшие течения.

Например, недавно в нашей кооперации произошла кража. Так за этой кражей видна по крайней мере философская мысль.

Вот как это было.

Кооперация. Вообще кооператив. Так сказать, открытый распределитель.

Естественно, много товаров. Экспортные утки лежат на окне. Семга почему-то. Свиные, я извиняюсь, туши. Сыр. Это — из еды. И из вещей тоже много всего. Дамские чулки. Гребенки. И так далее.

Все это в изобилии набросано и, так сказать, очень выигрышно лежит на витрине.

И, конечно, естественно, это привлекло чей-то взор.

Короче говоря, кто-то такое с заднего входа влез в ночное время в магазин и сильно там похозяйничал.

И, главное, дворник у ворот спал, ничего такого не заметил.

— Какие-то сны, говорит, мне действительно в эту ночь показывали, но ничего такого потустороннего я не слыхал.

А он очень, между прочим, перепугался, когда это воровство обнаружили. Бегал по магазину, за всех цеплялся. Умолял его не подводить. И так далее.

Заведующий говорит:

— Твое дело маленькое. Что ты спал, за это тебя, конечно, по головке не погладят, но навряд ли тебе пришьют какое-нибудь обвинение. Так что ты не пугайся. Не путайся тут под ногами и не нервируй работников прилавка своими восклицаниями. А иди себе и досыпай дома.

Но дворник не уходит. Он стоит и расстраивается.

Главное, его расстраивает, что так много уперли.

— Вот этого, говорит, я прямо не могу понять. Я сплю завсегда чутко и ноги протягиваю вдоль ворот. Не может быть, чтобы через меня два мешка сахару перенесли. Мне это очень странно.

Заведующий говорит:

— Дюже крепко спал, сукин сын! Это ужасти подобно, сколько уперли!

Дворник говорит:

— Чтоб много уперли, этого не может быть. Я бы проснулся.

Заведующий говорит:

— А вот сейчас составим акт и увидим, какая ты есть ворона — какой неимоверный убыток государству причинил.

Тут они начали составлять акт в присутствии милиции. Начали говорить цифры. Подсчитывать. Прикидывать. И все такое.

Бедняга дворник только руками всплескивает и чуть не плачет — до того, видать, граждански страдает человек, сочувствует государству и унижает себя за сонное состояние.

Заведующий говорит:

— Пишите: «Девять пудов рафинаду. Папирос — сто шестьдесят пачек. Дамские чулки — две дюжины. Восемь кругов колбасы...»

Он диктует, а дворник прямо подпрыгивает при каждой цифре.

Вдруг кассирша говорит:

— Из кассы, запишите, сперли боны на сто тридцать два рубля. Три чернильных карандаша и ножницы.

При этих словах дворник начал даже хрюкать и приседать — до того, видать, огорчился человек от громадных убытков.

Заведующий говорит милиции:

— Уберите этого дворника! Он только мешает своим хрюканьем.

Милиционер говорит:

— Слушай, дядя, уходи домой! Тебя попросят, когда надо будет.

В это время счетовод кричит из задней комнаты:

— У меня висело шелковое кашне на стене — теперь его нету. Прошу записать, я потребую возместить понесенные мне убытки.

Дворник вдруг говорит:

— Ах он подлец! Я не брал у него кашне. И восемь кругов колбасы — это прямо издевательство! Взято два круга колбасы.

Тут наступила в магазине отчаянная тишина.

Дворник говорит:

— Пес с вами! Сознаюсь. Я своровал. Но я сравнительно честный человек. И меня, может быть, возмущает такое составление акта. Я не дозволю лишнее приписывать.

Милиционер говорит:

— Как же это так? Значит, дядя, выходит, что это ты проник в магазин?

Дворник говорит:

— Я проник. Но я не трогал эти боны, и ножницы, и это сволочное кашне. Я, говорит, взял, если хотите знать, полмешка сахару, дамские чулки одну дюжину и два круга колбасы. И я, говорит, не дозволю иметь такое жульничество под моим флагом. Я стою на страже государственных интересов. И меня, как советского человека, возмущает, что тут делается,— какая идет нахальная приписка под мою руку.

Заведующий говорит:

— Конечно, мы можем ошибиться. Но мы проверим. Я очень рад, если меньше украли. Сейчас мы все это прикинем на весы.

Кассирша говорит:

— Пардон, боны завалились в угол. Боны не взяты. Но ножниц нету.

Дворник говорит:

— Ах, я ей плюну сейчас в ее бесстыжие глаза! Я не брал у нее ножней. А ну, ищи лучше, куриная нога! Или я тебя сейчас из кассы выну.

Кассирша говорит:

— Ах, верно, ножницы нашлись. Они у меня за кассу завалились. И там лежат.

Счетовод говорит:

— Кашне тоже найдено. Оно у меня в боковом кармане заболталось.

Заведующий говорит:

— Вот что, перепишите акт. Сахару действительно не хватает полмешка.

Дворник говорит:

— Считай, холера, колбасу. Или я за себя не отвечаю. У меня, если на то пошло, есть свидетельница — тетя Нюша.

Вскоре подсчитали товар. Оказалось, украли все, как сказал дворник.

Его взяли под микитки и увели в отделение.

И его тетю Нюшу тоже задержали. У ней эти продукты были спрятаны.

Так что, как видите, тут сперли на копейку, а навернули на тысячу. И в этом видна, так сказать, игра коварной фантазии и кое-какая философская мысль.

А без этого, говорят, сейчас никак нельзя. Без этого только дурак ворует. И вскоре попадается.

Так что в этом деле хитрость и коварство вступили в свои права. И даже в другой раз братья Кант и Ницше кажутся прямо щенками против современной мысли.

И в нижеследующем рассказе это можно вполне видеть.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЧЕМОДАН УКРАЛИ

Недалеко от Жмеринки у одного гражданина свистнули, или, как говорится, «увели» чемодан.

Дело было, конечно, в скором поезде.

И это прямо надо было удивляться, каким образом у него взяли этот чемоданчик.

Главное, пострадавший попался, как нарочно, в высшей степени осторожный и благоразумный гражданин.

У таких, обыкновенно, даже ничего не воруют. То есть не то чтобы он сам у других пользовался. Нет, он честный. Но только он осторожный.

Он, например, своего чемодана из рук весь день не выпускал. Он, кажется, даже с ним посещал уборную. Хотя это ему, как говорится, было не так легко.

А в ночное время он, может быть, лежал на нем ухом. Он, так сказать, для чуткости слуха и чтоб не унесли во время процесса сна, ложился на него головой. И как-то там на нем спал — не знаю.

И он даже для верности не приподнимал головы с этой своей вещи. А если ему нужно было перевернуться на другой бок, то он как-то со всем этим предметом вращался.

Нет, он в высшей степени чутко и осторожно относился к этому своему багажу.

И вдруг это у него свистнули. Вот так номер!

А еще тем более его предупредили перед сном. Ему кто-то там сказал, когда он ложился:

— Вы, говорит, будьте добры, осторожней тут ездите.

— А что? — спрашивает.

— На всех, говорит, дорогах воровство почти что прекратилось. Но тут, на этом перегоне, еще отчасти бывает, что шалят. И даже бывает, что сапоги с сонных людей снимают, не говоря о багаже, и так далее.

Наш гражданин говорит:

— Меня это не касается. Если речь идет о моем чемодане, то я имею привычку спать на нем довольно чутко. И этот перегон меня не волнует.

И с этими словами он ложится на свою верхнюю полку и под голову закладывает свой чемодан с разными, наверное, ценными домашними вещами.

Значит, ложится он и спокойно засыпает.

И вдруг ночью к нему кто-то подходит в темноте и тихонько начинает сапог с ноги стаскивать.

А наш проезжающий был в русских сапогах. И сразу такой сапог, конечно, не снять благодаря его длинному голенищу. Так что неизвестный только немного сдернул этот сапог с ноги.

Наш гражданин сдержался и думает:

«Подожду, что будет дальше. Интересно. Неужели он желает с меня сапоги снять?»

А в это время неизвестный берет его теперь за другую ногу и снова дергает. Но на этот раз дергает со всей силы.

Вот наш гражданин как вскочит с размаху, как ахнет вора по плечу! А тот как сиганет в сторону! А наш проезжающий как брыкнется с полки за ним! Хочет, главное, бежать, но не может, поскольку у него сапоги наполовину сдернуты. Ноги в голенищах болтаются, как звонки.

Пока то да се. Пока ноги взошли вовнутрь, глядит — вора уж и след простыл. Только слыхать, что он, мошенник, дверкой на площадке хлопнул.

Поднялись крики. Тарарам. Все вскочили.

Наш проезжающий говорит:

— Вот интересный случай. Чуть у меня сапоги с сонного не сняли.

И сам вдруг косо поглядел на свою полку, где должен был стоять его чемодан.

Но его, увы, уже не было.

Ну, конечно, опять крики и опять тарарам.

Один из пассажиров говорит:

— Наверное, вас за ногу нарочно потянули, чтобы вы, извиняюсь, освободили чемодан от головы. А то все лежите и лежите. Поэтому вас, скорее всего, и потревожили.

Пострадавший сквозь слезы страдания говорит:

— Вот этого я не знаю.

И сам на первой станции бежит в транспортный отдел и делает там заявление.

Там сказали:

— Хитрость и коварство этих жуликов не поддаются описанию.

И, узнав, что у него там было в чемодане, пообещали в случае чего сообщить.

Они сказали:

— Мы поищем. Хотя, конечно, ручаться не можем.

И это они, конечно, сделали правильно, что не поручились, так как вора с чемоданом они так и не нашли.

Но мы знаем один практический случай, когда поимка вора пошла безошибочно. И даже в самом начале уже можно было давать полную гарантию, что вора поймают. Ибо для этого допущено исключительное коварство.

Вот как это было.

ПОИМКА ВОРА ОРИГИНАЛЬНЫМ СПОСОБОМ

(Быль)

Украдены были дрова. Во дворе нашего дома. Причем — интересная подробность: кража произошла в зимнее время, когда они, как-никак, представляют собою особую ценность как для тех, так и для других.

Дрова, вообще говоря, даже и в другие сезоны представляют известный интерес для населения.

Некоторые даже их иногда на именины дарят.

Одной моей родственнице, Елизавете Игнатьевне, я, помню, однажды, в день рождения, подарил целую вязанку дров. А Петр Андреевич, ее супруг, человек горячий и вспыльчивый и отчасти мещанин, плетущийся в хвосте у событий, ударил меня, бродяга, поленом по голове. Правда, в конце вечеринки.

— Это, говорит, не девятнадцатый год и не та эра, чтоб дрова преподнесть.

Но это, конечно, между прочим.

А дрова, во всяком случае, дело драгоценное и святое. Как сказал поэт Блок,

И не раз, и не два
Вспоминаю святые слова —
Дрова...

И еще что-то такое он сказал, в высшей степени ценное, про дрова.

Так вот, значит, стали во дворе нашего дома пропадать дрова.

Ну, известно, наложены дрова во дворе. Вот они и пропадают. Их кто-то берет на предмет отопления.

То у одного жильца несколько полен пропадет. То у другого, то, наконец, третий крик поднимает:

— У меня, кричит, не хватает...

И невозможно разобрать, кто их ворует, и где дрова, и кто ими пользуется.

Тогда жильцы на собрании говорят друг другу:

— В доме завелся вор. Вот это интересно. И, может быть, он даже тут сидит и на нас с вами глядит. Но поскольку у нас сорок пять жильцов, то угадать не представляется возможным. Давайте в крайнем случае наймем сторожа или будем сами поочередно караулить.

Некто Серега Пестриков моментально подсчитал, во что обойдется сторож. Оказалось, каждое полено удорожится на девяносто копеек. Это показалось дорого.

Тогда решили, что будут караулить сами.

Серега Пестриков написал расписание и повесил его во дворе.

Стали все дежурить поочередно. Но, видят, дрова опять воруют.

Тогда образовалась во дворе одна небольшая экстренная группа в три человека.

Некто жилец Боборыкин, Власов Егор Иваныч и его племянник Мишка. Тоже почему-то Власов.

Этот Мишка является к своему дяде и так ему интимно говорит:

— Я, говорит, товарищ дядя, как вам известно, состою в союзе химиков. Мы там у себя имеем разные химические штучки, всякие химические газы, дымовые шашки и прочую тому подобную чертовщинку. И я, говорит, последние ночи худо сплю. Я, говорит, товарищ дядя, мечтаю принести домой динамитный патрон. И мне хочется этот патрон заложить в полено. И это полено мы, я извиняюсь, дядя, бросим совместно с другими поленьями, будто оно

лежит само по себе. Вор его непременно возьмет. Он его положит в печку. А там уж, товарищ дядя, предоставьте действовать технике.

Дядя, не понимая еще, как и что, говорит:

— Ну что ж, принеси. Посмотрим.

Племянник говорит:

— Это такое средство, дядя, что против него никакой вор не удержится. И, то есть непременно мы, так или иначе, вора поймаем. Где взорвет, в какой квартире,— там, значит, и взято.

Дядя, обрадовавшись, говорит:

— Тогда — неси. Это действительно в высшей степени интересно. Главное, накануне у нас будет дух захватывать — у кого взорвет.

Жилец Боборыкин говорит:

— Только ни об чем никому говорить не будем, но сами все совершим и увидим. У кого в какой печке взорвет, тот и есть то, чего мы ищем. Это становится забавным.

Племянник Мишка говорит:

— Патрончик я принесу небольшой, чтобы было допущено небольшое разрушение, но чтобы громадной катастрофы не было.

Боборыкин говорит:

— Небольшую катастрофу допустить тоже можно. И это даже полезно для других. Она всех может немного устрашить и одернуть. Это полезно. Но, конечно, дом разрушать не надо.

Вот Мишка вскоре принес патрон со службы, и этот патрон они заложили в полено.

То есть они выдолбили дырочку в полене и его туда вложили.

И небрежно кинули это поленышко на дрова. И сами с интересом стали ждать, что будет.

На другой день вечером в доме произошел адский взрыв.

Взорвалось в аккурат под жильцом Боборыкиным, в квартире у Сергея Пестрикова.

Все моментально узнали, какой это взрыв и чему его приписать. И все бросились к месту происшествия.

И все глядели на Сергея Пестрикова, который суетился около своей разрушенной печки и восклицал:

— С чего бы это она, господа?

Но ему ничего не говорили. Только говорили:

— Ну и ну!

Между прочим, Мишка Власов не учел, и патрон

оказался до того боевой, что совершенно разломал к черту всю печку и две стены.

Кроме того, разбило стекла в двух этажах. И что-то произошло с канализацией. Она, правда, и раньше почти не работала, но сейчас она совсем что-то заштопорила. Хотя многие это и не приписывают взрыву.

Жертва была одна. Серегин жилец инвалид Гусев помер с перепугу. Его, собственно, звездануло кирпичом по затылку. И он, привыкший к многочисленным ранениям на войне, тут, в тылу, совершенно растерялся и, как говорится, сразу, без сопротивления, отдал богу душу. То есть он скончался.

Кроме того, Серегиной сестре, которая была совершенно тут ни при чем, надуло флюс благодаря разбитому окну.

Серега признался, что он для экономии брал изредка по одному полену от других и не считал, что это какое-нибудь особенное ограбление или воровство.

В скором времени он предстанет перед судом, и там он даст исчерпывающий ответ.

Между прочим, на суд попала также вся наша боевая тройка — оба Власовы и Боборыкин.

Их обвинили в незаконных поступках и в порче государственного имущества.

Так что они тоже будут судиться.

И, наверно, их тоже к чему-нибудь присудят, поскольку нельзя же идти на такие чрезвычайные поступки.

А Мишка пока что развернул еще сильнее свою деятельность.

В другой коммунальной квартире, у его мамаши, крали, между прочим, керосин. Так этот Мишка разбавил керосин водой, а после увидел, в каком примусе зашипело.

Вообще этот мальчишка подает большие надежды благодаря пониманию современного коварства.

Но вот, извольте, еще рассказ, основанный на самой тончайшей современной хитрости.

В этом факте мы отчасти сами участвовали, так что с большим удовольствием осветим это дело.

Вот как это произошло.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

На днях мы отправляли с вокзала вещи.

Мы их отправляли багажом. Одной нашей родственнице. Это ее вещи. Но они у нас временно лежали. И вот она вдруг просит — пришлите.

И мы поехали на вокзал отправлять багажом.

И вот на вокзале видим такую картину, как говорится, в духе Рафаэля.

Будка для приема груза. Очередь, конечно. Десятичные метрические весы. Весовщик за ними. Весовщик, такой в высшей степени благородный служащий, быстро говорит цифры, записывает, прикладывает гирьки, клеит ярлыки и дает свои разъяснения.

Только и слышен его симпатичный голос:

— Сорок. Сто двадцать. Пятьдесят. Сымайте. Берите. Отойдите... Не станови сюда, балда! Станови на эту сторону.

Такая приятная картина труда и быстрых темпов.

Только вдруг мы замечаем, что при всей красоте работы весовщик очень уж требовательный законник. Очень уж он соблюдает интересы граждан и государства. Ну, не каждому, но через два-три человека он обязательно отказывает груз принимать. Чуть расхлябанная тара — он ее не берет. Хотя видать, что сочувствует.

Которые с расхлябанной тарой, те, конечно, охают, ахают и страдают.

Весовщик говорит:

— Заместо страданий укрепите вашу тару. Тут где-то шляется человек с гвоздями. Пущай он вам укрепит. Пущай туда-сюда пару гвоздей вобьет и пущай проволокой надтянет. И тогда подходите без очереди — я приму.

Действительно верно: стоит человек за будкой. В руках у него гвозди и молоток. Он работает в поте лица и укрепляет желающим слабую тару. И которым отказали, те смотрят на него с мольбой и предлагают ему свою дружбу и деньги за это самое.

Но вот доходит очередь до одного гражданина. Он такой белокурый, в очках. Он не интеллигент, но близорукий. У него, видать, трахома на глазах. Вот он и надел очки, чтобы другим его было хуже видать. А может быть, он служит на оптическом заводе и там даром раздают очки.

Вот он становит свои шесть ящиков на метрические десятичные весы.

Весовщик осматривает его шесть ящиков и говорит:

— Слабая тара! Не пойдет. Сымай обратно.

Который в очках, услышав эти слова, совершенно упадает духом. А перед тем как упасть духом, до того набрасывается на весовщика, что дело почти доходит до зубочистки.

Который в очках кричит:

— Да что ты, собака, со мной делаешь! Я, говорит, не свои ящики отправляю. Я, говорит, отправляю государственные ящики. Куда я теперь с ящиками сунусь? Где я найду подводу? Откуда я возьму сто рублей, чтобы везть назад? Отвечай, собака, или я из тебя котлетку сделаю!

Весовщик говорит:

— А я почему знаю?

И при этом делает рукой в сторону.

Тот, по близорукости своего зрения и по причине запотевших стекол, принимает этот жест за что-то другое. Он всхлипывает, чего-то вспоминает, давно позабытое, роется в своих карманах и выгребает оттуда рублей восемь денег, все рублями, и хочет их подать весовщику.

Тогда весовщик багровеет от этого зрелища денег.

Он кричит:

— Это как понимать? Не хочешь ли ты мне, очкастая кобыла, взятку дать?!

Который в очках сразу, конечно, понимает весь позор и ужас своего положения.

Он говорит:

— Нет, я вынул деньги просто так. Я хотел, чтобы вы их подержали, пока я сыму ящики с весов.

Он совершенно теряется, несет сущий вздор, принимается извиняться и даже, видать, согласен, чтобы его ударили по морде, только чтоб не что-нибудь другое.

Весовщик говорит:

— Стыдно! Здесь взяток не берут. Сымайте свои шесть ящиков с весов — они мне буквально холодят душу. Но, поскольку это государственные ящики, обратитесь вот до того рабочего: он вам укрепит слабую тару. А что касается денег, то благодарите судьбу, что у меня мало времени возжаться с вами.

Тем не менее он зовет еще одного служащего и говорит ему голосом человека, только что перенесшего оскорбление:

— Знаете, сейчас мне хотели взятку дать. Понимаете, какой абсурд! Я жалею, что поторопился и для виду не взял деньги, а то теперь трудно доказать.

Другой служащий отвечает:

— Да, это жалко. Надо было развернуть историю. Пущай не могут думать, что у нас по-прежнему рыльце в пуху.

Который в очках, совершенно сопревший, возится со своими ящиками. Их ему укрепляют, приводят в христианский вид и снова волокут на весы.

Тогда мне начинает казаться, что у меня тоже слабая тара.

И, покуда до меня не дошла очередь, я подхожу к рабочему и прошу его на всякий случай укрепить мою сомнительную тару.

Он спрашивает с меня восемь рублей.

Я говорю:

— Что вы, говорю, обалдели! Восемь рублей брать за три гвоздя?!

Он мне говорит интимным голосом:

— Это верно, я бы вам и за трояк сделал, но, говорит, войдите в мое пиковое положение: мне же надо делиться вот с этим крокодилом.

Тут я начинаю понимать всю механику.

— Стало быть,— говорю я,— вы делитесь с весовщиком?

Тут он несколько смущается, что проговорился, несет разный вздор и небылицы, бормочет о мелком жалованьишке, о дороговизне, делает мне крупную скидку и приступает к работе.

Вот приходит моя очередь.

Я становлю свой ящик на весы и любуюсь крепкой тарой.

Весовщик говорит:

— Тара слабовата. Не пойдет.

Я говорю:

— Разве она слабовата? А мне только сейчас ее укрепляли. Вот тот, с клещами, укреплял.

Весовщик отвечает:

— Ах, пардон, пардон! Извиняюсь! Сейчас ваша тара крепкая, но она была слабая. Мне это завсегда в глаза бросается. Что пардон, то пардон.

Принимает он мой ящик и пишет накладную.

Я читаю накладную, а там сказано: «Тара слабая».

— Да что же вы, говорю, делаете, арапы? Мне же, говорю, с такой надписью обязательно весь ящик в пути разворуют. И надпись не позволит требовать убытки. Теперь, говорю, я вижу ваши арапские комбинации.

Весовщик говорит:

— Что пардон, то пардон! Извиняюсь!

Он вычеркивает надпись, и я ухожу домой, рассуждая по дороге о перестройке характеров, о хитрости и коварстве и о той неохоте, с какой некоторые мои уважаемые сограждане сдают свои насиженные позиции.

Но они непременно рано или поздно сдадут эти свои

позиции. Некоторые, впрочем, сдадут после длительных боев.

И это даже наплевать, что некоторые из них отошли на другую линию и там, как видите, ведут бой по всем правилам искусства.

Мы их и оттуда выкурим. Даром что у них позиция больно хороша и она не всем заметна.

А вот мы сейчас их еще с флангу слегка ударим. Сейчас наш удар придется в аккурат по всякому свинству и жульничеству.

В общем, вот еще какой боевой рассказ из серии «Коварство» мы предлагаем вашему скромному вниманию.

РАССКАЗ О ПОДЛЕЦЕ

Ввиду того что это тоже факт и тут речь пойдет об одном живом человеке, то мы бы не хотели затрагивать в печати его фамилию.

То есть, вообще говоря, он, конечно, подлец и его следует публично прохватить, но он в настоящее время и без того чересчур расстраивается и говорит, что в ближайшее время он непременно перестроится.

Поэтому, из педагогических целей, назовем его ***.

И вот, едет этот «три звездочки» в трамвае.

Вот он едет в трамвае. А по виду никак не скажешь, что это подлец едет. По виду — это едет скромный работник в валенках. Он едет в гости. Он едет к своему приятелю на именины.

Вот он едет в трамвае к нему в гости, думает, может, там про свои всякие подлости — чего он сожрет, и хорошо, думает, что подарка имениннику не купил. Другие, думает, имеют привычку подарки покупать, а что касается меня, то они не на таковского напали.

И вот он едет на именины без подарка. И на углу Седьмой линии он слезает. Он, вернее, не дождавшись остановки, спрыгивает с трамвая, чтобы поскорее пойти в гости, а то, думает, всё сожрут. Им только, нахалам, опоздай.

И вот он, в силу этого, спрыгивает поскорей. И вдруг слышит свисток, и чьи-то ноги спешат. Это милиция к нему поспешает. Желает узнать, как он спрыгнул, не повредил ли внутренностей и вообще — есть ли у него лишние деньжонки в кармане.

Наш герой думает:

«Ну, налетел на трешку. Лучше бы, думает, я имениннику пару червивых яблок купил, чем мне теперь штраф платить!»

И, так подумавши, поскорей смешивается с толпой и идет как ни в чем не бывало. Будто это и не он прыгнул, а кто-нибудь там другой.

Милиционер говорит:

— Некрасиво делаете, что убегаете!

*** говорит:

— А что такое? Это не я прыгнул. За что я буду штраф платить? Что ты — ошалел, стоявши на своем посту? Я иду спокойно. И в трамвае я по крайней мере три дня назад ехал.

Милиционер говорит:

— Ах, вот какие речи! Тогда пойдемте в милицию.

*** говорит:

— Пойдемте.

И сам, видя, что вокруг никаких свидетелей нету, начинает по дороге нашего милиционера чихвостить и костить настолько, что тот аж рот раскрывает, но сдерживается. Самые ужасные слова и грубости ему говорит. А милиционер тактично молчит и не теряет своего достоинства.

Вот приходят они в милицию. Докладывают дежурному, что случилось. Милиционер говорит:

— И, кроме того, он меня незаслуженно оскорблял. Запишите.

Наш подлец говорит:

— Он нахально врет. Никаких оскорблений я не допускал. Свидетелей не было, и я отказываюсь от этих показаний.

Начальник милиции говорит:

— А мы привыкли своим милиционерам доверять. И на тебя мы сейчас составим протокол.

И вот они составляют протокол и спрашивают его, где он служит и где живет. А *** с перепугу и по своей подлости нарочно указывает не тот адрес. А то, думает, пожалуй, накладка будет.

Вот он дает не тот адрес и говорит:

— Можно мне идти? А то я опаздываю.

Дежурный говорит:

— Посиди маленько.

И сам поспешает к телефону. Он вызывает адресный стол и там берет справку.

Тогда *** говорит:

— Ой, пардон, я спутался! Я вам не тот адрес дал. И не ту фамилию. На меня затмение нашло.

Начальник милиции говорит:

— Ах, вон ты какой фрукт! Ну, нам теперь твоя характеристика видна. Говори свой правдивый адрес и выметайся.

Тогда ***, предвидя суд и неприятности, говорит адрес, но опять-таки не свой адрес, а, во избежание дальнейших неприятностей, на всякий случай говорит адрес своего приятеля, именинника.

И при этом думает: «Тому все равно ни черта не будет. Тот докажет свою невинность, а тут и адрес сойдется, если справку возьмут, и мне легче вздохнется».

Вот он дает адрес именинника и называет себя его фамилией.

Вот начальник милиции звонит в адресный стол, и там вскоре отвечают:

— Такой есть, живет по этому адресу, и все правильно. Отпустите.

И вот в хорошем настроении духа спешит наш *** на именины. Но приходит туда поздно. Там уже все съели, и ему подают лишь стакан чаю и какие-то пустяки.

***, расстроившись от такой подачи, думает про себя: «Ничего! Я ему тоже хороший подарок преподнес. Он у меня теперь, свинья, побегает!»

И снова в хорошем настроении уходит домой.

Дня через два на работу является бывший именинник. весь не в себе. Он говорит друзьям:

— Со мной такое случилось, что только в сказках происходит. На меня какие-то подлецы двадцать пять рублей штрафу наложили за оскорбление милиции и за вранье. И я, говорит, сам теперь не пойму что к чему. А они говорят: «Плати, или мы на твое жалованье наложим».

От этих слов *** сконфузился и так отвечает:

— Знаешь, Ваня, я тебе на именины ничего не подарил. Хочешь, я тебе десятку дам, чтобы ты внес этот штраф и не волновался.

Тогда бывший именинник вдруг начинает кое-что понимать.

— Позволь! — говорит.— Я твою скупость преотлично знаю. А то, что ты мне десятку суешь, это мне в высшей степени удивительно. Уж не ты ли, собака, мне это дело удружил? То-то я вспоминаю, что ты опоздал и пришел в расстроенных чувствах. Так вот какие ты подарки даришь своим друзьям!

И с этими словами, размахнувшись, ударяет того по физиономии.

Тот удивляется и говорит:

— Ну хорошо, я весь штраф заплачу, только не губи моей хорошей репутации. Вот тебе двадцать пять целковых, поспеши заплатить.

Бывший именинник и говорит:

— Это еще что за новости? Ты такой подлец, а я буду за тебя ходить и платить.

*** говорит:

— Ну хорошо: я сейчас сам пойду и заплачу. Только громко не кричи.

И бежит в милицию.

А там, как назло, сидит то же самое начальство, которое объяснялось с именинником, но не то начальство, которое было в первый раз. А наш герой, не сообразив мелочей, подает повестку и кладет на нее деньги.

Дежурный изумляется перемене в наружности пришедшего и говорит:

— А ну вас к черту! Что-то я ничего не пойму. То один не хочет заплатить, то другой, наоборот, хочет.

Только вдруг приходит начальник отделения милиции.

Он сразу разбирается во всем деле и говорит:

— А, вот оно что. Ну, теперь мы тебе пришпилим обвинение.

*** просит прощения и унижается. Но на него составляют протокол. И этот протокол отсылают на место службы.

Там состоялся товарищеский суд, на котором нашего подлеца, к общему удивлению, оштрафовали на десять целковых. И, кроме того, приговорили к общественному порицанию и дали строгий выговор с предупреждением.

А бывший именинник перестал с ним здороваться и говорит:

— Вот так он мне подарок преподнес!

А сам этот тип ходит теперь тише воды ниже травы и говорит:

— Так-то я довольно честный, но, конечно, и у меня случаются затмения. Но теперь, после этого факта, я совершенно перековался.

Однако от перековки мы требуем порядочно. И если говорить о перековке, то нам желательно, чтоб окружающие люди были умные, честные и чтобы все стихи писать умели. Ну, стихи, даже в крайнем случае, пущай не пишут. Только чтоб все были умные.

Хотя, впрочем, конечно, ум — дело темное. И часто неизвестно, откуда он берется.

Так что желательно, чтоб все были хотя бы честные и чтоб не дрались. В крайнем случае даже пусть себе немного дерутся, но только чтоб вранья не было.

Это не значит, что не соври. Нет, врать можно. Но только самую малость. Ну, например, жена спросит: где был? Ну, тебе сказать неохота, где был. Ну, скажешь, в аптеке был. Ну, она — хлесь со всего размаху.

— Как это, скажет, в аптеке, когда, например, от тебя пивом пахнет?!

Нет, драться тоже нехорошо.

И лучше совсем без вранья, тогда, может, и драки прекратятся.

Итак, желательно, чтоб все были довольно честные и чтоб даже в частной жизни, хотя бы опять-таки в гостях, наблюдалось поменьше вранья и свинства.

А то хозяева иногда от этого сильно переживают.

Вот, например, какой однажды, благодаря бытовому коварству, произошел случай на одной вечеринке.

ИНТЕРЕСНЫЙ СЛУЧАЙ В ГОСТЯХ

Это было порядочно давно. Кажется, лет восемь назад. Или что-то около этого. И проживал тогда в Москве некто Григорий Антонович Караваев.

Он — служащий. Бухгалтер. Он не так молодой, но он любитель молодежи. И у него под выходные дни всегда собиралась публика. Все больше, так сказать, молодые, начинающие умы.

Велись разные споры. Разные дискуссии. И так далее.

Говорилось, может быть, про философию, про поэзию. И прочее. Про искусство, наверно. И так далее. О театре, наверное, тоже спорили. О драматургии.

А однажды у них разговор перекинулся на международную политику.

Ну, наверное, один из гостей, попивши чай, что-нибудь сказал остро международное. Другой, наверное, с ним не согласился. Третий сказал: Англия. Хозяин тоже, наверное, что-нибудь дурацкое добавил. В общем, у них начался адский спор, крики, волнения и так далее. В общем — дискуссия.

Что-то у них потом перекинулось на Африку, потом на

Австралию и так далее. В общем, в высшей степени дурацкий, беспринципный спор.

И в разгар спора вдруг один из гостей, женщина, товарищ Анна Сидоровна, служащая с двадцать третьего года, говорит:

— Товарищи, чем нам самим об этих отдаленных материях рассуждать — давайте позвоним, например, какому-нибудь авторитетному товарищу и спросим, как он про этот международный вопрос думает. Только и всего.

Один из гостей говорит, вроде как шуткой:

— Может, еще прикажете запросить об этом председателя народных комиссаров?

Женщина Анна Сидоровна немного побледнела и говорит:

— Отчего же? Вызовем, например, Кремль. Попросим какого-нибудь авторитетного товарища. И поговорим.

Тут среди гостей наступила некоторая тишина. Все в одно мгновенье посмотрели на телефон. ⟨...⟩

Вот Анна Сидоровна побледнела еще больше и говорит:

— Вызовем к аппарату товарища председателя и спросим. Только и делов.

Поднялись крики, гул. Многим это показалось интересным.

Некоторые сказали:

— В этом нет ничего особенного.

А другие сказали:

— Нет, не надо.

Но хозяин ответил:

— Конечно, этим звонком мы можем ему помешать, но все-таки поговорить интересно. Я люблю молодежь и согласен предоставить ей телефон для этой цели.

Тут один энергичный товарищ Митрохин подходит к аппарату твердой походкой и говорит:

— Я сейчас вызову.

Он снимает трубку и говорит:

— Будьте любезны... Кремль...

Гости затаив дыхание встали полукругом у аппарата. Товарищ Анна Сидоровна сделалась совсем белая, как бумага, и пошла на кухню освежаться.

Жильцы, конечно, со всей квартиры собрались в комнату. Явилась и квартирная хозяйка, на имя которой записана была квартира,— Дарья Васильевна Пилатова.

Она — ответственная съемщица. И она пришла поглядеть, все ли идет правильно во вверенной ей квартире.

Она остановилась у двери, и в глазах у нее многие заметили тоску и непонимание современности.

Энергичный товарищ Митрохин говорит:

— Будьте любезны, попросите к аппарату товарища председателя. Что?

И вдруг гости видят, что товарищ Митрохин переменился в лице, обвел блуждающим взором всех собравшихся, зажал телефонную трубку между колен, чтоб не слыхать было, и говорит шепотом:

— Чего сказать?.. Спрашивают — по какому делу? Откуда говорят?.. Секретарь, должно быть... Да говорите же, черт возьми.

Тут общество несколько шарахнулось от телефона. Кто-то сказал:

— Говори: из редакции... Из «Правды»... Да говори же, подлец этакий...

— Из «Правды»...— глухо сказал Митрохин.— Что-с? Вообще, насчет статьи.

Кто-то сказал:

— Завели волынку. Теперь расхлебывайте. Вовсе не надо было врать, что из «Правды». Так было бы вполне хорошо, а теперь наврали, и неизвестно еще, как обернется.

Квартирная хозяйка Дарья Васильевна Пилатова, на чье благородное имя записана была квартира, покачнулась на своем месте и сказала:

— Ой, тошнехонько! Зарезали меня, подлецы. Вешайте трубку. Вешайте в моей квартире трубку. Я не позволю в моей квартире с вождями разговаривать...

Товарищ Митрохин обвел своим блуждающим взглядом общество и повесил трубку.

В комнате наступила тишина. Некоторые из гостей встали и пошли по домам.

Оставшееся общество минут пять тихо сидело, рассуждая о том, что врать не надо было. А просто вызвали бы по личному делу и поговорили. И ясно, что в этом им бы не отказали. А теперь соврали, и получилось некрасиво.

Во время этой тихой беседы вдруг раздался телефонный звонок. Сам хозяин, бухгалтер Караваев, подошел к аппарату и с мрачным видом снял трубку.

И стал слушать. Вдруг глаза у него стали круглые и лоб покрылся потом. И телефонная трубка захлопала по уху.

В трубке гремел голос:

— Кто вызывал товарища председателя? По какому делу?

— Ошибка,— сказал хозяин.— Никто не вызывал. Извиняюсь...

— Никакой нет ошибки! Звонили именно от вас.

Гости стали выходить в прихожую. И, стараясь не глядеть друг на друга, молча выходили на улицу.

И никто не догадался, что этот звонок был шуточный.

И узнали об этой шутке только на другой день. Оказывается, один из гостей сразу после первого разговора вышел из комнаты, побежал в аптеку и оттуда позвонил, с тем чтобы разыграть всю компанию.

В этом он на другой день сам и признался. И при этом страшно хохотал.

Но хозяин, бухгалтер Караваев, отнесся к этому без смеха и поссорился с этим своим знакомым. И даже хотел набить ему морду, как проходимцу, который ради собственного развлечения пускается на подобные мелкие аферы и хитрости, заставляющие других людей переживать. А главное, хозяин не захотел простить этому гостю за то, что тот для смеха произнес в телефон несколько бранных слов, которые бухгалтер воспринял как должное. За это он ему в дальнейшем не простил и больше не приглашал на вечеринки, которые в скором времени и совсем отменил.

В общем — нижеследующая история, еще более забавная своей бытовой хитростью.

ЗАБАВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ С КАССИРШЕЙ

В одном кооперативе «Пролетарский путь» за последние полтора года сменилось двадцать три кассирши. И это мы ничуть не преувеличиваем.

Двадцать три кассирши в течение короткого времени. Это действительно нечто странное и поразительное.

Заведующий в свое время так об этом явлении сказал. Он сказал:

— Они все не соответствовали своему назначению. И все были дуры.

И подряд их двадцать две штуки сменил.

Ну, конечно, были дамские крики, вопли и объяснения. Но дело от этого не изменилось. Каждая такая работала у него неделю или полторы, и после он ее с шумом вышибал. Он их вышибал назад, на биржу труда. И требовал еще.

Если можно,— он говорит,— дайте кассира. Мужчину.

Но ему почему-то вечно присылали не то. То есть

женщин. Кассирш. Наверное, мужчин не было. А то бы они, конечно, прислали. Вообще это довольно странное психологическое явление. Скажем, за прилавком обязательно мужчина работает, а за кассой определенно женщина.

И почему это? Почему за кассой женщина? Что за странное явление природы?

Или наш брат мужик не может равнодушно глядеть на вращение денег вокруг себя? Или он запивает от постоянного морального воздействия и денежного звона? Или еще есть какие-нибудь причины? Но только очень изредка можно увидеть нашего брата за этим деликатным денежным делом. И то это будет по большей части старый субъект, вроде бабы, с осоловевшими глазами и с тонким голосом.

Короче говоря, несмотря на все просьбы заведующего, ему все время присылали барышень.

И вот он сменил их уже свыше двух десятков.

И наконец он сменяет двадцать третью.

А эта двадцать третья была очень миленькая собой. Она была интересная. И даже отчасти красавица... Во всяком случае, франтоватая. Хорошо одетая. И потому она хорошо и выглядела. В общем, она была хорошенькая.

Но, несмотря на это, наш заведующий, не поглядев на ее миловидность, тоже ее вышибает.

Она вдруг в слезы. Драмы. Истерики. Скандал.

Конечно, кассирша настоящего времени отчасти может даже удивиться этим истерикам. И не поймет причину огорчения. Но пять лет назад это было в высшей степени понятно. Тогда работа на полу не валялась. И местом кассирши многие интересовались.

В общем, когда эту нашу хорошенькую кассиршу уволили, она в слезы.

И говорит окружающим:

— Я знаю, почему меня уволил ваш заведующий. Я, говорит, к нему сурово относилась и мало, говорит, смотрела на него как женщина. И вот он меня за это и прогнал.

Ну, конечно, слухи эти дошли до инспекции труда. Вообще советский контроль. И так далее.

Нашего заведующего вызывают.

Он говорит:

— Это наглая ложь. Я на эту барышню даже не глядел. Меня она вообще мало интересует. Пожалуйста, посмотрите мой жизненный путь: за полтора года только и делал, что их увольнял.

Ему говорят:

— Но, может быть, вы их увольняли как раз за то, на что эта жалуется.

Заведующий говорит:

— Я, говорит, не нахожу слов от возмущения. Хорошо, говорит. В таком случае я сознаюсь, почему я их уволил. И раз меня теперь на двадцать третьей обвиняют как раз в обратном смысле, то я не считаю больше возможным скрывать настоящую причину. Видите, в чем дело. Я, как бы сказать, любитель иногда выругаться. Ну, знаете, фронтовая привычка. На работе я еще сдерживаюсь. Но в конце трудового дня или там при подсчете тóвара я сдерживаться затрудняюсь. И если у меня кассирша, то это меня совершенно стесняет. Она мне не дает творчески развернуться. Вот почему я уволил двадцать две кассирши. И почему уволил двадцать третью. Я щадил их наивность. И все надеялся, что мне пришлют какого-нибудь из нашего лагеря, перед которым я смогу быть самим собой. И поэтому я пустился на подобное коварство — стал подряд выкуривать всех барышень, в надежде когда-нибудь наскочить на мужчину. Но этого, увы, не случилось. И вот я теперь пострадал за свою хитрость. И нахожусь перед вами.

Тогда инспекция вызывает эту хорошенькую кассиршу. И ей говорит:

— Что же вы дурака валяете? Ведь вот он у вас какой!

Кассирша говорит:

— А я почем знала? Я думала, что он меня уволил по другой причине. А что касается этого, то это меня отнюдь бы не тревожило. Подумаешь, Художественный театр! За что другое, а как раз за это меня не надо было увольнять. Смешно.

Заведующий говорит:

— Да, кажется, с этой кассиршей я бы смог сработаться. Я жалею, что я ее выгнал, не узнав характеристики.

В общем, эта кассирша снова работает в этом магазине.

Но заведующий, к сожалению, там уже не работает. Ему сделали строгий выговор с предупреждением и сказали, чтоб в другой раз он не пускался бы на подобное арапство для угождения своим низменным вкусам.

И перевели его работать в склады. Там он, может быть, и отводит душу.

Но хочется думать, что это его одернуло и он уже расстался со своей привычкой, благодаря которой он испортил настроение двадцати трем женщинам, из которых одна была даже недурненькая.

Интересная хитрость была также допущена в одном общежитии.

Предлагаем вашему вниманию рассказ об этом небольшом происшествии.

ХИТРОСТЬ, ДОПУЩЕННАЯ В ОДНОМ ОБЩЕЖИТИИ

В одном общежитии жила некто Маруся Кораблева. Очень кокетливая особа. Молоденькая. Лет восемнадцати. Довольно вертлявая и вообще склонная к мещанскому уюту.

Она училась, конечно, плоховато. Но в высшей степени любила нравиться мужчинам. И для этой цели она подводила себе глазки и пудрила кожицу. И, кроме того, очень отчаянно душилась. Духами или одеколоном. Ей это было все равно.

И она, несмотря на свои скромные капиталы, непременно всегда тратилась на эту жидкость.

У нее перед кроваткой стоял ночной столик, и на этом столике у нее всегда красовался пузырек с духами. И лежала разная подмазка, зеркальце и так далее.

Только вдруг однажды Маруся стала замечать, что кто-то у нее берет эти духи. Кто-то ими пользуется.

Стала она тогда в столик класть пузырек. Все равно кто-то неуклонно отливает. Может быть, какая-нибудь ее подруга, не имея своей парфюмерии, пользуется чужой.

Марусенька и в столик прятала свои духи, и под подушку зарывала — не помогает. Чья-то невидимая рука нет-нет да и скрадет немного.

Стала она отметки делать на этикетке — сколько было. Тоже не помогает. Воры с этим не считались и при каждом удобном случае знай себе отливают.

Короче говоря, Маруся придумала такую штуку. Она взяла и на баночке сделала наклейку «яд» и поверх наклейки изобразила череп с двумя костями. И этот флакончик поставила на стол. И с тех пор никто уже больше не прикасался к жидкости.

За исключением, впрочем, одного раза. Одна истеричка взяла и зараз выпила всю жидкость.

Она, видите ли, поссорилась с одним знакомым. И сдуру заглотала всю жидкость, правда без особого вреда для себя.

А если б не этот случай, то это ее изобретение было бы на

высоте положения. Можно было бы даже патент схлопотать, так сказать, за остроту и хитрость мысли.

Но, безусловно, изобретение несколько меркнет, ибо оно направлено на мещанские интересы — на охрану частной собственности.

В общем, после этого случая Маруся Кораблева переменила тактику. Она теперь носит пузырек в сумочке. Отчасти это неудобно и тяжело, но зато безопасно.

Сей забавный рассказ предлагаем вниманию кокетливых особ. Без желания доставить им неприятные минуты.

А следующий рассказ, наоборот,— кокетливых просит не тревожиться. А пущай его читают отцы и деды и также матери. Детям же читать тоже не рекомендуется, чтоб философская мысль этого произведения не натолкнула бы их на нечто похожее.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ДЕВОЧКЕ САПОЖКИ ПОКУПАЛИ

Трофимыч с нашей коммунальной квартиры пошел своей дочке полсапожки покупать.

Дочка у него, Нюшка, небольшой такой дефективный переросток. Семи лет.

Так вот, пошел Трофимыч с этой своей Нюшкой сапоги приобретать. Потому как дело к осени, а сапожонок, конечно, нету.

Вот Трофимыч поскрипел зубами — мол, такой расход,— взял, например, свою Нюшку за лапку и пошел ей покупку производить.

Зашел он со своим ребенком в один коммерческий магазин. Велел показать товар. Велел примерить. Все вполне хорошо: и товар хорош, и мерка аккуратная. Одно, знаете, никак не годится — цена не годится. Цена, прямо скажем, неинтересная.

Тем более Трофимыч, конечно, хотел купить эти детские недомерки совсем за пустяки. Но цена его напугала.

Пошел тогда Трофимыч, несмотря на отчаянный Нюшкин рев, в другой магазин. В другом магазине опять та же цена. В третьем магазине — та же картина. Одним словом, куда ни придут, та же история: и нога по сапогу, и товар годится, а с ценой форменные ножницы — расхождение, и вообще Нюшкин рев.

В пятом магазине Нюшка примерила сапоги. Хороши. Спросил цену. Ему говорят:

— Напрасно ходите, цена, говорят, всюду казенная, и никакой скидки.

Начал Трофимыч упрашивать, чтоб ему скостили несколько рублей для морального равновесия, а в это время Нюшка в новых сапожках подошла к двери и, не будь дура, вышла на улицу.

Кинулся было Трофимыч за этим своим ребенком, но его заведующий удержал:

— Прежде, говорит, заплатить надо, товарищ, а потом бежать по своим делам.

Начал Трофимыч упрашивать, чтоб обождали.

— Сейчас, говорит, ребенок, может быть, явится. Может, ребенок пошел промяться в этих новых сапожках.

Заведующий говорит:

— Это меня не касается. Я товара не вижу. Платите за товар деньги. Или с магазина не выходите.

Трофимыч отвечает:

— Я с магазина не выйду. Я обожду, когда ребенок явится.

Но только Нюшка в магазин не вернулась.

Она вышла из магазина в новеньких баретках и, не будь дура, домой пошла.

«А то, думает, папаня, как пить дать, обратно не купит, по причине все той же дороговизны».

Так и не вернулась.

Нечего делать — заплатил Трофимыч сколько спросили, поскрипел зубами и пошел домой.

А Нюшка была уже дома и щеголяла в своих баретках.

Хотя Трофимыч ее слегка потрепал, но, между прочим, баретки так при ней и остались.

Теперь, после этого факта, может быть, вы заметили: в государственных магазинах начали отпускать на примерку по одному левому сапогу.

А правый сапог теперь прячется куда-нибудь, или сам заведующий зажимает его в коленях и не допускает трогать.

А детишки, конечно, довольно самостоятельные пошли.

Поколение, я говорю, довольно свободное.

А что со стороны ребенка допущено такое маленькое коварство, то это скорей всего, я так думаю, по причине папиной скупости, или, может, у него деньжонок не хватило.

На этом невинном детском рассказике мы хотели закончить наш отдел «Коварство», с тем чтобы перейти к новому — «Неудачи», однако близость этого отдела по-

зволяет нам рассказать еще одну новеллу, в которой два этих предмета — коварство и неудачи — соединились между собой. И вот что получилось.

ИСТОРИЯ С ПЕРЕОДЕВАНИЕМ

Конечно, всем известно, что в гостинице достать номер сейчас не так легко.

Я как приехал на юг, так сразу в этом убедился.

Слез с парохода, зашел в одну гостиницу, там портье говорит:

— Знаете, я прямо удивляюсь на современную публику. Как пароход приходит, так все непременно к нам. Как будто у нас тут гостиница. Ну — гостиница. Но номеров у нас нет. Переполнение.

Тогда я решаюсь пуститься на такую хитрость. Я выхожу на улицу и обдумываю план действия.

В руках у меня два места. Одно место — обыкновенная корзинка, на какую глядеть мало интереса. Зато другое место — очень великолепный фибровый или, вернее, фанерный чемодан.

Корзинку я оставляю у газетчика, выворачиваю наизнанку свое резиновое международное пальто с клетчатой подкладкой, напяливаю кепку на нос, покупаю сигару и ее закуриваю и вот в таком неестественном виде со своим экспортным чемоданом вламываюсь снова в эту гостиницу.

Швейцар говорит:

— Напрасно будете заходить — номерей нету.

Я подхожу до портье и говорю ему ломаным языком:

— Ейн шамбер-циммер, говорю, яволь?

Портье говорит:

— Батюшки-светы, никак иностранец к нам приперся.

И сам отвечает тоже ломаным языком:

— Яволь, яволь. Она, шамбер-циммер, безусловно яволь. Битте-дритте, сию минуту. Сейчас выберу номер, какой получше и где поменьше клопов.

Я стою в надменной позе, а у самого поджилки трясутся.

Портье, любитель поговорить на иностранном языке, спрашивает:

— Пардон, говорит, господин, извиняюсь. Ву зет Германия, одер, может быть, что-нибудь другое?..

«Черт побери, думаю, а вдруг он, холера, по-немецки кумекает? И сейчас на этом языке разговорится».

— Но, говорю, их бин ейне шамбер-циммер Испания. Компрене? Испания. Падеспань.

Ох, тут портье совершенно обезумел.

— Батюшки-светы, говорит, никак к нам испанца занесло. Сию минуту, говорит. Как же, как же, говорит, знаю, слышал — Испания, падеспань.

И у самого, видать, руки трясутся. И у меня трясутся. И у него трясутся. И так мы оба разговариваем и трясемся.

Я говорю ломаным испанским языком:

— Яволь, говорю, битте-цурбитте. Несите, говорю, поскорей чемодан в мою номерулю. А после, говорю, мы поговорим, разберемся что к чему.

— Яволь, яволь,— отвечает портье,— не беспокойтесь.

А у самого, видать, коммерческая линия перевешивает.

— Платить-то как, говорит, будете? Инвалют одер все-таки неужели нашими?

И сам делает из своих пальцев знаки, понятные приезжим иностранцам,— нолики и единицы.

Я говорю:

— Это я как раз вас не понимает. Неси, говорю, холера, чемодан поскорее.

Мне бы, думаю, только номер занять, там пущай из меня лепешку делают.

Вот хватает он мой чемодан. И от старательности до того энергично хватает, что чемодан мой при плохом замке раскрывается.

Раскрывается мой чемодан, и, конечно, оттуда вываливается, прямо скажем, разная дрянь. Ну там, бельишко залатанное, полукальсоны, мыльце «Кил» и прочая отечественная чертовщина.

Портье поглядел на это имущество, побледнел и сразу все понял.

— А ну-те, говорит, испанский подлец, покажи документ.

Я говорю:

— Не понимает. А если, говорю, номеров нету, я уйду.

Портье говорит швейцару:

— Видали? Он пытался пройти под флагом иностранца.

Я хочу поскорей уйти, но швейцар говорит:

— Тсс, товарищ, подойдите сюда. Не беспокойтесь. Скажите, неужели вам так нужен номер?

Я говорю:

— На пароходе закачало — еле стою. И даже согласен дать премию, только чтоб мне дали в номере полежать.

Портье говорит:

— У нас взяток не берут. А если вам так нужен номер, то я вам могу дать просто так. Безвозмездно. Но он без ключа. Номер заперт, а ключ потерян. За это вы слесарю заплатите пятнадцать рублей. Он вам откроет и ключ подберет из старья.

Я плачу эти деньги и получаю номер.

А вечером узнаю, что никто от этого номера ключа не терял, а просто они мне загнали за пятнадцать целковых обыкновенный ключ от этого номера. Об этом мне сказал сосед, с которого они взяли за то же самое десять целковых. А с меня на пять рублей дороже, как с бывшего испанца.

В общем, я был доволен, что получил номер.

На этом рассказе мы закончим наше повествование о коварстве. Конечно, возможно и даже скорей всего мы позабыли еще что-нибудь отметить из этой области. Так что если читатели вспомнят что-нибудь острое о коварстве, пусть они это отметят в своих сердцах.

Прочтите только тут еще небольшое послесловьице к нашему отделу «Коварство». После чего мы с вами перейдем к четвертой книге — «Неудачи».

И в этой книге будем говорить о таких делах, от которых мужчины задрожат, а женщины ахнут.

Итак, извольте небольшое, вроде болтовни, послесловьице. Оно, так сказать, морским узлом завяжет все то, что вам говорили про коварство.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, дорогие друзья, мы заканчиваем наш отдел «Коварство».

Что же мы видим, прочитавши исторические новеллы и забавные мелочишки из нашей жизни?

А мы видим, что в истории редко что случалось без коварства. И что на этот скользкий путь, несомненно, многих толкало темное прошлое.

А поскольку у нас перемена курса — наше будущее нас, естественно, не волнует. А что касается интуристов, то они, наверное, тоже схватятся за ум и до чего-нибудь додумаются.

Тем более там многие сами не захотят, чтоб на вершине жизни в полном блеске и в сказочном великолепии болтались у них главным образом спекулянты и темные дельцы со своим коварством и хитростью.

То есть это прямо, знаете, исторический анекдот. Кто больше спер, тот и царь. Кто больше выиграл или наспекулировал, тому полное почтение. Ну что это такое? Ясно, что коварства чересчур много.

Нет, это не может быть, чтоб это так у них сохранилось на вечные времена. Ясно, что это переменится.

Во всяком случае, старый мир с его мешочниками, купцами и спекулянтами в дальнейшем, без сомнения, рассыплется в прах и в тартарары. Разве что ради курьеза где-нибудь останется что-нибудь такое, вроде Монте-Карло, куда специально будут приезжать любители вспомнить о прошлой жизни.

Да еще возможно, что госпожа великая Англия из гордости и самолюбия что-нибудь такое оригинальное придумает. И поскольку там современный строй плюс король, то от них можно ожидать и еще какого-нибудь исключительного соединения — капитализма, например, с социа-

лизмом и еще с чем-нибудь. Но, может быть, они и без этого обойдутся.

В общем, мы не сомневаемся в победном шествии жизни. Все дрянное уйдет. Арапство исчезнет. Обиды, боль, слезы и огорчения забудутся. Детишки засмеются. Взрослые зааплодируют. И весь старый мир, все прошлое будет сосчитано как печальное недоразумение на заре человеческой жизни.

И все это прошлое исчезнет и, так сказать, пройдет.

Как сказал поэт,

Все пройдет, как с белых яблонь дым.

И мы в этом не сомневаемся.

Итак, друзья, подумавши возвышенным образом о дальнейшем, перейдем к нашему новому отделу — «Неудачи».

Тут, как многие уже, наверное, успели догадаться, речь пойдет о неудачах. И мы уже слышим отрывистые голоса и всхлипывания. Мы слышим недовольные речи и брюзжание. И кто-то канючит. Это брюзжат и канючат неудачники. Ах, им не хочется неудач. Они хотят кататься, как сыр в масле. Но это, конечно, не так-то легко дается. Вот они и брюзжат...

В общем, переходим к очередному отделу — «Неудачи».

НЕУДАЧИ

1. Когда мы в свое время лежали себе в люльке и крошечными губенками, мало чего понимая, тянули через соску теплое молоко,— какое, наверное, архиблаженство испытывали мы от окружающей жизни.

2. Главная причина блаженства, я теперь так думаю, заключалась именно в том, что мы решительно ниоткуда не ожидали никаких неприятностей и не испытывали никаких неудач.

Ну, разве, там, предположим, животик у нас неожиданно схватит, либо там блоха, соскочивши со взрослого, начнет кусать наше еще не окрепшее тельце.

Вот, так сказать, и все неудачи, вот вам и все трудности переходного возраста.

А все остальное текло, конечно, в чудном свете безмятежного существования.

3. А каким удивительным, каким прямо сказочным рисовался нам окружающий мир, когда мы юношей с превеликим удовольствием вступали на шаткий путь нашей жизни.

Какая прямо волшебная панорама расстилалась тогда перед нашим невинным взором.

Весь мир, нам казалось, наполнен счастьем, любезностью, удачами и чем-нибудь вроде этого. Каким-нибудь упоением.

Мужчины представлялись мыслителями. А женщины в нашем воображении рисовались вроде каких-то бравурных испанских певичек, которые то и дело поют, хохочут и выпивают. И кругом них только и происходит, что свадьбы, танцы, журфиксы и поцелуи.

Изредка там, мы думали, совершается что-нибудь неприятное — пожары там или обмороки. И снова опять журфиксы. Пляски. И так далее.

4. Но вот прошло, конечно, очарование юности. И все оказалось, как говорится, совсем напротив.

Так сказать, глазами разума мы имели неосторожность взглянуть на окружающий ландшафт. И вдруг, как в сказке, в одно мгновенье исчезли все эти волшебные картинки. И поблекли пестрые краски. И пропало все, от чего мы было пришли в такой неописуемый восторг.

Как сон все это исчезло, погасло и прекратилось.

И от этого нам стало так досадно, что мы прямо даже не можем вам и выразить.

Об этой досаде в свое время прекрасно выразился один наш славный поэт. Он так воскликнул, говоря о прошедших днях своей юности. Вот как он сказал об этой неудаче с чувством досады, с крайней растерянностью и с дрожью огорчения. Вот его слова:

Жизнь моя,— воскликнул он,— иль ты приснилась мне!
Словно, говорит, я весенней, гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

5. Да, это очень прекрасно сказано.

Буквально как на розовом коне, мало чего понимая, проскакали мы по цветущим полям нашей юности.

А когда стали кое-что понимать, то увидели, что все не так-то распрекрасно, как это нам казалось с седла нашей розовой сивки. И все эти розовые картины, которые рисовались нам, оказались совершенно иными. Кроме пожаров и обмороков, кругом были огромные неудачи. И эти огромные неудачи буквально переполняли нашу дореволюционную страну.

И даже наш прекрасный, но лирический поэт того времени, хотевший видеть главным образом цветы, луну и букеты, однажды так воскликнул:

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком!..
О нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

Однако закончим наши лирические отступления и перейдем к делу.

6. И вот, по примеру прошлых отделов, открываем мы историю, чтобы, конечно, поглядеть, как там у них раньше было насчет этих самых неудач. И откуда они, собственно,

возникали, эти неудачи? Не от глупости ли? А если не от глупости, то это, может, и поправимо.

И вот глядим в историю. Перелистываем ее туда и сюда. Средний мир. Древние века. Халдея там. Финикия. И мало ли там чего. Персия. Сиам.

И видим прямо нечто удивительное.

То есть, кроме неудач, у них как будто мало чего и бывало. Нищие бродят. Прокаженные лежат. Рабов куда-то гонят. Стегают кнутом. Война гремит. Чья-то мама плачет. Кого-то царь за ребро повесил. Папу в драке убили. Богатый побил бедного. Кого-то там в тюрьму сунули. Невеста страдает. Жених без ноги является. Младенца схватили за ножки и ударили об стенку... Как много, однако, неудач. И какие это все заметные неудачи.

Вот как один ученый русский поп сказал в 1734 году. Он так сказал о знаменитой тайной канцелярии, которая учиняла жестокую расправу с царскими врагами. Он сказал на своем дурацком наречии:

«Ежели бы перстом руки изрыть частицу земли на месте оном, то ударила бы из нее фонтаном кровь человеческая».

И вот, окончательно соскочивши с розового коня, давайте коснемся этого мотива.

7. Да! Из всех чертовских неудач, рассыпанных на каждой странице истории, наибольше всего нас может поражать какая-то, прямо скажем, бешеная жестокость по отношению к своей же подчиненной публике.

То есть это прямо в другой раз как-то даже плохо укладывается в голове. Все-таки встречаются милые люди. И вдруг там читаем — целую семью запихали в клетку к медведям. С другого там сняли кожу. Этому отрубили руку. Отрезали нос. Прибили гвоздем шляпу к голове. Посадили на кол.

Английский посол Горсей пишет в своих записках (в 1578 году):

«...А Тулупова посадили на такой длинный кол, что тот вышел около затылка. И пятнадцать часов князь Тулупов мучился и разговаривал со своей женой».

Другого «правонарушителя», доктора Емельяна Бомельню, Иван Грозный приказал сжарить на вертеле. И медика привязали к деревянному шесту и медленно жарили, поворачивая шест. Потом еле живого бросили в сарай на солому.

8. Знаменитую красавицу Лопухину и ее подругу (1743 год) били кнутом на площади в Петербурге и потом, по приказанию императрицы Елизаветы, «урезали» языки. И когда Лопухина не давалась палачу, тот схватил ее за горло, потряс, и, вытащив рукой язык, отрезал его щипцами. Эта Лопухина уже старухой вернулась из ссылки. И всех при дворе удивляла своим мычанием. Так пишет госпожа история.

Может быть, впрочем, прекратить эти неприятные речи?

Нет, просьба потерпеть еще немного. Но все-таки извольте прочесть еще небольшой отрывок. Иначе не поймете, чего такое — неудача.

Наиболее распространенная пытка в России была такого рода. У обвиняемого позади связывали руки в опущенном состоянии и привязывали веревку к ним. И эту веревку перекидывали через блок, укрепленный на потолке. Потом этой веревкой тянули руки вверх. Причем по мере подтягивания руки выворачивались из плеч. При этом чаще всего обвиняемого подпаливали на медленном огне или били кнутом.

9. Весьма часто вплоть до середины XVIII века обвиняемых закапывали в землю, оставляя над землей только голову. Это была весьма мучительная смерть, которая наступала на четвертый, а то и на пятый день. Иногда вешали за ноги или за ребро. А также вплоть до XIX века четвертовали.

Один шведский офицер, присутствовавший при казни четвертованием изменника Паткуля (при Карле XII), застрелил этого преступника. Он не мог выдержать картины этой казни. Сначала Паткулю отрубили одну руку и одну ногу, потом другую руку. Но он еще был жив и взглянул на офицера такими глазами, что тот выхватил пистолет и пристрелил его. За это Карл XII велел немедленно расстрелять офицера, что и было исполнено.

Но еще более свирепая казнь — колесование, при которой приговоренному раздробливали все кости и ноги соединяли с головой. Эта казнь возникла в Риме и продолжалась по всей Европе вплоть до XIX века.

Может быть, прекратить эти речи? Может быть, перескочить прямо на исторические анекдотики?

10. Может быть, впрочем, господа, у вас неважные нервы, и вы не выдерживаете подобной моральной встряски?

Может быть, вы страдаете мигренями или одержимы туберкулезом легких?

В таком случае мы прекращаем описание подобных дел. Надеемся, что у вас уже создалось некоторое представление о том о сем.

Прямо, оказывается, очень было избранное общество. С одной стороны, это были даже тонкие люди, ценители красоты, господа положения, у которых почему-то расцвело искусство и особенно живопись. А с другой стороны, вот оно что. Как-то это странно. Не укладывается в голове.

Отчасти даже можно понять французского поэта Мюссе, который, вероятно, подумавши обо всех делах, воскликнул:

Проклята семья и общество,
Горе дому, горе городу
И проклятье матери-отчизне.

Да, эти чертовские слова можно было произнести под бременем тяжких неудач и не видя, главное, никаких перемен в дальнейшем.

11. Итак, прекращаем описание этих свирепых дел. И переходим к более мягким историческим моментам. И к более легким пейзажикам и сценкам.

Но все же остается, так сказать, некоторый неприятный осадок. Какая-то горечь.

Поэт так сказал, усиливши эти чувства своим поэтическим гением:

Но все же навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить.

Насчет боли — это он, конечно, поэтически усилил, но какой-то противный привкус остается. Будто, извините, на скотобойне побывали, а не в избранном обществе, среди царей и сановников.

Вот, кстати, славный урок получают всякого сорта барышни, которые при наивности своего мировоззрения согласны воскликнуть: дескать, ах, они охотнее бы находились в каком-нибудь там поэтическом XVI столетии, чем в наше прозаическое время.

Вот вам, я извиняюсь, и поэзия — глядите, за ребро повесят. Дуры.

12. Правда, глупость какая. Стремление к поэтическим идеалам. Вот там покажут кузькину мать.

Хотя это, с одной стороны, сама поэзия слегка туману напустила.

Розы и грезы, а насчет того, что за ноги вешают,— об этом поэзия барышням ничего не подносила.

В общем, извиняемся, что доставили вам сразу столько моральных затруднений. Но поскольку неудачи, так ясно, что приходится затрагивать то и се.

Итак, переходим к нормальным историческим новеллам о неудачах. В которых надеемся, что ничего такого вроде этого уже не будет. Но, конечно, гарантии не даем.

В общем, друзья, история знает огромное количество событий, связанных с неудачами. Но среди них одно небольшое событие прямо нас умиляет своей нетронутой простотой. И хотя это было давно, но случай этот и в наши дни приобретает некоторую, что ли, остроту. Он у нас может легко пойти под лозунгом — борьба с религиозным дурманом или что-нибудь вроде этого.

13. В общем, это было в древнейшие времена, когда процветали какие-то доряне. И они воевали тогда с афинянами. Но доряне, в общем, тоже греки. И афиняне — греки. Уж об афинянах-то и говорить, конечно, нечего. Они тем более, конечно, греки. Это уже всем известно. Афины. И так далее. Тем не менее они между собой, эти греки, усиленно воевали. В древние времена бывала подобная неразбериха. Только факт, что у них была продолжительная война. Спарта и эти. Вообще передрались. Черт знает что такое.

А в Афинах был царь, носивший, наверное, чисто греческое имя Кодр.

И вот сидит однажды этот Кодр на позициях в своей военной палатке и размышляет, как бы ему там получше завоевать, что ли, этих самых дураков, дорян. И вдруг ему докладывают, что знаменитый спартанский оракул недавно сделал среди своих дорян интересное предсказание. Он сказал, что доряне непременно одержат победу. И только они в том случае проиграют войну, если они убьют афинского царя Кодра. Тогда, дескать, ожидайте поражения.

14. Кодр, услышав эти слова, прямо задрожал в своей палатке. И, безмерно любя свою Грецию, решил пожертвовать своей особой. Во имя, так сказать, своей героической родины.

И вот ночью он переоделся в другое платье, перешел в лагерь дорян и там затеял с одним солдатом ссору, в результате чего этого нашего героя и убили.

Скорей всего с улыбкой на устах принял он эту кончину — дескать, перехитрил вас, все-таки вы меня, доряне, убили. Теперь сдавайтесь согласно предписанию оракула.

Самое смешное в этой истории то, что доряне, убив Кодра, вдобавок еще одержали победу над его войсками и вскоре выиграли всю войну.

Так что лавры оракула сильно после того подмокли. И, главное, через него невинно пострадал наш доблестный царь Кодр, излишняя доверчивость которого и отчасти глупость завела его в такой тупик. В общем, подобная крупная неудача поистине бывает только раз в жизни.

Вот что значит доверять мошенникам и хиромантам.

Так дурак и помер. И даже, кажется, династия на нем прекратилась. Ну что это такое! Вот психопат.

15. Интересный случай неудачи испытал на себе также знаменитый и прославленный римский папа Борджиа Александр VI (умер в 1503 году).

Не будем его здесь описывать. Всем известна его отрицательная личность. Отметим только, что подобные оригиналы и мошенники не раз бывали на папском престоле. Но этот был особенный. Он прямо как с цепи сорвался.

Главное, что́ всех нас в этом папе поражает,— это его любовь к убийствам. И он вообще ни перед чем не останавливался в достижении намеченных идеалов.

Это был, вообще говоря, довольно сильная личность. И он итальянскому народу очень много крови испортил своим бурным поведением.

У него вдобавок был еще сын Цезарь. Тот совсем был мошенник и вор. Так что они оба-два — папа с сыном — на пару, так сказать, лихо поработали там у себя в Риме.

Вот вообще даже не понять. Эпоха Возрождения. Рафаэль все-таки. Микеланджело. Леонардо да Винчи работал, между прочим, у этого папы. И наряду с этим — такой исключительный папа. Как-то это даже странно с нашей точки зрения. А тогда, наверно, этому не так уж удивлялись.

16. Да, так вот, в католической церкви происходили тогда некоторые волнения. Папа хотел объединить всю Италию под своей божественной властью. А другие стеснялись и не хотели этого. Вот Александр VI и горячился.

И он, главное, хотел устранить двух кардиналов, которые ему мешали. Он подсылал убийц, но из этого ничего пока не выходило. Тогда он пригласил их однажды к себе

на именины. И тем отказать уже было неловко. Все-таки — папа.

И они, конечно, приехали.

А папа только этого момента и ждал. Он их решил отравить за ужином. И он в вино подсыпал какой-то сильный египетский яд.

И, чтобы у гостей не было сомнения, это вино в четырех одинаковых золотых бокалах принес на подносе кто-то там из лакеев. Какой-нибудь там мажордом. Торжественно, может быть, внес этот поднос в столовую. И папа любезно сказал: «Вот, дескать, друзья, нас тут — раз, два, три, четыре — вы оба и мы с сыном. Давайте же поздравим друг друга с именинами и выкушаем этот искрометный напиток. Ура!»

17. Или он чего-нибудь вроде этого сказал. И подмигнул лакею — дескать, обноси, дурак, и станови перед каждым по их бокалу.

А надо сказать, что два бокала с отравой были чуть-чуть побольше в вышину. А которые два поменьше — те содержали в себе чистое вино.

А лакей, дурак, запарившись, перепутал и сунул кардиналам более маленькие кубки. А более возвышенные бокалы, конечно, схватили для себя папа с сыном.

Но папа-то еще понятно. Папа только отдал распоряжение и не знал, куда они всыпали отраву. Он на своих надеялся. Но насчет сына, Цезаря, — это прямо изумительно. Он сам засыпал яд и вдруг в последнюю минуту позабыл приметы. И потащил к губам отравленный напиток.

И папа, глядя на него, тоже за ним потянулся. И кардиналы с ними чокнулись.

В общем, факт, что они все четверо выкушали это вино. И вдруг у папы с сыном моментально глаза на лоб полезли. Сын говорит: «Папа, знаешь, кажется, мы ошиблись».

18. Кардиналы им говорят: «Что, дескать, с вами, папа с сыном?» Но те произносить слова не могут. И падают. И сын падает. И папа, к черту, под стол сползает.

Драма, конечно, скандал. Крики. И сразу все разъяснилось. Кардиналы задрожали задним числом. Стали на потолок зыркать и креститься о чудесном спасении. После чего подбежали к папе, но тот уже тихо лежит кверху брюхом и дышать не может.

А его сын, этот бешеный Цезарь, даром что он тоже свое вино вылакал, все-таки благодаря, может быть, своей моло-

дости и нахальству вскочил на ноги и пулей бросился куда-то там такое. Он моментально отыскал противоядие, принял его. Его хорошенько вырвало, прослабило, и он остался жив всем на удивление. После чего его хотели отдать под суд, но он сбежал за границу. И жил там исключительно хорошо, покуда вскоре не умер. Его там, кажется, наконец убили. Так что он достиг все-таки своей настоящей планеты.

А папа так и умер на месте. Вот это была неудача. Дурак какой.

19. Но это, конечно, скорей личная неперка, чем неудача. А то бывают неудачи крупного значения. Какие-нибудь язвы общества и так далее. Или там проявление угодливости, низкопоклонства и что-нибудь вроде этого. Конечно, это тоже неудачи. Но уже в области характеров. Это уже общественные неудачи. То есть это уже не пустяки вроде вышеуказанной ошибки — бокалы перепутали.

Вот, например, представьте себе такую сцену из римской жизни.

Римский император Тиберий. Сначала он был ничего. То есть в своей молодости он был даже приятный человек. Во всяком случае, не был подлец. Но под конец он испортился. У него голова от власти закружилась. И он наделал чертовские дела по своей жестокости. Его в Риме очень не любили. Но он на это плевал. Он сказал такую историческую фразу: «Пусть ненавидят, лишь бы подчинялись».

Но тем не менее в своей молодости он был ничего себе человек. Он даже, как отмечает история, горел лучшими намерениями. Особенно когда он был еще консулом. У него тогда были разные планы. И он любовно относился к людям. Как-то гуманно.

20. И будучи в хорошем, чувствительном настроении, он однажды сказал за обедом:

— Вот, дескать, господа, мы пользуемся всем на свете и отличаемся хорошим здоровьем. А многие несчастные, может быть, тем временем хворают и умирают. Как это нехорошо. Я бы, говорит, хотел им посочувствовать. На днях, говорит, я непременно объеду все больницы и поговорю с больными — кто в чем нуждается. Я, говорит, хочу прикоснуться к страданиям, чтобы хоть немножко облагородиться.

Тут окружающие, наверно, зааплодировали. Дескать, какое сердце, какие поступки,— человек ездит по больни-

цам и наблюдает разные там язвы и лишаи, будучи консулом.

Тиберий говорит:

— Ну что вы. Отчего же. Я даже завтра могу поехать.

И вот он, распаленный в своих лучших чувствах, действительно решил завтра же объехать все больницы.

Однако окружающее начальство, желая угодить Тиберию и желая доставить ему поменьше затруднений при подобном осмотре больниц, решило упростить это дело. И был отдан приказ — собрать всех больных в городском саду и разложить их там по роду их болезней.

Что, по словам римского историка Светония, и было на другой день исполнено.

21. Можно представить, какое волнение поднялось в больницах, когда пришло подобное распоряжение.

Многие заведующие больниц бросились, конечно, куданибудь там в ихнее управление. Начали доказывать. Горячиться. Дескать, что это не представляется возможным. И где же транспорт взять и так далее. И тем более многие больные у нас довольно плохо себя чувствуют — они хворают. А кое-кто плохо даже передвигается. Которые ослабшие или с тифом. Как же так, господа, взять их и всех, что ли, свалить в саду? Или что? Объясните распоряжение Конечно, если вы настаиваете. Мы не возражаем. Тем более если это приказ, то мы понимаем, что его надо исполнить.

В общем, медицинские работники, вздыхая, и шипя, и перекидываясь обывательскими фразами, бросились назад по своим больницам и стали там готовить больных к передвижению.

И, значит, вскоре, под барабанный бой двинули их к городскому саду. Где и стали всех располагать там по группам. Или, как Светоний говорит,— по роду заболеваний.

То есть, наверно, чахоточных посадили с чахоточными. Подагриков к подагрикам. А ревматиков живописной группой расположили под деревом. А хворающим воспалением легких велели лечь около бассейна, чтобы они могли освежаться и утолять жажду. И так далее.

Засим все стали ожидать. Заиграла музыка. Подагрики и роженицы подтянулись и выглядели молодцами.

И наконец раздались голоса: «Несут». И Тиберий, окруженный друзьями, сияющий и молодой, предстал перед трепещущей медициной.

22. К чести его надо сказать, что эта живая картина в городском саду ему не понравилась.

То есть сначала он от изумления двух слов не мог произнести.

Один из начальников говорит:

— Собрали их всех в саду-с. Чтоб, так сказать, вам не трепаться по разным учреждениям.

Тиберий говорит:

— Да, но как же так, господа? Собрать их всех в одну кучу... Как-то странно.

— Отчего же странно? Собрали-с в одну кучу, чтоб, так сказать, вы могли бы сразу лицезреть что к чему.

Тиберий говорит:

— Да, но, может быть, они не хотят этого... Может быть, они больные. Вон как они у вас болезненно смотрят.

— Отчего же не хотят? Они очень хотят. Только они перед вами стесняются. Вот они и смотрят слегка болезненно. А так-то до вас они у меня тут диски кидали. И хоть бы что.

23. Тиберий говорит:

— Да нет, я ничего не говорю, только почему они такие бледные? Что они, больные у вас, что ли?

— Хворают-с. Вот они и побелели. А так-то они ничего еще. Крепыши.

Тиберий говорит:

— А врачи-то что же говорят?

— А врачи прямо на седьмом небе от удовольствия. Они говорят: сколько лет ждали, чтобы это наконец было, и вот это случилось. Они выражают вам благодарность за это решение. Они говорят, что только после этого они почувствовали настоящее внимание к медицине. А то прямо находились все равно как сироты. Тосковали. И вдруг теперь могут отыграться. А в крайнем случае можно, конечно, отдать распоряжение, чтобы они обратно возвращались. Если вы уж насмотрелись на картины человеческого страдания.

Тиберий говорит:

— Пойду, что ли, извинюсь перед больными.

И, подойдя к больным, стал перед ними извиняться за излишество и за бездушный, бюрократический перегиб, допущенный со стороны начальства.

И, по словам историка Светония, «он даже извинился перед людьми самыми маленькими и неизвестными».

В общем, снова загремела музыка. Больные подтяну-

лись. И наш Тиберий, покачивая головой и вздыхая, вышел из сада в сопровождении восхищенных друзей.

Сия история говорит о том, как иной раз возникают неудачи, с которыми во все времена следует горячо бороться путем сатиры и просвещения.

24. Но это что. Вот был еще более крупный случай неудачи. В 1740 году в Европе стало известно, что некий великий герцог тосканский Франц Стефан продает дивный брильянт.

Дело в том, что этот герцог вел войну с Испанией. И вот он сильно поиздержался. И теперь ему до зарезу нужны были деньги.

И вот он стал продавать свой лучший брильянт.

А брильянт этот действительно был исключительной, дивной красоты. И он был очень громадный. В нем было сто тридцать четыре карата.

То есть ювелиры говорят, что это что-то особенное. Они говорят, что только три или четыре алмаза есть крупнее этого. Один какой-то фантастический алмаз в триста шестьдесят карат у султана на Борнео. Затем в двести семьдесят. Такой какой-то под названием «Великий Могол». Затем французский алмаз в сто тридцать шесть карат. И, наконец, наша стекляшка в сто тридцать четыре карата.

Так что можете себе представить, что это был за камешек.

И вот он вдруг продается.

25. Конечно, началось волнение среди царских особ. Каждому царю небезынтересно такой алмаз в свою корону поставить. А герцог торгуется. Ему дают полмиллиона, но это ему мало.

А на этот алмаз очень исключительно разгорелась наша русская императрица Анна Ивановна со своим Бироном. У ней там был брильянтик в ее короне, но небольшой, в пятьдесят три карата, а ей непременно хотелось этот вдеть. Ей казалось, что это ей пойдет. К ее внешности. А сама-то она, как говорят современники, была солидная, расплывчатая дама с рябоватым лицом и с красноватыми глазами. И мы так думаем, что это навряд ли ей могло пойти.

Но поскольку она русская императрица, то она была не ограничена в своих дурацких фантазиях. И вот она стала покупать этот камень.

Ах да, в русской короне был еще один громадный

брильянт в сто девяносто три карата. Но он был куплен уже в дальнейшем, при Екатерине II. А наша дама проживала как раз до этого факта. Так что она, естественно, расстраивалась, что не захватила эту будущую эпоху с более крупным камнем.

А герцог, видя, что она так расположена покупать, не будь дурак, спросил с нее миллион.

26. Еще полмиллиона она могла наскрести, но всей суммы у нее не было. Тогда она ему сказала следующую историческую фразу:

«Я вам даю, герцог, полмиллиона и вдобавок еще пятьдесят тысяч русского войска, чтобы вы могли продолжать войну с Испанией».

У герцога задрожали коленки от волнения, и он уже хотел соглашаться, но тут вмешалась Австрия и дала герцогу два миллиона в долг, только чтобы он не путался с русскими.

И герцог сказал нашей даме: «Алмаз я больше не продаю. Он у меня остается в короне. С тем и съешьте».

Так она алмаза и не купила. Наверно, ревела. Корова.

Но тут, конечно, неудача не в том, что у ней покупка не состоялась. А в том, что пятьдесят тысяч русских мужиков могли бы пойти драться с Испанией. Пятьдесят тысяч здоровых русских парней могли бы лечь на полях за один дамский каприз рябой бабы.

Какая неудача, что этим делом так легко можно было распоряжаться. Впрочем, такие неудачи все время случались в нашей славной истории.

Нет, какая скотина. «Пятьдесят тысяч мужиков, говорит, господин герцог, я вам даю». Надо, братцы, хорошенько понять эту фразу. И потом уж говорить о политике.

27. Из больших неудач можно также сосчитать в свое время неудачное отношение к поэзии.

При той же Анне Ивановне жил в России такой небезызвестный поэт Тредьяковский.

Как поэт он ничего особенного из себя не представлял. Но все-таки стишки там кое-как кропал.

Что-то такое:

Стрекочущу кузнецу, в зеленом блате сущу,
Ядовиту червецу, по злаку ползущу.

Как-то у него так оригинально выходило. И для своего времени он считался ничего себе. Одним из крупнейших поэтов. Вроде, что ли, Уткина.

Но человек он тем не менее был не особенно приятный. Вернее, он был большой интриган и льстец. На что его толкала, наверно, мрачная эпоха. А человек он был довольно ученый. И не без образования. В общем, симпатии наши на его стороне.

Но это между прочим. В общем, живет себе поэт. Пишет стихи. Вдруг его вызывают к министру.

28. Министр Волынский ему говорит:

— Вот что, друг, тут у нас по распоряжению императрицы будет происходить шутовская свадьба. Мы женим нашего придворного шута Голицына с одной карлицей. Так вот, нам надо, чтоб ты написал стишки по поводу этого забавного бракосочетания. И поскольку ты поэт, то мы ожидаем от тебя расцвета творчества на этот счет.

Тредьяковский, конечно, стал отнекиваться, но министр ему сказал:

— Тогда я попросту велю тебе написать, и кончен бал. Не надо с министром спорить.

Поэт говорит:

— Свое поэтическое дарование я не намерен разбазаривать на такие дела. Подыщите себе другого поэта.

Историки говорят, что министр задрожал от гнева и стал по щекам бить поэта. Как тогда говорилось, «из собственных ручек набил морду». Потом, побивши, велел посадить его под арест, и злосчастного поэта взяли под микитки и увели в караульную. А министр ему на прощание сказал:

— До тех пор тебя, негодяя, не выпущу наружу, пока ты мне не сочинишь каких-нибудь хорошеньких стишков.

29. На другой день поэт все-таки, сидя в караульне, сочинил стихи. И эти стихи вошли, так сказать, в железный фонд русской поэзии. Они стали историческими стихами.

Вот они:

Здравствуйте, женившись, дурак и дура.
Теперь-то прямое время вам повеселиться.
Теперь-то всячески, поезжане, должно беситься.

И так далее. Собственно говоря, по справедливости, надо было бы после написания этого стихотворения наколотить морду поэту. Но министр поторопился. И он до написания потрудился. И тем самым, так сказать, поступил отчасти педагогически.

Из чего мы можем заключить, что время для расцвета поэзии было не совсем такое, что ли, удачное.

Между прочим, этот министр, побивши поэта, также потерпел неудачу.

Он чем-то не угодил Бирону и сложил свою пылкую голову на плахе. Его пытали. Отсекли правую руку, а потом голову.

Вот какие бывали неудачи как в поэзии, так и в прозе.

Теперь, как говорится, в заключение нашего концерта из новелл — послушайте вальс Штрауса «Жизнь художника».

Ах, это очень трогательная история!

30. Эта сентиментальная новелла будет о В. П. Боткине, который проживал в России в середине XIX века.

Он был, между прочим, друг Белинского и Некрасова. И сам он занимался литературой — критиковал, писал стихи и еще что-то такое.

Человек, говорят, был тончайшей души. Он был эстет. Он восхищался перед красотой. Любил музыку. Декламировал стихи. Увлекался хорошенькими дамами. И так далее. Он писал: «Главная задача писателя — развивать в читателе эстетические вкусы».

Поэтесса Авдотья Панаева, то есть она не поэтесса, а подруга поэта Некрасова, так о нем выразилась в своих записках:

«Он был тонкий ценитель всех изящных искусств».

Вот каков был наш герой.

31. Такие эстеты, между прочим, нередко бывали среди обеспеченных русских интеллигентов и помещиков.

А наш Боткин хотя и не был помещиком, но имел в банке капитал. Он жил себе на проценты. Его папа держал чайную фирму. И оставил нашему Василию Петровичу сто пятьдесят тысяч золотом. Худо ли!

Так что у него денег было много. Но он капитала не трогал и даже процентов не проживал. Он скупился. Он копил деньги. Сам не зная для чего. И жил больше чем скромно.

Панаева говорит, что он был до крайности расчетлив. Он, например, считал, сколько конфет осталось в коробке. И если хоть одна пропадала, он устраивал крики и скандалы своим лакеям.

В Париже он, попив кофе, имел привычку прятать в карман оставшийся сахар.

А когда раз в Париже он под пьяную лавочку дал кокотке сто франков, так он неделю не мог успокоиться.

Но тем не менее он был эстет и любил красоту, в чем бы она ни выражалась.

32. И вот ударило нашему эстету пятьдесят четыре года. И он стал хворать.

У него открылись боли в правом боку. И, кроме того, у него ослабла нервная система от постоянного восхищения перед красотой.

Короче говоря, он ослаб и стал прихварывать.

И он в первый раз тогда подумал, что все люди смертны. А то он думал, что это все время так и будет. Красота и так далее. И вдруг — нет.

Он подумал: «Живу пятьдесят четыре года. Начинается старость и все такое. А как я жил? Я составил громадный капитал. И жил как скотина. Скупился и урезывал».

И, так подумавши, он стал лихорадочно растрачивать деньги.

Он нанял дивную квартиру в девять комнат. И стал обставлять ее с неслыханной роскошью.

Но когда он въехал в эту квартиру, он еще больше захворал. И даже не мог устраивать балов, ради чего он, собственно, и переехал в эти апартаменты.

33. Тогда он стал доставлять себе удовольствие в питании. Он стал обжорой. Он нанял лучшего повара. И заказывал какие-то потрясающие блюда. Но вдруг желудок его перестал работать. И он мог только высасывать сок из бифштекса.

Тогда он стал скупать картины лучших мастеров. Но тут ударило самое большое горе — и он вдруг ослеп. И не мог больше любоваться шедеврами, которыми он увешал свои стены.

Тогда он нанял француженку, чтобы та читала ему романы. И сидел в креслах вялый и слабый, еле слушая, чего ему читали.

И когда однажды к нему зашел Панаев, он с отчаянием ему сказал:

— Знаешь, Иван Иванович, ведь я даже еще не прожил процентов. Вот что меня побивает.

Вскоре он умер. И никто о нем не вспомнил. И только Панаева о нем написала: «Он был скуп, мелочен и трус».

Вот вся память, которая осталась от ценителя искусства.

Какая неудача!

34. Кстати, если вы заметили, мы неожиданно перебрались с вами поближе к жизни писателей и поэтов.

Это, конечно, понятно. Мы это знаем. И нам это доступно пониманию.

Так что так и будем продолжать. В том же духе. Как через каплю воды можно сообразить кое-что о воде, так и через эту группу мы можем увидеть, как вообще бывало.

Но, конечно, новелл вам больше рассказывать не будем, а снова, по примеру прошлого отдела, устроим «Смесь». Из жизни писателей и поэтов. А вы уж, благодетели, обдумывайте сами эту смесь. Приучайтесь к самостоятельному мышлению. Вот эти мелочишки.

- Гаршин, уже будучи известным писателем, принужден был взять место приказчика в Гостином дворе, в писчебумажном магазине.
- Знаменитый философ Спиноза жил тем, что полировал стекла для оптических инструментов. Умер от чахотки в 1677 году.
- 16 апреля 1852 года Тургенев был посажен на съезжую за статью о Гоголе.

35. Надеждин писал об «Евгении Онегине» Пушкина в 1830 году: «Ветреная и легкомысленная пародия на жизнь. Мыльные пузырьки, пускаемые затейливым воображением. Талант его слабеет».

- Булгарин о Пушкине: «Ни одной мысли, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения. Совершилось падение».
- Вольтер высмеял герцога Рогана с его высокомерием. Герцог велел своим лакеям прибить Вольтера. Что и было исполнено. Вольтер вызвал герцога на дуэль. Но тот отказал, так как Вольтер не был дворянином.
- Знаменитый историк Полибий был продан в рабство и увезен из своего отечества. Погиб от нужды и лишений.
- Автор «Робинзона Крузо» Дефо за сатирическую статью был (1703 год) приговорен к тюремному заключению. Сутки он провел привязанный к позорному столбу на площади. Проходящие обязаны были в него плевать. Дефо было тогда сорок два года.
- Автор «Дон-Кихота» Сервантес попал в плен к морским разбойникам. Был продан в невольники в Алжир. Там ему отрубили левую руку. Выкупили родственники. Последние годы жизни был сборщиком податей. Ходил по деревням. Умер в нищете в 1616 году.

36. Передохнем немного. А то сразу как-то слишком много неудач.

Нам исключительно жалко Сервантеса. И Дефо тоже бедняга. Воображаем его бешенство, когда в него плевали. Ой, я бы не знаю, что сделал!

А каково Вольтеру? Тоже можно представить, какой злобой он пылал к этому негодяю герцогу.

А Булгарин — подлец. Свиная душа. Как это, правда, часто бывает, что такие ошибки совершались в оценках. Вот где тоже кроются ужасные ошибки и неудачи. Например, взгляните, что писали о Гоголе его современники.

● Сенковский писал: «Я обожаю чистоту — ваши зловонные картины поселяют во мне отвращение...»

● Н. А. Полевой о «Мертвых душах»: «Начнем с содержания — какая бедность».

● «Северная пчела» о Гоголе: «От Гоголя много ждали. Но он разрешился ничтожными „Мертвыми душами“».

● Из критических статей: «Гоголь не хочет возвыситься хоть настолько, чтобы не уступить Поль де Коку».

37. Писатель Дружинин писал о себе: «Я всегда буду в первых рядах литературы».

● Кукольник сказал: «Кукольника оценит потомство».

● Пушкина называли «поэтом легкого жанра», а Баратынского — «поэтом мысли».

● Дрянного и сейчас неизвестного поэта Тимофеева критика назвала «русским Байроном, который может соперничать только с Гете».

● Величайший украинский поэт Шевченко был арестован и отдан в солдаты. Был выслан в Орск.

● Достоевский был приговорен к смертной казни. Пять минут стоял с завязанными глазами, ожидая повешения. Эта казнь была заменена каторгой.

● Поэт Леонид Семенов (друг Блока) за революционную деятельность был избит до полусмерти городовыми в полиции.

● О смерти поэта Лермонтова, сосланного на Кавказ, Николай I сказал: «Собаке — собачья смерть».

Не беспокоит? Тогда пойдемте дальше.

38. Знаменитый греческий философ Диоген уже в преклонном возрасте был продан в рабство на остров Крит.

● Не менее знаменитый баснописец Эзоп был до того

беден, что сам себя продал в рабство, чтобы расплатиться с долгами. Ему тогда было тридцать лет. Он был маленький и горбатый.

● Знаменитый итальянский философ Джордано Бруно был сожжен на костре за «еретическую философию».

● Несколько сот афинских матросов и торговцев разбирали дело Сократа. Они приговорили его к смерти за его неправильные философские воззрения.

● Философ Платон был продан в рабство на остров Эгин. Нашелся почитатель, который выкупил Платона за тридцать мин. Платону было тогда сорок пять лет.

● Испанский поэт Серран до Кресто за сатирические и вольные стихи просидел в тюрьме десять лет. Священный трибунал заставил его присутствовать при казни сына, которого удушили и сожгли на костре.

● Испанский драматург Антонио Сильва был сожжен на костре 19 октября 1739 года. В тот же день в театре шла его пьеса «Гибель Фаэтона».

● Знаменитый писатель Чернышевский после двух лет сиденья в тюрьме был приговорен к четырнадцати годам каторги на рудниках.

39. Русский писатель Полежаев за одно стихотворение был сослан в солдаты. За самовольную отлучку просидел год в тюрьме, закованный в кандалы. Приговорен был к прогнанию сквозь строй. Умер тридцати трех лет.

● Русский писатель Радищевбыл приговорен к смертной казни. Казнь была заменена вечной ссылкой.

● Л. Н. Толстой был предан анафеме. Раз в год во всех церквах торжественно провозглашалась анафема трем лицам — Мазепе, Гришке Отрепьеву и нашему великому писателю.

● Писатель Ник. Успенский, находясь в крайней бедности, давал цирковые представления в трактирах. Зарезался бритвой.

● Писатель Марлинский (Бестужев) был приговорен по делу декабристов к смертной казни. Казнь заменена ссылкой на двадцать лет. Погиб в стычке с горцами — был изрублен шашками.

● Мраморная церковь в Петербурге, начатая при Екатерине II, достраивалась при Павле кирпичом. Поэт Акимов написал такие стихи:

Се памятник двух царей,
Обоим столь приличный:

На мраморном низу
Воздвигнут верх кирпичный.

За это четверостишие поэту отрезали уши и язык и сослали в Сибирь.

40. Руссо за книгу «Эмиль» был приговорен к тюремному заключению. Бежал в Англию.

● Бомарше после представления своей пьесы «Свадьба Фигаро» был арестован и посажен в тюрьму. Людовик XVI, играя в карты, написал приказ об аресте на семерке пик.

● Книга Вольтера «Философские письма» была сожжена рукой палача. Сам Вольтер бежал за границу.

● Итальянский философ Кампанелла пишет: «В последний раз моя пытка продолжалась сорок часов. Туго перевязанный веревками, разбившими мне кости, подвешенный над острым колом, я потерял двадцать фунтов крови и чудом остался жив».

В своем учении он проповедовал общность имущества.

● Знаменитый Посошков, написавший (при Петре I) свое «Рассуждение о богатстве», был посажен в тюрьму и там его держали до смерти.

● Итальянского поэта Торквато Тассо без всякой вины герцог д'Эсте продержал семь лет в тюрьме.

41. После побед римлян многие греческие философы были привезены в Рим, где и продавались в рабство. Римские матроны покупали их в качестве воспитателей к своим сыновьям. Чтобы продаваемые не разбежались, торговцы держали их в ямах. Откуда покупатели их и извлекали.

● Замечательный писатель протопоп Аввакум писал (в 1678 году): «Меня взяли со стрельцами и на чепь посадили ночью. И на чепи кинули в темную палатку, и сидел три дня, не ел, не пил... Никто ко мне не приходил, только мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно».

Его как еретика сожгли вместе с его единомышленниками.

● Знаменитый русский народный поэт Кольцов, умирающий, лежал в ужасных условиях, в проходной комнате, забытый всеми. Причем в квартире происходила чья-то свадьба. Поэт писал в 1842 году: «Все начали ходить и бегать через мою комнату. Полы моют то и дело, а сырость для меня убийственна. Трубки благовонные курят каждый день... У меня образовалось воспаление в правом боку. Потом — в левом. А в ту пору вечеринка... Прошу не курить — курят больше. Прошу не благовонить — больше...»

Поэт умер, когда ему было тридцать три года.

42. Хотели помолчать, но скажем пару слов. Последний факт уж очень характерный. Умирает прекрасный поэт. И такая сволочь кругом. И такая нищета. А в это же время какой-нибудь пустой дурак, продувная бестия, содержатель ларька или чайной, понятия не знал, что такое беда. Вот что может огорчить. Вот в чем одна из главных неудач у них, у капиталистов и трактирщиков.

А философы! Только представьте себе картину. Яркое солнце. Пыль. Базар. Крики. Яма, в которой сидят философы. Некоторые вздыхают. Некоторые просятся наверх. Один говорит:

— Они в прошлый раз скоро выпустили, а нынче что-то долго держат.

Другой говорит:

— Да перестаньте вы, Сократ Палыч, вздыхать. Какой же вы после этого стоик? Я на вас прямо удивляюсь.

Торговец с палкой около края ямы говорит:

— А ну, куда вылезаешь, подлюга. Вот я тебе сейчас трахану по переносью. Философ... Ученая морда...

Черт возьми! Какие, однако, бешеные неудачи выпадали на долю мыслящей братии. Может, это случилось за то, чтоб поменьше думали, что ли. Наверно, так и есть. Прямо это как-то озадачивает.

43. Давайте совсем краешком глаза взглянем тогда не на писателей. Может быть, слегка отдохнем от неудач. Может, те немного интересней жили. Но вряд ли. Уже видать, так сказать, трухлявую походку жизни.

• Голштинский ученый Олеарий, побывавший в Москве в 1621 году, пишет: «Тут без меры дерут и скоблят кожу с простого народа».

• Светлейший князь Потемкин, приревновав капитана Щеглова к одной польской княгине, без суда сослал его в кандалах в Сибирь, где тот и пробыл пятьдесят два года.

• Секретарь саксонского посланника писал своему королю об Екатерине I: «Она вечно пьяна, вечно пошатывается, вечно в бессознательном состоянии».

• Официально инквизиция была отменена всего лишь сто лет назад — в 1835 году.

• Николай I при посещении (в 1842 году) первой гимназии грубо сказал директору, указывая на одного из учеников: «А это что там у вас за чухонская морда?» Директор что-то пробормотал, на что Николай I добавил:

«Первая гимназия должна быть во всем первой. Чтоб таких физиономий у вас тут не было».

• Когда Сиракузы пали, римские воины бросились по домам грабить. Два солдата вбежали в комнату к великому математику Архимеду. Он чертил на полу фигуры. Это почему-то рассердило воинов, и они убили его, проткнув дротиком.

• Римский историк Светоний пишет о беззакониях Нерона: «Римлянин Пет Тразеа был осужден за его постоянное выражение лица недовольного педагога».

44. Великий астроном Галилей был арестован священным трибуналом. Его заставили отречься от его научной «ереси». Отречение состояло в том, что великий философ, стоя на коленях в одной рубашке, то есть в одежде кающегося грешника, прочел перед собранием народа речь, сочиненную инквизиторами от его лица.

• Ивашка Култыгин (XVII век), работник Яузской мельницы, изобрел сани с парусом. За это его схватили и пытали — к чему он выдумал такие сани. Сани эти сожгли, а Култыгина побили батогами.

• Знаменитая помещица Дарья Салтыкова запорола до смерти свыше ста своих крепостных.

• Продажа людей в конце XVIII века происходила в Петербурге на площади против Владимирской церкви. Где сейчас Кузнечный рынок.

• Объявление в «С.-Петербургских ведомостях» за 1800 год: «На Васильевском острову по Больш. Просп. под № 76 доме продаются мужской партной, забавной зеленой попугай и пара пистолетов».

• Цена крепостных в 1810 году: за рабочую девку — сто пятьдесят рублей, за мужика — двести рублей, за изрядно пишущего — триста рублей.

• Помещик имел право сослать крепостного в каторжные работы. Помещица Козлеянова сослала крепостного Сергеева на двадцать лет.

• По мнению историков, реформы Петра I уменьшили население России примерно на двадцать процентов.

45. В VII веке арабы, завоевав Египет, сожгли в Александрии замечательную, мирового значения, библиотеку. В течение нескольких месяцев этой библиотекой отапливалась городская баня. Военачальник, отдавший распоряжение сжечь эту библиотеку, сказал: «В коране и без того все есть».

• Царский министр путей сообщения Кривошеин

строил южную железную дорогу с таким расчетом, чтобы она прорезала его имение.

● Помещик Измайлов в 1810 году имел одиннадцать тысяч душ крепостных. Домашней челяди у него было восемьсот человек. Двенадцать девушек специально ходили за его законными и внебрачными детьми.

● Самоучка-инженер Торговатов подал проект устройства туннеля под Невой. Александр I положил резолюцию: «Выдать ему двести рублей и обязать подпиской, чтоб он впредь прожектами не занимался».

● Несколько крестьян подали Павлу I на своих господ челобитную с жалобой на жестокое обращение. Павел положил резолюцию: «Дать каждому из жалобщиков столько ударов, сколько пожелают их господа».

● После покушения Каракозова на Александра II портрет «спасителя» Комиссарова носили по улицам. И каждого, кто не снял шапку перед этим портретом, нещадно избивали. Газеты приторным и елейным тоном писали: «Единый от малых сих сподобился сделаться орудием бога живого».

46. По отчету Можайской канцелярии за 1807 год, счетоводы получали жалованья три рубля в месяц, а некоторые чиновники — от рубля до двух.

● Петербургский богач, владелец девяти домов, генерал Трофимов в конце каждого года выселял среди зимы до десяти процентов своих жильцов. Часть квартирантов изгонялась за неаккуратные платежи, часть — за политическую неустойчивость и за непочтительное отношение к домовладельцу. Трофимов говорил: «Я терплю убытки из принципа».

● Московский лабазник Сорокин сверх жалованья платил своим молодцам по десяти рублей, за что и выговаривал себе позволение — бить своих служащих под горячую руку.

● На каждую тысячу жителей Рима приходилось сорок тысяч рабов.

● Кичащиеся своим происхождением графы Гендриковы вели свой род от ямщика и конюха Гендрикова. Скавронские — от сапожника Скавронского, родственника «солдатской женки» Екатерины I. Светлейший князь Меньшиков был из денщиков. Несколько графских родов создала Екатерина II по линии своих любовников.

● По отчету тюремного ведомства за 1899 год в тюрьмах России находилось свыше ста десяти тысяч.

47. После 9 термидора в Париже были устроены «Танцевальные вечера жертв». На этих вечерах могли танцевать только те, у кого родственники погибли на гильотине. Причем дамы танцевали в черных платьях и на шее имели узкую красную ленточку.

• Изменник Павзаний спрятался в храме, где по закону нельзя было никого убить. Тогда афиняне решили замуровать преступника в храме. Первый камень обязана была положить мать Павзания. Что она и сделала.

• Мать декабриста Ивашева просила Николая I разрешения поехать в Сибирь повидаться с сыном. Николай I на прошении положил следующую резолюцию: «Ехать может, с тем чтобы не возвращаться в Россию».

• Сын придворного лакея Мережковский и его жена Гиппиус после революции бежали за границу, захватив с собой (по словам Ясинского) редчайшие документы по истории революции. Эти материалы предназначались для библиографического словаря, над которым Мережковский согласился работать.

• Последний ассирийский царь Сарданапал, живший в крайней роскоши, отдал распоряжение назначить огромную премию тому, кто выдумает новое наслаждение.

48. Из этого отметим следующее. Ассирийский царь остался при своих наслаждениях, и премии никто не получил. По-видимому, царь до всего дошел своим умом.

Что касается до количества рабов в Риме, то пропорция эта не так уж удивительна. При буржуазном строе на каждую тысячу торговцев, банкиров и влиятельных господ приходилось много больше «обслуживающего персонала» и лиц, коими можно почти всецело распоряжаться. Что хотя бы отчасти видно из поведения домовладельца Трофимова. А таких, извините, прохвостов у нас было куда ни плюнь.

А что у помещика Измайлова двенадцать нянь ухаживали за его детьми, то из этого ничего путного не получилось. Лихое его потомство, получив столь нежное и заботливое воспитание, скорей всего погибло в гражданскую войну во славу контрреволюции и за идеалы своего отца.

Вообще, прочитавши все эти мелочи, вам непременно может прийти в голову фраза, которую в свое время игриво сказал Людовик XV: «Будь я на месте моих подданных, я стал бы бунтовать».

Ах, это было весьма неглупо сказано. И так оно, собственно, и случалось по временам.

С этой фразой, друзья, мы заканчиваем наше историческое повествование.

Вот что рассказывает история о неудачах.

49. Она рассказывает, что населению неслыханно неважно жилось. То есть до того неважно, что прямо приходится руками разводить и извиняться перед публикой за допущенные крайности. И знаете, писатели-то как неважно жили. Мы думали, они там блаженствовали в свое время, а они — вон что. Философы, бедняги, тоже очень пострадали.

А рабы-то и всякие подчиненные. Ужас!

А насчет господ положения прямо приходится удивляться, как это у них не испортилось настроение от всех подобных картин. Другие бы давно физически и морально захворали от этих дел. Конечно, заболевания идут само собой среди мирового купечества. Многие у них ужас как ослабли и мечтают о конце культурной жизни. Им бы хотелось, как они говорят, вернуть далекие времена, когда народы шлялись в одних трусиках и охотились, может, на дикобразов. Об этих картинах они сильно вздыхают, танцуя и выпивая. А некоторые, наоборот, очень здоровы, и им ни хрена не делается.

Конечно, наша речь шла о прошлых веках и столетиях, и некоторые премьер-министры с высоты своей Европы нам могут, рассердившись, возразить: дескать, то было некультурное прошлое, а, дескать, в наши дни иные песни и другие картины,— просьба это не смешивать.

50. Но тем не менее мы все-таки отчасти это смешиваем, поскольку перед нашим взором примерно такая славная картина, которая возникла перед нами, когда мы не без трепета раскрыли учебник истории.

Нищие бродят. Сифилитики лежат. Война гремит. Чья-то мама плачет. Кому-то голову топором оттяпали. Богатый жрать не дает бедному — зерно топит в море, чтоб цену не сбавлять. Невеста страдает. Жених без ноги является. Книги сожгли, непригодные какому-нибудь правительству («в коране все есть»). Кого-то там пытали. Потом в тюрьму сунули. Резиновой дубинкой избили. Бедняк хнычет. Богатый чарльстон танцует и забавляется.

Нет, честно говоря, почти те же самые неудачи, господа премьер-министры.

Может быть, единственно научились шибче ездить по

дорогам. И сами бреются. И радио понимать умеют. И стали летать под самые небеса. И вообще — техника.

А так, в смысле отношения друг к другу, все почти без особых перемен. И сердечно бы рады признать в этом что-нибудь особенное, но не выходит, господа, не сердитесь. Конечно, оно некоторое моральное улучшение есть — в смысле того, что, например, публичных казней не устраивают. Но, может быть, это идет за счет нервной слабости. Что-с?

А что некоторые там писатели виллы себе покупают на Средиземном море, то это отчасти и раньше было. И кто, например, не ссорился с римским папой, тот мог довольно прилично жить и с великими почестями имел возможность помереть.

А прекрасные слова насчет техники — что она улучшит отношения между людьми — не оправдались. И в этом приходится с горечью сознаться.

51. А что касается как у нас, то, конечно, у нас неудачи имеются. Все-таки прошло не так-то уж много лет после перестройки. И у нас, естественно, имеются самые разнообразные неудачи. Но у нас тем хорошо, что некоторые неудачи у нас, например, уже исчезли. Например, хотя бы у нас лучше других живет не тот, который, например, умеет лихо продавать нитки, и не тот, который может вовремя купить картофель, с тем чтобы его потом с надбавкой перепродать, как все это бывает за границей, а тот, который умеет изумительно работать, имеет способности, играет на рояле, танцует или может петь. Или там, что ли, он хорошо декламирует, рисует и так далее. Или к науке он имеет талант, или, наконец, он хорошо летает, или беззаветно любит свою родину.

А через это со счетов жизни снята одна из самых опасных неудач. С чем всех и поздравляем.

А что касается некоторых других вопросов, то, конечно, еще случаются неудачи. И от этого у нас не отказываются. И с этим борются.

52. Мы, знаете, как-то лежали вечерком в гамаке и думали о себе: какие, например, неудачи имеются ну вот хотя бы в нашей личной жизни.

Стал думать. Сначала в голову лезла всякая мелкая чушь. Так что даже подумалось: уж не впал ли я, чего доброго, в мещанство.

Вот, подумал, завтра на работу надо слишком уж рано вставать. Неохота. Радио у соседей гремит до поздней ночи — не высыпаюсь. Жена все время денег требует — надо, говорит, долги платить. А это не так-то легко достается. Управдом стал что-то высказывать неудовольствие насчет антисанитарии. То есть, говорит, грязно. Придирается. Не уважает меня как человеческую единицу. Но сам любит, чтоб его уважали и хвалили. Тогда еще ничего. Интересовался бы осенью поехать в Ялту, но неизвестно, что завтра будет. Родной сестре ударило сорок лет, — муж ее бросил, женился на молоденькой. Она горюет. И ее настроение нам передается. Приволокнулся за одной особой — муж хочет ее с квартирной площади погнать. Пришлось отказаться от чувства к ней.

Вот какие мысли нам являлись, когда мы, лежа в гамаке, стали подумывать о недочетах личной жизни.

Но эти недочеты, в сущности, невелики. Это сравнительно мелкие бытовые неудачи, и они с каждым могут случиться. В этом нет ничего особенного.

53. А если с кем-нибудь и бывает более крупная неудача, то, может быть, он и сам виноват. Или уж очень он глуп. А которые умные и на неудачу наскочили без вины, то, значит, попросту с ними было недоразумение. И оно рассеется. А если и не то и не другое, то, значит, о чем же и толковать.

Из неудач: родственники тоже вот как-то в последнее время взбесились. Некоторые не так высказывают свои чувства, как это происходило в прежние времена. Родственники стали более прохладно относиться к факту, например, вашей кончины или заболевания. Раньше, ожидая подачки, вздыхали, окружали родственным кольцом заболевшего. А нынче, когда заболевшие вылезли из собственных экипажей и поперли пехтурой и поехали в трамвае, и у всех на морде появилась надпись: «Оставь надежду навсегда»,— это любезное внимание прекратилось. Слабых и одиноких это может устрашить и повергнуть в пучину меланхолии, но сильные могут воскликнуть: это к лучшему.

Конечно, оно еще с непривычки как-то странно беседовать с такими родственниками. Но можно попривыкнуть. И даже оно гораздо лучше. По крайней мере видишь, с кем имеешь дело. И видишь, кому и как надлежит исправлять свои характеры, пошатнувшиеся от времени и объективных причин.

54. Пришло, в общем, время терять фальшивые иллюзии. Пора расстаться с этим, чтоб взглянуть в лицо настоящей жизни. А которые интуристы не захотят взглянуть, то, может быть, их устраивает такая покупная и продажная любезность их родственников. Может, это им нравится.

Вот где, черт возьми, каверзный для них вопрос.

И вот каким фальшивым ключом они открывают двери, чтобы войти в рай своей буржуазной жизни. И это тоже у них одна из главных и непоправимых неудач.

В общем, заместо отвлеченной болтовни о том о сем, давайте перейдем к делу. И давайте критически взглянем на наши неудачи, с тем чтобы от них в дальнейшем отказаться, если они нас не вполне устраивают.

Но, может быть, они отчасти пережитки прошлых дней и они уже уходят? Тогда мы с ними любезно распрощаемся и поторопим их поспешить к выходным дверям.

55. А если встретим неудачу, от которой нынче не уйти, то воспылаем надеждой, что она у нас ненадолго задержится. Как сказал философ, все течет, и ничто не пребывает на месте. Но пока в прошлом, как вы сейчас это видели, все больше текла дрянь и грязь российской жизни. Так что сколько бы она ни текла и ни не пребывала на месте, она бы нас с этим философом никак не устроила. Поскольку теки не теки — все была бы неудача.

Но в силу того, что у нас произошла такая, как сейчас, перемена, то многие неудачи померкли в своем первоначальном значении. И они не так уж нас волнуют, как это бывало раньше, поскольку у всех теперь возникла полная уверенность, что все, что из этого осталось,— все, в свою очередь, окончательно уйдет и превратится в прах вместе с глупостью, хамством, мещанством, бездушным бюрократизмом и елейным подхалимством.

В общем, начинаются рассказы о неудачах нашего времени.

РАССКАЗЫ О НЕУДАЧАХ

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ВОЛГЕ

Для начала мы вам собираемся рассказать об одной забавной маленькой неудаче.

Эта неудача заключалась именно в том, что группа отдыхающих получила моральное потрясение по случаю одного недоразумения.

Вот как это случилось. Это быль.

В первые еще годы революции, когда установилась жизнь и по Волге стали курсировать чудные пароходы с первоклассными каютами и с подачей пассажирам горячей пищи, группа отдыхающих граждан — шесть конторщиков и в том числе я — выехала отдохнуть на Волгу.

Нам все советовали прокатиться по Волге. Поскольку там чудный отдых. Природа. Берега. Вода, еда и каюта.

И, значит, группа конторщиков, уставшая, так сказать, от грохота революции, выехала освежиться.

Попался чудный первоклассный пароход под названием «Товарищ Пенкин».

Мы стали интересоваться, кто такой это Пенкин,— нам говорят: какой-то, кажется, работник водного транспорта.

Нам было, собственно, все равно, и мы, конечно, поехали на этом неизвестном товарище.

Приехали в Самару.

Вылезли своей группой, пошли осматривать город. Осматриваем. Вдруг слышим какие-то гудки.

Нам говорят:

— Расписание сейчас неточное. Возьмет еще и уйдет наш «Пенкин». Давайте вернемся.

И вот, кое-как осмотрев город, вернулись.

Подходим к пристани, видим — уже нету нашего парохода. Ушел.

Крики поднялись, вопли.

Один из нас кричит: «Я там в штанах свои документы

оставил». Некоторые кричат: «А мы — багаж и деньги. Что ж теперь делать?.. Ужас!»

Я говорю:

— Давайте сядем на этот встречный пароход и вернемся назад.

Глядим: действительно, стоит у пристани какой-то волжский пароход под названием «Гроза».

Спрашиваем публику плачевным голосом: давно ли, дескать, «Пенкин» ушел. Может, его можно по берегу догнать.

Публика говорит:

— Зачем вам догонять? Эвон «Пенкин» стоит. Только это теперь «Гроза». Он бывший «Пенкин». Ему перекрасили название.

Тут мы обрадовались чрезвычайно. Бросились на этот свой пароход и до самого Саратова с него не сходили. Боялись.

Между прочим, спросили капитана, почему такой забавный факт и такая срочность.

Капитан говорит:

— Видите, у нас это наименование дали пароходу отчасти ошибочно. Пенкин имеется в рядах водного транспорта, но только он отчасти не был на высоте своего положения. И в настоящее время он находится под судом за превышение власти. И мы получили телеграмму закрасить его название. Вот мы и назвали его «Гроза».

Тут мы сказали:

— Ах вот что! — и безразлично засмеялись.

Приехали в Саратов. И своей группой вышли осматривать город.

Там мы тоже долго не прохлаждались. А мы дошли до ларька и купили папирос. И осмотрели пару зданий.

Возвращаемся назад — опять, видим, нету нашего парохода «Гроза». И, видим, вместо него стоит другой пароход.

Конечно, испуг у нас был не такой сильный, как в Самаре. Думаем, шансы есть. Может быть, они опять заглавие закрасили. Но все-таки некоторые из нас опять сильно испугались.

Подбежали ближе. Спрашиваем публику:

— Где «Гроза»?

Публика говорит:

— А вот это и есть «Гроза». Бывшая «Пенкин». А теперь, начиная с Саратова, он у них — «Короленко».

Мы говорим:

— Что ж они красок-то не жалеют?

Публика говорит:

— Не знаем. Спросите боцмана.

Боцман говорит:

— Жара с этими наименованиями. «Пенкин» у нас дали ошибочно. А что касается до «Грозы», то это было малоактуальное название. Оно отчасти было беспринципное. Это явление природы. И оно ничего не дает ни уму ни сердцу. И капитану дали за это вздрючку. Вот почему и закрасили.

Тогда мы обрадовались и сказали:

— Ах вон что! — и сели на этот пароход «Короленко». И поехали.

А боцман нам говорит:

— Глядите, в Астрахани не пугайтесь, если обратно найдете другое название.

Но мы говорим:

— Нет, это навряд ли будет. Поскольку это «Короленко» — выдающийся писатель.

В общем, до Астрахани доехали благополучно. А оттуда мы дернули по суше.

Так что дальнейшая судьба парохода нам была неизвестна.

Но можно не сомневаться, что это наименование так при нем и осталось. На вечные времена. Тем более что Короленко умер. А Пенкин был жив, и в этом была основная его неудача, доведшая его до переименования.

Так что тут неудача заключается скорей всего даже в том, что люди бывают, что ли, живы. Нет, пардон, тут вообще даже не понять, в чем кроется сущность неудачи. С одной стороны, нам как будто бы иной раз выгодно быть неживым. А с другой стороны, так сказать, покорно вас за это благодарю. Удача сомнительная. Лучше уж не надо. А вместе с тем быть живым вроде как тоже в этом смысле относительная неудача.

Так что тут, как бы сказать, с двух сторон теснят человека неприятности.

Вот почему этот маленький, вроде недоумения, пустячок мы поместили в ряду наших рассказов о неудачах.

Однако, кроме как на Волге, большие неудачи случаются также в банях.

Предлагаем вашему вниманию рассказ о подобной неудаче.

РАССКАЗ О БАНЯХ И ИХ ПОСЕТИТЕЛЯХ

В свое время мы чего-то такое писали насчет бань. Сигнализировали опасность. Дескать, голому человеку номерки некуда деть, и так далее.

Прошло после того несколько лет.

Затронутая нами проблема вызвала горячие дискуссии в банно-прачечном тресте. В результате чего кое-где в банях отвели особые ящики, куда каждый пассажир может класть свою какую ни на есть одежу. После чего ящик замыкается на ключ. И пассажир с радостной душой поспешает мыться. И там привязывает этот ключ к шайке. Или в крайнем случае не выпускает его из рук. И как-то там моется.

Короче говоря, несмотря на это, вот какие события развернулись у нас в одной из ленинградских бань.

Один техник захотел у нас после мытья, конечно, одеться. И вдруг он с ужасом замечает, что весь его гардероб украли. И только вор, добрая душа, оставил ему жилетку, кепку и ремень.

Он прямо ахнул, этот техник. И сам без ничего стоит около ящика своего — и прямо не имеет никакой перспективы. Он стоит около ящика в чем его мама родила и руками разводит. Он ошеломлен.

А он — техник. Не без образования. И он прямо не представляет себе, как он теперь домой пойдет. Он прямо на ногах качается.

Но потом он сгоряча надевает на себя жилетку и кепку, берет в руки ремень и в таком, можно сказать, совершенно отвлеченном виде ходит по предбаннику, мало чего соображая.

Некоторые из публики говорят:

— В этой бане каждый день кражи воруют.

Наш техник, имея головокружение, начинает говорить уже на каком-то старорежимном наречии с применением слова «господа». Это он, наверно, от сильного волнения порастерял некоторые свойства своей новой личности.

Он говорит:

— Меня, господа, главное интересует, как я теперь домой пойду.

Один из не мывшихся еще говорит:

— Позовите сюда заведующего. Надо же чего-нибудь ему придумать.

Техник говорит слабым голосом:

— Господа, позовите мне заведующего.

Тогда банщик в одних портках бросается к выходу и вскоре является с заведующим. И тут вдруг все присутствующие замечают, что этот заведующий — женщина. Техник, сняв кепку с головы, задумчиво говорит:

— Господа, да что же это такое! Еще того чище! Мы все мечтали увидеть сейчас мужчину, но вдруг, представьте себе, приходит женщина. Это, говорит, чтоб в мужской бане были такие заведующие, это прямо, говорит, какая-то курская аномалия.

И, прикрывшись кепкой, он в изнеможении садится на диван.

Другие мужчины говорят:

— Чтоб заведующий — женщина, это действительно курская аномалия.

Заведующая говорит:

— Для вас, может, я и курская аномалия. А там у меня через площадку — дамское отделение. И там, говорит, я далеко никакая не курская аномалия. Попрошу воздержаться от подобных слов.

Наш техник, запахнувшись в свою жилетку, говорит:

— Мы, мадам, не хотели вас оскорбить. Что вы ерепенитесь? Лучше бы, говорит, обдумали, в чем я теперь пойду.

Заведующая говорит:

— Конечно, до меня тут были заведующие мужчины. И на этой вашей половине они были очень хороши в своем назначении, а в дамском отделении они все с ума посходили. Они туда слишком часто заскакивали. И теперь мужчинам назначения редко дают. А дают все больше женщинам. И что касается меня, то я захожу сюда по мере надобности или когда тут что-нибудь сперли. И я от этого не теряюсь. А что я постоянно нарываюсь тут у вас на оскорбления и меня каждый моющийся непременно обзывает курская аномалия, то я предупреждаю: каждого, который меня впредь оскорбит на моем посту, я велю такого отвести в отделение милиции... Что у вас тут случилось?

Техник говорит:

— Господа, что она ерепенится? Ну ее к черту. Я не предвижу, как я без штанов домой пойду, а она мне не позволяет называть ее курской аномалией. И она грозит меня в милицию отвести. Нет, лучше бы тут заведующий был мужчина. По крайней мере он бы мне мог одолжить какие-нибудь свои запасные брюки. А что тут заведующая женщина — это меня окончательно побивает. И я, господа,

теперь уверен, что из этой бани я несколько дней не уйду, — вот посмотрите.

Окружающие говорят заведующей:

— Слушайте, мадам, может, тут у вас в бане есть муж. И, может быть, он у вас имеет лишние брюки. Тогда дайте им, в самом деле, их на время поносить. А то они страшно волнуются. И не понимают, как им теперь домой дойти.

Заведующая говорит:

— В дамском отделении у меня полная тишина, а на этой половине ежедневно происходит все равно как извержение вулкана. Нет, господа, я тут отказываюсь быть заведующей. У меня муж в Вятке работает. И ни о каких, конечно, штанах не может быть и речи. Тем более что сегодня это уже второе заявление о краже. Хорошо, что в первый раз украли мелочи. А то бы ко мне опять приставали с брюками. Тогда, господа, вот что: если есть у когонибудь какие-нибудь запасные штаны, то дайте им, а то мне на них прямо тяжело глядеть. У меня мигрень начинает разыгрываться от всех этих волнений.

Банщик говорит:

— Хорошо, я опять дам свои запасные штаны. Но вообще надо будет сшить наконец казенные. У нас часто воруют, и в этот месяц у меня прямо сносили мои штаны. То один возьмет, то другой. А это мои собственные.

Вот банщик дает нашему технику ситцевые штаны, а один из моющихся дает куртку и шлепанцы. И вскоре наш друг, с трудом сдерживая рыдания, облачается в этот музейный наряд. И в таком нелепом виде он выходит из бани, мало чего понимая.

Вдруг после его ухода кто-то кричит:

— Глядите, вон еще чья-то лишняя жилетка валяется и один носок.

Тогда все обступают эти найденные предметы.

Один говорит:

— Вероятно, это вор обронил. Поглядите хорошенько жилетку, нет ли там в карманах чего. Многие в жилетках документы держат.

Выворачивают карманы и вдруг там находят удостоверение. Это пропуск на имя Селифанова, служащего в центральной пошивочной мастерской.

Тут всем становится ясно, что воровские следы уже найдены.

Тогда заведующая бойко звонит в милицию, и через два часа у этого Селифанова устраивается обыск.

Селифанов страшно удивляется и говорит:

— Чего вы, обалдели, господа? У меня у самого сегодня в этой бане вещи украли. И я даже делал об этом заявление. А что касается этой моей жилетки, то ее, наверно, вор обронил.

Тут перед Селифановым все извиняются и говорят ему: это недоразумение.

Но вдруг заведующий пошивочной мастерской, где служит этот Селифанов, говорит:

— Да, я уверен, что вы сами в бане пострадали. Но скажите, откуда у вас этот кусок драпа, что лежит в сундуке? Этот драп из нашей мастерской. Его у нас не хватает. И вы его, наверно, взяли. Хорошо, что я из любопытства пришел вместе с обыском.

Селифанов начинает лепетать разные слова, и вскоре он признается в краже этого драпа.

Тут его моментально арестовывают. И на этом заканчивается банная история, и начинаются уже другие дела. Так что мы и помолчим, чтобы не смешивать две темы.

В общем, и бани, и моющиеся там люди, казалось бы, могли за последнее время подтянуться и выглядеть еще более эффектно. В банях могли бы чего-нибудь особенное придумать на этот счет, а люди могли бы не воровать имущество в таких ответственных местах.

Но тут, в сравнении с другими учреждениями, еще плетутся в хвосте.

И это очень жаль.

А что мы сказали насчет других учреждений, то там, конечно, тоже иногда бывают неудачи.

Вот, например, порядочная неудача, с которой мы однажды столкнулись в городском учреждении по охране бульваров и зеленых насаждений.

Вот что там со мной произошло.

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВЕРТЕРА

Я ехал однажды на велосипеде.

У меня довольно хороший велосипед. Английская марка — Б.С.А.

Приличный велосипед, на котором я иногда совершаю прогулки для успокоения нервов и для душевного равновесия.

Очень хорошая, славная, современная машина. Жалко только — колесья не все. То есть колесья все, но только они сборные. Одно английское — «Три ружья», а другое не-

мецкое — «Дукс». И руль украинский. Но все-таки ехать можно. В сухую погоду.

Конечно, откровенно говоря, ехать сплошное мученье, но для душевной бодрости и когда жизнь не особенно дорога — я выезжаю.

И вот, стало быть, еду однажды на велосипеде.

Каменноостровский проспект. Бульвар. Сворачиваю па боковую аллею вдоль бульвара и еду себе.

Осенняя природа разворачивается передо мной. Пожелтевшая травка. Грядка с увядшими цветочками. Желтые листья на дороге. Ворона клюет мусор. Серенькая собачка лает у ворот.

Я гляжу на эту осеннюю картинку, и вдруг сердце у меня смягчается, и мне неохота думать о плохом. Рисуется замечательная жизнь. Милые, понимающие люди. Уважение к личности. И мягкость нравов. И любовь к близким. И отсутствие брани и грубости.

И вдруг от таких мыслей мне захотелось всех обнять, захотелось сказать что-нибудь хорошее. Захотелось крикнуть: «Братцы, главные трудности позади. Скоро мы заживем, как фон-бароны».

Но вдруг раздается вдалеке свисток.

«Кто-нибудь проштрафился,— говорю я сам себе,— кто-нибудь, наверное, не так улицу перешел. В дальнейшем, вероятно, этого не будет. Не будем так часто слышать этих резких свистков, напоминающих о проступках, штрафах и правонарушениях».

Снова недалеко от меня раздается тревожный свисток, и какие-то окрики, и грубая брань.

«Так грубо, вероятно, и кричать не будут. Ну, кричать-то, может быть, будут, но не будет этой тяжелой, оскорбительной брани».

Кто-то, слышу, бежит позади меня. И кричит осипшим голосом:

— Ты чего ж это, сука, удираешь, черт твою двадцать! Остановись сию минуту.

«За кем-то гонятся», — говорю я сам себе и тихо, но бодро еду.

— Лешка,— кричит кто-то,— забегай, сволочь, слева. Не выпущай его из виду!

Вижу — слева бежит парнишка. Он машет палкой и грозит кулаком. Но я еще не вижу, к кому относятся его угрозы.

Я оборачиваюсь назад. Седоватый почтенный сторож бежит по дороге и орет что есть мочи.

— Хватай его, братцы, держи! Лешка, не выпущай из виду!

Лешка прицеливается в меня, и палка его ударяет в колесо велосипеда.

Тогда я начинаю понимать, что дело касается меня. Я соскакиваю с велосипеда и стою в ожидании.

Вот подбегает сторож. Хрип раздается из его груди. Дыханье с шумом вырывается наружу.

— Держите его! — кричит он.

Человек десять доброхотов подбегают ко мне и начинают хватать меня за руки.

Я говорю:

— Братцы, да что вы, обалдели! Чего вы, с ума спятили совместно с этим постаревшим болваном?

Сторож говорит:

— Как я тебе ахну по зубам — будешь оскорблять при исполнении служебных обязанностей... Держите его крепче... Не выпущайте его, суку.

Собирается толпа. Кто-то спрашивает:

— А что он сделал?

Сторож говорит:

— Мне пятьдесят три года — он, сука, прямо загнал меня. Он едет не по той дороге... Он едет по дорожке, по которой на велосипедах проезду нет... И висит, между прочим, вывеска. А он, как ненормальный, едет... Я ему свищу. А он ногами кружит. Не понимает, видите ли. Как будто он с луны свалился... Хорошо, мой помощник успел остановить его.

Лешка протискивается сквозь толпу, впивается своей клешней в мою руку и говорит:

— Я ему, гадюке, хотел руку перебить, чтоб он не мог ехать.

— Братцы,— говорю я,— я не знал, что здесь нельзя ехать. Я не хотел удирать.

Сторож, задыхаясь, восклицает:

— Он не хотел удирать! Вы видели наглые речи. Ведите его в милицию. Держите его крепче. Такие у меня завсегда убегают.

Я говорю:

— Братцы, я штраф заплачу. Я не отказываюсь. Не вертите мне руки.

Кто-то говорит:

— Пущай предъявит документы, и возьмите с него штраф. Чего его зря волочить в милицию? Провинность у него, в сущности, не так крупная.

Сторожу и нескольким добровольцам охота волочить меня в милицию, но под давлением остальной публики сторож, страшно ругаясь, берет с меня штраф и с видимым сожалением отпускает меня восвояси.

Я иду со своим велосипедом, покачиваюсь. У меня шумит в голове, и в глазах мелькают круги и точки. Я бреду с развороченной душой.

Я по дороге сгоряча произношу нелепую фразу: «Боже мой». Я массирую себе руки и говорю в пространство: «Фу!»

Я выхожу на набережную и снова сажусь на свою машину, говоря:

«Ну ладно, чего там. Подумаешь — нашелся фон-барон, руки ему не верти».

Я тихо еду по набережной. Я позабываю грубоватую сцену. Мне рисуются прелестные сценки из недалекого будущего.

Вот я, предположим, еду на велосипеде с колесьями, похожими друг на друга как две капли воды.

Вот я сворачиваю на эту злосчастную аллейку. Чей-то смех раздается. Я вижу — сторож идет в мягкой шляпе. В руках у него цветочек — незабудка или там осенний тюльпан. Он вертит цветочком и, смеясь, говорит:

— Ну, куда ты заехал, дружочек? Чего это ты сдуру не туда сунулся? Экий ты, милочка, ротозей. А ну, валяй обратно, а то я тебя оштрафую — не дам цветка.

Тут, тихо смеясь, он подает мне незабудку. И мы, полюбовавшись друг другом, расстаемся.

Эта тихая сценка услаждает мое страдание. Я бодро еду на велосипеде. Я верчу ногами. Я говорю себе: «Ничего. Душа не разорвется. Я молод. Я согласен сколько угодно ждать».

Снова радость и любовь к людям заполняют мое сердце. Снова им хочется сказать что-нибудь хорошее или крикнуть: «Товарищи, мы строим новую жизнь, мы победили, мы перешагнули через громадные трудности,— давайте все-таки уважать друг друга».

С переполненным сердцем я вернулся домой и записал эту сценку, которую вы сейчас читаете.

Это случилось в прошлом году, и с тех пор подобных происшествий с нами уже не было, из чего мы заключаем, что подобное боевое настроение среди служащих по охране зеленых насаждений идет на убыль. И это очень хорошо. А то это слишком неприятная неудача, с которой следует бороться со всей энергией.

Другой случай весьма досадной неудачи мы как-то раз наблюдали в деревне, среди полей и равнин. И он нас не менее огорчил, чем этот.

РАССКАЗ ОБ ИМЕНИННИЦЕ

Однажды я поехал в деревню Борки. Мне туда надо было по делу.

От станции до этой деревни было не так много. Может быть, километра три. Но пешком я идти не рискнул. Весенняя грязь буквально доходила до колена.

Возле самой станции, у кооператива, стояла крестьянская подвода. Немолодой мужик в зимней шапке возился около лошади.

— А что, дядя,— спросил я,— не подвезешь ли меня до Борок?

— Подвезти можно,— сказал мужик,— только даром мне нет расчету тебя подвозить. Рублишко надо мне с тебя взять, милый человек. Дюже дорога трудная. Воды много.

Я сел в телегу, и мы тронулись.

Дорога действительно была аховая. Казалось, дорога была в свое время специально устроена с тем тонким расчетом, чтобы вся весенняя дрянь со всех окрестных полей стекала именно сюда. Жидкая грязь покрывала почти полное колесо.

— Грязь-то какая,— сказал я.

— Воды, конечно, много,— равнодушно ответил мужик.

Он сидел на передке, свесив вниз ноги, и непрестанно цокал на лошадь языком.

Между прочим, цокал он языком абсолютно всю дорогу. И только когда переставал цокать хоть на минуту, лошадь поводила назад ушами и добродушно останавливалась.

Мы отъехали шагов сто, как вдруг позади нас, у кооператива, раздался истошный бабий крик.

И какая-то баба в сером платке, сильно размахивая руками и ругаясь на чем свет стоит, торопливо шла за телегой, с трудом передвигая ноги в жидкой грязи.

— Ты что ж это, бродяга! — кричала баба, доходя в некоторых словах до полного визгу.— Ты кого ж посадил-то, черт рваный? Обормот, горе твое луковое!

Мой мужик оглянулся назад и усмехнулся в бороденку.

— Ах, паразит-баба,— сказал он с улыбкой,— кроет-то как!

— А чего она? — спросил я.

— А пес ее знает, — сказал мужик сморкаясь. — Не иначе как тоже в телегу ладит. Неохота ей, должно статься, по грязи хлюпать.

— Так пущай сядет,— сказал я.

— Троих не можно увезти,— ответил мужик,— дюже дорога трудная.

Баба, подобрав юбки чуть ли не до живота, нажимала все быстрее, однако по такой грязи догнать нас было трудновато.

— А ты что, с ней уговорился, что ли? — спросил я.

— Зачем уговорился? — ответил мужик.— Жена это мне. Что мне с ней зря уговариваться?

— Да что ты?! Жена? — удивился я.— Зачем же ты ее взял-то?

— Да увязалась баба. Именинница она, видишь, у меня сегодня. За покупками мы выехали. В кооператив... Эвон, гляди, как нажимает. Ай, ей-богу, смехота...

Мне, городскому человеку, ужасно как стало неловко ехать в телеге, тем более что именинница крыла теперь все громче и громче и меня, и моих родных, и своего полупочтенного супруга.

Я подал мужику рубль, спрыгнул с телеги и сказал:

— Пущай баба сядет. Я пройдусь.

Мужик взял рубль и, не снимая с головы шапки, засунул его куда-то под волосы.

Однако свою именинницу он не стал ждать. Он снова зацокал языком и двинул дальше.

Я мужественно шагал рядом, держась за телегу рукой, потом спросил:

— Ну что ж не сажаешь-то?

Мужик тяжело вздохнул:

— Дорога дюже тяжелая. Не можно сажать сейчас... Да ничего ей, бабе-то. Она у меня, дьявол, двужильная.

Я снова на ходу влез в телегу и доехал до самой деревни, стараясь теперь не глядеть ни на моего извозчика, ни на именинницу.

По дороге мужик сказал:

— Я, видишь ли, собственно, лошадь жалею. Тем более мы не в колхозе. А мы — единоличники. А то я бабу обязательно бы посадил. На казенную лошадь. А эту я берегу. Тем более баба у меня может ходить сколько угодно. По самым худым дорогам.

Я говорю мужику:

— Все-таки она именинница. Надо было бы ее уважить.

— Дома я ее непременно уважу,— сказал мужик.— Но тут дорога тяжелая, и ты еще влез.

Через полчаса мы приехали.

Мужик сказал:

— Дорога дюже тяжелая, вот что я скажу. За такую дорогу надо трояк брать с вас, городских. Кажется, видел,— я бабу не посадил — до чего тяжелый путь.

Я говорю:

— Против цены не спорю.

И стал с ним расплачиваться.

А когда расплатился, вдруг подошла именинница. Пот катил с нее градом. Она одернула свои юбки и, не глядя на супруга, сказала:

— Выгружать, что ли?

— Конечно, выгружать,— сказал мужик,— не до лету лежать товару.

Именинница подошла к телеге и стала выгружать покупки, унося их в дом.

Я подарил имениннице пять целковых и с расстроенной душой пошел по своим делам.

А когда возвращался обратно в город, то думал о деревенской жизни. И о таких нравах, которые даже и не записаны в литературе.

Вот, дорогие друзья, какого сорта бывают неудачи. Хорошо, что они сменяются удачами.

И как это, правда, хорошо и вполне удачно, что теперешняя перемена в деревне как раз ударила по таким мужьям, у которых такие именинницы. И ударила по такому быту, который мы развернули перед вами всего лишь на одной страничке.

И мы теперь имеем превеликую надежду, что там вскоре рассыплется в прах весь, как говорится, дурацкий строй старой деревенской жизни.

И, может быть, тут-то и лежала одна из крупнейших неудач российской жизни.

Так что вот вам пример неудачи, который нам с вами говорит о нужных переменах.

Теперь, друзья, не угодно ли махнуть с нами в город. Там с нами случилась маленькая неудача. И мы, так сказать, для смеха хотим вам о ней рассказать.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Конечно, потерять галошу в трамвае нетрудно. Особенно если сбоку поднапрут да сзади какой-нибудь архаровец на задник наступит,— вот вам и нет галоши.

Галошу потерять — прямо пустяки.

С меня галошу сняли в два счета. Можно сказать, ахнуть не успел.

В трамвай вошел — обе галоши стояли на месте, как сейчас помню. Еще рукой потрогал, когда влезал,— тут ли? А вышел из трамвая — гляжу: одна галоша здесь, как миленькая, а другой нету. Сапог — здесь. И носок, гляжу, здесь. И подштанники на месте. А одной галоши нету.

А за трамваем, конечно, не побежишь.

Снял галошу, которая осталась, завернул в газету и пошел так. «После работы, думаю, пущусь на розыски. Не пропадать же товару. Где-нибудь да раскопаю».

После работы пошел искать. Первым делом — посоветовался с одним знакомым вагоновожатым.

Тот прямо вот как меня обнадежил:

— Скажи, говорит, спасибо, что в трамвае потерял. Это тебе очень поперло, что ты именно в трамвае потерял. В другом общественном месте — не ручаюсь, а в трамвае потерять — святое дело. Такая у нас существует камера для потерянных вещей. Приходи и бери. Святое дело!

— Ну, говорю, спасибо. Прямо гора с плеч. Главное, галоша почти что новенькая. Всего третий сезон ношу.

На другой день поехал в камеру.

— Нельзя ли, говорю, братцы, галошу заполучить обратно? В трамвае сняли.

— Можно, говорят. Какая галоша?

— Галоша, говорю, обыкновенная какая. Размер — двенадцатый номер.

— У нас, говорят, двенадцатого номера, может, двенадцать тысяч. Расскажи приметы.

— Приметы, говорю, обыкновенно какие: задник, конечно, обтрепан, внутри байки нету — сносилась байка.

— У нас, говорят, таких галош, может, больше тыщи. Нет ли специальных признаков?

— Специальные, говорю, признаки имеются. Носок вроде бы начисто оторван, еле держится. И каблука, говорю, почти что нету. Сносился каблук. А бока, говорю, еще

ничего пока что, удержались. Галоша, говорю, конечно, не новенькая, но дорога как память о потраченных деньгах.

— Посиди, говорят, тут. Сейчас посмотрим.

Вдруг выносят мою галошу.

То есть ужасно обрадовался. Прямо умилился.

«Вот, думаю, славно аппарат работает. И какие, думаю, идейные люди, сколько хлопот на себя приняли из-за одной галоши».

Я им говорю:

— Спасибо, говорю, друзья, по гроб жизни. Давайте поскорей ее сюда. Сейчас я надену. Благодарю вас.

— Нету, говорят, уважаемый товарищ, не можем дать. Мы, говорят, не знаем, может, это не вы потеряли.

— Да я же, говорю, потерял. Что вы, объелись?

Они говорят:

— Верим и вполне сочувствуем, и очень вероятно, что это вы потеряли именно эту галошу. Но отдать не можем. Принеси удостоверение, что ты действительно потерял галошу. Пущай домоуправление заверит этот факт, и тогда без излишней волокиты мы тебе выдадим то, что законно потерял.

— Братцы, говорю, святые товарищи, да в доме не знают про этот факт. Может, они не дадут такой бумаги.

— Дадут, говорят, это ихнее дело дать. На что они у вас существуют?

Поглядел я еще раз на галошу и вышел.

На другой день пошел к председателю нашего дома.

— Давай, говорю, бумагу. Галоша гибнет.

— А верно, говорит, потерял? Или закручиваешь? Может, хочешь схватить лишний предмет ширпотреба?

— Ей-богу, говорю, потерял.

Он говорит:

— Конечно, на слова я не могу положиться. Вот если б ты мне удостоверение достал с трамвайного парка, что галошу потерял, тогда бы я тебе выдал бумагу. А так не могу.

Я говорю:

— Так они же меня к вам посылают.

Он говорит:

— Тогда, говорит, напиши мне в крайнем случае заявление.

Я говорю:

— А что там написать?

Он говорит:

— Пиши: сего числа пропала галоша. И так далее. Даю, дескать, расписку о невыезде впредь до выяснения.

Написал заявление. На другой день форменное удостоверение получил.

Пошел с этим удостоверением в камеру. И там мне, представьте себе, без хлопот и без волокиты выдают мою галошу.

Только когда надел галошу на ногу, почувствовал полное умиление. «Вот, думаю, люди работают! Да в каком-нибудь в другом месте разве стали бы возиться с моей галошей столько времени? Да выкинули бы ее с трамвая — только и делов. А тут неделю не хлопотал, выдают обратно. Одно досадно, за эту неделю во время хлопот первую галошу потерял. Все время носил ее под мышкой в пакете — и не помню, в каком месте ее оставил. Главное, что не в трамвае. Это гиблое дело, что не в трамвае. Ну, где ее искать?

Но зато другая галоша у меня. Я ее на комод поставил. Другой раз станет скучно — взглянешь на галошу, и как-то легко и безобидно на душе становится. Вот, думаю, славно канцелярия работает.

Рассказали вам эту историю и теперь пугаемся, как бы трамвайщики на нас не обиделись. А чего обижаться? Наверное, они уже эти свои недочеты исправили. И, наверное, у них галоши выдаются еще более проще. Тем более это было еще в тридцатом году. А с тех пор я ничего не терял. Так что не могу удовлетворить ваше любопытство.

А в общем, тут дело даже не в трамвае, а в самой закрученной психологии. А поскольку с этой психологией идет борьба и вообще канцелярия выравнивается, то об чем же может быть и речь. Конечно, это борьба нелегкая. Тем более подобная психология есть скорей всего глупость. А глупость — не головная боль, которая от порошка проходит.

В общем, другой мелкий случай из области подобных неудач произошел на этом фронте уже не со мной, а с другим. Вот что с ним случилось.

ИНТЕРЕСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КАНЦЕЛЯРИИ

Недавно один уважаемый товарищ, Кульков Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!

А способ до того действительный, до того дешевый, что надо бы патент взять, да, к глубокому сожалению, Федор

Алексеевич Кульков в тюрьме сидит за свой опыт. Нет пророка в отечестве своем.

А против бюрократизма Федор Кульков такой острый способ придумал.

Кульков, видите ли, в одну канцелярию ходил очень часто. По одному своему делу. И не то он месяц туда ходил, не то два. Ежедневно. И все никаких результатов. То есть не обращают на него внимания бюрократы, хоть плачь. Не отыскивают ему его дела. То в разные этажи посылают. То завтраками кормят. То просто в ответ грубо сморкаются.

С одной стороны, это было даже удивительно наблюдать к нему такое бюрократическое отношение. Поскольку канцелярия сейчас у нас находится на большой высоте.

А с другой стороны, было отчасти понятно. Они осенью переезжали в другое помещение и это кульковское дело куда-то засунули. Или они его потеряли. Они, во всяком случае, не могли его сразу найти. И вдобавок, наверно, искали без особой охоты.

И вот, естественно, тянули. Хотели, может, на сроках отыграться. Там, думают, отыщут в дальнейшем. Либо, думают, посетитель захворает и помрет. И тогда все само собой встанет на место. Не надо будет искать. Либо еще чего-нибудь будет.

Может быть, они так подумали и стали тянуть с ним канитель. И вдобавок ему об этих подробностях ничего не говорили. Стеснялись это ему в глаза сказать.

И он, как дурак, знай себе ходит в эту канцелярию.

И там, естественно, он всех возненавидел.

Он прямо не мог видеть уже этих канцелярских работников, которые сидели за своими столами и что-то такое делали.

Он приходил в ужас от них. Но крепился.

И только говорил с ними немного более визгливо, чем полагается. Но все-таки сдерживался.

Однажды он пришел туда и думает:

«Если сегодня дело не кончу, то, я так думаю, они меня еще свыше месяца затаскают».

И с этими мыслями он спрашивает кого-то там:

— Ну как?

Тот говорит:

— Еще, говорит, не прояснилось.

Наш Кульков в смятении чувств выбегает от этого работника, чтоб скорей выйти на улицу отдышаться.

И вдруг на пути, в одной комнате, видит такую возмутительную картину.

Сидит за столом какой-то средних лет бюрократ и абсолютно ничего не делает. Он ноготки себе полирует и посвистывает. И сам напыщенный. Развалившись сидит в кресле. И слегка ногой болтает. Салон-вагон.

То есть эта картина прямо вывела из себя нашего терпеливого Кулькова.

Он и так-то взволнованный выскочил из кабинета. А тут вдруг нарывается на подобный пейзаж.

Наверное, Кульков подумал:

«Я хожу свыше месяца в это учреждение, мне тут морочили голову и учиняют такую волокиту, а тут, наряду с этим, сидят бюрократы подобного типа. Нет, я не могу терпеть».

И, возмутившись еще больше, подходит до этого чиновника и, мало чего соображая, ударяет его наотмашь.

Тут свалился этот бюрократ со своего венского кресла. Кричит.

Тут другие бюрократы сбежались со всех сторон. Схватили Кулькова и держат, чтобы он не ушел.

Битый, приподнявшись, говорит:

— Я, говорит, по делу пришедши и с утра не жравши сижу. И если, говорит, меня натощак по морде еще хлопать начнут в этом учреждении, то я, говорит, категорически от этого отказываюсь.

Кульков то есть до крайности удивился от этих слов. Он говорит:

— Неужели вы не здесь работаете, а вы посетитель?

Побитый говорит:

— Да. Я к ним второй месяц хожу за своим делом. И они всё тянут. И уж меня-то, во всяком случае, не надо было трогать. В том-то и дело, что я посетитель. А если б я был из тутошних, то я, может быть, ничего бы вам и не сказал.

Кульков говорит ему:

— Пардон, товарищ, я прямо не знал. Я думал, вы среди них бюрократ и ничего не делаете, так себе сидите за столом.

Битый говорит:

— Я тут попривык у них, вот и сел за стол. А вы меня вдруг бьете.

Какие-то начальники в это время орут:

— Отыскать, туда-сюда, кульковское дело. Это он еще что за фрукт. Надо поглядеть в его бумаги.

Побитый говорит:

— Позвольте, почему же такая привилегия бьющему? Пущай тогда и мое дело отыщут. Фамилия — Обрезкин.

Те кричат:

— Отыскать, туда-сюда, и Обрезкина дело.

Обрезкин говорит Кулькову:

— Теперь, кажется, они найдут. Без вас бы, кажется, этого не случилось.

Кульков говорит:

— Скажите спасибо. Без меня бы вы тут совсем закисли.

Тут, меньше чем в час, отыскали оба эти дела.

Кулькову говорят:

— Вот ваши бумаги, получите на руки, но за битье в нашем учреждении ответите по закону.

Потом обращаются до Обрезкина и говорят ему:

— А что касается вас, молодой человек, то вы вообще ошиблись учреждением. Вам надо в собес, а не к нам. Так что вы схлопотали себе по морде отчасти даже зря. И это уж целиком ваша неудача.

Тут рассерженный Обрезкин уходит. А на Кулькова составляют протокол. И потом за мордобой дают ему месяц заключения.

И правильно. Нельзя так поступать и горячиться. А уж лучше пожаловаться, чем лезть в физиономию. Но неудача, собственно, тут даже не в том, что Обрезкина побили, а в том, что среди конторского труда бывает еще такая забывчивость на бумаги. Но это, конечно, мелочь, пустяки на общем фоне жизни.

Между прочим, совсем другое, более крупное дело, чем с этим Кульковым, произошло однажды с одним поэтом. С ним произошла огромная неудача.

Он приезжий поэт. Он недавно побывал у нас в ленинградском Литфонде, где ему пришлось выдать сто целковых на дорогу.

Вот что с ним случилось. Он нам подробно рассказал о своей неудаче. А то иначе он не получил бы это пособие. Так что эту свою историю он поведал нам скорей по необходимости, чем по общительности характера. Вот его поэтическая история, которая обошлась Литфонду в сто рублей.

Мы ее, кстати, рассказываем более коротко, чем поэт. Поэту крайне нужны были деньги на дорогу, и потому он старался не пропускать подробностей, чтоб не уменьшить дело в его психологическом значении.

Мы же расскажем вам это своими словами, без особых тонкостей, но со знанием сердца мужчины.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ С ОДНИМ НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТОМ

Один молодой поэт, довольно интересный, волевой наружности, автор книги «Навстречу жизни», влюбился на курорте в одну недурненькую особу.

Она не была поэтесса, но она имела все время наклонность к поэзии, и от этого наш поэт совершенно от нее растаял.

Кроме того, она вдобавок понравилась ему как тип. То есть ее наружность соответствовала его идеалам.

Она была из блондинок, в то время как там у них, на юге, он говорит, преобладали все больше черноватые, которые не вызывали у него поэтических эмоций. Тем более что он был лирик и, как он говорит, певец революционных будней. В результате чего он и влюбился в эту особу до потери сознания.

Ну, вообще — поэт. Мировоззрение. Пылкая, забывчивая натура. Стихи пишет. Любитель цветов и хорошо покушать. И ему всякая красота доступна. И он психологию понимает. Знает дам. И верит в их назначение.

Он встретил ее на южном побережье, куда он прибыл в сентябре месяце по путевке. И она тоже со своей путевкой прибыла туда же в сентябре.

И там они имели неожиданное счастье встретиться. Они там познакомились. И у него возникло чувство к ней. И она тоже им исключительно увлеклась.

И у них там целый месяц прошел как в угаре.

С одной стороны, море, природа, беззаботная жизнь на готовом питании, с другой стороны — понимание с полслова, поэзия, переживания, красота.

То есть как во сне промелькнули все дни, которые были один другого лучше.

И вот ударило время разлуки. Наступило время расставанья.

Она вернулась к себе в Ленинград и приступила там к завершению курса каких-то там исключительных наук. А он прибыл к себе в Ростов или куда-то там в эти места.

И там продолжал свою поэзию.

Но там он продолжать ее не мог, поскольку ему вспоминалась его особа. Он там тосковал по ней. И, будучи лириком, грустил.

И вот, просидев пару недель в своем южном городе, он вдруг моментально сложился и, никому ничего не сказав, дернул к своей особе в далекий Ленинград.

Он только в последний момент сказал своей супруге:

— Возникло чувство к другой. Расстаемся. Деньги буду посылать почтой.

И с этими словами махнул в Ленинград. Тем более она его туда усиленно звала. Она ему говорила:

— Приезжай скорей. Я живу там совершенно одиноко. Совсем одна. Кончаю курс науки. Ни от кого не завишу. И мы там будем продолжать наше чувство.

И теперь, перебирая в своей памяти эти нежные слова, полные глубокого значения, наш поэт лихорадочно спешил поскорей с ней встретиться.

И он даже удивлялся, как это он не сообразил сразу выехать к ней, раз имелись такие великолепные предпосылки.

Короче говоря, он прибыл к ней и вскоре держал ее в своих объятиях.

И они оба были так довольны, что и сказать нельзя.

Она его спросила: «Надолго ли?» И он ей поэтически ответил: «Навсегда!»

И они опять были очень довольны.

Но он у ней остановиться не мог, поскольку она жила не одна в общежитии.

Не без некоторого волнения он вдруг увидел в ее уютной комнате четыре постели, при виде которых сердце оборвалось в его груди. Она сказала:

— Живу с тремя подругами по образованию.

Он сказал:

— Я это вижу и недоумеваю. Вы мне сказали о своем одиночестве, через что я имел смелость приехать. Вы, кажется, мне прихвастнули.

Она сказала:

— Я это сказала — «живу одиноко» — не в смысле комнаты, а в смысле чувства и брака.

Он сказал:

— Ах, вон что. В таком случае это недоразумение.

После чего они снова обнялись и долго не могли друг на друга налюбоваться.

Он сказал:

— Ну, ничего. Я пока буду жить в гостинице. А там мы посмотрим. Может быть, вы кончите образование или, может быть, я напишу какие-нибудь ценные стишки.

И она сказала:

— Вот и хорошо.

Он переехал в гостиницу «Гермес» и там стал с ней жить.

Но он порядочно уже поистратился и недоумевал, что же, собственно, будет дальше. К тому же, на его несчастье, сразу после его приезда она была два дня подряд именинница. То есть один день у нее были ее именины. И наш поэт, зная немного жизнь, было уже совсем успокоился. Но на второй день, без перерыва, ударило вдруг ее рождение. И наш поэт совершенно обезумел от трат на это. На первый день он ей купил кондитерский крендель. И думал — только и делов. Но, узнавши об рождении, он растерялся и купил ей бусы. Каково же было его удивление, когда она, получив бусы, вдобавок сказала:

— Сегодня, по случаю моего дня рождения, я бы хотела в этих бусах пройтись с вами в какой-нибудь коммерческий ресторан.

И при этом она сказала еще что-то про Блока, который в свое время тоже любил почем зря бывать в ресторанах и в кондитерских.

И хотя он ей ответил уклончиво:

— То Блок...

Но все-таки вечером он с ней побывал в ресторане, где страдания его достигли наивысшей силы по случаю порционных цен, о которых в Ростове слышали только мельком.

Нет, он не был скуп, наш поэт, но он, так сказать, совершенно вытряхнулся. И к тому же, имея мелкобуржуазную сущность, он ей не решился сказать о своем крайнем положении. Хотя намекал, что в гостиницах ему беспокойно. Но она, подумав о его нервности, сказала:

— Надо взять себя в руки.

Он пытался взять себя в руки. И в день ее рождения попробовал было оседлать свою поэтическую музу, чтоб настрочить хотя бы несколько мелких стихотворений на предмет, так сказать, продажи в какой-нибудь журнал.

Но не тут-то было. Муза ему долго не давалась, а когда далась, то поэт просто удивился от того, что у него с ней получилось. Во всяком случае, по прочтении продукции ему стало ясно, что не может быть и речи о гонораре. Получилось нечто неслыханное, что поэт приписал отчасти своей торопливости и неспокойствию духа.

Тогда наш молодой поэт, подумав о превратностях судьбы и о том, что поэзия — дело, в сущности, темное, не способствующее ведению легкой жизни, продал на рынке свое пальто.

И налегке побывал со своей барышней там, где она того хотела.

После чего он рассчитывал пару дней прожить легко,

стараясь ни о чем не думать, так сказать, в полное свое удовольствие, снимая пенки с блестящего ресторанного вечера. И только уже после этого он решил обдумать свое положение. И как-нибудь извернуться. В крайнем случае он надумал призанять некоторую сумму у своей особы.

Но на другой день после ее рождения вдруг ударил в Ленинграде ранний мороз. И наш поэт в легком пиджачке стал на улице попрыгивать, говоря, что он совершенно закалился там у себя, на юге, и потому так ходит почти без ничего.

В общем, он простудился. И слег в своей гостинице «Гермес». Но там удивились его нахальству и сказали, что прежде следует заплатить за номер, а потом хворать.

Но все же, узнав, что он поэт, отнеслись к нему гуманно и сказали, что вплоть до выздоровления они его не тронут. После каковых слов поэт совершенно ослаб физически и дней шесть не поднимался с постели, ужасаясь, что даже за лежачего жильца в советских условиях насчитываются за номер те же суточные деньги.

Барышня его посещала и приносила ему пожрать, а то ему пришлось бы совсем невероятно. И, может быть, он даже бы не поправился.

После выздоровления поэт было подумал снова на пушку поймать свою музу. Но та вовсе отказала что-либо путное ему присочинить. И поэт до того упал духом, что дал себе обещание, в случае если он выпутается благополучно из создавшегося положения, непременно найти службу, чтоб не полагаться в дальнейшем на чистое искусство.

Правда, после того как у него в номере побывал директор гостиницы, поэт еще в третий раз пробовал приблизиться к своей поэзии, но, кроме как трех строк, ему ничего не удалось из себя выжать:

В который раз гляжу на небо
И слышу там пропеллеров жужжанье,
И кто-то вниз сигает на...

Но уже слова «на парашюте» никак не входили в размер стиха. А сказать «с парашютом» он не рисковал, не зная авиационной терминологии. После чего поэт окончательно захандрил и сложил оружие.

Мечты же занять у своей подруги оказались тоже нереальны. К его удивлению, в тот самый момент, когда он было решился ей сказать об этом, она сама ему сказала

о том же, но только про себя, а не про него. Так что поэт, ослабший от болезни, не сразу даже и понял всей остроты ситуации. Она сказала, что ей до получения пособия осталась ровно неделя и что если он сможет, то пусть ей кое-что одолжит, тем более что она ему покупала еду во время болезни.

Он сказал: «Непременно».

И после ее ухода решил ликвидировать свой коверкотовый костюм.

Он продал на рынке костюм, отчасти устроился со своими делами и в одной майке и в спортивных брючках в один прекрасный день явился к нам в ленинградский Литфонд, где и рассказал нам эту свою историю.

И мы ему дали за этот рассказ сто рублей на билет, с тем чтоб он ехал к себе на родину.

И он нам сказал:

— Эта сумма мне хватит, чтобы уехать. А я бы желал прожить еще тут неделю. Мне бы этого очень хотелось.

Но мы ему сказали:

— Уезжайте теперь. И лучше всего устройтесь там, у себя, на работу. И параллельно с этим пишите иногда хорошие стихи. Вот это будет правильный для вас выход.

Он сказал:

— Да, я так, пожалуй, и сделаю. И я согласен, что молодые авторы должны, кроме своей поэзии, опираться еще на что-нибудь другое. А то вон что получается. И это правильно, что за это велась компания.

И, поблагодарив нас, он удалился. И мы, литфондовцы, подумали словами поэта:

О, как божественно соединение,
Извечно созданное друг для друга,
Но люди, созданные друг для друга,
Соединяются, увы, так редко.

На этом заканчивается история с начинающим поэтом, и начинается другая история, еще более исключительная.

Там совсем другое дело, чем с поэтом, случилось с одним работником. Причем то, что с ним случилось, для него была крупнейшая неудача, а для других — мы бы этого не сказали.

В общем, вот что с ним произошло.

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРОГО ВЫЧИСТИЛИ ИЗ ПАРТИИ

Еще в первую чистку вычистили из партии одного человечка.

Он каким-то там у них был по линии инвалидов-парикмахеров и брадобреев.

Причем вычистили его по бытовому признаку — он слишком выпивать любил. У него была такая вообще бурлацкая натура. Он чуть что — за воротник заливал. И не всегда твердо стоял на ногах.

Так что если он из брадобреев, а не в канцелярии, то он мог бы причинить физические увечья любому из клиентов. Не говоря уж о порче пациентам мировоззрения и так далее.

В общем, его, наверное, я так думаю, вычистили под лозунгом: «Худая трава с поля вон».

И с этими словами его вычистили.

А больше никаких дел он за собой не замечал.

Он считал себя всецело на высоте положения. Он энергично работал, ни в чем таком особенном замешан не был, и вообще он удивился, зачем его вычистили.

Он очень что-то расстроился.

Думает: «Сколько лет я крепился и сдерживал порывы своей натуры. Сколько лет, думает, я себе ничего такого особенного не позволял. Вел себя порядочно. И не допускал никаких эксцессов. И вдруг — пожалуйте бриться. А что касается выпивки, то почему бы и не так?»

Комиссии он ничего не сказал, но подумал: «Ах вот как».

И, значит, придя домой, хорошенько выпил, нахлестался, можно сказать, побил супругу, разбил стекла в дворницкой и исчез на пару дней.

Где он мотался — неизвестно. Только пришел с поколоченной мордой, рваный и без пальто.

И жильцам сказал:

— Что меня вычистили, я никакого горя не имею. И даже напротив, я рад не встречаться больше с ненужной дисциплиной. Сколько лет, говорит, я сдерживался и портил себе кровь всякими преградами. И то нельзя, и это не так, и жену не поколоти. Но теперь это кончилось, аминь. Профессия моя хороша при всех режимах. Так что я плевал на вас всех, вместе взятых.

Жильцы удивились его словам. Но он сам сосчитал

свои поступки правильными. И, снова надравшись, выбил в дворницкой то же самое окно, что только что вставили.

А в жакте он содрал со стены все лозунги и санитарные плакаты. И одним картонным плакатом с надписью: «Не пьет, не курит пионер,— берите, взрослые, пример» — побил даже председателя.

И в общем, за три дня он до того развязал свою натуру, что все в доме поразились — как это так.

И вдруг он откуда-то узнает или кто-то ему сказал, что хотя и вычистили, но опять как будто восстановили.

То есть что было, передать нет возможности.

Он мигом протрезвел и почистился. Собрал жильцов и им сказал:

— Бывают, друзья, происшествия. Умоляю вас, забудьте то, что эти дни видели. Меня, говорит, как это ни странно, кажется, восстановили.

И сам бежит куда полагается и там говорит:

— Вот так номер вы со мной учинили. Сначала так, а потом обратный ход даете. Это каждый может растеряться, как себя вести. Я, говорит, не знал и за эти промежуточные дни наделал делов. И если вам теперь пришлют на меня два протокола, то виноват не я, а обстоятельства.

Ему говорят:

— Тебя, товарищ, не восстановили, чего ты расстраиваешься. Это, действительно, один из товарищей про тебя сказал: «Он, кажется, ничего, только выпивает, так что вы, говорит, его, пожалуй, даже зря вычистили». Но теперь сомнения отпадают, поскольку такая картина.

Он говорит:

— Я не знал же.

Ему отвечают:

— Значит, ты не чистой воды пролетарий. Другой бы при всех ситуациях был как стеклышко. А ты чуть что — обнаружил свою свиную морду. Привет.

Так его и не приняли.

А он теперь сидит в своей комнате тихо и не бузит. Все думает — вот его позовут и скажут: видим, что ты на высоте положения, принят.

Но его не зовут. Поскольку теперь его хорошо знают.

Тут неудача человека в том, что он проявил себя во всем объеме. А для других как раз это была удача. И она бы возросла, если бы такое происшествие повторилось еще с кем-нибудь.

Между прочим, совсем другое дело, чем с этим тупицей, произошло недавно с одним стариком.

Старика никто ниоткуда не чистил и ниоткуда никто его не выгонял. А он сам всех запутал своим поведением. И сам всех выгнал из квартиры.

Вот какая житейская неудача произошла с этим дураком в прошлом году.

РАССКАЗ О БЕСПОКОЙНОМ СТАРИКЕ

У нас в Ленинграде один старичок заснул летаргическим сном.

Год назад он, знаете, захворал куриной слепотой. Но потом поправился. И даже выходил на кухню ругаться с жильцами по культурным вопросам.

А недавно он взял и неожиданно заснул.

Вот он ночью заснул летаргическим сном. Утром просыпается и видит, что с ним чего-то такое неладное. То есть, вернее, родственники его видят, что лежит бездыханное тело и никаких признаков жизни не дает. И пульс у него не бьется, и грудка не вздымается, и пар от дыхания не садится на зеркальце, если это последнее преподнести к ротику.

Тут, конечно, все соображают, что старичок тихо себе скончался, и, конечно, поскорей делают разные распоряжения.

Они торопливо делают распоряжения, поскольку они всей семьей живут в одной небольшой комнате. И кругом — коммунальная квартира. И старичка даже поставить, извините, некуда — до того тесно. Тут поневоле начнешь торопиться.

А надо сказать, что этот заснувший старикан жил со своими родственниками. Значит, муж, жена, ребенок и няня. И вдобавок, он, так сказать, отец, или, проще сказать, папа его жены, то есть ее папа. Бывший трудящийся. Все как полагается. На пенсии.

И нянька — девчонка шестнадцати лет, принятая на службу на подмогу этой семье, поскольку оба-два — муж и жена, то есть дочь его папы, или, проще сказать, отца, — служат на производстве.

Вот они служат и, значит, под утро видят такое грустное недоразумение — папа скончался.

Ну, конечно, огорчение, расстройство чувств, поскольку небольшая комнатка и тут же лишний элемент.

Вот этот лишний элемент лежит теперь в комнате, лежит этакий чистенький, миленький старичок, интересный старичок. Он лежит свеженький, как увядшая незабудка, как скушанное крымское яблочко.

Он лежит, и ничего не знает, и ничего не хочет, и только требует до себя последнего внимания.

Он требует, чтобы его поскорей во что-нибудь одели, отдали бы последнее «прости» и поскорей бы где-нибудь захоронили.

Он требует, чтобы это было поскорей, поскольку все-таки одна комната и вообще стеснение. И поскольку ребенок вякает. И нянька пугается жить в одной комнате с умершими людьми. Ну, глупая девчонка, которой охота все время жить, и она думает, что жизнь бесконечна. Она пугается видеть трупы. Она дура.

Муж, этот глава семьи, бежит тогда поскорей в районное бюро похоронных процессий. И скорее оттуда возвращается.

— Ну, говорит, все в порядке. Только маленько с лошадьми зацепка. Колесницу, говорит, хоть сейчас дают, а лошадей раньше как через четыре дня не обещают.

Жена говорит:

— Я так и знала. Ты, говорит, с моим отцом завсегда при жизни царапался и теперь не можешь ему сделать одолжение — не можешь ему лошадей достать.

Муж говорит:

— А идите к черту! Я не верховой, я лошадьми не заведую. Я, говорит, и сам не рад дожидаться столько времени. Очень, говорит, мне глубокий интерес все время твоего папу видеть.

Тут происходят разные семейные сцены. Ребенок, не привыкший видеть неживых людей, пугается и орет благим матом.

И нянька отказывается служить этой семье, в комнате которой живет покойник.

Но ее уговаривают не бросать профессию и обещают ей поскорей ликвидировать в комнате смерть.

Тогда сама мадам, уставшая от этих делов, поспешает в бюро, но вскоре возвращается оттуда бледная как полотно.

— Лошадей, говорит, обещают не так скоро. Если б мой муж, этот дурак, оставшийся в живых, записался, когда ходил, тогда через три дня. А коляску, говорит, действительно, хоть сейчас дают.

И сама одевает поскорей своего ребенка, берет орущую

няньку и в таком виде идет в Сестрорецк — пожить у своих знакомых.

— Мне, говорит, ребенок дороже. Я не могу ему с детских лет показывать такие туманные картины. А ты как хочешь, так и делай.

Муж говорит:

— Я, говорит, тоже с ним не останусь. Как хотите. Это не мой старик. Я, говорит, его при жизни не особенно долюбливал, а сейчас, говорит, мне в особенности противно с ним вместе жить. Или, говорит, я его в коридор поставлю, или я к своему брату переeду. А он пущай тут дожидается лошадей.

Вот семья уезжает в Сестрорецк, а муж, этот глава семьи, бежит к своему брату.

Но у брата в это время всей семьей происходит дифтерит, и его нипочем не хотят пускать в комнату.

Вот тогда он вернулся назад, положил заснувшего старичка на узкий ломберный столик и поставил это сооружение в коридор около ванной. И сам закрылся в своей комнате и ни на какие стуки и выкрики не отвечал в течение двух дней.

Тут происходит в коммунальной квартире сплошная ерунда, волынка и неразбериха.

Жильцы поднимают шум и вой.

Женщины и дети перестают ходить куда бы то ни было, говорят, что они не могут проходить мимо, без того чтобы не испугаться.

Тогда мужчины нарасхват берут это сооружение и переставляют его в переднюю, что, естественно, в высшей степени вызывает панику и замешательство у входящих в квартиру.

Заведующий кооперативом, живущий в угловой комнате, заявил, что к нему почему-то часто ходят знакомые женщины, и он не может рисковать ихним нервным здоровьем.

Спешно вызвали домоуправление, которое никакой рационализации не внесло в это дело.

Было сделано предложение поставить это сооружение во двор.

Но управдом заявил:

— Это, говорит, может вызвать нездоровое замешательство среди жильцов, оставшихся в живых, и, главное, невзнос квартирной платы, которая и без того задерживается.

Тогда стали раздаваться крики и угрозы по адресу

владельца старичка, который закрылся в своей комнате и сжигал теперь разные стариковские ошметки и оставшееся ерундовое имущество.

Решено было силой открыть дверь и водворить это сооружение в комнату.

Стали кричать и двигать стол, после чего покойник тихонько вздохнул и начал шевелиться.

После небольшой паники и замешательства жильцы освоились с новой ситуацией.

Они с новой силой ринулись к комнате. Они начали стучать в дверь и кричать, что старик жив и просится в комнату.

Однако запершийся долгое время не отвечал. И только через час сказал:

— Бросьте свои арапские штучки. Знаю — вы меня на плешь хотите поймать.

После долгих переговоров владелец старика попросил, чтобы этот последний подал свой голос.

Старик, не отличавшийся фантазией, сказал тонким голосом:

— Хо-хо...

Этот поданный голос запершийся все равно не признал за настоящий.

Наконец от стал глядеть в замочную скважину, предварительно попросив поставить старика напротив.

Поставленного старика он долго не хотел признать за живого, говоря, что жильцы нарочно шевелят ему руки и ноги.

Старик, выведенный из себя, начал буянить и беспощадно ругаться, как бывало при жизни, после чего дверь открылась, и старик был торжественно водворен в комнату.

Побранившись со своим родственником о том о сем, оживший старик вдруг заметил, что имущество его исчезло и частично тлеет в печке. И нету раскидной кровати, на которой он только что изволил помереть.

Тогда старик, по собственному почину, со всем нахальством, присущим этому возрасту, лег на общую кровать и велел подать ему кушать. Он стал кушать и пить молоко, говоря, что он не посмотрит, что это его родственники, и подаст на них в суд за расхищение имущества.

Вскоре прибыла из Сестрорецка его жена, то есть дочь этого умершего папы.

Были крики радости и испуга. Молодой ребенок, не вдававшийся в подробности биологии, довольно терпимо отнесся к воскресению. Но нянька, эта шестнадцатилетняя

дура, вновь стала проявлять признаки нежелания служить этой семье, у которой то и дело то умирают, то вновь воскресают люди.

На девятый день вдруг приехала белая колесница с факелами, запряженная в одну черную лошадь с наглазниками.

Муж, этот глава семьи, нервно глядевший в окно, чтоб забыться, первый увидел это прибытие.

Он говорит:

— Вот, папаня, наконец за вами приехали лошади.

Старик начал плеваться и говорить, что он больше никуда не поедет.

Он открыл форточку и начал плевать на улицу, крича слабым голосом, чтоб кучер уезжал поскорей и не мозолил бы глаза живым людям.

Кучер в белом сюртуке и в желтом цилиндре, не дождавшись выноса, поднялся наверх и начал грубо ругаться, требуя, чтоб ему наконец дали то, за чем он приехал, и не заставляли бы его дожидаться на сырой улице.

Он говорит:

— Я не понимаю низкий уровень живущих в этом доме. Всем известно, что лошади остродефицитные. Нет, говорит, я в этот дом больше не ездок.

Собравшиеся жильцы совместно с ожившим старичком выпихнули кучера на площадку и ссыпали его с лестницы вместе с сюртуком и цилиндром.

Кучер долго не хотел отъезжать от дома, требуя, чтоб ему в крайнем случае подписали какую-то путевку. Без чего он никуда не поедет.

Оживший старик плевался в форточку и кулаком грозил кучеру, с которым у них завязалась острая перебранка.

Наконец кучер, охрипнув от крика, утомленный и побитый, уехал, после чего жизнь потекла своим чередом.

На четырнадцатый день старичок, простудившись у раскрытой форточки, захворал и вскоре по-настоящему помер.

Сначала никто этому не поверил, думая, что старик попрежнему валяет дурака, но вызванный врач успокоил всех, говоря, что на этот раз все без обмана.

Тут произошла совершенная паника и замешательство среди живущих в коммунальной квартире.

Многие жильцы, замкнув свои комнаты, временно выехали кто куда.

Жена, то есть, проще сказать, дочь ее папы, пугаясь

заходить в бюро, снова уехала в Сестрорецк с ребенком и ревущей нянькой.

Муж, этот глава семьи, хотел было устроиться в дом отдыха. Но на этот раз колесница неожиданно прибыла на второй день. И все кончилось вполне благополучно.

Так что тут была скорей нечеткость работы с колесницами, чем постоянное запоздание. Оно не повторялось всякий раз, а бывало, что ли, случайно. Раз на раз, как говорится, не придется. Ну, была неудача, недоразумение.

Но теперь это у них сгладилось. И они подают так, что прямо красота.

Лучше не надо.

На этом мы вообще хотели закончить наши новеллы о неудачах, но близость нового отдела «Удивительные события», в котором речь главным образом пойдет об удачах, позволяет нам рассказать еще одну историйку, в которой два эти предмета — удача и неудача — соединились вместе.

И вот что от этого получилось.

РАССКАЗ О ЗАЖИТОЧНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Конечно, некоторые говорят, что все дело в зажиточности. Что бедность унижает человека, что при этом человек не может, что ли, стоять на высоте положения. А что при зажиточности он, наоборот, моментально расцветает, и приподнимается, и делает то, что всем надо.

Насчет бедности мы не возражаем. Она, конечно, унижает личность, и при ней довольно трудно удержаться в своих рамках. А что касается зажиточности, то это еще не всегда дает правильные результаты.

Был такой курьер Федор. Он работал на заводе. Он приехал из деревни. Был очень бедный. Еще тут не обжился. И даже первое время шлялся в деревянных сапогах.

И был очень грубая личность. Любитель выпить. Ругатель. Грубый скандалист и бузотер.

Он начал у них жить в общежитии.

И там от его свиных выходок многие сторонились.

Вот его вызвали в управление. И там ему сделали крепкий нагоняй.

Ему сказали:

— Еще чего? Это не может продолжаться.

А он на это так ответил:

— Вы, профсоюзные вожди, меня срамите за мое поведение. А спросите меня — отчего это бывает.

И тогда его спросили:

— А скажите, отчего.

Он и говорит:

— Я живу абсолютно не так, как хочу. Вполне один, без семьи и жены. У меня, может, семья и жена проживают в деревне. Меня, может, сострадание берет, оттого что я их не вижу. Двое моих детишек, наверное, пасут коров и терпят дожди и вьюги. Я живу как холуй, имею один пиджак, и мне некому даже подложить подушку, чтоб я прилег, усталый от работы. А вы интересуетесь, отчего я выпиваю и в своей выпивке грубо задеваю остальных и всем бью в морду. Вот отчего это бывает.

Вот тогда все сконфузились и сказали:

— Мы тебе непременно дадим комнату.

И вот вскоре ему дали комнату, и он вскоре выписал свою жену и двух пастушков из деревни.

И вот он с ними живет, но мы видим, что он по-прежнему выпивает, скандалит и орет, и всем бьет морды, и дает затрещины и шлепки своим подпаскам.

Тогда снова его вызывают в управление.

Он говорит:

— Да, конечно, я и сейчас еще подлец. Я выпиваю и все такое и под горячую руку всех колочу. Это оттого, что я нервничаю. Я имею перед собой картины бедности. Мы на примусе варим щи. Нас в одной комнате набилось шесть человек народу. Жена ругается со своей мамой, а я их всех бью и крошу, потому что мне мало интереса глядеть на эту деревенскую серость и некультурность. Меня быт съедает без остатка... И к тому же у меня окно выходит в наружный двор. А если бы оно выходило, например, на речку — я бы, может, цельный день рядом сидел, и песни пел, и глядел бы, как птицы на волнах кувыркаются.

И тогда все сконфузились и так ему сказали:

— У нас сейчас дом отстраивается. Мы тебе дадим квартиру. Там газ и отопление. И там все на свете. Там свет блеснет в твои глаза, и ты будешь такой, как сумеешь.

И вот ему вскоре дали квартиру. Две комнаты и ванна. И три шкафчика для внутреннего употребления. И окна в сад. И в саду ежегодно цветут деревья. И газ. И все на свете.

И ему жалованья прибавили. И вдобавок он по займу выиграл. И пошил себе пиджак. И построил брюки. И по случаю купил диван и пианолу. И наш товарищ Федор вознесся на неслыханную высоту.

Только видят — он по-прежнему выпивает и дерется.

И очень ругается и срывает из окна молоденькие ветки с деревьев и стегает ими своих бывших пастухов. А жену, и ее преподобную мамашу, и всех соседей при случае колотит так, что те в страхе разбегаются.

Тогда его снова призывают к ответу.

Он говорит:

— Какое странное дело. Все у меня что-нибудь не так. У меня мебель хороша, и пианола непрерывно играет. Только, говорит, жена, эта деревенская дура, своим видом не подходит к моей обстановке. Она меня раздражает. Я хочу жениться на другой. И тогда непременно у меня пойдет другая музыка.

И вот он разделил свою квартиру. И стал жить с одной конторщицей. И вскоре у них там стали возникать драки и побоища. Он ее ревновал, и нещадно бил, и выгонял на улицу.

И тут все поняли, в чем дело. Тут все поняли, что это попросту дрянной, неудачный человек.

И тогда все поняли, что ему зажиточность нужна, но что при этом его надо нянчить и его перевоспитывать.

И тогда всем стало легче. Все вздохнули и поняли, что с ним надо делать.

И в этом понимании была большая удача. И под давлением этой удачи померкнут вышеуказанные неудачи и начнется то, чего всем хочется.

На этом, друзья, мы заканчиваем наши рассказы о неудачах, с тем чтобы поскорей перейти к новому, более счастливому отделу.

И близость этих новых страниц приподнимает наше настроение, и, несмотря на только что рассказанные неудачи, нам делается весело и забавно жить.

И мы рады отметить, что чертовские и неслыханные неудачи не сломили наш железный характер.

Вот сейчас только помоемся и сполоснемся после всей этой пакости и перейдем к дальнейшему.

Ах да, может быть, мы, перечисляя неудачи, что-либо забыли отметить. Просьба опять-таки отметить в своих сердцах.

Прочтите тут еще небольшое послесловьице к нашему отделу «Неудачи». Оно, так сказать, подведет итоги всему вышесказанному о неудачах.

После чего мы перейдем к новой книге — «Удивительные события».

Итак, извольте небольшое, вроде болтовни, послесловие.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, друзья, мы заканчиваем нашу четвертую книгу.

Позвольте же после столь тяжких испытаний вас чувствительно с этим поздравить.

Давайте же коротенько подведем итоги.

Что же мы с вами, друзья, увидели, прочитавши исторические новеллы и рассказы из нашей жизни?

А мы в первую голову увидели в прошлом большой урожай на неудачи.

А потом мы увидели, что этот урожай снимается по многочисленным причинам, из которых глупость и темнота не плетутся в хвосте.

И даже мы отчасти заметили, что неудачи — законное дите, рожденное от бракосочетания этих причин с торопливым желанием хорошо пожить.

Так что удивляться не приходится, отчего они бывают.

Они бывают не по милости судьбы, как это согласны думать люди со слабым и робким мировоззрением. А они случаются от более простых и грубых причин. Благодаря чему, если не сидеть сложа руки, многое можно значительно исправить.

И у нас на это смело пошли. А если и бывают вышеуказанные неудачи, то отчасти еще публика непривычна, да и вообще борьба с этим далеко еще не закончена.

И если говорить о дальнейшем, то неудачи у нас не то чтобы совсем исчезнут, но их, вероятно, станет так мало, что все будут прямо удивляться.

И даже, может быть, глупость, под давлением чего-нибудь там особенного, возьмет и померкнет в своем величии. А если это ослабнет, то все тогда смогут поздравить друг друга с неслыханной удачей.

В общем, если говорить в планетарном масштабе — мы

вдаль глядим без особых треволнений. Кругом народы окончательно скажут свое слово. Утвердят свое право. Все воспрянут духом. И всем станет смешно, что были такие неудачи на заре их юности.

А если говорить о нашей стране, то можно повторить удивительные и пророческие слова поэта, произнесенные еще в прошлом столетии:

Вынес достаточно русский народ.
Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе.

И вот мы теперь видим то, что видим. И это было удивительное предсказание, которое на наших глазах постепенно выполняется. Но, конечно, не следует забывать — борьба далеко не закончена, и продолжается революция. И идет столкновение двух миров и все, что с этим. Так что слова о прекрасной тишине будут произнесены после. И тогда этот наш отдел с неудачами можно будет зачитать с небрежной улыбкой.

А что касается до стихов, то их произнес великий поэт, который умер шестьдесят лет назад. И его память следует почтить вставанием.

И это так жаль, что он не дожил до наших дней.

Кстати, о смерти.

Некоторые считают неудачей — короткую, как сон, человеческую жизнь. Но вместе с тем, как подумаешь, что тебе, например, еще двести лет надо будет думать и мозговать, так прямо наши законные восемьдесят лет ничуть не кажутся особенной неудачей.

Итак, на этом заканчиваем книгу о неудачах и переходим к новому и последнему отделу.

И мы уже слышим шум и выстрелы. И кто-то рукоплещет. И кто-то кричит «ура».

Это люди, которые от неудач не потеряли присутствия духа, стремятся к новым берегам.

И те, которые хотя и не стремятся никуда, но ведут себя так, как требуется.

И мы не без волнения спешим туда, чтобы им пожать руки и сказать: «Здравствуйте».

Итак, начинается новый отдел — «Удивительные события».

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

1. И вот подходит наша книга к желанному концу.

Осталась у нас с вами одна последняя часть. И вот она перед вами.

Она заключает в себе то, чего бы крайне не хватало, если б наша жизнь была только такой, какой мы вам сейчас преподнесли.

И можно было бы даже потеряться от горя, если б мы на этом закончили наше сочинение.

2. Но, к общему счастью, жизнь тоже имеет свою пятую часть. И только она не перед каждым раскрывалась.

И многие видели только четыре части, и от этого они бывали чересчур несчастны. Многие из них вешались, другие любили выпивать, третьих постигали душевные заболевания, четвертые попросту дурака валяли. А некоторые впадали в меланхолию и восклицали: ах, дескать, господа.

Вот так же, как в свое время воскликнул один из прекрасных поэтов. Ах, господа,— он воскликнул,—

Жизнь, как посмотришь
С холодным вниманьем вокруг,—
Такая пустая и глупая шутка.

Или — штука. Не помню. Одним словом, он что-то вроде этого воскликнул, переполненный глубокой меланхолией.

3. Но многие так не думали и про жизнь таких стихов не восклицали, а увидевши все — как и чего бывает, энергично выступали против этого и с этим боролись. И высказывали свои мысли. И показывали чудеса храбрости, мужества и понимания.

И вот о таких людях, и о таких поступках, и о многих замечательных делах и героях мы и желаем произнести наше слово.

И мы предоставляем для этих людей последнюю, пятую главу, чтоб они своим примером показали бы, как надо поступать малодушным людям.

Таких слабеньких читателей они своим поведением возьмут на буксир и потянут их туда, куда надо.

Однако обернем предмет со всех сторон.

4. Читатель со своей привычкой к темам современной литературы уже, наверно, начинает соображать, что речь у нас непременно пойдет о борцах революции и о тех, которые заботились о прекрасном будущем.

И действительно, речь пойдет об этих людях.

И мы сейчас увидим такую волю, и такое мужество, и такую силу человеческого духа, что, если у нас имеется хоть какая-нибудь тяжесть на сердце, нам сразу станет легко, и нам захочется жить и радоваться.

И нам всем захочется любезно и внимательно подходить к людям. И нам захочется воскликнуть: как это поразительно, что среди людей бывают такие выдающиеся герои.

И действительно, как это радостно, что среди грязи, и болота, и посредственной пошлости находятся такие сильные люди.

В общем, сейчас речь пойдет о революционных событиях и о тех людях, которые этим занимались.

Но прежде нам желательно сказать несколько вступительных слов о том о сем. Мы хотим побеседовать с читателем.

5. Вернее, мы хотели бы побеседовать даже не с читателем, а с каким-нибудь, например, ну, что ли, представителем буржуазной философии. Только чтоб он, ради бога, не горячился и не хватал бы нас чуть что за горло. А вел бы себя порядочно и корректно.

Тогда бы мы с ним тихо побеседовали на диване.

Наверно, он бы так сказал, иронически усмехнувшись и играя моноклем:

— Ну, революция, борьба... А жизнь, господа, проходит буквально как сон. Она коротка — жизнь. Так не лучше ли, господа, продолжать так, как есть, чем думать о каком-то будущем. И тратить на это считанные дни. Давайте, синьор, ударим по рукам и — мир и тишина. В сущности, все мы дети одной больной матери.

И я, взглянув на его гладкое лицо и на прекрасный перстень на пальце, спросил:

— Простите, сэр, я вас перебью. Я позабыл. У вас дом, кажется,— один или два?

— Один... А что?

— Просто так. Продолжайте же, пожалуйста, сэр.

— Да, так вот я и говорю,— сказал философ,— в сущности, жизнь нереальна... Так пусть себе забавляются народы — устраивают оперетку,— какие-то у них короли, солдаты, купцы. Кто-то торгует. Выигрывает. Некоторые из них нищие. Кое-кто — богачи. Все — игра. Понимаете? А вы хотите жить всерьез. Простите, как это глупо. Вы хотите пустенькую, но, в сущности, милую жизнь отдать за какой-то другой сон. Может быть, более скучный. И даже, наверно, более скучный. Какая чушь!

6. Я говорю философу:

— А скажите, и большой доход вам приносит ваш дом? Небоскреб, наверно?

— При чем тут дом... Ну, приносит... Пустяки приносит... Какое нынче приношение — ерунда. Сон...

И наш философ сердито докуривает сигару и откидывается на спинку дивана.

И мы ему говорим, философу, соблюдая международные законы вежливости и почтения:

— Вот что, сэр. Пусть даже останется ваше забавное определение жизни — оперетта. Пусть так. Но осмелимся вам заметить, что вы за оперетту, в которой один актер поет, а остальные ему занавес поднимают. А мы...

— А вы,— перебивает он,— за оперетту, в которой все актеры — статисты... и которые хотят быть тенорами.

— Вовсе нет. Мы за такой спектакль, в котором у всех актеров правильно распределены роли — по их дарованиям, способностям и голосовым данным. И безголосый певец у нас не получит роли премьера, как это бывает у вас.

— А у вас маленький актер так маленьким и останется. У него не будет стремления быть большим. У нас...

— Простите, сэр, вы не в курсе наших событий. Вы черпаете сведения из древней истории. У нас совершенно разные оклады для актеров. Ведь у нас, к вашему сведению, нету так называемой уравниловки. А кроме того, у нас есть другие стимулы для работы.

7. Философ говорит:

— Тем не менее,— говорит он,— я не хотел бы участво-

вать в вашем спектакле. У вас — фантазия ограниченна. У себя я могу все время двигаться вперед. Я могу стать миллионером. Я могу мир перевернуть. У меня есть цель. Меня, так сказать, деньги толкают вперед. У меня есть стремление. Я не боюсь слов — я наживаю. Я накапливаю... Жизнь — движение. Останавливаться нельзя. И это мне дает то устремление, которое нужно. И повторяю,— не боюсь слов,— наживаю. Не все ли равно, какая цель перед лицом смерти? А если деньги не играют никакой роли, то...

— Сэр, вы опять-таки не в курсе событий. У нас деньги играют значительнейшую роль, и вы можете их накапливать на сберкнижке, если у вас есть такое могучее устремление. Больше того — вы даже проценты на них получаете. Или, кажется, какую-то премию.

Философ оживляется. Он говорит:

— Не может быть...

— Только,— я говорю,— получение денег у нас иное. У нас нужно заработать их.

— А-а...— поникшим голосом говорит философ,— заработать. Это скучно, господа. Нет, мне с вами не по пути. У вас какое-то странное отношение к жизни — как к реальности, которая вечна. Заработать! Позаботиться о будущем! Как это смешно и глупо располагаться в жизни, как в своем доме, где вам предстоит вечно жить? Где? На кладбище. Все мы, господа, гости в этой жизни — приходим и уходим. И нельзя так по-хозяйски произносить слова: заработать! Какое варварское мышление! Какие огорчения вам предстоят еще, когда вы научитесь философски оценивать краткость жизни и реальность смерти.

8. И, посмотрев на меня с сожалением, он продолжает:

— А мы смотрим на жизнь как на нечто нереальное. Мир — это мое представление. Все сказочное... Все дым, сон, нереально. И вот наша с вами разница. И мы — правы. Какая, к черту, может быть реальность, если человеческая жизнь проходит как один миг!

— Но ваш собственный дом, осмелюсь заметить,— это реальность.

Философ, видать, с неохотой говорит:

— Нет, дом — это отчасти тоже нереальность.

— Но если это нереальность, то отчего бы вам не напустить туда нереальных людей и нереально отказаться от нереальных денег. Небось так не делаете?

Философ испуганно говорит:

— То есть что вы хотите этим сказать? Слушайте,

оставьте мой дом в покое. Что вы, ей-богу, привязались. Я говорю в мировом масштабе, а вы все время сворачиваете на ерунду. Прямо как в печенку въелись — дом, дом... Прямо, ей-богу, скучно. Ну, дом. Нереально все.

— Да как же, говорю, помилуйте, нереально...

Философ говорит, чуть не плача:

— Прямо, ей-богу, человека нервничать заставляете. Вот я теперь, как назло, вспомнил, что трое у меня квартплату не внесли... Теперь я буду беспокоиться. Какие-то у вас, простите, грубые, солдатские мозги. Не даете пофилософствовать.

И философ в изнеможении откидывается на спинку дивана и нервно курит.

9. И мы ему говорим:

— И мы даже согласны с вами, что...

Философ оживляется:

— Вот видите... согласны... А сами человеку прямо дыхнуть не даете...

Я говорю:

— Мы согласны с вами в том, что жизнь коротка. А вернее, она не так коротка, как плохая. А от этого она, может быть, и короткая. Пусть даже короткая. Но только короткая жизнь может быть хорошая, а может быть плохая. Так вот, мы за длинную, хорошую жизнь. И в этом у нас цель и стремление. А что для вас жизнь коротка, то, несмотря на ее краткость, вам, вероятно, не помешало положить в банк тысяч сто. Простите, сэр.

— Фу, как грубо,— говорит философ поперхнувшись.— А говорите, впрочем, что хотите. Мне теперь безразлично. Вы чем-то, не знаю, меня окончательно расстроили. А кроме того,— холодно добавляет он,— я считаю, что человеческие свойства неизменны. Это природа. Все равно обувь стопчется по ноге. Привет.

И мы вежливо встаем с дивана и говорим, соблюдая мировые правила приличия:

— Сэр, я ваш покорный слуга. Примите уверения в совершенном моем к вам уважении и почтении до последнего дыхания. А что касается человеческих свойств, то они, сударь, меняются от режима и воспитания.

Философ в сердцах бросает окурок на пол, плюет и уходит, приветствуя нас рукой, бормоча:

— Да, но режим и воспитание — в руках людей, а люди есть люди...

10. Мы описали вам эту воображаемую сценку, чтобы показать, какая бывает борьба на фронте мысли.

И действительно, некоторые рассуждения могут отчасти смутить более слабую душу. Более слабая душа может поникнуть от таких слов — сон, короткая жизнь, нереальность, считанные дни... Эти слова не раз смущали даже более крепких людей. И были даже среди революционеров люди, которые били отбой и перебегали в другой лагерь. И история знает подобные факты.

И тут надо действительно иметь мужественное сердце, чтоб не смутиться от яда этих слов, в которых есть доля правды,— иначе они бы не действовали ни на кого. Тем не менее эти слова неправильны и ложны. И это диалектика. Нет, мы не хотим сказать, что все ужасно легко и борьба — прогулка. И у некоторых, которые у нас сейчас размахивают руками и горячатся (и, может быть, и у меня в том числе), не хватило бы духу начинать сначала. Но находились люди, которые смотрели поверх всего. И это были удивительные люди. И они создавали удивительные события. И старались переделать все, что барахталось в грязи, в тине и в безобразии.

И вот об этих людях, побеседовав с философом, мы сейчас и будем говорить. И вы сейчас увидите такую силу духа, что просто содрогнетесь от собственного малодушия.

11. Но прежде — еще одно, совсем коротенькое отступление. Вроде справки.

Представители старого мира имеют, в сущности, понятную привычку говорить о революционерах как о людях, потерявших совесть и человеческое подобие. Не знаем, как в других странах, но у нас, у матушки России, была привычка называть таких людей злодеями и нерусскими людьми.

Так вот, для примера осмелимся привести несколько слов, написанных царским цензором Никитенко о повешенном декабристе Рылееве.

Вот что пишет Никитенко:

«Я не знаю другого человека, который обладал такой притягательной силой, как Рылеев. Он с первого взгляда вселял в вас как бы предчувствие того обаяния, которому вы неизбежно должны были подчиниться при близком знакомстве. Стоило улыбке озарить его лицо, стоило поглубже взглянуть в его удивительные глаза, чтоб всем сердцем безвозвратно отдаться ему. И я на себе испытал чарующее действие его гуманности и доброты».

Вот как Никитенко описывает «злодея» Рылеева.

И мы, прочитав эти строчки, в предчувствии всего хорошего переходим к историческим новеллам об этих борцах за революцию.

12. Вот рассказ о Рылееве. Рылеев был поэт. Он был дворянин и офицер. Но это не помешало ему написать такие агитационные строчки:

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ.
И людями, как скотами,
Долго ль будут торговать.

Он был мужественный революционер. И перед 14 декабря он выступал за немедленное восстание против царя.

И накануне, вместе со своим другом Н. Бестужевым, он обошел несколько полков и призывал солдат к выступлению.

Больше того — он останавливал солдат на улице и вел с ними беседу.

И вот наступил день восстания.

Уже прогремели ружейные выстрелы, и два враждебных лагеря замерли в некоторой нерешительности.

Мятежники стояли в каре у сената, а царские войска теснились около строящегося Исаакиевского собора.

И был момент, когда восставшие получили моральный перевес.

И об этом моменте Николай I так пишет в своих записках:

«Уже пули просвистели мне чрез голову. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда войска были бы в самом трудном положении».

13. И тогда царский генерал Васильчиков сказал Николаю:

— Ваше величество, нужна картечь.

Государь сказал:

— Вы хотите, чтобы я в первый день моего царствования пролил кровь моих подданных?

— Чтобы спасти империю,— сказал генерал.

И тотчас пушки были поставлены против сената.

Николай I сам скомандовал:

— Пали!

И первый выстрел загрохотал.

«Первый выстрел,— пишет Николай,— ударил высоко в здание сената, и мятежники отвечали неистовыми криками и беглым огнем».

И тогда Рылеев снял шапку, подошел к Бестужеву и обнял его. Он сказал:

— Последние минуты наши близки. Но это минуты нашей свободы. Мы дышали ею. И я теперь охотно отдам за них мою жизнь.

Вы понимаете, что он сказал? Он сказал, что сейчас все будет кончено, но что даже за минутное ощущение свободы, которое он сегодня испытал, он без сожаления отдает свою жизнь.

Нет сомнения, что цензор Никитенко не ошибся в Рылееве, когда он о нем так прекрасно сказал. Такие слова, которые произнес Рылеев и в такую минуту, мог сказать только большой и замечательный человек. И мы так рады и так взволнованны, что он именно так сказал и что он оказался такой большой человек. Значит, двух мнений быть не может — за кем надо было идти.

14. И вот через несколько минут на Сенатской площади действительно все было кончено.

Надежды генерала Васильчикова оправдались.

Пушки сделали свое дело.

«Второй и третий выстрелы,— пишет Николай I,— ударили в самую середину толпы».

Каре восставших дрогнуло. Часть мятежных солдат бросилась к Неве, на Английскую набережную, а часть, как пишет Николай I,— «навстречу выстрелов из орудия при Семеновском полку, дабы достичь берега Крюкова канала».

В общем, все было кончено.

Рылеев в тот же день был арестован и после суда приговорен к смерти.

Это был настоящий, мужественный человек с большим и даже великим сердцем. И это так ужасно, что его жизнь прекратилась на виселице.

Ему было тридцать один год. И как горько знать, что так рано и так страшно закончилась его жизнь.

И он умер так мужественно, как редко кто.

15. Из героических историй, в которых бы участвовала женщина, нам известен такой рассказ.

Это факт об одной смелой и отважной революционерке.

Конечно, история революции знает множество достойных женщин, причем некоторые из них прославились на

весь мир. И о них много писалось. И вы, наверно, об этом почти все знаете.

А мы расскажем вам о женщине, о которой весьма мало написано.

Вот рассказ о малоизвестной революционерке, о работнице табачной фабрики Лизе Торсуевой.

Она жила в Ростове в начале девяностых годов прошлого столетия.

Она работала на табачной фабрике Асмолова.

И там, в Ростове, она со своим братом организовала рабочий кружок.

Причем это был социал-демократический кружок, где изучались основы научного социализма.

А чтоб работать в таком кружке, надо было иметь немало мужества и отваги, поскольку с рабочим движением велась очень жестокая борьба.

16. Рабочее движение приводило и жандармов в ужас, в трепет и смятение. И они это движение давили с огромной свирепостью. И почти за каждый шаг революционерам приходилось расплачиваться тюрьмой, ссылкой и даже каторгой.

Добавьте к этому: рабочий день на фабрике — четырнадцать часов, а летом — шестнадцать!

А заработок — восемь рублей в месяц.

И тогда можно понять, какой нужен был героизм, чтоб сквозь все преграды идти к намеченной цели.

И вот табачная работница Лиза Торсуева, несмотря на все препятствия, энергично повела смелую революционную работу.

А брат ее вскоре стал, к сожалению, толстовцем, и он отошел от рабочего движения.

Но Торсуеву это не смутило, и она совместно с двумя рабочими энергично принялась за дело.

17. А тогда среди рабочих табачной фабрики была большая темнота и большая жажда знаний. И, помимо политики, надо было знать многое другое.

И Торсуева и сама была почти без всякого образования. И она ночи сидела за книгами, чтобы узнать, как ей отвечать на те вопросы, что ей задают рабочие.

А ей было тогда двадцать пять лет. Она была молода и очень красива. Она всех поражала своей миловидностью, умом и удивительной смелостью.

Она была очень смела и отважна.

Например, расклеивая прокламации на 1 мая (1898 года), она не удержалась и наклеила прокламацию на дверях подъезда жандармского управления. Причем прокламация была наклеена лаком, так что жандармы могли ее снять только вместе с дверью.

Вдобавок в тот же день на строящейся церкви кружок Торсуевой повесил красное знамя со словами: «Да здравствует социал-демократическая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И это знамя три часа висело на церкви, так как рабочие, повесив знамя, разрушили внизу леса.

И это знамя сыграло свою агитационную роль — в городе было много разговоров и большое возбуждение.

18. И вот жандармы, увидя, что подпольная работа в кружке идет блестяще, пришли в большое огорчение. И они решили положить этому конец.

Они арестовали несколько рабочих из комитета. И однажды утром поставили двух сыщиков у ворот торсуевского дома. И эти шпики должны были арестовать Торсуеву при выходе на улицу.

Конечно, они могли бы арестовать ее и дома, но считалось более полезным для дела арестовать при выходе, так как она могла нести какие-нибудь важные документы, или же она могла пойти в конспиративную квартиру, неизвестную жандармам. Вот они и ждали ее выхода.

Но Торсуевой сказали друзья об этом.

Тогда Торсуева, нарядив сестру в свое платье, попросила ее выйти на улицу.

И сестра так и сделала — она взяла с собой пакет с бельем и вышла за ворота.

Сыщики же, приняв ее за Лизу Торсуеву, потащились за ней. Они надеялись, что она куда-нибудь зайдет по делам кружка. Но сестра Торсуевой нарочно два часа мотала их по улицам. И тогда они наконец, выйдя из терпения, ее арестовали. Но тут, узнав, что это не Елизавета Торсуева, а Валентина, снова бросились к своему боевому посту. Но было поздно. Лиза Торсуева уже успела сложить свой чемодан. И выехала из Ростова.

19. А жандармский полковник Артемьев, узнав, что главная виновница скрылась, пришел в исключительное бешенство. Он без разбора арестовал еще тридцать человек и сказал им, что он их не выпустит, покуда не арестует Торсуеву.

А Лиза в это время скрывалась на Кавказе.

Но ей друзья сообщили о словах полковника.

Тогда она сказала своим друзьям:

— Моя личность менее ценна для дела, чем столько арестованных активных работников. Я должна вернуться в Ростов.

И с этими словами она вернулась назад и добровольно явилась в жандармское управление.

Полковник, правда, выпустил заложников, но Лизу Тюрсуеву продержал в одиночке около года.

Но потом ее выпустили. И она с новой энергией принялась за революционную работу.

Вот какие бывают женщины — наши жены, сестры и дочери.

И это приятно знать, что женщины так высоко держали знамя революции.

20. Из удивительных героических событий, в которых бы участвовал писатель, история знает такой случай.

Писатель Радищев при Екатерине II написал свою знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву».

Это была книга настолько смелая и революционная по своим взглядам, что даже теперь, читая ее, приходится поражаться необычайному мужеству автора.

Просто трудно представить, на что мог рассчитывать автор, выпуская такую книгу в царской, крепостной России.

Так, например, о крепостном праве у него сказано: «Зверский обычай порабощать себе подобных».

И вся книга была — открытое воззвание против царского правительства.

Это был призыв к восстанию, так что, кроме смерти или бегства, автор ни на что другое не мог рассчитывать.

Но тут мнение у потомства раскололось. Некоторые считают этот поступок необычайно мужественным. А некоторые считают это какой-то непродуманностью и слепым безрассудством. И приводят в доказательство покорные слова Радищева о его якобы «минутном заблуждении» и его поведение, которое могло быть более гордым и смелым, как у человека, написавшего такую мужественную книгу.

21. Но тут следует заступиться. Его поведение было совершенно правильным, но нервы у него были плохие, и от

этого он не всегда мог сдержаться. И в этом нет ничего удивительного. И это ничего не показывает.

И что касается его мужества, то вот его описание.

Типографщики не хотели набирать эту книгу, несмотря на разрешение. Тогда Радищев завел типографию у себя в деревне. И там напечатал книгу в количестве шестисот пятидесяти экземпляров.

Больше того — он ходил с кипой книг и разбрасывал их по дорогам и на постоялых дворах. И это не было минутным заблуждением, а это было поступком революционера и агитатора.

Его приговорили к смертной казни, но казнь заменили ссылкой в Сибирь.

И это был великий гражданин, и о нем надо вспоминать с чувством радости и уважения.

И такие люди нередко бывали среди пишущей братии. И об этом так приятно знать.

22. Теперь прослушайте рассказ о замечательном подвиге Федора Подтелкова.

Он происходил из бедной казачьей семьи. И был сыном трудового народа.

А в германскую войну он был солдатом гвардейского полка. А после его произвели в подпрапорщики за храбрость и прекрасное знание военной службы.

Но это свое прекрасное военное знание он с честью использовал для революции.

В апреле 1918 года он уже был командующим Донской советской армией.

И вот, желая увеличить эту свою революционную армию, он организовал специальную экспедицию для мобилизации и вербовки казаков северных округов. И с этой целью во главе небольшого отряда он двинулся по казачьим станицам.

Но в одном районе части белогвардейского казачества задержали экспедицию Подтелкова. Они сочувствовали атаману Каледину, который тогда занял Ростов, и поэтому они окружили отряд и обманным образом его разоружили. И приговорили весь отряд к расстрелу. А Подтелкова и его помощника Кривошлыкова, желая унизить, приговорили к повешению.

23. И вот 11 мая 1918 года в станице Краснокутской было закончено это ужасное дело.

Семьдесят шесть человек они расстреляли. А двоих повели вешать.

А когда их вешали, они держали себя удивительно хладнокровно и с большим мужеством.

Но Подтелков всех поразил своим удивительным поведением.

Громадная толпа казаков стояла около виселицы.

И Подтелков, держа в руке петлю, обратился к ним с речью.

Сначала он сказал: «Минуточку внимания».

От этих неожиданных слов толпа буквально замерла. И тогда Подтелков, отстранив рукой растерявшегося палача, сказал:

«Трудовой народ! Я призываю вас не верить в обманные слова, которые говорят вам офицерство и дворянство во главе с атаманом Калединым. Помещики снова хотят пить кровь трудового народа. Неужели вы не видите? Это есть ваше ослепление. И я призываю вас идти на борьбу за рабоче-крестьянское трудовое дело».

24. Толпа заволновалась.

Начальник караула подъесаул Сенин, закричав: «Не надо слов», вытащил наган и бросился к Подтелкову.

Но тут палач снова приступил к своим обязанностям, и через несколько минут все было кончено.

Так погиб донской казак Усть-Хоперской станицы, Медведицкого округа, сын трудового народа Федор Подтелков.

И в этом было мужество, воля и долг революционера. Тот долг, который выше личных чувств и страха смерти.

И имя Федора Подтелкова надо всем знать не менее, чем прославленные имена других революционных героев.

Кстати, в приказе о расстреле всего отряда перечислены семьдесят шесть человек. А внизу, перед самой подписью какого-то контрреволюционера Попова, указано: «А трое не заявили о своей личности».

Жаль, что мы не знаем имена этих трех революционеров, у которых хватило мужества и презрения не заявить о своей личности.

25. Вот еще героический рассказ о французском революционере Луи Бланки (1805—1881).

Это был такой неустрашимый человек, что читать о нем просто поразительно.

Его два раза приговаривали к смертной казни. Три раза

он был ранен в уличных схватках с полицией. Дважды его изгоняли из его любезного отечества. И много раз его бросали в тюрьму и ссылки под надзор полиции.

Это был тот самый Бланки, у которого тридцать восемь лет жизни ушло на тюрьмы и ссылки.

Можно представить, какой был натиск на этого революционера.

Но это не меняло его настроения. И он буквально в тот же день по выходе из тюрьмы снова всякий раз с неукротимой энергией принимался за свою революционную работу.

Его программа выражалась в таких его словах: раньше народ угнетали знать и духовенство. А сейчас народ угнетают знать, духовенство и финансовая аристократия. И с этим надо покончить.

И вот в течение пятидесяти лет он был просто гроза для своего правительства.

26. Это был тот самый Бланки, о котором Тьер сказал свою историческую фразу. Дело в том, что 18 марта 1871 года в Париже была провозглашена Коммуна. И Бланки за несколько дней до восстания был арестован и брошен в тюрьму.

Тогда парижские коммунисты вошли в переговоры с Версальским правительством. Они предложили правительству обменять Бланки на одно довольно важное духовное лицо. Дело в том, что они захватили парижского архиепископа. И вот теперь они хотели поменять одного на другого.

И, значит, послали Версальскому правительству извещение, что они эту духовную особу — крайне нужного правительству архиепископа — могут отдать в обмен на Бланки.

Член Версальского правительства кровавый Тьер, несмотря на пламенные просьбы духовенства, отказался произвести эту мену. И он сказал такую историческую фразу:

«Вернуть им Бланки — это то же самое, что послать им в помощь целый армейский корпус».

И это было правильно сказано.

Так вот, после разгрома коммуны Бланки просидел семь лет в тюрьме в Новой Каледонии.

Но за три года до смерти его выпустили.

27. И вот из тюрьмы вышел седой, почтенный семидесятитрехлетний старик — ученый и революционер.

Казалось бы, что после такой бурной и тяжелой жизни он вполне заслужил отдых и спокойствие. Но это было не для него. Теперь у него была огромная популярность и большое имя, которое он и не мог не использовать для революции. И тотчас по выходе из тюрьмы он стал разъезжать по всем промышленным центрам. И своими пламенными речами, и своим присутствием он вселял уверенность в счастливый и победный конец революционной борьбы. И это, как и вся его жизнь, нам кажется не менее удивительным, чем то, что мы говорили о других. И в этом было не менее мужества и героизма. Он умер в 1881 году и до последнего момента не прекращал работы.

И память о нем будет всегда жива.

28. Конечно, этот рассказ и то, что прежде мы вам рассказали,— это капля в море подобных дел. И эти наши рассказы о героических делах и событиях — только маленький штришок в общем ходе жизни. А чтобы полностью об этом сказать, надо написать по крайней мере двенадцать томов сочинений. Поскольку революция постоянно выдвигала таких сильных людей и настолько могучие характеры, что только поражаешься и думаешь: значит, эти правы.

И никакое другое дело, кроме этого, не знает ничего подобного. Все доблестные поступки спорта, искусства и науки, все доблестные военные подвиги,— все это отчасти меркнет в сравнении с этим. Вот что значит сознание справедливости своих мыслей и высокая цель.

И тут можно было бы во множестве привести различные примеры.

И частично мы это сделаем.

Мы предлагаем вашему вниманию отдел, который по традиции нашей книги следует у нас за историческими новеллами.

Этот отдел у нас носит название «Смесь». И вот он перед вами.

Он вам добавочно и красочно расскажет о том, как с этим было в прошлом.

29. • Николай I на допросе сказал декабристу Н. Бестужеву: «Я могу простить вас, если поверю, что в вас буду иметь верного слугу». Бестужев ответил: «Я бы желал, чтоб жребий ваших подданных, государь, зависел бы от закона, а не от вашей угодности».

• Степан Разин необычайно мужественно вел себя во время пытки. Палач, приложив к его груди раскаленное

железо и улыбаясь, спросил: «А теперь больно?» — Разин сказал: «Ничуть не больно, будто баба иглой кольнула».

• Рабочий (ткач) революционер Петр Алексеев (1849—1891), приговоренный к десяти годам каторги, произнес на суде свою знаменитую речь. Тщетно председатель суда старался остановить его. Алексеев закончил свою речь такими словами: «Скоро поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и тогда ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах...»

• 15 ноября 1905 года морской офицер лейтенант Шмидт на восставшем крейсере «Очаков» поднял сигнал: «Командую Черноморским флотом».

30. • Ипполит Мышкин, обвинявшийся в процессе 193-х, сказал в своей речи: «Здесь сенаторы из подлости и холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью».

• Во время еврейского погрома в Одессе (1905 год) шесть студентов кавказского землячества (социал-демократической партии), вооруженные револьверами, обороняли целый квартал и сдерживали натиск озверелой черносотенской толпы.

• Думская фракция большевиков (1914 год) выступила против войны и против военных кредитов.

В тот патриотический момент «всеобщего энтузиазма» этот поступок мог рассматриваться только как государственная измена. За большевистскую работу фракция (Самойлов, Бадаев, Петровский, Шагов, Муранов) была сослана в Сибирь.

• Бадаев, высланный в Туруханский край, организовал там пораженческую группу и вел энергичную агитацию против войны. За это вторично был отдан под суд.

31. • Члену Первого рабочего комитета А. Сонкину (Киев, 1898 год) было поручено срочно разбросать прокламации на машиностроительном заводе. Однако весь завод был оцеплен полицией. Тогда Сонкин, достав пачку реклам мануфактурного магазина, явился к заводу и на глазах полиции стал раздавать прокламации рабочим, а рекламы-листовки — полицейским.

• Учительница французского языка (в Москве), французская коммунистка Жанна Лабурб, вызвалась повести агитацию среди французских солдат и матросов, занявших Одессу в 1919 году. Была расстреляна офицерами.

• Царский генерал А. П. Николаев принимал деятель-

ное участие в организации Красной Армии. Был захвачен в плен и после избиения приговорен белыми к повешению. На площади (в Ямбурге) у виселицы он после прочтения приговора гордо сказал: «Вы отнимаете у меня жизнь, но вы не отнимете у меня веру в грядущее счастье людей».

● Официант «Гранд-отеля», член партии большевиков А. С. Раков в гражданскую войну был военным комиссаром бригады. Находясь в штабе, он был окружен белыми и, не желая сдаться, один забаррикадировался в избе и в течение нескольких часов отстреливался из пулемета. Истратив все ленты, он застрелился.

Его голова была оценена финскими белогвардейцами в тридцать тысяч марок золотом.

32. ● Я. М. Свердлов за свою короткую жизнь (тридцать четыре года) был шесть раз арестован, два года сидел в крепости, был сослан в Нарымский край (откуда бежал) и, наконец, был выслан в Туруханский край. Он целиком отдал свою жизнь пролетарской революции.

● В 1919 году в здании Московского комитета во время заседания партийных работников была брошена анархистами бомба. Присутствовавший на заседании член партии большевиков Денис Загорский, не растерявшись, схватил в руки шипящую бомбу и пытался выбросить ее в окно. Был разорван на части.

● Дора Любарская за подпольную работу в Одессе была казнена белыми в начале 1920 года. Оставила такое письмо: «Славные товарищи, я умираю честно, как честно прожила свою жизнь. Через восемь дней мне будет двадцать два года, а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что я погибну, жаль, что мало мною сделано для революции. Целую мою старенькую маму-товарища. Прощайте, будьте счастливы».

● Баварский коммунист Левинэ обвинялся в организации Коммуны. В своей речи прокурор назвал Левинэ «жалким трусом», якобы бросившим в опасный момент поднятые им массы. На это ложное обвинение Левинэ ответил: «Я приглашаю вас на мой расстрел, и вы посмотрите, как мужественно умеют умирать революционеры».

И как, не правда ли, удивительно читать эти маленькие заметки о больших и замечательных людях.

Они отдали свою жизнь, для того чтобы перестроить старый мир крови, слез и огорчений.

33. На любом поприще жизни история знает удивительные героические поступки, которые тоже могут вызвать радость и почтение.

И несколько новелл о таких удивительных делах мы и предложим вашему вниманию.

И вы, надеюсь, оцените эти поступки и поймете, что это тоже исключительно хорошо. И тоже достойно уважения. И тоже играет роль в создании новой жизни и новых людей.

Вот, например, исторический рассказ о знаменитом греческом философе Диогене.

Их, правда, было несколько Диогенов. Но наш был самый значительный, проживавший одно время в бочке.

Он был из города Синопа. И он там им сказал: «Надо жить так, чтобы от жизни не зависеть». Он был большой оригинал.

Но только в бочке ему долго не пришлось прожить. Его кто-то, я уж не знаю, продал в рабство. Там у них в Греции это было довольно часто — подобные вещи.

В общем, он вскоре выкупился из рабства, и в тот год, о котором идет речь, он жил себе помаленьку у знакомых в Коринфе.

И вскоре до того он там прославился своим умом, что все сбегались посмотреть на него.

34. И вот об его чудном уме дошел слух до мирового властителя, Александра Македонского.

А это был человек тоже в высшей степени замечательный. Это был гениальный человек, смелый, молодой, энергичный.

И он непременно захотел поговорить с этим философом.

Он хотел его обласкать. И что-нибудь сделать ему хорошее.

И с этой целью однажды со всей свитой этот славный вождь приехал в Коринф и заглянул к философу.

Можно представить себе картину.

Блестящая кавалькада подъехала к дому. Молодой адъютант, сверкая шлемом, обращается к собравшейся толпе:

— Послушайте, господа, не тут ли живет этот... как его... Диоген, что ли... Который... что ли... думает...

В толпе, ухмыляясь, говорят:

— Тут. Эвон, на завалинке сидит. Загорает на солнце. Чудак, действительно.

35. Александр Македонский, соскочив с лошади, подходит к философу и начинает с ним тихо беседовать. Потом он ему говорит:

— Твой ум, папаша, меня восхищает... Я хочу тебе сделать все, что ты у меня попросишь.

Диоген, усмехаясь, говорит:

— Да мне ничего не надо. Что мне тебя просить?

— Проси решительно об чем хочешь.

Адъютант Александра Македонского шепчет философу:

— Проси, дурак, загородную дачку. Скажи — у меня мамаша слепая. Или проси колесницу с лошадью. Ой, какая раззява... Скажи — дайте колесницу. Скажи — у меня мамаша пешком ходить не может. Да говори ты, олух царя небесного!

Диоген говорит Александру Македонскому:

— Да вот разве что я тебя, голубчик, попрошу — отойди немного в сторонку, а то ты мне загородил солнце.

Конечно, будь на месте Александра какой-нибудь дурак, хам или тупица, тот непременно бы стал кричать, вопить, оскорбляться и, чего доброго, сунул бы нашего славного философа в тюрьму.

Но Александр Македонский был великий человек. Он засмеялся и сказал: «Знаете, господа, я бы хотел быть Диогеном, если б не был Александром Македонским».

И на этом они оба весело рассмеялись и разошлись. И это дало им обоим здоровую зарядку. Вот это молодцы. Прелестные люди. Мы никогда не перестанем на них любоваться. Побольше бы таких! И тогда бы жизнь выиграла во многих отношениях. Поскольку ум и великолепное поведение одинаково полезны в жизни, как героизм и мужество.

36. Из древней жизни вот еще зачитайте небольшую и всем известную побасенку о весьма мужественном поступке.

Этот случай, можно сказать, классический, так что вполне полезно его напомнить читателю.

Это уже насчет римлян. Там среди них тоже бывали хорошие характеры.

Там вот что однажды произошло. Этрусский царь Порсена обложил Рим своими, что ли, этрусскими войсками. Он его осадил. И хотел завоевать. При помощи этих самых этрусков.

Но среди римлян нашелся один горячий патриот, который вызвался убить этого этрусского царя. Это был римский гражданин из плебейского рода — Кай Муций.

И вот он ночью пробрался в лагерь к этим этрускам и по

несчастной случайности вместо царя убил его писца, который находился в той же палатке. Наверно, это был видный мужчина — этот писец. А царь, наверно, имел какую-нибудь дурацкую невзрачную внешность. Какой-нибудь этакий худосочный, с кривым носом, этрусский тип. Так что, наверно, ошибиться было в высшей степени легко. И Муций, думая, что это писец, убил другого. Очень, конечно, жалко, но ничего не поделаешь — ошибка.

37. В общем, Муция схватили, и этот неказистый царь, похожий на писца, стал его допрашивать и грозить пытками и казнью.

Муций сказал:

— Я твоих пыток не боюсь. Вот смотри мое мужество.

И с этими словами он протянул свою руку над жертвенником и стал ее жечь.

А в древности некоторые римляне из религиозных побуждений зажигали у себя особые жертвенники. Такая чашка на трех ножках. И там у них что-то горит. Запах, наверное, отчаянный. Копоть. И все время надо что-то подкладывать. Пламя, наверное, маленькое, но все-таки класть туда руки не рекомендуется.

А наш славный римлянин, несмотря на это, протянул свою правую руку и стал ее жечь. И держал ее до тех пор, пока кисть руки не обуглилась. И при этом он не пикнул, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Царь, наверно, сначала смеялся, потом стал серьезный и сказал: «Довольно».

38. А потом совсем его отпустил в Рим. И вскоре снял осаду. Поскольку видит, что там римская публика способна проявить чудеса храбрости. И лучше с такими не связываться.

Конечно, может закрасться сомнение — верно ли, он настолько сжег свою руку. Может, он едва сунул руку в огонь и тотчас с криком ее отдернул. И запрыгал от боли. А царь, может, от этих прыжков рассмеялся и отпустил его. И, может, у него всего один пузырь вскочил. А уж история, может, взяла и раздула кадило и нарисовала красоту человеческой души. Но, оказывается, нет. Все, знаете, именно так и было.

И даже нашего героя прозвали Муций Сцевола. То есть левша. Поскольку у него правая рука после пожара совсем не действовала. И это есть отчасти верное доказательство.

Но, конечно, могли бы ему более хорошее прозвище дать. Поступок все-таки незаурядный. Тем более там у них

в Риме даже, кажется, «скорой помощи» не было, так что это особенно усиливает мужество этого римского бойца. В общем, и этим поступком мы вполне любуемся. Он указывает на силу и присутствие духа, что в жизни тоже немаловажно.

39. Теперь мы расскажем вам удивительную историю, которая закончилась весьма радостно и приятно.

И в этой истории, наряду с большим мужеством и силой духа, вы увидите исключительную любовь товарища, и дружескую поддержку, и громадный риск, и все, что с этим. А это тоже что-нибудь да стоит.

И эта история во многих отношениях является удивительным событием. И она так интересна, что читается одним духом.

Мы собираемся вам рассказать о том, как анархист Кропоткин бежал из Петропавловской крепости. Ему помог бежать его друг — доктор Веймар. И храбрый поступок этого врача мы вполне причисляем к удивительным историям.

А Кропоткин был арестован царским правительством и год сидел в ужасном каземате Петропавловской тюрьмы.

Ему грозила каторга и ссылка на вечное поселение.

И тогда его друзья во главе с этим доктором решили спасти его.

И вот однажды, вместе с передачей, Кропоткин получает карманные часы. Это его удивило. Он стал рассматривать часы, и, к его удивлению, он нашел в механизме часов записочку на тончайшей бумаге. И в этой записочке излагался план бегства.

40. План был такой. В ближайшие дни во время двадцатиминутной тюремной прогулки за стеной крепости Кропоткин услышит игру на скрипке. И это будет знак, по которому он должен добежать до ворот крепости. А у ворот будет ждать лихач, который и отвезет его в назначенное место.

Так что все дело было — добежать до ворот. Но это было крайне нелегко. До ворот было шагов триста. А на прогулке за Кропоткиным по пятам следовал солдат с ружьем. А у ворот стоял часовой.

И вот однажды в июльский день по данному сигналу Кропоткин бросился к воротам.

Причем это было так неожиданно, что конвойный

солдат в первую минуту растерялся. И благодаря этому Кропоткин выиграл несколько шагов.

С криком: «Держи!» — конвойный побежал за арестантом и несколько раз пытался ударить его штыком, бросая вперед руку с ружьем, но безуспешно. Причем не стрелял, вероятно уверенный, что арестанта поймают у ворот.

41. Но у ворот специальный человек (приятель Веймара) отвлек внимание часового. Он ему что-то рассказывал, и часовой слушал развесив уши.

Тогда Кропоткин, сбросив для легкости арестантский халат, побежал быстрей. Конвойный приготовился стрелять, но, к счастью, в ворота въехали крестьянские подводы с фуражом, и Кропоткин успел за ними скрыться.

И вот еще несколько усилий — и Кропоткин в воротах. И за воротами он видит лихача.

Но тут он с ужасом замечает, что в пролетке лихача сидит какой-то блестящий гвардейский офицер.

Была секунда, когда Кропоткин замер. И не знал, что ему делать.

Но офицер закричал:

— Скорей же, черт побери, прыгай!

Кропоткин одним духом прыгнул в экипаж. Офицер протянул ему складной цилиндр и плащ и сам, вскочив с сиденья и потрясая револьвером, закричал кучеру страшным голосом:

— Гони!.. Убью!..

И великолепный призовой рысак рванул что есть мочи.

42. Сзади раздались крики: «Держи!» И прогремело несколько выстрелов. Но было поздно.

Рысак уже был далеко. И гвардейский офицер (а это был переодетый друг Кропоткина — отважный доктор Веймар) спокойно откинулся на спинку сиденья. И теперь в экипаже ехали роскошные господа — офицер и барин в цилиндре и в крылатке. И проходящие жандармы отдавали честь, хотя где-то вдалеке продолжали кричать: «Держи!»

Беглецы выехали на Каменноостровский и вскоре были на квартире у своих друзей.

Однако тут находиться было небезопасно. И Кропоткин уехал за город. А через два дня был уже в Финляндии. И оттуда перебрался в Швецию.

Родных Кропоткина продержали два месяца в тюрьме,

но, видя, что они ни при чем, отпустили. И это так радостно, что из семьи Кропоткина никто не пострадал.

И храбрый доктор Веймар тоже не пострадал. О нем, собственно, никто даже и не знал. И только потом все это выяснилось.

Вот какие бывают врачи и доктора. И это весьма приятно знать. И даже у таких врачей хочется лечиться.

43. В общем, поступки, подобные рассказанным в этих трех новеллах, нас тоже трогают своим величием и мужеством.

А что касается до работников науки и искусства, то многие из них в этом смысле были на должной высоте. И некоторые их поступки тоже нас поражают своим величием.

И тут мы для примера и доказательства приводим несколько заметок о доблестных и славных делах деятелей этого рода.

● Итальянский ученый Лаццiаро Спалланциани (умер в 1799 году), изучая жизненные процессы человеческого организма, произвел множество опытов над самим собой. Он вводил в кровь различные микробы и для наблюдения над пищеварением проглатывал малосъедобные и вовсе несъедобные вещества. Умирая, он сказал: «У меня плохое сердце, и я прошу — тотчас после моей смерти исследуйте его получше, быть может, это даст новый факт для изучения сердечных болезней».

● Микеланджело всю колоссальную мощь и страстность своей личности отдал живописи, в ущерб всей своей жизни. Работая в Ватикане над своими гениальными фресками, он нередко дни и ночи проводил на лесах, лежа в неудобной позе под самым потолком. Ночью он работал, прикрепив свечку к обручу, надетому на голову. Воск нередко залеплял ему глаза. Благодаря этому он в дальнейшем потерял зрение. И его, слепого старика, водили в музеи, где он с наслаждением ощупывал руками скульптурные работы.

● Бетховен отказался от любви, предложенной одной из его поклонниц. Он сказал своим друзьям: «Если б я таким образом захотел тратить свои силы, что бы осталось для лучшего, для благородного».

Он писал тогда свою знаменитую Шестую симфонию.

44. Однако, помимо всего перечисленного, бывает еще один сорт героизма и мужества. И это тоже нас может удивлять

своей силой. Но полного восхищения это у нас не вызывает.

Мы говорим о храбрых поступках, которые, так сказать, лишены большой цели и значения.

Ну, например, был такой знаменитый протопоп и писатель Аввакум. И он проявил исключительное мужество. Его пытали, кидали в тюрьмы и в ссылки. Подкупали. Упрашивали, наконец, отказаться от его идеи. Но он так и не сдался. И настаивал на своем. Пока его не убили.

А вся его идея заключалась, извините, в том, что он был против того, чтобы публика крестилась тремя перстами. Он говорил, что верующих это должно смущать. Что это им может напоминать кукиш в его первоначальной форме. И настаивал на двух пальцах. И так с этой славной идеей и помер. Его сожгли. И он даже с костра кричал: «Еретики, мерзавцы!»

Согласитесь сами, что подобный храбрый поступок может удивлять, но восхищения он не вызовет, поскольку идейка все-таки слабовата. Хотя как сказать — если поглядеть историю, то нередко именно через такие дела многие и заканчивали свою бурную жизнь. И много буйных голов слетело к черту за небольшое, в сущности, дело — двумя или тремя перстами креститься.

45. Или второй случай. Фельдмаршал Миних.

Его, как известно, при Елизавете Петровне в 1742 году судили. Он, собственно, засыпался по общественному делу. Он у прежней царицы состоял в фельдмаршалах. И та относилась к нему благосклонно. А эта новая прямо как с цепи сорвалась.

И только свергли с престола эту добродушную молоденькую дуру Анну Леопольдовну со своим детенышем, как Елизавета Петровна сразу вдруг велела отдать под суд нашего почтенного фельдмаршала.

И вдобавок председателем суда назначили одного из его подчиненных — Трубецкого.

Трубецкой на суде говорит:

— Подсудимый Миних, признаете ли вы себя виновным?

Миних говорит:

— Я в одном только виноват, господин судья.

— В чем же именно?

— Именно в том,— сказал Миних,— что я тебя, собаку, не повесил, когда ты у меня в прошлом годе попался в плутовстве, будучи кригс-комиссаром.

46. От этого смелого ответа многие в суде фыркнули. А председатель побледнел и без сожаления приговорил Миниха к смертной казни.

Но Елизавета Петровна, отличаясь слабостью нервов, не захотела казни и велела сослать на вечное поселение.

И в этом ответе Миниха было, конечно, много храбрости и мужества. Другие бы стали ныть и подхалимничать. А этот сделал такой гордый ответ. Но тут, конечно, были личные счеты — сильная ненависть и желание обидеть.

И потому подобный поступок при всей его храбрости нас только может удивлять, но к человеку мы останемся холодны и равнодушны. Нам, как бы сказать, даже наплевать на него.

Вот что значит цель и устремление.

В общем, из двух последних новелл можно вывести заключение, что в любом поступке немаловажную роль играет цель и назначение.

И там, где цель ничтожна, там даже храбрейший поступок может вызвать нашу насмешку. А где цель высока, там героизм, как мы видели, достигает своего величия.

47. А правильная и великая цель совместно с героической борьбой и удивительным мужеством создала, например, социальную революцию.

И на этой революции завершилось прошлое, и наступило настоящее. И о прошлом, перелистывая историю, мы вам говорили. А что касается настоящего, то оно перед вашими глазами. И все вы видите, что это такое. Это то, что жизнь из рук владельцев заводов, банков и магазинов и из рук помещиков окончательно перешла в руки тех, кто работает. И это есть одно из самых удивительных событий и перемен, известных за все время.

И наблюдатели этих перемен должны учитывать, что настоящий момент в сравнении с тем, что будет, еще не совсем показателен для наблюдений. А некоторые трудности наших дней еще ничего не говорят. А то, что сделано почти из ничего,— уже чрезвычайно много. А то, что будет вскоре,— будет в высшей степени хорошо, поскольку все будет делаться для себя,— а никто сам себе не враг. Трудящиеся сами разберутся что к чему.

Но то, что есть, не пришло само по себе. А было проявлено для этого высшее мужество и сила духа, и были испытаны большие страдания и огромные потери.

А из удивительных событий, происходивших в эти годы, помимо указанного, можно назвать такие.

48. Первое удивительное событие — это гражданская война, закончившаяся полным поражением барской России.

Как сказал наш славный советский поэт,

За это бились под Орлом,
Под Жмеринкой дрались,
За эту драку, черт возьми, кривую как коса,
Нас всех, оставшихся в живых, берут на небеса.
Но нам, ребята, не к лицу благословенный край...

И действительно, в эту войну многими было проявлено такое мужество и такой героизм, что мало что с этим может равняться! И имена этих героев у всех на устах. И некоторые из них погибли, а некоторые живы, и их можно видеть. И имена тех и других будут записаны на мраморную доску золотыми буквами.

А второе удивительное событие было такое, что частные торговцы и купцы с их привычкой ежедневно торговать потерпели окончательное поражение и сошли со страниц новейшей истории со своими актуальными лозунгами: «Не обманешь — не продашь», «Кто прост, тому коровий хвост» и «Деньги не пахнут».

49. Что касается до третьего удивительного события, то оно — Большие Перемены.

Еще не так давно поэт писал такие стихотворные строчки, в которых ради сомнительной рифмы допущена поэтическая вольность:

Довольно гнить и ноять
И славить взлетом гнусь,—
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Однако эти строчки уже ничего не говорят. И смывшая деготь Русь из соломенной и деревянной стала железной. И нищая деревенская страна, перестроенная на новом, коллективном основании, создала новое прекрасное хозяйство и новый, еще не записанный быт. И это тоже абсолютно удивительное явление, которое само за себя говорит без всякой записи.

А четвертое удивительное событие уже видно всем. И мы не будем затруднять читателя объяснением как и чего и не будем затрагивать вопросов политической экономики.

Только скажем, что материальное улучшение, которое растет, все время будет возрастать.

И мы в этом уверены и на это вполне надеемся. И оно, наверно, так и будет.

И когда это целиком подтвердится, то это удивительное событие оценят все без исключения, и все запишут его в своем сердце.

50. А что касается пятого удивительного события, то оно — Большая Работа. И она с такой силой велась и так энергично, что это всех привело в изумление. И даже некоторые сказали: это чересчур опасно для ихнего здоровья.

И это действительно была такая громадная работа, небезопасная для здоровья, что представитель дворянского класса может просто не понять, что это такое.

Как в свое время поэт Некрасов сказал, обращаясь к своему светскому читателю:

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять,
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

И мы к этому стиху добавим, что мы, в свою очередь, должны научиться уважать друг друга и быть друг к другу внимательны и любезны. А то если работу нежно любить, а людей забывать, то получится не то, что требуется. Так что уважать людей и любить их надо со всей силой своего сознательного сердца.

И это на голубом мраморе надо записать черными буквами с пятью восклицательными знаками.

51. Может быть, конечно, мы позабыли сказать еще о каких-нибудь удивительных событиях — просьба отметить их в своей памяти.

А что касается удивительных и славных дел за границей, то это очень часто у них бывает. И там находятся такие исключительные герои и бывают такие великолепные поступки храбрости и мужества, что даже враги поражаются, и они этим напуганы, страшно сердятся, мстят и убивают.

И вы об этом по временам читаете. И имена этих героев у вас на устах. И эти прекрасные имена тоже будут высечены на мраморе золотыми буквами.

И вот на этом, друзья, мы позволим себе закончить описание удивительных исторических событий и краткий перечень удивительных событий нашего времени.

Так пожелаем же счастья и удачи новым людям и новой удивительной жизни, которая развертывается перед нашим взором.

52. Здравствуй, новая, молодая жизнь!

Вот теперь все принадлежит самим трудящимся, и поэтому мы надеемся, что все будет хорошо и что все рабские чувства и мысли, созданные мрачной историей — суетливая услужливость, лакейская угодливость и чрезмерная готовность,— уйдут и исчезнут и никогда не будут больше унижать человеческое достоинство.

Это было создано страхом и свирепой борьбой за существование и всем неприглядным ходом истории.

Так здравствуй же, новая, молодая жизнь,— не такая, как записана в истории.

И на этом приятном восклицании, в котором много радости и надежды, мы и заканчиваем наш отдел с пожеланием всего хорошего.

Попросим вас только зачитать небольшое послесловие к пятому отделу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, друзья, наш славный пятый отдел закончен.

Так что же мы видим, прочитавши все это — исторические новеллы и краткий конспект современных удивительных событий из наших дней.

А мы видим, что сквозь все невозможные невзгоды, сквозь мрак, холод и туман всегда пробиваются светлая мысль, бодрость, надежда и мужество.

Мы видим, как наряду с жалкими и низкими поступками происходят удивительные поступки, достойные наивысшего названия и одобрения.

Мы, наконец, видим, как меняется наша жизнь и как из одной она делается другой — такой, как это будет нужно и полезно для населения.

И мы теперь рады случаю поспорить с поэтом, который в свое время так сказал, не видя пятой части жизни:

Как часто плачем — вы и я
Над жалкой жизнию своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней.

Но мы холода и мрака грядущих дней не видим.

А мы видим и представляем себе иные и великолепные картины. И очень хорошо, что поэт ошибся.

И на этом, друзья, мы заканчиваем пятую и последнюю часть нашей Голубой книги.

Впрочем, для развития мыслей мы еще предложим вашему вниманию такое, что ли, специальное приложение. И в этом приложении вам будет рассказано кое-что забавное и смешное.

И этот наш добавочный отдел отчасти будет приложением к пятой части, а отчасти он будет завершать всю нашу книгу в ее близком конце.

И это будет, так сказать, мост, по которому вы плавно перейдете на житейский берег после долгих литературных путешествий.

В общем, мы предлагаем вам зачитать пять современных новелл по числу наших отделов и с их значением.

Так, например, первая новелла будет о деньгах в их удивительном значении. Вторая о любви тоже в удивительном преломлении. И так далее. Вплоть до конца.

Итак, начинаются наши развлекательные новеллы, написанные для развития мыслей и для того, чтоб посмеяться и получить бодрую зарядку.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПЯТОМУ ОТДЕЛУ

БЕДНАЯ ЛИЗА

Одна молодая особа, весьма недурненькая и развитая брюнетка, решила в этом году непременно разбогатеть.

То есть не то чтобы она хотела заполучить сказочное богатство, как это иной раз бывает в странах капитала среди миллионеров и спекулянтов.

Нет, она, конечно, этого не хотела. То есть, вообще-то говоря, она именно как раз этого и хотела. Но только она не понимала, как это теперь бывает. И потому она решила иметь то, что в пределах возможного.

Она хотела иметь какой-нибудь голубой фордик с постоянным, что ли, шофером. Стандартную дачку. Некоторый счет в Торгсине. И, конечно, какое-нибудь знатное положение мужа, чтоб ей бывать повсюду и всех видеть.

А муж у нее был обыкновенный инженер. То есть он был гидролог. Это у них там что-то насчет воды. А если это так, то он, конечно, никаких там особых колонн не проектировал, за что бы ему шли деньги и премии, как творцу новых идей и положений.

Короче говоря, он жил помаленьку на свои семьсот монет. И, будучи энтузиастом своего дела, был до некоторой степени вполне доволен.

Супругу же его не устраивала эта сумма. И, будучи женщиной праздной и пустенькой, со слабым мировоззрением, она мечтала о сказочной роскоши и так далее.

А ей кто-то сказал, что вообще как будто писатели живут довольно недурно. Что некоторые из них имеют пишущие машины, отдельные квартиры, дачи, а иной раз даже и автомобиль. И пусть она среди этой прослойки что-нибудь себе поищет.

Но Лиза не знала, где ей этого искать. И потому она не без поспешности сошлась с одним первым попавшимся автором.

Но, между нами говоря, этот инженер человеческих душ, как нарочно, оказался на редкость несостоятельным и ограниченным субъектом. И вдобавок он был любитель алкоголя. Благодаря чему через месяц он выразил желание, чтоб она непременно где-нибудь служила. Поскольку он сам на себя не надеялся, создавая слабые, маловысокохудожественные книги, не отражающие в полной мере величие эпохи.

В общем, он не оправдал ее надежд, и тогда она покинула этого своего выродка, потеряв при этом веру в литературу и в ее могущество.

В общем, она вернулась к своему супругу. Но, вернувшись, она не оставила своих пылких надежд и только ждала, чтоб что-нибудь у нее поскорей случилось.

И вот как раз тогда ее познакомили с одним иностранцем.

Ей представили его в ресторане. И сказали, что он интурист. И что он живет в отеле, но этим недоволен и мечтает найти комнату в частном доме месяца на два. Нет ли у нее такой?

И хотя у нее этого не было, но она тем не менее крайне обрадовалась и решила на два месяца переселить куда-нибудь свою преподобную мамашу, чтоб только ей не упустить избалованного иностранца, не могущего проживать в неуютных, шумных отелях среди звонков и приходящих девиц.

В общем, этому интуристу и изнеженному аристократу она устроила у себя в квартире комнату. И хотя супруг ее не допускал до этого, но она на своем настояла. И тот к ним переехал со своим ослепительным гардеробом, одеколоном, фотоаппаратом и так далее.

И вот Лиза, думая, что наступил главный момент в ее жизни, сошлась с этим иностранцем.

И тот ее исключительно полюбил. И сделал ей формальное предложение. На что она согласилась и даже сверх того — очень тому обрадовалась, прямо до того, что и описать нельзя.

И тогда она сразу бросила мужа. И стала с ним жить в мамашиной комнате.

И хотя ее иностранец по-русски почти не говорил, а она, наоборот, говорила только по-русски, тем не менее это отнюдь не послужило преградой для их взаимного международного счастья.

В общем, она была счастлива и мечтала о Париже, Лондоне, Средиземном море и так далее.

Но через месяц интурист, научившись более сносно выражать по-русски свои мысли, как-то раз особенно разговорился о том о сем на этом языке, и из разговора она отчасти выяснила, что тот вовсе не собирается уезжать в Европу. А напротив, он даже хочет тут обосноваться. И что по случаю затруднительных дел там у них за границей закрылось какое-то предприятие, и он по этому случаю остался как бы даже без работы. Вот почему он и прибыл в Союз, надеясь тут найти что-нибудь по своей специальности.

Она, побледнев, попросила его повторить эти грубые русские фразы о том о сем. И он снова сказал ей то же самое, добавив, что у него есть большие надежды здесь у нас устроиться, поскольку он специалист по шипучим водам и тут в Союзе это как раз, наверное, очень надо. И если он устроится, тогда через год они смело смогут съездить в Париж, если уж она так этого хочет.

Тогда она, вспыхнув, не без яду спросила, зачем же он при своем положении, будучи простым безработным, называется интуристом и при этом не оставляет своих изнеженных привычек и не живет в дешевом номере. А своим видом и поведением смущает окружающих, допуская их делать невесть какие выводы.

Тогда он заметил ей, что вот именно он как раз и переехал из отеля к ним ради, так сказать, экономии.

Тогда она заплакала, сказав, что если это так, то в ее слабой голове спутались все понятия об устройстве мира. И что об интуристах она была совершенно другого мнения. Она думала, что они все без исключения ездят ради прихоти и любопытства, а не ради того, зачем он прибыл. Не хватало, дескать, ей еще за безработных выходить. Ведь этого даже у нас нету. А тут вот она нашла такого. Так уж лучше она выйдет замуж за нашего конторщика и будет получать свои сто целковых, чем что-либо другое.

И она от обиды и унижения три дня плакала. И велела интуристу уехать в отель, поскольку мама жила на улице.

В общем, она рассталась с ним, поскольку тем более ее первый муж, как выяснилось, сделал какую-то крупнейшую экономию на службе и за это получил десять тысяч рублей премии, что и было объявлено в газетах.

Однако супруг, не зная еще, что она к нему вернется, отдал эти деньги на строительство. Он был большой энтузиаст и был отчасти равнодушен к деньгам. Вот он и отдал эту сумму государству.

А она, вернувшись и узнав об этом, до того расстроилась, что супруг боялся за целость ее рассудка. И тогда она, успокоившись, снова затаила в душе решение найти что-нибудь лучшее.

А ей кто-то сказал, что тот самый злосчастный писателишка, с которым она недавно жила и не была счастлива, неожиданно пошел в гору. Он бросил писать свои слабые вещицы и неожиданно вдруг написал пьеску, которая по силе, говорят, не уступала Борису Шекспиру или что-нибудь вроде этого. И что он теперь буквально великолепно зарабатывает.

Она, огорчившись, что не подождала этой хорошей полосы, снова хотела сойтись с этим драматургом. Но он, оказалось, уже имел две семьи и был сравнительно счастлив.

Тогда она, подойдя благодаря этому знакомству несколько ближе к театральным делам, нашла тут большие возможности. Вдобавок ее в театре познакомили с одним эстрадным комиком, который, говорят, зарабатывал очень, очень крупные деньги.

Она хотела было сразу сойтись с этим комиком, но в последний момент испугалась какого-нибудь надувательства или подвоха с его стороны, вроде как было у ней с интуристом, или что-нибудь вроде этого.

И тогда она не вышла за него замуж, а решила, если на то пошло, сама стать артисткой.

И она стала изучать характерные танцы, чтоб с ними как-нибудь выступать на эстраде и зарабатывать, как другие.

Но от хронических ее неприятностей с интуристом и с писателем у нее доктора нашли невроз сердца и нервную сыпь на теле. И поэтому она стала учиться петь.

И сейчас она поет. И уже начала порядочно зарабатывать в закрытых концертах и в домах отдыха.

А мужу она сказала, что теперь она с ним останется жить. Что раньше у нее были старые взгляды на деньги и супружеские отношения, но что сейчас, получая до тысячи рублей и больше за свое пение, она вполне перевоспиталась и даже довольна и идет не против самостоятельности женщин.

Но довольство ее продолжалось до тех пор, пока ей не рассказали об ее интуристе.

Ей сказали, что этот ее иностранец нашел здесь по своей редкой специальности очень хорошее место, получил прекрасное содержание, женился на одной девице и с ней

выехал к себе на родину для устройства своих дел и чтобы привезти сюда автомобиль.

Ей сказали, что она, наверное, плохо договорилась с ним по-русски, если упустила такой экземпляр.

Вот это известие она действительно перенесла с трудом. И у нее даже пропал голос.

Но через две недели она снова оправилась и сейчас опять поет как умеет. Но сыпь на коже у нее так и осталась.

Вот какие бывают барышни. И вот что с ними случается, когда они хотят получить деньги не так, как это у нас принято.

А что она после этого стала артисткой, то для нее это очень хорошо, а для публики это, наверно, весьма посредственно.

И, конечно, в таких случаях всегда лучше танцевать, чем петь. И молодые особы должны учитывать это горячее пожелание публики. А в общем, даже и зарабатывая деньги, надо стараться иметь иной характер и иное сердце, чем у вышеуказанной молодой особы!

В общем, этот рассказ есть до некоторой степени описание удивительного события, связанного с деньгами. И тут главное, удивительно, как праздная женщина прежней, так сказать, конструкции потерпела неожиданное поражение.

А второй удивительный момент рассказа — это как инженер отдал премию на строительство.

И это наш первый удивительный рассказ. А второй рассказ будет касаться удивительного события в любви.

И вот он перед вами.

РАССКАЗ О СТУДЕНТЕ И ВОДОЛАЗЕ

Вот интересно. Подрались два человека. Схватились два человека, и слабый человек, то есть совершенно ослабевший, золотушный парнишка, наклепал сильному.

Прямо даже верить неохота. То есть как это слабый парень может, товарищи, нарушить все основные физические и химические законы? Чего он сжулил? Или он перехитрил того?

Нет! Просто у него личность преобладала. Или я так скажу — мужество. И он через это забил своего врага.

А подрались, я говорю, два человека. Водолаз, товарищ Филиппов. Огромный такой мужчина, с буденновскими

усами. И другой парнишка, вузовец, студент. Такой довольно грамотный, полуинтеллигентный студентик.

Между прочим, однофамилец нашего знаменитого советского романиста Малашкина.

Водолаз Филиппов, я говорю, был очень даже здоровый тип. В водолазном деле слабых, конечно, не употребляют, но это был ужасно здоровый дьявол.

А студент был, конечно, мелковатый, непрочный субъект. И он красотой особой не отличался. Чего-то у него завсегда было на морде. Или золотуха. Я не знаю.

Вот они и подрались.

А только надо сказать, промежду них не было классовой борьбы. И тоже не наблюдалось идеологического расхождения. Они оба-два были совершенно пролетарского происхождения. У них драка возникла на любовной подкладке. Они просто, скажем грубо, не поделили между собой бабу! На этом году революции они не поделили бабу! Это ж прямо анекдот.

Такая была Шурочка. Так, ничего себе. Ротик, носик — это все есть. Но особенно такого сверхъестественного в ней не наблюдалось.

А водолаз, товарищ Филиппов, был в нее сильно и чересчур влюбившись.

А она с ним немножко погуляла и перекинулась на сторону полуинтеллигенции. Она на Малашкина кинулась. Может, он ей разговорчивей показался. Или у него руки были чище. Я не знаю. И у нее с ним возникла пылкая любовь.

А тот, знаете, и сам не рад своему счастью. Потому, глядит, очень ужасный у него противник. Однако виду не показывает. Ходит довольно открыто и водит свою мадам в разные места. И водит храбро, под ручку. Так через двор и ведет, в то время как водолаз на них смотрит. Но студент виду не показывает, что робеет, и знамя своей любви высоко держит.

А водолаз, конечно, его задевает. Прямо не дает ему дыхнуть.

Называет его разными хамскими именами и при случае в грудь пихает. Пихнет и говорит:

— А ну, выходи на серенаду! Сейчас я тебе, паразит, башку отвинчу.

Ну, конечное дело, студент терпит. Отходит.

А раз однажды стоят ребята во дворе дома. Тут все правление. Члены. Контрольная комиссия. Водолаз тоже сбоку стоит. И вдруг идет по двору Костя Малашкин со

своей Шурочкой. И так как-то мило идут. Любовно. А водолаз нарочно громко говорит контрольной комиссии:

— На морде, говорит, проказа, а между прочим, любовь крутит и барышень до самых дверей провожает.

Тогда студент провожает свою даму и возвращается назад.

Он возвращается назад, подходит до компании и ударяет товарища водолаза по морде. Водолаз, конечно, удивляется такому нахальству и хлоп, в свою очередь, студента. Студент брык наземь. Водолаз к нему подбегает и хлоп его обратно по брюху и по разным важным местам.

Тут, конечно, контрольная комиссия оттеснила водолаза от студента. Поставили того на ноги. Натерли его слабую грудку снегом и отвели домой.

Тот ничего, отдышался и вечером вышел подышать свежей прохладой.

Он вышел подышать прохладой и на обратном ходу встречает водолаза. И тогда он снова быстрым темпом подходит до водолаза и обратно бьет его в харю.

Только на этот раз не было контрольной комиссии, и водолаз, товарищ Филиппов, порядочно отутюжил нашего студента. Так что пришлось его на шинельке домой относить.

Только проходит, может, полторы недели. Студент совершенно поправляется, встает на ножки и идет на домовое собрание.

Он идет на домовое собрание и там обратно встречает водолаза.

Водолаз хочет его не увидеть, а тот подходит до него вплотную и снова ударяет его по зубам.

Тут снова происходит безобразная сцена. Студента кидают, вращают по полу и бьют по всем местам. И снова уносят на шинельке.

Только на этот раз дело оказалось серьезней. У студента буквально, как говорится, стали отниматься передние и задние ноги.

А дело было к весне. Запевали птички, и настурции цвели. И наш голубчик студент после этой битвы ежедневно сидел у раскрытого окна — отдыхал. И водолаз завсегда отворачивался и проходил мимо. А когда к водолазу подходил народ, даже хотя бы с контрольной комиссии, он ужасно сильно вздрагивал и башку назад откидывал, будто его бить собирались.

Через недели две студент еще три раза бил водолаза и два раза получил сдачи, хотя не так чувствительно.

А в третий и в последний раз водолаз сдачи не дал. Он только потер побитую морду и говорит:

— Я, говорит, перед вами сдаюсь. Я, говорит, через вас, товарищ Костя Малашкин, совершенно извелся и форменно до ручки дошел.

Тут они полюбовались друг другом и разошлись.

Студент вскоре расстался со своей Шурочкой. А водолаз уехал на Черное море нырять за «Черным принцем».

На этом дело и кончилось.

Так что сила — силой, а против силы имеется еще одно явление.

И этот рассказ есть удивительнейшее событие из любовной жизни.

А что касается коварства, то нам вспоминается такое забавное происшествие. И оно отчасти тоже удивительное.

ПРОИСШЕСТВИЕ

Конечно, об чем может быть речь — дети нам крайне необходимы.

Государство без них не может так гладко существовать. Они нам — наша смена. Мы на них надеемся и расчеты на них строим.

Тем более взрослые не так легко могут расстаться со своими мещанскими привычками. А детишки, может быть, подрастут и определенно выровняют нашу некультурность.

Так что в этом отношении детей мы прямо на руках должны носить, и пыль с них сдувать, и носики им сморкать. Невзирая на то — это наш ребенок или ребенок чужой и нам посторонний.

А только этого как раз мало наблюдается в нашей жизни со стороны обывателей.

Нам вспоминается одно довольно оригинальное событие, которое развернулось на наших глазах в поезде, не доезжая Новороссийска.

Которые были в этом вагоне, те почти все в Новороссийск ехали.

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других такая вообще бабешечка. Такая молодая женщина с ребенком.

У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет.

Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе.

Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Все как полагается: на руках

у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ней малютка на руках очень такой звонкий. И орет, и орет, все равно как оглашенный. Он, видать, хворает. Его, как оказалось, в пути желудочная болезнь настигла. Или он покушал сырых продуктов, или чего-нибудь выпил, только его в пути схватило. Вот он и орет.

Одним словом — малютка. Он не понимает, что к чему и зачем у него желудочек страдает. Ему сколько лет? Ему, может быть, три года или там два. Не наблюдая детей в частной жизни, затруднительно определить, сколько этому предмету лет. Только он, видать, октябренок. У него такой красный нагрудник повязан.

И вот едет эта малютка со своей мамашей в Новороссийск. Они едут, конечно, в Новороссийск, и, как назло, в пути с ним случается болезнь.

И по случаю болезни он каждую минуту вякает, хворает и требует до себя внимания. И, конечно, не дает своей мамаше ни отдыху ни сроку. Она с рук его два дня не спущает. И спать не может. И чаю не может попить.

И тогда перед станцией Лихны она, конечно, обращается до пассажиров:

— Я, говорит, очень извиняюсь,— поглядите за моим крошкой. Я побегу на станцию Лихны, хотя бы супу скушаю. У меня, говорит, язык в глотке прилипает. Я, говорит, ну, прямо не предвижу конца. Я, говорит, в Новороссийск еду до своего мужа.

Пассажиры, конечное дело, стараются не глядеть, откуда это говорится, отворачиваются, дескать, еще чего: то орет и вякает, а то еще и возись с ним! Еще, думают, подкинет. Смотря какая мамаша. Другая мамаша очень свободно на это решится.

И хотя в дальнейшем этого не случилось и любящая мать осталась при своем ребенке, однако пассажиры не знали всей этой дальнейшей ситуации и в силу этого отнеслись к просьбе сдержанно — одним словом, отказали.

И, значит, не берутся.

А едет в вагоне, между прочим, один такой гражданин. Он, видать, городской житель. В кепочке и в таком международном прорезиненном макинтоше. И, конечно, в сандалиях. Он так обращается до публики:

— То есть, говорит, мне тошно на вас глядеть. То есть, говорит, что вы за люди — я прямо дивуюсь! Нельзя, говорит, граждане, иметь такой слишком равнодушный подход.

Может, на наших глазах мать покушать затрудняется, ее малютка чересчур сковывает, а тут каждый от этих общественных дел морду отворачивает. Это, ну прямо ведет к отказу от социализма.

Другие говорят:

— Вот ты и погляди за крошкой! Какой нашелся бродяга — передовые речи в спальном вагоне произносить!

Он говорит:

— И хотя я есть человек холостой, и мне чертовски спать хочется, и вообще не мое дело в крайнем случае за это самое браться, но я не имею такого бесчувствия в детском вопросе.

И берет он малютку на руки, качает его и пальцем его забавляет.

Конечно, молодая женщина очень горячо его благодарит и на станцию Лихны сходит.

Уходит она на эту станцию в буфет и долго не является. Поезд стоит десять минут. Эти десять минут проходят, и уже дается сигнал. И дежурный машет красной шапкой. А ее нету...

И уже дергается состав, и поезд бежит по рельсам, а молодой матери нету.

Тут происходят разные сцены в вагоне. Которые открыто хохочут, которые хватают за тормоза и хотят состав остановить.

А сам, который в сандалиях, сидит побледневший, как сукин сын, и спать больше не может. И речей больше не хочет произносить.

Он держит малютку на своих коленях и разные советы слушает.

Ну, один, конечно, советует телеграмму за свои деньги дать, другие, напротив того, говорят:

— Довезите до Новороссийска и сдайте на станции в охрану. А если там малютку не примут, то усыновите в крайнем случае.

А малютка между тем вякает, хворает и с рук нипочем не уходит.

И вот проходят отчаянные два часа, и поезд, конечно, останавливается на большой станции. Который в сандалиях берет свою малютку за ножки и хочет пойти на платформу в транспортную охрану. Только вдруг молодая мамаша в вагон вкатывается. Она входит в вагон и так защищается:

— Я, говорит, извиняюсь! Я как горячего супу покушала, так меня сразу и разморило, и я нарочно зашла в тот соседний вагон и маленько там подзаснула. Я, говорит, два

дня не спавши. А если бы в этот вагон зашла, я навряд ли бы выспалась.

И берет она своего крошку и снова его нянчит.

Который в сандалиях говорит:

— Довольно неаккуратно поступаете, гражданка! Но раз вы поспали, то я вхожу в ваше положение. Дети нам — наша смена,— я не против за ними поглядеть.

Тут в вагоне происходит веселый смех, дающий здоровую зарядку.

Который в сандалиях говорит:

— Только, конечно, надо предупреждать. А то я за эти два часа много пережил. Вот это нехорошо с вашей стороны.

Тут снова в вагоне происходит веселый взрыв смеха.

И тогда который в сандалиях тоже начинает улыбаться, и вскоре он вполне прощает маленькое коварство, допущенное со стороны матери.

И тогда все кончается к общему благополучию.

И наш следующий рассказ есть удивительное событие в области неудач.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Презабавная история произошла со мной на транспорте этой осенью. Я ехал в Москву. Из Ростова. Вот подходит почтово-пассажирский поезд в 6.45 вечера.

Сажусь в этот поезд.

Народу не так чтобы безобразно много. Даже в крайнем случае сесть можно.

Прошу потесниться. Сажусь.

А дело, я говорю, к вечеру. Не то чтобы темно, но темновато. Вообще, сумерки. И огня еще не дают. Провода экономят.

Так вот, гляжу на окружающих пассажиров и вижу — компания подобралась довольно славная. Такие все, вижу, симпатичные, ненадутые люди. Прошу их запомнить.

Один такой без шапки, длинногривый субъект, но не поп. Такой вообще интеллигент в черной тужурке.

Рядом с ним — в русских сапогах и в форменной фуражке. Такой усатый. Только не инженер. Может быть, он сторож из зоологического сада или агроном. Только, видать, очень отзывчивой души человек. Он держит своими ручками перочинный ножик и этим ножиком нарезает антоновское яблоко на кусочки и кормит своего другого

соседа — безрукого. Такой с ним рядом, вижу, безрукий гражданин едет. Такой молодой пролетарский парень. Без обеих рук. Наверное, инвалид труда. Очень жалостно глядеть.

Но он с таким аппетитом кушает. И поскольку у него нету рук, тот ему нарезает на дольки и подает в рот на кончике ножа.

Такая, вижу, гуманная картинка. Сюжет, достойный Рембрандта.

А напротив них сидит немолодой, седоватый мужчина в черном картузе. И все он, этот мужчина, усмехается.

Может, до меня у них какой-нибудь забавный разговор был. Только, видать, этот пассажир все еще не может остыть и все хохочет по временам: «хе-е» и «хе-е».

А очень меня заинтриговал не этот седоватый, а тот, который безрукий.

И гляжу я на него с гражданской скорбью, и очень меня подмывает спросить, как это он так опростоволосился и на чем конечности потерял. Но спросить неловко.

Думаю, попривыкну к пассажирам, разговорюсь и после спрошу.

Стал посторонние вопросы задавать усатому субъекту, как более отзывчивому, но тот отвечает хмуро и с неохотой.

Только вдруг в разговор со мной ввязывается первый, интеллигентный мужчина, который с длинными волосами.

Чего-то он до меня обратился, и у нас с ним завязался разговор на разные легкие темы: куда едете, почем капуста и есть ли у вас жилищный кризис на сегодняшний день.

Он говорит:

— У нас жилищного кризиса не наблюдается. Тем более мы проживаем у себя в усадьбе, в поместье.

— И что же, говорю, вы там комнату имеете или собачью будку?

— Нет, говорит, зачем комнату. Берите выше. У меня девять комнат, не считая, безусловно, людских, сараев, уборных и так далее.

Я говорю:

— Может, врете? Что же, говорю, вас не выселили в революцию, или это есть совхоз?

— Нет, говорит, это есть мое родовое имение, особняк. Да вы, говорит, приезжайте ко мне. Я иногда вечера устраиваю. Кругом у меня фонтаны брызжут. Симфонические оркестры поминутно вальсы играют.

— Что же вы, говорю, я извиняюсь, арендатор будете, или вы есть частное лицо?

— Да, говорит, я частное лицо. Я, между прочим, помещик.

— То есть, говорю, как вас, позвольте, понимать? Вы есть бывший помещик? То есть, говорю, пролетарская революция смела же вашу категорию. Я, говорю, извиняюсь, чего-то не разобраться в этом деле. У нас, говорю, социальная революция, социализм, какие у нас могут быть помещики.

— А вот, говорит, могут. Вот, говорит, я помещик. Я, говорит, сумел сохраниться через всю вашу революцию, и, говорит, я плевал на всех — живу как бог. И нет мне дела до ваших, подумаешь, социальных революций.

Я гляжу на него с изумлением и прямо не понимаю что к чему.

Он говорит:

— Да вы приезжайте — увидите. Ну хотите — сейчас заедем ко мне. Очень, говорит, роскошную барскую жизнь встретите. Поедем. Увидите.

«Что, думаю, за черт. Поехать, что ли, поглядеть, как это он сохранился сквозь пролетарскую революцию? Или он брешет».

Тем более вижу — седоватый мужчина смеется. Все хохочет: «хе-е» и «хе-е».

Только я хотел сделать ему замечание за неуместный смех, а который усатый, который раньше нарезал яблоко, отложил перочинный нож на столик, дожрал остатки и говорит мне довольно громко:

— Да вы с ним перестаньте разговор поддерживать. Это психические. Не видите, что ли?

Тут я поглядел на всю честную компанию и вижу — батюшки мои! Да ведь это действительно ненормальные едут со сторожем. И который длинноволосый — ненормальный. И который все время хохочет. И безрукий тоже. На нем просто смирительная рубашка надета — руки скручены. И сразу не разобрать, что он с руками. Одним словом, едут ненормальные. А этот усатый — ихний сторож. Он их перевозит.

Гляжу я на них с беспокойством и нервничаю — еще, думаю, черт их побери, задушат, раз они психические и не отвечают за свои поступки.

Только вдруг вижу — один ненормальный, с черной бородой, мой сосед, поглядел своим хитрым глазом на перочинный ножик и вдруг осторожно берет его в руку.

Тут у меня сердце екнуло и мороз по коже прошел.

В одну секунду я вскочил, навалился на бородатого и начал у него ножик отбирать.

А он отчаянное сопротивление мне оказывает. И прямо меня норовит укусить своими бешеными зубами.

Только вдруг усатый сторож меня назад оттягивает.

— Чего вы, говорит, на них навалились, как вам, право, не совестно. Это ихний ножик. Это не психический пассажир. Вот эти трое — да, мои психические. А этот пассажир просто едет, как и не вы. Мы у них ножик одалживали — попросили. Это ихний ножик. Как вам не совестно!

Которого я подмял говорит:

— Я же им ножик давай, они же на меня и накидываются. Душат за горло. Благодарю — спасибо. Какие странные поступки с ихней стороны. Да, может, это тоже психический. Тогда, если вы сторож, вы за ним получше глядите. Эвон, накидывается — душит за горло.

Сторож говорит:

— А может, и он тоже психический. Пес его разберет. Только он не с моей партии. Чего я за ним буду зря глядеть. Нечего мне указывать. Я своих знаю.

Я говорю задушенному:

— Я извиняюсь, я думал — вы тоже ненормальный.

— Вы, говорит, думали. Думают индейские петухи... Чуть, сволочь, не задушили за горло. Разве не видите, что ли, ихний безумный взгляд и мой — натуральный.

— Нет, говорю, не вижу. Напротив, говорю, у вас тоже в глазах какая-то муть, и борода тычком растет, как у ненормального.

Один психический — этот самый помещик — говорит:

— А вы дерните его за бороду — вот он и перестанет ненормальности говорить.

Бородатый хотел закричать, но тут мы приехали на станцию Игрень, и наши психические со своим проводником вышли. И вышли они довольно в строгом порядке. Только что безрукого пришлось слегка подталкивать.

А после кондуктор нам сказал, что на этой станции Игрень как раз имеется дом для душевнобольных, куда иной раз возят таких психических. И как же их еще возить? Не в собачьей теплушке же. Обижаться нечего.

Да я, собственно, и не обижаюсь. А вот которого я подмял, тот действительно обиделся. Он долго глядел на меня хмуро и с испугом следил за каждым моим движением. А после, не ожидая от меня ничего хорошего, перешел с вещами в другое отделение.

Пожалуйста. Ничего не имею против.

А когда он ушел и я остался один, мне стало весело и смешно от всего того, что со мной произошло. И этот маленький случай показался мне удивительно забавным происшествием, основанным на не совсем удачной перевозке психических.

И я, посмеявшись, хорошо заснул. И утром встал в хорошем настроении. Так что иной раз и неудача оборачивается удачей.

Теперь, дорогие друзья, зачитайте последний рассказ, который содержит в себе все удивительное и все сразу — деньги, любовь, коварство, неудачу и большое событие,— причем все эти предметы взяты в своем удивительном преломлении. И это не так-то часто бывает. Вот этот рассказ.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ

Еще в первые годы революции произошел у нас в доме такой необыкновенный случай.

Дом громадный. Пять этажей. Но, несмотря на это, он весь шел на керосиновом освещении. Такой, можно сказать, подарок от царского режима остался революции.

Другие рядом дома шли на полной электрической нагрузке, а наш был вот какой. И это всех раздражало.

И вот тогда жильцы начали хлопотать, чтоб им что-нибудь было по части света. Чтоб наконец у них кончилось это неудачное житье в полном мраке и темноте.

И им сказали — это можно.

И при этом наибольше всех хлопотала наша квартирная хозяйка, или, как теперь говорят, ответственная съемщица, Елисавета Игнатьевна Хлопушкина. И даром что эта дама только что соскочила со старого режима и была в свое время замужем за одним убитым штабс-капитаном, тем не менее она проявила себя как общественница и любительница электрического освещения, предпочитая на нем греть воду, чем на примусе.

В общем, она зарекомендовала себя с лучшей стороны, и за это ей честь и хвала.

И вот, стало быть, благодаря ее хлопотам вскоре в доме вспыхнул свет, и все воспрянули духом.

Но вскоре наша хозяйка Хлопушкина, пожив дня три со светом, становится неестественно мрачной и неразговорчивой.

Мы ее спрашиваем, что такое.

Она говорит:

— Видите, я недовольна освещением. Свет глаза режет и вызывает слепоту. А главное, говорит, он у меня в комнате осветил такое барахло, что я прямо смущаюсь к себе заходить. Муж мой, бывший штабс-капитан, скончался на войне десять лет назад, да еще до этого факта лет пятнадцать-двадцать я ремонта у себя не делала. И мне этого было не нужно, поскольку комнатка у меня полутемная и ничего такого не видать. А теперь взгляните, что там есть при полном свете.

Но мы туда не стали заходить, поскольку приблизительно нарисовали себе картину, что там могло быть.

Тем более один из нас меланхолично говорит:

— Бывало, действительно, выйдешь утром на работу, вечером явишься, чай попьешь — и спать. И ничего такого лишнего при керосине у себя не видал. А теперича я зайду к себе, освещу, и мне тоже, как ей, неинтересно становится.

Вот мы и зашли к нему. Зажгли свет. Видим, действительно, нечто невероятное. Тут туфля, тут штаны рваные валяются. Тут обойки оторваны и клочком торчат. Видим — клоп рысью бежит, от света спасается. На столе лежит тряпка, неизвестно какая. Пол жуткий. Тут плевок, тут окурок, тут блоха резвится.

Стоит канапе. И мы сколько раз на этом его канапе сидели, думали — ничего. А теперь видим — это совершенно страшное канапе. Все торчит, все висит, все изнутри лезет.

Тогда мы, все жильцы, собрались в коридоре и сказали: «Кажется, пришло время ремонт производить». И после жарких споров и дискуссий мы собрали деньги и решили подчиститься, чтоб у нас не было расхождения со светом.

И тут вскоре мы произвели ремонт. Подчистили. Подправили. И тогда квартирка стала прямо ничего себе.

Чистенько, красиво, весело, и клопов уж очень мало. Они только у двоих жильцов и остались. А что касается блох, то на них почему-то электричество не действует, и они продолжают свою кипучую деятельность.

А что касается общего настроения, то все как переродились. После работы приходят, моются, убирают комнаты, чистятся и так далее. И даже больше — многие стали более вежливо себя держать. А один даже начал учиться французскому языку. И, наверно, у него что-нибудь получится. А некоторые, поскольку стало светло, пристрастились к чтению и к игре в шашки. И вообще при свете началась

другая жизнь, полная интересов и внимания друг к другу. Вот что произошло после включения в общую сеть.

И даже ответственная съемщица, Елисавета Игнатьевна Хлопушкина, неожиданно, представьте себе, вышла замуж за техника Анатолия Скоробогатова, который в нее влюбился. И она его безумно полюбила. И многие приписали этот роман действию электрического света, поскольку при свете Хлопушкина оказалась еще ничего себе, несмотря на ее пятьдесят два года. А другие приписали это тому, что свет окончательно выяснил размеры ее комнаты, благодаря чему Скоробогатов рискнул жениться в ожидании чего-нибудь лучшего. И тем самым он, возможно, что проявил со своей стороны возмутительное коварство.

Но, так или иначе, она сейчас замужем и очень счастлива. И просила всем кланяться и благодарить за изобретение электричества и вообще за электрификацию.

В общем, все громадные перемены в квартире и даже, пожалуй, отчасти этот брак были удивительными событиями, которые мы и записываем золотыми чернилами, только они немного расплываются, поскольку бумага не так еще хороша. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут.

И на этом рассказе мы заканчиваем наши развлекательные новеллы. И вместе с этим заканчиваем наше приложение к пятому отделу.

Итак, друзья, Голубая книга в основном окончена. Прочтите тут еще небольшое послесловьице ко всему нашему труду.

Это послесловие, как в конторской книге, подведет итог всему, о чем мы с вами беседовали в пяти частях нашего сочинения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВСЕЙ КНИГЕ

Итак, Голубая книга окончена.

И вместе с тем заканчивается наша музыкальная симфония. Громко гремит медь. И бьют барабаны. И контрабас гудит веселое приветствие.

И мы очень рады и довольны, что на этот раз заканчиваем наше сочинение с чувством сердечной радости, с большой надеждой и с пожеланием всего хорошего.

И основную тему нашей радости можно определить в нескольких словах. И, чтобы критики не сбились в этом сложном деле, мы им по дружбе хотим слегка подсказать.

Нас трогает стремление к чистоте, к справедливости и к общему благу. Нас приятно удивляет, что люди, которые все равно умрут, стремятся к этому. И нас радует здравый смысл, к чему рано или поздно приходят люди, отсеяв весь сор и шелуху.

И вот пример из жизни литераторов.

В золотом фонде мировой литературы не бывает плохих вещей. Стало быть, при всем арапстве, которое иной раз бывает то там, то тут,— есть абсолютная справедливость. И эта идея в свое время торжествует. И, значит, ничего не страшно, и ничего не безнадежно.

Вот почему медные трубы нашего сочинения звучат на этот раз непривычно громко. Но нашего смеха тем не менее эти трубы почти не заглушают.

Французский писатель Вольтер своим смехом погасил в свое время костры, на которых сжигали людей. А мы по мере своих слабых и ничтожных сил берем более скромную задачу. И своим смехом хотим зажечь хотя бы небольшой, вроде лучины, фонарь, при свете которого некоторым людям стало бы заметно, что для них хорошо, что плохо, а что посредственно.

И если это так и будет, то в общем спектакле жизни мы сосчитаем нашу скромную роль лаборанта и осветителя исполненной.

Теперь почти все сказано, и нам осталось любезно попрощаться с читателем, чтобы вполне закончить наше сочинение.

Ах да, долг вежливости требует попрощаться с буржуазным философом, с которым мы в свое время в детстве воспитывались.

И поэтому вы, надеюсь, поймете наши чувства и не посетуете на небольшую задержку в окончании.

ПРОЩАНИЕ С ФИЛОСОФОМ

Философ был принят нами вместе с двумя какими-то министрами без портфеля, заехавшими просто так представиться и узнать, как и чего бывает.

Беседа протекала за чашкой чая.

И министры остались до того довольны любезной беседой, что от восхищения еле могли дойти до своих автомобилей. И в книге почетных посетителей они елейным тоном написали, что ничего подобного они не испытывали в своей жизни. И что это превзошло все их ожидания. И что они были бы рады, если б это продолжалось всю жизнь.

Беседа продолжалась два часа, из которых полтора часа ушло на обмен этих любезностей. Но в передней гости задержались.

— Последнее время,— сказал философ,— я что-то опять стал увлекаться социализмом. Вы знаете, это действительно может получиться неплохо. Не знаю, как у вас, но на другие страны я очень надеюсь. Они возьмут от нас несколько светлых идей. Плюс ваши идейки. И может получиться очень, очень мило.

— Что же от вас они возьмут? Простите.

— Ну, там пустяки. Об чем говорить. Ну, там собственность, что ли. Капитал. Ну, небольшой. А? Пожалуйста. Все равно вам без этого не обойтись... Все равно вы незаметно приплывете к нашим берегам. Так что не будем о деньгах спорить. А кроме того... Ну, домик там... Клочок собственной землишки. Дачка.

— Если вы для себя, а не для эксплуатации, то можете и дачку иметь.

— То есть что значит для себя? Нет, господа, все-таки это все, простите, вздор. Наше дело более гармонично. Богатство, капитал дает человеку по крайней мере уверенность. Он дает независимость. А тут где независимость

я буду искать? Тут вы меня суете в лапы к людям. У них искать независимость? Да, может, мне попадется какое-нибудь свирепое начальство, так ведь оно меня в бараний рог согнет, если что-нибудь не по нем. И я пикнуть не посмею. Без денег я буду более беззащитен, чем где-либо.

— Сударь, вы говорите о буржуазном строе? У нас есть общественность, пресса и новый уклад жизни, которые не позволят вас сгибать, если вы правы. А потом — ваш строй весьма ведь немногим дает независимость. Единицам.

— Ну и что же... Ну хорошо, он дает немногим, богатым, удачникам. Остальные стремятся к этому, надеются. Это — борьба.

— Но их надежды почти всегда разбиты. А мы хотим жизнь сделать такой, чтобы надежды оправдывались. У нас сейчас, сэр, революция, но тем не менее у нас человек, желающий работать, уверен, что он работу найдет. Вот вам надежды, которые уже оправдываются. И это дает огромную уверенность, чего нет у вас.

— Ну, предположим,— сказал философ.— Но вот, скажем, мне пятьдесят три года. А в эти годы, господа, я должен быть богат. Ну, не богат, ну, иметь что-то. Иначе я, как бы сказать, не участвую в жизни. То есть участвую, но меня уже обходят. Меня уже принимают с поправкой на мое состояние. А у меня, господа, отнюдь не меньше желаний. Господа министры, поддержите.

Министры говорят:

— Да уж ясно уж. Что ж уж об этом говорить. Что-что, а уж желаний-то сколько угодно-с!

Я говорю:

— Видите, сэр, с возрастом человек повышает свою квалификацию, он становится умней, острей в своем деле или в искусстве, и он, конечно, должен получать больше комфорта и лучшие условия. Это не вопрос. А если он настолько стареет, что теряет квалификацию, то государство берет его на свое иждивение. И каждый имеет разное. Сейчас это, может быть, мало и не всегда достаточно. Но мы хотим сделать жизнь такой, чтобы и старость была здоровая и веселая. И мы об этом думаем. И это разрабатываем. И мы хотим, чтоб стариков принимали с поправкой на их внутренние качества, а не с поправкой на богатство, которое может быть краденым.

— В таком случае я предпочел бы стареть в Европе,— холодно сказал философ, видимо оценивая свои душевные качества.— Как вы, господа министры?

— Да уж ясно уж. Что об этом толковать. Желаний-то еще ого-го...

— Вообще,— сказал философ,— я за социализм, но только не при мне. После меня хоть потоп. А я человек старой культуры, и позвольте мне уж, господа, прожить в моем старом культурном Риме.

— Пожалуйста, говорю, живите.

Тут мы все встали, и началось среди нас любезное прощание, протекавшее почти в дружеской атмосфере.

Философ, прощаясь, сказал:

— Потом вот еще что. Во всем мире любовь продается. А у вас нет. Это противно человеческой природе.

Министры неестественно засмеялись.

— Это меня тоже как-то расхолаживает к вашей идее,— сказал философ,— у вас надо на это тратить время и деньги. А у нас только деньги. Вы, господа, непременно провентилируйте этот вопрос. Человечество от этого может захворать. И это на браки крайне влияет. Прямо я на вас удивляюсь, какие вы недальновидные.

— Сэр,— сказал я,— у нас иной подход к любви. Мы не считаем унизительным тратить на это время. У нас теперь другой мир и другие чувства, сэр...

— Бросьте, мой друг. Вы неисправимый идеалист. Какой другой мир? Какие другие чувства? Люди есть люди. А впрочем, что нам толковать — и тут башмак стопчется по ноге. Пройдет немного лет, и вы в этом смысле вернетесь к нашим идеалам.

— Те люди, которые в этом смысле вернутся к вашим идеалам,— сказали мы смеясь,— те будут к вам ездить.

— Если с валютой,— сказал философ,— то отчего бы и нет. Очень рады. Только имейте в виду — этих людей будет слишком много. И я боюсь, что у вас никого не останется. Но не будем наперед загадывать. Если, повторяю, они будут с валютой, то это нас устраивает.

Министры многозначительно переглянулись.

И мы, попрощавшись, разошлись.

И я пошел прощаться с читателем.

ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ

И вот осталось нам попрощаться с читателем, и на этом книга закроется.

Дорогие наборщики, потрудитесь еще немного — поднаберите тут еще несколько строк, чтоб мы могли любезно попрощаться с нашим дорогим читателем.

Итак, дорогие друзья, привет! Наилучшие пожелания. Кланяйтесь вашей мамаше. Пишите.

А в ответ на ваше любезное письмецо сообщаем, что живем мы ничего себе, много работаем, здоровье стало лучше, и оно укрепляется. Тут было в прошлом году мы прихворнули, но ничего, как говорится — бог миловал.

А что касается нашей дальнейшей литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжонки. Одна на этот раз — из области нашей личной жизни в свете медицины и философии. Другая историческая — сатира на глупость, с эпиграфом из Кромвеля: «Меня теперь тревожат не мошенники, а тревожат дураки».

Но, конечно, мы еще не знаем, когда возьмемся за эти наши новые сочинения.

На «Возвращенную молодость» у нас ушло три года. И эту сочиняли два года без перерыва. Так что надо теперь отдохнуть и поразвлечься.

Вообще, если что-нибудь интересное мелькнет в нашей жизни, тогда мы сделаем перерыв в работе, а если нет — тогда мы вскоре приступим к первому сочинению, еще более забавному, чем это.

А эту Голубую книгу мы заканчиваем у себя на квартире, в Ленинграде, 3 июня 1935 года.

Сидим за письменным столом и пишем эти строчки. Окно открыто. Солнце. Внизу — бульвар. Играет духовой оркестр. Напротив серый дом. И там, видим, на балкон выходит женщина в лиловом платье. И она смеется, глядя на наше варварское занятие, в сущности не свойственное мужчине и человеку.

И мы смущены. И бросаем это дело.

Привет, друзья.

1934—1935

Перед восходом солнца

*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу я задумал очень давно. Сразу после того, как выпустил в свет мою «Возвращенную молодость».

Почти десять лет я собирал материалы для этой новой книги. И выжидал спокойного года, чтоб в тиши моего кабинета засесть за работу.

Но этого не случилось.

Напротив. Немецкие бомбы дважды падали вблизи моих материалов. Известкой и кирпичами был засыпан портфель, в котором находились мои рукописи. Уже пламя огня лизало их. И я поражаюсь, как случилось, что они сохранились.

Собранный материал летел со мной на самолете через немецкий фронт из окруженного Ленинграда.

Я взял с собой двадцать тяжелых тетрадей. Чтобы убавить их вес, я оторвал коленкоровые переплеты. И все же они весили около восьми килограммов из двенадцати килограммов багажа, принятого самолетом. И был момент, когда я просто горевал, что взял этот хлам вместо теплых подштанников и лишней пары сапог.

Однако любовь к литературе восторжествовала. Я примирился с моей несчастной участью.

В черном рваном портфеле я привез мои рукописи в Среднюю Азию, в благословенный отныне город Алма-Ата.

Весь год я был занят здесь писанием различных сценариев на темы, нужные в дни Великой Отечественной войны.

Привезенный же материал я держал в деревянной кушетке, на которой спал.

По временам я поднимал верх моей кушетки. Там, на фанерном дне, покоились двадцать моих тетрадей рядом

с мешком сухарей, которые я заготовил по ленинградской привычке.

Я перелистывал эти тетради, горько сожалея, что не пришло время приняться за эту работу, столь, казалось, ненужную сейчас, столь отдаленную от войны, от грохота пушек и визга снарядов.

— Ничего,— говорил я сам себе,— тотчас по окончании войны я примусь за эту работу.

Я снова укладывал мои тетради на дно кушетки. И, лежа на ней, прикидывал в своем уме, когда, по-моему, может закончиться война. Выходило, что не очень скоро. Но когда — вот этого я установить не решался.

«Однако почему же не пришло время взяться за эту мою работу? — как-то подумал я. — Ведь мои материалы говорят о торжестве человеческого разума, о науке, о прогрессе сознания! Моя работа опровергает «философию» фашизма, которая говорит, что сознание приносит людям неисчислимые беды, что человеческое счастье — в возврате к варварству, к дикости, в отказе от цивилизации.

Ведь об этом более интересно прочитать сейчас, чем когда-либо в дальнейшем».

В августе 1942 года я положил мои рукописи на стол и, не дожидаясь окончания войны, приступил к работе.

I. ПРОЛОГ

За доброе желание к игре
Прощается актеру исполненье.

Десять лет назад я написал мою повесть под названием «Возвращенная молодость».

Это была обыкновенная повесть, из тех, которые во множестве пишутся писателями, но к ней были приложены комментарии — этюды физиологического характера.

Эти этюды объясняли поведение героев повести и давали читателю некоторые сведения по физиологии и психологии человека.

Я не писал «Возвращенную молодость» для людей науки, тем не менее именно они отнеслись к моей работе с особым вниманием. Было много диспутов. Происходили споры. Я услышал много колкостей. Но были сказаны и приветливые слова.

Меня смутило, что ученые так серьезно и горячо со мной спорили. Значит, не я много знаю (подумал я), а наука, видимо, не в достаточной мере коснулась тех вопросов, какие я, в силу своей неопытности, имел смелость затронуть.

Так или иначе, ученые разговаривали со мной почти как с равным. И я даже стал получать повестки на заседания в Институт мозга. А Иван Петрович Павлов пригласил меня на свои «среды».

Но я, повторяю, не писал свое сочинение для науки. Это было литературное произведение, и научный материал был только лишь составной частью.

Меня всегда поражало: художник, прежде чем рисовать человеческое тело, должен в обязательном порядке изучить анатомию. Только знание этой науки избавляло художника от ошибок в изображении. А писатель, в ведении которого больше чем человеческое тело — его психика, его сознание,— нечасто стремится к подобного рода знаниям. Я по-

считал своей обязанностью кое-чему поучиться. И, поучившись, поделился этим с читателем.

Таким образом возникла «Возвращенная молодость».

Сейчас, когда прошло десять лет, я отлично вижу дефекты моей книги: она была неполной и однобокой. И, вероятно, за это меня следовало больше бранить, чем меня бранили.

Осенью 1934 года я познакомился с одним замечательным физиологом (А. Д. Сперанским).

Когда речь зашла о моей работе, этот физиолог сказал:

— Я предпочитаю ваши обычные рассказы. Но я признаю, что то, о чем вы пишете, следует писать. Изучать сознание есть дело не только ученого. Я подозреваю, что пока еще это в большей степени дело писателя, чем ученого. Я физиолог и потому не боюсь это сказать.

Я ответил ему:

— Я тоже так думаю. Область сознания, область высшей психической деятельности больше принадлежит нам, чем вам. Поведение человека можно и должно изучать с помощью собаки и ланцета. Однако у человека (и у собаки) иногда возникают «фантазии», которые необычайным образом меняют силу ощущения даже при одном и том же раздражителе. И тут иной раз нужен «разговор с собакой», для того чтобы разобраться во всей сложности ее фантазии. А «разговор с собакой» — это уже целиком наша область.

Улыбнувшись, ученый сказал:

— Вы отчасти правы. Соотношение часто не одинаково между силой раздражения и ответом, тем более в сфере ощущения. Но если вы претендуете на эту область, то именно здесь вы и встретитесь с нами.

Прошло несколько лет после этого разговора. Узнав, что я подготовляю новую книгу, физиолог попросил меня рассказать об этой работе.

Я сказал:

— Вкратце — это книга о том, как я избавился от многих ненужных огорчений и стал счастливым.

— Это будет трактат или роман?

— Это будет литературное произведение. Наука войдет в него, как иной раз в роман входит история.

— Снова будут комментарии?

— Нет. Это будет нечто целое. Подобно тому, как пушка и снаряд могут быть одним целым.

— Стало быть, эта работа будет о вас?

— Полкниги будет занято моей особой. Не скрою от вас — меня это весьма смущает.

— Вы будете рассказывать о своей жизни?

— Нет. Хуже. Я буду говорить о вещах, о которых не совсем принято говорить в романах. Меня утешает то, что речь будет идти о моих молодых годах. Это все равно что говорить об умершем.

— До какого же возраста вы берете себя в вашу книгу?

— Примерно до тридцати лет.

— Может быть, есть резон прикинуть еще лет пятнадцать? Тогда книга будет полней — о всей вашей жизни.

— Нет,— сказал я.— С тридцати лет я стал совсем другим человеком — уже негодным в объекты моего сочинения.

— Разве произошла такая перемена?

— Это даже нельзя назвать переменой. Возникла совсем иная жизнь, вовсе непохожая на то, что было.

— Но каким образом? Это был психоанализ? Фрейд?

— Вовсе нет. Это был Павлов. Я пользовался его принципом. Это была его идея.

— А что сами вы сделали?

— Я сделал, в сущности, простую вещь: я убрал то, что мне мешало,— неверные условные рефлексы, ошибочно возникшие в моем сознании. Я уничтожил ложную связь между ними. Я разорвал «временные связи», как называл их Павлов.

— Каким образом?

В то время я не полностью продумал мои материалы и поэтому затруднился ответить на этот вопрос. Но о принципе рассказал. Правда, весьма туманно.

Задумавшись, ученый ответил:

— Пишите. Только ничего не обещайте людям.

Я сказал:

— Я буду осторожен. Я пообещаю только то, что получил сам. И только тем людям, которые имеют свойства, близкие к моим.

Рассмеявшись, ученый сказал:

— Это немного. И это правильно. Философия Толстого, например, была полезна только ему и никому больше.

Я ответил:

— Философия Толстого была религия, а не наука. Это была вера, которая ему помогла. Я же далек от религии. Я говорю не о вере и не о философской системе. Я говорю о железных формулах, проверенных великим ученым. Моя же роль скромна в этом деле: я на практике человеческой жизни проверил эти формулы и соединил то, что, казалось, не соединялось.

Я расстался с ученым и с тех пор больше его не видел. Вероятно, он решил, что я забросил мою книгу, не справившись с ней.

Но я, как уже доложено вам, выжидал спокойного года.

Этого не случилось. Очень жаль. Под грохот пушек я пишу значительно хуже. Красивость, несомненно, будет снижена. Душевные волнения поколеблют стиль. Тревоги погасят знания. Нервность восприместся как торопливость. В этом усмотрится небрежность к науке, непочтительность к ученому миру...

Ученый!
Где речь неучтивой увидишь мою,—
Сотри ее, я позволенье даю.

Пусть просвещенный читатель простит мои прегрешения.

II. Я НЕСЧАСТЕН — И НЕ ЗНАЮ ПОЧЕМУ

О горе! Бежать от блеска солнца
И услады искать в тюрьме,
При свете ночника...

Когда я вспоминаю свои молодые годы, я поражаюсь, как много было у меня горя, ненужных тревог и тоски.

Самые чудесные юные годы были выкрашены черной краской.

В детском возрасте я ничего подобного не испытывал.

Но уже первые шаги молодого человека омрачились этой удивительной тоской, которой я не знаю сравнения.

Я стремился к людям, меня радовала жизнь, я искал друзей, любви, счастливых встреч... Но я ни в чем этом не находил себе утешения. Все тускнело в моих руках. Хандра преследовала меня на каждом шагу.

Я был несчастен, не зная почему.

Но мне было восемнадцать лет, и я нашел объяснение.

«Мир ужасен,— подумал я.— Люди пошлы. Их поступки комичны. Я не баран из этого стада».

Над письменным столом я повесил четверостишие из Софокла:

Высший дар нерожденным быть,
Если ж свет ты увидел дня —
О, обратной стезей скорей
В лоно вернись родное небытия.

Конечно, я знал, что бывают иные взгляды — радостные, даже восторженные. Но я не уважал людей, которые были способны плясать под грубую и пошлую музыку жизни. Такие люди казались мне на уровне дикарей и животных.

Все, что я видел вокруг себя, укрепляло мое воззрение.

Поэты писали грустные стихи и гордились своей тоской.

«Пришла тоска — моя владычица, моя седая госпожа»,— бубнил я какие-то строчки, не помню какого автора.

Мои любимые философы почтительно отзывались о меланхолии. «Меланхолики обладают чувством возвышенного»,— писал Кант. А Аристотель считал, что «меланхолический склад души помогает глубокомыслию и сопровождает гения».

Но не только поэты и философы подбрасывали дрова в мой тусклый костер. Удивительно сказать, но в мое время грусть считалась признаком мыслящего человека. В моей среде уважались люди задумчивые, меланхоличные и даже как бы отрешенные от жизни [1].

Короче говоря, я стал считать, что пессимистический взгляд на жизнь есть единственный взгляд человека мыслящего, утонченного, рожденного в дворянской среде, из которой я был родом.

Значит, меланхолия, думал я, есть мое нормальное состояние, а тоска и некоторое отвращение к жизни — свойство моего ума. И, видимо, не только моего ума. Видимо, всякого ума, всякого сознания, которое стремится быть выше сознания животного.

Очень печально, если это так. Но это, вероятно, так. В природе побеждают грубые ткани. Торжествуют грубые чувства, примитивные мысли. Все, что истончилось,— погибает.

Так думал я в свои восемнадцать лет. И я не скрою от вас, что я так думал и значительно позже.

Но я ошибался. И теперь счастлив сообщить вам об этой моей ужасной ошибке.

Эта ошибка мне тогда чуть не стоила жизни.

Я хотел умереть, так как не видел иного исхода.

Осенью 1914 года началась мировая война, и я, бросив университет, ушел в армию, чтоб на фронте с достоинством умереть за свою страну, за свою родину.

Однако на войне я почти перестал испытывать тоску.

---

[1] Недавно, перелистывая «Дневник» В. Брюсова, я нашел такие строчки: «Хорош Ярошенко. Милый человек. Чужд жизни...»

Она бывала по временам. Но вскоре проходила. И я на войне впервые почувствовал себя почти счастливым.

Я подумал: отчего это так? И пришел к мысли, что здесь я нашел прекрасных товарищей и вот почему перестал хандрить. Это было логично.

Я служил в Мингрельском полку Кавказской гренадерской дивизии. Мы очень дружно жили. И солдаты, и офицеры. Впрочем, может быть, тогда мне так казалось.

В девятнадцать лет я был уже поручиком.

В двадцать лет — имел пять орденов и был представлен в капитаны.

Но это не означало, что я был герой. Это означало, что два года подряд я был на позициях.

Я участвовал во многих боях, был ранен, отравлен газами. Испортил сердце. Тем не менее радостное мое состояние почти не исчезало.

В начале революции я вернулся в Петроград.

Я не испытывал никакой тоски по прошлому. Напротив, я хотел увидеть новую Россию, не такую печальную, как я знал. Я хотел, чтоб вокруг меня были здоровые, цветущие люди, а не такие, как я сам,— склонные к хандре, меланхолии и грусти.

Никаких так называемых «социальных расхождений» я не испытывал. Тем не менее я стал по-прежнему испытывать тоску.

Я пробовал менять города и профессии. Я хотел убежать от этой моей ужасной тоски. Я чувствовал, что она меня погубит.

Я уехал в Архангельск. Потом на Ледовитый океан — в Мезень. Потом вернулся в Петроград. Уехал в Новгород, во Псков. Затем в Смоленскую губернию, в город Красный. Снова вернулся в Петроград...

Хандра следовала за мной по пятам.

За три года я переменил двенадцать городов и десять профессий.

Я был: милиционером, счетоводом, сапожником, инструктором по птицеводству, телефонистом пограничной охраны, агентом уголовного розыска, секретарем суда, делопроизводителем.

Это было не твердое шествие по жизни, это было — замешательство.

Полгода я снова провел на фронте в Красной Армии — под Нарвой и Ямбургом.

Но сердце было испорчено газами, и я должен был подумать о новой профессии.

В 1921 году я стал писать рассказы.

Моя жизнь сильно изменилась оттого, что я стал писателем Но хандра осталась прежней. Впрочем, она все чаще стала посещать меня.

Тогда я обратился к врачам. Кроме хандры, у меня было что-то с сердцем, что-то с желудком и что-то с печенью.

Врачи взялись за меня энергично.

От трех моих болезней они стали меня лечить пилюлями и водой. Главным образом водой — вовнутрь и снаружи.

Хандру же было решено изгонять комбинированным ударом — сразу со всех четырех сторон, во фланги, в тыл и лоб — путешествиями, морскими купаниями, душем Шарко и развлечениями, столь нужными в моем молодом возрасте.

Два раза в год я стал выезжать на курорты — в Ялту, в Кисловодск, в Сочи и в другие благословенные места.

В Сочи я познакомился с одним человеком, у которого тоска была значительно больше моей. Минимум два раза в год его вынимали из петли, в которую он влезал, оттого что его мучила беспричинная тоска.

С чувством величайшего почтения я стал беседовать с этим человеком. Я предполагал увидеть мудрость, ум, переполненный знаниями, и скорбную улыбку гения, который должен уживаться на нашей бренной земле.

Ничего подобного я не увидел.

Это был недалекий человек, необразованный и даже без тени просвещения. За всю свою жизнь он прочитал не более двух книг. И, кроме денег, еды и баб, он ничем другим не интересовался.

Передо мной был самый заурядный человек, с пошлыми мыслями и с тупыми желаниями.

Я не сразу даже понял, что это так. Сначала мне показалось, что в комнате накурено или барометр упал — предвещает бурю. Как-то мне было не по себе, когда я с ним разговаривал. Потом смотрю — просто дурак. Просто дубина, с которым больше трех минут нельзя разговаривать.

Моя философская система дала трещину. Я понял, что дело не только в высоком сознании. Но в чем же тогда? Я не знал.

С величайшим смирением я отдался в руки врачей.

За два года я съел полтонны порошков и пилюль.

Я безропотно пил всякую мерзость, от которой меня тошнило.

Я позволил себя колоть, просвечивать и сажать в ванны.

Однако лечение успеха не имело. И даже вскоре дошло до того, что знакомые перестали узнавать меня на улице. Я безумно похудел. Я был как скелет, обтянутый кожей. Все время ужасно мерз. Руки у меня дрожали. А желтизна моей кожи изумляла даже врачей. Они стали подозревать, что у меня ипохондрия в такой степени, когда процедуры излишни. Нужны гипноз и клиника.

Одному из врачей удалось усыпить меня. Усыпив, он стал внушать мне, что я напрасно хандрю и тоскую, что в мире все прекрасно и нет причин для огорчения.

Два дня я чувствовал себя бодрей, потом мне стало значительно хуже, чем раньше.

Я почти перестал выходить из дому. Каждый новый день мне был в тягость.

День приходил, день уходил —
Шли годы — я их не считал,
Я, мнилось, память потерял
О переменах на земле...

Я еле передвигался по улице, задыхаясь от сердечных припадков и от болей в печени.

На курорты я перестал ездить. Вернее, я приезжал и, промаявшись там два-три дня, снова возвращался домой, еще в более страшной тоске, чем приехал.

Тогда я обратился к книгам. Я был молодым писателем. Мне было всего двадцать семь лет. Естественно, что я обратился к моим великим товарищам — к писателям, музыкантам... Я хотел узнать, не было ли чего подобного с ними. Не было ли у них тоски вроде моей. А если было, то по каким причинам это у них возникало, по их мнению. И как они поступали, чтоб этого у них не было.

И тогда я стал выписывать все, что относилось к хандре. Я стал выписывать без особого учета и мотивировок. Однако я старался брать то, что было характерно для человека, то, что повторялось в его жизни, то, что не казалось случайностью, минутным воображением, вспышкой.

Эти выписки поразили мое воображение на несколько лет.

> «Я выхожу из дому, иду на улицу, тоскую и опять возвращаюсь домой. Зачем? Затем, чтоб хандрить...»
>
> *Шопен. Письма, 1830 г.*

«Я не знал, куда деваться от тоски. Я сам не знал, откуда происходит эта тоска...»

Гоголь — матери. 1837 г.

«У меня бывают припадки такой хандры, что боюсь, что брошусь в море. Голубчик мой! Очень тошно...»

Некрасов — Тургеневу. 1857 г.

«Мне так худо, так страшно безнадежно худо и в теле и в духе, что я не могу жить...»

Эдгар По — Анни. 1848 г.

«Я испытываю такую угнетенность духа, какую я раньше еще не испытывал. Я напрасно боролся против влияния этой меланхолии. Я несчастен и не знаю почему...»

Эдгар По — Кеннеди. 1835 г.

«В день двадцать раз приходит мне на ум пистолет. И тогда делается при этой мысли легче...»

Некрасов — Тургеневу. 1857 г.

«Все мне опротивело. Мне кажется, я бы с наслаждением сейчас повесился,— только гордость мешает...»

Флобер. 1853 г.

«Я живу скверно, чувствую себя ужасно. Каждое утро встаю с мыслью: не лучше ли застрелиться...»

Салтыков-Щедрин — Пантелееву. 1886 г.

«К этому присоединялась такая тоска, которой нет описания. Я решительно не знал, куда девать себя, к чему прислониться...»

Гоголь — Погодину. 1840 г.

«Так все отвратительно в мире, так невыносимо... Скучно жить, говорить, писать...»

Л. Андреев. Дневник. 1919 г.

«Чувствую себя усталым, измученным до того, что чуть не плачу с утра до вечера... Раздражают

лица друзей... Ежедневные обеды, сон на одной и той же постели, собственный голос, лицо, отражение его в зеркале...»

Мопассан. Под солнцем. 1881 г.

«Повеситься или утонуть казалось мне как бы похожим на какое-то лекарство и облегчение».

Гоголь — Плетневу. 1846 г.

«Я устал, устал ото всех отношений, все люди меня утомили и все желания. Уйти куда-либо в пустыню или уснуть „последним сном"».

В. Брюсов. Дневник. 1898 г.

«Я прячу веревку, чтоб не повеситься на перекладине в моей комнате, вечером, когда остаюсь один. Я не хожу больше на охоту с ружьем, чтоб не подвергнуться искушению застрелиться. Мне кажется, что жизнь моя была глупым фарсом».

Л. Н. Толстой. 1878 г.—Л. Л. Толстой. Правда о моем отце

Целую тетрадь я заполнил подобными выписками. Они меня поразили, даже потрясли. Ведь я же не брал людей, у которых только что случилось горе, несчастье, смерть. Я взял то состояние, которое повторялось. Я взял тех людей, из которых многие сами сказали, что они не понимают, откуда у них это состояние.

Я был потрясен, озадачен. Что за страдание, которому подвержены люди? Откуда оно берется? И как с ним бороться, какими средствами? Кроме веревки и пули.

Может быть, это страдание возникает от неустройства жизни, от социальных огорчений, от мировых вопросов? Может быть, это создает почву для такой тоски?

Да, это так. Но тут я вспомнил слова Чернышевского: «Не от мировых вопросов люди топятся, стреляются и сходят с ума».

Эти слова меня еще более смутили.

Я не мог найти никакого решения. Я не понимал.

Может быть, все-таки (снова подумал я) это та мировая скорбь, которой подвержены великие люди в силу их высокого сознания?

Нет! Наряду с этими великими людьми, которых я перечислил, я увидел не менее великих людей, которые не

испытывали никакой тоски, хотя их сознание было столь же высоким. И даже этих людей было значительно больше.

На вечере, посвященном Шопену, исполняли его «Второй концерт для фортепьяно с оркестром».

Я сидел в последних рядах, утомленный, измученный.

Но «Второй концерт» прогнал мою меланхолию. Мощные, мужественные звуки наполнили зал.

Радость, борьба, необычайная сила и даже ликование звучали в третьей части концерта.

Откуда же такая огромная сила у этого слабого человека, у этого гениального музыканта, печальную жизнь которого я так теперь хорошо знал? — подумал я.— Откуда же у него такая радость, такой восторг? Значит, все это у него было? И только было сковано? Чем?

Тут я подумал о своих рассказах, которые заставляли людей смеяться. Я подумал о смехе, который был в моих книгах, но которого не было в моем сердце.

Не скрою от вас: я испугался, когда мне вдруг пришла мысль, что надо найти причину — отчего скованы мои силы и почему мне так невесело в жизни и почему бывают такие люди, как я,— склонные к меланхолии и беспричинной тоске.

Осенью 1926 года я заставил себя уехать в Ялту. И заставил себя пробыть там четыре недели.

Десять дней я пролежал в номере гостиницы. Затем стал выходить на прогулку. Я ходил в горы. А иногда часами сидел на берегу моря, радуясь, что мне лучше, что мне почти хорошо.

Я очень поправился за месяц. На душе у меня стало спокойно, даже весело.

Чтоб еще более укрепить мое здоровье, я решил продолжить отдых. Я взял билет на теплоход, чтобы доехать до Батума. Из Батума я хотел ехать в Москву прямым поездом.

Я взял отдельную каюту. И в чудесном настроении уехал из Ялты.

Море было тихое, безмятежное. И я весь день просидел на палубе, любуясь берегом Крыма и морем, которое я так любил и ради которого я обычно приезжал в Ялту.

Утром, чуть свет, я снова был на палубе.

Вставало изумительное утро.

Я сидел в шезлонге, наслаждаясь своим прекрасным состоянием. Мысли у меня были самые счастливые, даже веселые. Я думал о своем путешествии, о Москве, о друзьях, которых там встречу. О том, что тоска моя теперь

позади. И пусть она будет загадкой, только чтоб ее больше не было.

Было раннее утро. Задумчиво я глядел на легкую рябь воды, на блики солнца, на чаек, которые с омерзительным криком садились на воду.

И вдруг в одно мгновение я почувствовал себя плохо. Это была не только тоска. Это было волнение, трепет, почти страх. Я еле мог встать с шезлонга. Я еле дошел до каюты. Я два часа лежал на койке не двигаясь. И снова возникла тоска в такой степени, какой я до сих пор не испытывал.

Я пробовал бороться с этим. Я вышел на палубу. Стал прислушиваться к разговорам людей. Я хотел отвлечься. Но мне не удавалось.

Показалось, что я не должен и не могу больше продолжать путешествие.

Я еле дождался Туапсе. И сошел на берег, с тем чтоб через несколько дней продолжить мой путь.

Меня трепала нервная лихорадка.

На линейке я доехал до гостиницы. И там слег.

Усилием воли, только через неделю, я заставил себя собраться в дорогу.

Дорога меня отвлекла и рассеяла. Я стал чувствовать себя лучше. Ужасная тоска исчезала.

Путь был далекий, и я стал думать о своей несчастной болезни, которая способна исчезать так же быстро, как и возникнуть. Почему? И какие были причины?

Или причин не было?

Как будто бы никаких причин не было. Должно быть, просто «слабость нервов», излишняя «чувствительность». Должно быть, это обычно и колеблет меня, как часовой маятник.

Я стал думать: родился ли я таким слабым и чувствительным или в моей жизни что-нибудь случилось такое, что повредило мои нервы, испортило их и сделало меня несчастной пылинкой, которую гонит и мотает любой ветер?

И вдруг мне показалось, что я не мог родиться таким несчастным, таким беззащитным. Я мог родиться слабым, золотушным, я мог родиться с одной рукой, с одним глазом, без уха. Но родиться, чтоб хандрить, и хандрить без причины — оттого, что мир кажется пошлым! Но я же не марсианин. Я дитя своей земли. Я должен, как и любое животное, испытывать восторг от существования. Испытывать счастье, если все хорошо. И бороться, если плохо. Но хандрить?! Когда даже насекомое, которому дано всего четыре

часа жизни, ликует на солнце! Нет, я не мог родиться таким уродом.

И вдруг я понял ясно, что причина моих несчастий кроется в моей жизни. Нет сомнения — что-то случилось, что-то произошло такое, что подействовало на меня угнетающим образом.

Но что? И когда случилось? И как искать это несчастное происшествие? Как найти эту причину моей тоски?

Тогда я подумал: надо вспомнить мою жизнь. И я стал лихорадочно вспоминать. Но сразу понял, что из этого ничего не выйдет, если не внести какую-нибудь систему в мои воспоминания.

Нет нужды все вспоминать, подумал я. Достаточно вспомнить только самое сильное, самое яркое. Достаточно вспомнить только то, что было связано с душевным волнением. Только тут и могла лежать разгадка.

И тогда я стал вспоминать наиболее яркие картины, оставшиеся в моей памяти. И увидел, что память сохранила их с необычайной точностью. Сохранились мелочи, детали, цвет, даже запах.

Душевное волнение, как свет магния, осветило то, что произошло. Это были моментальные фотографии, оставшиеся на память в моем мозгу.

С необычайным волнением я стал изучать эти фотографии. И увидел, что они меня волнуют больше, чем даже желание найти причину моих несчастий.

III. ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Жизнь каждого все то же повторяет,
Что до него и прежде совершалось,
И человек, в прошедшее вникая,
Предсказывать довольно верно может
Ход будущих событий...

Итак, я решил вспомнить мою жизнь, чтобы найти причину моих несчастий.

Я решил найти событие или ряд событий, которые подействовали на меня угнетающе и сделали меня несчастной пылинкой, уносимой любым дуновением ветра.

Для этого я решил вспомнить только самые яркие сцены из моей жизни, только сцены, связанные с большим душевным волнением, правильно рассчитав, что только тут и лежит разгадка.

Однако нет нужды вспоминать детские годы, подумал

я. Какие там могут быть особые душевные волнения у мальчишки. Подумаешь, великие дела! Потерял три копейки. Ребята побили. Штаны разорвал. Украли ходули. Учитель единицу поставил... Вот вам и все потрясения детского возраста. Лучше я вспомню, подумал я, сцены из моей сознательной жизни. Тем более что я захворал не в детские годы, а уже будучи взрослым. Начну лет с шестнадцати, подумал я.

И тогда я стал вспоминать наиболее яркие сцены, начиная с шестнадцати лет.

1912—1915

О, сказкой ставшая воскреснувшая быль!
О, крылья бабочки, с которых стерлась пыль!

Я ЗАНЯТ

Двор. Я играю в футбол. Мне уже наскучило играть, но я играю, украдкой поглядывая на окно второго этажа. Мое сердце сжимается от тоски.

Там живет Тата Т. Она взрослая. Ей двадцать три года. У нее старый муж. Ему сорок лет. И мы — гимназисты — всегда подтруниваем над ним, когда он, немного сутулый, возвращается со службы.

И вот открывается окно. Тата Т. поправляет свою прическу, потягиваясь и зевая.

Увидев меня, она улыбается.

Ах, она очень хороша. Она похожа на молодую тигрицу из зоологического сада — такие же яркие, сияющие, ослепительные краски. Я почти не могу на нее смотреть.

Улыбаясь, Тата Т. говорит мне:

— Мишенька, зайдите ко мне на минутку.

Мое сердце колотится от счастья, но, не поднимая глаз, я отвечаю:

— Вы же видите — я занят. Играю в футбол.

— Тогда подставьте свою фуражку. Я вам что-то брошу.

Я подставляю свою гимназическую фуражку. И Тата Т. бросает в нее маленький сверток, перевязанный ленточкой. Это шоколад.

Я прячу шоколад в карман и продолжаю играть.

Дома я съедаю шоколад. И ленточку, приложив на минуту к щеке, прячу в стол.

ПИСЬМО

Столовая. Коричневые обои. Хрустальная солонка в виде перевернутой пирамиды.

За столом сестры и мать.

Я задержался в гимназии, опоздал, и они начали обедать без меня.

Переглядываясь между собой, сестры тихонько смеются.

Я сажусь на свое место. У моего прибора письмо.

Длинный конверт сиреневого цвета. Необычайно душистый.

Дрожащими руками я разрываю конверт. И вынимаю еще более душистый листок. Запах от листка так силен, что сестры, не сдерживаясь, прыскают от смеха.

Нахмурившись, я читаю. Буквы прыгают перед моими глазами.

«О, как я счастлива, что с вами познакомилась...» — запоминаю я одну фразу и мысленно ее твержу.

Встречаюсь со смеющимися глазами матери.

— От кого? — спрашивает она.

— От Нади,— сухо, почти сердито отвечаю я.

Сестры веселятся еще больше.

— Не понимаю,— говорит старшая сестра,— жить в одном доме, видеться каждый день и еще при этом писать письма. Смешно. Глупо.

Я грозно гляжу на сестру. Молча глотаю суп и ем хлеб, пропитанный запахом духов.

СВИДАНИЕ

Петербург. Каменноостровский проспект. Памятник «Стерегущему». Два матроса у открытого кингстона. Бронзовая вода льется в трюм.

Не отрываясь, я смотрю на бронзовых матросов и на бронзовый поток воды. Мне нравится этот памятник.

Я люблю смотреть на эту трагическую сцену потопления корабля.

Рядом со мной на скамье гимназистка Надя В. Нам обоим по шестнадцать лет.

Надя говорит:

— Вообще я полюбила вас напрасно. Решительно все девочки не советовали мне этого делать...

— Но почему же? — спрашиваю я, оторвавшись от памятника.

— Потому что мне всегда нравились веселые, остроумные мужчины... Вы же способны молча сидеть полчаса и больше.

Я отвечаю:

— Я не считаю достоинством говорить слова, которые до меня произносили десятки тысяч людей.

— В таком случае,— говорит Надя,— вы должны меня поцеловать.

Оглядываясь, я говорю:

— Здесь могут увидеть нас.

— Тогда пойдемте в кино.

Мы идем в кино «Молния» и там два часа целуемся.

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО

Я выхожу из гимназии и встречаю реалиста Сережу К. Это белобрысый высокий унылый юноша.

Нервно покусывая губы, он мне говорит:

— Вчера я окончательно расстался с Валькой П. И.— можешь себе представить — она потребовала вернуть все ее письма.

— Надо вернуть,— говорю я.

— Конечно, письма я ей верну,— говорит Сережа,— но я хочу сохранить копии... Кстати, я хочу попросить тебя об одном одолжении. Мне надо, чтоб ты заверил эти копии...

— Для чего? — спрашиваю я.

— Ну, мало ли,— говорит Сережа,— потом она еще скажет, что вообще не любила меня... А если будут заверенные копии...

Мы подходим к Сережиному дому. Сережа — сын брандмейстера пожарной части. И поэтому мне интересно к нему зайти.

Сережа кладет на стол три письма и три уже заранее переписанные копии.

Мне не хочется подписывать копии, но Сережа настаивает. Он говорит:

— Мы уже взрослые. Наши детские годы прошли... Я очень прошу тебя подписать.

Не читая, я пишу на каждом листке копий: «С подлинным верно». И подписываю свою фамилию.

В знак благодарности Сережа ведет меня во двор и там показывает мне штурмовую лестницу и пожарные шланги, которые сушатся на солнце.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Я спешу к заутрене. Стою перед зеркалом, затянутый в гимназический мундир. В левой руке у меня белые лайковые перчатки. Правой рукой я поправляю свой изумительный пробор.

Я не особенно доволен своим видом. Очень юн.

В шестнадцать лет можно было бы выглядеть постарше.

Небрежно набросив на плечи шинель, я выхожу на лестницу.

По лестнице поднимается Тата Т.

Сегодня она удивительно хороша, в своей короткой меховой жакетке, с муфточкой в руках.

— Вы разве не идете в церковь? — спрашиваю я.

— Нет, мы встречаем дома,— говорит она улыбаясь. И, подойдя ко мне ближе, добавляет: — Христос воскресе!.. Мишенька...

— Еще нет двенадцати,— бормочу я.

Обвив мою шею руками, Тата Т. целует меня.

Это не три пасхальные поцелуя. Это один поцелуй, который продолжается минуту. Я начинаю понимать, что это не христианский поцелуй.

Сначала я испытываю радость, потом удивление, потом — смеюсь.

— Что вы смеетесь? — спрашивает она.

— Я не знал, что люди так целуются.

— Не люди,— говорит она,— а мужчины и женщины, дурачок!

Она ласкает рукой мое лицо и целует мои глаза. Потом, услышав, что на ее площадке хлопнула дверь, она поспешно поднимается по лестнице — красивая и таинственная, именно такая, какую я хотел бы всегда любить.

НЕ ВЕРНУСЬ ДОМОЙ

Мы идем в Новую Деревню. Нас человек десять. Мы очень взволнованы. Наш товарищ Васька Т. бросил гимназию, ушел из дому и теперь живет самостоятельно, где-то на Черной Речке.

Он ушел из восьмого класса гимназии. Даже не дождался выпускных экзаменов. Значит, ему наплевать на все.

Втайне мы восхищены Васькиным поступком.

Деревянный дом. Гнилая шаткая лестница.

Мы поднимаемся под самую крышу, входим в Васькину комнату.

На железной койке сидит Васька. Ворот его рубахи расстегнут. На столе бутылка водки, хлеб и колбаса. Рядом с Васькой худенькая девушка, лет девятнадцати.

— Вот он к ней и ушел,— кто-то шепчет мне.

Я гляжу на эту тоненькую девушку. Глаза у нее красные, заплаканные. Не без страха она поглядывает на нас.

Васька лихо разливает водку по стаканам.

Я спускаюсь в сад. В саду — старая дама. Это Васькина мама.

Грозя вверх кулаком, мамаша визгливо кричит, и ее выкрики молча слушают какие-то тетушки.

— Это все она виновата, эта девчонка! — кричит мамаша.— Не будь ее, Вася никогда не ушел бы из дому.

В окне появляется Васька.

— Да уйдите вы, мамаша,— говорит он.— Торчите тут целые дни. Кроме суеты, ничего не вносите... Идите, идите. Не вернусь домой, сказал вам.

Скорбно поджав губы, мамаша садится на ступеньки лестницы.

ПЫТКА

Я лежу на операционном столе. Подо мной белая холодная клеенка. Впереди огромное окно. За окном яркое синее небо.

Я проглотил кристалл сулемы. Этот кристалл у меня был для фотографии. Сейчас мне будут делать промывание желудка.

Врач в белом халате неподвижно стоит у стола.

Сестра подает ему длинную резиновую трубку. Затем, взяв стеклянный кувшин, наполняет его водой. Я с отвращением слежу за этой процедурой. Ну что они меня будут мучить. Пусть бы я так умер. По крайней мере кончатся все мои огорчения и досады.

Я получил единицу по русскому сочинению. Кроме единицы, под сочинением была надпись красными чернилами: «Чепуха». Правда, сочинение на тургеневскую тему — «Лиза Калитина». Какое мне до нее дело?.. Но все-таки пережить это невозможно...

Врач пропихивает в мою глотку резиновый шланг. Все глубже и глубже входит эта отвратительная коричневая кишка.

Сестра поднимает кувшин с водой. Вода льется в меня. Я задыхаюсь. Извиваюсь в руках врача. Со стоном машу рукой, умоляя прекратить пытку.

— Спокойней, спокойней, молодой человек,— говорит врач.— Ну как вам не совестно... Такое малодушие... по пустякам.

Вода выливается из меня, как из фонтана.

В УНИВЕРСИТЕТЕ

У ворот — полицейский офицер. Кроме входного билета, он требует, чтоб я предъявил студенческий матрикул. Я достаю документы.

— Проходите,— говорит он.

Во дворе — солдаты и городовые с ружьями.

Сегодня годовщина смерти Толстого.

Я иду по университетскому коридору. Здесь шум, суета, оживление.

По коридору медленно выступает попечитель учебного округа — Прутченко. Он высокий, крупный, краснолицый. На белой груди под вицмундиром маленькие бриллиантовые запонки.

Вокруг попечителя живая изгородь из студентов — это студенты академической корпорации, «белоподкладочники». Взявшись за руки, они оцепили попечителя и охраняют его от возможных эксцессов. Командует и больше всех суетится какой-то длинновязый прыщеватый студент в мундире, со шпагой на боку.

Вокруг шум и ад. Кто-то кричит: «По улицам слона водили». Шутки. Смех.

Попечитель медленно идет вперед. Живая изгородь почтительно движется вместе с ним.

Появляется студент. Он мал ростом. Некрасивый. Но лицо у него удивительно умное, энергичное.

Подойдя к «изгороди», он останавливается. Невольно останавливается и изгородь с попечителем.

Подняв руку, студент водворяет тишину.

Когда становится тише, студент кричит, отчеканивая каждое слово: «У нас в России две напасти: внизу власть тьмы, вверху — тьма власти».

Взрыв аплодисментов. Хохот.

Длинновязый студент эффектно хватается за эфес шпаги. Попечитель устало бормочет: «Не надо, оставьте...»

Студент со шпагой кому-то говорит: «Узнайте фамилию этого хама...»

СТОИЛО ЛИ ВЕШАТЬСЯ

Повесился студент Мишка Ф. Оставил записку: «Никого не винить. Причина — неудачная любовь».

Я немного знал Мишку. Нескладный. Взъерошенный. Небритый. Не очень умный.

Студенты, впрочем, хорошо относились к нему — он был легкий, компанейский человек.

Из почтения к его трагедии решили выпить за его упокой.

Собрались в пивной на Малом проспекте.

Сначала спели «Быстры, как волны, все дни нашей жизни». Затем стали вспоминать о своем товарище. Однако никто не мог вспомнить ничего особенного.

Тогда кто-то вспомнил, как Мишка Ф. съел несколько обедов в университетской столовой. Все засмеялись. Стали вспоминать всякие мелочи и чепуху из Мишкиной жизни. Хохот поднялся невероятный.

Давясь от смеха, один из студентов сказал:

— Однажды мы собрались на бал. Я зашел за Мишкой. Руки ему не захотелось мыть. Он торопился. Он сунул пальцы в пудреницу и забелил под ногтями черноту.

Раздался взрыв смеха.

Кто-то сказал:

— Теперь понятно, отчего у него была неудачная любовь.

Посмеявшись, снова стали петь «Быстры, как волны». Причем один из студентов всякий раз вставал и рукой подчеркнуто дирижировал, когда песня доходила до слов: «Умрешь — похоронят, как не жил на свете».

Потом мы пели «Гаудеамус», «Вечерний звон» и «Дирлим-бом-бом».

НА ИМЕНИНАХ

Вечер. Я иду домой. Мне очень грустно.

— Студентик! — слышу я чей-то голос.

Передо мной женщина. Она подкрашена и подпудрена. Под шляпкой с пером я вижу простое скуластое лицо и толстые губы.

Нахмурившись, я хочу уйти, но женщина говорит, сконфуженно улыбаясь:

— Я сегодня именинница... Зайдите ко мне в гости — чай пить.

Я бормочу:

— Извините... Мне некогда...

— Я иду со всеми, кто меня приглашает,— говорит женщина.— Но сегодня я решила справить свои именины. Я решила сама кого-нибудь пригласить. Пожалуйста, не откажитесь...

Мы поднимаемся по темной лестнице, среди кошек. Входим в маленькую комнату.

На столе — самовар, орехи, варенье и крендель.

Мы молча пьем чай. Я не знаю, что мне говорить. И она сконфужена моим молчанием.

— Разве у вас никого нет — друзей, близких?

— Нет,— говорит она,— я приезжая, из Ростова.

Попив чаю, я надеваю пальто, чтоб уйти.

— Неужто я вам так не нравлюсь, что вы даже не хотите остаться у меня? — говорит она.

Мне весело и смешно. Я не чувствую к ней брезгливости. Я целую на прощанье ее толстые губы. И она спрашивает меня:

— Зайдешь еще разок?

Я выхожу на лестницу. Может быть, запомнить ее квартиру? В темноте я считаю, сколько ступенек до ее двери. Но сбиваюсь. Может быть, чиркнуть спичку — взглянуть на номер ее квартиры? Нет, не стоит. Я больше не приду к ней.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Я прохожу по вагонам. В руках у меня щипчики для пробивания железнодорожных билетов.

Мои щипчики высекают полумесяц.

Шикарная ветка Кисловодск — Минеральные Воды обслуживается летом студентами. И вот почему я здесь, на Кавказе. Я приехал сюда на заработок.

Кисловодск. Я выхожу на платформу. У дверей вокзала огромный жандарм, с медалями на груди. Он застыл, как монумент.

Вежливо кланяясь и улыбаясь, подходит ко мне кассир.

— Коллега,— говорит он мне (хотя он не студент),— на пару слов... В другой раз вы не пробивайте щипчиками билеты, а возвращайте мне...

Эти слова он произносит спокойно, улыбаясь, как будто речь идет о погоде.

Я растерянно бормочу:

— Зачем?.. Для того чтоб вы их... еще раз продали?..

— Ну да... У меня уже есть договоренность почти со всеми вашими... Доход пополам...

— Мерзавец!.. Вы врете! — бормочу я.— Со всеми?

Кассир пожимает плечами.

— Ну, не со всеми,— говорит он,— но... со многими... А что вас так удивляет? Все так делают... Да разве мог бы я жить на тридцать шесть рублей... Я даже не считаю это преступлением. Нас толкают на это...

Резко повернувшись, я ухожу. Кассир догоняет меня.

— Коллега,— говорит он,— если хотите — не надо, я не настаиваю... только не вздумайте кому-нибудь об этом рассказать. Во-первых — никто не поверит. Во-вторых — доказать нельзя. В-третьих — прослывете лжецом, склочником...

Я медленно бреду к дому... Идет дождь...

Я удивлен больше чем когда-либо в жизни.

ЭЛЬВИРА

Станция Минутка. У меня тихая комната с окнами в сад.

Мое счастье и тишина длятся недолго. В соседнюю комнату въезжает прибывшая из Пензы актриса цирка Эльвира. По паспорту она — Настя Горохова.

Это здоровенная особа, почти неграмотная.

В Пензе у нее был короткий роман с генералом. В настоящее время генерал приехал с супругой на «Кислые воды». Эльвира приехала вслед за ним, неизвестно на что рассчитывая.

Все мысли Эльвиры с утра до ночи направлены в сторону несчастного генерала.

Показывая свои руки, которые под куполом цирка выдерживали трех мужчин, Эльвира говорит мне:

— Вообще говоря, я могла бы спокойно его убить. И больше восьми лет мне бы за это не дали... Как вы думаете?

— А, собственно, что вы от него хотите? — спрашиваю я ее.

— Как что! — говорит Эльвира.— Я приехала сюда исключительно ради него. Я живу тут почти месяц и, как дура, плачу за все сама. Я хочу, чтобы он хотя бы из приличия оплатил бы мне проезд в оба конца. Я хочу написать ему об этом письмо.

За неграмотностью Эльвиры, это письмо пишу я. Я пи-

шу вдохновенно. Мою руку водит надежда, что Эльвира, получив деньги, уедет в Пензу.

Я не помню, что я написал. Я только помню, что, когда прочитал это письмо Эльвире, она сказала: «Да, это крик женской души... И я непременно его убью, если он мне ничего не пришлет после этого».

Мое письмо перевернуло все внутренности генерала. И он с посыльным прислал Эльвире пятьсот рублей. Это были громадные и даже грандиозные деньги по тогдашнему времени.

Эльвира была ошеломлена.

— Имея такие деньги,— сказала она,— просто было бы глупо уехать из Кисловодска.

Она осталась. И осталась с мыслями, что только я причина ее богатства.

Теперь она почти не выходила из моей комнаты.

Хорошо, что вскоре началась мировая война. Я уехал.

1915—1917

Судьба ко мне добрее отнеслась,
Чем к множеству других...

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ

Я еду из Вятки в Казань за пополнением для моего полка. Еду на почтовых лошадях. Иного сообщения нет. Я еду в кибитке, завернутый в одеяла и в шубы.

Три лошади бегут по снегу. Кругом пустынно. Лютый мороз.

Рядом со мной прапорщик С. Мы вместе с ним едем за пополнением.

Мы едем второй день. Все слова сказаны. Все воспоминания повторены. Нам безумно скучно.

Вытащив из кобуры наган, прапорщик С. стреляет в белые изоляторы на телеграфных столбах.

Меня раздражают эти выстрелы. Я сержусь на прапорщика С. Я грубо ему говорю:

— Прекрати... болван!

Я ожидаю скандала, крика. Но вместо этого я слышу жалобный голос в ответ. Он говорит:

— Прапорщик Зощенко... не надо меня останавливать. Пусть я делаю что хочу. Я приеду на фронт, и меня убьют.

Я гляжу на его курносый нос, я смотрю в его жалкие голубоватые глаза. Я вспоминаю его лицо почти через

тридцать лет. Он действительно был убит на второй день после того, как приехал на позицию.

В ту войну прапорщики жили в среднем не больше двенадцати дней.

СПАТЬ ХОЧЕТСЯ

Мы входим в зал. На окнах малиновые бархатные занавеси. В простенках зеркала в золоченых рамах.

Гремит вальс. Это играет на рояле человек во фраке. У него в петлице астра. Но морда у него — убийцы.

На диванах и в креслах сидят офицеры и дамы. Несколько пар танцует.

Входит пьяный корнет. Поет: «Австрийцы надурачили, войну с Россией начали...»

Все подхватывают песню. Смеются.

Я сажусь на диван. Рядом со мной женщина. Ей лет тридцать. Она толстовата. Черная. Веселая.

Заглядывая в мои глаза, она говорит:

— Потанцуем?

Я сижу мрачный, хмурый. Отрицательно качаю головой.

— Спать хочется? — спрашивает она.— Тогда пойдем ко мне.

Мы идем в ее комнату. В комнате китайский фонарь. Китайские ширмочки. Китайские халаты. Это забавно. Смешно.

Мы ложимся спать.

Уже двенадцать. Глаза мои слипаются. Но я не могу заснуть. Мне нехорошо. Тоскливо. Беспокойно. Я томлюсь.

Ей скучно со мной. Она ворочается, вздыхает. Дотрагивается до моего плеча. Говорит:

— Ты не рассердишься, если я ненадолго пойду в зал? Там сейчас играют в лото. Танцуют.

— Пожалуйста,— говорю я.

С благодарностью она меня целует и уходит. Я тотчас засыпаю.

Под утро ее нет, и я снова смыкаю глаза.

Попозже она безмятежно спит, и я, тихонько одевшись, ухожу.

ПЕРВАЯ НОЧЬ

Я вхожу в избу. На столе керосиновая лампа. Офицеры играют в карты. На походной кровати, покуривая трубку, сидит подполковник.

Я здороваюсь.

— Располагайтесь,— говорит подполковник. И, обернувшись к играющим, почти кричит: — Поручик К.! Восемь часов. Вам пора идти на работу.

Лихого вида поручик, красивый, с тонкими усиками, сдавая карты, отвечает:

— Есть, Павел Николаевич... Сейчас... Вот только доиграю.

Я с восхищением гляжу на поручика. Сейчас ему идти «на работу» — в ночь, в темноту, в разведку, в тыл. Может быть, он будет убит, ранен. А он так легко, так весело и шутливо отвечает.

Просматривая какие-то бумаги, подполковник говорит мне:

— Вот отдыхайте, а завтра и вас «на работу» пошлем.

— Есть,— отвечаю я.

Поручик уходит. Офицеры ложатся спать. Тихо. Я прислушиваюсь к далеким ружейным выстрелам. Это моя первая ночь вблизи от фронта. Мне не спится.

Под утро возвращается поручик К. Он грязный, усталый.

Я сочувственно его спрашиваю:

— Не ранены?

Поручик пожимает плечами.

Я говорю:

— Сегодня мне тоже предстоит «работка».

Улыбаясь, поручик говорит:

— Да вы что думаете, что я на боевую операцию ходил? Я с батальоном ходил на работу. Отсюда три километра, в тыл. Мы там делаем вторую линию укрепления.

Мне ужасно неловко, совестно. Я едва не плачу от досады.

Но поручик уже храпит.

НЕРВЫ

Два солдата режут свинью. Свинья визжит так, что нет возможности перенести. Я подхожу близко.

Один солдат сидит на свинье. Рука другого, вооруженная ножом, ловко вспарывает брюхо. Белый жир необъятной толщины распластывается на обе стороны.

Визг такой, что впору заткнуть уши.

— Вы бы ее, братцы, чем-нибудь оглушили,— говорю я.— Чего же ее так кромсать.

— Нельзя, ваше благородие,— говорит первый солдат, сидящий на свинье.— Не тот вкус будет.

Увидев мою серебряную шашку и вензеля на погонах, солдат вскакивает. Свинья вырывается.

— Сиди, сиди,— говорю я.— Уж доканчивайте скорей.

— Быстро тоже нехорошо,— говорит солдат с ножом.— Крайняя быстрота сало портит.

С сожалением посмотрев на меня, первый солдат говорит:

— Ваше благородие, война! Люди стонут. А вы свинью жалеете.

Сделав финальный жест ножом, второй солдат говорит:

— Нервы у их благородия.

Разговор принимает фамильярный оттенок. Это не полагается. Я хочу уйти, но не ухожу.

Первый солдат говорит:

— В Августовских лесах раздробило мне кость вот в этой руке. Сразу на стол. Полстакана вина. Режут. А я колбасу кушаю.

— И не больно?

— Как не больно? Исключительно больно... Съел колбасу. «Дайте, говорю, сыру». Только съел сыр, хирург говорит: «Готово, зашиваем».— «Пожалуйста», говорю... Вот вам, ваше благородие, этого не выдержать.

— Нервы слабые у их благородия,— снова говорит второй солдат.

Я ухожу.

АТАКА

Ровно в двенадцать ночи мы выходим из окопов. Очень темно. В руках у меня наган.

— Тише, тише,— шепчу я,— не гремите котелками.

Но грохот унять невозможно.

Немцы начинают стрелять. Досадно. Значит, они заметили наш маневр.

Под свист и визг пуль мы бежим вперед, чтобы выбить немцев из их траншей.

Поднимается ураганный огонь. Стреляют пулеметы, винтовки. И в дело входит артиллерия.

Вокруг меня падают люди. Я чувствую, что пуля обожгла мою ногу. Но я бегу вперед.

Вот мы уже у самых немецких заграждений. Мои гренадеры режут проволоку.

Неистовый пулеметный огонь прекращает нашу работу. Нет возможности поднять руку. Мы лежим неподвижно.

Мы лежим час, а может, два.

Наконец телефонист протягивает мне телефонную трубку. Говорит командир батальона.

— Отступайте на прежние позиции.

Я отдаю приказ по цепи.

Мы ползем назад.

Утром в полковом лазарете мне делают перевязку. Рана незначительная. И не пулей, а осколком снаряда.

Командир полка, князь Макаев, говорит мне:

— Я очень доволен вашей ротой.

— Мы ничего не сделали, ваше сиятельство,— сконфуженно отвечаю я.

— Вы сделали то, что требовалось. Ведь это была демонстрация, а не наступление.

— Ах, это была демонстрация?

— Это была просто демонстрация. Мы должны были отвлечь противника от левого фланга. Именно там и было наступление.

Я чувствую в своем сердце невероятную досаду, но не показываю вида.

В САДУ

Перед балконом дачи — красивая клумба со стеклянным желтым шаром на подставке.

Убитых привозят на телегах и складывают на траву возле этой клумбы.

Их складывают, как дрова, друг на друга.

Они лежат желтые и неподвижные, как восковые куклы.

Сняв стеклянный шар с подставки, гренадеры роют братскую могилу.

У крыльца стоят командир полка и штабные офицеры. Приходит полковой священник.

Тихо. Где-то далеко рявкает артиллерия.

Убитых опускают в яму на полотенцах.

Священник ходит вокруг и произносит слова панихиды. Мы держим руки под козырек.

Могилу утрамбовывают ногами. Водружают крест.

Неожиданно приезжает еще подвода с убитыми.

Командир полка говорит:

— Ну, как же так, господа. Надо было бы вместе.

Фельдфебель, приехавший на телеге, рапортует:

— Не всех сразу нашли, ваше сиятельство. Эти были на левом краю, в лощине.

— Что же делать? — говорит командир.

— Разрешите доложить, ваше сиятельство,— говорит фельдфебель.— Нехай эти полежат. Может, завтра будет еще. И тогда вместе захороним.

Командир согласен. Убитых относят в сарай.

Мы идем обедать.

ПОЛК В МЕШКЕ

Полк растянулся по шоссе. Солдаты измучены, устали. Второй день, почти не отдыхая, мы идем по полям Галиции.

Мы отступаем. У нас нет снарядов.

Командир полка приказывает петь песни.

Пулеметчики, гарцуя на лошадях, запевают: «По синим волнам океана».

Со всех сторон мы слышим выстрелы, взрывы. Такое впечатление, будто мы в мешке.

Мы проходим мимо деревни. Солдаты бегут к избам. У нас приказ — уничтожить все, что на шоссе.

Это мертвая деревня. Ее не жалко. Здесь нет ни души. Здесь нет даже собак. Нет даже ни одной курицы, которые обычно бывают в брошенных деревнях.

Гренадеры подбегают к маленьким избам и поджигают соломенные крыши. Дым поднимается к небу.

И вдруг в одно мгновение мертвая деревня оживает. Бегут женщины, дети. Появляются мужчины. Ревут коровы. Ржут лошади. Мы слышим крики, плач и визг.

Я вижу, как один солдат, только что поджегший крышу, сконфуженно гасит ее своей фуражкой.

Я отворачиваюсь. Мы идем дальше.

Мы идем до вечера. И потом идем ночью. Кругом зарево пожаров. Выстрелы. Взрывы.

Под утро командир полка говорит:

— Теперь я могу сказать. Два дня наш полк был в мешке. Сегодня ночью мы вышли из него.

Мы падаем на траву и тотчас засыпаем.

ПРОРЫВ

Я запомнил название этой деревни — Тухла.

Здесь мы наспех вырыли окопы. Но проволочные заграждения натянуть не успели. Колючая проволока в больших мотках лежит позади нас.

Вечером я получаю приказ — идти в штаб. Под свист пуль я иду вместе с моим вестовым.

Я вхожу в землянку штаба полка.

Командир полка, улыбаясь, говорит мне:

— Малыш, оставайтесь в штабе. Адъютант в дальнейшем примет батальон. Вы будете вместо него.

Я ложусь спать в шалаше. Снимаю сапоги в первый раз за неделю.

Рано утром я просыпаюсь от взрыва снарядов. Я выбегаю из шалаша.

Командир полка и штабные офицеры стоят у оседланных лошадей. Я вижу, что все взволнованы и даже потрясены. Вокруг нас падают снаряды, визжат осколки и рушатся деревья. Тем не менее офицеры стоят неподвижно, как каменные.

Начальник связи, отчеканивая слова, говорит мне:

— Полк окружен и взят в плен. Минут через двадцать немцы будут здесь... Со штабом дивизии связи нет... фронт разорван на шесть километров.

Нервно дергая свои седые баки, командир полка кричит мне:

— Скорей скачите в штаб дивизии. Спросите, какие будут указания... Скажите, что мы направились в обоз, где стоит наш резервный батальон...

Вскочив на лошадь, я вместе с ординарцем мчусь по лесной дороге.

Раннее утро. Солнце золотит полянку, которая видна справа от меня.

Я выезжаю на эту полянку. Я хочу посмотреть, что происходит и где немцы. Я хочу представить себе полную картину прорыва.

Я соскакиваю с лошади и иду на вершину холма.

Я весь сияю на солнце — шашкой, погонами и биноклем, который я прикладываю к своим глазам. Я вижу какие-то далекие колонны и конную немецкую артиллерию. Я пожимаю плечами. Это очень далеко.

Вдруг выстрел. Один, другой, третий. Трехдюймовые снаряды ложатся рядом со мной. Я еле успеваю лечь.

И, лежа, вдруг вижу внизу холма немецкую батарею. До нее не более тысячи шагов.

Снова выстрелы. И теперь шрапнель разрывается надо мной.

Ординарец машет мне рукой. Другой рукой он показывает на нижнюю дорогу, по которой идет батальон немцев.

Я вскакиваю на лошадь. И мы мчимся дальше.

ЗРЯ ПРИЕХАЛ

Карьером я подъезжаю к высоким воротам. Здесь штаб дивизии.

Я взволнован и возбужден. Воротник моего френча расстегнут. Фуражка на затылке.

Соскочив с лошади, я вхожу в калитку.

Ко мне стремительно подходит штабной офицер, поручик Зрадловский. Он цедит сквозь зубы:

— В таком виде... Застегните ворот...

Я застегиваю воротник и поправляю фуражку.

У оседланных лошадей стоят штабные офицеры.

Я вижу среди них начальника дивизии, генерала Габаева, и начальника штаба, полковника Шапошникова.

Я рапортую.

— Знаю,— раздраженно говорит генерал.

— Что прикажете передать командиру, ваше превосходительство?

— Передайте, что...

Я чувствую какую-то брань на языке генерала, но он сдерживается.

Офицеры переглядываются. Начальник штаба чуть усмехается.

— Передайте, что... Ну, что я могу передать человеку, который потерял полк... Вы зря приехали...

Я ухожу сконфуженный.

Я снова скачу на лошади. И вдруг вижу моего командира полка. Он высокий, худой. В руках у него фуражка. Седые его баки треплет ветер. Он стоит на поле и задерживает отступающих солдат. Это солдаты не нашего полка. Командир подбегает к каждому с криком и с мольбой.

Солдаты покорно идут к опушке леса. Я вижу здесь наш резервный батальон и двуколки обоза.

Я подхожу к офицерам. К ним подходит и командир полка. Он бормочет:

— Мой славный Мингрельский полк погиб.

Бросив фуражку на землю, командир в гневе топчет ее ногой.

Мы утешаем его. Мы говорим, что у нас осталось пятьсот человек. Это не мало. У нас снова будет полк.

АД

Мы сидим в каком-то овине. До окопов семьсот шагов. Свистят пули. И снаряды рвутся совсем близко от нас. Но командир полка Бало Макаев радостен, почти весел. У нас снова полк — наспех пополненный батальоном.

Трое суток мы сдерживаем натиск немцев и не отступаем.

— Пишите,— диктует мне командир.

На моей полевой сумке тетрадь. Я пишу донесение в штаб дивизии.

Тяжелый снаряд разрывается в десяти шагах от овина. Мы засыпаны мусором, грязью, соломой.

Сквозь дым и пыль я вижу улыбающееся лицо командира.

— Ничего,— говорит он,— пишите.

Я снова принимаюсь писать. Мой карандаш буквально подпрыгивает от близких разрывов. Через двор от нас горит дом. Снова с ужасным грохотом разрывается тяжелый снаряд. Это уже совсем рядом с нами. С визгом и со стоном летят осколки. Маленький горячий осколок я для чего-то прячу в карман.

Нет нужды сидеть в этом овине, над которым теперь нет даже крыши.

— Ваше сиятельство,— говорю я,— разумней перейти на переднюю линию.

— Мы останемся здесь,— упрямо говорит командир.

Ураганный артиллерийский огонь обрушивается на деревню. Воздух наполнен стоном, воем, визгом и скрежетом. Мне кажется, что я попал в ад.

Мне казалось, что я был в аду! В аду я был двадцать пять лет спустя, когда через дом от меня разорвалась немецкая бомба весом в полтонны.

Я ЕДУ В ОТПУСК

В руках у меня чемодан. Я стою на станции Залесье. Сейчас подадут поезд, и я через Минск и Дно вернусь в Петроград.

Подают состав. Это все теплушки и один классный вагон. Все бросаются к поезду.

Вдруг выстрелы. По звуку — зенитки. На небе появляются немецкие самолеты. Их три штуки. Они делают круги над станцией. Солдаты беспорядочно стреляют в них из винтовок.

Две бомбы с тяжким воем падают с самолетов и разрываются около станции.

Мы все бежим в поле. На поле — огороды, госпиталь с красным крестом на крыше и поодаль какие-то заборы.

Я ложусь на землю у забора.

Покружившись над станцией и сбросив еще одну бомбу, самолеты берут курс на госпиталь. Три бомбы почти одновременно падают у заборов, взрывая вверх землю. Это уже свинство. На крыше огромный крест. Его не заметить нельзя.

Еще три бомбы. Я вижу, как они отрываются от самолетов. Я вижу начало их падения. Затем только вой и свист воздуха.

Снова стреляют наши зенитки. Теперь осколки и стаканы нашей шрапнели осыпают наше поле. Я прижимаюсь к забору. И вдруг через щелочку вижу, что за забором артиллерийский склад.

Сотни ящиков с артиллерийскими снарядами стоят под открытым небом.

На ящиках сидит часовой и глазеет на самолеты.

Я медленно поднимаюсь и глазами ищу место, куда мне деться. Но деться некуда. Одна бомба, попавшая в ящики, перевернет все вокруг на несколько километров.

Сбросив еще несколько бомб, самолеты уходят.

Я медленно иду к поезду и в душе благословляю неточную стрельбу. Война станет абсурдом, думаю я, когда техника достигнет абсолютного попадания. За этот год я был бы убит минимум сорок раз.

Я ЛЮБЛЮ

Звоню. Дверь открывает Надя В. Она вскрикивает от удивления. И бросается мне на шею.

На пороге ее сестры и мама.

Мы идем на улицу, чтоб спокойно поговорить. Мы садимся на скамью у памятника «Стерегущему».

Сжимая мои руки, Надя плачет. Сквозь слезы она говорит:

— Как глупо. Зачем вы мне ничего не писали. Зачем уехали так неожиданно. Ведь прошел год. Я выхожу замуж.

— Вы любите его? — спрашиваю я, еще не зная, о ком идет речь.

— Нет, я его не люблю. Я люблю вас. Я больше никого не полюблю. Я откажу ему.

Она снова плачет. И я целую ее лицо, мокрое от слез.

— Но как я могу ему отказать,— говорит Надя, медленно перебивая себя.— Ведь мы обменялись кольцами. И была помолвка. В этот день он подарил мне именье в Смоленской губернии.

— Тогда не надо,— говорю я.— Ведь я же снова уеду на фронт. И что вам меня ждать? Может, я буду убит или ранен.

Надя говорит:

— Я все обдумаю. Я все решу сама. Не надо мне ничего говорить... Я вам отвечу послезавтра.

На другой день я встречаю Надю на улице. Она идет под руку со своим женихом.

В этом нет ничего особенного. Это естественно. Но я взбешен.

Вечером я посылаю Наде записку о том, что меня срочно вызывают на фронт. И через день я уезжаю.

Это был самый глупый и бестолковый поступок в моей жизни.

Я ее очень любил. И эта любовь не прошла до сих пор.

ПРИХОДИ ЗАВТРА

У подъезда я встречаю Тату Т. Она так красива и так ослепительна, что я отвожу от нее глаза, как от солнца.

Она смеется, увидев меня. Она с любопытством рассматривает мою форму и трогает мою серебряную шашку. Потом говорит, что я стал совсем взрослый и что даже неприлично, если люди увидят нас вместе. Непременно будут сплетни.

Мы поднимаемся по лестнице.

Позвякивая шпорами, я вхожу в ее квартиру.

У зеркала Тата поправляет свои волосы. Я подхожу к ней и обнимаю ее. Она смеется. Удивляется, что я стал такой храбрый. Она обнимает меня так, как когда-то на лестнице.

Мы целуемся. И в сравнении с этим весь мир кажется мне ничтожным. И ей тоже безразлично, что происходит кругом.

Потом она смотрит на часы и вскрикивает от страха. Говорит:

— Сейчас придет мой муж.

И в эту минуту открывается дверь, и входит ее муж.

Тата едва успевает поправить свою прическу.

Муж садится в кресло и молча смотрит на нас.

Тата, не растерявшись, говорит:

— Николай, ты только посмотри на него, какой он стал. Ведь он только сию минуту приехал с фронта.

Кисло улыбаясь, муж смотрит на меня.

Разговор не вяжется. И я, церемонно поклонившись, ухожу. Тата провожает меня.

Открыв дверь на лестницу, она шепчет мне:

— Приходи завтра днем. Он уходит в одиннадцать.

Я молча киваю головой.

Лицо ее мужа и кислая его улыбка целый день не выходят из моей головы. Мне кажется ужасным — и даже преступным — пойти к ней завтра днем.

Утром я посылаю Тате записку о том, что я срочно уезжаю на фронт.

Вечером я уезжаю в Москву и, пробыв там несколько дней, возвращаюсь в полк.

ВОР

Я командир батальона. Я обеспокоен тем, что дисциплина у меня падает.

Мои гренадеры с улыбкой отдают мне честь. Они почти подмигивают мне. Вероятно, я сам виноват. Я слишком много беседую с ними. Около моей землянки целый день толкутся люди. Некоторым нужно написать письма. Другие приходят за советом.

Какие могут быть советы, если я за спиной слышу, что они меня называют «внучек».

Дошло до того, что из моей землянки стали пропадать вещи. Исчезла трубка. Зеркало для бритья. Исчезают конфеты, бумага.

Надо будет всех подтянуть и приструнить.

Мы на отдыхе. Я сплю в избе на кровати.

Сквозь сон я вдруг чувствую, что чья-то рука тянется через меня к столу. Я вздрагиваю от ужаса и просыпаюсь.

Какой-то солдатик стремительно выскакивает из избы.

Я бегу за ним с наганом в руках. Я взбешен так, как никогда в жизни. Я кричу: «Стой!» И если б он не остановился, я бы в него выстрелил. Но он остановился.

Я подхожу к нему. И он вдруг падает на колени. В руках у него моя безопасная бритва в никелированной коробочке.

— Зачем же ты взял? — спрашиваю я его.

— Для махорки, ваше благородие,— бормочет он.

Я понимаю, что его надо наказать, отдать под суд. Но у меня не хватает сил это сделать. Я вижу его унылое лицо, жалкую улыбку, дрожащие руки. Мне отвратительно, что я погнался за ним.

Вынув бритву, я отдаю ему коробку. И ухожу, раздраженный на самого себя.

ДВАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

Я стою в окопах и с любопытством посматриваю на развалины местечка. Это — Сморгонь. Правое крыло нашего полка упирается в огороды Сморгони.

Это знаменитое местечко, откуда бежал Наполеон, передав командование Мюрату.

Темнеет. Я возвращаюсь в свою землянку.

Душная июльская ночь. Сняв френч, я пишу письмо.

Уже около часа. Надо ложиться. Я хочу позвать вестового. Но вдруг слышу какой-то шум. Шум нарастает. Я слышу топот ног. И звяканье котлов. Но криков нет. И нет выстрелов.

Я выбегаю из землянки. И вдруг сладкая удушливая волна охватывает меня. Я кричу: «Газы!.. Маски!..» И бросаюсь в землянку. Там у меня на гвозде висит противогаз.

Свеча погасла, когда я стремительно вбежал в землянку. Рукой я нащупал противогаз и стал надевать его. Забыл открыть нижнюю пробку. Задыхаюсь. Открыв пробку, выбегаю в окопы.

Вокруг меня бегают солдаты, заматывая свои лица марлевыми масками.

Нашарив в кармане спички, я зажигаю хворост, лежащий перед окопами. Этот хворост приготовлен заранее. На случай газовой атаки.

Теперь огонь освещает наши позиции. Я вижу, что все гренадеры вышли из окопов и лежат у костров. Я тоже ложусь у костра. Мне нехорошо. Голова кружится. Я проглотил много газа, когда крикнул: «Маски!»

У костра становится легче. Даже совсем хорошо. Огонь поднимает газы, и они проходят, не задевая нас. Я снимаю маску.

Мы лежим четыре часа.

Начинает светать. Теперь видно, как идут газы. Это не сплошная стена. Это клуб дыма шириной в десять саженей. Он медленно надвигается на нас, подгоняемый тихим ветром.

Можно отойти вправо или влево — и тогда газ проходит мимо, не задевая.

Теперь не страшно. Уже кое-где я слышу смех и шутки. Это гренадеры толкают друг друга в клубы газа. Хохот. Возня.

Я в бинокль гляжу в сторону немцев. Теперь я вижу, как они из баллонов выпускают газ. Это зрелище отвратительно. Бешенство охватывает меня, когда я вижу, как методически они это делают.

Я приказываю открыть огонь по этим мерзавцам. Я приказываю стрелять из всех пулеметов и ружей, хотя понимаю, что вреда мы принесем мало — расстояние полторы тысячи шагов.

Гренадеры стреляют вяло. И стрелков немного. Я вдруг вижу, что многие солдаты лежат мертвые. Их — большинство. Иные же стонут и не могут подняться.

Я слышу звуки рожка в немецких окопах. Это отравители играют отбой. Газовая атака окончена.

Опираясь на палку, я бреду в лазарет. На моем платке кровь от ужасающей рвоты.

Я иду по шоссе. Я вижу пожелтевшую траву и сотню дохлых воробьев, упавших на дорогу.

ФИНАЛ

Наш полк снова на отдыхе.

На розвальнях мы едем в обоз второго разряда — там предстоит ужин.

Начальник обоза встречает дорогих гостей.

На столе бурдюки с вином, шашлыки и всякая снедь.

Я сижу за столом с сестрой милосердия Клавой. Я уже пьян. Но нужно пить еще. Каждый стакан сопровождается тостом.

Я чувствую, что мне не следует больше пить. После газов у меня непорядки в сердце.

Чтобы не пить, я выхожу на улицу. И сажусь на крыльцо.

Приходит Клава и удивляется, что я сижу без пальто на морозе. Она за руку ведет меня в свою комнату. Там тепло. Мы садимся на ее постель.

Но отсутствие наше уже замечено. Со смехом и шутками офицеры стучат в окно нашей комнаты.

Мы снова идем к столу.

Утром мы возвращаемся на стоянку полка. И я как камень засыпаю на своей походной койке.

Я просыпаюсь от воя и взрыва бомб. Немецкий самолет бомбит деревню. Это не та бомбежка, что мы знаем из последней войны. Это четыре бомбы — и самолет улетает.

Я выхожу на улицу. И вдруг чувствую, что не могу дышать. Сердце мое останавливается. Я берусь за пульс — пульса нет.

С невероятным трудом, держась за заборы, я дохожу до нашего околотка.

Врач, покачивая головой, кричит:

— Камфору!

Мне впрыскивают камфору.

Я лежу, почти умирая. У меня немеет левая часть груди. Пульс у меня сорок.

— Вам нельзя пить,— говорит врач.— Порок сердца.

И я даю себе слово больше не пить.

Меня везут в госпиталь по талому февральскому снегу.

1917—1920

> Обратно к войскам поскакал на коне,
> И новым повеяло ветром в стране...

Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ

Первые числа марта. С вокзала я еду на извозчике домой.

Я еду мимо Зимнего дворца. Вижу на дворце красный флаг.

Значит — новая жизнь. Новая Россия. И я — новый, не такой, как был. Пусть все позади — мои огорчения, нервы, моя хандра, мое больное сердце.

С восторгом я вхожу в свой родной дом. И в тот же день обхожу всех моих друзей. Я вижу Надю и ее мужа. Встречаю Тату Т. Захожу к товарищам по университету.

Я вижу кругом радость и ликование. Все довольны, что

произошла революция. Кроме Нади, которая сказала мне: «Это ужасно. Это опасно для России. Я не жду ничего хорошего».

Два дня я чувствую себя прекрасно. На третий день у меня снова хандра, снова перебои сердца, мрак и меланхолия.

Я ничего не понимаю. Я теряюсь в догадках, откуда возникла эта тоска. Ее не должно быть!

Вероятно, нужно работать. Вероятно, нужно все силы отдать людям, стране, новой жизни.

Я иду в главный штаб, к представителю Временного правительства. Я прошу его снова назначить меня в армию.

Но я негоден в строй, и меня назначают комендантом главного почтамта и телеграфа.

То, что мне больше всего неприятно,— исполнилось. Я сижу в кабинете и подписываю какие-то бумаги. Эта работа мне противна в высшей степени.

Я иду снова в штаб и прошу командировать меня куда-либо в провинцию.

Мне предлагают Архангельск — адъютантом дружины. Я соглашаюсь.

Через неделю я должен ехать.

ПЯТИЧАСОВОЙ ЧАЙ

За мной заходит правовед Л. Мы собираемся идти в один весьма аристократический дом — к княгине Б.

Л. просит меня надеть все мои ордена.

— Ей будет приятно,— говорит он.— Ее муж до сих пор на фронте. Он командует гвардейской дивизией.

Я показываю свои ордена. Один орден — на моей кавказской шашке. Два ордена приклепаны на моем портсигаре. Четвертый орден носится на шее. Мне вообще как-то неловко его надеть. Пятый орден я не получил на руки — только в приказе.

Л. настаивает. Он прилаживает орден под воротник моего френча.

Чувствуя себя неважно, я иду с правоведом на Офицерскую.

Мне не приходилось раньше бывать среди аристократии. Февральская революция сломала сословные перегородки. И вот я иду в этот дом.

В маленькой гостиной два гвардейских офицера, несколько правоведов и лицеист.

Княгиня нехороша собой — небольшого роста, с мелкими чертами лица. Но она держится очень просто. И я не чувствую неловкости.

Лакей бесшумно вкатывает в комнату стеклянный столик на колесиках. Княгиня разливает чай.

Разговор все время вокруг царской фамилии. Все время речь идет о Николае, об отречении, о здоровье того или иного члена царской семьи. О самочувствии супруги. И о всяких придворных делах и поступках.

Я как бревно сижу в кресле, со своим орденом на шее. Мне абсолютно нечего сказать на эту тему. Я с тоской посматриваю на моего знакомого правоведа. Он отводит глаза от меня.

Попив чай, мы переходим в большую гостиную. Однако тема разговора не меняется.

Наконец кто-то из правоведов начинает петь модную тогда песенку: «По улицам ходила большая крокодила...» Все подхватывают эту песенку.

Они поют ее пять или шесть раз и при этом смеются. Один из правоведов берет в зубы какой-то шарф, когда песенка доходит до слов: «В зубах она держала кусочек одеяла...»

Все страшно смеются. И княгиня снисходительно посмеивается.

В семь часов мы выходим на улицу. Л. спрашивает меня, как мне понравилось. Я пожимаю плечами.

НЕВЕСТА ВАВА

Я приехал в Архангельск мрачный, в ужасной тоске. Тем не менее, а может быть и поэтому, меня там начали сватать.

Мне прочили в невесты Ваву М.— дочь очень богатого рыботорговца.

Я не видел эту девушку, и она не видела меня. Но там было принято такое сватовство. Это занимало дам, которым нечего было делать.

Мою встречу с невестой обставили торжественно — в зимнем саду какого-то богатого дома.

Передо мной была очень юная, очень тихая девушка.

Нас оставили вдвоем, чтоб мы побеседовали.

Я всегда был неразговорчив. Но в тот вечер случилась просто катастрофа. Я клещами вытаскивал из себя слова, чтобы заполнить ужасающие паузы.

Девушка испуганно смотрела на меня и тоже молчала.

Я ниоткуда не ждал спасения. Все ушли в дальние комнаты и плотно прикрыли дверь зимнего сада.

Тогда я стал читать стихи.

Я стал читать стихи из модной книжки В. Инбер — «Печальное вино». Потом я стал читать Блока и Маяковского.

Вава слушала меня внимательно, не проронив слова.

Когда в гостиную вошли люди, я был почти весел. Я спросил Ваву, понравилось ли то, что я ей читал. Она тихо сказала:

— Я не люблю стихи.

— Так зачем же вы целый час слушали их! — воскликнул я, глухо пробормотав: «Дура».

— Это было бы невежливостью с моей стороны не слушать то, что вы говорите.

Почти по-солдатски я повернулся на каблуках и, взбешенный, отошел от девушки.

ЗАМШЕВЫЕ ПЕРЧАТКИ

По вторникам и субботам мы бываем у Д. Это молодая женщина, вдова морского офицера.

У нее всегда очень весело. Она остроумна и кокетлива.

Я не имею у нее успеха. Ей нравится мичман Т.— добродушный широкоплечий офицер.

Вечер. Мы играем у нее в покер. Д. кокетничает с мичманом. Она как бы невзначай прикасается рукой к его руке и подолгу смотрит в его глаза. Похоже на то, что она пригласит его бывать у себя не только по вторникам и субботам.

Впрочем, со мной она тоже приветлива. Но не настолько. Она говорит, что я слишком инертен, немужественен, печален. Меланхолия — это не ее идеал.

Мы уходим от нее ночью. И на улице подшучиваем над мичманом, который загадочно улыбается.

Утром я не нахожу свои перчатки. Мне очень жаль их. Это английские замшевые перчатки. Должно быть, я оставил их у Д.

По телефону я звоню Д. В ответ я слышу продолжительный смех. Сквозь смех она говорит мне:

— Ах, это ваши перчатки? Я почему-то была уверена, что это перчатки мичмана...

Я захожу к ней в назначенный час. Она не отпускает меня, и мы пьем чай в ее будуаре.

Попив чай, она склоняет свою голову мне на грудь. И я ухожу от нее через три часа.

В передней она подает мне мои замшевые перчатки.

— Вот ваши перчатки, плутишка,— говорит она, улыбаясь.— Согласитесь сами, что это немножко наивный прием — оставить перчатки, чтоб потом прийти к даме.

Я бормочу извинения. Смеясь, она грозит мне пальцем. Вздохнув, говорит:

— Как видите, я оценила вашу милую уловку. Вы предприимчивы. Я не ожидала этого от вас...

— Мадам,— говорю я,— уверяю вас... Я случайно забыл перчатки... Я не имел никаких намерений...

Я пожалел о том, что я так сказал. Лицо ее стало некрасивое, желтое, почти старое.

— Ах, вот как,— сказала она сквозь зубы.— В таком случае я очень сожалею... О, пусть мне это будет уроком!

Она меня больше не приглашала к себе.

Я бы так же поступил на ее месте.

ДОРОГИ ВЕДУТ В ПАРИЖ

В кресле против меня французский полковник. Чуть усмехаясь, он говорит:

— Завтра, в двенадцать часов дня, вы можете получить паспорт. Через десять дней вы будете в Париже... Вы должны благодарить мадемуазель Р. Это она оказала вам протекцию.

— Я не просил об этом мадемуазель Р.,— говорю я полковнику.

Прищурившись, он смотрит на меня.

— Ах, вот как,— говорит он.— В таком случае извините, я не знал, что это идет вразрез с вашим желанием.

Я говорю:

— Я не собираюсь никуда уезжать, полковник. Это недоразумение.

Пожав плечами, он говорит:

— Мой друг, вы отдаете себе отчет, что происходит в вашей стране?.. Прежде всего это небезопасно для жизни — пролетарская революция... Мы здесь, в Архангельске, чувствуем это еще не в такой степени... Вы должны подумать. Я завтра ожидаю вас в двенадцать.

— Хорошо, я подумаю,— говорю я. Хотя мне нечего думать. У меня нет сомнений. Я не могу и не хочу уехать из России. Я ничего не ищу в Париже.

Вечером ко мне приходит мадемуазель Р. Она францу-

женка. Она не очень хороша собой. Но она очень веселая и смешливая. Кое-что я не понимаю в ней. Она всякий раз берет из пепельницы мой окурок папиросы и прячет его в сумку. «Это на память»,— говорит она. Я не могу ее отучить от этой дурной манеры. Вероятно, она провинциалка. Но она утверждает, что она родилась в Париже.

Она спрашивает меня, видел ли я полковника. Я ей рассказываю все, что было. Она немного раздражена. Сердито говорит:

— Это глупо. Все ваши уезжают. Вы здесь все равно не останетесь. Дороги ведут в Париж.

Восторженно она говорит о Париже и о том, как мы сказочно там будем жить.

Я спускаю ее с облаков. Я говорю ей:

— В таком случае зачем же вы уехали из Парижа? Вы здесь всего — гувернантка, учительница. А там вы будете швея.

Она говорит:

— Я приехала сюда к миллионеру. Это интересно... А там я буду не швея, а кокотка.

Мы смеемся.

У ВОРОТ

Я взбегаю на третий этаж одним духом. Сердце мое колотится.

Я звоню у Надиных дверей. Никто не отворяет. Я стучу в дверь сначала тихо, потом стучу ногой.

Открывается соседняя дверь.

— Вам нужно В.? — спрашивает старуха.— Они все уехали.

— Куда?

— Не знаю. Спросите дворника.

Я стою у ворот. Передо мной дворник. Он узнал меня. Улыбается.

— Все В. уехали,— говорит он почти радостно.

— Когда?

— В том месяце. В феврале.

— А вы не знаете, куда они уехали?

— Куда ж они могли уехать? К белым... Ну, так ведь папаша — генерал... А тут ваших дробили — красота!.. Конечно, уехали...

Должно быть, увидев смятение на моем лице, дворник сочувственно вздыхает.

— Да вы по ком страдали-то? — спрашивает он.— Что-то я не помню — по Наденьке или по Катеньке.

— По Наденьке.

— Очень милая госпожа,— говорит он.— Папа — генерал, супруг — помещик... Ясно... Взяла младенца и уехала.

— Разве у нее был ребенок?

— Я же говорю — взяла только что родившегося ребенка и уехала.

Я иду домой. Весь мир мне кажется тусклым.

В ПОДВАЛЕ

Я сижу на низеньком табурете. На моих коленях чей-то потрепанный сапог. Рашпилем я подравниваю только что прибитую кожу подметки.

Я — сапожник. Мне нравится эта работа. Я презираю интеллигентский труд — это умственное ковыряние, от которого, должно быть, исходят меланхолия и хандра.

Я не вернусь больше к прошлому. Мне довольно того, что у меня есть.

Напротив меня, за низким грязным столом, сидит хозяин Алексей Алексеевич — толстый сапожник в никелированных очках. Рядом с ним его племянник — подросток Андрюшка. Они оба работают сосредоточенно.

Подросток не без лихости бьет молотком по подметке.

Позади, на деревянном диване,— белобрысый хозяйский сын. Оболтусу двадцать лет. Он поступает в консерваторию, на класс скрипки. По этой причине он не работает. Он сидит с газетой в руках.

Засмеявшись, подросток Андрюшка начинает рассказывать историю о том, как летом один жилец свалился из окна второго этажа. Выпив денатурату, он заснул на подоконнике и, потянувшись во сне, упал в сад. Побился, но не убился.

Третью неделю я каждый день слышу эту историю. Тем не менее все смеются. И я тоже смеюсь — это почему-то смешно.

На наш смех иной раз выходит из кухни хозяйка и, встав у дверей, тоже смеется, утирая передником рот и глаза.

Хозяин, впрочем, не позволяет рассказывать эту историю. Он сердится и бранится, когда начинается этот рассказ. Но его самого захватывают подробности, и он смеется сильнее всех, держась рукой за живот. У него язва

желудка, и ему нельзя смеяться. Поэтому он запрещает этот рассказ.

Однако подросток либо хозяйский сын нарочно заводят об этом речь. Они начинают издалека, как бы с посторонних предметов — с выпивки, с денатурата, со спящих людей. Но всякий раз подгоняют разговор к происшествию.

На этот раз подросток начинает с дворника, который испугался. Хозяйский сын подбрасывает несколько фраз не в пользу дворника. И тогда подросток, взвизгивая от смеха, рассказывает подробности — как бросился бежать этот дворник, когда рука падающего жильца ударила его по плечу и затылку.

От смеха хозяин мотается на табуретке, по временам охая и хватаясь за живот.

Наконец он выскакивает на кухню.

Я говорю:

— Не следует его смешить. Видите — ему опять нехорошо.

Хозяйский сын говорит:

— Чепуха. У папаши тошнота. Всем известно — это облегчает людей.

Возвращается хозяин, утирая рот рукавом.

Мы снова молча работаем.

ЧУГУННАЯ ТЕНЬ

Бывшая помещичья усадьба «Маньково» в Смоленской губернии. Сейчас здесь совхоз.

При исполкоме я прилично сдал экзамены на звание птицевода. И теперь я заведующий птицеводческой фермой.

Я брожу среди птиц с книгами в руках. Некоторые породы птиц я видел только в жареном виде. И вот теперь учебники мне приходят на помощь.

Две недели я не отхожу от птиц, почти ночую с ними, стараясь изучить их характер и нравы.

На третью неделю я позволяю себе небольшие прогулки в окрестности.

Я хожу по проселочным дорогам. По временам встречаю крестьян.

Всякий раз меня ошеломляют эти встречи. Шагов за пятнадцать крестьянин снимает свою шапку и низко кланяется мне.

Я вежливо приподнимаю свою кепку и сконфуженно прохожу.

Сначала я думаю, что эти поклоны случайны, но потом вижу, что это повторяется всякий раз.

Быть может, меня принимают за какую-нибудь важную шишку?

Я спрашиваю старуху, которая только что поклонилась мне почти в землю.

— Бабушка,— говорю я,— почему вы так кланяетесь мне? В чем дело?

Поцеловав мою руку и ничего не сказав, старуха уходит.

Тогда я подхожу к крестьянину. Он пожилой. В лаптях. В рваной дерюге. Я спрашиваю его, почему он содрал с себя шапку за десять шагов и поклонился мне в пояс.

Поклонившись еще раз, крестьянин пытается поцеловать мою руку. Я отдергиваю ее.

— Чем я тебя рассердил, барин? — спрашивает он.

И вдруг в этих словах и в этом его поклоне я увидел и услышал все. Я увидел тень прошлой привычки жизни. Я услышал окрик помещика и тихий рабский ответ. Я увидел жизнь, о которой я не имел понятия. Я был поражен, как никогда в жизни.

— Отец,— сказал я крестьянину,— вот уже год власть у рабочих и крестьян. А ты собираешься лизать мне руку.

— До нас не дошло,— говорит крестьянин.— Верно, господа съехали со своих дворов, живут по хатам... Но кто ж его знает, как оно будет...

Я иду с крестьянином до его деревни. Я захожу в его избу.

На каждом шагу я вижу чугунную тень прошлого.

УМИРАЕТ СТАРИК

Я стою в крестьянской избе. На столе лежит умирающий старик.

Он лежит уже третий день и не умирает.

Сегодня у него в руке восковая свечка. Она падает и гаснет, но ее снова зажигают.

У изголовья родственники. Они смотрят на старика не отрываясь. Вокруг невероятная бедность, грязь, тряпки, нищета...

Старик лежит ногами к окну. Лицо у него темное, напряженное. Дыхание неровное. Иной раз кажется, что он уже умер.

Наклонившись к старухе — его жене, я тихо говорю ей:

— Я съезжу за доктором. Не дело, что он третий день лежит на столе.

Старуха отрицательно качает головой.

— Не надо его тревожить,— говорит она.

Старик открывает глаза и мутным взором обводит окружающих. Губы его что-то шепчут.

Одна из женщин, молодая и смуглолицая, наклоняется к старику и молча слушает его бормотанье.

— Что он? — спрашивает старуха.

— Титьку просит,— отвечает женщина. И, быстро расстегнув свою кофту, берет руку старика и кладет ее на свою обнаженную грудь.

Я вижу, как лицо старика светлеет. Нечто вроде улыбки пробегает по его губам. Он дышит ровней, спокойней.

Все стоят молча, не шевелясь.

Вдруг тело старика вздрагивает. Рука его беспомощно падает вниз. Лицо делается строгим и совсем спокойным. Он перестает дышать. Он умер.

Тотчас старуха начинает голосить. И вслед за ней голосят все.

Я выхожу из избы.

МЫ ИГРАЕМ В КАРТЫ

На столе керосиновая лампа под кокетливым розовым абажуром. Мы играем в преферанс.

Мои партнеры -- толстая дама Ольга Павловна, старик с гнилыми зубами и его дочь — молодая красивая женщина Вероника. Это бывшие помещики из соседних районов. Они не пожелали уехать далеко от своих владений. Сняв у крестьян эту избу, они живут здесь на правах частных людей.

Вот уже четыре часа мы сидим за столом. Мне осточертела эта игра. Я бы с наслаждением ее бросил. Но мне неудобно — я в проигрыше, у меня большой ремиз наверху.

Мне безумно не везет. Везет Ольге Павловне, которая с каждой удачей делается все более шумной и радостной.

Открыв «10 игры», она от восторга ударяет ладонью по столу.

— Я счастливая! — кричит она.— Мне всегда и во всем везло... Пройдет два-три месяца, и я уверена, что получу обратно свое имение...

Старик с гнилыми зубами начинает смеяться.

— Одно дело карты, почтеннейшая Ольга Павловна,— говорит он,— а другое дело — Россия, политика, революция.

— Безразлично! — кричит Ольга Павловна.— В жизни мы тоже играем в карты. Одному везет, другому не везет. А мне всегда и во всем везло — и в жизни, и в карты... Вот увидите, я скоро получу обратно свое «Затишье»...

Сдавая карты, она говорит:

— Получу свое «Затишье», немного попорю своих мужиков, и все пойдет по-старому.

— После такой революции только лишь попорете? — спрашивает гнилозубый старик, перестав смеяться.

Ольга Павловна, прекратив сдачу, говорит:

— Я не такая безмозглая, чтобы сажать в тюрьму своих мужиков. Я не намерена остаться без рабочей силы. Имейте это в виду...

— Ну нет, почтеннейшая Ольга Павловна,— говорит старик.— Я категорически не согласен с вами... И буду возражать против вашей политики... Двоих я вешаю — я знаю кого. Пятерых отправлю на каторгу. Остальных — порю и штрафую. Пусть они год работают только на меня.

Я бросаю свои карты так, что они подскакивают на столе и рассыпаются по полу.

— Ох! — надменно восклицает Ольга Павловна.

— Негодяи, преступники! — говорю я тихо.— Это из-за вас такая беда, такая темнота в деревне, такой мрак...

Я выгребаю из карманов деньги и швыряю их на стол.

Меня колотит лихорадка.

Я выскакиваю в сени и, нащупав шубу, с трудом всовываю в нее свои руки.

В комнате тихо. Даже никто не шепчется. Я жду, что в сени выйдет Вероника, но она не выходит.

Я иду во двор. Вывожу лошадь из ворот. Ложусь в розвальни.

Лошадь бойко бежит — она сама знает дорогу.

Над моей головой темное небо, звезды. Вокруг снег, поля. И ужасная тишина.

Зачем я приехал сюда? Для чего я тут, среди птиц и шакалов? Я завтра же уеду отсюда.

В ШТАБЕ ПОЛКА

Я сижу за столом. Переписываю приказ по полку. Этот приказ мы набросали сегодня утром вместе с командиром и комиссаром полка.

Я — адъютант 1-го Образцового полка деревенской бедноты.

Передо мной карта северо-западной России. Красным

карандашом отмечена линия фронта — она идет от берега Финского залива через Нарву — Ямбург.

Наш штаб полка в Ямбурге.

Я переписываю приказ красивым четким почерком.

Командир и комиссар уехали на позиции. У меня порок сердца. Мне нельзя скакать на лошади. И поэтому они редко берут меня с собой.

Кто-то стучит в окно. Я вижу какую-то штатскую фигуру в изодранном, грязном пальто. Постучав в окно, человек кланяется.

Я велю часовому пропустить этого человека. Часовой нехотя пропускает.

— Что вам угодно? — спрашиваю я.

Сняв шапку, человек мнется у дверей.

Я вижу перед собой человека очень жалкого, очень какого-то несчастного, забитого, огорченного. Чтобы ободрить его, я подвожу его к креслу и, пожав ему руку, прошу сесть. Он нехотя садится.

Он говорит, еле шевеля губами:

— Если Красная Армия будет отходить — отходить ли нам вместе с вами или оставаться?

— А кто вы будете? — спрашиваю я.

— Я пришел из колонии «Крутые ручьи». Там наша колония прокаженных.

Я чувствую, как мое сердце падает. Незаметно я вытираю свою руку о свои ватные штаны.

— Не знаю,— говорю я.— Я один не могу решить этого вопроса. Кроме того, речь идет не о нашем отступлении. Я не думаю, что фронт отойдет дальше Ямбурга.

Поклонившись мне, человек уходит. Из окна я вижу, что он показывает свои язвы часовому.

Я иду в лазарет и карболкой мою свои руки.

Я не заболел. Вероятно, у нас преувеличенный страх к этой болезни.

ХЛЕБ

Я потерял сознание, когда утром вышел из штаба, чтобы пройтись немного по воздуху.

Часовой и телефонист приводили меня в чувство. Они почему-то терли мои уши и разводили мои руки, как утопленнику. Тем не менее я очнулся.

Командир полка сказал мне:

— Немедленно поезжайте отдохнуть. Я вам дам две недели отпуска.

Я уехал в Петроград.

Но в Петрограде я не чувствовал себя лучше.

Я пошел в военный госпиталь за советом. Послушав мое сердце, мне сказали, что для армии я негоден. И оставили меня в госпитале до комиссии.

И вот вторую неделю я лежу в палате.

Кроме того, что я плохо ⟨себя⟩ чувствую, я еще голоден. Это — девятнадцатый год! В госпитале дают четыреста граммов хлеба и тарелку супа. Это мало для человека, которому двадцать три года.

Моя мать изредка приносит мне копченую воблу. Мне совестно брать эту воблу. У нас дома большая семья.

Напротив меня на койке сидит молодой парень в кальсонах. Ему только что привезли из деревни два каравая хлеба. Он перочинным ножом нарезает куски хлеба, мажет их маслом и посылает в свой рот. Это он делает до бесконечности.

Кто-то из больных просит:

— Свидеров, дай кусочек.

Тот говорит:

— Дайте самому пожрать. Пожру и тогда дам.

Заправившись, он разбрасывает куски по койкам. Спрашивает меня:

— А тебе, интеллигент, дать?

Я говорю:

— Только не бросай. А положи на мой стол.

Ему досадно это. Он хотел бы бросить. Это интересней.

Он молча сидит, поглядывает на меня. Потом встает с койки и, паясничая, кладет кусок хлеба на мой столик. При этом театрально кланяется и гримасничает. В палате смех.

Мне очень хочется сбросить это подношение на пол. Но я сдерживаю себя. Я отворачиваюсь к стене.

Ночью, лежа на койке, я съедаю этот хлеб.

Мысли у меня самые горькие.

СЫР БРИ

Каждый день я подхожу к забору, на котором наклеена «Красная газета».

В газете «Почтовый ящик». Там ответы авторам.

Я написал маленький рассказ о деревне. И послал в редакцию. И вот теперь не без волнения ожидаю ответа.

Я написал этот рассказик не для того, чтоб заработать. Я — телефонист пограничной охраны. Я обеспечен. Рас-

сказ написан просто так: мне казалось это нужным — написать о деревне. Рассказ я подписал псевдонимом — М. М. Чирков.

Моросит дождь. Холодно. Я стою у газеты и просматриваю «Почтовый ящик».

Вижу: «М. М. Чиркову.— Нам нужен ржаной хлеб, а не сыр бри».

Я не верю своим глазам. Я поражен. Может быть, меня не поняли?

Начинаю вспоминать то, что я написал.

Нет, как будто бы правильно написано, хорошо, чистенько. Немножко манерно, с украшениями, с латинской цитатой... Боже мой! Для кого же это я так написал? Разве так следовало писать?.. Старой России нет... Передо мной — новый мир, новые люди, новая речь...

Я иду на вокзал, чтобы ехать в Стрельню на дежурство. Я сажусь в поезд и час еду.

Черт меня дернул снова склониться к интеллигентскому труду. Это в последний раз. Больше этого не будет. В этом виновата моя неподвижная, сидячая работа. У меня слишком много времени для того, чтобы думать.

Я переменю работу.

МЫ ПОЙМАЕМ ЕГО

Ночь. Темно. Я стою на каком-то пустыре Лигова.

В кармане моего пальто — наган.

Рядом со мной работник угрозыска. Он шепчет мне:

— Вы встаньте у окна так, чтоб моя пуля не задела вас, если я буду стрелять... Если он выскочит в окно — стреляйте... старайтесь в ноги...

Затаив дыхание, я подхожу к окошечку. Оно освещено. Спиной я прижимаюсь к стене. Скосив глаза, заглядываю поверх занавески.

Я вижу кухонный стол. Керосиновую лампу.

Мужчина и женщина сидят за столом, играют в карты.

Мужчина сдает грязные, лохматые карты. Ходит, прихлопывая карту ладонью. Оба смеются.

Н. и три работника розыска наваливаются на дверь одновременно.

Это ошибка. Нужно было найти иной способ открыть дверь. Она не сразу поддается усилиям.

Бандит тушит лампу. Темно.

Дверь с треском раскрывается. Выстрелы...

Я поднимаю наган на уровне окна.

Тихо.

Мы зажигаем лампу в избе. На табуретке сидит женщина — она бледна и дрожит. Ее партнера нет — он ушел в другое окно, которое было заколочено досками.

Мы рассматриваем это окно. Доски были приколочены так, что они отваливались от легкого нажима.

— Ничего,— говорит Н.,— мы поймаем его.

На рассвете мы задерживаем его на четвертой версте. Он стреляет в нас. И потом стреляет в себя.

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯНВАРЯ

Холодно. Идет пар изо рта.

Обломки моего письменного стола лежат у печки. Но комната нагревается с трудом.

На постели лежит моя мать. Она в бреду. Доктор сказал, что у нее испанка — это ужасный грипп, от которого в каждом доме умирают люди.

Я подхожу к матери. Она — под двумя одеялами и двумя пальто.

Кладу свою руку на ее лоб. Жар обжигает мою руку.

Гаснет коптилка. Я поправляю ее. И сажусь рядом с матерью, на ее кровать.

Долго сижу, всматриваюсь в ее измученное лицо.

Кругом тихо. Сестры спят. Уже два часа ночи.

— Не надо, не надо... не делайте этого...— бормочет мать.

Я подношу к ее губам теплую воду. Она делает несколько глотков. На секунду открывает глаза. Я наклоняюсь к ней. Нет, она снова в бреду.

Но вот ее лицо делается спокойней. Дыхание ровней. Может быть, это был кризис? Ей будет лучше...

Я вижу — как будто бы тень проходит по лицу моей матери. Боясь что-нибудь подумать, я медленно поднимаю свою руку и дотрагиваюсь до ее лба. Она умерла.

У меня почему-то нет слез. Я сижу на кровати не двигаясь. Потом встаю и, разбудив моих сестер, ухожу в свою комнату.

Я НИЧЕГО НЕ ХОЧУ

Деревянные сани на деревянных полозьях.

На санях стоит некрашеный гроб.

Впрягшись в веревку, я везу эти сани на кладбище.

За санями идут мои сестры и мой маленький брат.

Вот уже Смоленское кладбище. У ворот множество таких саней с гробами. Привычных колесниц и лошадей под сетками нет. Вероятно, лошади съедены, как и съедена их пища — овес.

Гроб несут в церковь. Я остаюсь на улице. Я сажусь на ступеньках храма. И сижу рядом с нищими. Я сам нищий. У меня нет ничего впереди. И я ничего не хочу. У меня нет никаких желаний. Мне только жалко мою мать.

Гроб снова выносят из церкви. И я снова везу сани в дальнюю аллею. Там могила моего отца, который умер четырнадцать лет назад.

Рядом с этой могилой вырыта новая.

Я приподнимаю крышку гроба и целую мертвую руку матери.

НОВЫЙ ПУТЬ

На тележке маленький письменный стол, два кресла, ковер и этажерка.

Я везу эти вещи на новую квартиру.

В моей жизни перемена.

Я не мог остаться в квартире, где была смерть.

Одна женщина, которая меня любила, сказала мне:

— Ваша мать умерла. Переезжайте ко мне.

Я пошел в загс с этой женщиной. И мы записались. Теперь она моя жена.

Я везу вещи на ее квартиру, на Петроградскую сторону.

Это очень далеко. И я с трудом толкаю мою тележку.

Передо мной — подъем на Тучков мост.

У меня больше нет сил толкать мою тележку. Ужасное сердцебиение. Я с тоской посматриваю на прохожих. Быть может, найдется добрая душа — поможет мне взять это возвышение.

Нет, прохожие, равнодушно посматривая, проходят мимо.

Черт с ними! Я должен сам... Если б только не перебои сердца... Глупо умереть на мосту, перевозя кресла и стол.

Изнемогая, я вкатываю тележку на мост.

Теперь легко.

1920—1926

Если б со счастьем дружил я, поверь,
Не этим бы стал заниматься теперь.

ДОМ ИСКУССТВ

Этот дом на углу Мойки и Невского.

Я хожу по коридору в ожидании литературного вечера.

Это ничего не значит, что я следователь уголовного розыска. У меня уже две критические статьи и четыре рассказа. И все они очень одобрены.

Я хожу по коридору и смотрю на литераторов.

Вот идет А. М. Ремизов. Маленький и уродливый, как обезьяна. С ним его секретарь. У секретаря из-под пиджака торчит матерчатый хвост. Это символ. Ремизов — отец-настоятель «Обезьяньей вольной палаты». Вот стоит Е. И. Замятин. Его лицо немного лоснится. Он улыбается. В руке у него длинная папироса в длинном изящном мундштуке.

Он с кем-то разговаривает по-английски.

Идет Шкловский. Он в восточной тюбетейке. У него умное и дерзкое лицо. Он с кем-то яростно спорит. Он ничего не видит — кроме себя и противника.

Я здороваюсь с Замятиным.

Обернувшись ко мне, он говорит:

— Блок здесь, пришел. Вы хотели его увидеть...

Вместе с Замятиным я вхожу в полутемную комнату.

У окна стоит человек. У него коричневое лицо от загара. Высокий лоб. И нетемные, волнистые, почти курчавые волосы.

Он стоит удивительно неподвижно. Смотрит на огни Невского.

Он не оборачивается, когда мы входим.

— Александр Александрович,— говорит Замятин.

Медленно повернувшись, Блок смотрит на нас.

Я никогда не видел таких пустых, мертвых глаз. Я никогда не думал, что на лице могут отражаться такая тоска и такое безразличие.

Блок протягивает руку — она вялая и безжизненная.

Мне становится неловко, что я потревожил человека в его каком-то забытьи... Я бормочу извинения.

Немного глухим голосом Блок спрашивает меня:

— Вы будете выступать на вечере?

— Нет,— говорю я.— Я пришел послушать литераторов.

Извинившись еще раз, я торопливо ухожу.

Замятин остается с Блоком.

Я снова хожу по коридору. Меня душит какое-то волнение. Теперь я почти вижу свою судьбу. Я вижу финал своей жизни. Я вижу тоску, которая меня непременно задушит.

Я спрашиваю кого-то: «Сколько лет Блоку?» Мне отвечают: «Около сорока».

Ему нет сорока лет! Но Байрону было тридцать, когда он сказал:

> То пресыщенье? Оно теперь следит
> За мной, как тать, везде. В душе разбитой тьма,
> И красота меня уж больше не пленяет,
> И даже — ты сама...

У Байрона нет вопросительного знака после слов «То пресыщенье». Это я мысленно ставлю этот вопрос. Я думаю — неужели это пресыщенье?

Начинается литературный вечер.

КАФЕ «ДВЕНАДЦАТЬ»

Это кафе на Садовой, двенадцать. Я сижу здесь за столиком с моими товарищами.

Кругом пьяные крики, шум, табачный дым.

Играет скрипка.

Я бормочу стихи Блока:

> Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой...
> Вновь я буду пить вино...
> Все равно не хватит силы дотащиться до конца
> С трезвой жалкою улыбкой, за которой
> Страх могилы, беспокойство мертвеца...

К нашему столику, неуверенно шагая, подходит человек. Он в черной бархатной блузе. На груди у него большой белый кисейный бант.

Лицо этого человека обсыпано пудрой.

Губы и брови подведены.

На лице улыбка — пьяная и немного сконфуженная. Кто-то говорит:

— Сережа, садись с нами.

Теперь я вижу, что это Есенин.

Он грузно садится за наш столик. Сердито смотрит на какого-то пьяного. Бормочет: «Дам в морду... уходи...»

Я поглаживаю руку Есенина. Он успокаивается. Снова улыбается как-то сконфуженно и жалко.

За краской его намалеванного рта я вижу бледные губы.

Кто-то еще подходит к нашему столику.

Кто-то кричит: «Надо составить столы».

Начинают сдвигать столы.

Я выхожу на улицу.

У ГОРЬКОГО

Мы входим на кухню. На плите — большие медные кастрюли.

Мы проходим через кухню в столовую.

Навстречу нам идет Горький.

Что-то изящное в его бесшумной походке, в его движениях и жестах.

Он не улыбается, как это полагается хозяину, но лицо у него приветливое.

В столовой он садится за стол. Мы рассаживаемся на стульях и на низенькой пестрой тахте. Я вижу — Федина, Всеволода Иванова в солдатской шинели, Слонимского, Груздева.

Покашливая, Горький говорит о литературе, о народе, о задачах писателя.

Он говорит интересно и даже увлекательно. Но я почти не слушаю его. Я смотрю, как он чуть нервно барабанит пальцами по столу, как он улыбается едва заметно в свои усы. Я смотрю на его удивительное лицо — умное, грубоватое и совсем не простое.

Я смотрю на этого великого человека, у которого легендарная слава. Вероятно, это нехорошо, беспокойно, утомительно. Я бы не хотел этого.

Как бы в ответ на мои мысли, Горький говорит, что его далеко не все знают, что вот на днях он ехал в машине и охрана задержала его. Он сказал, что он Горький, но один из охраны сказал: «Горький ты или сладкий — это нам безразлично. Предъяви пропуск».

Горький чуть улыбается. Потом снова говорит о литературе, о народе, культуре.

Кто-то за моей спиной записывает то, что говорит Горький.

Мы встаем. Прощаемся.

Чуть прикоснувшись рукой к моему плечу, Горький спрашивает:

— Что вы такой хмурый, мрачный? Почему?

В ответ я что-то бормочу о своем сердце.

— Это нехорошо,— говорит Горький.— Надо полечиться... Вы на днях зайдите ко мне — поговорим о ваших делах.

Мы снова идем через кухню. Выходим на лестницу.

Выходим на Кронверкский проспект — на проспект Горького.

ВСТРЕЧА

По бесконечным лестницам я хожу вверх и вниз. В руках у меня папка с бумагами, с бланками. В эти бланки я вписываю сведения о жильцах. Это — всесоюзная перепись населения.

Я взял эту работу, чтоб увидеть, как живут люди.

Я верю только своим глазам. Как Гарун аль Рашид, я хожу по чужим домам. Я хожу по коридорам, кухням, захожу в комнаты. Я вижу тусклые лампочки, рваные обои, белье на веревках, ужасную тесноту, мусор, рвань. Да, конечно, только недавно миновали тяжелые годы, голод, разруха... Но все же я не думал, что увижу то, что увидел.

Я вхожу в полутемную комнату. На койке, на грязном тюфяке, лежит человек. Он неприветливо меня встречает. Даже не поворачивается ко мне. Глядит в потолок.

— Где вы работаете? — спрашиваю я.

— Работают ослы и лошади,— говорит он.— Лично я не работаю и не собираюсь работать. Так и запишите в ваши паршивые бумаги... Можно приписать — хожу в клуб, играю в карты...

Он раздражен. Может быть, болен. Я хочу уйти, чтоб взять сведения у соседей. Уходя, я смотрю на него. Где-то я видел это лицо.

— Алеша! — говорю я.

Он садится на койке. Лицо у него небритое, хмурое.

Я вижу перед собой Алешу Н.— гимназического товарища. Он был старше меня классом. Это был чистюля, зубрила, первый ученик, маменькин сынок...

— Что случилось, Алеша? — бормочу я.

— Ровным счетом ничего не случилось,— говорит он. Я вижу досаду на его лице.

— Может, я могу помочь тебе чем-нибудь.

— Абсолютно ничего не надо,— говорит он.— Впрочем, если у тебя есть деньги, дай пятерку, схожу в клуб.

Я ему даю значительно больше, но он берет только пять рублей.

Через несколько минут я сижу на его койке, и мы с ним беседуем, как когда-то, десять лет назад.

— В сущности, история самая пошлая,— говорит он.— Ушла жена с одним прохвостом. Начал пить. Пропил все, что было. Потерял работу. Стал играть в клубе... А теперь, понимаешь, не хочется вернуться к тому, что было. Мог бы, но не хочу. Все ерунда, чушь, комедия, вздор, дым...

Я беру с него слово, что он зайдет ко мне.

НОЧЬЮ

На моей подушке лежат письма в редакцию «Красной газеты». Это жалобы на банные непорядки. Эти письма мне дали, чтоб я написал фельетон.

Я просматриваю эти письма. Они беспомощны, комичны. Но вместе с тем они серьезны. Еще бы! Речь идет о немаловажном житейском деле — о банях.

Набросав план, я принимаюсь писать.

Уже первые строчки смешат меня. Я смеюсь. Смеюсь все громче и громче. Наконец хохочу так, что карандаш и блокнот падают из моих рук.

Снова пишу. И снова смех сотрясает мое тело.

Нет, в дальнейшем, переписывая рассказ, я уже не буду так смеяться. Но первая запись меня всегда невероятно смешит.

От смеха я чувствую боль в животе.

В стену стучит сосед. Он бухгалтер. Ему завтра рано вставать. Я мешаю ему спать. Он сегодня стучит кулаком. Должно быть, я его разбудил. Досадно.

Я кричу:

— Извините, Петр Алексеевич...

Снова берусь за блокнот. Снова смеюсь, уже уткнувшись в подушку.

Через двадцать минут рассказ написан. Мне жаль, что так быстро я его написал.

Я подхожу к письменному столу и переписываю рассказ ровным, красивым почерком. Переписывая, я продолжаю тихонько смеяться. А завтра, когда буду читать этот рассказ в редакции, я уже смеяться не буду. Буду хмуро и даже угрюмо читать.

Два часа ночи. Я ложусь. Но долго не могу заснуть. Обдумываю темы новых рассказов.

Светает. Я принимаю бром, чтоб заснуть.

СНОВА ЧЕПУХА

Редакция толстого журнала «Современник».

Я дал в этот журнал пять самых лучших маленьких рассказов. И вот пришел за ответом.

Передо мной один из редакторов — поэт М. Кузмин. Он изысканно вежлив. Даже сверх меры. Но по его лицу я вижу, что он намерен мне сообщить нечто неприятное.

Он мнется. Я выручаю его.

— Вероятно, мои рассказы не совсем в плане журнала? — говорю я.

Он говорит:

— Понимаете, у нас толстый журнал... А ваши рассказы... Нет, они очень смешны, забавны... Но они написаны... Ведь это...

— Чепуха, вы хотите сказать? — спрашиваю я. И в моем мозгу загорается надпись под гимназическим сочинением — «Чепуха».

Кузмин разводит руками.

— Боже сохрани. Я вовсе не хочу этого сказать. Напротив. Ваши рассказы очень талантливы... Но согласитесь сами — это немножко шарж.

— Это не шарж,— говорю я.

— Ну, взять хотя бы язык...

— Язык не шаржирован. Это синтаксис улицы... народа. Быть может, я немного утрировал, чтоб это было сатирично, чтоб это критиковало...

— Не будем спорить,— говорит он мягко.— Вы дайте нам обыкновенную вашу повесть или рассказ... И поверьте — мы очень ценим ваше творчество.

Я ухожу из редакции. У меня уже нет тех чувств, какие я когда-то испытывал в гимназии. У меня нет даже досады.

«Бог с ним,— думаю я.— Обойдусь без толстых журналов. Им нужно нечто «обыкновенное». Им нужно то, что похоже на классику. Это им импонирует. Это сделать весьма легко. Но я не собираюсь писать для читателей, которых нет. У народа иное представление о литературе».

Я не огорчаюсь. Я знаю, что я прав.

В ПИВНОЙ

День. Солнце. Я иду по Невскому. Навстречу идет С. Есенин.

Он в элегантном синем пальто с поясом. Без шляпы.

Лицо у него бледное. Глаза потухшие. Он медленно идет. Что-то бормочет. Я подхожу к нему.

Он хмур, неразговорчив. Какое-то уныние во всем его облике.

Я хочу уйти, но он не отпускает меня.

— Вам нехорошо? Вы нездоровы? — спрашиваю я его.

— А что? — тревожно спрашивает он.— У меня плохой вид?

И вдруг смеется. Говорит:

— Старею, милый друг... Скоро ударит тридцать...

Мы доходим до Европейской гостиницы.

Минуту Есенин стоит у подъезда, потом говорит:

— Зайдемте напротив. В пивную. На минуту.

Мы входим в пивную.

За столиком поэт В. Воинов с друзьями. Он радостно идет нам навстречу. Мы садимся за его столик. Кто-то разливает пиво по кружкам.

Есенин что-то говорит официанту. И тот приносит ему стакан рябиновки.

Закрыв глаза, Есенин пьет. И я вижу, как с каждым глотком к нему возвращается жизнь. Щеки его делаются ярче. Жесты уверенней. Глаза зажигаются.

Он хочет снова позвать официанта. Чтобы отвлечь, я прошу его почитать стихи...

Он соглашается почему-то с готовностью и даже с радостью.

Встав со стула, он читает поэму «Черный человек».

Вокруг столика собираются люди. Кто-то говорит: «Это Есенин».

Нас окружает почти вся пивная.

Еще минута, и Есенин стоит на стуле и, жестикулируя, читает свои короткие стихи.

Он чудесно читает, и с таким чувством, и с такой болью, что это всех потрясает.

Я видел многих поэтов на эстраде. Я видел их необычайный успех, видел овации, восторг всего зала, но я никогда не видел таких чувств и такой теплоты, как к Есенину.

Десятки рук подхватывают его со стула и несут к столику. Все хотят чокнуться с ним. Все хотят дотронуться до него, обнять, поцеловать.

Тесным кольцом толпа окружает столик, за которым он теперь сидит.

Я выхожу из пивной.

Я САМ ВИНОВАТ

Вечер. Я иду по Невскому с К.

Я познакомился с ней в Кисловодске.

Она красива, остроумна, весела. В ней та радость жизни, которой нет во мне. И, может быть, это меня больше всего в ней прельщает.

Мы идем, нежно взявшись за руки. Мы выходим на Неву. Идем по темной набережной.

К. без конца что-то говорит. Но я не очень вникаю в ее речь. Я слушаю ее слова, как музыку.

Но вот я слышу какое-то недовольство в этой музыке. Я прислушиваюсь.

— Вторую неделю мы ходим с вами по улицам,— говорит она.— Мы обошли все эти дурацкие набережные, сады. Мне просто хотелось бы посидеть с вами в какой-нибудь гостиной, поболтать, выпить чаю.

— Зайдемте в кафе,— говорю я.

— Нет, там нас могут увидеть.

Ах, да. Я совсем забыл. У нее сложная жизнь. Ревнивый муж, очень ревнивый любовник. Много врагов, которые сообщат, что нас видели вместе.

Мы останавливаемся на набережной. Обнимаем друг друга. Целуемся. Она бормочет:

— Ах, как глупо, что это улица.

Мы снова идем и снова целуемся. Она закрывает свои глаза рукой. У нее кружится голова от этих бесконечных поцелуев.

Мы доходим до ворот какого-то дома. К. бормочет:

— Я должна зайти сюда, к портнихе. Вы подождите меня здесь. Я только примерю платье и сейчас же вернусь.

Я хожу около дома. Хожу десять минут, пятнадцать, наконец она появляется. Веселая. Смеется.

— Все хорошо,— говорит она.— Получается очень милое платье. Оно очень скромное, без претензий.

Она берет меня под руку, и я провожаю ее до дома.

Я встречаюсь с ней через пять дней. Она говорит:

— Если хотите, сегодня мы можем встретиться с вами в одном доме — у одной моей знакомой.

Мы подходим к какому-то дому. Я узнаю этот дом. Здесь, у ворот, я ждал ее двадцать минут. Это дом, где живет ее портниха.

Мы поднимаемся на четвертый этаж. Она открывает квартиру своим ключом. Мы входим в комнату. Это хорошо

обставленная комната. Непохоже, что это комната портнихи.

По профессиональной привычке я перелистываю книжку, которую я нахожу на ночном столике. На заглавном листке я вижу знакомую мне фамилию. Это фамилия возлюбленного К.

Она смеется.

— Да, мы в его комнате,— говорит она.— Но вы не беспокойтесь. Он на два дня уехал в Кронштадт.

— К.,— говорю я,— я беспокоюсь о другом. Значит, тогда вы были у него?

— Когда? — спрашивает она.

— Тогда, когда я ждал вас у ворот двадцать минут.

Она смеется. Закрывает мой рот поцелуем. Говорит:

— Вы были сами виноваты.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЕНТЯБРЯ

Окно моей комнаты выходит на угол Мойки и Невского.

Я подхожу к окну. Необыкновенная картина — река вздулась, почернела. Еще полметра — и вода выйдет из берегов.

Я бегу на улицу.

Ветер. Неслыханный ветер дует с моря.

Я иду по Невскому. Я взволнован и возбужден. Дохожу до Фонтанки. Фонтанка почти сравнялась с мостовой. Кое-где вода плещется на тротуаре.

Я вскакиваю в трамвай и еду на Петроградскую сторону. Там живет моя семья — жена и крошечный сын. Они живут у своих родных. Я переехал в Дом искусств, чтоб крики младенца не мешали моей работе.

Теперь я спешу к ним. Они живут в первом этаже на Пушкарской. Быть может, им нужно перебраться во второй этаж.

Трамвай въезжает на Александровский проспект. Мы едем по воде. Останавливаемся. Дальше ехать нельзя. Деревянные торцы всплыли и мешают трамваю двигаться.

Пассажиры соскакивают в воду. Здесь неглубоко — до колена.

Я иду по воде и дохожу до Большого проспекта. На проспекте еще нет воды.

Я почти бегу на Пушкарскую. Вода не дошла сюда.

Мои встревожены и взволнованы. Они очень рады, что я пришел и теперь с ними.

Переодевшись, я снова иду на улицу. Мне хочется увидеть — прибывает ли вода.

Я выхожу на Большой проспект. Покупаю хлеб в булочной. Подхожу к Введенской. Сухо.

И вдруг необычайная картина — вода выступает изо всех люков и стремительно заливает мостовую. Снова по воде я иду домой.

Вода уже на ступеньках лестницы.

С узлами мы переходим во второй этаж.

На ступеньках лестницы я делаю отметки мелом, чтоб видеть, как идет повышение.

В пять часов дня вода уже плещется у дверей.

Темнеет. Я сижу у окна и прислушиваюсь к завыванию ветра.

Теперь почти весь город в воде. Вода поднялась почти на две сажени.

На темном небе зарево каких-то пожаров.

Светает. Из окна я вижу, как вода постепенно уходит.

Я выхожу на улицу. Ужасное зрелище. На проспекте барка с дровами. Бревна. Лодки. На боку лежит суденышко с мачтой.

Всюду разгром, хаос, разрушение.

ПОЕЗД ОПОЗДАЛ

Аля пришла ко мне запыхавшись. Она сказала:

— Еле отпустил... Я говорю: «Ну пойми, Николай,— я же должна проводить мою лучшую подругу — она уезжает в Москву и неизвестно когда вернется...»

Я спросил Алю:

— Когда поезд уходит с твоей подругой?

Она засмеялась, захлопала в ладоши.

— Вот видишь,— сказала она,— и ты поверил... Никто не уезжает. Это я выдумала, чтобы прийти к тебе.

— Поезд в Москву уходит в десять тридцать,— сказал я.— Значит, ты должна быть дома около одиннадцати.

Было уже двенадцать, когда она взглянула на часы. Она вскрикнула. Подбежала к телефону, даже не надев туфли.

Сняв трубку, она села в кресло. Она дрожала от холода и от волнения.

Я бросил ей плед. Она прикрыла пледом свои ноги. Она была удивительно хороша — почти как на картине Ренуара.

— Зачем ты звонишь? — сказал я ей.— Лучше скорей оденься и иди.

Она с досады махнула рукой в мою сторону.

— Николаша,— сказала она в трубку,— представь себе, поезд опоздал и только что ушел. Через десять минут я буду дома.

Я не знаю, что сказал ее муж, но она ответила:

— Я же тебе русским языком говорю — поезд ушел. Сейчас буду дома.

Должно быть, муж сказал, что уже двенадцать.

— Разве? — сказала она.— Ну, не знаю, как на твоих часах, а здесь, на вокзальных...

Она закинула свою голову вверх и посмотрела на мой потолок.

— Здесь, на вокзальных,— повторила она,— ровно одиннадцать.

Она прищурила свои глаза, как бы всматриваясь в далекие вокзальные часы.

— Да,— сказала она,— ровно одиннадцать, даже две минуты двенадцатого. У тебя архиерейские часы...

Повесив трубку, она стала смеяться.

Сейчас эта маленькая кукла, набитая опилками, была бы самая желанная гостья у меня. Но тогда я на нее рассердился. Я сказал:

— Зачем же так бесстыдно врать? Он проверит свои часы и увидит твое вранье.

— Зато он поверил, что я на вокзале,— сказала она, подкрашивая губы.

Подкрасив губы, она добавила:

— А потом — что за нотации! Я вовсе не желаю этого слушать. Я сама знаю, как мне поступать. Он бегает с револьвером, грозит убить моих друзей и меня в том числе... Кстати, он не посчитается, что ты писатель... Я уверена, что он и в тебя великолепно выстрелит.

Я что-то буркнул в ответ.

Одевшись, она сказала:

— Ну что, рассердился? Может быть, мне не приходить больше?

— Как хочешь,— ответил я.

— Да, я больше к тебе не приду,— сказала она.— Я вижу, что ты совершенно меня не любишь.

Она ушла, надменно кивнув мне головой. Она сделала это великолепно для своих девятнадцати лет.

Боже мой, как плакал бы я теперь! А тогда я был доволен. Впрочем, через месяц она вернулась.

ЗА СТОЛИКОМ

Москва. Я сижу за столиком в каком-то театральном клубе. На моем столике — второй прибор. Это будет ужинать Маяковский. Он заказал еду и пошел сыграть на бильярде. Сейчас вернется.

Я почти не знаю Маяковского. Мы встречались только на вечерах, в театре, на людях.

Вот он подходит к столику. Он дышит тяжело. Лицо у него невеселое. Он мрачен. Платком вытирает лоб.

Он выиграл партию, но это его не развлекло. Он садится за столик как-то грузно, тяжело.

Мы молчим. Почти не разговариваем. Я наливаю ему пива. Он отпивает один глоток и отставляет стакан.

Я тоже мрачен. И мне не хочется искусственно завязывать разговор. Но Маяковский для меня мэтр. Я почти новичок в литературе, работаю всего пять лет. Мне как-то совестно, что я молчу. Я начинаю что-то бормотать о бильярде, о литературе.

Мне с ним почему-то удивительно нелегко.

Я говорю нескладно, вяло. И на полуслове смолкаю. Неожиданно Маяковский смеется.

— Нет, послушайте,— говорит он,— это мне просто нравится. Я думал, что вы будете острить, шутить, балагурить, а вы... Нет, это просто здорово! Просто поразительно здорово...

— Почему же я должен острить?

— Ну — юморист... Полагается... А вы...

Он смотрит на меня немного тяжелым взглядом. У него удивительно невеселые глаза. Какой-то мрачный огонь в них.

— А почему вы... такой? — спрашивает он.

— Не знаю. Сам ищу причину...

— Да? — спрашивает он настороженно.— Вы полагаете, есть причина? Больны?

Мы начинаем говорить о болезнях. Маяковский насчитывает у себя несколько недомоганий — с легкими что-то нехорошо, желудок, печень. Он не может пить и даже хочет бросить курить.

Я замечаю еще одно недомогание Маяковского — он мнителен даже больше, чем я. Он дважды вытирает салфеткой свою вилку. Потом вытирает ее хлебом. И, наконец, вытирает ее платком. Край стакана он тоже вытирает платком.

К нашему столику подходит знакомый актер. Наш разговор прерывается. Маяковский говорит мне:

— Я вам позвоню в Ленинграде.

Я даю ему свой телефон.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

Я согласился на выступления в нескольких городах. Это был несчастный день в моей жизни.

Первое выступление было в Харькове, потом в Ростове.

Я был озадачен. Меня встречали бурей аплодисментов, а провожали, едва хлопая. Значит, чем-то я не угождаю публике, чем-то ее обманываю. Чем?

Это правда, я читаю не по-актерски, однотонно, иной раз вяло. Но неужели на мой вечер приходят только как на вечер «юмориста»? В самом деле. Может, думают: если актеры так смешно читают, то что же отколет сейчас сам автор.

Каждый вечер превращается для меня в пытку.

С трудом я выхожу на эстраду. Сознание, что я сейчас снова обману публику, еще более портит мое настроение. Я раскрываю книгу и бормочу какой-то рассказ.

Кто-то сверху кричит:

— «Баню» давай... «Аристократку»... Чего ерунду читаешь!

«Боже мой! — думаю я.— Зачем я согласился на эти вечера?»

Я с тоской поглядываю на часы.

На сцену летят записки. Это передышка для меня. Я закрываю книгу.

Разворачиваю первую записку. Оглашаю ее:

— «Если вы автор этих рассказов, то зачем вы их читаете?»

Я раздражен. Кричу в ответ:

— А если вы читатель этих рассказов, то какого лешего вы их слушаете!

В публике смех, аплодисменты.

Я раскрываю вторую записку:

— «Чем читать то, что мы все знаем, расскажите покомичней, как вы к нам доехали».

Бешеным голосом я кричу:

— Сел в поезд. Родные плакали, умоляли не ехать. Говорили: замучают идиотскими вопросами.

Взрыв аплодисментов. Хохот.

Ах, если б мне сейчас пройтись на руках по сцене или прокатиться на одном колесе — вечер был бы в порядке.

Устроитель моих вечеров шепчет мне из-за кулис:

— Расскажите что-нибудь о себе. Это нравится публике.

Покорно я начинаю рассказывать свою биографию.

На сцену снова летят записки:

«Вы женаты?.. Сколько у вас детей?.. Знакомы ли вы с Есениным?..»

Без четверти одиннадцать. Можно кончать.

Печально вздохнув, я ухожу со сцены под жидкие аплодисменты.

Я утешаюсь тем, что это не мои читатели. Я утешаюсь тем, что это зрители, которые с одинаковым рвением явились бы на вечер любого комика и жонглера.

Не выполнив договор до конца, я уезжаю в Ленинград.

ЗВЕРИ

Я брожу по дорожкам Ленинградского зоологического сада.

В клетке — великолепный огромный тигр. Рядом с ним небольшая белая собачонка — фокстерьер. Она выкормила этого тигра. И теперь, на правах матери, находится с ним в одной клетке.

Тигр дружелюбно поглядывает на нее.

Изумительное зрелище.

Вдруг позади себя я слышу ужасающий крик.

Вся публика бежит к клетке, в которой находятся бурые медведи.

Мы видим ужасную сцену. Рядом с бурыми медведями клетка с медвежатами. Кроме железных прутьев, обе клетки разделены досками.

Маленький медвежонок полез по этим доскам наверх, но его лапчонка попала в расщелину. И теперь бурый медведь яростно терзает эту маленькую лапку.

Вырываясь и крича, медвежонок попадает второй лапой в расщелину. Теперь второй медведь берется за эту лапу.

Оба они терзают медвежонка так, что кто-то из публики падает в обморок.

Песком и камнями мы стараемся отогнать медведей. Но

они приходят в еще большую ярость. Уже одна лапчонка с черными коготками валяется на полу клетки.

Я беру какой-то длинный шест и бью этим шестом медведя.

На ужасный крик и рев медведей бегут сторожа, администрация.

Медвежонка отрывают от досок.

Бурые медведи яростно ходят по клетке. Глаза у них налиты кровью. И морды их в крови. Рыча, самец покрывает самку.

Несчастного медвежонка несут в контору. У него оторваны передние лапы.

Он уже не кричит. Вероятно, его сейчас застрелят. Я начинаю понимать, что такое звери. И в чем у них разница с людьми.

ВРАГИ

Воскресенье. Я иду по улице. Кто-то вскрикивает: «Миша!»

Я вижу женщину. Она одета простенько, в руках у нее кошелка с провизией.

— Миша,— повторяет женщина, и слезы текут из ее глаз.

Передо мной сестра Нади В.— Катя.

— Боже мой,— бормочет она,— это вы... это вы...

Мое сердце ужасно колотится.

— Разве вы не уехали? — спрашиваю я.— А где Надя? Ваши?

— Надя и Маруся в Париже... Идемте ко мне, я вам все расскажу... Только не удивляйтесь — я живу очень скромно... Мой муж очень хороший человек... Он уважает и жалеет меня... Он простой рабочий...

Мы входим в маленькую комнату.

Из-за стола поднимается человек. Ему лет сорок. Поздоровавшись, он тотчас надевает свое пальто и уходит.

— Вот видите, какой он хороший, деликатный,— говорит Катя.— Он сразу понял, что нам нужно поговорить.

Мы садимся на диван. Волнение душит нас. Катя начинает плакать. Она так плачет, что кто-то, открыв двери, спрашивает, что случилось.

— Ничего! — резко кричит Катя.

Рыдания снова сотрясают ее. Она, вероятно, плачет о том, что было. Вероятно, она во мне видит прошлое. Свою юность, свои детские годы. Я успокаиваю ее.

Подойдя к умывальнику, она вытирает свое заплаканное лицо, громко сморкается.

Затем начинает рассказывать. В семнадцатом году они уехали на юг, чтоб пробраться на Кавказ и оттуда за границу. Но в Ростове отец заболел сыпным тифом. Ждать нельзя было. Оставались считанные дни. Сестры бросили жребий — кому остаться с отцом. Осталась Катя. Она очень бедствовала, когда умер отец. Она служила уборщицей, потом домработницей. Потом ей удалось уехать в Ленинград. Но здесь ей было не легче — она не имела ни квартиры, ни друзей.

— Почему же вы не обратились ко мне? — спрашиваю я.— Должно быть, вы слышали обо мне...

— Да. Но я никак не думала, что это вы.

Катя стала говорить о сестрах. Старшая пишет, а Надя нет. Она ненавидит все, что осталось в России.

— А если я ей напишу? — спрашиваю я.

Катя говорит:

— Вы знаете Колю М. Вы помните, как он ее любил. Он написал ей. Она прислала ему открытку, в которой было три слова: «Теперь мы враги».

Мы расстались с Катей. Я обещал к ней заходить.

ЭТО ВОЗМУТИТЕЛЬНО

Пришла Аля. Лицо у нее бледное, и в глазах тоска. Молча она развернула пестрый шарфик, повязанный вокруг шеи. Слегка откинула голову.

На ее шее я увидел пять синих пальцев. Вероятно, кто-то ее душил. Я вскрикнул:

— Аля, что случилось?

Она глухо сказала:

— Николай все узнал. Он хотел задушить меня, но я подняла такой крик, что сбежались люди.

Она стала плакать. Сквозь слезы она сказала:

— Ах, зачем я приходила к тебе! Вот теперь кончилась моя спокойная жизнь. К нему уже я не вернусь. Я перееду к маме и буду изредка приходить к тебе.

Я поставил согревающий компресс на ее шею и, взяв машину, отвез Алю к маме.

Я был необычайно взволнован. Я не помню, на что я рассчитывал, но в тот же вечер я пошел к ее мужу. К моему удивлению, он встретил меня спокойно.

Я сказал ему:

— Я не ожидал от вас такой гадости. Вы могли бы расстаться с ней, уйти... Но душить эту маленькую девочку... Это возмутительно...

Я думал, что он будет кричать на меня, может быть, даже выгонит. Но он не двигаясь сидел в кресле, низко опустив голову.

Он тихо сказал:

— Она довела меня до сумасшествия... Я подозревал, что она неверна мне... Но вчера в ее сумочке я нашел вот эту записку. Полюбуйтесь...

Он швырнул записку на стол. Она была адресована в театр актеру Н., с которым я несколько раз видел Алю на улице.

Записка не оставляла никаких сомнений — она была интимна в высшей степени.

Я был поражен, даже потрясен. Я был так потрясен, что сначала даже не сообразил, что обо мне муж ничего не знает и что речь идет об актере.

Я растерянно взглянул на мужа. Не менее растерянно он посмотрел на меня.

— А собственно, какое вам до этого дело? — спросил он.— Вы что, ее видели сегодня? Она была у вас?.. Разве она бывала у вас раньше?

В его глазах я вдруг прочел догадку.

Я закрыл рукой свои глаза.

— Боже мой! — закричал он.— Значит, она... Значит, вы...— У него вдруг хватило чувства иронии — усмехнуться. Почти спокойно он сказал: — Значит, она и вас обманула... Это здорово...

Мы расстались холодно. Почти не прощаясь.

Я шел домой, как в бреду. В моей голове был хаос. Мне хотелось решить вопрос, почему именно ко мне она пришла со своими синяками. Потом я успокоился на том, что до меня она с этими синяками была у актера.

ХОРОШО

Я пробую работать — не могу. Ложусь на диван — через минуту вскакиваю. Я испытываю какое-то нервное состояние, которое не позволяет мне даже несколько минут быть спокойным.

Я снова сажусь за стол. Я заставлю себя сидеть спокойно! Заставлю себя работать. Хотя бы мне это стоило жизни.

Беру карандаш. Пишу. Но мысли у меня вялые. Фантазии нет. Фразы бледные. Что-то случилось в моей душе. Я что-то потерял. Погас какой-то огонь. Перестала играть музыка, под которую плясала моя жизнь, моя работа...

Я сижу у стола, уронив голову на руки.

Ко мне приходят строчки из Байрона:

> И гений мой поблек, как лист осенний,
> В фантазии уж прежних крыльев нет.
> И горестной действительности сила
> Мой романтизм в злой юмор превратила.

Я с яростью ломаю карандаш и рву бумагу. Выхожу на улицу. Чудесная осень. Желтые листья. Синее небо. Может быть, ходьба приведет меня в равновесие.

Я прохожу мимо деревянного домика. На ступеньках сидит дряхлый старик. Он сидит на солнышке. Он сидит удивительно спокойно. Глаза у него закрыты. Я вижу тихую и блаженную улыбку на его морщинистом лице.

Но ведь ему не меньше восьмидесяти лет! Быть может, у него остался всего год жизни, а он так спокойно, так блаженно сидит.

Почему же я, мальчишка в сравнении с ним, должен дергаться, вскакивать, волноваться, бегать? Я желаю так же спокойно, с такой же блаженной душой сидеть на крыльце. Почему мне недоступно это маленькое счастье?

Старик открывает глаза. Смотрит на меня.

— Хорошо! — говорит он.

Понуро я иду дальше.

БЕЗУМИЕ

В мою комнату входит человек. Он садится в кресло.

Минуту он сидит молча, прислушиваясь. Потом встает и плотно прикрывает дверь.

Подходит к стене и, приложив к ней ухо, слушает.

Я начинаю понимать, что это сумасшедший.

Послушав у стены, он снова садится в кресло и двумя руками закрывает свое лицо. Я вижу, что он в отчаянии.

— Что с вами? — спрашиваю я.

— За мной гонятся,— говорит он.— Я сейчас ехал в трамвае и ясно слышал голоса: «Вот он... берите его... хватайте...»

Он снова закрывает лицо руками. Потом тихо говорит:

— Только вы один можете меня спасти...

— Каким образом?

— Мы поменяемся с вами фамилией. Вы будете — Горшков, а я — поэт Зощенко. (Он так и сказал — «поэт».)

— Хорошо. Я согласен,— говорю я.

Он бросается ко мне и пожимает мою руку.

— А кто же за вами гонится? — спрашиваю я.

— Этого я не могу сказать.

— Но я же должен знать, с тех пор как я ношу вашу фамилию.

Заламывая свои руки, он говорит:

— В том-то и дело, что я сам не знаю. Я только слышу их голоса. И ночью вижу их руки. Они тянутся ко мне со всех сторон. Я знаю — они схватят меня и задушат.

Его нервный озноб передается мне. Я чувствую себя нехорошо. У меня кружится голова. Перед глазами круги. Если он сейчас не уйдет, я, вероятно, потеряю сознание. Он действует на меня убийственно.

Собравшись с силами, я бормочу:

— Идите. Теперь у вас моя фамилия. Вы можете быть спокойны.

С просветленным лицом он уходит.

Я — ложусь в постель и чувствую, как ужасающая тоска охватывает меня.

В ГОСТИНИЦЕ

Туапсе. Маленький номер гостиницы. Я почему-то лежу на полу. Руки у меня раскинуты. И пальцы рук в воде.

Это дождевая вода. Сейчас прошла гроза. Мне не хотелось подняться, чтоб закрыть окно. Это потоки дождя попали в комнату.

Я снова закрываю глаза и до вечера лежу в каком-то оцепенении.

Вероятно, следует перебраться на кровать. Там удобней. Подушка. Но мне не хочется подняться с полу.

Не поднимаясь, я протягиваю руку к чемодану и достаю яблоко. Я сегодня опять ничего не ел.

Я откусываю яблоко. Я жую его, как солому. Выплевываю. Неприятно. Я лежу до утра.

Утром кто-то стучит в дверь. Дверь на ключе. Я не открываю. Это уборщица. Она хотела бы убрать комнату. Хотя бы раз в три дня. Я говорю:

— Ничего не надо. Уходите.

Днем я встаю с трудом. Сажусь на стул.

Тревога охватывает меня. Я понимаю, что так не может дальше продолжаться. Я погибну в этом жалком номере, если немедленно не уеду отсюда.

Открыв чемодан, я лихорадочно собираю вещи. Потом зову горничную.

— Я заболел,— говорю я ей.— Меня нужно проводить на вокзал, достать мне билет... Скорей...

Горничная приводит администрацию и врача. Поглаживая мою руку, врач говорит:

— Нервы... Только нервы... Я вам выпишу бром...

— Мне нужно немедленно уехать,— бормочу я.

— Вы сегодня уедете,— говорит директор гостиницы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И вот мои воспоминания закончены.

Я дошел до 1926 года. Вплоть до тех дней, когда я перестал есть и чуть не погиб.

Передо мной шестьдесят три истории. Шестьдесят три происшествия, которые меня когда-то взволновали.

Каждую историю я стал тщательно пересматривать. В какой-нибудь из них я надеялся найти причину моей тоски, моих огорчений, моей болезни.

Но я ничего особенного не увидел в этих историях.

Да, конечно, некоторые из них тягостны. Но не более тягостны, чем это привыкли испытывать люди. У каждого умирает мать. Каждый когда-нибудь покидает дом. Расстается с возлюбленной. Сражается на фронте...

Нет, ни в одной из этих историй я не нашел того, что искал.

Тогда все эти истории я сложил вместе. Я хотел увидеть общую картину, общий аккорд, который, быть может, оглушил меня, как рыбу, которую вынули из воды и бросили в лодку.

Да, конечно, огромные потрясения выпали на мою жизнь. Перемена судьбы. Гибель старого мира. Рождение новой жизни, новых людей, страны.

Но ведь я-то не видел в этом катастрофы! Ведь я же сам стремился увидеть в этом солнце! Ведь и до этих событий тоска преследовала меня. Значит, это не решало дела. Стало быть, это не являлось причиной. Напротив, это помогло мне заново увидеть мир, страну, народ, для которого я стал работать... Тоски не должно быть в моем сердце! А она есть...

Я был обескуражен. Кажется, я задал себе непосильную задачу — найти причину моей тоски, найти несчастное происшествие, которое сделало меня жалкой пылинкой, гонимой любым житейским ветром.

Может быть, это происшествие лежит в более раннем возрасте? — подумал я.— Может быть, детские годы подготовили зыбкую почву, по которой я теперь хожу спотыкаясь.

В самом деле! Почему я отбросил детские годы? Ведь это же первое знакомство с миром, первые впечатления, а стало быть, и самые глубокие. Как можно было не посчитаться с этим!

Нет нужды и тут все вспоминать,— подумал я.— Достаточно вспомнить только самое яркое, самое сильное, только то, что было связано с моим душевным волнением.

И тогда с лихорадочной поспешностью я стал вспоминать происшествия детских лет. И увидел, что и в детские годы душевное волнение необычайным светом осветило то, что произошло.

Это снова были моментальные снимки, с ослепительной силой оставшиеся в моем мозгу.

И вот, вспоминая эти детские истории, я увидел, что они волнуют меня еще больше, чем истории взрослых лет. Я увидел, что они волнуют меня значительно больше, чем даже желание найти причину моих несчастий.

IV. СТРАШНЫЙ МИР

Только в сказке блудный сын
возвращается в отчий дом.

Итак, я стал вспоминать самые яркие сцены из моего детства.

Среди этих сцен, связанных с душевным волнением, я надеялся найти несчастное происшествие, надеялся найти причину и объяснение моей ужасной тоски.

С какого же возраста мне начать? — подумал я.

Комично начать с года. Комично вспоминать то, что было в два и в три года. И даже в четыре. Подумаешь, великие дела произошли в столь мелком возрасте. Побрякушку отняли. Соску в горшок уронил. Петуха испугался. Мамаша нашлепала по заднице... Что ж вспоминать об этих мизерных делах, о которых, кстати сказать, я почти ничего не помню.

Я должен начать с пяти лет,— подумал я.

И тогда стал вспоминать то, что случилось в моей жизни с пяти до пятнадцати лет.

И вот, перебирая в памяти истории этих лет, я неожиданно почувствовал страх и даже какой-то трепет. Я подумал: значит, я на верном пути. Значит, рана где-то близко. Значит, теперь я найду это печальное происшествие, испортившее мне мою жизнь.

С 5 до 15 лет

Скорее сбросить тягостную память
Моих воображаемых обид...

Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ

На столе тарелка. На тарелке винные ягоды.

Забавно жевать эти ягоды. В них множество косточек. Они славно хрустят на зубах. За обедом нам дали только лишь по две такие ягоды. Это чересчур мало для детей.

Я влезаю на стул. Решительным жестом пододвигаю к себе тарелку. И откусываю одну ягоду.

Так и есть — множество косточек. Интересно, во всех ли ягодах то же самое?

Перебирая ягоды, я откусываю от них по кусочку. Да, все то же самое.

Конечно, это нехорошо, и я не должен этого делать. Но ведь я съедаю не всю ягоду. Я откусываю только небольшой кусочек. Почти вся ягода остается в распоряжении взрослых...

Откусив от всех ягод по кусочку, я спускаюсь со стула и хожу вокруг стола.

Приходят отец и мать.

— Я не ел винные ягоды,— говорю я им тотчас.— Я только откусил по кусочку.

Взглянув на тарелку, мать всплескивает руками. Отец смеется. Но он хмурится, когда я гляжу на него.

— Пойдем, я тебя немножко попорю,— говорит мать,— чтоб ты лучше помнил о том, что не следует делать.

Она тащит меня к кровати. И берет тонкий поясок.

Плача и рыдая, я кричу:

— Я больше не буду!

НЕ НАДО СТОЯТЬ НА УЛИЦЕ

Я стою у ворот нашего дома. Не у самых ворот, а у тумбы.

Дальше тумбы я не иду. Нельзя. Может задавить извозчик.

Вдруг я вижу — на меня катится двухколесный велосипед, на котором сидит человек в кепке.

Что ж он не звонит? Велосипедисты должны звонить, когда наезжают на людей.

Я отбегаю в сторону. Но велосипед снова катится на меня.

Секунда — и человек в кепке падает. И падаю я. И велосипед падает на меня.

Из моего носа хлещет кровь.

Увидев кровь, я начинаю так орать, что сбегаются люди. Даже прибегает одноногий газетчик, который стоит на нашем углу.

Расталкивая людей, прибегает моя мать.

Увидев, что я лежу, она бьет по щеке велосипедиста так, что у того с головы падает кепка.

Потом она хватает меня на руки и несет по лестнице.

На лестнице она осматривает и ощупывает меня. Все цело. Только из носа течет кровь и на ноге ссадина.

Мать говорит:

— Жалко, я не знала, что он тебе ногу повредил. Я бы ему оторвала голову.

Папа говорит мне:

— Ты сам виноват. Не надо стоять на улице.

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

На подоконнике банка с золотыми рыбками.

В банке плавают две рыбешки.

Я бросаю им крошки сухаря. Пусть покушают. Но рыбки равнодушно проплывают мимо.

Должно быть, им здорово плохо, что они не кушают. Еще бы, целые дни в воде. Вот если бы они просто лежали на подоконнике, тогда, может быть, у них появился бы аппетит.

Засунув руку в банку, я вытаскиваю рыбешек и кладу их на подоконник. Нет, тут им тоже неважно. Они бьются. И тоже отказываются от еды.

Я снова бросаю рыбешек в воду.

Однако в воде им еще хуже. Посмотрите, они даже плавают теперь брюшком вверх. Должно быть, просятся из банки.

Я снова вытаскиваю рыбешек и кладу их в папиросную коробку.

Через полчаса я открываю коробку. Рыбки околели.

Мамаша сердито говорит:

— Зачем ты это сделал?

Я говорю:

— Я хотел, чтоб им было лучше.

Мать говорит:

— Не притворяйся идиотиком. Рыбки созданы, чтобы жить в воде.

Я горько плачу от обиды. Я сам знаю, что рыбки созданы жить в воде. Но я хотел избавить их от этого несчастья.

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ

Мать держит меня за руку. Мы идем по дорожке.

Мать говорит:

— Зверей потом посмотрим. Сначала будет состязание для детей.

Мы идем на площадку. Там множество детей.

Каждому ребенку дают мешок. Надо влезть в этот мешок и завязать его на груди.

Вот мешки завязаны. И дети в мешках поставлены на белую черту.

Кто-то машет флагом и кричит: «Бегите!»

Путаясь в мешках, мы бежим. Многие дети падают и ревут. Некоторые из них поднимаются и с плачем бегут дальше.

Я тоже чуть не падаю. Но потом, ухитрившись, быстро передвигаюсь в этом своем мешке.

Я первый подхожу к столу. Играет музыка. И все хлопают. И мне дают коробку мармеладу, флажок и книжку с картинками.

Я подхожу к матери, прижимая подарки к своей груди.

На скамейке мама приводит меня в порядок. Она причесывает мне волосы и платком вытирает мое запачканное лицо.

После этого мы идем смотреть обезьян.

Интересно, кушают ли обезьяны мармелад? Надо их угостить.

Я хочу угостить обезьян мармеладом, но вдруг вижу, что в моих руках нет коробки...

Мама говорит:

— Наверное, мы коробку оставили на скамейке.

Я бегу к скамейке. Но там уже нет моей коробки с мармеладом.

Я плачу так, что обезьяны обращают на меня внимание.

Мама говорит:

— Наверно, украли нашу коробку. Ничего. Я тебе куплю другую.

— Я эту хочу! — кричу я так громко, что тигр вздрагивает и слон поднимает хобот.

НА БЕРЕГУ

Мы на даче. Играем на берегу.

Вдруг моя старшая сестра Леля кричит:

— Господа, Юля потонула!

Я смотрю по сторонам. Действительно, нигде нет моей младшей сестренки Юли.

Леля кричит:

— Так и есть! Вот ее шляпа плывет по воде.

Что есть духу я бегу к нашей даче. Кричу:

— Мама! Юля утонула.

Мама бежит к реке так, что я еле поспеваю за ней.

Увидев, что Юлина шляпа плывет по воде, мама падает в обморок.

В это время Леля кричит:

— Нет, господа, Юля не потонула. Вот она плывет на лодке. Она хочет догнать свою шляпу.

Действительно, видим, Юля стоит в лодке и, ворочая веслом, плывет за своей шляпой. Но течение быстрое. И шляпа ее далеко.

Я говорю:

— Мама, приди в себя, оказывается, Юля не потонула.

Увидев Юлю в лодке, мама кричит:

— Юля, плыви назад! Тебя унесет на середину реки.

Леля говорит:

— Она бы и рада плыть назад, но не может. Ей не справиться с веслом. Вон куда ее унесло.

Тут мы видим, что Юлю отнесло далеко от берега.

И она испуганно кричит: «Помогите!»

Услышав ее крик, мама снова падает в обморок.

Тут какой-то мужчина садится в другую лодку и плывет к Юле.

Я говорю маме:

— Мама, не бойся. Юлю сейчас спасут.

Юлину лодку мужчина привязывает к своей лодке.

И вскоре Юля на берегу.

Плача и целуя Юлю, мама уносит ее домой.

КОРОВЫ ИДУТ

Из рогатки я стреляю в птичку. Птичка улетает и садится на дерево, которое довольно далеко от нашего дома.

Из сада не велено уходить. Но раз такой исключительный момент, это допустимо.

И вот по дороге я бегу за птичкой.

Вдруг позади себя я слышу мычание.

Оглядываюсь. Боже мой, идет стадо коров.

Отступление отрезано. Домой уже не добежать.

Коровы совсем близко. Заметавшись, я влезаю на дерево.

Теперь коровы под деревом.

Интересно отметить, что они не уходят.

Они, как нарочно, встали у дерева и щиплют траву. Делают вид, что не замечают меня.

Может быть, они рассчитывают на то, что я сейчас сойду, и тогда они забодают меня? Но я не так глуп, как они думают. Я не сойду с дерева, пока не уйдет все стадо.

Только бы не обломился сучок, на котором я сижу. Вот если обломится сучок, тогда дела мои плохи. Тогда я как раз упаду между двух этих коров. И они поднимут меня на рога.

Идет пастух. Он хлопает бичом.

Это знакомый пастух Андрюшка. С ним можно договориться.

— Андрюшка,— кричу я,— гони этих коров, которые под деревом! Что они тут расположились и еще кушают!

Андрюшка хлопает бичом. Коровы нехотя уходят.

Теперь не страшно. Я даже нацеливаюсь из рогатки и пускаю камешек в уходящих коров.

Потом слезаю с дерева и виноватой походкой иду в сад.

ГРОЗА

Со своей сестрой Лелей я иду по полю и собираю цветы.

Я собираю желтые цветы. Леля собирает голубые.

Позади нас плетется младшая сестренка Юля. Она собирает белые цветы.

Это мы нарочно так собираем, чтоб было интересней собирать.

Вдруг Леля говорит:

— Господа, глядите, какая туча.

Мы смотрим на небо. Тихо надвигается ужасная туча. Она такая черная, что все темнеет вокруг. Она ползет, как чудовище, обволакивая все небо.

Леля говорит:

— Скорей домой! Сейчас будет жуткая гроза.

Мы бежим домой. Но бежим навстречу туче. Прямо в пасть этому чудовищу.

Неожиданно налетает ветер. Он крутит все вокруг нас.

Пыль поднимается. Летит сухая трава. И сгибаются кусты и деревья.

Что есть духу мы бежим домой.

Вот уже дождь крупными каплями падает на наши головы.

Ужасная молния и еще более ужасный гром потрясают нас. Я падаю на землю и, вскочив, снова бегу. Бегу так, как будто за мной гонится тигр.

Вот уже близко дом.

Я оглядываюсь назад. Леля тащит за руку Юлю. Юля ревет.

Еще сто шагов — и я на крыльце.

На крыльце Леля меня бранит, зачем я потерял свой желтый букетик. Но я его не потерял, я его бросил.

Я говорю:

— Раз такая гроза, зачем нам букеты?

Прижавшись друг к другу, мы сидим на кровати.

Ужасный гром сотрясает нашу дачу.

Дождь барабанит по стеклам и крыше.

От потоков дождя ничего не видно.

БЕШЕНАЯ СОБАКА

Мы вбегаем в дом и плотно закрываем двери.

Я подбегаю к окну и закрываю раму на крючок.

В окно мы смотрим на двор...

По двору идет хозяйская дочка Катя.

Мы стучим по стеклу и кричим ей:

— Катька, дура, беги скорей домой! Прячься! На улице бешеная собака.

Вместо того чтоб бежать домой, Катька подходит к нашему окну. И заводит разговор, как будто бы ничего особенного не случилось.

— А где вы видели эту собаку? — спрашивает она.— Да может быть, она не бешеная.

Я начинаю сердиться на Катьку. Я кричу ей:

— Она двоих покусала. И если укусит тебя, мы не виноваты. Мы тебя предупредили.

Катя медленно идет к своему дому.

Бешеная собака вбегает на наш двор. Она черная и страшная. Хвост у нее висит книзу. Пасть раскрыта. Из пасти течет слюна.

Схватив грабли, Катя замахивается. И собака отбегает в сторону. Катя смеется.

Это невероятно. Бешеная собака испугалась Катьки. Я думал, что такие собаки ничего не боятся и всех кусают.

Вот бегут люди с палками. Они хотят убить собаку. Но собака убегает. Люди бегут за ней. Они кричат и улюлюкают.

Осмелев, мы открываем окно. Потом выходим в сад.

Конечно, в саду небезопасно. Собака может вернуться. Кто ее знает. Но если сидеть на крыльце, то это ничего. Можно успеть убежать.

Однако собака не возвращается. Ее убили на соседнем дворе.

НУ, ТЕПЕРЬ СПИТЕ

В комнате темно. Только горит лампадка. У наших кроватей сидит нянька и рассказывает сказку.

Покачиваясь на стуле, нянька монотонно говорит:

— Сунула руку добрая фея под подушку, а там змея. Сунула руку под перинку, а там две змеи и гадюка. Заглянула фея под кроватку, а там четыре змеи, три гадюки и один уж.

Ничего на это добрая фея не сказала, только сунула свои ножки в туфельки, а в каждой туфельке по две жабы сидят. Сорвала фея с гвоздика свое пальто, чтоб одеться и уйти из этих мест. Глядит, а в каждом рукаве ее пальто по шесть гадюк и по четыре жабы.

Собрала фея всю эту нечисть вместе и говорит:

«Вот чего. Ничего худого я вам не желаю, но и вы не препятствуйте мне уйти из этих мест».

И тогда вся эта нечисть сказала и так ответила доброй фее:

«Ничего дурного и от нас вам не будет, госпожа добрая фея. Спасибо, что вы за это нас не убили».

Но тут раздался гром. Из-под земли выкинуло огонь. И перед доброй феей предстала злая фея.

«Это, говорит, я нарочно выпустила на тебя всю нечисть, но ты, говорит, подружилась с ними, чем удивила меня. Благодаря этому я заколдую тебя в обыкновенную корову». Тут снова раздался гром. Глядим, а вместо доброй феи пасется обыкновенная корова...

Нянька молчит. Мы трясемся от страха. Сестра Юля говорит:

— А вся другая нечисть что?

Нянька говорит:

— Про это я не знаю. Наверно, при виде злой феи они попрятались по своим местам.

— То есть под перину и под подушку? — спрашиваю я, отодвигаясь от подушки.

Нянька встает со стула и, уходя, говорит:

— Ну, хватит разговору. Спите теперь.

Мы лежим в постелях, боясь пошевелиться. Нарочно страшным голосом Леля хрипит: «Хо-о».

Мы с Юлей вскрикиваем от страха. Умоляем Лелю не пугать нас. Но она уже спит.

Я долго сижу на кровати, не рискуя лечь на подушку.

Утром я не пью молоко, оттого что оно от заколдованной феи.

ТАК ПРОСТО

Мы сидим в телеге. Рыжеватая крестьянская лошаденка бойко бежит по пыльной дороге.

Правит лошаденкой хозяйский сынок Васютка. Он небрежно держит вожжи в руках и по временам покрикивает на лошадь:

— Ну, ну, иди... заснула...

Лошаденка совсем не заснула, она бежит хорошо. Но, вероятно, так полагается покрикивать.

У меня горят руки — так мне хочется подержать вожжи, поправить и покричать на лошадь. Но я не смею попросить об этом Васютку.

Вдруг Васютка сам говорит:

— Ну-ка, подержи вожжи. Я покурю.

Сестра Леля говорит Васютке:

— Нет, не давай ему вожжи. Он не умеет править.

Васютка говорит:

— Что значит не умеет? Тут нечего уметь.

И вот вожжи в моих руках. Я держу их на вытянутых руках.

Крепко держась за телегу, Леля говорит:

— Ну, теперь будет история — он нас непременно опрокинет.

В этот момент телега подпрыгивает на кочке.

Леля вскрикивает:

— Ну, ясно. Сейчас она нас перевернет.

Я тоже подозреваю, что телега опрокинется, поскольку вожжи в моих неумелых руках. Но нет, подскочив на кочке, телега ровно катится дальше.

Гордясь своим успехом, я похлопываю лошадь вожжами по бокам и покрикиваю: «Ну, заснула!»

Вдруг я вижу — поворот дороги.

Торопливо я спрашиваю Васютку:

— За какую вожжу тянуть, чтоб лошадь побежала направо?

Васютка спокойно говорит:

— Потяни за правую.

— Сколько раз потянуть за правую? — спрашиваю я.

Васютка пожимает плечами:

— Один раз.

Я дергаю за правую вожжу, и вдруг, как в сказке, лошадь бежит направо.

Но я почему-то огорчен, раздосадован. Так просто. Я думал, гораздо трудней править лошадью. Я думал, тут целая наука, которую нужно изучать годами. А тут такая чепуха.

Я передаю вожжи Васютке. Не особенно интересно.

СТРАШНЫЙ МИР

Горит дом. Пламя весело перебегает со стен на крышу.

Теперь горит крыша, обитая дранкой.

Пожарные качают воду. Один из них, схватив кишку, поливает дом. Вода тоненькой струйкой падает на огонь.

Нет, не затушить пожарному это пламя.

Мать держит меня за руку. Она боится, что я побегу к огню. Это опасно. Летят искры. Они осыпают толпу.

В толпе кто-то плачет. Это плачет толстый человек с бородой. Он плачет, как маленький. И трет свои глаза рукой. Может быть, искра попала ему в глаз?

Я спрашиваю маму:

— Чего он плачет? В него попала искра?

Мать говорит:

— Нет, он плачет оттого, что горит его дом.

— Он построит себе новый дом,— говорю я.— Вот уж из-за этого я бы не стал плакать.

— Чтоб построить новый дом, нужны деньги,— говорит мать.

— Пусть он заработает.

— На эти деньги не построишь дом.

— А как же тогда строятся дома?

Мама тихо говорит:

— Не знаю, может быть, люди крадут деньги.

Что-то новое входит в мои понятия. Я с интересом гляжу на бородатого человека, который украл деньги, построил дом, и вот он теперь горит.

— Значит, надо красть деньги? — спрашиваю я мать.

— Нет, красть нельзя. За это сажают в тюрьму.

Тогда совсем непонятно.

Я спрашиваю:

— А как же тогда?

Но мать с досадой машет рукой, чтоб я замолчал.

Я молчу. Я вырасту большой и тогда сам узнаю, что делается в этом мире. Должно быть, взрослые в чем-нибудь тут запутались и теперь не хотят об этом рассказывать детям.

КТО-ТО УТОНУЛ

Я мастерю пароходик. Это дощечка с трубой и мачтой. Остается сделать руль и флаг.

Размахивая шляпой, бежит Леля. Она кричит:

— Минька, скорей! Бежим. Там кто-то утонул.

Я бегу за Лелей. На ходу кричу ей:

— Я не хочу бежать. Я боюсь.

Леля говорит:

— Так не ты же утонул. Это кто-то утонул. Чего ж тебе бояться?

Мы бежим по берегу. Там у пристани толпа.

Расталкивая людей, Леля пробивается сквозь толпу. Я протискиваюсь за ней.

Кто-то говорит:

— Он не умел плавать. Течение быстрое. Вот он и утонул.

На песчаном берегу лежит юноша. Ему восемна-

дцать. Он белый, как бумага. Глаза у него закрыты. Руки раскинуты в стороны, а тело его прикрыто зелеными веточками.

Рядом с ним на коленях стоит женщина. Она пристально смотрит в его мертвое лицо. Кто-то говорит:

— Это его мать. Она не плачет от очень большого горя.

Искоса я поглядываю на утопленника. Мне хочется, чтоб он задвигался, встал и сказал:

— Нет, я не потонул. Это я так. Нарочно. Пошутил.

Но он лежит неподвижно. И мне делается так страшно, что я закрываю глаза.

Я НЕ ВИНОВАТ

Сидим за столом и кушаем блины.

Вдруг отец берет мою тарелку и начинает кушать мои блины. Я реву.

Отец в очках. У него серьезный вид. Борода. Тем не менее он смеется. Он говорит:

— Видите, какой он жадный. Ему для отца жаль одного блина.

Я говорю:

— Один блин, пожалуйста, кушай. Я думал, что ты все скушаешь.

Приносят суп.

Я говорю:

— Папа, хочешь мой суп?

Папа говорит:

— Нет, я подожду, когда принесут сладкое. Вот если ты мне сладкое уступишь, тогда ты действительно добрый мальчик.

Думая, что на сладкое клюквенный кисель с молоком, я говорю:

— Пожалуйста. Можешь кушать мое сладкое.

Вдруг приносят крем, к которому я неравнодушен.

Пододвинув к отцу мое блюдце с кремом, я говорю:

— Пожалуйста, кушай, если ты такой жадный.

Отец хмурится и уходит из-за стола.

Мать говорит:

— Пойди к отцу, попроси прощения.

Я говорю:

— Не пойду. Я не виноват.

Я выхожу из-за стола, не дотронувшись до сладкого.

Вечером, когда я лежу в кровати, подходит отец. У него в руках мое блюдце с кремом.

Отец говорит:

— Ну, что ж ты не съел свой крем?

Я говорю:

— Папа, давай съедим пополам. Что нам из-за этого ссориться?

Отец целует меня и с ложечки кормит кремом.

В ВОДЕ

Мальчишки плавают и ныряют. Я копаюсь на берегу.

Мне кричат:

— Ну, давай. Смелей иди. Научим плавать.

Я медленно иду по воде. Холодно. Мурашки ползут по моей коже.

— Сразу окунайся, балда, семь раз! — кричат мальчишки.

Я окунаюсь до плеч. Мальчишки кричат:

— С головой окунайся, недотепа.

Нет, с головой я не решаюсь окунуться. Вода попадет в глаза и в уши. Это неприятно.

— Давай сюда! Не трусь! — кричат мальчишки.

Хоть там глубоко, но я иду вперед. Я не хочу быть трусом.

Я иду вперед и вдруг проваливаюсь в яму. Зеленая вода покрывает меня с головой. Неужели я потонул?

Но нет. Я выплываю наверх. И, барахтаясь, как собачонка, плыву.

Браво. Кажется, я сам научился плавать.

Вдруг кто-то или что-то хватает меня за ногу. Я вскрикиваю и сразу иду на дно.

Вот теперь я окончательно потонул. Я закрываю глаза.

Мальчишки выволакивают меня наверх. Один из них говорит:

— Зря так скоро мы его вытащили. Пущай бы подольше полежал. Откачали бы.

Я лежу на берегу и выплевываю воду.

Вокруг меня беснуются мальчишки. Им досадно, что я мало наглотался воды.

ЗАКРЫВАЙТЕ ДВЕРИ

Вечер. Мы пьем молоко. И ложимся спать.

Я подхожу к окну. За окном темно. Так темно, что даже не видно клумбу с цветами.

Я всматриваюсь в окно.

В комнате веселятся мои сестры. Они хохочут и бросаются подушками. Одна из подушек летит в меня. Я сердито отбрасываю ее в сторону. Совершенно неподходящее время для таких шуток.

Желая мне досадить, Леля говорит:

— Сегодня непременно придут воры. Так и знай.

Положим, если закрыть двери, они не придут.

Я кричу взрослым, которые сидят на балконе:

— Не забудьте закрыть двери!

Мама появляется в дверях.

— Что случилось? — спрашивает она.

— Нет, ничего не случилось,— говорю я,— но Леля думает, что сегодня придут воры.

Мама целует нас и, улыбаясь, уходит.

Я лежу, закрывшись с головой одеялом.

В доме уже тихо. Все спят. Но мне не спится.

Двери, конечно, закрыты. Я сам слышал, как щелкнул крючок, но закрыты ли окна?

Я встаю с постели. Подхожу к окну. Пробую крючок. Закрыто. Может быть, в той комнате забыли закрыть окно?

Осторожно ступая, я иду в соседнюю комнату. Ощупью нахожу крючок на окне. Вдруг что-то со звоном и треском падает на пол.

Я слышу испуганный голос мамы:

— Что! Кто там?.. Воры!

— Где, где воры? — кричу я матери.

В доме переполох. Все прибегают. Зажигают лампу.

Но полу лежит разбитая банка с цветами.

Мать успокаивает меня.

И я снова ложусь в постель, закрываюсь с головой одеялом.

У БАБУШКИ

Мы в гостях у бабушки. Сидим за столом. Подают обед.

Наша бабушка сидит рядом с дедушкой. Дедушка толстый, грузный. Он похож на льва. А бабушка похожа на львицу.

Лев и львица сидят за столом.

Я не отрываясь смотрю на бабушку. Это мамина мама. У нее седые волосы. И темное, удивительно красивое лицо. Мама сказала, что в молодости она была необыкновенная красавица.

Приносят миску с супом.

Это неинтересно. Это я вряд ли буду кушать.

Но вот приносят пирожки. Это еще ничего.

Сам дедушка разливает суп.

Подавая свою тарелку, я говорю дедушке:

— Мне только одну капельку.

Дедушка держит разливательную ложку над моей тарелкой. Одну каплю супа он капает в мою тарелку.

Я смущенно смотрю на эту каплю.

Все смеются.

Дедушка говорит:

— Он сам попросил одну каплю. Вот я и выполнил его просьбу.

Я не хотел супа, но почему-то мне обидно. Я почти плачу.

Бабушка говорит:

— Дедушка пошутил. Дай твою тарелку, я налью.

Я не даю свою тарелку и не дотрагиваюсь до пирожков.

Дедушка говорит моей маме:

— Это плохой ребенок. Он не понимает шуток.

Мама говорит мне:

— Ну, улыбнись же дедушке. Ответь ему что-нибудь.

Я сердито смотрю на дедушку. Тихо говорю ему:

— Я больше к вам никогда не приеду.

Я пришел к бабушке в гости, только когда дедушка умер. Это был неродной дедушка. И я не жалел, что он умер.

МАМА ПЛАЧЕТ

Мама лежит на диване и плачет. Я подхожу к ней. Мама протягивает мне цветную открытку. На открытке какая-то красивая дама в боа и в шляпе.

Мама спрашивает:

— Правда, я похожа на эту даму?

Желая утешить маму, я говорю:

— Да, немножко похожа.

Хотя я и не вижу особенного сходства.

Мама говорит:

— В таком случае пойди к папе, покажи ему эту открытку и скажи: «Папа, погляди, как похожа на нашу маму».

Угрюмо я спрашиваю:

— Для чего?

— Так нужно. Я не могу тебе объяснить, для чего. Ты слишком мал.

Я говорю:

— Нет, ты все-таки скажи. Так я не пойду.

Мама говорит:

— Ну как тебе объяснить... Папа посмотрит на эту открытку и скажет: «Ах, какая у нас интересная мама...» И будет относиться ко мне добрей...

Это объяснение не вносит ясности в мою голову. Наоборот, мне кажется, что папа увидит несходство и еще больше рассердится на маму.

С большой неохотой я иду в комнату, где работает папа.

Папа художник. Перед ним мольберт. Папа пишет портрет моей сестры Юли.

Я подхожу к отцу и, протянув открытку, угрюмо говорю:

— Кажется, немножко похожа на мать. Нет?

Искоса взглянув на открытку, отец говорит:

— Не мешай мне. Иди...

Ну, конечно. Ничего не вышло. Я так и знал.

Я возвращаюсь к матери.

— Ну, что он сказал?

Я говорю:

— Он сказал: «Не мешай мне, иди...»

Закрыв лицо руками, мама плачет.

Мое сердце разрывается от жалости. Я даже согласен вторично идти к отцу с этой дурацкой открыткой, но мать не разрешает мне этого.

МАМА НАШЛА БИЛЕТЫ

Мама в гневе ударяет по столу кулаком. Говорит бабушке:

— Значит, когда мы были на даче, он тут веселился... Вот эти билеты, которые я нашла в кармане его летнего пальто.

Я знаю это летнее папино пальто. Оно висит на вешалке. Совершенно светлое, коротенькое пальто.

Мама кладет на стол какие-то билеты.

Я сгораю от любопытства — так мне хочется узнать, что это за билеты.

Я подхожу к столу и рассматриваю билеты, читаю: «Театр Буфф».

Бабушка говорит:

— Может быть, он был в «Буффе» со своим приятелем. Почем мы знаем?

Мама говорит:

— Нет, билеты в первом ряду. Я знаю, с кем он был. Он был с Анной. Я давно подозревала, что она сходит с ума...

Вдруг открывается дверь, и входит папа.

Папа в черном осеннем пальто. В шляпе. Он очень высокий, красивый. И даже борода не портит его.

Улыбаясь, папа говорит маме:

— Мне нужно с тобой поговорить.

Они оба уходят в гостиную.

Леля подходит к двери. Прислушивается. Потом говорит:

— Нет, все хорошо. Ничего плохого не будет. Ручаюсь...

Я спрашиваю Лелю:

— А что у них произошло?

Леля говорит:

— Все женщины сходят с ума от нашего папы. Это чересчур расстраивает маму.

Вскоре из гостиной выходят наши родители.

Я вижу, мама не особенно довольна, но все же ничего.

Папа на прощанье целует мамину руку. И уходит ночевать в свою мастерскую. Это через три дома от нас.

В МАСТЕРСКОЙ

Папы давно у нас не было. Мать одевает меня. И мы идем к отцу в мастерскую.

Мама идет торопливо. Тянет меня за руку, так что я едва поспеваю.

Мы поднимаемся на седьмой этаж. Стучим. Дверь открывает папа.

Увидев нас, он сначала хмурится. Потом, взяв меня на руки, подкидывает чуть не под потолок. Смеется и целует меня.

Мама улыбается. Она садится рядом с папой на диван. И у них начинается какой-то таинственный разговор.

Я хожу по мастерской. На мольбертах картины. На стенах тоже картины. Огромные окна. Беспорядок.

Я осматриваю ящики с красками. Кисти. Всякие бутылочки.

Уже все осмотрено, но родители еще беседуют. Очень

приятно, что они так тихо беседуют — без криков, не ссорятся.

Я не мешаю им. Я вторично обхожу ящики и картины.

Наконец отец говорит матери:

— Ну, очень рад. Все хорошо.

Он на прощание целует маму. И мама целует его. И даже они обнимаются.

Одевшись, мы уходим.

По дороге мама вдруг начинает бранить меня. Она говорит:

— Ах, зачем ты увязался со мной...

Мне странно слышать это. Я вовсе не увязывался. Она сама потянула меня в мастерскую. И вот теперь недовольна.

Мама говорит:

— Ах, как я жалею, что взяла тебя с собой. Без тебя мы бы окончательно помирились.

Я хнычу. Но я хнычу оттого, что не понимаю, в чем я виноват. Я вел себя тихо. Даже не бегал по мастерской. И вот такая несправедливость.

Мать говорит:

— Нет, больше я тебя никогда с собой не возьму.

Мне хочется спросить, в чем дело, что произошло. Но я молчу. Я вырасту большой и тогда все сам узнаю. Узнаю, почему бывают виноваты люди, если они решительно ни в чем не виноваты.

У КАЛИТКИ

Я стою в саду у калитки. Пристально смотрю на дорогу, которая ведет к пристани.

Мама уехала в город. И вот с утра ее нет. А мы уже пообедали. И скоро вечер. Ах, боже мой, где же она?

Я снова всматриваюсь в даль. Нет! Идут какие-то люди, а ее нет. Наверное, что-нибудь с ней случилось.

Но что могло с ней случиться? Ведь она же не маленький ребенок. Взрослый человек. Ей тридцать лет.

Ну и что из того? И со взрослыми случаются всякие ужасы. Взрослых тоже на каждом шагу подстерегают опасности.

Может быть, мама ехала на извозчике. Понесла лошадь. Правда, у извозчиков лошади тихие. Еле плетутся. Сомнительно, что такие лошади могут понести. А если и понесут, то всегда можно выскочить из пролетки.

Но вот если мама поехала на пароходе, то с парохода не выскочишь, если он тонет. Конечно, имеются круги. Можно схватить такой круг и спастись. Зато такие круги ни к чему, если пожар, если, например, загорелась наша городская квартира. Хотя, впрочем, дом у нас каменный, и вряд ли он может вспыхнуть, как спичка.

Скорей всего мама зашла в кафе, там что-нибудь скушала и заболела. И вот теперь ей доктор делает операцию.

Ах, нет! Вот идет наша мама!

С криком я бегу к ней навстречу. Мама в огромной шляпе. На плечах у нее белое боа из перьев. И бант на поясе. Мне не нравится, что мама так одевается. Вот уж ни за какие блага в мире я не надел бы эти перья. Я вырасту большой и попрошу маму, чтоб она так не одевалась. А то мне неловко с ней идти — все оборачиваются.

— Ты, кажется, не рад, что я приехала? — спрашивает мама.

— Нет, я рад,— равнодушно говорю я.

ЭТО НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Рядом со мной за партой сидит гимназист Костя Палицын.

Перочинным ножом он вырезает на парте какую-то букву. Я смотрю, как ловко и незаметно для учителя он режет ножом.

Я так углубился в это дело, что не слышу, как вызывают меня.

Кто-то толкает меня под бок. И тогда я встаю и растерянно смотрю на классного наставника, который преподает русский и арифметику в нашем приготовительном классе.

Оказывается, учитель почему-то хочет, чтоб я прочитал ему стихотворение «Весело сияет месяц над селом».

Первую строчку я бойко произношу, так как я ее только что услышал от учителя. Но что дальше, я не знаю. Я просто не знаю этого стихотворения и даже в первый раз слышу о нем.

Со всех сторон мне подсказывают: «Белый снег сверкает».

Запинаясь, я произношу, что подсказывают.

Посматривая на меня, учитель улыбается.

Ученики наперерыв подсказывают мне. Они шепчут со

всех сторон. От этого даже не разобрать, что они шепчут — «Крест под облаками, как свеча, горит...»

— Треск под сапогами,— бормочу я.

В классе хохот. Учитель тоже смеется. И ставит в мой дневник единицу.

Это неприятно. Я всего пять дней в гимназии. И вдруг сразу единица.

Я говорю Косте Палицыну:

— Если будут ставить единицы за все, что я еще не знаю, то я много нахватаю единиц.

— Это стихотворение было задано,— говорит Костя.— Его надо было выучить.

Ах, оно было задано? Я не знал. В таком случае это недоразумение.

Мне становится легко на душе, что это недоразумение.

СНОВА НЕПРИЯТНОСТИ

На мне серое гимназическое пальто с серебряными пуговицами. За спиной ранец.

В карман моего пальто мама сует записку с адресом гимназии.

— Мама,— говорю я,— ты не беспокойся. Я так хорошо знаю дорогу, что могу с закрытыми глазами дойти до гимназии.

Мама говорит:

— Только ты и в самом деле не вздумай идти с закрытыми глазами. С тебя хватит.

Я выхожу на улицу.

Нет, конечно, с закрытыми глазами я не пойду. Это опасно. На улицах конки, извозчики. Но от угла Большого до гимназии я непременно пойду с закрытыми глазами. Всего двести десять шагов. Это сущие пустяки.

Дойдя до Большого проспекта, я закрываю глаза и, как слепой, иду, тычась в людей и задевая стены и тумбы. При этом мысленно считаю шаги... Двести... Двести десять...

Произнеся вслух «Двести десять», я с силой наталкиваюсь на какого-то человека. Открываю глаза. Стою как раз у дверей гимназии. А человек, которого я толкнул,— это наш учитель и классный наставник.

— Ах, извините,— говорю я.— Я вас не заметил.

— Надо замечать,— сердито говорит учитель.— Для этого у тебя есть глаза.

— Они были закрыты,— говорю я.

— Зачем же ты глаза закрываешь, глупый мальчишка? — говорит учитель.

Я молчу. Во-первых, это долго объяснять, во-вторых, он, пожалуй, не поймет, почему я закрыл глаза.

— Ну? — спрашивает учитель.

— Просто так закрыл. От ветра...

Учитель хмуро смотрит на меня и сердито говорит:

— Ну, что ж ты стоишь как пень? Иди...

Я стою оттого, что я вежливый человек.

Я хочу пропустить его вперед.

Мы одновременно шагаем к двери и в дверях снова сталкиваемся.

Еще более сердито учитель смотрит на меня.

ПУД ЖЕЛЕЗА

Я занят разборкой моего пенала. Перебираю карандаши и перья. Любуюсь моим маленьким перочинным ножом.

Учитель вызывает меня. Он говорит:

— Ответь, только быстро: что тяжелей — пуд пуха или пуд железа?

Не видя в этом подвоха, я, не подумав, отвечаю:

— Пуд железа.

Кругом хохот.

Учитель говорит:

— Скажи своей маме, чтоб она завтра зашла ко мне. Я хочу с ней поговорить.

На другой день мама идет к учителю и грустная возвращается домой. Она говорит:

— Учитель недоволен тобой. Он говорит, что ты рассеянный, ничего не слушаешь, не понимаешь и сидишь за партой, как будто тебя не касается, что происходит в классе.

— А что он еще сказал?

Лицо у мамы делается совсем грустным.

Прижав меня к себе, она говорит:

— Я тебя считала умным и развитым мальчиком, а он говорит, что у тебя еще недостаточное умственное развитие.

— Это он глупости говорит! — сердито кричу я.— Помоему, у него недостаточное умственное развитие. Он задает ученикам глупые вопросы. А на глупые вопросы трудней ответить, чем на умные.

Целуя меня, мама плачет.

— Ах, тебе будет трудно жить на свете! — говорит она.

— Почему?

— Ты трудный ребенок. Ты похож на отца. Я не верю, что ты будешь счастливый.

Мама снова целует и обнимает меня, но я вырываюсь. Я не люблю это лизанье и слезы.

ЗАКРЫТОЕ СЕРДЦЕ

Приехал дедушка. Это отец отца. Он приехал из Полтавы.

Я думал, что приедет дряхлый старичок с длинными усами и в украинской рубашке. И будет петь, плясать и рассказывать нам сказки.

Наоборот. Приехал строгий высокий человек. Не очень старый, не очень седой. Поразительно красивый. Бритый. В черном сюртуке. И в руках у него был маленький бархатный молитвенник и красные костяные четки.

И я удивился, что у нас такой дедушка. И захотел с ним о чем-нибудь поговорить. Но с нами, с детьми, он не стал разговаривать. Он только немного поговорил с папой. А маме сердито сказал:

— Сами виноваты, сударыня. Слишком много народили детей.

И тогда мама заплакала и ушла в свою комнату.

И я еще больше удивился, что у нас такой дедушка, который недоволен тем, что у мамы родились дети, среди которых был я.

И мне непременно захотелось узнать, что делает дедушка в своей комнате, из которой он почти не выходит и никому не позволяет входить в нее. Наверно, он там делает что-нибудь исключительно важное.

И вот я приоткрываю дверь и тихо вхожу в комнату.

Строгий дедушка ничего не делает. Он сидит в кресле и просто ничего не делает. Неподвижно смотрит на стену и курит длинную трубку.

Увидев меня, дедушка спросил:

— Что тебе здесь нужно? И зачем ты вошел ко мне не постучавшись?

И тогда я рассердился на моего дедушку и сказал ему:

— В конце концов, это наша квартира. Если хотите знать — это моя комната, а меня переселили к сестрам. Зачем я буду стучать в свою комнату?

Дедушка бросил в меня свои четки и закричал. Потом он

пошел и пожаловался моему отцу. А отец пожаловался матери.

Но мама не стала меня бранить. Она сказала:

— Ах, скорей бы он уехал. Он никого не любит. Он вроде твоего отца. У него закрытое сердце.

— А у меня тоже закрытое сердце?— спрашиваю я.

— Да,— говорит мать,— по-моему, и у тебя закрытое сердце.

— Значит, я буду такой же, как дедушка?

Целуя меня, мать сквозь слезы говорит:

— Да, наверно, и ты будешь такой же. Это большое несчастье — никого не любить.

НЕЛЬЗЯ КРИЧАТЬ

На улицах беспорядки. Побили городового на углу. Жандармы скачут на лошадях. Что-то происходит необычайное.

В нашей гимназии тоже творится что-то странное. Старшие ученики собираются в группы и о чем-то тихо беседуют. И малыши шалят больше обыкновенного.

Перемена. Мы бегаем по залу. Второклассники бегают с криком: «Бунтуйся». Я тоже присоединяюсь к ним и, размахивая рукой, кричу: «Бунтуйся».

Кто-то хватает меня за руку. Это классный наставник.

Он трясет меня за плечи и говорит:

— Повтори, что ты сказал.

— Я сказал «бунтуйся»,— бормочу я.

Лицо у учителя делается каменным. Он говорит:

— Встань к стене под часами и стой до конца перемены. А завтра пусть мама зайдет ко мне.

Я стою под часами. Новое дело. Что случилось? Почему это нельзя кричать? Все кричали. А он, как коршун, налетел на меня и схватил за плечи.

На другой день мама возвращается от учителя встревоженной. Она идет к отцу и с ним долго беседует.

Потом родители зовут меня в свою комнату.

Отец лежит на кровати в брюках и в пиджаке. Вид у него скучный, хмурый. Он говорит мне:

— Наверное, ты не знал, что означает это слово?

Я говорю:

— Нет, я знал. Оно от слова «бунт». Но я не знал, что его нельзя кричать.

Отец улыбается. Говорит матери:

— Пойди к учителю и скажи ему, что наш сын дурачок, недостаточно развитой... А то его посадят в тюрьму.

Услышав про тюрьму, я начинаю плакать.

Мама говорит:

— Раньше я об этом спорила с учителем. Но теперь я пойду скажу ему, что он прав.

Папа смеется.

— Вот видите,— говорит он,— это плохое мнение пригодилось.

Папа отворачивается к стене и больше не хочет разговаривать.

Мы с мамой выходим из комнаты.

РАЗРЫВ СЕРДЦА

Тихо отворяю дверь и вхожу в папину комнату.

Обычно отец валяется на кровати. Но сегодня он неподвижно стоит у окна.

Высокий, угрюмый, он стоит у окна и о чем-то думает.

Он похож на Петра Великого. Только с бородой.

Тихо я говорю:

— Папа, я возьму твой ножичек очинить карандаш.

Не оборачиваясь, отец говорит:

— Возьми.

Я подхожу к письменному столу и начинаю чинить карандаш.

В углу у окна круглый столик. На нем графин с водой.

Отец наливает стакан воды. Пьет. И вдруг падает.

Он падает на пол. И падает стул, за который он задел.

От ужаса я кричу. Прибегают сестры, мать.

Увидев отца на полу, мать с криком бросается к нему. Теребит его за плечи, целует его лицо.

Я выбегаю из комнаты и ложусь на свою кровать.

Произошло что-то ужасное. Но, может быть, все кончится хорошо. Может быть, у папы обморок.

Я снова иду в комнату отца.

Отец лежит на кровати. Мать у дверей. Рядом с ней доктор.

Мать кричит:

— Вы ошиблись, доктор!

Доктор говорит:

— В этом вопросе мы не смеем ошибаться, сударыня. Он умер.

— Почему же так сразу? Не может быть!

— Это разрыв сердца,— говорит врач. И уходит из комнаты.

Лежа на своей кровати, я плачу.

ДА, ОН УМЕР

Ах, как невыносимо смотреть на маму! Она все время плачет.

Вот она стоит у стола, на котором лежит мой отец. Она упала лицом на его лицо и плачет.

Я стою у двери и смотрю на это ужасное горе. Нет, я бы не мог так плакать. Наверно, у меня — закрытое сердце.

Мне хочется утешить мать, отвлечь ее. Я тихо спрашиваю ее:

— Мама, сколько лет нашему папе?

Вытирая слезы, мама говорит:

— Ах, Мишенька, он совсем молодой. Ему сорок девять. Нет, не может быть, чтобы он умер!

Она снова теребит за плечи отца и бормочет:

— Может быть, это глубокий обморок, летаргический сон?..

Мать отстегивает булавку от своей блузки. Потом берет руку отца. И я вижу — она хочет булавкой проколоть ему руку.

Я вскрикиваю от ужаса.

— Не надо кричать,— говорит мать,— я хочу посмотреть, может быть, он не умер.

Булавкой она прокалывает руку насквозь. Я снова кричу. Мать вынимает булавку из проколотой ладони.

— Погляди,— говорит она,— нет ни капельки крови. Да, он умер...

Упав на грудь отца, мама снова плачет.

Я выхожу из комнаты. Меня трясет лихорадка.

НА КЛАДБИЩЕ

Я первый раз на кладбище. Ничуть не страшно. Только очень неприятно.

Настолько неприятно, что я еле стою в церкви. Скорей бы кончилось отпевание. Я стараюсь не смотреть на покойников, которые лежат на шести катафалках. Но мои глаза невольно останавливаются на них.

Они лежат бледные, неподвижные, как восковые куклы. Две старухи в чепцах. Отец. Еще чей-то отец. Молодая мертвая девушка. И какой-то пузатый, толстый человек. Такой пузатый, что вряд ли закроется гроб при таком брюхе. Впрочем, прижмут крышкой. Церемониться не будут. Все равно он теперь ничего не чувствует, не видит.

Не знаю, смогу ли я подойти к отцу, поцеловать его. Вот уже все подходят, целуют.

Затаив дыхание, я подхожу. Чуть касаюсь губами его мертвой руки. Выбегаю из церкви.

Гроб несут на руках художники — папины товарищи. Впереди на маленькой бархатной подушке несут орден, который папа получил за свою картину «Отъезд Суворова». Эта картина на стене Суворовского музея. Она сделана из мозаики. В левом углу картины имеется зеленая елочка. Нижнюю ветку этой елочки делал я. Она получилась кривая, но папа был доволен моей работой.

Поют певчие. Гроб опускают в яму. Мама кричит.

Яму засыпают. Все кончено. Закрытое сердце больше не существует. Но существую я.

ДНИ СОЧТЕНЫ

Мамин брат заболел чахоткой. Ему сняли комнату за городом. И он стал там жить.

Но доктор сказал маме:

— Он очень плох. Его дни сочтены.

Я поехал к нему в воскресенье. Повез пирожки и сметану.

Дядя Георгий лежал на кровати, обложенный подушками. Он тяжело и с хрипом дышал.

Я положил на стул то, что привез, и хотел уйти. Но он сказал мне:

— Я целые дни один. Мне ужасно скучно. Давай хоть с тобой сыграем в карты.

Из-под подушки дядя Георгий вынул карты. И мы стали играть в шестьдесят шесть.

Мне страшно везло. А ему нет. Он проиграл мне две партии. И потребовал, чтоб я сыграл с ним третью.

Мы начали играть третью партию. Но ему не везло еще больше. И тогда он стал на меня сердиться. Стал кричать и бросать карты. Он огорчался, что проигрывает, хотя мы играли не на деньги, а так.

И я удивился, что он огорчается, если дни его сочтены и он скоро умрет.

Вот он сдал мне карты. И почти все они были козырные. И, увидев это, дядя затрясся от гнева, закашлялся. Начал стонать. И ему стало так нехорошо, что он схватил кислородную подушку и приложил ее к своему рту. Ему стало душно. Он боялся задохнуться.

Потом, когда ему стало лучше, мы продолжали игру.

Но я нарочно стал сбрасывать хорошие карты. Ходил не так, как надо. Я хотел ему проиграть, чтоб он не мучился.

И тогда я стал проигрывать. И от этого дядя развеселился настолько, что стал шутить и смеяться. И он хлопнул меня картами по лбу, сказав, что я еще слишком мал, чтоб играть со взрослыми.

Четвертую партию я не стал с ним играть, хотя он очень этого хотел.

Я ушел с тем, чтоб к нему больше не приходить.

И мне не пришлось больше у него бывать. Он в следующее воскресенье умер.

МУЗА

Я в гостях. Сижу на диване. Девочка по имени Муза показывает мне свои книги.

Показывая книги, она вдруг спрашивает меня:

— Вы хотите быть моим женихом?

— Да,— тихо отвечаю я.— Только я меньше вас ростом. Не знаю, могут ли быть такие женихи.

Мы подходим к трюмо, чтоб увидеть разницу в нашем росте.

Мы ровесники. Нам по одиннадцати лет и три месяца. Но Муза выше меня почти на полголовы.

— Это ничего,— говорит она.— Бывают женихи совершенно маленького роста и даже горбатые. Главное, чтобы они были сильные. Давайте поборемся. И я уверена, что вы сильней меня.

Мы начинаем бороться. Муза сильней меня. С ловкостью кошки я ускользаю от поражения. И мы снова боремся. Падаем на ковер. И некоторое время лежим, ошеломленные чем-то непонятным.

Потом Муза говорит:

— Да, я сильнее вас. Но это ничего. Среди женихов бывают слабенькие и даже больные. Главное, чтоб они были умные. Сколько у вас пятерок в первой четверти?

Боже мой, какой неудачный вопрос! Если мерить ум на отметки, тогда дела мои совсем плохи. Три двойки. Остальные тройки.

— Ну, ничего,— говорит Муза.— Вы в дальнейшем поумнеете. Наверно, бывают такие женихи, у которых по четыре двойки и больше.

— Не знаю,— говорю я,— вряд ли.

Взявшись под руку, мы ходим по гостиной. Взрослые зовут нас в столовую чай пить.

Обняв меня за шею, Муза целует меня в щеку.

— Зачем вы это сделали? — говорю я, ужасаясь ее поступку.

— Поцелуи скрепляют договор,— говорит она.— Теперь мы жених и невеста.

Мы идем в столовую.

УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ

Учитель истории вызывает меня не так, как обычно. Он произносит мою фамилию неприятным тоном. Он нарочно пищит и визжит, произнося мою фамилию. И тогда все ученики тоже начинают пищать и визжать, передразнивая учителя.

Мне неприятно, когда меня так вызывают. Но я не знаю, что надо сделать, чтоб этого не было.

Я стою за партой и отвечаю урок. Я отвечаю довольно прилично. Но в уроке есть слово «банкет».

— А что такое банкет? — спрашивает меня учитель.

Я отлично знаю, что такое банкет. Это обед, еда, торжественная встреча за столом, в ресторане. Но я не знаю, можно ли дать такое объяснение по отношению к великим историческим людям. Не слишком ли это мелкое объяснение в плане исторических событий?

Я молчу.

— А-а? — спрашивает учитель, привизгивая. И в этом «а-а» я слышу насмешку и пренебрежение ко мне.

И, услышав это «а-а», ученики тоже начинают визжать.

Учитель истории машет на меня рукой. И ставит мне двойку.

По окончании урока я бегу за учителем. Я догоняю его по лестнице. От волнения я не могу произнести слова. Меня бьет лихорадка.

Увидев меня в таком виде, учитель говорит:

— В конце четверти я вас еще спрошу. Натянем тройку.

— Я не об этом,— говорю.— Если вы меня еще раз так вызовете, то я... я...

— Что? Что такое? — говорит учитель.

— Плюну на вас,— бормочу я.

— Что ты сказал? — грозно кричит учитель. И, схватив меня за руку, тянет вверх в директорскую. Но вдруг отпускает меня. Говорит:

— Идите в класс.

Я иду в класс и жду, что сейчас придет директор и выгонит меня из гимназии. Но директор не приходит.

Через несколько дней учитель истории вызывает меня к доске.

Он тихо произносит мою фамилию. И когда ученики начинают по привычке визжать, учитель ударяет кулаком по столу и кричит им:

— Молчать!

В классе водворяется полная тишина. Я бормочу заданное, но думаю о другом. Я думаю об этом учителе, который не пожаловался директору и вызвал меня не так, как раньше. Я смотрю на него, и на моих глазах появляются слезы.

Учитель говорит:

— Не волнуйтесь. На тройку вы во всяком случае знаете.

Он подумал, что у меня слезы на глазах оттого, что я неважно знаю урок.

ХЛОРОФИЛЛ

Только два предмета мне интересны — зоология и ботаника. Остальные нет.

Впрочем, история мне тоже интересна, но только не по той книге, по которой мы проходим.

Я очень огорчаюсь, что плохо учусь. Но не знаю, что нужно сделать, чтобы этого не было.

Даже по ботанике у меня тройка. А уж этот предмет я отлично знаю. Прочитал много книг и даже сделал гербарий — альбом, в котором наклеены листочки, цветы и травы.

Учитель ботаники что-то рассказывает в классе. Потом говорит:

— А почему листья зеленые? Кто знает?

В классе молчание.

— Я поставлю пятерку тому, кто знает,— говорит учитель.

Я знаю, почему листья зеленые, но молчу. Я не хочу быть

выскочкой. Пусть отвечают первые ученики. Кроме того, я не нуждаюсь в пятерке. Что она одна будет торчать среди моих двоек и троек? Это комично.

Учитель вызывает первого ученика. Но тот не знает.

Тогда я небрежно поднимаю руку.

— Ах, вот как,— говорит учитель,— вы знаете. Ну скажите.

— Листья зеленые,— говорю я,— оттого что в них имеется красящее вещество хлорофилл.

Учитель говорит:

— Прежде чем вам поставить пятерку, я должен узнать, почему вы не подняли руку сразу.

Я молчу. На это очень трудно ответить.

— Может быть, вы не сразу вспомнили? — спрашивает учитель.

— Нет, я сразу вспомнил.

— Может быть, вы хотели быть выше первых учеников?

Я молчу. Укоризненно качая головой, учитель ставит пятерку.

ВСЕ КОНЧЕНО

Ветер такой сильный, что нельзя играть в крокет.

Мы сидим на траве за домом и беседуем.

Кроме моих сестер, на траве реалист Толя и его сестренка Ксеня.

Мои сестры подшучивают надо мной. Они считают, что я неравнодушен к Ксении — все время смотрю на нее и подставляю шары, когда играю в крокет.

Ксеня смеется. Она знает, что я действительно подставляю ей шары.

Уверенная в моем чувстве, она говорит:

— Могли бы вы для меня пойти ночью на кладбище и там сорвать какой-нибудь цветок?

— Зачем? — спрашиваю я.

— Просто так. Чтобы исполнить мою просьбу.

Я говорю тихо, так, чтобы не слышали сестры:

— Для вас я бы мог это сделать.

Вдруг мы видим — за забором бегут люди. Мы выходим из сада. Боже мой! Вода у шоссе. Уже Елагин остров в воде. Еще немного, и вода зальет дорогу, по которой мы идем.

Мы бежим к яхт-клубу. Ветер такой сильный, что мы чуть не падаем с ног.

Мы с Ксенией, взявшись за руки, бежим впереди.

Вдруг слышим мамин голос:

— Назад! Домой!

Мы оборачиваемся. Наш сад в воде. Это вода хлынула с поля и затопила все позади нас.

Я бегу к дому. Канавы полны водой. Плывут доски и бревна.

Мокрый по колено, я вбегаю на веранду.

А где же Ксения, сестры, Толя?

Сняв башмаки, они идут по саду.

На веранде Ксения мне говорит:

— Убежать первым... бросить нас... Ну, знаете ли... Все кончено между нами.

Молча я ухожу в свою комнату на второй этаж. В ужасной тоске ложусь на свою постель.

ВЫСТРЕЛ

Утро. Мы сидим на веранде. Пьем чай.

Вдруг слышим ужасный крик. Потом выстрел. Мы вскакиваем.

На нашу веранду вбегает женщина. Это наша соседка Анна Петровна.

Она ужасно растрепана. Почти голая. На плечи наброшен халат. Она кричит:

— Спасите! Умоляю! Он убьет меня... Он убил Сергея Львовича...

Мама всплескивает руками.

— Это такой блондин, студент, который ходил к вам в гости?

Сказав «да», Анна Петровна падает на диван и бьется в истерике.

Я бегу к соседней даче, к их окну.

Я отпрянул от окна, когда заглянул в комнату. На кровати лежал убитый человек. И кровь стекала с простыни на пол. Но больше в комнате никого не было.

Тогда я побежал в их сад. И там увидел толпу людей. Эти люди держали за руки мужа Анны Петровны.

Он стоял смирно. Не вырывался. И ничего не говорил. Он молчал.

Пришел полицейский и хотел его увести. Но муж Анны Петровны сказал:

— Позовите мне мою жену. Я хочу с ней попрощаться.

И тогда я бросился в наш дом и сказал Анне Петровне:

— Анна Петровна, он хочет попрощаться с вами. Выйдите к нему. И не бойтесь. Там полицейский.

Анна Петровна сказала:

— Я не имею привычки прощаться с убийцами. Я не выйду к нему.

Я побежал в сад, чтоб сказать, что она не выйдет. Но мужа Анны Петровны уже увели.

ЗАМЕЧАНИЕ

Я был на елке у знакомых. У моего товарища. Его родители очень богатые люди.

Все гости получили подарки, сюрпризы и всякие безделушки. Лично я получил две книги Майн Рида и полубеговые коньки. Кроме того, сестра моего товарища Маргарита подарила мне альбом для марок, крошечный перламутровый ножик и золотое сердечко на цепочке для ношения на часах.

Поздно вечером гости стали расходиться.

Меня пошла провожать Маргарита со своей горничной.

И вот я иду с Маргаритой впереди, а горничная Аннушка идет сзади.

Мы весело болтаем и незаметно доходим до моего дома.

Прощаясь, Маргарита просит, чтоб завтра я ее встретил, когда она будет возвращаться из гимназии.

Я прощаюсь с Маргаритой и пожимаю ее руку. Потом прощаюсь с Аннушкой. Я тоже пожимаю ее руку.

Но когда я прощался с Аннушкой, Маргарита вспыхнула и пожала плечами.

На другой день я встречаю Маргариту. Она говорит:

— Вы, наверно, бывали только в демократических домах, где принято за руку прощаться с прислугой. У нас это не принято. Это шокинг.

Я никогда не задумывался об этих вещах. И теперь покраснел, смутился. И сразу не нашелся, что ответить. Потом сказал:

— Я не вижу ничего дурного в том, что попрощался с Аннушкой.

Маргарита сказала:

— Еще не хватало того, чтобы вы сначала попрощались с ней, потом со мной. Вы из дворянского дома и так поступаете.

Две улицы мы шли молча. Не разговаривали. Потом мне стало не по себе. Я снял свою гимназическую фуражку и попрощался с Маргаритой.

Она сказала мне, когда я уходил:

— Вы не должны сердиться на меня. Я старше вас на год. И я из хороших чувств к вам сделала замечание.

МОЙ ДРУГ

Каждый день я хожу к Саше П. Он умный мальчик. Мне с ним интересно. Мы с ним дружим. Он мой единственный друг.

Мама сказала, что я неспособен с кем-нибудь дружить, что я по натуре одинокий человек, вроде моего отца.

Ничего подобного. Я скучаю, если хотя бы один день не вижу моего товарища. У меня просто потребность у него бывать.

Начистив ботинки, я спешу к нему. Его дача на берегу, через три улицы.

Я иду по набережной и тихо напеваю: «Невольно к этим грустным берегам...»

Вхожу в сад. Вся семья П. на веранде. Мама, он и две его сестренки — Оля и Галя. Оле четырнадцать, Гале шестнадцать лет. А мне пятнадцать.

Все рады, что я пришел. Саша говорит мне:

— Если хочешь, сегодня мы сходим на взморье. Пофилософствуем.

Девушки недовольны. Они хотели поиграть со мной в крокет, посидеть в саду.

Саша говорит:

— Часик поболтай с девчонками. А я пока дочитаю книгу.

Я иду с девушками в сад. Мы располагаемся в беседке. И говорим о всевозможных вещах.

Мне больше нравится Оля, но я больше нравлюсь Гале. Драматический узел. Все страшно интересно. Это — жизнь.

Мы долго сидим в беседке. Потом гуляем по саду. Потом сидим на берегу. И, наконец, снова располагаемся в беседке.

Уже темнеет. Я прощаюсь с сестрами. Галя что-то шепчет мне на ухо. Я не слышу. Но она не хочет повторить. Мы смеемся.

Наконец я окончательно прощаюсь и в прекрасном настроении спешу домой.

И вдруг по дороге вспоминаю, что я позабыл попрощать-

ся с Сашей и позабыл о том, что мы собирались пойти с ним на взморье.

Мне страшно неловко. Я возвращаюсь к их даче. Подхожу к забору. У калитки стоит Саша.

Он говорит мне:

— Сегодня я окончательно понял, что ты приходишь не ко мне, а к моим сестрам.

Я горячусь, пробую доказывать, что я хожу именно к нему. И вдруг сам убеждаюсь, что я не к нему хожу.

Он говорит:

— Наша дружба построена на песке. Я убежден в этом.

Мы холодно прощаемся.

СТУДЕНТ СО СТЕКОМ

Через два дома от нас жила девушка Ирина. Она была рыженькая, но настолько хорошенькая, что можно было часами ею любоваться.

Мы, мальчишки, часто подходили к ее забору и смотрели, как она лежит в гамаке.

Она почти все время лежала в гамаке. Но не читала. Книга валялась на траве либо лежала на ее коленях.

А вечером Ирина уходила гулять с Олегом. Это такой студент. Путеец. Очень интересный. В пенсне. Со стеком в руках.

Когда он направлялся к ее дому, мы, мальчишки, кричали:

— Ириша, Олег идет!

Ира безумно краснела и бежала к нему навстречу.

Я не знаю, что именно у них произошло, но только в конце лета Ирина бросилась с пристани в воду и утонула. И ее не нашли.

Все дачники ужасно жалели ее. И некоторые даже плакали. Но этот студент Олег очень легко отнесся к ее смерти. Он по-прежнему ходил на пристань со своим стеком. Смеялся. Шутил с товарищами. И даже стал ухаживать за одной курсисткой Симочкой.

И мы, мальчишки, были раздосадованы его поведением. Мы ненавидели от всей души этого студента со стеком.

Когда однажды он сидел на пристани, мы с берега стали стрелять в него из рогаток.

Он ужасно рассердился на нас. Закричал. Погнался за нами. Но когда он гнался за одним, другие в него стреляли.

Мы стреляли в него так, что он наконец побежал домой, закрыв голову руками.

Три дня мы обстреливали его дачу. Мы стреляли в каждого, кто выходил из его дома. Даже стреляли в его мамашу. И в кухарку. И в гостей. И в собаку. И даже в кошку, которая выходила погреться на солнышко.

Мы выбили несколько стекол на веранде. И довели его до того, что он вскоре уехал.

Он уехал с распухшим носом. Это кто-то из нас выстрелил в него из рогатки, когда он с вещами шел на пристань.

ПЕРВЫЙ УРОК

У меня — ученик. Это писарь Главного штаба. Я готовлю его к экзаменам.

Через два месяца он будет держать экзамен на первый классный чин.

У нас условие: если он выдержит экзамен, я получаю за это его велосипед.

Это великолепное условие. И я по три часа в день и больше сижу с этим оболдуем, который не очень-то смыслит в науках.

Все свои знания я стараюсь переложить в его туманные мозги. Я заставляю его писать, думать, считать. Я заканчиваю урок, только когда он начинает вякать, что у него болит голова.

И вот он прилично выдержал экзамен. И пришел ко мне сияющий.

Он с удивлением смотрел на меня, говоря, что он не ожидал, что так получится.

Мы с ним пошли на его квартиру.

И вот торжественный момент. Он выкатывает в коридор свой велосипед.

У меня помутилось в глазах, когда я увидел его машину. Она была ржавая, разбитая, с помятым рулем и без шин.

Слезы показались на моих глазах, но мне было совестно сказать, что я не согласен получить такую машину.

Давясь от смеха, писарь сказал:

— Ничего. Смажете керосинцем. Протрете. Купите шины. И будет приличная машина.

С превеликим трудом я докатил эту ржавчину до ремонтной мастерской. Махнув рукой, мастер сказал:

— Да что вы, в своем уме! Разве можно ее чинить!

За рубль я продал эту машину тряпичнику. И то он не

хотел давать рубля. Он давал восемьдесят пять копеек. Но потом смягчился, увидев, что на ржавом руле есть звонок.

Даже теперь, когда прошло тридцать лет, я с отвращением вспоминаю этого писаря, его утиный нос, его желтые зубы и сплюснутый череп, в который я втиснул некоторые знания.

Этот мой первый урок дал и мне некоторые знания о жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И вот воспоминания о моем детстве закончены.

Передо мной тридцать восемь историй, которые когда-то взволновали и потрясли меня.

Все эти истории я стал пересматривать и перетряхивать. Я надеялся найти в них источник моих страданий.

Однако ничего особенного я не увидел в этих историях.

Да, конечно, некоторые сцены весьма печальны. Но не более печальны, чем это обыкновенно бывает.

У каждого умирает отец. Каждый видит слезы матери.

У каждого случаются школьные огорчения. Обиды. Волнения. И каждого страшит гроза, наводнения и бури.

Нет, ни в одной истории я не нашел несчастного происшествия, которое испортило мою жизнь, создало мне меланхолию и тоску.

Тогда я сложил все эти истории вместе. Я захотел увидеть общую картину моего детства, общий аккорд, который, быть может, оглушил меня, когда неверными детскими шагами я шел по узкой тропинке моей жизни.

Но и в общем этом аккорде я не увидел ничего особенного. Обыкновенное детство. Немного трудный ребенок. Нервный. Обидчивый. Весьма впечатлительный. Со взором, устремленным на то, что плохо, а не на то, что хорошо. Пожалуй, пугливый из-за этого. Но совсем не слабенький, а скорей даже сильный.

Нет, события детских лет не могли испортить мою дальнейшую жизнь.

Я снова был обескуражен. Непосильная задача — найти причину моей тоски. Убрать ее. Быть счастливым. Радостным. Восторженным. Таким, как должен быть обыкновенный человек с открытым сердцем. Только в сказке блудный сын возвращается в отчий дом!

Но, может быть, я ошибся? Может быть, вовсе и не было

этого несчастного происшествия, которое я ищу? Или, может быть, оно произошло еще в более раннем возрасте?

В самом деле, почему же я отбросил младенческие годы? Ведь первые впечатления бывают не в шесть и не в семь лет. Первое знакомство с миром происходит раньше. Первые понятия возникают в два и в три года. И даже, может быть, в год.

Тогда я стал думать: что же могло случиться в этом ничтожном возрасте?

Напрягая память, я стал вспоминать себя совсем крошечным ребенком. Но тут я убедился, что об этом я почти ничего не помню. Ничего цельного я не мог вызвать в своей памяти. Какие-то обрывки, куски, какие-то отдельные моменты, которые тонули в общей серой пелене.

Тогда я начал припоминать эти обрывки. И, припоминая их, я стал испытывать еще больший страх, чем тот, который я испытал, думая о своем детстве.

Значит, я на верном пути,— подумал я.— Значит, рана где-то совсем близко.

V. ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА

То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил.

Итак, я решил вспомнить мои младенческие годы, полагая, что несчастное происшествие случилось именно в этом возрасте.

Однако вспомнить эти годы оказалось нелегко. Они были овеяны каким-то тусклым туманом.

Напрягая память, я старался разорвать этот туман. Я старался припомнить себя трехлетним малышом, сидящим на высоком стуле или на коленях матери.

И вот, сквозь далекий туман забвения, я вдруг стал припоминать какие-то отдельные моменты, обрывки, разорванные сцены, освещенные каким-то странным светом.

Что же могло осветить эти сцены? Может быть, страх? Или душевное волнение ребенка? Да, вероятно, страх и душевное волнение прорвали тусклую пелену, которой была обернута моя младенческая жизнь.

Но это были короткие моменты, это был мгновенный свет. И потом снова все тонуло в тумане.

И вот, припоминая эти мгновения, я увидел, что они

относились к трем и четырем годам моей жизни. Некоторые же касались и двухлетнего возраста.

И тогда я стал вспоминать то, что случилось со мной с двух до пяти лет.

С 2 до 5 лет

Что кажется нам сладким на язык,
То кислоту в желудке производит.

ОТКРОЙ РОТ

На одеяле — пустая коробка от спичек. Спички во рту.

Кто-то кричит: «Открой рот!»

Открываю рот. Выплевываю спички.

Чьи-то пальцы лезут в мой рот. Вытаскивают еще некоторое количество спичек.

Кто-то плачет. Я плачу громче и оттого, что горько, и оттого, что отняли.

ТУФЕЛЬКИ ЕДУТ

Маленькие лакированные туфельки. Блестящие маленькие туфельки неописуемой красоты. Они куда-то едут.

Эти туфельки на моих ногах. Ноги на сидении. Сидение синее. Должно быть, это пролетка извозчика.

Лакированные туфельки едут на извозчике.

Не отрываясь, я смотрю на эти туфельки.

И больше ничего не помню.

САМ

Блюдце с кашей. Ложка направляется в мой рот. Чья-то рука держит эту ложку.

Отнимаю эту ложку. Сам буду кушать.

Глотаю кашу. Горячо. Реву. Со злостью колочу ложкой по блюдцу. Брызги каши летят в лицо, в глаза.

Невероятный крик. Это я кричу.

ПТИЦА В РУКАХ

Один человек закрылся черным платком. Другой человек держит птицу в руках. Птица большая. Я стою на стуле и смотрю на нее.

Человек поднимает птицу. Зачем? Чтоб она улетела? Она не может улететь. Она неживая. Она на палке.

Кто-то говорит: готово.

Эта фотография мальчонки с вытаращенными от удивления глазами сохранилась у меня. Мне два года и три месяца.

ЗАБЛУДИЛСЯ

Мягкий полосатый диван. Над диваном круглое окошечко. За окошечком вода.

Я сползаю с дивана. Открываю дверь каюты. За дверью нет воды.

Иду по коридору. Возвращаюсь.

Где же наша дверь? Нет двери. Я заблудился. Кричу и плачу.

Мать открывает дверь. Говорит:

— Сиди тут. Никуда не уходи.

ПЕТУХ

Двор. Солнце. Летают большие мухи.

Сижу на ступеньках крыльца. Что-то ем. Должно быть, булку.

Кусочки булки бросаю курам.

Ко мне подходит петух. Ворочая головкой, смотрит на меня.

Машу рукой, чтоб петух ушел. Но он не уходит. Приближается ко мне. И вдруг, подскочив, клюет мою булку.

С криком ужаса я убегаю.

ПРОГОНИТЕ ЕЕ!

На подоконнике цветы. Среди цветов лежит кошка. Она посматривает на меня.

А я посматриваю на кошку. И сам сижу на высоком стуле. И ем кашу.

Вдруг подходит большая собака. Она кладет лапы на стол.

Я отчаянно реву.

Кто-то кричит:

— Он боится собак. Прогоните ее!

Собаку прогоняют.

Посматривая на кошку, я ем кашу.

ЭТО НАРОЧНО

Я стою на заборе. Кто-то сзади поддерживает меня.

Вдруг идет нищий с мешком.

Кто-то говорит ему:

— А вот возьмите мальчика.

Нищий протягивает руку.

Ужасным голосом я кричу.

Кто-то говорит:

— Не отдам, не отдам. Это я нарочно.

Нищий уходит со своим мешком.

ДОЖДЬ ИДЕТ

Мать держит меня на руках. Бежит. Я прижимаюсь к ее груди.

Дождь барабанит по моей голове. Струйки воды текут за воротник. Реву.

Мать закрывает мою голову платком. Бежим быстрей.

Вот мы уже дома. В комнате.

Мать кладет меня на постель.

Вдруг сверкает молния. Гремит гром.

Я сползаю с кровати и так громко реву, что заглушаю гром.

Я БОЮСЬ

Мать держит меня на руках. Мы смотрим зверей, которые в клетках.

Вот огромный слон. Он хоботом берет французскую булку. Проглатывает ее.

Я боюсь слонов. Мы отходим от клетки.

Вот огромный тигр. Зубами и когтями он разрывает мясо. Он кушает.

Я боюсь тигров. Плачу.

Мы уходим из сада.

Мы снова дома. Мама говорит отцу:

— Он боится зверей.

УМИРАЕТ ДЯДЯ САША

Я сижу на высоком стуле. Пью молоко.

Попалась пенка. Плюю. Реву. Размазываю пенку по столу.

За дверью кто-то кричит страшным голосом.

Приходит мама. Она плачет. Целуя меня, она говорит:

— Умирает дядя Саша.

Размазав пенку по столу, я снова пью молоко.

И снова за дверью ужасный крик.

НОЧЬЮ

Ночь. Темно. Я проснулся. Кричу.

Мать берет меня на руки.

Я кричу еще громче. Смотрю на стену. Стена коричневая. И на стене висит полотенце.

Мать успокаивает меня. Говорит:

— Ты боишься полотенца? Я уберу его.

Мать снимает полотенце, прячет его. Укладывает меня в постель. Я снова кричу.

И тогда мою маленькую кроватку ставят рядом с кроватью матери.

С плачем я засыпаю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И вот передо мной двенадцать историй крошечного ребенка.

Я внимательно пересмотрел эти истории, но ничего особенного в них не увидел.

Каждый ребенок сует в рот то, что подвернется под руку.

Почти каждый ребенок страшится зверей, собак. Плюет, когда попадает пенка. Обжигает рот. Кричит в темноте.

Нет, обыкновенное детство, нормальное поведение малыша.

Сложенные вместе, эти истории также не разъяснили мне загадки.

Показалось, что я зря припомнил всю эту детскую чушь. Показалось, что все, что я вспомнил о своей жизни, я вспомнил напрасно.

Все эти сильные впечатления, должно быть, не являлись причиной несчастья. Но, может быть, они были следствием, а не причиной?

Может быть, несчастное происшествие случилось до двух лет? — неуверенно подумал я.

В самом деле. Ведь первые встречи с вещами, первое знакомство с окружающим миром состоялось не в три и не

в четыре года, а раньше, на рассвете жизни, перед восходом солнца.

Должно быть, это была необычайная встреча, необычайное знакомство. Маленькое животное, не умеющее говорить, не умеющее думать, встретилось с жизнью. Именно тогда, а не позже и могло произойти несчастное происшествие.

Но как же мне его найти? Как мне проникнуть в этот мир, лишенный разума, лишенный логики, в этот мир, о котором я решительно ничего не помню?

До ДВУХ лет

И виделось, как в тяжком сне,
Все бледным, темным, тусклым мне.

1

Напрягая память, я стал думать о начале моей жизни. Однако никаких сцен мне не удалось вызвать из забвения. Никаких далеких очертаний я не смог уловить. Даль сливалась в одну сплошную, однообразную тень.

Серый плотный туман окутывал первые два года моей жизни. Он стоял передо мной, как дымовая завеса, и не позволял моему взору проникнуть в далекую таинственную жизнь маленького существа.

И я не понимал, как мне разорвать этот туман, чтобы увидеть драму, которая разыгралась на рассвете моей жизни, перед восходом солнца.

Что драма разыгралась именно тогда, я уже не имел сомнений. В поисках того, что не было, я бы не испытал такого безотчетного страха, который я стал испытывать, стараясь проникнуть туда, куда не разрешалось проходить людям, перешагнувшим младенческий возраст.

2

Я старался представить себя годовалым младенцем, с соской во рту, с побрякушкой в руках, с задранными кверху ножонками.

Но эти сцены, искусственно нарисованные в моем мозгу, не расшевелили моей памяти.

И только однажды, после напряженного раздумья, в моем разгоряченном уме мелькнули какие-то забытые видения.

Вот складки какого-то одеяла. Какая-то рука из стены. Высокая колеблющаяся тень. Еще тень. Какая-то белая пена. И снова длинная колеблющаяся тень.

Но это были хаотические видения. Они напоминали сны. Они были почти нереальны. Сквозь них я хотел увидеть хотя бы тень моей матери, ее образ, ее фигуру, склоненную над моей кроваткой. Нет, мне не удалось этого сделать. Очертания сливались. Тени исчезали, и за ними снова была — пустота, тьма, ничто... Как сказал поэт:

Все в мутную слилося тень,
То не было — ни ночь, ни день.
То было — тьма без темноты,
То было — бездна пустоты
Без протяженья и границ,
То были образы без лиц.
То страшный мир какой-то был
Без неба, света и светил.

Это был мир хаоса. Он исчезал от первого прикосновения моего разума.

И мне не удалось проникнуть в этот мир.

Нет сомнения — это был иной мир, иная планета, с иными, необыкновенными законами, которые не контролируются разумом.

3

Как же, однако, живет маленькое существо в этом хаосе? — подумал я.— Чем оно защищается от опасностей, не имея разума, логики?

Или защиты нет, а все предоставлено случаю, заботам родителей?

Но ведь, даже имея родителей, небезопасно жить в этом мире колеблющихся теней.

Тогда я раскрыл учебники и труды физиологов, желая посмотреть, что говорит наука об этом смутном периоде человеческой жизни.

Я увидел, что в книгах записаны поразительные законы,— их вывели ученые, наблюдая над животными.

Это были необыкновенно строгие и точные законы, посвоему оберегающие маленькое существо.

Неважно, что нет разума и нет логики. Их заменяет особая реакция организма — рефлекс, то есть своеобразный ответ организма на любое раздражение, которое ребенок получил извне. Эта реакция, этот ответ и является защитой организма от опасностей.

В чем же заключается этот ответ?

Два основных нервных процесса характеризуют рефлекторную деятельность — возбуждение и торможение. Комбинация этих процессов дает тот или иной ответ. Но все разнообразие этой мозговой деятельности сводится, в сущности, к простейшей функции — к мышечному движению. То есть в ответ на любое раздражение происходит мышечное движение или комбинация этих движений, непременно целесообразных по своему характеру.

И принцип этого рефлекса в одинаковой мере относится и к человеку, и к животному, и к младенцу.

Стало быть, не хаос, а строжайший порядок, освященный тысячелетиями, охраняет маленькое существо.

И, стало быть, первое знакомство с миром происходит по принципу этого рефлекса. И первые встречи с вещами вырабатывают привычку так или иначе к ним относиться.

4

Я прошу извинения — мне приходится говорить о предметах, весьма вероятно, знакомых просвещенному читателю.

Мне приходится говорить об элементарных вещах в расчете на то, что не все читатели твердо знают эти вещи. Быть может, они кое-что из этого позабыли и им нужно напомнить. Иные же просвещенные читатели, надо полагать, и вовсе ничего не знают, не находя интересным копаться в формулах, взятых из жизни собак.

А те, которые все знают и все помнят и, быть может, сами в этом работают,— те пусть не посетуют на меня, пусть без раздражения пробегут глазами две небольшие главки.

Я буду говорить о высшей психической функции, вернее об истоках ее — о рефлексах.

Это все равно что говорить о первичной материи, из которой создан мир. Это одинаково важно, ибо в этом — истоки разума, истоки сознания, истоки добра и зла.

Когда-то великий ученый Ньютон вывел закон тяготения, увидев яблоко, упавшее с дерева. Не менее простая сцена позволила великому русскому ученому Павлову вывести закон условных рефлексов.

Ученый заметил, что собака в одинаковой мере реагирует и на еду, и на шаги служителя, который несет эту еду. И на еду, и на шаги слюнная железа собаки действовала

одинаково. Стало быть, подумал ученый, в мозгу собаки возникают два очага возбуждения, и эти очаги между собой условно связаны.

Шаги служителя ученый заменил вспышкой света, стуком метронома, музыкальным звуком — слюнная железа собаки действовала одинаково. В том, конечно, случае, если эти новые раздражители хотя бы несколько раз совпали с моментом кормления.

Эти новые раздражители (свет, звук, гамма), повторенные несколько раз (в момент кормления), создавали новые нервные связи, весьма условные по своему характеру.

Другими словами — условный стук (или любой иной раздражитель) вызывал у собаки представление о еде. И на этот условный сигнал собака реагировала совершенно так же, как она реагировала на еду.

Эту условную нервную связь, которая возникала в коре мозга между двумя очагами возбуждения, ученый назвал «временной связью». Это была временная связь, ибо она исчезала, если не повторялись опыты.

Это было поразительное открытие.

5

Тогда ученый усложнил свои опыты.

Через лапу собаки он пропускал электрический ток. Эта операция сопровождалась стуком метронома.

Эта операция была повторена несколько раз. И в дальнейшем только лишь один стук метронома вызывал у собаки болевую реакцию.

Другими словами — условный раздражитель (метроном) создавал очаг возбуждения в коре мозга, и этот очаг «зажигал» второй очаг (боль), хотя раздражитель этого очага отсутствовал. Нервная связь между двумя очагами продолжала существовать.

Тогда ученый увидел, что можно чисто материальными средствами вмешиваться в работу центральной нервной системы, можно строить любые нервные связи по своему усмотрению.

Ученый получил возможность управлять поведением животного, создавать в его мозгу новые механизмы.

Найден был общий физиологический закон, в основе которого лежала простейшая функция высшей психической деятельности — рефлекс.

Этот закон в равной мере относился как к норме, так и к патологическому состоянию.

Это было великое открытие, ибо оно рассеивало мрак в той области, в которой в первую очередь должна была быть абсолютная ясность,— в области сознания.

Только ясность в этой области позволяла человеческому разуму идти дальше, а не возвращаться вспять — к дикости, к варварству, к мраку.

Это было величайшее открытие, ибо оно в одинаковой мере относилось и к животному, и к человеку, и тем более к младенцу, поведение которого не контролируется сознанием, логикой.

И в свете этого закона поведение младенца становилось ясным.

Младенец знакомится с миром, с окружающими вещами по принципу этого условного рефлекса.

Каждый новый предмет, каждая новая вещь создает в коре мозга младенца новые нервные связи, новые отношения. Эти нервные связи, так же как и у собаки, чрезвычайно условны.

Стук метронома вызывал у собаки болевую реакцию. Крик, хлопанье дверью, выстрел, вспышки света, любой раздражитель, случайно совпавший, скажем, с моментом кормления ребенка и повторенный несколько раз, мог создать сложные нервные связи в мозгу младенца.

Вид шприца вызывал у собаки рвоту. Вид любого предмета, случайно причинившего ребенку боль, мог и в дальнейшем причинять ему страдания.

Правда, для возникновения этого рефлекса нужна была повторяемость. Ну что ж! Повторяемость могла случиться.

Но ведь эти нервные связи названы были временными. Они погасали, если не повторялись опыты.

Тут был вопрос, который следовало тщательно продумать. Ученый предложил только лишь простейший принцип, проверенный им на собаках. Психика человека сложней. Умственное развитие человека не остается на одном уровне — оно изменяется, прогрессирует. И, стало быть, изменяются и нервные связи — они могут быть чрезвычайно сложны и запутанны.

Смерть помешала ученому продолжить свои опыты над животными, близкими человеку,— над обезьянами. Эти опыты были начаты.

Опыты над человеком не были произведены в той мере, как это надлежало сделать.

6

Это великое открытие — этот закон условных рефлексов, закон временных нервных связей — я хотел применить к своей жизни.

Я хотел увидеть этот закон в действии, на примерах моей младенческой жизни.

Мне показалось, что мое несчастье могло возникнуть оттого, что в моем младенческом мозгу созданы были неверные условные связи, которые устрашали меня в дальнейшем. Мне показалось, что меня страшит шприц, которым когда-то был впрыснут яд.

Мне захотелось разрушить эти ошибочные механизмы, возникшие в моем мозгу.

Но снова передо мной лежало препятствие — я ничего не мог вспомнить о своей младенческой жизни.

Если б я мог припомнить хотя бы одну сцену, одно происшествие,— я бы распутал дальнейшее. Нет, все было окутано туманом забвения.

А мне кто-то сказал, что надо пойти на то место, где что-то забыто, и тогда можно вспомнить это забытое.

Я спросил своих родных, где мы жили, когда я был ребенком. И родные мне сказали, где я жил первые годы своей жизни.

Это были три дома. Но один дом сгорел. В другом доме я жил, когда мне было два года. В третьем доме я провел не менее пяти лет, начиная с четырехлетнего возраста.

И еще был один дом. Этот дом был в деревне, куда ездили мои родители каждое лето.

Я записал адреса и с необычайным волнением пошел осматривать эти старинные дома.

Я долго смотрел на тот дом, в котором я жил трехлетним ребенком. Но я решительно ничего не мог вспомнить.

И тогда я пошел к тому дому, в котором я прожил пять лет.

У меня сердце упало, когда я подошел к воротам этого дома.

Боже мой! Как все здесь мне было знакомо. Я узнал лестницу, маленький сад, ворота, двор.

Я узнал почти все. Но как это было не похоже на то, что было в моей памяти.

Когда-то дом казался огромной махиной, небоскребом. Теперь передо мной стоял захудалый трехэтажный домишко.

Когда-то сад казался сказочным, таинственным. Теперь я увидел маленький жалкий скверик.

Казалось, массивная высокая чугунная решетка опоясывала этот садик. Теперь я трогал жалкие железные прутья не выше моего пояса.

Какие иные глаза были тогда и теперь!

Я поднялся на третий этаж и нашел дверь нашей квартиры.

Мое сердце сжалось от непонятной боли. Я почувствовал себя плохо. И судорожно схватился за перила, не понимая, что со мной, почему я так волнуюсь.

Я спустился вниз и долго сидел на тумбе у ворот. Я сидел до тех пор, пока не подошел дворник. Подозрительно посмотрев на меня, он велел мне уйти.

7

Я вернулся домой совершенно больной, разбитый, непонятно чем расстроенный.

В ужасной тоске я вернулся домой. И теперь эта тоска не оставляла меня ни днем ни ночью.

Днем я слонялся по комнате — не мог ни лежать, ни сидеть. А ночью меня мучили какие-то ужасные сны.

Я раньше не видел снов. Вернее, я их видел, но я их забывал. Они были краткие и непонятные. Я их видел обычно под утро.

Теперь же они появлялись, едва я смыкал глаза.

Это даже не были сны. Это были кошмары, ужасные видения, от которых я в страхе просыпался.

Я стал принимать бром, чтоб погасить эти кошмары, чтоб быть спокойней. Но бром плохо помогал мне.

Тогда я пригласил одного врача и попросил дать мне какое-нибудь средство против этих кошмаров.

Узнав, что я принимаю бром, врач сказал:

— Что вы делаете! Наоборот, вам нужно видеть сны. Они возникают у вас оттого, что вы думаете о своем детстве. Только по этим снам вы разберетесь в своей болезни. Только в снах вы увидите те младенческие сцены, которые вы ищете. Только через сон вы проникнете в далекий забытый мир.

И тогда я рассказал врачу свой последний сон, и он стал растолковывать его. Но он так толковал этот сон, что я возмутился и не поверил ему.

Я сказал, что я видел во сне тигров и какую-то руку из стены.

Врач сказал:

— Это более чем ясно. Ваши родители слишком рано повели вас в зоологический сад. Там вы видели слона. Он напугал вас своим хоботом. Рука — это хобот. Хобот — это фаллос. У вас сексуальная травма.

Я не поверил этому врачу и возмутился. И он с обидой ответил мне:

— Я вам растолковал сон по Фрейду. Я его ученик. И нет более верной науки, которая бы вам помогла.

Тогда я пригласил еще несколько врачей. Один смеялся, говоря, что толкование снов — это вздор. Другие, наоборот, придавали снам большое значение.

Среди этих врачей был один весьма умный врач. И я был ему очень признателен. И даже хотел стать его учеником. Но потом отказался от этого. Мне показалось, что он не прав. Я не поверил в его лечение.

Он был ужасный противник Павлова. Кроме опытов зоологического характера, он ничего не видел в его работах. Он был правоверный фрейдист. В каждом поступке ребенка и взрослого он видел сексуальное. Каждый сон он расшифровывал как сон эротомана.

Это толкование не совпадало с тем, что я считал непогрешимым, не совпадало с методом Павлова, с принципом условных рефлексов.

8

Однако меня поразил метод его лечения.

Есть нечто комичное в толковании снов. Мне казалось, что этим заняты выжившие из ума старухи и мистически настроенные люди.

Мне казалось, что это несовместимо с наукой. Я был очень удивлен, когда узнал, что вся медицина возникла, в сущности, из одного источника, из одного культа — из науки о снах. Вся древняя, так называемая храмовая, медицина развивалась и культивировалась на единственной основе — на толковании снов. В этом заключался культ Эскулапа — сына Аполлона, бога врачевания, у греков — Асклепия.

Почему же такое значение придавали снам? Какие мотивы имелись для этого? Неужели только мотивы религиозные и мистические? Неужели ничего разумного не

лежало за этим? Ведь древний мир не был варварским. Древний мир дал нам замечательных философов, писателей, ученых. Наконец, замечательных врачей — Гиппократа, Галена.

Как же лечили эти врачи? История медицины рассказывает о древнем методе лечения.

Больного оставляли на ночь в храме. Там он видел сон. И утром рассказывал о нем жрецам и ученым. И те ставили диагноз, какого рода недомогание у больного, и, растолковывая его сон, освобождали якобы больного от страдания.

Эта древняя медицина имела, конечно, тесную связь с жрецами и религиозными мистическими приемами. Приносились жертвы в честь бога врачевания. Вся торжественная и таинственная обстановка лечения, несомненно, могла действовать на воображение больного, могла вызывать в нем веру в могущество бога врачевания. Может быть, на основе этого самогипноза и происходило излечение.

Нет сомнения, это имело значение, но это не являлось единственной причиной излечения.

История медицины говорит, что в дальнейшем религиозные обряды, связанные с лечением, прекратились. В храмах устраивали нечто вроде санаторий. Причем в храмах стали возникать медицинские школы и корпорации врачей. Именно из храмовых школ вышли Гиппократ и Гален.

Как же, однако, возникла эта идея — толковать сны? Почему эта идея легла в основу древней медицины? Отчего это перестало быть наукой? И почему в новейшее время многие врачи и ученые, и в том числе Фрейд, пробуют сделать из этого научную дисциплину?

Я не мог ответить себе на эти вопросы.

И тогда я раскрыл учебники медицины и труды физиологов, чтобы посмотреть, что говорит современная наука о снах и сновидениях и о возможности через сон проникнуть в далекий забытый мир младенца.

9

Что же такое сон с точки зрения современной науки?

Прежде всего это такое физиологическое состояние, при котором все внешние проявления сознания отсутствуют. Вернее, все высшие психические функции исключены, низшие функции — открыты.

Павлов считал, что ночью человек разобщается с внешним миром. И во время сна оживают заторможенные силы, подавленные чувства, заглушенные желания.

Это происходит оттого, что в механизме сна лежит торможение. Но это торможение частичное: оно не охватывает целиком весь наш мозг, не охватывает все пункты больших полушарий. Это торможение не спускается ниже подкорковых центров.

Наш мозг, по мнению физиологов, имеет как бы два этажа. Высший этаж — это кора мозга. Здесь — центр контроля, логики, критики, центры приобретенных рефлексов, здесь жизненный опыт. И низший этаж — источник наследственных рефлексов, источник животных навыков, животных сил.

Два эти этажа соединены между собой нервными связями, о которых мы говорили.

Ночью высший этаж погружается в сон. В силу этого сознание отсутствует. Отсутствует контроль, критика, условные навыки.

Низший этаж продолжает бодрствовать. Однако отсутствие контроля позволяет его обитателям проявляться в той или иной степени.

Допустим, логика или умственное развитие затормозило или оттеснило когда-то возникший страх ребенка. При отсутствии контроля этот страх может вновь возникнуть. Но он возникает в сновидениях.

Стало быть, сновидение есть продолжение духовной жизни, продолжение психической деятельности человека при отсутствии контроля.

И, стало быть, сновидение может объяснить, какого рода силы тормозят человека, что устрашает его и что можно изгнать светом логики, светом сознания [1].

Становится понятным, почему древняя медицина придавала снам такое значение.

Вместе с тем приходится удивляться: современная наука только лишь недавно сумела разобраться в механизмах нашего мозга. Между тем на заре человеческой культуры, несколько тысячелетий назад, возникла идея — найти то, что во время сна не контролируется.

Мы не знаем, кому принадлежит честь создания древней медицины. В основе этой древней науки была светлая идея, блестящая мысль гениального человека.

---

[1] Дальнейшее показало, что можно иным путем, не только через сон, найти причину патологического торможения.

Из рук гения эта идея перешла в руки бездарных, посредственных людей. И те в соответствии со своими возможностями свели ее до своего уровня, до степени шарлатанства.

Нечто комическое стало присутствовать в этой идее. Современный человек не может без улыбки рассматривать старинные сонники, старинные толкователи снов. Чушь и вздор присутствуют на каждой странице этих старинных книг.

Правильная идея была опошлена до такой степени, что разобраться в ней не представлялось возможным.

И только в свете современной физиологии эта идея — проникнуть в психику больного, понять, что вызывает торможение — становится ясной.

Вот почему в новейшее время ученые пробуют заново подойти к снам, пробуют через сны увидеть источник психоневрозов, пробуют заново понять то, что могло казаться трагедией человеческого разума.

10

Итак, два этажа имеет наш мозг — высший и низший.

Жизненный опыт, условные навыки уживаются с наследственным опытом, с навыками наших предков, с навыками животных.

Как бы два мира заключены в сложном аппарате нашего мозга — мир цивилизованный и мир животного.

Два эти мира находятся нередко в конфликте. Высшие силы борются с низшими. Побеждают их, оттесняют еще ниже, а иной раз изгоняют вовсе.

Казалось, именно в этой борьбе — источник многих нервных страданий.

Однако беды лежат совершенно не в этом.

Мне не хотелось бы забегать слишком вперед, но я вкратце скажу. Даже если допустить, что этот конфликт высшего с низшим является причиной нервных страданий, то эта причина не всеобъемлющая, это лишь частичная причина, далеко не главная и не основная.

Этот конфликт высшего с низшим мог (допустим) привести к некоторым сексуальным психоневрозам. И если б наука увидела в этом конфликте, в этой борьбе единственную причину,— она не пошла бы дальше раскрытия сексуальных торможений.

Борьба же в этой области есть в какой-то мере норма, а не патология.

Мне кажется, что система Фрейда порочна именно в этом пункте.

Этот порок, эту ошибку легко было совершить, не учитывая механизмов, раскрытых Павловым.

Неточность в первоначальных установках, расплывчатость в формулировках борьбы высшего с низшим создавали неточный вывод, уводили в одну сторону, в сторону сексуальных отклонений. А это не определяло дела. Это было лишь частью одного целого.

11

В конфликте высшего с низшим, в столкновении атавистических влечений с чувством современного цивилизованного человека Фрейд видел источник нервных страданий. Фрейд писал: «Запрещенные ходом культурной жизни и вытесненные в глубины подсознания, эти влечения существуют и дают о себе знать, прорываясь в наше сознание в искаженном виде...» Стало быть, в победе разума над животными инстинктами была усмотрена причина трагедии. Другими словами — высокий разум подвергнут сомнению.

История человеческой мысли знает многочисленные примеры, когда разуму приписывались беды, когда высокое сознание подвергалось нападкам, и, стало быть, трагедию человеческого разума люди видели иной раз в высоком сознании, в конфликте высшего с низшим. Им казалось, что победа сознания над низшими инстинктами несет беду, несет болезни, нервные страдания, слабость духа, психоневрозы.

Это казалось трагедией, из которой был единственный выход — возврат к прошлому, возврат к природе, уход от цивилизации. Казалось, что пути человеческого разума ошибочны, искусственны, ненужны.

Я не считаю эту философию тождественной с философией фашизма. У фашизма иные корни, иная природа, но в отношении к разуму фашизм почерпнул нечто от этой философии, исказив ее, упростив, снизив до уровня тупоумных людей.

Возврат к варварству — это не есть формулировка, предложенная фашизмом только лишь для нужд войны. Это есть одна из основных установок для будущего облика человека с точки зрения фашизма.

Лучше варварство, дикость, инстинкты животного, чем дальнейший прогресс сознания.

Нелепость!

Люди, искусственно ввергнутые в варварство, ни в какой мере не избавились бы от тех нервных страданий, которые их тревожат. Землю населяли бы мерзавцы, с которых снята ответственность за их подлости. Но это были бы мерзавцы, которые не избавились бы от прежних страданий. Это были бы страдающие мерзавцы, еще в большей степени нездоровые, чем прежде.

Вернуться к гармоническому варварству, о котором фантазировали люди, не представлялось возможным даже и тысячи лет назад. А если б такая возможность имелась — источник страданий остался бы. Ибо остались бы механизмы мозга. Мы не в силах их уничтожить. Мы можем только лишь научиться обращаться с ними. И мы должны этому научиться с тем искусством, которое достойно высокого сознания.

Эти механизмы, открытые Павловым, мы должны изучить в совершенстве. Уменье обращаться с ними освободит нас от тех огромных страданий, которые терпят люди с варварским смирением.

Трагедия человеческого разума происходит не от высоты сознания, а от его недостатка.

12

Наука несовершенна. Истина — дочь времени. Будут найдены иные, более точные пути. Пока же с помощью тщательного анализа сновидения мы можем заглянуть в далекий мир младенца, в тот мир, который не контролируется разумом, в тот мир забвения, откуда иной раз берут начало источники наших бед.

И тогда сон может объяснить причину патологического торможения, а павловская система условных рефлексов на примерах этих сновидений может устранить беду. То, что заторможено, может быть раскрыто.

Это заторможение можно снять светом логики, светом высокого сознания, а не тусклым светом варварства.

И вот, все это продумав, я понял, что я могу теперь попытаться проникнуть в замкнутый мир младенца. Ключи были в моих руках.

Ночью откроются двери нижнего этажа. Часовые моего сознания уснут. И тогда тени прошлого, томящиеся в подполье, появятся в сновидениях.

Я захотел немедленно встретиться с этими тенями, увидеть их, чтобы наконец понять мою трагедию или ошибку, совершенную на заре жизни, перед восходом солнца.

Я захотел вспомнить какой-нибудь сон из тех недавних снов, какие я во множестве видел. Однако ни одного сна полностью я не мог припомнить. Я забыл.

Тогда я стал думать, какие же сны я чаще всего вижу, о чем эти сны.

И тут я припомнил, что чаще всего я вижу тигров, которые входят в мою комнату, нищих, которые стоят у моих дверей, и море, в котором я купаюсь.

VI. ЧЕРНАЯ ВОДА

Как свинец, черна вода,
В ней забвенье навсегда.

1

Я случайно поехал в деревню, где провел свое детство.

Я давно собирался туда съездить. И вот, гуляя по набережной, я увидел пароход, стоящий у пристани. Почти машинально я сел на этот пароход и поехал в деревню.

Это была деревня Пески по Неве, недалеко от Шлиссельбурга.

Более двадцати лет я не был в этих местах.

Пароход не остановился у деревни Пески. Там теперь не было пристани. Я переехал Неву на лодке.

Ах, с каким волнением я вышел на берег. Я сразу узнал маленькую круглую часовенку. Она была цела. Я сразу вспомнил избы напротив, деревенскую улицу и крутой подъем с того берега, где когда-то была пристань.

Все теперь казалось жалким, миниатюрным в сравнении с тем грандиозным миром, который остался в моей памяти.

Я шел по улице, и все здесь до боли мне было знакомо. Кроме людей. Ни одного человека я не мог узнать во встречных людях.

Тогда я зашел во двор того дома, где мы когда-то жили.

Во дворе стояла немолодая женщина. У нее в руках было весло. Она только что прогнала какого-то теленка со двора. И теперь стояла разгневанная, разгоряченная.

Она не захотела со мной говорить. Но я назвал несколь-

ко фамилий тех деревенских жителей, о которых я вспомнил.

Нет, все эти фамилии принадлежали уже умершим людям.

Тогда я назвал свою фамилию, фамилию моих родителей. И женщина заулыбалась. Она сказала, что она тогда была совсем молодой девушкой, но она отлично помнит моих покойных родителей. И тогда она стала называть фамилии наших родственников, живших здесь, фамилии знакомых. Нет, все названные фамилии также принадлежали умершим людям.

С грустью я возвращался к своей лодке.

С грустью я шел по деревенской улице. Только улица и дома были те же. Обитатели были иные. Прежние пожили здесь, как гости, и ушли, исчезли, чтоб никогда сюда не вернуться. Они умерли.

Мне показалось, что в тот день я понял, что такое жизнь, что такое смерть и как надо жить.

2

С превеликой грустью я вернулся домой. И дома не стал даже думать о своих поисках, о своем детстве. Все сделалось мне безразличным.

Все показалось вздором, чушью в сравнении с той картиной короткой жизни, которую я увидел сегодня.

Стоит ли думать, бороться, искать, защищаться? Стоит ли «по-хозяйски» располагаться в жизни, которая проходит так стремительно, с такой обидной, даже комичной быстротой?

Не лучше ли безропотно прожить, как живется, и уступить свое жалкое место иным побегам земли?

Кто-то засмеялся в соседней комнате, когда я думал об этих вещах. И мне показалось странным и диким, что люди могут смеяться, шутить, даже говорить, когда все так глупо, бессмысленно, обидно.

Мне показалось, что легче и проще умереть, чем покорно и тупо ждать той участи, которая ожидает каждого. В этом решении я неожиданно увидел мужество. Как был бы я поражен, если б тогда мне сказали о том, о чем теперь я знаю,— это было вовсе не мужество, это была крайняя степень инфантильности. Это было продиктовано страхом младенца перед тем, что я хотел найти. Это было сопротивление. Это было бегство.

Я решил прекратить свои поиски. И с этим решением я заснул.

Ночью я в страхе проснулся от какого-то ужасного сна. Страх был так силен, что, даже проснувшись, я продолжал дрожать.

Я зажег лампу и записал свой сон, чтоб утром о нем подумать, хотя бы из любопытства.

Однако я не смог уснуть и стал думать об этом сне.

В сущности, сон был чрезвычайно глупый. Бурная темная река. Мутная, почти черная вода. По воде плывет что-то белое — бумага или тряпка. Я на берегу. Что есть духу бегу прочь от берега. Бегу по полю. Поле почему-то синее. И кто-то гонится за мной. И вот-вот хочет схватить меня за плечо. Уже рука этого человека дотрагивается до меня. Рванувшись вперед, я убегаю.

Я стал обдумывать этот сон, но ничего не понял.

Тогда я стал думать, что вот опять я увидел во сне воду. Эту темную, черную воду... И вдруг вспомнил стихи Блока:

Старый, старый сон... Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там лишь черная вода,
Там забвенье навсегда...

Этот сон был похож на мой сон.

Я бежал от черной воды, от «забвенья навсегда».

3

Я стал припоминать сны, связанные с водой. Вот я купаюсь в бурном море. Борюсь с волнами. Вот куда-то бреду по колено в воде. Или сижу на берегу, а вода плещется у моих ног. Либо иду по самому краю набережной. И вдруг вода поднимается все выше и выше. Страх охватывает меня. Я убегаю.

Я вспомнил еще один сон. Я сижу в своей комнате. Вдруг из всех щелей пола начинает просачиваться вода. Еще минута — и комната наполняется водой.

Обычно после таких снов я просыпался угнетенный, больной, в дурном расположении духа. Обычно моя тоска усиливалась после таких снов.

Может быть, частые наводнения в Ленинграде повлияли на мою психику? Может быть, что-нибудь еще было связано с водой?

Я стал припоминать те сцены, которые я записал

в поисках несчастного происшествия. Я снова вспомнил рассказ об утопленнике, рассказ о наводнении, сцены того, как чуть не утонул я, моя сестра.

Нет сомнения, вода была связана с каким-то сильным ощущением. Но с каким?

Может быть, я вообще боюсь воды? Нет. Наоборот. Я чрезвычайно люблю воду. Я могу часами любоваться морем. Могу часами сидеть на берегу реки. Я обычно езжу только туда, где есть море, река. Я всегда стремился найти комнату с окнами на воду. Я всегда мечтал жить где-нибудь на берегу, совсем близко к воде, так, чтобы волны были почти у крыльца моего дома.

Море или река нередко возвращали мне спокойствие в той тоске, которая посещала меня так часто.

А что, если это не любовь к воде, а страх?

Что, если за этой преувеличенной любовью таится почтительный страх?

Может быть, я не любуюсь водой, а слежу за ней? Может быть, я любуюсь ею, когда она тихая, когда она не собирается меня поглотить?

Может быть, я слежу за ней с берега, из окна моей комнаты? Может, я располагаюсь поближе к ней, чтоб быть настороже, чтоб она не застала меня врасплох?

Может быть, это тот страх, который не доходит до моего сознания, который гнездится в нижнем этаже моей психики, оттесненный туда логикой, контролем разума?

Я засмеялся — так это было комично и вместе с тем, видимо, правильно.

Не оставалось никакого сомнения — страх к воде присутствовал в моем разуме. Но он был деформирован. Он был не в том виде, как мы его понимаем.

4

Тогда мне показалось, что я понял свой сон. Он, несомненно, относился к младенческим дням. Чтобы его понять, нужно было отвлечься от обычных представлений, нужно было мыслить образами младенца, видеть его глазами.

Конечно, не в полной мере его образами — они, несомненно, были слишком бедны. Они изменялись вместе с развитием. Но символика их, видимо, оставалась прежней.

Мутная бурая река — это ванна или корыто с водой.

Синий берег — одеяло. Белая тряпка — пеленка, которая оставалась в корыте. Ребенка вынули из воды, в которой его купали. Ребенок «спасен». Но угроза осталась.

Я снова засмеялся. Это было комично, но достоверно. Это было наивно, но не более наивно, чем должно быть.

Но как же это могло случиться? Все младенцы купаются. Всех ребят погружают в воду. У них не остается страха. Почему же я был устрашен?

Значит, вода не была первопричиной,— подумал я.— Значит, имелись еще какие-то объекты устрашения, связанные с водой.

Тут я вспомнил принцип условных рефлексов.

Один раздражитель мог вызвать два очага возбуждения, ибо между ними могла быть налажена условная нервная связь.

Только лишь вода, в которую меня погружали, не могла создать волнение в такой степени, как это было. Значит, вода условно связана еще с чем-то. Значит, это не был страх к воде, но вода вызывала страх, ибо нервные связи соединяли ее еще с какой-то опасностью. Вот в какой сложности решался этот вопрос, и вот почему вода могла устрашать.

Однако с чем же связана вода? Какого рода «яд» она содержала? В чем заключается второй несчастный раздражитель, «зажигающий» комбинацию столь бурного ответа?

Я пока не стал гадать о втором раздражителе, о втором очаге возбуждения, к которому так явственно тянулись нервные связи.

Впрочем, этот раздражитель был уже отчасти виден из того же сна. Мир младенца беден, объекты весьма ограничены в своем количестве. Раздражители немногочисленны. Но моя неопытность не позволила мне сразу отыскать этот второй раздражитель.

Загадка не была разгада́на, но ключи от нее были в моих руках.

Дальнейшее показало, что в основном я не ошибся. Я ошибся только в количестве очагов возбуждения — их оказалось не два, а несколько. И они были переплетены между собой сложнейшей сетью условных связей.

Комбинация возникших очагов возбуждения давала тот или иной ответ.

5

Принцип условных рефлексов говорит о том, что нервные связи имеют временный характер. Нужна повторяемость опытов, чтобы они возникли и утвердились. Без опытов они угасают или исчезают вовсе.

Ну что ж. Вода в данном случае являлась превосходным и частым раздражителем в жизни младенца. Повторяемость несомненно была. Я не знал еще, какого рода был второй раздражитель, но мне было понятно, что его условная связь с водой могла утвердиться.

Но ведь потом, с развитием ребенка, эта связь должна была исчезнуть. Ведь повторяемость не могла продолжаться вечно. Ведь если не ребенок и не юноша, то, наконец, зрелый мужчина смог бы разорвать эту неправильную, ложную связь. А она была неправильна, ошибочна — это очевидно.

Умственное развитие действительно борется с неверными, ложными, нелогичными представлениями. Однако ребенок, развиваясь, мог встретиться с иными, более логичными доказательствами опасности того, чего он боится.

Снова я стал пересматривать свои воспоминания, связанные с водой.

Доказательства опасности воды были на каждом шагу.

В воде тонут люди. Я могу утонуть. Вода заливает город. В воду бросаются, чтобы умереть.

Какие веские доказательства опасности воды!

Нет сомнения — это могло устрашить ребенка, доказать ему, что младенческое его представление правильно.

Эти своего рода «ложные» доказательства могли сопровождать меня всю жизнь. Это, несомненно, так и было. Вода сохраняла элементы устрашения, питала младенческий страх. Возникшие временные связи с водой могли не исчезать, они могли все сильней и крепче утверждаться.

Значит, умственное развитие человека не уничтожает временных условных связей, оно только перестраивает их, поднимает эти ложные доказательства на уровень своего развития. И, быть может, угодливо выискивает эти доказательства, не слишком проверяя их, ибо они и без проверки уживаются с логикой, падая на больную почву.

Эти ложные доказательства нередко сливаются с подлинными доказательствами. Вода действительно опасна. Но невротик воспринимает эту опасность не в том качестве, и реакция его на эту опасность также не в том качестве, как это должно быть в норме.

6

Но если это так, если вода была одним из элементов устрашения, одним из раздражителей в комбинации моего психоневроза, то какая же печальная и жалкая картина открывалась моему взору!

Ведь именно водой меня и лечили. Именно водой и пробовали избавить меня от тоски.

Мне прописывали воду и вовнутрь, и снаружи. Меня сажали в ванны, завертывали в мокрые простыни, прописывали души. Посылали на море — путешествовать и купаться.

Боже мой! От одного этого лечения могла возникнуть тоска.

Это лечение могло усилить конфликт, могло создать безвыходное положение.

А ведь вода была только частью беды, может быть, ничтожной частью.

Лечение, впрочем, не создавало безвыходного положения. Этого лечения можно было избежать. Я так и поступил. Я перестал лечиться.

Для того чтобы не лечиться, я выдумал нелепую теорию о том, что для полноты здоровья человек должен все время и без перерыва работать. Я перестал ездить на курорты, считая это излишней роскошью.

Таким образом я освободился от лечения.

Но я не мог освободиться от постоянного столкновения с тем, что меня устрашало. Страх продолжал существовать.

Этот страх был не осознан. Об его существовании я не знал, ибо он был вытеснен в нижний этаж моей психики. Часовые моего разума не выпускали его на свободу. Он имел право выходить только ночью, когда мое сознание не контролировало.

Этот страх жил ночной жизнью, в сновидениях. А днем, в столкновении с объектом устрашения, он проявлялся только косвенным образом — в непонятных симптомах, кои могли сбить с толку любого врача.

Мы знаем, что такое страх, знаем его воздействие на работу нашего тела. Мы знаем его оборонительные рефлексы. В основе их — стремление избежать опасности.

Симптомы страха разнообразны. Они зависят от силы страха. Они выражаются в сжатии кровеносных сосудов, в спазмах кишечника, в судорожном сокращении мышц, в сердцебиениях и так далее. Крайняя степень страха вызывает полный или частичный паралич.

Именно такие симптомы создавал неосознанный страх, который я испытывал. В той или иной степени они выражались в сердечных припадках, в задержке дыхания, в спазмах, в судорожном подергивании мышц.

Это были прежде всего симптомы страха. Хроническое присутствие его нарушало нормальные функции тела, создавало стойкие торможения, вело к хроническим недомоганиям.

В основе этих симптомов была «целесообразность» — они преграждали мой путь к «опасности», они подготовляли бегство.

Животное, которое не может избежать опасности, притворяется мертвым.

Подчас я притворялся мертвым, больным, слабым, когда было невозможно уйти от «опасности».

Все это было ответом на раздражение, полученное извне. Это был сложный ответ, ибо условные нервные связи, как мы в дальнейшем увидим, были весьма сложны.

7

Можно допустить, что так поступает ребенок, желая избежать «опасности». Но как поступает взрослый?

Как поступал я? Неужели я не боролся с этим вздором? Неужели только спасался бегством? Неужели я действительно был несчастной пылинкой, гонимой любой случайностью?

Нет, я боролся с этим, защищался от этой неосознанной беды. И эта защита всякий раз была в соответствии с моим развитием.

В детские годы поведение сводилось главным образом к бегству и в какой-то мере к желанию овладеть водой, «освоить» ее. Я пробовал научиться плавать. Но я не научился. Страх цепко держал меня в своих руках.

Я научился плавать только юношей, поборов этот страх.

Это была первая победа и, пожалуй, единственная. Я помню, как я был горд этим.

Мое сознание и в дальнейшем не уводило меня от этой борьбы. Наоборот, мое сознание вело меня к этой борьбе. Всякий раз я стремился скорей встретиться с моим могущественным противником, чтобы еще раз помериться с ним силами.

Именно в этом и лежало противоречие, которое маскировало страх.

Я не избегал пароходов, лодок, я не избегал быть на море. Наперекор своему страху я как бы нарочно шел на это единоборство. Мое сознание не желало признаться в поражениях или даже в малодушии.

Я помню такой случай на фронте. Я вел батальон на позиции. Перед нами оказалась река. Была минута, когда я смутился. Переправа была нетрудная, тем не менее я послал разведчиков вправо и влево, чтобы найти еще более легкие переправы. Я послал их с тайной надеждой найти какой-нибудь пересохший путь через реку.

Было начало лета, и таких путей не могло быть.

Я был смущен только минуту. Я велел позвать разведчиков назад. И повел батальон через реку.

Я помню свое волнение, когда мы вошли в воду. Я помню свое сердцебиение, с которым едва справился.

Оказалось, что я поступил правильно. Переправы всюду были одинаковы. И я был счастлив, что не промедлил, что поступил решительно.

Значит, я не был слепым орудием в руках своего страха. Мое поведение всякий раз было продиктовано долгом, совестью, сознанием. Но конфликт, который возникал при этом нередко, приводил меня к недомоганию.

Страх действовал вне моего разума. Бурный ответ на раздражение был вне моего сознания. Но болезненные симптомы были слишком очевидны. Об их происхождении я не знал. Врачи же фиксировали их в грубом счете — как неврозы, вызванные переутомлением, усталостью.

Чувствуя неравенство в силах, тем не менее я продолжал вести борьбу с неосознанным страхом. Но как странно шла борьба! Какие странные пути были найдены для сомнительной победы!

8

Изучением воды тридцатилетний человек хотел освободиться от страха. Борьба пошла по линии знания, по линии науки.

Это было поразительно, ибо сознание участвовало в этой борьбе. Я не в полной мере понимаю, как возникли эти пути. Сознанию не были известны механизмы несчастья, и, быть может, поэтому избран был общий путь, как бы и верный, но для данного случая ошибочный, даже комичный.

Все мои тетради, записные книжки стали заполняться сведениями о воде.

Эти тетради сейчас передо мной. С улыбкой я просматриваю их. Вот записи о самых сильных бурях и наводнениях в мире. Вот подробнейшие цифры глубин морей и океанов. Вот сведения о наиболее бурных водах. О скалистых берегах, к которым не могут подойти корабли. О водопадах.

Вот сведения об утонувших людях. О первой помощи утопленникам.

Вот запись, подчеркнутая красным карандашом:

«71 процент земной поверхности находится под водой и только 29 процентов суши».

Трагическая запись! Красным карандашом приписано:

«3/4 земного шара — вода!»

Вот еще трагические записи, из которых можно увидеть, каков процент воды в теле людей, животных, растений:

«Рыбы — 70—80%, медузы — 96%, картофель — 75%, кости — 50%...»

Какая проделана гигантская работа! Какая бессмысленная!

Вот целая тетрадочка исписана сведениями о ветрах. Это понятно: ветер — причина наводнений, причина бурь, штормов.

Кусочек из записи:

«3 метра в 1 секунду — шевелятся листья;

10 метров в 1 секунду — качаются большие ветви;

20 метров в 1 секунду — сильный ветер;

30 метров в 1 секунду — буря;

35 метров в 1 секунду — буря, переходящая в ураган;

40 метров в 1 секунду — ураган, разрушающий дома».

Под записью справка: тай — чрезвычайный, фунг — ветер. Тайфунг в 1892 году (остров Маврикия) — 54 метра в секунду!

Вот еще одна тетрадь о наводнениях в Ленинграде.

Перелистывая эти мои тетради, я сначала улыбался. Потом улыбка сменилась скорбью. Какая трагическая борьба! Какой «интеллектуальный» и вместе с тем варварский путь нашло сознание для того, чтобы путем знаний «освоить» противника, уничтожить страх, одержать победу!

Какой трагический путь был найден! Он был в соответствии с моим умственным развитием.

9

Этот путь нашел отражение и в моей литературе.

Но тут я должен оговориться. Я вовсе не хочу сказать, что этот путь — страх и желание уничтожить его — предопределял мою жизнь, мои шаги, мое поведение, мою меланхолию, мои литературные намерения.

Вовсе нет. Мое поведение оставалось бы точно таким же, как если бы страх отсутствовал. Но страх усложнял шаги, усиливал недомогание, увеличивал меланхолию, которая могла существовать и без него, в силу иных причин, в силу тех обстоятельств, кои в равной степени относились и ко всем людям.

Страх не предопределял путей, но он был одним из слагаемых в сложной сумме сил, действующих на человека.

Было бы ошибкой не учитывать этого слагаемого. Но ошибка была бы еще грубей — воспринимать это слагаемое как сумму, как нечто единственное, действующее на человека.

Только в сложном счете решался вопрос.

Мы видели эту сложность в моем поведении. Основной двигатель был не страх, а иные силы — долг, разум, совесть. Эти силы оказались значительно выше низменных сил.

Мое поведение было в основном разумным. Страх не вел меня за руку, как слепца. Но он присутствовал во мне, нарушал правильную работу моего тела, заставлял избегать «опасностей», если не было более высоких чувств или обязанностей.

В общем прессе он давил на меня и главным образом воздействовал на мое физическое состояние.

Мое сознание намерено было устранить его. Умственное развитие избрало путь знаний. Профессиональные навыки литератора также приняли участие в этой борьбе. Среди многих тем, которые меня занимали, была тема, связанная с водой. К этой теме я имел особую склонность.

Полгода я провел над материалами Эпрона, изучая историю гибели «Черного принца».

Работая над этой книгой, я тщательно обследовал все, что к этому относилось. Я выезжал на место работ, знакомился с водолазным делом, собирал литературу о всех изобретениях в этой области.

Закончив книгу «Черный принц», я тотчас принялся собирать материалы о гибели подводной лодки «55». Эту

книгу я не закончил. Тема перестала меня занимать, ибо к этому времени я нашел более разумный путь для борьбы.

Итак, изучением воды во всех ее свойствах я хотел освободиться от несчастья, от неосознанного страха. Этот страх не относился даже к воде. Но вода вызывала страх, ибо она была условно связана с иным предметом устрашения.

Борьба против этого, повторяю, находилась в соответствии с моим умственным развитием.

Какая трагическая борьба! Какое горе и какое поражение она мне сулила! Какие удары были предназначены для моего жалкого тела!

О каких же бедах от высокого сознания можно говорить?

Пока можно лишь говорить о разуме, которому не хватает знаний. Можно говорить о маленьком несчастном дикаре, который бредет по узкой горной тропинке, едва освещенный первыми лучами утреннего солнца.

10

Итак, первые шаги в поисках несчастного происшествия были сделаны.

Несчастное происшествие возникло при первом знакомстве с окружающим миром. Оно произошло в предрассветных сумерках, перед восходом солнца.

Это не было даже происшествием. Это была ошибка, несчастный случай, поразительная комбинация случайностей.

Эта случайность создала неверные, болезненные представления о некоторых вещах, в том числе о воде.

Это была драма, в которой моя вина была не больше, чем страданье.

Однако эта драма до конца еще не раскрыта.

Змею мы рассекли, но не убили.
Она срастется — и опять жива.

Надо было найти условные нервные связи, которые вели от воды к чему-то неизвестному, к чему-то, может быть, еще более страшному. Без этого вода не была бы предметом ужаса.

И вот, уверенный в своих силах, я пошел дальше в поисках моего несчастного происшествия.

VII. ЗАКРЫВАЙТЕ ДВЕРИ

Змею мы рассекли, но не убили.
Она срастется — и опять жива.

1

Я часто видел нищих во сне. Грязных. Оборванных. В лохмотьях.

Они стучали в дверь моей комнаты. Или неожиданно появлялись на дороге.

В страхе, а иногда и в ужасе я просыпался.

Я стал думать — почему я вижу нищих. Чем они меня устрашают? Не есть ли нищий — второй условный раздражитель, подобный воде?

Я перелистал свои воспоминания, надеясь среди них найти устрашающие меня сцены.

Нет, образ нищего отсутствовал в моих воспоминаниях. Только лишь одна короткая сценка относилась к трехлетнему возрасту — мать шутливо протянула меня нищему.

Может быть, этот нищий устрашил меня? Может быть, остался неосознанный инфантильный страх, оживающий в моих сновидениях?

Я вспомнил о тех нищих, которых я встречал на улице. Нет, никакого страха я к ним не чувствовал. Никакого волнения не испытывал.

А ведь этот страх должен и днем присутствовать в какой-то, хотя бы самой незначительной степени. Мы видели этот деформированный страх к воде. Он и днем выражался в странных симптомах. Он нашел отражение во всей моей жизни. Я боролся с этим неосознанным страхом путем знаний. Была проделана гигантская борьба. Следы этой трагической бессмысленной борьбы остались в моих записных книжках, в моей литературе.

Тогда я раскрыл свои записные книжки, рассчитывая на их страницах найти следы новой грандиозной борьбы, следы новых схваток с неосознанным противником.

Однако в записных книжках я на этот раз не нашел того, что искал. Не было ни цифр, ни справок. Не было ничего такого, что могло говорить о повышенной заинтересованности к новому объекту.

Тогда я перелистал свои сочинения, книги.

Нет сомнения, тема нищего меня весьма интересовала. Но это был нормальный интерес литератора к социальному явлению.

Эта тема присутствовала только лишь в той степени, в какой ей надлежало присутствовать в сочинениях сатирического писателя. Мне даже показалось, что эта тема недостаточно полно и широко взята.

Я был озадачен. Как же так? Я видел нищих во сне. Нищие меня устрашали. Это очевидно. Однако проходила ночь, вставало солнце, и след нищего терялся в его лучах.

2

Тогда я снова стал обдумывать свою жизнь, стараясь вспомнить сцены, чем-либо связанные с нищим.

Однако ничего существенного мне не удалось припомнить из этой области. Никаких нищих я не мог вызвать из забвения.

Но вот, напряженно думая о своем детстве, я увидел какой-то нелепый сон.

Пароход. На палубе толпа пассажиров. Эта толпа аплодирует мне. Из толпы выходит весьма моложавый старик. Он цветущий, подтянутый, краснощекий. С цветком в петлице.

Почтительно поклонившись мне, старик произносит:

— О, благодарю вас, молодой человек! Вспомните, какой я был дряхлый, когда мне было восемьдесят лет. Теперь, когда мне стало шестьдесят, я чувствую себя отлично.

Я отвечаю:

— Очень рад, Павел Петрович, что мне удалось вам помочь.

Старик берет меня под руку. Мы с ним торжественно шествуем. Доходим до какой-то двери. Дверь открывается. Старик исчезает.

Вот весь сон. Он кажется абсурдным, бессмысленным. Я даже сначала не хотел о нем думать.

А надо сказать, что этот сон относился к тому периоду, когда я начал собирать материал для моей книги «Возвращенная молодость». Стало быть, какой-то старик благодарил меня за эту мою будущую книгу, которая вернула ему молодость.

Я стал думать об этом толстомордом старике — не видел ли я его в жизни? Нет, эти багровые щеки мне не приходилось раньше видеть.

Но почему же в таком случае я назвал его Павлом Петровичем? Ведь так называют только знакомых.

Я стал перебирать в моей памяти забытые имена. Такого имени я не мог припомнить.

Но тут мое внимание остановилось на двери, до которой я довел старика. Где же я видел эту тяжелую резную дубовую дверь? Нет сомнения, я где-то ее видел. Я отлично ее помню. Помню даже медную дощечку на ней. И фамилию на этой дощечке — Чистяков.

Какой же это Чистяков?

Я стал перебирать в своей памяти фамилии. Нет, среди знакомых фамилий этой не имелось.

Был весьма известный художник Чистяков. Но какое же отношение он имел ко мне?

Любопытства ради я открыл энциклопедический словарь, чтобы посмотреть, как звали этого художника. И с удивлением увидел, что имя и отчество его совпадало с тем, что я произнес во сне.

Это был знаменитый русский художник Павел Петрович Чистяков.

Неожиданно я вспомнил — он был начальником моего отца по Академии художеств.

И вдруг с необычайной отчетливостью я припомнил забытую сцену.

3

Зима. Снег. Васильевский остров.

Я с матерью иду по улице. Мы останавливаемся у двери, на которой медная дощечка: «Павел Петрович Чистяков».

Я звоню. Дверь открывает швейцар. Мама говорит:

— Скажите его превосходительству, что пришла вдова художника Зощенко.

Швейцар уходит и, вернувшись, говорит:

— Его превосходительство просит вас обождать здесь.

Мы садимся на деревянный диван. Долго сидим, поглядывая на широкую шикарную лестницу. Мы ждем очень долго. Я начинаю хныкать. Мне скучно. Неприятно так долго ждать. Я говорю матери:

— Если он так долго не идет, значит, он не нуждается в нас. Мама, давай уйдем.

Мама тихо говорит мне:

— Не он, а мы нуждаемся в нем. Сейчас, когда папа умер, мы должны получить пенсию. А сколько мы получим, это будет зависеть от Павла Петровича.

Проходит час. Наконец по лестнице спускается старик в черном сюртуке. Старик весьма стар, сухощав, бледен.

Мама почтительно кланяется ему. И о чем-то просит.

Старик что-то брюзгливо отвечает, делая сильное ударение на «о».

Беседа продолжается три минуты.

Мы уходим.

Мама берет меня за руку. И мы снова идем по улице. Я говорю:

— Мама, вот уж я бы не стал так вежливо говорить, как ты с ним говорила.

Мама отвечает:

— Что же делать, Мишенька,— мы от него зависим.

— Все равно. Он плохо с тобой разговаривал. И плохо попрощался — сразу отвернулся.

Мама начинает плакать.

Я говорю маме:

— Да, но он со мною поступил еще хуже, чем с тобой. Он даже не поздоровался со мной и не попрощался. И то я не плачу.

Мама плачет еще сильней.

Чтобы утешить ее, я говорю:

— У меня есть двадцать копеек. Если хочешь, я найму извозчика, и мы поедем домой.

Я нанимаю извозчика, и мы садимся с мамой в пролетку.

4

Мне показалось, что эта сцена в передней имела значение в моей жизни.

Мне показалось, что эта сцена устрашила меня.

В самом деле. Снова передо мной был образ нищего. Однако на этот раз нищий был я сам.

Я стоял в передней с протянутой рукой. Я просил. И мне подавали. Быть может, я боялся стать нищим? Боялся очутиться в качестве жалкого просителя? И вот почему образ нищего устрашил меня.

Я стал думать о нищих, которые во множестве бродили по старым дорогам моей страны. И о великой революции, которая поставила своей задачей уничтожить это бедствие.

Я стал думать о том прошлом мире, в котором я родился и жил. О том мире, который создал нищих, просителей, людей, которые кланяются, клянчат, унижаются.

Вероятно, этот мир устрашил меня. Вселил неуверенность. Создал пугало в образе нищего.

Я вспомнил этот мир. Вспомнил людей, окружающих меня. Вспомнил взаимоотношения.

Нет сомнения, это был несчастный мир. Он нес с собой болезни не менее опасные, чем те, о которых я пишу в этой книге. Он мог вселить тревогу, беспокойство, страх. Нет сомнения, он мог создать пугало в образе нищего.

Итак, я вспомнил этот мир, в котором я родился. Мир богатых и нищих. Мир просителей и подающих. Мир, который меня устрашил.

Какое странное и смешанное чувство я испытал! Какую боль я почувствовал, когда вдруг понял, что этот мир я никогда больше не увижу. И какую радость при этом я испытал!

Но чему же я радовался? О чем сожалел? Что оставил я в том прошлом мире, который оплакивал? И почему я оплакивал то, что меня устрашало?

Я не мог понять. Не мог выразить словами причину этой своей боли, своего сожаления. И тогда я рассказал об этих своих чувствах одной одинокой женщине. Она была моя сверстница. Но она больше знала о прошлом мире.

Она сказала:

— Я испытываю такие же чувства. Но только они не случайны, как у вас. Я не перестаю оплакивать прошлый мир, хотя уже минуло восемь лет с тех пор, как мы его потеряли.

Я сказал:

— Но ведь прошлый мир был ужасный мир. Это был мир богатых и нищих. Он мог устрашать людей. Это был несправедливый мир.

— Пусть несправедливый,— ответила женщина,— но я предпочитаю видеть богатых и нищих вместо тех сцен, пусть и справедливых, но не ярких, скучных и будничных, какие мы видим. Новый мир — это грубый мужицкий мир. В нем нет той декоративности, к какой мы привыкли. Нет той красивости, какая радует наш взор, слух, воображение. И вот в чем наша боль и наше сожаление. Что же касается справедливости, то я с вами не спорю, хотя и предполагаю, что башмак стопчется по ноге.

Уйдя от этой женщины, я стал думать — так ли это, как она сказала?

Мне захотелось припомнить какие-нибудь изящные сцены из прошлого. Я принялся думать о шелковых тканях, о музыке в гостиных, об утонченных словах, произне-

сенных при встречах, о лакированных экипажах, проезжающих по улицам.

Я припомнил несколько сцен. Нет, они не были связаны с душевным волнением. Они не вошли в мои воспоминания. Должно быть, они были привычны для моего взора. Должно быть, они были ничем не удивительны, повседневны.

5

Об этих сценах я, вероятно, и не вспомнил бы, если б не подумал о том, о чем думаю теперь, стараясь понять, откуда возникла эта боль, эта радость и сожаление.

НА БЕРЕГУ МОРЯ

В студенческом кителе, со стеком в руках, я иду по берегу моря.

Сестрорецкий пляж. Жарко. Лето. Играет симфонический оркестр.

На горячем песке расположились люди. Шикарные женщины в шляпах, с зонтиками в руках. Чахлого вида мужчины в пенсне, в пиджаках.

Мило прогуливаются детишки. Они в шляпах, в чулочках, в башмаках.

Какая-то девчурка хнычет.

— Маменька,— говорит она,— пожалуйста, разреши мне снять чулочки.

— Нет, это неприлично,— говорит мать.— Мы снимем чулки, когда пойдем купаться.

Кругом чинно, скучно. Почти не видно загоревших тел. Почти не слышно криков, возгласов, смеха. Кто-то визжит, входя в воду. Кто-то завывая читает стихи. Кому-то на подносе несут пиво.

Боже мой, как нестерпимо скучно!

ДУХ ВЫШЕ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Похлопывая стеком по узким своим брюкам, я подхожу к моим знакомым. Это — знаменитый адвокат Н. и его жена, мадам Н. Н.

Мне нравится жена этого адвоката. Я немного ухаживаю за ней.

Мадам Н. Н. улыбается, когда я подхожу. Стыдливо прикрывает свое тело, наглухо затянутое в шикарный купальный костюм. Помахивает белым веером из страусовых перьев.

Я сажусь рядом.

Мадам Н. Н. кокетничает со мной. Однако разговор не клеится. Рядом муж. Это пресно.

— Серж,— говорит она супругу,— ты бы, право, пошел к воде. Не нужно купаться, но один раз окунуться — это следует, мой друг. Это полезно для твоего здоровья.

Серж безропотно сдирает с себя чесучовый пиджак. Отстегивает шелковые подтяжки. Раздевается.

Я вижу чахлое его тело. Впалую чахоточную грудь. И жалкие руки, лишенные мускулов.

Увидя на себе мой взор, судебный работник бормочет:

— Дух выше, молодой человек. Дух, а не тело — вот в чем наша забота, наша красота.

Осторожно ступая на песок, Серж, как по гвоздям, идет к воде.

Его руки, худые и безжизненные, болтаются, как плети.

МЫ СЛУШАЕМ ПОЭМУ

Изящная гостиная. Шелковая мебель. Кружева: Тюль. Фарфоровые безделушки. Французская речь.

Хозяин — бледный, томный, усталый. Нечто декадентское в его лице.

Плавно жестикулируя, он читает свои стихи. Он читает поэму о какой-то «первоначальной» красоте, к которой должны стремиться люди, об утонченной страдающей душе, блуждающей в грубом мире, в мире низменных страстей. Чтение прерывается каким-то криком в передней.

Хозяин морщится. Страдальчески наморщив лоб, выслушивает горничную, которая что-то ему тихо докладывает.

Неожиданно на пороге гостиной появляется женщина. Она немолода. Плохо одета. Седые ее волосы торчат из-под шляпки.

— Ты что же со мной делаешь, Пьер? — говорит она. И, увидев гостей, продолжает: — Нет, я не погляжу, что у тебя гости. Пусть все знают, какой ты негодяй. Твой покойный отец — мой родной брат — велел ежемесячно выдавать мне по сто рублей. А ты что делаешь? Ты что, ирод, издеваешься надо мной!

Наморщившийся, как от зубной боли, хозяин тихо говорит:

— Уйдите, тетя Лизет. Отец не говорил мне этого. Подавайте в суд.

Горничная и хозяин выпроваживают тетку. Неожиданно та падает на пороге.

— Притворяется,— говорит хозяин. И, вытащив из кармана кредитку, швыряет тетке.

Дверь гостиной закрывается. Мы не видим продолжения.

Закрыв глаза рукой, хозяин извиняется перед гостями за невольную сцену. Кто-то из гостей говорит:

— Как совпала ваша поэма с тем, что случилось. Какой грубый мир! И какое счастье, что его можно избежать, отгородиться от него поэзией, душевным одиночеством...

Хозяин продолжает читать прерванную поэму.

НА ЧЕРНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

На ступеньках лестницы сидят рабочие. Они грязные, оборванные. Некоторые из них в лаптях.

Это рабочие-сезонники. Они достраивают дом во дворе. И вот сегодня, в воскресенье, они пришли к домовладельцу, чтоб получить свой недельный заработок.

Кто-то из них говорит:

— Нет, они не любят сразу платить. Они поманежат людей, а потом уже платят.

Кто-то из рабочих встает и, подойдя к двери, несмело стучит.

В дверях появляется горничная. Она в белом передничке. На голове ее накрахмаленная белая наколка.

Горничная говорит:

— Ну что вы стучите, дьяволы... Кажется, сказано вам — барин занят. Приходите вечером.

Сезонник говорит:

— Вечером придешь, скажут — утром приходите. Ведь каждую неделю такая канитель. Сделайте милость, доложите барину — дескать, люди ждут...

Горничная с досадой говорит:

— Барин занят. Не будет сегодня платить. Уходите к лешему.

Дверь захлопывается.

Я сижу на подоконнике с Валей. Валя — дочь этого домовладельца. Нам по пятнадцати лет. У нас нечто вроде

флирта. Вот уже час мы сидим на подоконнике и о чем-то болтаем.

Я спрашиваю Валю:

— Валечка, а чем занят ваш папа?

Смущенно потупив глазки, Валя говорит:

— К нему опять пришла Анель. Когда была жива мама, она не смела приходить. Теперь она приходит. Я боюсь, что папа на ней женится. Она с утра у него. Они собираются ехать на бега.

Я смотрю на сезонников, расположившихся на ступеньках лестницы. Некоторые из них курят. Другие пьют и закусывают.

Мы с Валей смотрим в окно. Дождь прошел. Мы выходим во двор.

6

Как забытые видения, проходят передо мной эти маленькие сцены из прошлой жизни. Какие неприятные сцены, какие горькие воспоминания! Какая нищенская красота!

Так вот почему я рад, что больше не увижу ушедшего мира, мира роскоши и убожества, мира неслыханной несправедливости, нищеты и незаслуженного богатства! Вот почему я рад, что не увижу больше узкогрудых чахоточных людей, в сердце которых уживались высокие изящные чувства и варварские намерения.

Значит, нет никаких мотивов для сожаления. А оно было, это сожаление, и оставалась эта боль. И я снова не мог понять, откуда эта боль возникает.

Быть может, она возникает оттого, что я видел печальные сцены прощанья с этим ушедшим миром. Я был свидетелем того, как уходил этот мир, как с плеч его соскользнула эта непрочная красота, эта декоративность, изящество.

Я вспомнил одного поэта — А. Т-ва.

Он имел несчастье прожить больше, чем ему надлежало. Я помнил его еще до революции, в 1912 году. И потом я увидел его через десять лет.

Какую страшную перемену я наблюдал! Какой ужасный пример я увидел!

Вся мишура исчезла, ушла. Все возвышенные слова были позабыты. Все горделивые мысли были растеряны.

Передо мной было животное более страшное, чем какое-

либо иное, ибо оно тащило за собой привычные профессиональные навыки поэта.

Я встретил его на улице. Я помнил его обычную улыбочку, скользившую по его губам,— чуть ироническую, загадочную. Теперь вместо улыбки был какой-то хищный оскал.

Порывшись в своем рваном портфеле, поэт вытащил тоненькую книжечку, только что отпечатанную. Сделав надпись на этой книжечке, поэт с церемонным поклоном подарил ее мне.

Боже мой, что было в этой книжечке!

Ведь когда-то поэт писал:

Как девы в горький час измены,
Цветы хранили грустный вид.
И, словно слезы, капли пены
Текли с их матовых ланит...

Теперь, через десять лет, та же рука написала:

Пышны юбки, алы губки,
Лихо тренькает рояль,
Проституточки-голубки,
Ничего для вас не жаль...

Все на месте, все за делом,
И торгуют всяк собой:
Проститутка — статным телом,
Я — талантом и душой.

В этой книжечке, напечатанной в издании автора (1922 г.), все стихи были необыкновенные. Они прежде всего были талантливы. Но при этом они были так ужасны, что нельзя было не содрогнуться, читая их.

В этой книжечке имелось одно стихотворение под названием «Моление о пище». Вот что было сказано в этом стихотворении:

Пищи сладкой, пищи вкусной
Даруй мне, судьба моя,—
И любой поступок гнусный
Совершу за пищу я.

В сердце чистое нагажу,
Крылья мыслям остригу,
Совершу грабеж и кражу,
Пятки вылижу врагу!

Эти строчки написаны с необыкновенной силой. Это смердяковское вдохновенное стихотворение почти гениально. Вместе с тем история нашей литературы, должно быть,

не знает сколько-нибудь равного цинизма, сколько-нибудь равного человеческого падения.

Впрочем, это не было падением, смертью при жизни, распадом, тлением. Поэт по-прежнему оставался здоровым, цветущим, сильным. С необыкновенным рвением он стремился к радостям жизни. Но он не пожелал больше врать. Он перестал притворяться. Перестал лепетать слова—ланиты, девы, перси. Он заменил эти слова иными, более близкими ему по духу. Он сбросил с себя всю мишуру, в которую он рядился до революции. Он стал таким, каким он и был на самом деле,—голым, нищим, омерзительным.

7

Этот поэт Т. действительно стал нищим. Он избрал себе путь, который он заслуживал.

Я увидел его однажды на углу Литейного. Он стоял с непокрытой головой. Низко кланялся всем, кто проходил мимо.

Он был красив. Его седеющая голова была почти великолепна. Он был похож на Иисуса Христа. И только внимательный глаз мог увидеть в его облике, в его лице нечто ужасное, отвратительное — харю с застывшей улыбочкой человека, которому больше нечего терять.

Мне почему-то было совестно подойти к нему. Но он сам окликнул меня. Окликнул громко, по фамилии. Смеясь и хихикая, он стал говорить, сколько он зарабатывает в день. О, это гораздо больше, чем заработок литератора. Нет, он не жалеет о переменах. Не все ли равно, как прожить в этом мире, прежде чем околеть.

Я отдал поэту почти все, что было в моих карманах. И за это он хотел поцеловать мою руку.

Я стал стыдить его за те унижения, которые он избрал для себя.

Поэт усмехнулся. Унижения? Что это такое? Унизительно не жрать. Унизительно околеть раньше положенного срока. Все остальное не унизительно. Все остальное идет вровень с той реальной жизнью, которую судьба ему дала в обмен за прошлое.

Через час я снова проходил по этой же улице. К моему удивлению, поэт по-прежнему стоял на углу и, кланяясь, просил милостыню.

Оказывается, он даже не ушел, хотя я дал ему значительные деньги. Я и до сих пор не понимаю — почему он не

ушел. Почему он не тотчас бросился в пивную, в ресторан, домой. Нет, он продолжал стоять и кланяться. Должно быть, это его не угнетало. А может быть, даже и доставляло интерес. Или не пришло еще время для его завтрака, и поэт для моциона остался на улице?

Я встретил Т. год спустя. Он уже потерял человеческий облик. Он был грязен, пьян, оборван. Космы седых волос торчали из-под шляпы. На его груди висела картонка с надписью: «Подайте бывшему поэту».

Хватая за руки прохожих и грубо бранясь, Т. требовал денег.

Я не знаю его дальнейшей судьбы.

Образ этого поэта, образ нищего остался в моей памяти как самое ужасное видение из всего того, что я встретил в моей жизни.

Я мог страшиться такой судьбы. Мог страшиться таких чувств. Такой поэзии.

Я мог страшиться образа нищего.

8

И вот, думая об этом несчастном поэте, я невольно стал вспоминать поэзию моего времени.

Я вспомнил вдруг чувствительные и грустные романсы, какие пели тогда,— «О, это только сон», «Гори, гори, моя звезда», «Хризантемы в саду».

Не скрою от вас — у меня появились слезы на глазах, когда я вдруг припомнил эти позабытые звуки.

Так вот откуда сожаление,— подумал я.— Значит, я оплакиваю не тот «красивый мир» — богатых и нищих, я оплакиваю ту печальную поэзию, которая была мне сродни. Может быть, она действительно была хороша — эта поэзия?

Я стал вспоминать стихи моего времени.

Это были отличные стихи, отличная поэзия. Поэзия Блока, Есенина, Ахматовой.

Но какая боль в ней чувствовалась! Какие печальные мелодии напевали эти поэты! Почему?

Только лишь потому, что их не удовлетворяла та жизнь, которую они имели? Тот общественный строй, который они на себе испытали? Нет, вряд ли.

Я вдруг вспомнил строчки из В. Брюсова:

Вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном

Почему же он так сказал? Почему он не сказал, что встречает приветственным гимном тех, которые уничтожат несправедливость, вопиющее неравенство, нищету? Нет, мы знаем, что поэт приветствовал революцию. Примкнул к ней, пошел вслед за ней, чтоб увидеть новый мир, новых людей. Но почему все же он нашел такие жестокие слова в отношении самого себя?

Я стал перелистывать стихи Брюсова, его дневники, письма.

Я увидел, что это очень неплохой поэт. Но какой он неровный! Какая меланхолия одолевает его по временам! Какие истерические нотки слышатся в его музыке, в его мыслях! Какая катастрофа присутствует в его сердце!

Нет сомнения, он не считал себя здоровым, полноценным человеком. И вот почему он так сказал.

Должно быть, он не хотел, чтоб искусство находилось в дрожащих руках неврастеников. Не хотел, чтобы оно воспитывало прежние чувства, прежних людей.

Какие жестокие слова были произнесены! Какой адский выход был найден!

Но, может быть, эта катастрофа, истерика и меланхолия были свойственны только лишь большим поэтам, в силу их высокой миссии, высокой чувствительности, высокого сознания?

Может быть, все остальные поэты бодрыми голосами напевали торжественные гимны природе?

Я стал перелистывать стихи моего времени.

Нет. Все то же самое. Только хуже. Бедней. Ужасней.

Блок, как в фокусе, соединил в себе все чувства своего времени. Но он был гений. Он облагородил своим гением все, о чем он думал, писал.

Строчки малых поэтов, лишенные этого благородства и вкуса, были ужасны:

У феи — глазки изумрудные,
Все на траву она глядит.
У ней — наряды дивно-чудные —
Опал, топаз и хризолит...

Какой цветистый нищенский язык! Какая опереточная фантазия у неплохого, в сущности, поэта!

У царицы моей есть высокий дворец,
О семи он столбах золотых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих.

Нет, неприятно читать эти стихи. Нестерпимо слышать эту убогую инфантильную музыку. Отвратительно видеть эту мишуру, эти жалкие манерные символы.

Я перелистываю поэтические сборники моего времени.

С холодным сердцем, без капли волнения я читаю то, что мы читали и, должно быть, любили:

Я себе не верю, верю только
В высоте сияющим звездам.
Эти звезды мне стезею млечной
Насылают верные мечты
И растят в пустыне бесконечной
Для меня нездешние цветы.

Нет, мне не жаль этой утраченной поэзии. Не жаль потерянных «нездешних цветов».

Мне не жаль и потерянной бодрости, которую я встречаю в иных стихотворениях:

Я верю в светлое начало,
Я знаю правду темноты.
Во мраке Ночь меня качала,
Чтоб Дню я показал цветы.

Бог с ней, с этой бодрой поэзией! Она отвратительна:

Крошки-ручки изломаю
В нежных пламенных пожатьях,
Зацелую, заласкаю,
Задушу тебя в объятьях.

Я перелистываю роскошные журналы моего времени. Вот Бальмонт поэтически пишет о подруге Эдгара По:

Чаровательница и рабыня своих женских страхов, женщина, полюбившая ангела, демона, духа, кого-то, кто больше, чем человек, и потому испугавшаяся — нежная Сибилла, заманившая и себя и другую душу в колдования любви...

И еще:

Вестник Запредельного, глашатай глубин и носитель тайн, бессмертный Эдгар, взявший в своем мировом служении великую тяжесть необходимости явить нам, как может быть одинока душа Человека среди людей...

Слезы давно уже высохли на моих глазах. Нет, я ни о чем больше не жалею. Я не жалею о том мире, который я потерял.

9

Однако куда же я забрел? — подумал я.— В какие же психологические дебри завел меня нищий, за которым я покорно пошел с надеждой найти причину моего страха перед ним!

Не знаю, какие новые шаги мне предстояли и какие ждали меня разочарования, если б этим путем я пошел дальше.

Но я спохватился. Я понял, что я неверно рассуждаю, неверно иду.

Ведь мне надо было найти причину моего младенческого страха перед нищим, а не причину боязни взрослого человека.

Разве младенцу понятны мои тревоги, волнения, чувства, стихи и прошлый мир, с которым я прощался?

Разве младенцу понятен образ нищего?

Нет, образ нищего не есть образ, понятный младенцу.

В таком случае как же он возник? Отчего он появлялся в моих снах?

Я вспомнил принцип сновидений. Вспомнил, что такое сон с точки зрения современной науки.

Я повторю, хотя бы вкратце. Это имеет первостепенное значение.

Два этажа имеет наш мозг. Высший этаж — кора мозга и подкорковые центры. Здесь источники приобретенных навыков, центры условных рефлексов, центры нашей логики, речи. Здесь — наше сознание. Нижний этаж — источник наследственных рефлексов, источник животных навыков, животных инстинктов.

Два эти этажа, как мы говорили, нередко находятся в конфликте. Высшие силы борются с низшими, побеждают их, оттесняют еще ниже или изгоняют вовсе.

Ночью высший этаж погружается в сон.

Сознание гаснет, перестает контролировать.

А так как заторможение опускается не ниже подкорковых центров, то низшие силы оживают и, пользуясь отсутствием контроля, выявляются в сновидениях. Оживают страхи, заторможенные или оттесненные сознанием.

Вот какова общая картина сна. И вот каков механизм, лежащий в основе наших сновидений.

Казалось бы, весьма просто, с помощью сновидения, обнаружить причину патологического торможения, увидеть то или иное заглушенное чувство, понять образ, возникший в снах.

Да, это было бы весьма просто, если б высший и низший этажи «разговаривали» на одном языке. Однако «обитатели» этих этажей не имеют одинаковой речи. Высший этаж мыслит словами. Низший этаж мыслит образами.

Можно допустить, что такое образное мышление свойственно животному и в одинаковой мере младенцу.

В силу такого образного мышления сновидения нередко приобретают символический характер. Это понятно — простейшие образы, соединенные вместе, могут создать символ. И сложность этих символов неодинакова. Эта сложность меняется в зависимости от развития человека.

Мы видели, как вместе с умственным развитием меняются и усложняются условные нервные связи. В одинаковой мере и сновидения меняют свой смысл, меняют свое значение в зависимости от роста сознания, в зависимости от характера человека, от его индивидуальности.

Поэтому, чтоб понять образ низшего этажа, нужно разговаривать на языке младенца, нужно видеть его глазами. И при этом нужно расшифровывать символику, которая возникает в силу образного мышления младенца, учитывая, конечно, рост и развитие человека.

Значит, образ нищего — символический образ. Значит, этот образ мог возникнуть только лишь в силу дальнейшего умственного развития ребенка. И нет сомнения, что в основе этого образа были заложены иные, более примитивные образы, понятные младенцу.

В силу этого образ нищего следует расчленить на простейшие составные элементы.

Какие же элементы могли создать образ нищего как объект устрашения? Можно допустить, что символ возник по признакам поступков нищего.

Что делает нищий? Он стоит с протянутой рукой. Он просит. Его протянутая рука что-то берет.

Вот это уже нечто доступное пониманию младенца. Рука, которая берет, могла устрашить младенца. Из этих элементов мог в дальнейшем возникнуть символический образ нищего.

10

Со всей отчетливостью я вдруг понял, что я боюсь не нищего, а его руки. Я боюсь не нищего, который что-то у меня возьмет, я боюсь руки, которая что-то у меня отнимет.

Я тотчас понял, что эта рука и есть то, что я ищу. Я понял, что эта устрашающая меня рука — второй условный раздражитель в сложной комбинации моего младенческого психоневроза.

Ведь именно эта рука пыталась схватить меня, когда я во сне бежал по синему полю, спасаясь от черной воды. Именно эта рука хотела что-то взять, отнять, украсть.

В этой руке нищего, вора и, может быть, убийцы имелись те простейшие элементы, из каких в дальнейшем был создан столь ужасный для меня символический образ нищего.

Значит — вода и рука.

Какой прочной условной связью могли соединяться два эти найденные раздражителя! Какая роковая повторяемость могла произойти в жизни младенца!

Однако что же именно обозначала эта рука? И что она хотела взять у меня?

Что берет нищий, вернее, его рука? Она берет то, что подают: деньги, хлеб, еду — милостыню.

Нет сомнения, ребенок мог пожалеть, что рука нищего берет то, что принадлежит ему, ребенку. Но почему же это сожаление сопровождалось страхом? Это было непонятно.

Тогда я стал вспоминать детали одного сна, в котором фигурировал нищий. Я сижу за каким-то большим столом. Раздается звонок. Потом стук. Я подбегаю к двери не с тем, чтобы открыть ее, а с тем, чтоб проверить — хорошо ли она закрыта. Нищий стоит за дверью. Он тянет ее к себе. Напрягая силы, я не позволяю нищему открыть дверь. Происходит борьба. Сердце мое колотится от страха и от физических усилий.

Ужас охватывает меня, когда дверь приоткрывается. Однако я делаю усилие и закрываю дверь. Закрываю на ключ, на цепочку. С облегчением возвращаюсь к столу.

Разве это был нищий за дверью? Может быть, это был вор? Нет, вор не стал бы стучать и звонить. Это был именно нищий, который хотел что-то у меня отнять.

Что же хотел он отнять?

Я снова не мог понять. Но зато я понял, что этот страх я испытывал не только во сне. Я испытывал его и днем. Ведь это я — мальчик, а потом юноша и, наконец, взрослый — кричал: «Закрывайте двери!» И каждый вечер тщательно проверял крючки и запоры на дверях, на окнах. Я не мог заснуть, если дверь была открыта. Если на дверях не было крючка или задвижки, я ставил стул и на стул укладывал чемодан или какие-нибудь вещи с надеждой, что

они упадут и разбудят меня, если кто-то попытается войти в мою комнату.

Стало быть, этот сон реально обоснован. Стало быть, страх присутствовал не только в сновидениях.

К чему же относился этот страх? Что хотел отнять у меня нищий? Ведь я никогда ничего не жалел. Напротив, я даже радовался, если у меня пропадала какая-нибудь вещь. Мне казалось, легче и проще жить без вещей.

Что же в таком случае устрашало меня? Какая потеря казалась мне невозвратимой? Что защищал я с таким страхом и трепетом?

И что, наконец, хотела взять эта страшная рука, которая погружала младенца в воду, наказывала и заставляла в страхе биться маленькое несчастное сердце?

VIII. ТИГРЫ ИДУТ

Над ранами смеется только тот,
Кто не бывал еще ни разу ранен.

1

Когда я захотел узнать, что обозначает рука и что она намерена взять у меня, я стал испытывать необыкновенный страх.

Такой силы страх я раньше не испытывал даже ночью. Теперь он возникал и днем, главным образом на улице, в трамвае, при встрече с людьми.

Я понимал, что этот страх возникает оттого, что я дотрагиваюсь до самых глубоких ран, тем не менее этот страх всякий раз потрясал меня. Я стал спасаться от него бегством.

Это было нелепо, невероятно, даже комично, но страх исчезал, когда я добирался до своего дома, до своей лестницы.

Уже в подъезде он оставлял меня.

Я пробовал бороться с ним. Хотел подавить его, уничтожить — волей, иронией. Но он не подчинялся мне. Он возникал еще в большей степени.

Тогда я стал избегать улицы, людей. Почти перестал выходить из дому.

Однако страх вскоре проник и в мою комнату. Я стал страшиться ночи, темноты, еды. Перестал спать на кровати. Спал на полу, на тюфяке. Почти перестал есть. Насильно проглоченный кусок хлеба вызывал тошноту, рвоту.

Казалось, все было кончено. Казалось, приближается развязка — бессмысленная, дикая, постыдная.

Уже ничто не интересовало меня. Игра, казалось, была проиграна. Борьба кончилась поражением. Я находился в полном подчинении у страха. Уже мрак стал окутывать мою голову. Наступала гибель, более страшная, чем я предполагал [1].

Пришли дни, когда я не мог ни лежать, ни сидеть. Необыкновенно слабый, я мотался из угла в угол, задыхаясь от ужасных сердечных припадков и от невыносимых спазм во всем теле.

На моем письменном столе лежал листочек. Там были записаны сны, которые тревожили меня. По временам я обращался к этим снам, имея слабую надежду разобраться в них. Но они были непонятны.

Я искал руку, ее значение, ее связь с тем, что меня так устрашало. Но сны ничего не говорили о руке. Они говорили о тиграх, которые входят в мою комнату.

Я и раньше видел подобные сны. Но теперь они были необыкновенно реальны.

В комнату входили тигры и, помахивая хвостами, следили за каждым моим движением.

Я чувствовал горячее дыхание этих тигров, видел их сияющие пламенные глаза и страшные багровые пасти.

Тигры не всегда входили в комнату. Иной раз они оставались за дверью. И тогда раздавался их ужасающий громовый рев. Этот рев сотрясал комнату. Звенела посуда, падала мебель, колыхались занавески и картины на стенах.

Нет, эти тигры не терзали меня. Постояв в комнате или за дверью, они уходили, четко постукивая когтями о пол.

В один из худших для меня дней в моем помраченном уме мелькнула догадка.

Что, если,— подумал я,— тигр есть символ? Такой же символ, как образ нищего.

Ведь принцип сновидений одинаков. Образное мышление низшего этажа психики и дальнейшее развитие ребенка непременно создают символику.

В образе нищего я увидел простейшие элементы. Я увидел руку и действие этой руки — она берет, отнимает.

---

[1] Пусть это мое состояние остережет читателя от подобных опытов. Только под наблюдением врача можно производить исследование психики и анализировать сны. Такое самолечение привело меня к тяжелым последствиям. И только лишь профессиональное уменье думать и анализировать спасло меня от еще большей беды. Читатель не должен следовать моему примеру. Это более чем опасно.

Должно быть, и в образе тигра следует увидеть нечто более примитивное, доступное пониманию малыша.

Тигр — хищный зверь. Он что делает? Бросается на свою жертву, хватает ее, уносит, терзает. Он пожирает ее. Зубами и когтями рвет ее мясо.

Неожиданно возникли ассоциации с рукой. С этой страшной жадной рукой, которая тоже что-то берет, отнимает, хватает.

Нет сомнения, эти образы были одного и того же порядка.

Рука нищего, вора приобретала новые качества, свойственные дикому зверю — тигру, хищнику, убийце.

2

Я вспомнил давний сон. Быть может, даже это не был сон. Быть может, память сохранила то, что когда-то произошло наяву. Но это осталось в памяти как сновидение.

Сквозь далекий туман забвения я вспомнил темную комнату. Образ в углу. Лампадку.

Из темной стены тянется ко мне огромная рука. Эта рука уже надо мной. Я кричу. В ужасе просыпаюсь. Хочу вскочить с кровати. Но не могу. Кровать затянута сеткой.

Если это сон, то нет сомнения — он относится к давнему времени. Маленькая кровать, затянутая сеткой, определяет младенческий возраст. В самом деле — этот сон слишком примитивен, прост. Взрослый ребенок не мог увидеть такой сон. Должно быть, этот сон был когда-то увиден младенцем.

Ребенок увидел руку во сне. Эта рука, судя по растопыренным пальцам, собиралась взять, схватить ребенка. Вряд ли сон повторял дневное происшествие. Дневной страх был, видимо, в меньшей степени. Иначе не возник бы сон.

Что же в таком случае произошло днем?

Видимо, днем рука что-то взяла, схватила, отняла у младенца.

Что же она могла взять, схватить такое, что так устрашило? Вероятно, весьма дорогое, ценное, почти равносильное по ценности самому младенцу.

Что же может быть столь ценным в жизни младенца? Игрушка? Соска? Грудь матери? Питание?

Должно быть, питание. Скорей всего — грудь матери, та грудь, которая кормит младенца, дает ему жизнь, питание, радость.

Должно быть, эта грудь была отнята рукой.

Если рука отняла грудь, лишила питания, то с точки зрения младенческой логики это страшная рука, она могла совершить новое, еще более тяжкое преступление. Об этом преступлении и говорит сон. Рука нищего, вора явилась ночью в новом ее значении — она пришла за самим младенцем. Она хотела взять его, схватить, унести.

Как же, однако, возник дневной страх, столь усиленный и усложненный ночью? Что именно случилось днем?

Впрочем, днем, может быть, ничего особенного и не произошло. Может быть, было только лишь то обычное, повседневное, что бывает в жизни каждого младенца,— рука матери отнимает грудь.

Быть может, маленький жадный малыш, устрашенный этим частым повторением, не без волнения следил за рукой, отнимающей питание, грудь, жизнь. Быть может, рука отца, однажды положенная на грудь матери, еще более устрашила ребенка.

Но ведь в жизни каждого ребенка повторяется то же самое — рука отнимает грудь, наказывает, купает. Почему же у других это проходит бесследно, не травмирует их, не оставляет ран? Ну что ж — мы разбираем исключительный случай. Мы говорим о психоневрозе. Мы видим перед собой крайне чувствительную психику младенца — будущего художника, творца, фантазера. Мы видим пример, когда столь чувствительная психика способствует возникновению болезни.

Мы говорим в данном случае не о норме, а о патологии.

3

Итак, рука отнимала грудь, питание. Рука являлась за ребенком, чтобы взять, схватить, унести его.

Но почему же эта рука ассоциировалась с тигром? Значит, что-то произошло еще?

И вот, анализируя этот символический образ тигра, я увидел сон, который подтвердил точность и правильность этого символа.

Я увидел длинный коридор. Очень светлый. Со множеством окон. Что есть духу я бегу по этому коридору. Кто-то гонится за мной. Слегка обернувшись, я вижу человека, в руке которого нож. Длинный, блестящий, сверкающий нож. Этот нож занесен надо мной.

Рванувшись вперед, я выбегаю из коридора. Двор.

Камни. Я падаю на камни. Надо мной синее небо, солнце. Тишина...

Я тотчас понял этот сон. Окна коридора мне дали точный ориентир. Это были огромные светлые окна больницы, видимо, операционной.

Нет сомнения, рука с ножом — рука врача, хирурга.

Неожиданно я вспомнил давний рассказ моей матери. Мать рассказывала об операции, которая была сделана, когда мне было два года. Эта операция была сделана без хлороформа, спешно, неожиданно — начиналось заражение крови.

Я смутно помню этот рассказ. Я запомнил главным образом то, что мать говорила о своем переживании. Она слышала мой ужасный крик. И потеряла сознание.

Вот все, что я запомнил из рассказа матери.

Я стал осматривать свое тело, надеясь найти какой-нибудь шрам, разрез, оставшийся от ножа хирурга.

Я нашел этот шрам. Он был величиной почти в три сантиметра. Должно быть, это был весьма глубокий разрез, если шрам остался на всю жизнь.

Бедный малыш! Можно представить его ужас, когда страшная рука, принесшая ему столь много бед и волнений, вооружилась ножом и стала резать маленькое жалкое тельце. Нет сомнения — эта рука, вернее, обладатель этой руки в своих качествах мог приравниваться к тигру. Это была рука хищника, лапа кровожадного зверя.

Бедный малыш даже не представлял себе, что режут, зачем. Он лежал с задранными кверху ножонками, чувствовал адскую боль и видел руку с ножом — знакомую руку нищего, вора, хищника, убийцы.

Какое поразительное роковое совпадение!

Какое утверждение травмы! Какая психическая кастрация! Какой в дальнейшем бурный ответ мог происходить при столкновении с условным раздражителем!

Но только ли такой бурный ответ мог возникнуть при столкновении со вторым условным раздражителем — рукой? Нет. В равной мере такой ответ мог возникать при столкновении с третьим условным раздражителем. Этим третьим раздражителем являлась грудь. Грудь матери. Грудь, которая соединялась условной нервной связью с рукой.

Я снова вспомнил принцип условных рефлексов. Один раздражитель, условно связанный с другим (даже и при отсутствии второго), создавал два очага возбуждения, рав-

ных по силе, ибо между двумя очагами имелась условная нервная связь.

Стало быть, увиденная грудь создавала у младенца второй очаг возбуждения, тот очаг, который возникал при виде руки — руки вора, нищего, хищника, убийцы.

Какая страшная картина открывалась передо мной! Какая жалкая жизнь предназначалась ребенку, юноше, мужчине! Какой характер и какое поведение было предопределено.

4

Я стал вспоминать рассказы моей матери. Она не раз говорила мне о моем детстве, младенчестве. Она всякий раз улыбалась, рассказывая о том, какой я был трудный, сложный и капризный ребенок.

Еще бы! Адский конфликт присутствовал чуть не с первых дней моей жизни. Я должен был отказаться от груди, бросить питание, чтоб не испытывать этот постоянный страх, постоянное волнение. Но я не мог этого сделать. Я не мог отказаться от питания. Даже испытывая ужас, я не смел отказаться от груди. Мать, улыбаясь, говорила, что бросила меня кормить грудью, когда мне было два года и два месяца.

— Это было уже неприлично,— улыбаясь, говорила мать.— Ты уже ходил, бегал, лепетал наизусть стишки. Тем не менее ни за что не хотел бросить грудь.

Мать смазывала сосок хиной, чтоб я получил наконец отвращение к этому способу еды. Содрогаясь от отвращения и от ужаса, что грудь таит в себе новые беды,— я продолжал кормиться.

Это было понятно. Это была борьба. Она разгоралась тем сильнее, чем больше было возможности потерять то, что я защищал.

Моя бедная мать, улыбаясь, рассказывала мне о моем детстве. Но она всякий раз переставала смеяться, когда речь заходила о моих некоторых странностях.

Я не мог заснуть, если лежал в постели с матерью. Я засыпал тогда, когда был в постели один. Причем засыпал только в полной темноте. Даже свет лампадки меня раздражал. Мою кроватку завешивали одеялами.

Припоминая эти странности, мать говорила, что все это, вероятно, возникло из-за нее. Когда она меня кормила грудью, она однажды испытала необыкновенный страх, необыкновенное волнение, тревогу.

Быть может, эти чувства, говорила мать, «я всосал с ее молоком».

Летом были ужасные грозы. Эти грозы, говорила она, были почти каждый день. И вот однажды разразилась сильнейшая гроза. Молния ударила во двор нашей дачи. Была убита корова. Загорелся сарай.

Ужасный гром потряс всю нашу дачу. Это совпало с тем моментом, когда мать начала кормить меня грудью. Удар грома был так силен и неожидан, что мать, потеряв на минуту сознание, выпустила меня из рук. Я упал на постель. Но упал неловко. Повредил руку. Мать тотчас пришла в себя. Но всю ночь она не могла меня успокоить.

Можно представить новое переживание несчастного малыша. Удар грома произошел, быть может, в тот момент, когда ребенок взял сосок в свои губы. Вероятно, не без опаски ребенок прикоснулся к груди — ведь она таит в себе такие опасности: может прийти рука, может взять, унести, наказать... И вдруг адский удар грома, падение, бесчувственное тело матери. Какое новое доказательство опасности груди!

Что такое гром, гроза — это было непонятно младенцу. Ведь он впервые знакомился с миром, впервые сталкивался с вещами. Этот гром мог произойти оттого, что губы прикоснулись к груди. Кто докажет ему противное?

Мать говорила, что все лето продолжались грозы. Стало быть, удары грома могли несколько раз совпасть с моментом кормления младенца. Стало быть, условный рефлекс мог без труда утвердиться в чувствительной психике младенца, в той психике, которая уже была подготовлена к новым бедам от руки и груди.

5

Я слышал по ночам рев тигра. Этот рев напоминал отдаленные раскаты грома. Быть может, эти громовые раскаты являлись отзвуком грозы, грома, удара. Быть может, они фантастическим образом соединились с грудью матери и придали этому объекту новые необыкновенные свойства.

Пусть не улыбается читатель на эти мысли. Ведь речь идет о младенце. Речь идет о начале его жизни, когда еще отсутствует свет разума, когда нет логики, нет сознания. Речь идет о маленьком животном, которое знакомится

с окружающим миром, с этим страшным миром, где на каждом шагу нужно защищаться от опасностей.

Символический образ тигра как бы соединил в себе эти опасности.

Рев тигра или льва, когда-нибудь услышанный ребенком в зоологическом саду, довершил этот символический образ.

Я открыл свои записные книжки с расчетом найти в них соответствующие записи, с надеждой увидеть следы нового поединка — борьбы с хищниками путем знаний, кои были в соответствии с моим умственным развитием.

Однако в записных книжках никаких сведений о тиграх я не обнаружил.

Ну что ж! Я в жизни не сталкивался с тиграми. Я видел их только в клетках. Я был в безопасности от них. И тут не было резона защищаться путем знаний.

Но вот, разыскивая в своих записных книжках сведения о тиграх, я натолкнулся на целую серию однообразных записей.

Эти записи крайне удивили меня. Они были медицинского характера и касались главным образом паралича, удара, кровоизлияния в мозг.

В моих записных книжках было много медицинских справок, но справки об ударах повторялись необыкновенно часто. Тут были объяснения причин, перечисления симптомов, способы лечения и профилактики.

Было похоже на то, что я опасался удара. Но я не полнокровен. Скорее сухощав. И молод. Казалось бы, мне нечего было страшиться столь печального конца.

И вот, задумавшись о причинах моей осторожности, я неожиданно ассоциировал эту болезнь — удар, паралич, кровоизлияние — с ударом молнии, грома, с тем ударом, которым я был когда-то устрашен.

Неужели же это тот забытый удар грома? Неужели вместе с моим развитием он претерпел такие изменения и выродился в новое пугало?

Но ведь удар грома был связан с грудью моей матери.

Неожиданно я вспомнил свою книгу «Возвращенная молодость». Я писал ее еще слепой рукой. Я тогда еще не понимал многого. Мои поиски тогда были направлены главным образом на сознание. Я слишком мало уделял внимания тому, что было за порогом сознания.

Что же водило мою руку в той книге? Несомненно, страх.

Эта книга была оборонительной. Я защищался от опасностей. Я приводил доказательства опасностей и указывал, как бороться с ними.

Стареющий профессор в этой повести женится на молодой девушке. Именно по этой причине профессора разбивает паралич. С ним происходит удар, кровоизлияние в мозг.

Стало быть, эта мысль — удар — неотступно следовала за мной. И я доказывал ее состоятельность. Стало быть, нервные связи по-прежнему условно соединяли два объекта устрашения.

Я не стал пока распутывать всю цепь мыслей вокруг этих «больных» предметов. Но мне стало совершенно очевидно, что четвертый условный раздражитель в сложной комбинации моего психоневроза несомненно был — удар, гром, выстрел.

6

Итак, несчастное происшествие найдено.

Маленькое бездумное существо, знакомясь с окружающим миром, ошиблось, восприняв опасными те вещи, кои не были опасны.

Вода и рука стали предметом устрашения.

Грудь и в равной мере еда стали доставлять ребенку волнение, страх, иногда ужас.

Конфликт возник на пороге младенческой жизни.

Поразительное стечение обстоятельств увеличило этот конфликт, подтвердило правильность страхов. Чувствительная психика младенца доказала их условную состоятельность.

Тигр стал символом опасности.

Между силой раздражения и ответом возникла, казалось, непонятная пропасть. Тем более непонятная, ибо в самом ответе лежало противоречие — отказ и одновременно стремление, страх и любовь, бегство и защита.

Четыре весьма условных раздражителя стали сопровождать ребенка по шатким путям его жизни.

Они действовали на младенца с огромной, подавляющей силой, ибо нередко они действовали сообща, почти одновременно, тесно увязанные между собой условными временными связями.

Временные связи! Да, они были бы временными, если б они возникли в примитивной психике собаки. Вероятно,

они были бы разорваны и погасли, если б ум оставался неизменным. Но ум изменялся, росло сознание, и вместе с этим изменялись и перестраивались доказательства опасности. Взаимодействие было тесным — доказательства были также весьма условные.

Однако, казалось бы, что эта рука могла быть пугалом только лишь в детском возрасте. Нет! Образное мышление возвысило эту руку до символа. Рука стала карающей рукой, воображаемой, символической.

Этот символ был вровень умственному развитию человека.

За что же стала карать эта рука?

Она стала карать именно за то, за что карала она в младенческой жизни,— за еду, грудь.

Условные доказательства — подлинные, логичные и вместе с тем условные — всюду следовали за едой!

Когда-то мать смазала сосок хиной, чтоб ребенок не стремился к груди. Еда показалась отравой, ядом. Это подтвердилось. Еда нередко несла отраву, боль, болезни.

Когда-то гром, удар, совпал с кормлением. И это имело подтверждение. Еда создает полнокровие — способствует удару, кровоизлиянию в мозг.

Значит, надо избегать еды. Но избегать ее нельзя. Тогда смерть.

В таком случае как же надо поступать? Надо есть и страдать за еду. Должно быть, это норма.

Я вспомнил, как я ел. Почти всегда стоя, крайне торопливо (могут отнять), небрежно, без интереса. Я ожидал за еду расплаты, и она являлась, эта расплата,— болезни, спазмы, тошнота.

Я глотал порошки, чтоб нейтрализовать эту опасность от еды. Мне казалось — наука, медицина избавят меня от этой опасности.

В огромном количестве я поглощал лекарства, отравляя себя этим еще больше.

Однако финал был печальный, гибельный. Я перестал есть. Должно быть, обилие условных доказательств уверило меня в смертельной опасности еды.

Этот отказ от еды дважды возникал в моей жизни. И я не понимал, откуда он происходит. И только теперь картина становилась ясной, отчетливой, страшной. Условные нервные связи действовали с нарастающей силой.

7

Карающая рука наказывала за еду. Но грудь матери была едой только лишь в младенческом возрасте. В дальнейшем грудь матери стала олицетворять женщину, любовь, сексуальность.

Значит, и за образом женщины мне рисовалась карающая рука? Значит, в одинаковой мере я должен был страшиться женщины, избегать ее, ждать расплаты, наказания?

С трепетом я перелистал свои воспоминания. С трепетом вспомнил мою юношескую жизнь. Мои первые шаги. Мои первые любовные встречи. Да, нет сомнения — я избегал женщины. Я избегал и одновременно стремился к ней. Я стремился к ней, чтобы бежать от нее, устрашенный ожидаемой расплатой.

Сцены из младенческой жизни разыгрывались в мои взрослые годы.

Но ведь я не всегда избегал? Да, не всегда. Не каждая женщина страшила меня. Меня страшило то, что страшило младенца.

Но чего именно я страшился, будучи взрослым? Какой расплаты я ждал? Какие огорчения сулила мне женщина?

Я вспомнил сцену убийства, виденную мной в детстве («Выстрел»). Муж застрелил любовника своей жены. Карающая рука, вооруженная громом, ударом, выстрелом, расплатилась за женщину, которая почти нагая прибежала к нам на веранду.

Разве это не доказательство опасности женщины? Разве не следует за ней по пятам выстрел, удар, нож? Женщина — это любовь. Любовь — это опасность.

Я вспомнил девушку, которая бросилась в воду из-за любви. Я вспомнил дядю Георгия, который заболел чахоткой из-за того, что он (мама сказала) любил много женщин.

Я вспомнил книги, в которых описывались убийства из-за любви, ужасные казни, отравления, поединки.

Условные доказательства смертельной опасности всюду следовали за любовью, за женщиной.

Карающая рука — мужа, брата, отца — сопровождала этот образ.

Выстрел, удар, чахотка, болезни, трагедии — вот расплата за любовь, за женщину, за то, что не позволено.

Нечто подлинное присутствовало в этих доказательствах. Логика не была поколеблена. Условность казалась

истиной. Тем не менее восприятие было болезненным, условным. Сила ощущения и сила ответа не соответствовали раздражению.

Необычайная картина стала раскрываться перед моим взором.

В одно мгновение я вдруг понял все, чего не понимал. В одно мгновение увидел себя таким, каким я был,— темным маленьким дикарем, устрашенным каждой тенью. Затаив дыхание, озираясь, прислушиваясь к рычанию тигров, я шел и бежал сквозь заросли леса. И что могло быть у меня в сердце, кроме тоски и усталости!

Нет, меня не взволновало то, что я вдруг увидел, понял. Меня это ужаснуло, потрясло, ввергло в отчаяние.

Я вспомнил чьи-то слова: «О мои горькие опыты! И зачем я захотел все знать! Вот теперь я не умру так спокойно, как надеялся».

Но это была минутная слабость, минутное отчаяние. Оно возникло от стыда, что я раньше ничего не знал, что я раньше не догадывался — какая чушь, какой вздор сжимает меня в своих объятьях.

С холодным рассудком я продолжал додумывать тягостные последствия моего несчастного происшествия.

8

Я вспомнил историю о том, как впервые у меня возник сердечный припадок («Финал»). Что произошло тогда? Была вечеринка, банкет. Сестра милосердия Клава повела меня в свою комнату. Мы там целовались. Потом я уехал в деревню, в полк. Лег в постель под утро, часов, вероятно, в пять. А в шесть часов первые бомбы упали на деревню.

Я с точностью помню. Я засыпал с воспоминаниями об этой женщине. И едва я заснул, как страшный взрыв бомбы потряс дом.

Мой мозг, быть может, в то утро ослабленный алкоголем, воспринял этот удар как должное. Ожили давние инфантильные представления. Надо было избегнуть дальнейших «ударов», дальнейших встреч с этой женщиной.

Я почувствовал себя плохо. Я стал задыхаться. Ответ организма был невротическим, бурным. И вместе с тем целесообразным — я покинул «опасные» места, разорвал опасную связь.

Нет, долг и совесть не были забыты. Я уехал, чтоб

вылечить сердце, чтоб снова вернуться в строй. Я уехал именно с этим твердым намерением.

Я вспомнил историю о том, как я заболел в последний раз («В Туапсе»).

Что случилось тогда? Я сидел в шезлонге на палубе теплохода. Я прекрасно себя чувствовал. Я с радостью думал о том, что встречу в Москве друзей и женщину, которая любила меня и которая мне нравилась.

Я с точностью вспомнил, как не без огорчения я подумал об ее муже. Я симпатизировал ему. И мне было совестно его обманывать. Он очень любил меня. Он был очень добр ко мне. Казалось, он даже снисходительно относился к моему «роману» с его женой. Что же в этом случае устрашило меня? Маленький револьвер, который был на его поясе? Ни разу такая мысль не мелькала в моей голове. Но, может быть, она возникла в темных подвалах моей психики?

Я сидел в шезлонге и любовался морем. Я пристально смотрел на поверхность воды. Быть может, за порогом сознания возникли давние ассоциации, давние связи с водой, рукой, женщиной.

В жалкой гостинице Туапсе я валялся на полу. Я с точностью помню, как я встал с постели и перешел на пол. Я перешел в тот момент, когда раздался удар грома и началась гроза. Быть может, я хотел избежать кровати, на которой когда-то разыгралась младенческая драма? Иначе ничем не объяснить этот дикий, нелепый переход. Не разрывая связей, я уходил от этих связей, бежал от них.

9

Значит, младенческие сцены разыгрывались с той огромной силой, какая может поражать. Но ведь я же был в полном сознании? Да, я был в полном сознании. Но мое сознание не знало, откуда возникают беды. Оно не корректировало поступков, ибо не понимало их. Я был в полном подчинении у своих страхов, о присутствии которых я не имел понятия. Мое сознание не видело этих страхов. Оно лишь видело искаженные симптомы этих страхов. Они казались болезнью, симптомами тех болезней, которые я терпел.

Этот болезненный ответ возник тогда с такой бурной силой, ибо все четыре раздражителя предстали передо мной почти одновременно.

В этом ответе лежала целесообразность. Я хотел из Туапсе выехать в Москву, но мое тяжелое состояние и в особенности сердечные припадки преградили путь[1] Я отказался от поездки в Москву. Я вернулся домой.

Это было бегство — самый простой, вульгарный оборонный рефлекс.

Это было бегство и притворство.

Но я, повторяю, не всякий раз бежал и не всякий раз притворялся больным. Я бежал и притворялся только тогда, когда в той или иной степени сталкивался с «больными» предметами.

Я вспомнил один удивительный случай. Даже теперь, пятнадцать лет спустя, краска заливает мое лицо.

Я шел под руку с одной женщиной. В Петергофе. Мы вышли к морю. Неожиданно я почувствовал себя плохо. Казалось — сердце останавливается. Я стал задыхаться.

Моя спутница была напугана силой моего припадка. Она хотела мне помочь. Но я просил ее уйти, оставить меня одного, говоря, что мне обычно легче, когда я остаюсь один. Не без обиды она ушла и спустя два дня с необычайной жестокостью сказала мне, что я нарочно разыграл сердечный припадок, чтобы расстаться с ней, чтоб бросить ее.

Я был возмущен, поражен ее низостью. Я поссорился с ней.

И вот только теперь я понял, что она была права.

Нет сомнения, я «разыграл» этот припадок, притворился больным. Но я понятия не имел, что это так.

Я вспоминаю Надю В., о которой так много писал в своих воспоминаниях.

В дальнейшем, когда все было распутано, я с точностью выяснил источник моего сердечного невроза. Этот невроз имел уже солидную давность. Он существовал с благословения врачей, которые лечили его микстурами и гидротерапией. Я покорно нес эту хроническую болезнь. И даже привык к ней

И вот, когда все было распутано, когда страхи стали постепенно покидать меня, я проследил однажды за течением сердечного припадка. Не подавляя его, не прибегая к лекарствам, я позволил ему возникнуть и действовать в той степени, какая раньше всегда страшила меня. Но теперь я контролировал и возникновение, и весь процесс и с удивлением обнаружил, что привычные симптомы со стороны сердца происходят от спазм желудка и кишечника. Эти спазмы не достигали значительной силы, но они давили на диафрагму, и явления со стороны сердца были результатом этого давления. Стало быть, снова за этим припадком лежал страх. И болезненные симптомы были простейшими симптомами страха. Развенчав этот страх, я убрал тяжелый хронический невроз сердца с той легкостью, как если бы его и вовсе не было.

Значит, я бежал и от нее? Этого не может быть. Я ее любил. Это вздор.

Нет, это не было вздором. Я действительно бежал от нее.

Но почему? Только лишь потому, что она была женственна и этим напоминала мне мою мать? Но ведь она вовсе не была похожа на мою мать. В ее облике не было никакого сходства. Ну что ж. Я и не страшился образа моей матери. Я страшился лишь того, что было связано с рукой и громом.

10

Нет, я не в силах больше описывать мою жизнь. И не только потому, что мне грустно вспоминать об этом. Мне досадно, унизительно признаваться, что такой вздор сжимал меня в своих объятьях.

Я отсылаю читателя к моим скудным воспоминаниям. К моим маленьким рассказам о моей жизни. Теперь эти рассказы освещены иным светом. Теперь в них можно увидеть почти все.

В них можно увидеть четыре условных раздражителя, кои действовали на меня с огромной подавляющей силой.

В них можно увидеть мой неосознанный страх. Можно увидеть защиту, притворство, бегство. И ту горечь, которой была омрачена моя жизнь.

И то отношение к женщинам, которое было ими не заслужено.

Какую горькую и печальную жизнь я испытал!

Какое закрытое сердце надо было раскрыть заново!

IX. ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Страшишься ты раздвоенного жала
Ничтожного червя...

1

Значит, это был сексуальный психоневроз?

Нет, это не был сексуальный психоневроз, но в сложную комбинацию психоневроза вошли и сексуальные мотивы. Однако они вошли тогда и в той степени, как это соответствовало росту и развитию человека.

В первоисточнике психоневроза эти сексуальные мотивы отсутствовали.

Мы видели, как возникали механизмы психоневроза. Они возникали по принципу условных рефлексов. Условные нервные связи соединяли четыре «больных предмета». Одним из этих «предметов» была грудь матери. Но это была грудь — питание, еда. Этот объект был увязан с чувством голода, а не эроса. Потеря объекта, казалось, несет гибель, уничтожение младенцу. Борьба и душевный конфликт не выходили за пределы инстинкта самосохранения.

Фрейд считает, что все наши импульсы сводятся к сексуальным влечениям, что в основе наших чувств, и даже в основе чувств младенца, лежит эрос. Но данный пример говорит иное. В механизмах этого психоневроза отсутствует сексуальное. И только лишь дальнейшее развитие ребенка внесло этот мотив.

Пусть этот мотив возник в самом крайнем детстве, но в момент возникновения условных механизмов его не было.

Даже если допустить, что, кроме чувства голода, кроме радости утоления его, младенец испытывает еще то неопределенное ликование и ту радость, потеря которых есть в дальнейшем потеря эроса, потеря либидо, как это называет Фрейд, то даже и эта потеря не характеризует еще возникновение психоневроза.

Не от страха кастрации происходит потеря либидо, потеря радости и ликования. Любой страх способствует кастрации.

Страх и душевный конфликт ребенка возникли на основе более грубых, материальных, вещественных причин. Предметы, в условном значении которых младенец ошибся,— вот что явилось источником психоневроза и вот что создало страх и потерю радости.

Радость утоления голода стала сопровождаться страхом. Условные нервные связи соединили эту радость с бедой. Именно эта условная связь уничтожала радость и несла кастрацию.

Чувство голода и страх потерять питание — вот что за порогом сознания нашло живейший отклик и весьма подготовленную почву.

Наш бессознательный мир сформирован не только биологической сущностью. Нет сомнения, этот мир постоянно испытывал и испытывает иные давления, давления извне. Борьба за существование, добывание пищи, труд — вот что с огромной силой влияет на подсознание.

Именно в этой области возникают страхи — страх потерять питание, страх погибнуть, страх лишиться еды, работы.

Стало быть, далеко не все наши импульсы сводятся к сексуальным влечениям. Страхи, возникшие на основе социальных мотивов, не менее действенны. Они могут иной раз даже главенствовать в глубинах нашего подсознания. И, уж во всяком случае, они в большей степени подготовляют почву болезненным представлениям.

Бессознательный мир — это более обширный и более разнообразный мир, чем тот мир, который можно вообразить, имея в виду только лишь сексуальные импульсы. Нет сомнения, в этом мире с огромной силой действуют и сексуальные мотивы. Но они далеко не единственны. И патологические торможения в сексуальной сфере являются лишь составной частью патологических торможений, характеризующих психоневроз.

Механизмы головного мозга, открытые Павловым, подтверждают это с математической точностью.

2

Не учитывая законов условных рефлексов, нельзя обнаружить и точных причин нервных страданий.

Не учитывая возникших механизмов, Фрейд и в норме, и в патологии видел действие иных сил — конфликт высшего с низшим, столкновение атавистических влечений с чувством современного цивилизованного человека.

В запрете этих влечений Фрейд увидел причину психоневроза.

Но ведь запрет этих животных влечений и вся борьба в этой сфере есть всего лишь нравственная категория. Она должна вести теорию к поискам нравственных страданий.

Именно так и получилось. И больше того. Столкнувшись с иными силами не сексуального порядка, теория стала подчинять эти силы силам сексуального характера. Даже в чувстве голода теория увидела эрос. В страхе потерять питание теория обнаружила страх кастрации.

Теория вынуждена была это сделать. Иначе «не сходились концы», не оправдывалась основная идеалистическая формулировка.

Теория замкнулась в поисках сексуальных страданий. Я вовсе не отвергаю их огромную силу, их значение и действенность в течении психоневроза. Я подозреваю максимум бед за этими силами. Но было бы неверно увидеть всю беду только в этом.

С этой ошибкой я столкнулся на первом же практиче-

ском уроке. Я рассказал читателю (V глава «Перед восходом солнца») о том, как врач-фрейдист разъяснил мой первый сон.

Врач не понял значения руки, которую ребенок увидел во сне. Ему показалось, что ребенок ассоциировал эту руку с хоботом слона. И что хобот — это фаллос.

Рука нищего, рука вора, отнимающая питание, лапа хищника, зверя, тигра превратилась в сказочный атрибут, вовсе не опасный, не страшный и, уж во всяком случае, не понятный младенцу.

Этот пример говорит о том, как теория пробует все подчинить сексуальному. Ошибка обнаруживается здесь с поразительной ясностью.

Но ведь практика утверждает, что психоанализ по методу Фрейда излечивает. Нет сомнения — может излечивать. Всякое знание в этой области, любой, даже приблизительный, контроль разума над низшими силами приносит облегчение.

Свет логики изгоняет или оттесняет эти силы.

Психоанализ Фрейда, столь тщательно разработанный, должен излечивать в тех случаях, когда имеют место сексуальные раздражители. Вернее, в тех случаях, когда первоначальные условные раздражители превратились в условные сексуальные раздражители.

Но можно подозревать, что это излечение не будет полным, вернее, окончательным. Ибо врач и больной все время сталкиваются с нравственными категориями и сквозь них не видят механизмов, которые нужно исправить. Не видят нервных связей, которые нужно разорвать.

Эти условные нервные связи продолжают существовать и действовать. Это сулит возврат к болезни и, видимо, огромную сопротивляемость.

Вся суть излечения состоит в том, чтобы найти эти связи и разорвать их, разъединить объекты устрашения, показать их истинную ничтожную сущность.

3

Итак, за порогом сознания оказался обширный малоисследованный мир, низший мир, мир животного.

Первые впечатления младенца с огромной силой вошли и задержались в нем. Они оказались ошибочными, неверными. И в силу этого они определили болезнь, создали

конфликт, затормозили развитие и усложнили поведение и характер.

Умственное развитие не исправило ошибок. Напротив, оно усугубило их, доказало логичность и возвело «больные» предметы в символы.

Условные связи продолжали существовать. Условные доказательства — ложные и подлинные — продолжали питать и укреплять нервные связи.

Это была болезнь, болезнь против логики, против здравого смысла. Это был психоневроз, обнаружить который поначалу было не так-то просто.

Поведение человека в основном оставалось разумным. Поступки ничем не отличались от поступков нормального здорового человека. Силы иного порядка — общественные, социальные — воздействовали в первую очередь и определяли характер поведения. И только иной раз в поступках обнаруживалось какое-то «чудачество», какая-то странность.

Это чудачество в особенности было заметным в мелочах повседневной жизни.

На кровати было удобней спать, но я чаще спал на диване.

Удобней было есть за столом. Но я ел стоя, торопливо, иной раз на ходу. Стоя и торопливо мылся в ванне. Тщательно закрывал двери моей комнаты, страшась неизвестно чего.

Я делал десятки странных поступков. Они казались вздорными, нелогичными. Но в них была своя железная логика, логика человека, который желает избежать встречи с «больными» предметами. Только лишь в этих встречах можно было обнаружить болезнь.

Быть может, в дальнейшем по странным поступкам человека, по его чудачествам врачи будут восстанавливать картину его болезни, будут находить истоки его бреда. Быть может, это будет проще, чем искать причину в снах. Ибо все поступки «чудака» инфантильны и они почти в точности воспроизводят сцены из младенческой жизни.

Был период, когда меня страшила улица. Я стал избегать ее. Перестал ходить пешком. Поначалу это казалось чудачеством. Однако за этим чудачеством лежала «целесообразность». Дома меньше опасности. На улице — коровы, собаки, мальчишки, которые могут побить. На улице можно заблудиться. Можно потеряться, исчезнуть. Могут украсть цыгане, трубочисты. Могут задавить экипа-

жи, машины. Вне дома — вода, женщина, война, газы, бомбы, самолеты...

Нервные связи соединяли улицу с десятками бед.

Условные доказательства опасности улицы были многочисленны. Улица и опасность стали тождественны. Связь между ними неразрывна. Обилие доказательств привело к финалу — страх и желание избежать улицы. Именно на улице я впервые испытал страх.

4

Женщина в одинаковой мере, как и улица, несла с собой доказательства опасности. Условные нервные связи соединяли женщину с множеством бед.

Борьба и противоречия в области чувств были здесь еще более велики. Но и борьба, и противоречия отнюдь не шли по нравственным путям.

Фрейд считает, что в женщине мы видим обычно мать или сестру. И вот причина запретов и торможения. Цивилизация и мораль — вот, дескать, беды, которые приводят человека к страданиям. Нет сомнения, что первые впечатления ребенка, первые возникшие ощущения могут относиться к матери и сестре. Это естественно. Но конфликт создает не только эта нравственная категория и не только страх наказания, конфликт возникает при встрече с «больными» предметами. «Больные» предметы отождествляют мать и в дальнейшем женщину. Не эрос и в связи с этим нравственная борьба несет торможение. Торможение возникает от страха, который условно связан с «больными» предметами[1]

Не эдипов комплекс, а нечто более простое и примитивное присутствует в наших бессознательных решениях.

Нет сомнения — нравственная борьба существует, и она может быть велика, но не она создает болезненный конфликт, не только она определяет характер болезни, характер поведения.

Условные связи и условные доказательства опасности — вот что определяет дело. Обилие и точность условных доказательств — вот что создает и усугубляет болезнь.

---

[1] Это наименование — «больные» предметы — я взял у Дюбуа. «Больными» предметами я называю такие предметы, которые произвели на младенца болезненные впечатления, с которыми была условно связана какая-либо беда, боль, травма.

Причем, достигая максимума, эти доказательства заставляют полностью отказаться от встречи с «больными» вещами.

Вот почему катастрофа чаще всего происходит не в юношеские годы, она происходит в зрелом возрасте — в 35—40 лет. До этого человек как-то обходится, маневрирует, избегая «больных» предметов. Они еще не в полной мере устрашили его.

Но обилие «доказательств» лишает последних надежд.

Как известь при склерозе откладывается в наших артериях и ломает их, так и эти доказательства, откладываясь и нагромождаясь в нашей психике, устрашают нас, изолируют от жизни, омертвляют ткани, кастрируют и ведут к гибели.

Вот где, быть может, одна из причин раннего увядания, ранней смерти, дряхлости.

5

Нет сомнения, это был весьма тяжелый случай психоневроза. Задеты были главные артерии, по которым струилась жизнь.

Еда и любовь, вода и карающая рука предопределяли печальнейший финал. Гибель была неизбежна. Гибель от голода, страха и, может быть, даже от жажды. Страх наказания и мания преследования могли иметь место в финале.

Этот финал легко было назвать психической болезнью. Между тем это был всего лишь бурный ответ (верней, комплекс ответов) на условные раздражители. Причем ответ целесообразный с точки зрения бессознательной животной психики. В основе этого ответа лежал оборонный рефлекс. В основе ответа была защита от опасности, страх животного, страх младенца.

Разум не контролировал этот ответ. Логика была нарушена. И страх действовал в губительной степени.

Этот страх цепко держал меня в своих объятьях. И он не сразу оставил меня. Он сжимал меня тем сильнее, чем глубже я проникал в тот поразительный мир, законы которого я так долго не мог понять.

Но я проник за порог этого мира. Свет моего разума осветил ужасные трущобы, где таились страхи, где находили себе пристанище варварские силы, столь омрачавшие мою жизнь.

Эти силы не отступали, когда я вплотную подошел к ним. Они приняли бой. Но этот бой был уже неравный.

Я раньше терпел поражения в темноте, не зная, с кем я борюсь, не понимая, как я должен бороться. Но теперь, когда солнце осветило место поединка, я увидел жалкую и варварскую морду моего врага. Я увидел наивные его уловки. Я услышал воинственные его крики, которые меня так устрашали раньше. Но теперь, когда я научился языку врага, эти крики перестали меня страшить.

И тогда шаг за шагом я стал теснить моего противника. И он, отступая, находил в себе силы бороться, делал судорожные попытки остаться, жить, действовать.

Однако мое сознание контролировало его действия. Уже с легкостью я парировал его удары. Уже с улыбкой я встречал его сопротивление.

И тогда объятья страха стали ослабевать. И наконец прекратились. Враг бежал.

Но чего стоила мне эта борьба!

С распоротым брюхом я валялся в постели. Мое оружие — бумага и карандаш — лежали рядом со мной. И у меня иной раз не было даже силы поднять мою руку, чтобы взять их снова.

Казалось, жизнь оставляет меня.

Как сказано у Гете:

> Кто хочет что-нибудь живое изучить,
> Всегда его сперва он убивает.

Я был убит, растерзан, искромсан, с тем чтобы снова возникнуть из праха.

Я лежал почти бездыханный, ожидая, что вот еще раз вернется мой противник и тогда все будет кончено. Но он не вернулся.

По временам появлялись привычные симптомы, но они не сопровождались страхом.

Жизнь стала возвращаться ко мне. И она возвращалась с такой быстротой и с такой силой, что я был поражен и даже растерян.

Я поднялся с постели уже не тем, кем я был. Необыкновенно здоровый, сильный, с огромной радостью в сердце я встал с моей постели.

Каждый час, каждая минута моей жизни наполнялись каким-то восторгом, счастьем, ликованием.

Я не знал этого раньше.

Моя голова стала необыкновенно ясной, сердце было раскрыто, воля свободна.

Почти потрясенный, я следил за каждым моим движением, поступком, желанием. Все было крайне ново, удивительно, странно.

Я впервые почувствовал вкус еды, запах хлеба. Я впервые понял, что такое сон, спокойствие, отдых.

Я почти заметался, не зная, куда мне девать мои варварские силы, столь непривычные для меня, столь не скованные цепями.

Как танк двинулся я по полям моей жизни, с легкостью преодолевая все препятствия, все преграды.

Я чуть было не натворил много бед, не соразмеряя своих новых шагов и поступков.

И тогда я задумался над своей новой жизнью. И она показалась мне не столь привлекательной, как вначале. Мне показалось, что я стал людям приносить больше горя, чем раньше, когда я был скованный, слабый. Да, это было так

И новая печаль мне сжала грудь —
Мне стало жаль моих покинутых цепей.

Передо мной был выбор — вернуться назад, не закрепив завоеванного, или идти дальше. Или отдать свои новые силы искусству — тому, чем я раньше был занят по необходимости, не умея в полной мере реализовать своих чувств иначе как на бумаге.

Но теперь мой разум был свободен. Я волен был распоряжаться как хочу.

Я вновь взял то, что держал в своих руках,— искусство. Но я взял его уже не дрожащими руками, и не с отчаянием в сердце, и не с печалью во взоре.

Необыкновенная дорога расстилалась передо мной. По ней я иду вот уже много лет. И много лет я не знаю, что такое хандра, меланхолия, тоска. Я забыл, какого они цвета.

Оговорюсь — я не испытываю беспричинной тоски. Но что такое дурное настроение, я, конечно, и теперь знаю — оно зависит от причин, возникающих извне.

6

Однако отчего же пришло излечение? Какие механизмы были исправлены? Почему давние страхи простились с моей особой?

Они простились со мной только лишь потому, что свет моего разума осветил нелогичность их существования.

Эти страхи были увязаны с теми объектами, кои не были опасны в той мере, как это воспринял младенец.

Разорвать эту условную, неверную, нелогичную связь — вот в чем была задача.

Я разорвал эти связи. Разъединил подлинные беды от условных объектов устрашения. Придал этим объектам устрашения их истинное значение. И в этом и заключалось излечение. Отсутствие логики лечилось логикой.

Однако разорвать эти условные нервные связи не всегда было простым делом. Некоторые связи были необычайно сложны, запутанны, противоречивы. Кое-что было столь абсурдным, даже комичным, что, казалось, не может иметь значения. Но тут всякий раз нужно было учитывать позицию младенца, нужно было видеть его глазами, мыслить его образами, страшиться его страхами.

Гром, вода и рука варьировались на разные лады. Нервные связи от этих предметов иной раз тянулись к другим объектам. Воображаемые опасности от этих объектов были иной раз смехотворны. И тем не менее, несмотря на смехотворность этих опасностей, страхи уживались и действовали на протяжении всей жизни.

Карающая рука в равной мере относилась и к еде, и к женщине, и к работе. И ко всему моему поведению. Удар, выстрел, кровоизлияние в мозг — вот ожидаемая расплата. И сила ощущения здесь явно не соответствовала раздражению.

Я рассказывал сон о том, как вода заполнила однажды мою комнату, о том, как она выступила из всех щелей пола и стала подниматься и для меня возникла угроза гибели. Даже и в этом нелепом сне надлежало увидеть страх младенца и последствия этого страха, его условную символику.

Я не считаю возможным перечислять здесь все, с чем я столкнулся. Эта книга — не лечебник. Помимо того, имеется обширная литература по психоанализу. И подобные случаи, несмотря на ошибочный вывод, перечислены Фрейдом с исчерпывающей точностью.

Однако в отношении условных связей необходимо сказать следующее.

Разрывая эти условные нервные связи, я всякий раз поражался, недоумевал — как они могли существовать, как могли они действовать. Но они действовали, и в той степени, в какой это было губительно для существования. И тут всякий раз нужен был «разговор с собакой», чтоб уничтожить их.

Я разорвал и уничтожил эти условные связи, принесшие мне столь много бед.

И, разорвав условные связи, я освободился от заторможения, от того патологического заторможения, которое всякий раз возникало при встрече с «больными» предметами.

В основе этого заторможения лежал обыкновенный оборонный рефлекс.

Я не могу сказать, что этот рефлекс исчез полностью. Некоторые симптомы механического порядка остались. Но логика их полностью обезвредила — они перестали сопровождаться страхом. И в силу этого они стали постепенно угасать.

Быть может, для полного их угасания потребуется еще пятнадцать лет. Ну что ж, это в пределах человеческой жизни. Приятно будет умирать с сознанием, что механизмы мозга совершенно обновились.

7

Моему знакомому физиологу я обещал не делать в своей работе никаких обобщений.

Я запомнил предостережение его — ничего не обещать людям.

Ну что ж! Ведь я говорю только лишь о своей жизни, о своих печальных днях и о днях освобождения.

Я не выхожу за пределы моей болезни, которую мне удалось убрать.

Однако нет сомнения, люди, имеющие мои свойства, мою чувствительную психику, могут терпеть подобные же бедствия. И тут, мне думается, можно сделать некоторое обобщение — в пределах тех болезней, которые обобщаются названием «психоневроз».

Однако если наука не согласится со мной или найдет мое обобщение слишком смелым, то я и не буду на нем настаивать.

Значит, подумаю я, моя болезнь была в некотором роде исключительной. И господь бог помог мне унести ноги вопреки существующим правилам, по которым мне надлежало закончить мой бренный земной путь столь плачевным образом.

И еще одно обобщение я вынужден сделать. Законы условных связей относятся ко всем людям. Не в одинаковой

мере, но в той или иной степени они опасны даже и тем людям, кои не имеют моей чувствительной психики.

Эти условные связи опасны всем людям, разум которых не контролирует их. Я вспомнил одну необыкновенную историю. И вслед за ней я вспомнил еще целый ряд историй. И некоторые из них я вам расскажу.

ИСТОРИЯ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ

Равнодушным тоном, не повышая голоса, молодая женщина рассказывает мне о своем горе.

Она хотела иметь ребенка. Она и муж были бы тогда счастливы. Только в ребенке они видят полное воплощение их любви.

Но рок преследует ее. Она беременна в третий раз. И в третий раз ей, видимо, не придется рожать. Беременность проходит крайне неправильно и с такими болезненными явлениями, что врачи снова настаивают на аборте. В третий раз ей придется лечь на операционный стол.

Я смотрю на измученное, необыкновенно усталое лицо молодой женщины. Слезы, вероятно, выплаканы раньше. Осталось равнодушие, покорность, почти безразличие. И только по судорожно сжатым рукам я вижу внутреннее ее смятение, ад и неравную борьбу, которая кончится поражением.

Я немного поражен силой ее горя.

Мне вдруг показалось, что реакция на это горе не соответствует его истинным размерам.

И тогда я спросил женщину — не была ли связана ее первая беременность с каким-нибудь огорчением.

— Нет,— сказала женщина, спокойно посмотрев на меня.

Потом, смутившись и покраснев, женщина сказала:

— Первая беременность? Самая первая? Но ведь она была не теперь, не при муже.

Необыкновенно смущаясь, женщина сказала, что в первый раз она была беременна, когда ей было семнадцать лет. Она была ученицей. Ей пришлось скрывать эту беременность от родителей, от школы. Она скрывала это до последнего месяца. Потом она уехала за город к подруге и там родила мертвого ребенка. Она совсем забыла об этом, и вот почему она сказала, что огорчений не было. Конечно, были. И огромные.

Тотчас все стало ясным. Она скрывала свою беремен-

ность, ужасалась этому, страшилась, отчаивалась. Протест ее был велик, горе необыкновенно. Беременность и горе связались воедино, стали тождественны.

Условный рефлекс остался. Нервные связи не были порваны даже тогда, когда изменилась обстановка. Мозг не отметил перемену в судьбе. Новая беременность вновь была воспринята как горе. Ответ организма был бурным.

Еще ничего я не сказал женщине, но уже сама она вдруг поняла, что с ней. Заламывая руки, она сказала:

— Неужели это так? Неужели это идет оттуда?

Я сказал женщине:

— Да, это так. Вам надо разорвать эти условные связи. Надо разъединить прошлое от настоящего. Надо контролировать свои поступки и свое состояние.

Смятение, а потом торжество я прочитал на лице этой женщины.

Через неделю она мне звонила, что ей лучше. Через месяц она сказала, что ей почти хорошо и она будет рожать ребенка.

Она действительно родила благополучно.

ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Весьма красивый молодой человек вошел в мою комнату.

Он был высокий, здоровый, даже цветущий. Однако в глазах его было что-то удивительно печальное. Какое-то горе я прочел в его взоре. Темные, почти черные тени лежали под глазами.

Он сказал:

— Выслушайте меня. Я знаю, что вы не врач. Но мне почему-то кажется, что вы можете мне помочь.

Со всей откровенностью я сказал, что я сам едва справился со своими бедами и категорически отказываюсь разбираться в чужих недомоганиях.

Тогда он заплакал. Я не преувеличиваю. Слезы обильно потекли из его глаз. И как-то по-детски он стал вытирать их руками.

В этом его жесте было что-то крайне инфантильное, ребяческое. Желая утешить его, я просил рассказать, что с ним.

Обстоятельно он стал рассказывать о своей болезни. У него невроз желудка, и в такой степени, что он вынужден

все больше изолироваться от людей. Он лечится давно, ездит на курорты. Но улучшения нет. Напротив, ему хуже. Он несчастен. Он избегает общества. Он потерял все радости жизни. Тошнота, рвота, спазмы желудка и кишечника — вот его печальный удел.

Я спросил — был ли произведен анализ.

Молодой человек сказал:

— Да. Найдена была излишняя кислотность. Диагноз — невроз желудка в тяжелой форме.

Я спросил:

— Когда усиливаются ваши припадки? При каких обстоятельствах?

— Они усиливаются на людях,— сказал он,— в обществе.

— А дома бывают эти припадки?

— Дома очень редко.

— А когда? Когда вы кого-нибудь ждете? Женщину?

Он молча кивнул головой. И я стал задавать ему вопросы, извинившись, что вмешиваюсь в его интимную жизнь.

Бледнея и краснея, он отвечал.

Потом я стал расспрашивать об его детстве. Он мало помнил о нем. Но вдруг рассказал историю, которую он слышал от своей матери. Мать однажды заснула, когда он был у ее груди. Она очнулась от дремоты, когда ребенок был почти синий. С трудом его вернули к жизни.

Я не стал больше расспрашивать молодого человека. Нервные связи были весьма явственны. Ответ организма был очевиден. Страх и желание избежать гибели лежали в инфантильном ответе. Условные связи не были порваны.

Однако необходим был тщательный последовательный анализ. Я написал записку с моим заключением и направил молодого человека к врачу. К врачу-фрейдисту, ибо врача-павловца не было.

ПРЕСЫЩЕНИЕ

В дни моей юности я встретил одну удивительную женщину.

Она была необыкновенно привлекательной. Но казалось, что она была создана только для любви и ни для чего больше.

Все ее помыслы и намерения были направлены на любовь. Ничто иное ее не интересовало и не трогало. Она была как бы сконцентрирована только лишь в одном направлении.

Нечто бурное было в ее темпераменте. Как метеор она неслась сквозь чужие жизни.

Все мужчины, с которыми она встречалась, были опалены ее страстью.

Некоторые из них погибли из-за любви к ней. Один повесился в подъезде ее дома. Другой стрелял в нее. И она была ранена. Третий едва не задушил ее. Четвертый растратил ради нее огромные деньги и был судим и выслан.

Если бы она была умней, она своим существованием, быть может, сумела бы поколебать мировой порядок.

Несчастный ее муж не имел силы ее бросить. Пораженный, он смотрел на ее связи. Прощал ей все ее прегрешения. Он считал ее необыкновенной, единственной. Он не видел в ее поведении распутства. Он полагал, что это ее норма.

Когда он узнал, что я встречаюсь с ней, он пришел ко мне и молча положил листок бумаги на мой стол — это был список ее любовников. Этим он предостерегал меня от нее. Этим он хотел сохранить ее для себя.

Нет, она не принесла мне несчастья. В те годы, в годы моей меланхолии, казалось, ничто не трогает меня.

Почти равнодушный, я расстался с ней, и она была обижена тем, что я не повесился и даже не поплакал. И даже был, кажется, рад.

Она уехала на Урал. И оттуда на Дальний Восток. И я одиннадцать лет ее не видел.

И вот однажды я встретил ее на улице. Оказывается, она давно уже вернулась в свой родной город. Ну что ж, нет ничего удивительного в том, что я ничего не слышал о ней,—она живет весьма тихо, нигде не бывает. Ей все надоело — и люди, и чувства.

Я внимательно взглянул на нее. Нет, она была попрежнему привлекательна. Ее бурная жизнь не отразилась на ее внешности. Мне даже показалось, что она стала красивей, чем раньше. Но вместе с тем какая чудовищная перемена произошла с ней!

Она стала медлительной, вялой, безразличной. Усталость и апатия были во всем ее облике. Глаза ее были погашены. Но ведь ей тридцать лет. Как это могло случиться?

— Все надоело? — спросил я ее.—Никого не любите?

Пожав плечами, она сказала:

— Никого. Все надоело. Кроме отвращения, я не испытываю никаких чувств.

— Это пресыщение?

— Должно быть,— сказала она. И ее глаза затуманились необыкновенной грустью.

— Что-нибудь случилось, произошло за эти годы?

— Нет,— сказала она.— Ничего не произошло. Все то же самое, что и было...

— Да, но было немало,— сказал я.— Были драмы, скандалы, стрельба, аборты три раза в год...

Усмехнувшись, она сказала:

— Конечно, раз это приносит только огорчения, то на что мне это.

И вдруг в этом ее ответе, сказанном простодушно, необдуманно, я увидел все, увидел причину ее «пресыщения».

Все время и непрестанно ее любовь, ее желания были связаны с несчастьями. Когда-нибудь должен прийти конец? И он пришел. Любовь и несчастье стали тождественны. Условные связи прочно соединили их воедино. Пусть лучше не будет желаний, чем снова беда.

Я снова взглянул на молодую женщину. Я было начал ей говорить о причинах ее несчастья. Но замолчал. И не потому, что она не поняла бы меня. Нет, мне показалось, что ей лучше остаться такой, как сейчас.

Мы стали прощаться. Она протянула свою вялую руку. Безразличным взором скользнула по мне. И, медленно шагая, побрела по улице.

Мне стало жаль ее. Я хотел ей крикнуть, задержать ее, чтоб сказать, что с ней. Но не сделал этого.

Пусть она останется такой, как сейчас,— подумал я.

8

Нет, теперь я добродушно взираю на все, что вокруг меня происходит,—я не имею привычки анализировать чужие поступки и не вижу особой радости разбираться в чужих делах. Я живу так, как надлежит жить человеку,— в меру думая и не делая из своей головы аппарата по розыску чужих бед.

Но первые годы, столкнувшись с этими делами, я наблюдал за людьми с огромным интересом и волнением.

Меня особенно волновали те болезненные «ответы» людей, которые происходили вне контроля разума. Эти ответы были иной раз столь чудовищны и нелепы, что, казалось, непонятно их значение. Но, подумав, я всякий раз убеждался в целесообразности этих ответов. Конечно, с точ-

ки зрения здравого смысла эта целесообразность была нелепой. Но я тотчас находил в ней смысл, если переводил эту нелепость на язык животного или младенца.

В любом невротическом симптоме я находил страх или притворство. В любом поведении невротика и даже иной раз в его смерти было бегство, было желание уйти от «больных» предметов, было бессилие разорвать условные связи.

Я расскажу вам несколько поразительных историй. Они подлинные.

НЕОЖИДАННЫЙ ФИНАЛ

В мою комнату вошла студентка. Она была весьма молодая, миловидная женщина.

Она сдавала последние экзамены. И ей понадобился материал по моей литературе.

Она беседовала со мной, почти не поднимая глаз. Но в конце беседы она осмелела. И даже стала со мной кокетничать.

Уже все было сказано, и надо было уходить, но она не уходила.

Потом она ушла, взяв разрешение прийти завтра, чтобы посоветоваться о своей работе.

Она пришла на другой день. И была немного печальна. Она стала говорить, что она замужем за студентом, что у них маленький ребенок. Только ребенок и учеба наполняют ее жизнь. И что это очень хорошо. Было бы ужасно, если б ей кто-нибудь понравился, если б кого-нибудь она полюбила. Тогда была бы катастрофа, потому что она не смогла бы обмануть мужа. Ей пришлось бы ломать жизнь, учебу, свою судьбу и судьбу мужа.

Я с удивлением слушал ее речи. Я сказал ей, что она не должна допускать эти чувства.

Едва слышно она ответила:

— Кажется, поздно. Я боюсь, что я полюбила.

Нет, она не сказала, что полюбила меня. Но я увидел это в ее глазах, во всем ее облике, в жестах.

Она была весьма смущена. В этом ее чувстве действительно было что-то неловкое. Да, я был помоложе, покрасивей, но в этой ее стремительности все равно лежало что-то неестественное. В той быстроте можно было заподозрить авантюризм. Она боялась, что я могу так подумать. Я видел ее внутреннюю борьбу — она хотела уйти, но не ушла, потому что поняла, что я не сделаю шага, чтоб снова встретиться с нею.

Она хотела прийти через два дня. Но не пришла. И я был искренне рад этому.

Она пришла через две недели. Пришла бледная, изменившаяся. Пришла, опираясь на палку.

Она сказала, что тяжело заболела. Что год назад она упала на состязании по легкой атлетике. Зашибла ногу. И вот теперь снова ушиб дал о себе знать. У нее опухоль в колене. Она едва может ходить. Она едва пришла, чтоб сказать мне о своем чувстве, которое теперь должно погаснуть в ее сердце.

Я тотчас понял причину болезни.

Я сказал ей:

— Выкиньте меня из головы. И вы тотчас будете здоровы. Вы заболели, чтоб не приходить ко мне. Ваши ноги перестали вам служить, ибо вы сами сказали, что это будет катастрофа, если вы кого-нибудь полюбите. Болезнь вас защитила. Она избрала наиболее уязвимое место.

Женщина была умна. Почти с улыбкой она слушала мои слова. Потом стала смеяться. И она смеялась так, что палка упала из ее рук.

Сквозь смех она сказала:

— Это поразительно. Это несомненно так.

Мы дружески с ней расстались. И она ушла, позабыв в моей комнате палку.

БЕДНЫЙ ФЕДЯ

Это очень давняя история. И я бы не вспомнил о ней. Но выводы, которые я сделал, неожиданно воскресили эту историю в моей памяти.

Кисловодск. Полустанок Минутка. Через дом от меня живет студент Федя Х. Он здесь, на Кавказе, так же как и я, на практике.

Федя — студент-математик. Милый юноша. Немного застенчивый. Великолепно поет под гитару.

Почти всякий день он приходит ко мне. И я слушаю его музыку.

Поиграв, он начинает говорить о девушках. Ему не везет. Вот уже все студенты обзавелись «симпатиями», а у него нет никого. Когда же наконец это случится?

Это случилось под конец лета. Федя влюбился в свою ученицу. Он давал урок по физике гимназистке последнего класса.

Он полюбил ее. И она, видимо, увлеклась им. Мы стали встречать их в курзале и на скамейках парка.

Неожиданно пришла беда. Федя заболел. Он заболел экземой. Экзема началась на его подбородке и перекинулась на щеки.

Для Феди это было несчастье в высшей степени. Он и без этого был застенчив, но теперь лишаи совершенно обескуражили его. Он перестал встречаться со своей ученицей. Ему было совестно, что она увидит его ужасные багровые пятна.

Это была нервная экзема. И врачи стали лечить Федю мазями и кварцевым светом. Но болезнь усиливалась. Возникло подозрение, что у больного отравление крови, сепсис. Федя почти перестал выходить из дому. Он плакал, говоря, что только при его невезении могло так случиться. Ведь это случилось на другой день после того, как ученица призналась ему в своем чувстве.

В конце августа я возвращался с Федей в Петербург. Мы ехали с ним в одном вагоне. Уже на другой день пути Феде стало лучше. Багровые пятна на его щеках поблекли. К концу пути лицо у Феди стало почти чистым.

Федя не расставался с зеркальцем. С восторгом он убеждался, что болезнь покидает его. С печальной улыбкой говорил, как ему не повезло. На что ему его здоровье, если теперь нет той, кого он полюбил.

Снова говорю — я бы и не вспомнил эту историю. Но я вспомнил ее, ибо со всей очевидностью увидел теперь причину его болезни — это была защита, оборона, бегство.

Страх, в котором надлежало разобраться, преграждал шаги. Неосознанный страх нарушил работу органов секреции. Химизм тела несомненно был расстроен. Отравление могло произойти по причинам внутренним, а не извне.

«Я ЛУЧШЕ ОСЛЕПНУ»

Эту историю я также не вспомнил бы, если бы мои выводы не совпали с ней.

Умирал мой знакомый. Он был одинокий. И смерть его была страшной, даже ужасной.

Это было в девятнадцатом году.

Он был старый журналист. Воспитанный прошлой жизнью, он был ярый противник новой жизни.

Горе и лишения озлобили его еще больше. Пылая ненавистью, он писал статьи, которые, конечно, нигде не

печатали. Он посылал эти статьи за границу, отправлял их со случайными людьми.

Я много спорил с ним, доказывал, что он не прав, что он не видит России, не понимает народа, считает, что народ — это только лишь небольшая прослойка интеллигенции. Что не следует свои мысли отождествлять с мыслями народа. Именно тут его ошибка. И ошибка многих.

Мы поссорились с ним. И я перестал его навещать.

Но я снова пришел к нему, когда узнал, в каком он положении.

У него был нервный паралич. Правая сторона его тела была неподвижна. Однако он был по-прежнему неукротим.

Свои статьи он диктовал знакомой стенографистке.

И по-прежнему пересылал их за границу, понимая, что ему несдобровать, что дело это раскроется. Но он шел на это. Его идеи были выше его страхов.

За месяц до смерти он ослеп.

Я зашел к нему. Он лежал неподвижный, слепой, беспомощный. Я стал с ним говорить. И он отвечал кротко, смиренно, подавленный своим новым несчастьем. Главным образом он жалеет, что теперь окончательно лишен возможности работать — он даже не может прочитать, что написано.

Неожиданно улыбка промелькнула на его лице. Он сказал:

— Зато теперь я в безопасности. Кому я теперь нужен в таком состоянии.

Он умер. И я позабыл о нем. И только теперь вспомнил. Я вспомнил его улыбку, в которой я прочел какое-то облегчение, даже радость. Мне теперь кажется, что он ослеп, чтобы не писать. Этим он защитил себя от опасности.

Нет, я понимаю, что существуют другие, «настоящие» болезни, которые по всем правилам медицины приводят больного к параличу и к слепоте. Но в данном случае мне показалось, что разрушение и гибель этого человека произошли не по установленным правилам науки.

9

Я вспомнил еще целый ряд историй.

Я вспомнил множество историй. И все они убеждали меня в справедливости моих выводов.

Это были истории неразорванных условных связей, истории тягчайших болезней, катастроф, драм.

Но я вспомнил и счастливые истории разорванных связей, связей, вовремя порванных и потому неопасных.

Я вспомнил одного циркового артиста. Ему не удавался номер. Он трижды падал в сетку. Это было на спектаклях. Это был почти скандал. Публика улыбалась. Артисты покачивали головами, говоря, что вряд ли он теперь сможет делать этот номер.

Тотчас после третьей неудачи, когда публика разошлась, артист снял сетку, натянутую под куполом цирка, и дважды выполнил свой номер.

Он разорвал то, что начинало связываться. Он разорвал условную связь — номер и неудачу. Номер снова стал увязан с удачей.

Я вспомнил еще один поразительный случай разорванных, недопущенных связей.

Когда хоронили одного знаменитого летчика, диктор по радио ошибся. Вместо фамилии погибшего летчика он назвал фамилию другого знаменитого летчика, который присутствовал на похоронах.

Этот летчик слегка побледнел и смутился, когда была ошибочно названа его фамилия. Тотчас после похорон летчик отправился на аэродром, сел в самолет и взлетел к небу. Он сделал высотный рекорд, намного перекрыв себя самого. Он доказал себе, что ошибка эта — вздор, случайность. И случайность эта не будет увязана с его дальнейшей судьбой.

В самом начале нервные связи, которые могли утвердиться, были разорваны. Это было мужественное решение.

Я вспомнил множество историй разорванных и неразорванных связей. И все они с математической точностью утверждали законы, открытые Павловым.

И в норме, и в патологии законы условных рефлексов были непогрешимы.

В них лежал ключ многих страданий.

10

И тогда я подумал о тех людях, которые уже умерли. О тех людях, которые страдали, так и не узнав причину своих страданий.

С волнением я вспомнил о своих записях, которые я делал в дни своей ужасной хандры. Ведь я записывал все, что относилось к меланхолии, к болезням.

В моем черном списке были замечательные и великие

люди, прославленные творчеством, делами. Неужели же и они подчинялись этим законам? Неужели же и их сжимал в объятьях такой вздор?

И тогда я немедленно захотел увидеть причину их страданий, причину их меланхолии, гибели. С трепетом я стал перелистывать мои материалы. Нет, я увидел, что все основное стоит на месте. Все причины их гибели — именно те причины, которые были найдены историками, социологами. Ничто из главного не было здесь поколеблено. Поступки и поведение были предначертаны иными давлениями — извне. Но в общей сумме страданий этих людей я снова увидел новое слагаемое, которое не учитывалось. А оно иной раз было велико. Оно иной раз давило с такой силой, которая была смертельной.

С волнением я перелистываю мои материалы.

И вот оживают тени прошлого, величественные тени, перед которыми мы склоняемся.

X. ГОРЕ УМУ

> Кто высоко стоит, тот знает грозы
> И, падая, ломается в куски...

1

Что заставляет меня писать эту книгу? Почему в тяжкие и грозные дни войны я бормочу о своих и чужих недомоганиях, случившихся во время оно?

Зачем говорить о ранах, полученных не на полях сражений?

Может быть, это послевоенная книга? И она предназначена людям, кои, закончив войну, будут нуждаться в подобном душеспасительном чтении?

Нет. Я пишу мою книгу в расчете на наши дни. Я приравниваю ее бомбе, которой предназначено разорваться в лагере противника, чтоб уничтожить презренные идеи, рассеянные там и сям.

Но ведь гитлеризм не имеет своей философии. Он «с бору и с сосенки» нахватал чужие мысли. О каких же презренных идеях я говорю? Я говорю именно об этих нахватанных идеях — искаженных, упрощенных, сниженных до уровня звероподобных людей.

Беда была невелика, когда произносились салонные речи о бедах, исходящих от разума. Это было полбеды,

когда в плане словесной баталии господа литераторы говорили о счастии жить в лесах и в пещерах. И там, вдали от городской сутолоки, искать спасения от машин, от цивилизации, от дальнейшего роста сознания.

Но это уже беда, если подобные речи талдычит солдат, претендующий на мировое господство.

А он талдычит эти слова, исказив их, доведя до предела и крайности. Он восклицает, слыша звон, но не зная, где он: «Образование калечит людей...», «Интеллигенция — это отбросы нации...», «Я хочу, чтоб моя молодежь была бы как дикие звери...», «Сознание приносит людям неисчислимые беды...»

На заре человеческого разума увидеть закат и желать его! Какое это мрачное желание и в какой темной и низкой душе оно возникло!

Мир померкнет на тысячу лет, если этот ефрейтор на сером коне победителя въедет на весенние поля, столь еще мало вспаханные сохой науки.

Этого не случилось. И не может случиться. Тем не менее «в защиту разума и его прав» следует писать.

И вот одна из причин, почему в грозные дни войны я пишу это мое сочинение.

2

Но не только поэтому я пишу мою книгу.

Я пишу ее с надеждой, что она будет полезна людям.

Быть может, в этом моем желании усмотрится некоторая, что ли, наивность, напрасная цель, неверные домыслы. Я не позабыл слова физиолога: «Ничего не обещайте людям».

Но я обещаю в умеренной степени.

Одним, быть может, книга моя доставит отдых, развлечение. Другим вернет душевное равновесие. Третьих рассердит, заставит задуматься. Заставит сойти с Олимпа, чтоб послушать, что произносит неуч, с которым случилось нечто такое, что случается только с собаками.

— Боже мой! — воскликнут они.— Заговорила собака! Дает честное слово, что она все это испытала на собственной шкуре. Господа, давайте посмотрим, так ли все это, как она говорит.

И тут, быть может, на время отвернувшись от собак, они возьмутся за младенцев, кои, вырастая в зрелые существа, доставляют науке столь немыслимые хлопоты и волнения.

Прелестные эти сцены — внимание к людям — услаждают мой взор, устремленный в небесные дали.

Именно эти дальнейшие сцены заставляют меня писать мою книгу, заставляют сойти с пути, усыпанного розами.

Да, путь был бы усыпан розами, если б я закончил мою книгу в той поэтической форме, в какой я начал. Ах, это была бы славная книженция, составленная из маленьких изящных новелл, взятых из моей жизни!

С улыбкой радости читатель держал бы эту книгу в своих руках.

Да и мне было бы куда как легче, проще. Ведь без труда, почти локтем левой руки, с божественной легкостью я писал эти маленькие новеллы, помещенные в моей книге.

И вот взамен их вы теперь видите нечто вроде исследования, с сухими, потусторонними словами — рефлекс, симптомы, нервные связи...

Ах, зачем это! Для чего менять кукушку на ястреба, летящего в небе? Зачем писателю быть еще фельдшером? Господа, велите ему писать так, как он начал.

С превеликим удовольствием я исполнил бы это законное требование. Однако тема не допускает этого сделать. Она не влезает в изящные рамки художественной литературы, хотя из почтения к читателю я и стараюсь ее туда как-нибудь втиснуть.

Темой же пренебречь нельзя. Она исключительной важности, по крайней мере лично для меня. Ради нее я и взялся за это сочинение. Ради нее я избрал скорбный путь.

Скорбный путь! Да, я предвижу постные речи, хмурые взгляды, едкие слова.

Я как бы уже слышу скрипучие голоса о ненужности такого внимания к собственному телу, о вреде излишнего контроля над самим собой. К чему, скажут, иметь такой настороженный ум в его каком-то новом, сомнительном качестве.

Я предвижу это. Однако финал моей книги, надеюсь, рассеет эти сомнения.

3

Итак, на чем мы остановились? Не на словах ли Байрона:

> Сочти все радости, что на житейском пире
> Из чаши счастия пришлось тебе испить,
> И убедись, что чем бы ни был ты в сем мире —
> Есть нечто более отрадное: не быть...

Нет, мы остановились не на этих печальных словах.

Мы остановились на черном списке замечательных и прославленных людей. Потрясенный несчастьями, хандрой этих людей, а подчас и стремлением их к смерти, я захотел узнать: по каким причинам возникали у них эти несчастья. Не по тем ли самым, что у меня?

Мы видели, в каком сложном счете было обнаружено мое страдание, составленное из многих слагаемых.

Теперь, умудренный опытом, я захотел узнать, из каких слагаемых создавалось страдание людей, отмеченных в моем списке.

Вернее, я захотел узнать одно из этих слагаемых, ради которого была задумана моя книга.

Нет, это нелегко и непросто сделать. Это надлежит сделать весьма осмотрительно, с полным учетом всего, что окружало этих людей. Эти люди были разных эпох, разных характеров, разных направлений. И, стало быть, не одни и те же силы действовали на них извне. Не одни и те же причины создавали душевный конфликт.

Нередко душевный конфликт возникал у людей, почти минуя биологические основы, действуя вне их. Таков, видимо, душевный конфликт Пушкина. Безвыходное положение в России — вот что лежало в основе его конфликта и вот что привело поэта к гибели.

Печальная судьба России, кризис, переживаемый мировым революционным движением, создали пессимизм и скепсис Герцена — и, стало быть, в какой-то степени душевный конфликт. Однако печальная судьба России не привела Чернышевского к меланхолии. Чернышевский верил в счастливый исход борьбы, он верил в крестьянскую революцию.

Вот в каком сложном счете решаются вопросы о силах, действующих на человека.

Однако столь сложных примеров я постараюсь избежать. Я возьму только тех людей, на которых слишком явно действовали физиологические силы.

Я возьму примеры клинического порядка.

С превеликой осторожностью я подхожу к моему краткому исследованию.

Нет, это даже нельзя назвать исследованием. Это материалы для исследования. Это эскизы, наброски, отдельные штрихи, по которым лишь отчасти можно восстановить истинную картину.

4

В начале моей книги я дважды упоминал имя Эдгара По, имя замечательного писателя, влияние которого было огромным на судьбу всей мировой литературы.

Личная же его судьба была безрадостна, беспросветна, ужасна.

Эдгар По писал:

«У меня такая угнетенность духа, которая погубит меня, если будет продолжаться...»; «Ничто не может мне доставить радости или хотя бы малейшего удовольствия... Чувства мои в данную минуту поистине в жалостном состоянии...»; «Убедите меня, что мне надо жить...»

Он писал эти слова, когда ему было меньше тридцати лет. В сорок лет он умер. Вся сознательная его жизнь была заполнена бедой, удивительной тоской, причины которой были ему непонятны.

Я не имею под рукой достаточных материалов, чтобы тщательно исследовать жизнь этого человека. Но даже скудные материалы говорят о крайне чувствительной психике, о болезненном сознании, о неврозах, какие нельзя не заметить.

Я отмечу несколько фактов, взятых из биографических материалов. Я отмечу те факты, какие мне кажутся характерными, какие имели значение или влияли на болезненную психику Э. По.

Его родители жили в нищете. Они умерли, когда ребенку было два года. Приемный отец взял его на воспитание.

Когда приемный отец пришел его взять (пишет биограф), мальчик находился в каком-то оцепенении. Нянька успокаивала ребенка тем, что совала в его рот хлеб, намоченный в вине.

В пятилетнем возрасте ребенок едва не погиб. Он упал с дерева. Причем упал в воду, в пруд. Мальчика вытащили из воды почти мертвого, без пульса. Его едва вернули к жизни.

Когда ему исполнилось шесть лет, его повезли в Англию. Все биографы отмечают, что длительное морское путешествие произвело на него необычайно сильное впечатление.

Один из биографов пишет: «Дважды совершенное путешествие по воде предрешило многое в развитии отличительных черт Э. По...»

Другой биограф (Гаррисон) отмечает, что «на его впечатлительный характер чрезвычайно повлияли два океанских путешествия».

Тот же биограф отмечает, что Э. По весьма долго не мог научиться плавать, хотя настойчиво стремился к этому. С необыкновенным упорством он старался постичь эту науку. Однако он научился плавать, уже будучи взрослым. И даже достиг в плавании рекорда, проплыв однажды несколько миль.

Однако плавание нередко заканчивалось бедой. «Однажды,— пишет биограф,— он вышел из воды весь покрытый волдырями» (!).

Нередко плавание заканчивалось рвотой.

Мы видим сцены необыкновенной ясности. Человек, несомненно, преодолевал какие-то огромные внутренние преграды, возникающие вне сознания. Можно смело сказать, что вода действовала на Э. По угнетающим образом. Оборонный рефлекс сопровождал любое столкновение с водой. Неосознанный страх присутствовал при встрече с условным раздражителем.

Я не берусь восстанавливать общую картину психоневроза Э. По. Но я могу отметить, что объекты устрашения и условные связи, ведущие к ним, весьма явственны. Можно подозревать, что отношение к женщинам было весьма неблагополучным. Эдгар По пишет женщине, которую он любит (Ел. Уитман):

«Я избегал вашего присутствия и даже города, в котором вы жили...»

Интересно отметить, что Э. По избегал этой женщины, так как он (не имея на то никаких оснований) считал ее замужней. И только потом он «в этом разуверился».

Мотив, для того чтобы избежать этой женщины, был поистине необыкновенным. Понадобились нравственные, искусственно придуманные мотивы, для того чтобы оправдать свое, казалось бы, непонятное бегство.

В другом письме Э. По пишет этой женщине:

«Я не смел говорить о вас, тем менее видеть вас. В течение целых лет ваше имя ни разу не перешло моих губ... Самый шепот, касавшийся вас, пробуждал во мне трепещущее чувство, смутно слитое из страха, восторженного счастья и безумного необъяснимого ощущения, которое ни на что не походит так близко, как на сознание вины...»

С поразительной ясностью Э. По раскрывает картину своей беды. Сам того не подозревая, он дает тщательный

анализ своего психического состояния. Он находит в своем состоянии элементы: страх, радость и вина.

Нет сомнения, что школа Фрейда увидела бы в этом так называемый эдипов комплекс. Другими словами, увидела бы в этом тайное и подавленное влечение к своей матери. Она увидела бы в этом нравственный запрет и боязнь наказания, которое налагается на человека в условиях цивилизованной жизни.

Биографы отмечают, что Эдгар По любил образ своей матери. Всю жизнь он не расставался с медальоном, в котором был ее портрет.

Должно быть, и в этом маленьком факте школа Фрейда увидела бы истинное оправдание своих выводов.

Тем не менее выводы эти не оправдываются. Мы снова видим здесь нечто иное, чем эдипов комплекс. И вот почему.

Мать Эдгара По умерла, когда ребенку было два года.

Сомнительно, что годовалый ребенок мог испытывать нравственное волнение или страх наказания за свои младенческие чувства к матери.

Но еще более сомнительно, что эти чувства и волнения ребенок испытывал после двух лет. Он не мог их испытывать. Он не видел матери — она умерла.

Стало быть, ребенок не мог подавлять или запрещать свое влечение к матери, в какой бы форме оно ни было. И, стало быть, если возник запрет, то он возник по иным причинам, не оправдывающим соображения Фрейда об эдиповом комплексе.

Какие же в таком случае могли быть иные причины? Только те, о которых мы говорим в нашей книге.

Не нравственные мотивы и не страх наказания за свои младенческие «влечения», иного характера страх — страх к предметам, в условном значении которых младенец ошибся,— вот что имеет место.

Оборонный рефлекс мог возникнуть только лишь на основе этих «вещественных» мотивов. Все остальные мотивы были продиктованы дальнейшим развитием. Нет сомнения — они могли оказывать влияние на поведение субъекта. Однако сомнительно, что эти мотивы могли носить патологический характер.

Итак, среди болезненных представлений Э. По мы находим несколько элементов весьма явственных — вода, мать, женщина. Можно допустить, что имелись еще и иные объекты устрашения.

Однако и найденные объекты с достаточной ясно-

стью говорят нам о патологическом характере отношения к ним.

Не понимая, что с ним и каковы причины его несчастья, Э. По стал пить. Этим он хотел сбросить с себя оцепенение, хандру, торможение, которые возникали у него при столкновении с объектами его устрашения.

Умер Э. По неожиданно и при странных обстоятельствах. Он выехал из Балтиморы в Филадельфию. Поездной кондуктор нашел его на полу в каком-то странном оцепенении. Его отправили в больницу. И там он вскоре умер. Свидетели его смерти писали, что и в больнице он все время находился в каком-то судорожном состоянии.

Весь путь его жизни, его болезни, тоски и гибели имеет следы патологии, имеет, как мне кажется, следы неверных условных связей, ошибочно возникших при первом знакомстве с окружающим миром.

5

О болезни Гоголя я сделаю более обстоятельное исследование.

Впрочем, психика Гоголя с чертами огромных противоречий весьма сложна. И добиться исчерпывающего анализа, видимо, не представляется возможным без некоторых документов, каких мы не нашли в записях современников Гоголя.

Я отмечу только лишь то, что мне кажется бесспорным.

Нет сомнения, что болезнь Гоголя складывалась не только по причинам физического характера. Герцен, например, считал, что «николаевский режим вел Гоголя в сумасшедший дом». В этих словах было нечто справедливое.

С огромной силой Гоголь изобразил николаевскую Россию. Он нашел беспощадные и точные слова, изображая помещичью жизнь, николаевский строй и пошлую, фальшивую мораль общества.

На этих своих литературных позициях Гоголь был революционером, демократом, истинным представителем народа.

Однако Гоголя устрашили и безрадостные картины, какие он нарисовал, и революционность, о которой он не помышлял.

Разлад оказался весьма велик между художником и человеком, между реальной жизнью и желанием увидеть Россию иной.

Он хотел вырваться из тисков этого конфликта. Но не смог этого сделать. Он не смог и не захотел пойти по той дороге, по которой шли Белинский, Чернышевский и революционная демократическая молодежь.

Гоголь сделал шаг, с тем чтобы примириться с печальной действительностью, но этот шаг привел его в стан его же врагов.

Это и было трагедией Гоголя, той трагедией, которая усугубила его болезнь, ускорила его гибель.

Однако, помимо этой трагедии, Гоголь нес в себе и другую трагедию — конфликт физиологического порядка, который столь бурно отразился в его болезни, в его психоневрозе.

Черты этого психоневроза отчетливо видны на протяжении всей жизни Гоголя.

Эти болезненные черты были замечены окружающими в раннем его детстве.

В 1815 году (Гоголю 5—6 лет) «вельможа и благодетель» Трощинский писал отцу Гоголя:

«...Да будет вам известно, что я трактовал с Наталинским (врачом) о слабости здоровья Марии Ивановны и о золотушных припадках вашего Никоши...»

Эти непонятные «золотушные» припадки стали повторяться и в юности, и в зрелые годы.

Эти припадки достигали иной раз огромной силы. И тогда Гоголь не находил себе места — «не мог ни лежать, ни сидеть». При этом иной раз у него возникала тоска в той степени, какая позволила ему однажды воскликнуть: «Повеситься или утонуть казалось мне как бы похожим на какое-то лекарство и облегчение».

Однако врачи не находили у Гоголя сколько-нибудь серьезной, органической болезни. Его лечили от золотухи, от ипохондрии, от «геморроидов», от желудочных заболеваний.

Лечение не имело успеха, и физическое состояние Гоголя стремительно ухудшалось.

Однако были моменты, когда многолетняя болезнь Гоголя мгновенно исчезала. И тогда он вновь чувствовал себя здоровым и юношески свежим. Гоголь не раз отмечал эту странность своей болезни.

В 1840 году Гоголь писал (Погодину): «Дорога сделала надо мной чудо. Свежесть и бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал».

В письме (2 января 1846 г.) Гоголь писал А. П. Толстому:

«Я худею, вяну и слабею и с тем вместе слышу, что есть что-то во мне, которое по одному мановению высшей силы выбросит из меня недуги все вдруг...»

Стало быть, Гоголь и сам чувствовал, что его болезнь не есть нечто раз навсегда данное, органическое. Это болезненное «нечто» может уйти, исчезнуть и не вернуться к нему. Уже это одно обстоятельство позволяет нам предположить в болезни Гоголя ту болезнь, о которой мы сообщаем в нашей книге.

Допустим, что наше предположение правильно. Допустим, что Гоголь чем-либо был травмирован в младенческом возрасте.

Как исследовать эту травму? Как проанализировать течение этой болезни?

Мне кажется, что это возможно сделать по тем особенностям и странностям, какие характерны для поведения Гоголя в его личной жизни.

Какие же странности мы наблюдаем в поведении Гоголя?

Этих странностей немало. Однако основной странностью можно считать отношение Гоголя к женщине.

Известно, что Гоголь не был женат. И не стремился к этому. Более того, мы не знаем ни одного сколько-нибудь значительного увлечения Гоголя.

В 1829 году Гоголь писал матери о своем чувстве к какой-то незнакомке, которую он назвал «божеством, слегка облеченным в человеческие страсти».

Слова, найденные для описания своей влюбленности, необычайны и для исследователя чрезвычайно важны:

«Адская тоска с возможными муками кипела в груди моей. О, какое жестокое состояние!.. Если грешникам уготован ад, то он не так мучителен! Нет, это не любовь была... В порыве бешенства и ужаснейших терзаний, я жаждал, кипел упиться одним только взглядом, только одного взгляда алкал я... Взглянуть на нее еще раз — вот было одно-единственное желание... С ужасом осмотрелся и разглядел я свое ужасное состояние. Я увидел, что мне надо бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь...»

Даже если это не реальная любовь, а всего лишь фантазия, выдумка, то и в этом случае аналитический характер этой выдумки остается.

Страх, ужас, муки, смерть — вот что идет рука об руку с женщиной! Вот что сопровождает любовь.

И только бегство может сохранить жизнь. И вот это бегство мы видим на протяжении всей жизни Гоголя.

Он избегал женщин. И, вероятно, не знал их [1]. Хотя и понимал, что столь длительное воздержание не может не отражаться на его здоровье.

Гоголь писал о К. Аксакове:

«Если человек, достигнув 30 лет, не женился, то он делается болен...»

Несомненно, эти слова Гоголь относил и к самому себе. Тем не менее он не изменял своей жизни. И не мог ее изменить, так как препятствия были значительны и вне его власти.

Какого же рода были эти препятствия?

Видимо, неосознанный страх, возникающий в силу оборонных рефлексов, тот страх, в котором так красноречиво признался сам Гоголь в письме о своей влюбленности.

Каким же образом возник этот страх? Когда? И на чем он был основан?

Этот страх мог возникнуть только лишь в младенческом состоянии. Ибо только младенческий возраст мог создать страх, до такой степени лишенный логики.

Но ведь этот страх относился к женщинам. К кому же именно он первоначально возник?

Он мог возникнуть к матери, вернее, к тем объектам устрашения, какие были условно связаны с матерью. Ведь по закону условных рефлексов ребенка страшит и мать, и объекты устрашения, связанные с ней, с той только разницей, что страх к матери усложнялся противоречиями и уживался вместе с радостью и стремлением.

В дальнейшем любой образ женщины мог вызвать этот противоречивый страх, ибо в младенческом уме ребенка, как и в низшем этаже нашей психики, мать и женщина, видимо, отождествляются — и по вещественным, материальным признакам (грудь, рука, тело), и по ощущению радости.

Но если условные нервные связи соединили образ женщины с несчастьем, ужасом и даже гибелью, то эти чувства должны проявляться и в отношении к матери.

Разве так обстоит дело у Гоголя?

---

[1] Врач, лечивший Гоголя, А. Тарасенков, оставил следующую запись о Гоголе: «Болезней в нем не было заметно; сношений с женщинами он давно не имел и сам признавался, что не чувствовал в том потребности и никогда не ощущал от этого особого удовольствия...»

Да, именно так. Отношение Гоголя к матери было в высшей степени противоречивым и странным.

Его «почтительная сыновья любовь» к матери уживалась с нежеланием ее видеть. Он находил разные предлоги и мотивировки для того, чтобы не поехать к ней, и для того, чтобы она не приехала к нему.

Он отговаривался делами, нездоровьем и тем, что он дома испытывает хандру.

Он писал матери (в декабре 1837 г.):

«Когда я был последний раз у вас, я думаю, сами заметили, что я не знал, куда деваться от тоски... Я сам не знал, откуда происходила эта тоска...»

В другой раз, когда Гоголь поехал к матери, он почувствовал эту тоску уже в экипаже.

Гоголь, который отлично переносил любую дорогу и даже считал, что дорога — его лекарство, на этот раз не мог ее вынести. Его «нервическое» состояние дошло до таких пределов, что он решил вернуться в Москву.

И он действительно с полпути вернулся назад, не доехав до своего имения.

Гоголь любил свою мать на расстоянии и всячески избегал встречи. И в этом он дошел до того, что свои письма к ней, посылаемые из Москвы, он не раз помечал заграничными городами — Веной, Триестом.

Вот обстоятельства, которые поставили в тупик многих биографов Гоголя. Этот обман казался загадочным, непонятным.

На самом же деле он объяснялся весьма просто — нежеланием Гоголя увидеться с матерью, бегством от нее. Пусть она думает, что он за границей, иначе она снова будет настаивать на встрече.

Но, может быть, он делал это, чтоб не совершать длительного путешествия? Быть может, ему, обремененному делами и заботами, было не до того? Нет, мать не всегда настаивала на его приезде. Она сама хотела бы побывать в Москве.

В таком случае Гоголь, может быть, стеснялся ее, стыдился ее провинциального вида? Нет, судя по письмам, Гоголь уважал ее, почитал, испытывал к ней истинные чувства, оберегая ее от волнений и забот.

Видимо, нечто иное удерживало его от встреч с матерью.

Это нечто иное было неосознанным, инфантильным. Условные связи явственно тянулись к объектам устрашения — к дому, к матери, к женщине.

Эти связи на протяжении всей жизни оставались неразорванными и действовали губительно.

Когда однажды встречи с матерью нельзя было предотвратить, Гоголь нашел весьма холодные и неприятные слова, говоря об ожидаемой встрече. Он писал Данилевскому (декабрь 1839 г.):

«Желая исполнить сыновний долг, то есть доставить случай маменьке меня видеть, приглашаю ее в Москву на две недели...»

По-видимому, мать была невольной виновницей младенческого конфликта.

Но ведь в уме младенца мать — это не только мать, это еще питание, еда и радость утоления голода. Значит, и в этой области должны быть странности, «чудачества», непорядки, быть может, даже в большей степени, чем в иной, ибо условные связи здесь еще более прочны, так как «столкновения» с этим объектом постоянны и нет возможности их избежать.

Мы знаем, как проходили последние трагические дни Гоголя. Он отказался принимать пищу и морил себя голодом.

Последние же дни он вовсе перестал есть, несмотря на уговоры и мольбы окружающих.

Тогда его стали кормить искусственно, силой. Он кричал и умолял не трогать, «не мучить» его.

Однако отказ Гоголя от еды не возник из-за какой-либо желудочной болезни или от отсутствия аппетита.

Доктор Тарасенков пишет:

«Пульс был ослабленный, язык чистый, но сухой, кожа имела натуральную теплоту. По всем соображениям видно было, что у него нет горячечного состояния и неупотребление пищи нельзя было приписать отсутствию аппетита...»

Тот же Тарасенков пишет:

«Он не хотел в этот день ничего есть и, когда после съел просфору, то назвал себя обжорой, окаянным, нетерпеливцем и сокрушался сильно».

Может быть, это было «религиозное исступление», какое видят в этой голодовке многие биографы?

Нет. Религиозный мотив, быть может, и имел значение, но он не был основным и даже существенным.

Мы знаем, что духовные особы — духовник и приходский священник — уговаривали Гоголя есть.

Известно, что приходский священник почти силой заставил Гоголя «принять ложку клещевинного масла».

Более того. Толстой обратился с просьбой к митрополиту Филарету «воздействовать на расстроенное воображение кающегося грешника» — приказать Гоголю принимать пищу и слушаться распоряжения врачей.

Митрополит велел передать Гоголю свое приказание, говоря, что «сама церковь повелевает в недугах предаться воле врача».

Однако и это высокое приказание не произвело перемены в мыслях больного. Ибо в основе отречения от еды лежали не религиозные мотивы.

Чем же сам Гоголь объяснял свой отказ от еды? Он находил весьма странную и вместе с тем показательную мотивировку. Доктор Тарасенков пишет:

«За обедом Гоголь употреблял только несколько ложек овсяного супа или капустного рассола. Когда ему предлагали кушать что-нибудь другое, он отказывался болезнью, объяснял, что чувствует что-то в животе, что кишки у него перевертываются, что это болезнь его отца, умершего в такие же лета и притом оттого, что его лечили» (!).

Этот инфантильный ответ Гоголя весьма разъясняет сущность его отказа от еды.

Во-первых, мешают спазмы и судороги (симптом оборонного рефлекса?). Во-вторых, эти слова Гоголя говорят о нежелании лечиться, другими словами — о нежелании быть здоровым. Вот где вся суть его болезни и гибели. Лучше умереть, чем испытывать то, что он испытывает.

Вот в каком счете решался вопрос о голодовке Гоголя.

Однако как же совместить его голодовку с тем пристрастием к еде, какое было весьма характерно для Гоголя? Об этом пристрастии Гоголя мы читаем всюду — в мемуарах, в письмах, в воспоминаниях.

По воспоминаниям мы узнаем, как иной раз Гоголь «священнодействовал» за обедом, как торжественно приступал к еде и какое значение он придавал хорошему обеду.

В своих письмах (к Данилевскому) Гоголь называл ресторан «храмом» и даже «храмом жратвы» (!).

В мемуарах мы читаем, что Гоголь иной раз сам приготавливал пищу, готовил обед. Причем делал это он весьма торжественно и серьезно.

С. Аксаков пишет:

«Он от всей души занимался этим делом, как будто оно было его любимое ремесло. И я подумал, что если б судьба не сделала Гоголя великим поэтом, то он был бы непременно артистом-поваром».

Значит, отношение к еде у Гоголя было несколько странным и даже преувеличенно торжественным.

Причем эта странность выражалась постоянно и была замечена всеми мемуаристами.

М. П. Погодин пишет о том, как некто Бруни, говоря о Гоголе, воскликнул: «Да мы нарочно ходили иногда смотреть на Гоголя за обедом, чтоб возбуждать в себе аппетит,— он ест за четверых».

П. Анненков пишет:

«Получив тарелку риса по своему вкусу, Гоголь приступил к ней с необычайной алчностью, наклоняясь так, что длинные волосы его упали на самое блюдо, и поглощая ложку за ложкой со страстью и быстротой».

С. Аксаков пишет:

«Гоголь взял на себя распоряжение нашим кофеем, чаем, завтраком и обедом...»

М. Погодин пишет:

«Первой заботой Гоголь имел устроить утреннее чаепитие. Запасы отличного чая у него никогда не переводились. Но главным делом для него было набирать различные печения к чаю. И где он отыскивал всякие крендельки, булочки, сухарики — это уже только знал он и никто более... Начинаются наливания, разливания, смакования, потчевания и облизывания. Ближе часа никогда нельзя было управиться с чаем...»

Это удивительное пристрастие Гоголя замечено было даже его товарищами по школе.

Некто Любич сообщал:

«В карманах брюк у него постоянно имелся значительный запас всяких сладостей — конфект и пряников. И все это, по временам доставая оттуда, он жевал не переставая, даже в классах, во время занятий...»

И еще запись о школьных годах Гоголя:

«Он постоянно сосал медовые пряники, ел сладости и пил грушевый квас. Гоголь или сам приготовлял его из моченых груш, или покупал его на базаре...»

При этом необыкновенном пристрастии Гоголь подчас жаловался на отсутствие аппетита, на несварение желудка, на всяческого рода недомогания. Однако в основном это преувеличенное и торжественное отношение к еде оставалось.

Однако всякий раз, приступая к еде, Гоголь (как сообщают свидетели его обедов) «капризничал», нервничал, а иногда и сердился.

П. Анненков пишет:

«Гоголь поразил меня, однако, капризным взыскательным обращением с прислужником. Раза два он менял блюдо риса, находя его то переваренным, то недоваренным».

Ф. И. Иордан пишет:

«Спросив какое-нибудь блюдо, Гоголь едва, бывало, дотронется до него, как уже зовет полового и требует переменить кушанье по два, по три раза, так что половой трактира почти бросал ему блюда, говоря: „Синьор Николо, лучше не ходите к нам обедать, на вас никто не может угодить“».

Как бы младенческие инфантильные сцены разыгрываются перед едой. Какое-то необыкновенное волнение присутствует перед этим торжественным процессом.

Мы знаем, как противоречиво складываются чувства и желания человека, основанные на первых младенческих представлениях. Иной раз страх, связанный с желанием, не гасит его, а, напротив, усиливает. Происходит как бы борьба за объект устрашения, который могут отнять. И временная победа над этим объектом увеличивает торжество победителя. Однако окончательная победа остается за страхом.

И механизм этой победы иной раз основан на ослаблении контроля. Науке известно, что кора мозга, ослабляя свой контроль (в силу утомления, болезни, старости), позволяет вновь возникнуть оттесненным животным и младенческим силам [1].

Переутомленный, ослабленный болезнью, мозг Гоголя (вернее, кора мозга) перестал контролировать даже в той неполной степени, в какой этот контроль осуществлялся в молодые годы. И вот мы видим трагические сцены голодовки, видим неосознанный страх, который постоянно присутствовал к еде. Младенческие представления и животные силы, не контролируемые сознанием, одержали верх.

Однако условные нервные связи соединяли с опасностью не только еду, женщину, мать. Они соединяли еще целый ряд объектов — дом, ночь, кровать.

И в силу этого «опасности» возникали на каждом шагу. И борьба с этими опасностями была тягостной, непосильной. Можно было спасаться только бегством. Только бегство разрывало эти связи, избавляло от опасностей.

---

[1] Этим, например, объясняются причины случаев, когда старик «впадает в детство».

Именно бегство характеризует поведение Гоголя. Только садясь в экипаж, он чувствовал освобождение, отдых, здоровье.

Сколько раз он писал, как исцелила его дорога.

По словам Смирновой (1840 год), «Боткин усадил полумертвого Гоголя в дилижанс...»

Далее Гоголь сообщает о себе:

«Добравшись до Триеста, я себя почувствовал лучше. Дорога — мое единственное лекарство — оказала и на этот раз свое действие...»

Еще бы — дорога уводила его от опасностей. Неосознанный страх покидал его. Вот что служило исцелением...

Но это было временным исцелением. Та же дорога вновь вела его к женщинам, к еде, к лечению, за которым следовало здоровье, а за здоровьем — еще большие опасности, еще большая возможность встретиться с тем, что его страшило.

Положение было «безвыходным», ибо даже болезнь не служила облегчением. Ведь болезнь связана с постелью, с кроватью. А кровать была условно связана с той тягостной драмой, которая когда-то разыгралась в младенческом возрасте.

Интересно отметить, что многие из биографов и мемуаристов заметили странное отношение Гоголя к кровати. На кровать он почти не ложился, хотя кровать и стояла в комнате. И даже на диван он не всегда ложился. Он предпочитал дремать, сидя в кресле.

П. В. Анненков «сокрушался и тревожился», видя «такую причуду» Гоголя.

Анненков так описывает ночи, проведенные с Гоголем:

«Гоголь довольно часто, а к концу все чаще и чаще приходил в мою комнату, садился на узенький плетеный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в постели и тушил свечу. Затем переходил он к себе на цыпочках и так же точно усаживался на своем собственном соломенном диванчике и сидел вплоть до света...»

Сам Гоголь объяснял эту свою странность тем, что в его теле происходит какое-то «замирание», когда он ложится на кровать, и, кроме того, он «боится обморока».

Далее Анненков сообщает:

«Со светом Гоголь взбивал и разметывал свою постель для того, чтоб служанка, прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрение о капризе своего жильца...»

Оказывается, помимо инфантильного страха, который испытывал Гоголь, ему нужно было еще притворяться, что страха нет и нет бегства.

Какие младенческие сцены разыгрывались во взрослые годы! И с какой силой они держали Гоголя!

Вот поразительный пример замечательного ума, находящегося под властью бессознательных представлений.

Какие тягчайшие страдания испытал великий поэт! Какую боль мы испытываем за эти его страдания! Их не было бы, если б контроль над низшими силами был осуществлен.

Эти страдания, испытанные Гоголем, не снижают образ великого художника, поэта, литератора. Не омрачают нашу память о нем. Гоголь был на уровне знаний своего времени. Но уровень науки был недостаточно высок. Наука того времени блуждала в потемках в этой области. Она не смогла помочь Гоголю. Или даже разъяснить ему, как разъясняет теперь нам.

6

Передо мной на письменном столе лежат еще несколько исследований. И выводы в одинаковой мере сходятся.

Я не стану затруднять читателя подробностями этих исследований. Мне кажется, что и два приведенных примера достаточно убеждают.

В чем убеждают? Хотя бы в том, что необходим контроль разума над низшими силами.

Однако я приведу еще несколько коротких примеров из этой области.

Свое мрачное состояние Некрасов приписывал расстроенному здоровью, главным образом болезни печени... Некрасов пишет:

«Доктор Циммерман объявил, что у меня расстроена печень. Итак, я дурю от расстройства печенки...»

Долгие годы Некрасова лечили от этой болезни.

Однако после смерти тело было вскрыто и внутренние органы, включая печень, найдены были в хорошем состоянии.

Доктор Белоголовый, присутствовавший при вскрытии, пишет:

«Для 55 лет он сохранился изрядно. Никаких болезней,

кроме конституционного специфического расстройства, не было» [1].

Меланхолия же сопровождала Некрасова всю жизнь. Даже семнадцатилетним юношей, едва вступив в жизнь, Некрасов писал:

И в новый путь с хандрой, болезненно развитой,
Пошел без цели я тогда...

Эта хандра, «болезненно развитая», происходила не от болезней тела. Причины ее лежали в ином. Даже при поверхностном анализе можно было убедиться в наличии бессознательных представлений, подчас одерживающих верх.

Предполагалось, что у Салтыкова (Щедрина) опухоль в мозгу. Так как у него были, как пишет доктор Белоголовый, «судорожные сокращения в мышцах тела до такой степени сильные, что писание стало для него не только затруднительным, но и почти невозможным».

В 1881 г., пишет Белоголовый, «эти подергивания стали чрезвычайно велики и приняли вид Виттовой пляски».

Кроме того, у него возникли «боли в глазах, не связанные ни с каким очевидным поражением глазного аппарата».

Эти симптомы и «мучительные припадки свойственной ему хандры» навели врача на мысль, что у Щедрина «имеется опухоль или киста в мозгу».

Однако по вскрытии (как сообщает тот же врач) ни опухоли, ни кисты, ни каких-либо изменений в тканях мозга не было обнаружено.

Причины, несомненно, гнездились в функциональных расстройствах, в бессознательных представлениях, в сфере ошибочных чувств, ошибочных ответов на те раздражения, кои не соответствовали силе и целесообразности этих ответов.

Вероятно, современная наука в первую очередь произвела бы анализ психики, прежде чем высказывать предположения об опухоли в мозгу.

Такого рода анализ, быть может, сохранил бы жизнь величайшего романиста Бальзака.

---

[1] У Некрасова была раковая опухоль прямой кишки. Причем эта опухоль была вырезана за 4 месяца до его смерти. Однако опухоль эта могла возникнуть только лишь незадолго до его конца.

История его любви (к Ганской) есть история его болезни и гибели.

В течение многих лет он переписывался с этой женщиной. Он ее любил с той силой, на какую способен человек столь большого сердца и столь большого ума.

На расстоянии (они жили в разных странах) она не была ему «опасна». Но когда она захотела уйти от мужа, чтоб приехать к нему, он написал ей: «Бедная привязанная овечка, не покидай своего стойла».

Однако она «покинула свое стойло». Она приехала (в Швейцарию) — чтобы повидаться с Бальзаком. Однако это была несчастная встреча. Бальзак почти избегал Ганскую.

Биографы были поставлены в тупик его поведением.

Один из биографов пишет: «Он почувствовал боязнь узнать ту, которую любил».

Другой биограф пишет: «Он испугался слишком большого счастья» (!).

Третий биограф делает вывод: «У него была скверная комната, и он стеснялся приглашать ее к себе».

Какой вздор! И какие пошлые мотивы найдены для объяснения бегства, обороны, страха!

Но вот у Ганской умер муж. Все нравственные мотивировки отпали. Никаких отступлений больше не могло быть.

Бальзак должен был поехать в Польшу, чтобы жениться на Ганской.

Биограф пишет, что это решение ехать необыкновенно взволновало его. «Сев в коляску, Бальзак чуть было не остался там навсегда».

С каждым городом, приближаясь к цели путешествия, Бальзак чувствовал себя все хуже и ужасней.

У него началось удушье в такой степени, что дальнейший путь казался ненужным.

Он приехал в Польшу почти развалиной.

Слуги поддерживали его под руки, когда он вошел к Ганской.

Он бормотал: «Моя бедная Анна, я, кажется, умру прежде, чем дам Вам свое имя».

Однако это его состояние не оборонило его от венчания, которое было назначено заранее.

Последние дни перед этим Бальзак был почти парализован. Его внесли в церковь сидящим в кресле.

Он вскоре умер. Умер 50 лет от роду. Это был человек

огромной физической силы, огромного темперамента. Но это не спасло его от поражения [1].

Мы видим на этом примере, какой силы может иной раз достичь противник. И какая иная оборона требуется для победы над ним, над ложными инфантильными представлениями, столь устрашающими наш бессознательный мир.

7

Таких примеров поражения, примеров тоски, болезней и гибели можно привести немало. Но я этим ограничусь.

Я отмечу только, что, не находя причин своих несчастий, иные люди обращались к разуму как к главному виновнику этих бед. И тут нетрудно было спутать. Люди видели перед собой, казалось бы, наглядные примеры: высокий ум чаще других терпит страдания. Казалось, эти страдания относятся ко всякому высокому уму. Казалось, высокий ум несет беду, горе, болезни. Однако эти страдания вовсе не относились к высокому уму. Они относились к уму, главным образом связанному с искусством, с творчеством, в силу особых специфических свойств этого ума, в силу склонности этого ума к фантазиям, к сверхчувствительным восприятиям. Именно эти особые свойства ума (чаще всего наследственного характера) давали большую возможность для возникновения ошибочных нервных связей, почти всегда основанных на ложных младенческих фантазиях.

Однако это вовсе не означает, что все люди искусства, творцы и фантазеры, обязательно несут с собой болезни и воздыхания. Эти болезни возникают в силу несчастного стечения обстоятельств. А свойства ума являются только лишь благодатной почвой для их возникновения[2].

Вот где кроется ошибка. И вот где истоки хулы, произнесенной разуму. Высокое сознание не является чем-то опасным. Даже для сверхчувствительного ума, склонного к фантазиям, вовсе не обязательны страдания и психоневрозы.

До брака с Ганской у Бальзака было немало увлечений и связей. Однако эти отношения не казались «опасными» — их можно было порвать. Брак же препятствовал бегству. Конфликт усложнялся. Создавалось «безвыходное» положение.

[2] Эти свойства высокого ума как раз и помогут обнаружить ошибку в сфере условных связей.

Есть множество примеров, когда высокая одаренность и даже гениальность вовсе не сопровождается безумием, неврозом, болезнями. Напротив, мы наблюдаем в этих примерах абсолютное здоровье и норму во всех отношениях.

Абсолютное здоровье вовсе не лишает возможности быть творцом, художником. Напротив, абсолютное здоровье — это идеал для искусства. Только тогда искусство может быть полноценным. И таким, как оно должно быть. Правда, абсолютно здоровый человек может иной раз предпочесть реальную жизнь бесплодным фантазиям. Ему, пожалуй, будет некогда забивать свою голову придуманными персонажами. Он предпочтет, быть может, думать о живых людях, о подлинных чувствах. Он предоставит фантазировать людям, кои и без того мыкаются среди своих фантазий, не умея в полной мере реализовать свои чувства в силу своих страхов и заторможений.

Вот почему мы чаще видим искусство и болезни в опасной близости.

И вот почему могло показаться, что искусство есть достояние нездоровых, безумных людей и подчас — кретинов.

Вовсе нет! Но именно эти, неполноценные люди заподозрили, что разум несет беду. Именно они объявили «горе уму».

Они, быть может, не ошиблись в отношении себя. Но они единицы. Они не должны были бы свои невзгоды приписывать всем людям, которые слишком далеки от подобных бедствий.

Здесь кроется обычная ошибка философов, литераторов, поэтов. Свои чувства и домыслы они нередко отождествляют с чувствами «всего человечества».

Л. Н. Толстой считал, что «непротивление злу» спасает людей от множества бед. Быть может, это спасало Толстого. Но эта идея была абсолютно чуждой людям.

В русском народе Гончаров увидел Обломовых. Быть может, обломовщина была характерна для писателя, но она отнюдь не характеризовала русский народ.

Бальзак в своем романе «Шагреневая кожа» утверждал мысль, будто жизнь гаснет и укорачивается с каждым возникшим желанием.

Страшась своих чувств и желаний, Бальзак предложил всем страшиться их, пугая непокорных смертью.

Это была вопиющая ошибка.

Напротив, человеческая жизнь сгорает тем ярче и тем

длительней, чем меньше болезненных препятствий для этого горения. Человеческий организм — это не ведро с драгоценными соками, которые можно расплескать, растерять, растратить от многих столкновений с жизнью. Это «ведро» наполняется по мере расхода. Однако оно пустеет, если вовсе не расходовать его содержимого.

Эта ошибка запутала многих и многих людей.

Это были ошибки против общества, против физиологии, против логики. В них мы усматриваем логику не полностью здоровых, а иной раз и вовсе больных людей.

И в свете этих, весьма заметных, ошибок становится понятной философская ошибка Достоевского, который сказал: «Слишком высокое сознание и даже всякое сознание — болезнь».

Достоевский не был здоровым человеком. Его жена оставила запись о своем первом впечатлении о нем:

«Я видела перед собой человека страшно несчастного, убитого, замученного. Он имел вид человека, у которого сегодня-вчера умер кто-либо из близких сердцу, человека, которого поразила какая-нибудь страшная беда».

Можно допустить, что болезненное состояние его (эпилепсия) ухудшалось от непомерной умственной работы. И, вероятно, это позволило писателю сделать столь крайний вывод.

Однако нам кажется, что не работа, а сложный «ответ», комплекс «ответов» на внешние раздражители способствовал его состоянию.

Быть может, и в этой моей книге кто-либо усмотрит ошибку, подобную тем, о которых я сейчас говорю. Но ведь я утверждаю только то, что относится лично ко мне и отчасти к людям искусства. А то, что относится к людям иных профессий и занятий, я отнюдь не утверждаю. Я только делаю предположение.

XI. РАЗУМ ПОБЕЖДАЕТ СМЕРТЬ

> Близок вой похоронных труб,
> Смутен вздох охладевших губ...

1

В одном из юношеских писем Гоголя есть удивительная и печальная фраза:

«Я разгадывал науку веселой и счастливой жизни, удивлялся, как люди, жадные счастья, немедленно убегают от него, встретившись с ним...»

Значит, Гоголь видел не только свое собственное «немедленное бегство от счастья», он также видел и бегство других.

Куда же бежали эти люди? В каких краях они находили себе спасение от той химеры, какую они создали себе?

Они бежали в те края, какие вовсе не спасали их. Они бежали в края болезней, в края безумия, смерти.

Они бежали в эти края, чтоб именно этими крайними средствами спастись от ужасов и страхов, от бед и волнений, в сущности даже не осознанных ими.

Значит, они бежали и к смерти? Разве в смерти можно видеть облегчение? Разве страх смерти меньше того неосознанного страха, который держит человека в своих руках?

Ведь мы знаем, какой силы этот страх, какое иной раз безумие вселяет в человека мысль о смерти. И тем не менее мы видим многие примеры, когда стремятся к смерти, добиваются ее, видя в ней спасение, выход, облегчение.

Как же «примирить» эти два столь крайние полюса? Нет сомнения, их можно примирить, если взглянуть, что происходит за порогом сознания.

Ребенок (и животное) не знает, что такое смерть. Он может видеть в этом — исчезновение, уход, отсутствие. Но сущность смерти ему еще не ясна. Это понятие входит вместе с развитием ума. В низших этажах психики смерть, видимо, не рассматривается как акт наиболее страшный (вернее, «опасный») из всех актов человеческого состояния.

В 1926 году, когда катастрофа была для меня слишком близкой, когда противоречия и конфликты ужаснули меня и я не находил выхода, я увидел странный сон.

Я увидел, что в мою комнату входит Есенин, который недавно умер, повесился. Он входит в комнату, потирая руки, счастливый, довольный, веселый, с румянцем на щеках. Я в жизни никогда его таким не видел. Улыбаясь, он присаживается на кровать, на которой я лежу. Наклоняется ко мне, чтобы что-то сказать.

Содрогаясь, я проснулся. Подумал: «Он явился за мной. Все кончено. Я, вероятно, умру».

Но вот шли годы. Я позабыл об этом ночном инциденте. И только теперь, вспоминая все, что было, припомнил этот сон. И тотчас понял, что он обозначал для меня в то время. Ведь он обозначал — посмотри, как мне теперь хорошо, взгляни, какой я теперь счастливый, здоровый, беззабот-

ный. Милый друг, поступи, как я, и ты будешь в безопасности от тех ужасных бед, которые нас с тобой раздирали.

Вот что обозначал этот сон, угодливо подсунутый мне обитателями низшего этажа, которые страшатся опасностей значительно, видимо, больше, чем страшатся смерти, ибо не понимают, что это такое, вернее, они не понимают ее так, как мы понимаем ее разумом.

Не этим ли объясняются многие нелепые смерти — от чепухи, от вздора, от незначительных болезней? Не в этом ли кроется одна из причин иных самоубийств, столь похожих на поспешное бегство, на бегство животного?

Такого рода самоубийства инфантильны в высшей степени. За этим стремлением к смерти слишком заметен неосознанный детский страх перед сомнительной опасностью, перед сомнительным конфликтом.

Патологический характер этого стремления несомненен. И мы еще раз убеждаемся в том, что контроль разума необходим.

2

Но, может быть, вмешательство разума излишне в иных случаях, в тех случаях, какие можно назвать нормальными?

Нет, мне кажется, что и в этих случаях контроль разума необходим.

В самом деле, какие чувства мы испытываем, когда видим смерть? Что происходит в нашей психике, в нашем «высшем этаже», когда мы «лицезреем» смерть?

Большинство людей испытывает страх, тоску и даже ужас.

А правильно ли это хотя бы с точки зрения продолжения жизни? Нет, это абсолютно неправильно, опасно и даже губительно.

Тут я вынужден более обстоятельно говорить о смерти — о том состоянии, которое в человеческой жизни более неизбежно, чем какое-либо иное состояние.

Мне кажется, что разговор об этом не противоречит принципам социалистического реализма. При величайшем оптимизме, социалистический реализм отнюдь не закрывает глаза на все, что происходит вокруг. И ханжески не отдаляет решений по тем вопросам, какие надлежит решить.

Отношение к смерти — это одна из величайших проблем, с которой непременно сталкивается человек в своей жизни. Однако эта проблема не только не разрешена (в ли-

тературе, в искусстве, в философии), но она даже мало продумана. Решение ее предоставлено каждому человеку в отдельности. А ум человеческий слаб, пуглив. Он откладывает этот вопрос до последних дней, когда решать уже поздно. И тем более поздно бороться. Поздно сожалеть, что мысли о смерти застали врасплох.

Один немецкий антифашистский писатель рассказал мне удивительный случай. Друг этого писателя попал в застенок. Его там пытали. Но он выдержал пытку. А когда он столкнулся с тем, что он должен был умереть,— душа его дрогнула. Мысль о смерти впервые пришла к нему. Она застала его врасплох, когда он был слаб и измучен. Эта мысль так его устрашила, что он отказался от своей идеи, чтоб спасти свою шкуру. Из тюрьмы он прислал покаянное письмо, с отчаянием разъясняя, что с ним случилось.

Рассказывая об этом случае, писатель сказал мне:

— Я раньше думал, что вопросы смерти мы должны предоставить писателям старого мира. Нет, мы должны писать о смерти. Мы должны думать об этом вопросе не меньше, чем люди думают о любви.

Это несомненно так. И вы сейчас увидите почему.

3

Почти все мемуаристы, говоря о Гоголе, отметили в нем страх и даже ужас к смерти.

П. В. Анненков пишет, что «лицезрение смерти ему было невыносимо».

Гоголь не был, конечно, здоров, но все же он был в удовлетворительном еще состоянии, когда однажды он близко столкнулся со смертью. Умерла сестра поэта Языкова, с которой Гоголь был дружен. Уже на первой панихиде Гоголь почувствовал себя ужасно. Он был потрясен и поражен этой смертью. Сам факт смерти так на него подействовал, что это заметили все окружающие.

Доктор Тарасенков пишет:

«Смерть ее не столько поразила мужа и родных, как поразила Гоголя... Он, может быть, впервые здесь видел смерть лицом к лицу...»

Видимо, это замечание современника Гоголя было правильным. Нет сомнения, Гоголь видел смерть, но здесь он, быть может, впервые по-настоящему задумался о ней. И тогда, как он сам признался своему духовнику, на него «напал страх смерти».

Уже на первой панихиде, вглядываясь в лицо умершей,

он (по словам А. С. Хомякова) сказал: «Все для меня кончено».

И действительно, с этого дня Гоголь был в постоянном расстройстве. И, вероятно, думая о смерти и о прожитой жизни, он однажды сказал: «Все чушь, все ерунда...»

Он заболел. По словам П. А. Кулиша, он заболел «той самой болезнью, от которой умер отец его,— именно, что на него нашел страх смерти...»

Через несколько недель Гоголь умер.

Мы описывали его конец. Это была смерть без борьбы, это была безропотная смерть, стремление к смерти. Страх присутствовал в чувствах. Он ускорял и приближал развязку. Он действовал в той губительной степени, какая была замечена окружающими.

Но ведь подобный страх испытывал не один только Гоголь. Его испытывают многие люди, большинство.

Об этом страхе и даже ужасе перед фактом смерти нам подряд сообщают — история, мемуары, письма.

Потемкин — фаворит Екатерины — буквально «выл от страха смерти». Современники писали о нем: «Малодушный страх и ужас смерти обуял его, он стал хандрить и тосковать».

Императрица Елизавета Петровна «ужаснулась смертью» и даже стала пить, чтобы рассеять страшные мысли об этом.

Царь Михаил Федорович, задумавшись о конце, «впал в неподвижность» и умер «от многого сиденья, холодного питья и меланхолии, сиречь кручины».

Смерть ужасала людей. И люди высокого ума и высокого таланта не в меньшей степени поддавались этому страху.

Сестра композитора Глинки пишет:

«Он так боялся смерти, что до смешного ограждал себя от всяких малостей...»

Тоска раздирала Мопассана, когда он писал:

«Что бы мы ни делали, все равно придется умирать. Во что бы мы ни верили, к чему бы ни стремились, мы все-таки должны умереть. Чувствуешь себя раздавленным тяжестью сознания...»

Л. Н. Толстой, ужасаясь, писал:

«Сорок лет работы, муки и успехов для того, чтобы понять, что ничто не существует и от меня останутся только гниль да черви...»

Толстой впоследствии изменил свое отношение к смерти, и эта запись его нам тем более интересна, хотя бы для сравнения, которое мы сделаем ниже.

Устрашенный смертью, Блок писал, желая, должно быть, скорей увидеть финал:

Когда ж конец? Назойливые звуки
Не станет сил без отдыха внимать.
Как страшно все! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять...

Итак, мы видим, что страх в непомерной степени присутствует при столкновении со смертью, даже при мысли о ней.

Причем мы видим, что этот страх обескураживает людей, делает их покорными, робкими, беспомощными. Он обезоруживает и делает их еще более податливыми смерти.

Как сказано у Шекспира:

...Страх смерть влечет,
Но смерти мы покорные рабы
От страха к ней, отдавшись без борьбы...

Это есть точные и верные слова. Страх лишает возможности бороться. Он ускоряет гибель. Быстрей, стремительней ведет к концу.

Заставая же нас врасплох или в болезненном состоянии, страх тем более беспощаден. Именно он более, чем что другое, «влечет нас к смерти».

Это отлично знают люди, которые были на войне. Я помню (в ту войну) солдаты, усмехаясь, говорили: «Пуля найдет труса». И это в самом деле так. Ибо устрашенный человек поступает неразумно, бестолково. Он тычется, как слепой, без учета обстановки. Страх парализует его, лишает гибкости, сопротивления. Такой человек делается физически слабым, беспомощным, суетливым. И тогда пуля скорей находит его.

И это в одинаковой мере относится и к условиям обычной, мирной жизни. Устрашенные, трусливые люди погибают скорей. Страх лишает их возможности руководить собой.

Значит, и в этих случаях, так сказать, «в норме», разум должен прийти на помощь. Он должен уничтожить страх.

4

Да, но как это делается? Легко сказать: не надо бояться смерти. Извольте уговорить человека, что смерть не так страшна. Не поверит. Поднимет на смех. И будет, пожалуй, еще больше страшиться своего конца.

Какой же путь находит разум для того, чтобы уничтожить страх, для того, чтобы не страшиться смерти? А он находит его. Мы убеждаемся в этом на многочисленных примерах абсолютного бесстрашия, удивительного мужества и на тех примерах, которые говорят нам о презрительном отношении к смерти, пренебрежении к ней.

Здесь нет нужды вспоминать прошлое. Мы видим это на многих примерах наших дней.

Можно вспомнить хотя бы комсомольца Александра Матросова, который своим телом прикрыл вражеский пулемет. Он сделал это сознательно. Он пренебрег собой. Страх перед смертью исчез, когда возникло желание помочь товарищам, спасти их, добиться победы.

Один офицер Красной Армии рассказал мне не менее поразительный случай, который произошел в этом году.

В землянке, в блиндаже, находилось двенадцать офицеров и два телефониста. Один из офицеров, вытаскивая из кармана платок, случайно выронил на пол ручную гранату. Граната зашипела. Дверь землянки была закрыта. И не имелось возможности тотчас выбросить эту гранату.

Как поступил этот советский офицер? Только несколько секунд оставалось ему для размышления. Он упал на эту гранату. Прикрыл ее своим животом. И она, взорвавшись, буквально уничтожила этого офицера. Причем ни один человек в землянке больше не пострадал. Весь удар и все осколки офицер принял на себя.

Он спас товарищей. Страх перед смертью был ничтожен в сравнении с тем чувством, которое было в сердце этого замечательного человека.

Нет сомнения, таких фактов можно найти немало из истории прошлого и из истории наших дней.

Эти факты говорят о том, что разум, идея и высокие чувства нередко побеждают страх.

Но ведь мы, говоря о страхе смерти, имели главным образом в виду не исключительные случаи, не те случаи, когда смерть была необходимой для достижения высокой цели. Мы имели в виду не героическую смерть, а смерть обычную, так сказать повседневную.

Среди случаев этой обычной смерти мы хотели увидеть бесстрашие к ней. По этим примерам мы хотели узнать, как поступал разум этих людей для того, чтобы уничтожить страх.

Такие примеры бесстрашного и мужественного отношения к смерти мы находим в большом количестве.

Ломоносов писал перед смертью:

«Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют...»

Своему другу по Академии (Штелину) он сказал:

«Я вижу, что должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть. Жалею только, что не мог я совершить все то, что предпринял для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии».

Мужественно и просто умирал Суворов. Уже на смертном ложе он, улыбнувшись, спросил Державина — какую эпитафию тот напишет на его могиле.

Наполеоновский министр, знаменитый Талейран, один из умнейших (как мне кажется) людей, писал:

«Я понемногу слабею и знаю, как все это может кончиться. Я этим не огорчаюсь и не боюсь этого. Мое дело кончено. Я насадил деревья, я выстроил дом, я наделал много и других глупостей. Не время ли кончить».

Л. Н. Толстой (по словам Гусева) сказал:

«Почти чувствую возможность радостно умереть».

Репин за несколько месяцев до смерти писал (К. И. Чуковскому):

«Пожалуйста не думайте, что я в дурном настроении по случаю наступающей смерти. Напротив, я весел... Прежде всего, я не бросил искусства. Все мои последние мысли о нем... Больше полгода я работаю над картиной «Гопак». Такая досада: не удастся кончить...»

Далее Репин пишет:

«В моем саду никаких реформ. Скоро буду копать могилу. Жаль — собственноручно не могу, не хватит моих ничтожных сил, да и не знаю, разрешат ли...»

Таких примеров спокойного и даже деловитого отношения к смерти можно привести немало.

Однако как же поступали эти люди, чтоб уничтожить страх? Что для этого они делали? Как они добились бесстрашия?

Одна история, с которой я когда-то столкнулся, подсказала мне решение этого вопроса.

Много лет назад, возвращаясь с охоты, я зашел в крестьянскую избу. Я зашел, чтоб выпить кружку молока.

В сенях я увидел крест. Обычный березовый крест, который устанавливается на могилах. Видимо, кто-то умер в этой избе. И вот приготовлен крест для покойника.

Я было хотел уйти, считая, что я зашел сюда не ко времени. И вдруг открылась дверь избы, и какой-то человек, весьма немолодой, босой и в розовых портках, предложил мне войти в дом.

Выпив кружку молока, я спросил хозяина — кто именно здесь умер и где покойник.

Хозяин усмехнулся в бороду и сказал:

— Никто не умирал. И нет покойника. Что касается креста, то это я для себя его приготовил.

Вид у хозяина был далеко не предсмертный. Глаза его светились весело. Походка была твердая. И даже на пухлых щеках его играл румянец.

Посмеявшись, я спросил, зачем понадобилась ему такая торопливость.

Снова усмехнувшись, хозяин ответил:

— Так. Был исключительный момент. Но потом он миновал.

Когда, попрощавшись, я снова вышел в сени, хозяин, похлопав ладонью по кресту, сказал:

— А знаешь, милый человек, когда сей крест мною приготовлен? Семнадцать лет назад.

— Тогда хворал, что ли?

— Зачем хворал. Маленько испужался смерти. И сделал себе крест в напоминание. И можете себе представить — привык к нему.

— И страха теперь нет?

— И страха нет. И смерти нет. В другой раз интересуюсь умереть — нет, не идет, проклятая. В свою очередь, должно быть, испужалась моего характера...

И вот, вспоминая эту историйку, я с точностью понял, в чем заключалась борьба этого человека со своим страхом. Она заключалась в привычке. В привычке относиться к смерти как к чему-то обычному, естественному, обязательному. Мысль о смерти перестала быть случайной, неожиданной. Привычка к этой мысли уничтожила страх.

Мы говорили о том, как Гоголя ужаснула смерть. Окружающие увидели эту реакцию. По словам В. С. Аксаковой, окружающие, желая переменить строй мыслей Гоголя, заговорили «о возможности с малых лет воспитать так ребенка, чтоб смерть не была для него нечаянностью».

Вот это отсутствие «нечаянности», вот это и есть основной мотив борьбы со страхом.

Нет сомнения, люди, столь спокойно относящиеся к смерти, заблаговременно о ней думали. Мысль о ней не явилась для них неожиданной.

Они видели в смерти естественное событие, закономерность все время обновляющейся жизни. Они привыкли думать о ней как об обычном конце. И поэтому умирали так,

как должен умирать человек, а не животное,— без растерянности, без паники, с деловым спокойствием. И это придавало их жизни некую величавость, даже торжественность.

Такое разумное отношение к смерти, быть может, даже удлиняло жизнь этих людей, ибо в их жизни отсутствовал основной противник — животный, не всегда осознанный страх.

5

Привычка думать о смерти как о чем-то обычном, естественном уничтожает страх. Однако эта привычка может создать некоторые даже крайности, пожалуй, ненужные в этом деле.

Мы находим примеры слишком уж спокойного и даже отчасти любовного, нежного отношения к смерти. Это уж, я бы сказал, совершенно ни к чему.

Случаи такого крайнего отношения не лишены, впрочем, комичности и хотя бы по этой причине допустимы в человеческой жизни.

Известный библиотекарь Эрмитажа (конец XVIII ст.) И. Ф. Лужков, по словам современников, с необыкновенной любовью и рвением относился ко всяким похоронным делам. Почти ежедневно он присутствовал на отпевании совершенно незнакомых ему покойников. Он бесплатно рыл могилы для бедных. До страсти любил писать эпитафии. И проводил на кладбище иной раз целые дни.

Не довольствуясь этим, он построил себе домик рядом с Охтинским кладбищем. И окна его домика выходили на кладбище, как иной раз выходят в сад.

Лужкову принадлежит нижеследующая эпитафия, высеченная на надгробной плите одного родственника:

«Паша, где ты? — Здеся.— А Ваня? — Подалее немного.— А Катя? — Осталась в суетах».

Таким же отношением к жизни — как к суете, ненужной и, в сущности, рядом с величием смерти лишней — прославился еще один человек. Это был отставной вице-губернатор Шевелев (40-е годы прошлого столетия).

Тот специально узнавал у гробовщиков, где имеются покойники, и, прихватив с собой подушку, шел по адресам. И там, где ему понравилось, он с разрешения хозяев оставался на два-три дня. Причем принимал самое деятельное участие во всей суете. Обмывал покойников, снаряжал их

в последний путь и по ночам читал над ними то, что полагалось.

Лично для себя он задолго до смерти заказал гроб с какой-то особой прорезью для глаз. Конечно, такая прорезь особых выгод покойнику не давала. Сквозь эту прорезь покойник мог видеть самую малость. А его самого уже вовсе не было видать. Поэтому Шевелев вовремя спохватился. И велел увеличить прорезь до размеров своего лица.

Причем куплено было какое-то «толстое морское стекло», каковое и было приспособлено к гробу. Получилось весьма мило. Сквозь стекло можно было любоваться покойником, не поднимая крышку гроба.

Однако смерть не торопилась приходить за этим любителем захоронений. Гроб несколько лет простоял в его кабинете. И многие гости, «любопытствуя, влезали в него», чтоб посмотреть, какая панорама раскрывается перед ними сквозь стекло окошечка.

Не без улыбок, вероятно, хоронили этого господина. Должно быть, сквозь стекло забавно было видеть серьезное, вдумчивое лицо покойника, сказавшего новое слово в деле захоронения людей, в деле спасения их от мирской суеты.

Вот это отношение к жизни как к какой-то напрасной суете — вот это и есть та крайняя степень, какая весьма характерна для людей, слишком привыкших к мыслям о смерти. Должно быть, и в этом деле требуется некоторая осторожность и разумная мера.

Впрочем, возможно, что возвышенный похоронный стиль требует упоминания, что жизнь — суета. Возможно, что это говорится просто так, для красивого словца и, так сказать, для поднятия морального духа среди покойников.

Видимо, это так, судя по эпитафии, каковая до последнего времени красовалась на Смоленском кладбище:

Что на поверхности земли?
Мирская суета, невзгоды, гам.
Супруга милая, словам внемли:
Здесь отдых, а не там.

Подлец какой! Уговаривает, что отдых здесь, а самого с поверхности земли небось калачами сюда не заманишь.

Видимо, все это пишется просто так, по традиции, по требованию сердца к возвышенным словам.

Так или иначе, и сквозь эти крайности видна некая разумность в отношении к смерти — привычка относиться к ней как к закономерному, естественному концу.

XII. РАЗУМ ПОБЕЖДАЕТ СТРАДАНИЯ

Чем свод небес прозрачней и ясней,
Тем кажутся нам безобразней тучи,
Летящие по синеве его...

1

Как много и какие тяжкие страдания иной раз испытывают люди!

Они испытывают эти страдания чуть ли не при всех обстоятельствах горемычной человеческой жизни, чуть ли не на каждом перекрестке их пути.

Эти страдания происходят и от физических причин, и от причин, лежащих в глубинах психики, и от причин внешних, которые иной раз с немалой силой влияют на ту сложную сумму дел и поступков, какая именуется человеческой жизнью.

Эти страдания нередко сопровождаются страхом.

Страх довершает картину жизни.

Страх усиливает страдания, разоружает людей и нередко, как мы видели, влечет их к смерти.

Однако разум побеждает страх. Разум находит пути к счастью. Разум создает науку — науку достойной и справедливой человеческой жизни.

Вооруженные этой наукой, люди научились и учатся ломать препятствия на своих путях, учатся создавать иные, более лучшие, более достойные условия для своего существования.

И, борясь на этих путях, люди шаг за шагом оттесняют страхи, какие непрерывно владеют ими.

Так, например, в нашей социалистической стране люди избавились от основного страха, связанного с поисками работы, а стало быть, и питания. И в этом отношении у нас нет людей которые страшились бы за свою судьбу. (Я, конечно, не беру в расчет военные годы, когда людям пришлось испытывать неслыханные страдания и в том числе некоторым людям — голод.)

Разум научился освобождать людей от многих физических страданий. Наука борется с этими страданиями с той энергией, которая достойна удивления, радости и наших надежд.

Наука изучила многие из этих страданий. Она изучила механизмы этих страданий. И к многим из этих механизмов были найдены ключи.

Однако еще не полностью подобраны ключи к тем

сложным интимным механизмам, какие возникают в глубинах нашей психики и действуют на нас, как мы видели, в столь непомерной степени.

Не без робости я попробовал подобрать эти ключи. Ну что ж, если люди скажут, что эти ключи не подходят к их, быть может, изощренным механизмам, то я и примирюсь на этом, уйду, как слесарь, который, поковыряв замок, так и не открыл его в силу своей малой квалификации или по причине вчерашней выпивки.

В общем — не знаю, как для других дверей, а для моих дверей ключи подходят.

Разум избавил меня от многих страданий.

— Кто с разумом рассматривает природу, — сказал один философ,— на того и природа взирает разумно.

2

Иные люди, не зная, откуда берутся страдания, согласны примириться с ними. И они мирятся, ссылаясь на бога и провидение.

И даже, быть может в силу своих характеров, пробуют гордиться этим. Мы знаем, как страдание было возвышено в искусстве, в литературе, в живописи.

Мы помним, какие возвышенные слова произносили литераторы, говоря о том, что страдания облагораживают людей, очищают их, поднимают на высшую ступень добродетели.

Печальное и трагикомическое зрелище — видеть таких страдальцев, кои вместо борьбы предлагают людям кичиться болячками.

Должно быть, месяца за два до своей смерти Алексей Максимович Горький прислал мне удивительное письмо.

Это письмо я называю удивительным, потому что это необыкновенно мужественное письмо о страдании. И написано оно Горьким, когда страдания его были велики.

Вот что писал Горький:

«...Эх, Михаил Михайлович, как хорошо было бы, если бы Вы дали в такой же форме [1] книгу на тему о страдании! Никогда и никто еще не решался осмеять страдание, которое для множества людей было и остается любимой их профессией. Никогда еще и ни у кого страдание не вызывало чувства брезгливости.

[1] Речь идет о моей «Голубой книге».

Освященное религией «страдающего бога», оно играло в истории роль «первой скрипки», лейтмотива основной мелодии жизни.

Но в то время, когда «простые люди» боролись против его засилия, хотя бы тем, что заставляли страдать друг друга, тем, что бежали от него в пустыни, в монастыри, в «чужие края», литераторы—прозаики и стихотворцы — углубляли, расширяли его «универсализм», невзирая на то, что даже самому страдающему богу страдание опротивело и он взмолился: «Отче, пронеси мимо меня чашу сию».

Страдание — позор мира, и надобно его ненавидеть для того, чтобы истребить...

Высмеять профессиональных страдальцев — вот хорошее дело, дорогой Михаил Михайлович. Высмеять всех, кого идиотские мелочи и неудобства личной жизни настраивают враждебно к миру.

Вы можете сделать это. Вы отлично сделали бы эту работу. Мне кажется, что вы для нее и созданы. К ней и — осторожно — идете, слишком осторожно, пожалуй!..»

И вот, перечитывая этот отрывок письма Горького, я вновь поражаюсь его словам. И тому, что Горький сумел найти эти слова, страдая сам. И тому, что он с такой точностью понял, чем я был тогда озабочен. Именно этими вопросами я тогда был занят, собирая первые материалы для этой моей книги, первоначально названной «Ключами счастья».

Я написал было ответ, однако не послал его, так как я узнал, что Горькому хуже. Я не хотел тревожить его, больного.

В этом ответе я писал, что именно такая книга у меня намечена. Однако, писал я, в этой книге я бы хотел не только высмеять страдальцев, но и найти хотя бы некоторые причины страданий, для того чтоб понять, откуда возникают эти страдания.

Первый экземпляр моей книги я обещал прислать Горькому.

Как больно и как печально, что Горького нет.

Я мысленно посвящаю ему эту мою книгу.

3

Разум побеждает страдания. Но «страдальцы» отнюдь не хотят сдавать своих позиций.

Именно они объявили горе разуму и стали опасаться

его, решив, что все страдания происходят от него и ни от чего больше.

Чем же, однако, разум так не угодил, чем рассердил и разгневал страдальцев?

Некоторые причины мы нашли, по которым разум и даже будущее его подверглось сомнению.

Мы развенчали эти сомнения по мере своих слабых сил.

Однако, быть может, мы что-нибудь еще пропустили? Может быть, мы не учли что-нибудь такое, исключительное, из-за чего разум можно бесспорно признать неполезным или виновным в людских страданиях?

Как будто бы нет. Я мысленно просматриваю все, что относится к людям, все, что составляет их жизнь,— далекие путешествия, свидания друзей, работу, любовные встречи, искусство поваров и кухарок, беседы в жактах, речи защитников и прокуроров, спектакли в театрах, хлопоты в учреждениях...

Нет, решительно нет! Разум не приносит страданий. В любом из этих дел разум не является лишним. Напротив. Наоборот. Боже мой! Какие счастливые надежды зажглись бы в наших сердцах, если б высокий разум присутствовал на каждом шагу, при каждой малости, при каждом вздохе.

Может быть, впрочем, имеется подозрение, что любовные мотивы при наличии высокого разума звучат заглушенно и тем самым приносят людям меланхолию и печаль?

Нет. Как будто бы нет. Все нормально.

Что же тогда остается? Потеря такой, что ли, птичьей легкости, потеря непосредственности барана? Но это уж не настолько приносит страдания людям, чтоб отказаться от разума.

Извольте выслушать одну небольшую историю, по которой вы увидите, что и в этой области разум, в конечном счете, одерживает верх.

Однажды Флоберу сделали операцию. У него был какой-то нарыв на щеке.

По этому поводу Флобер пишет своей возлюбленной (Луизе Колэ) меланхолическое письмецо о том, какие несчастные создания люди — подвергаются непрестанному процессу порчи и гниения.

Вот в каких неосмотрительных выражениях Флобер пишет:

«Как будто недостаточно всей этой гнили и заразы, что предшествует нашему рождению и ожидает нас после смерти... Сегодня теряешь зуб, завтра волос, открывается

рана, назревает нарыв. Прибавь к этому мозоли на ногах, естественные дурные запахи, секреции всякого вида и вкуса — все это дает необычайно заманчивую картину человеческой особи. И подумать только, что это любят!..»

Нет, конечно, так нельзя было писать. Тем более женщине, которую любишь. Тут надо было обуздать свое высокое сознание. Не умничать. Попридержать себя. В крайнем случае извиниться, если разум увлек тебя в такие дали и ты произнес лишнее.

Впрочем, и дама, имея разум, не должна была бы сердиться настолько, как она рассердилась.

Мы не знаем, в каких именно словах возлюбленная ответила Флоберу, но, судя по его письму, слова ее были весьма и весьма неприятные.

Вот что писал Флобер, оправдываясь и не понимая своей вины:

«Раньше я казался вам возвышенным — теперь кажусь жалким... Что же я сделал, боже мой, что? Вы утверждаете, что я обращаюсь с вами, как с женщиной последнего сорта... Я не понимаю ваших обид и ссор...»

Нет, все кончилось хорошо. Флобер примирился со своей возлюбленной. Так что в этом отношении разум восторжествовал и высокое сознание указало, как надлежало поступить.

Дама вновь расцвела и продолжала считать Флобера возвышенным. И маленькая любовная история, в которой присутствовал ум и отсутствовала непосредственность, была забыта.

Нет, я решительно не вижу причин страшиться высокого разума. Как видите — даже в этих делах все обходится вполне удовлетворительно и без особых страданий.

4

«Страдание — позор мира, и надобно его ненавидеть, чтобы истребить».

Так сказал Горький. И я целиком разделяю его мнение. Чтоб истребить страдание, существует наука. Она сделала немало. Но впереди предстоит сделать еще больше. Огромный и светлый путь лежит впереди.

Быть может, найдены будут многие и многие ключи, открывающие самые тайные механизмы страданий. Быть может, найдены будут еще и иные причины страданий, те, о которых мы еще не знаем.

Быть может, даже будет раскрыто то, что сейчас весьма занимает науку,— вопросы излучения.

Только лишь робкие шаги сделала наука в этой области. И нет сомнения, разум поднимет завесу над тем, что скрыто от нас еще в большей степени, чем было скрыто в тайных механизмах больших полушарий.

Быть может, и в этой области найдены будут некоторые причины страданий, от которых можно освободиться.

Все живое излучает. Вот что без слишком большой уверенности найдено современной наукой. Все живые ткани способны излучать энергию, близкую по своим свойствам электричеству.

Были найдены разного рода лучи и разного рода токи.

Первоначально возникло мнение, что эти лучи возникают только лишь в силу химической реакции, которая происходит в крови. Так, например, было найдено, что кровь лягушки выделяет ультрафиолетовые лучи.

Подобное излучение было обнаружено и у животных, и у человека.

Было замечено, что кровь больных (скажем, больных саркомой, раком) не излучает. Старость и дряхлость излучает в малой степени.

Затем было найдено, что излучает не только кровь, излучают — мышцы, мозг, кожа, нервы...

Было найдено, что мозг излучает электромагнитные волны. И эти волны вполне улавливаются антенной. И что эти весьма ощутимые волны создаются движением электронов, летящих со скоростью света.

Оказалось, что сложный мозг человека, имеющий бесчисленное количество клеток (свыше 12 миллиардов), способен принимать и удерживать огромное количество электронов. Во всяком случае, оказалось, что мозг является, видимо, центром сложной электрической цепи.

Было найдено, что расстроенная мозговая деятельность проявляется особой формой и особой частотой волн. Иными словами — величина и напряжение тока меняется в зависимости от состояния мозга.

Мозг истериков, невротиков, эпилептиков в иных случаях создает токи, во много раз превышающие норму. Это в одинаковой мере относится и к некоторым видам психических болезней.

Лучи, возникающие в тканях живых организмов, названы были митогенетическими лучами. Это открытие имело

обширную литературу, однако судьба этого открытия мне не полностью известна — я слышал, что эти лучи будто бы взяты под сомнение. Не был доказан характер (и происхождение) этих весьма слабых, малоинтенсивных лучей.

Однако судьба этого открытия не меняет дела. Наличие в нашем организме токов и всякого рода излучений не оставляет сомнения. Еще значительно раньше этого открытия было известно, что некоторые животные, в особенности глубоководные, обладают свойством излучения. Известно, например, что морской скат оглушает свою добычу весьма сильным электрическим ударом (до 80 вольт).

Было известно, что и люди являются носителями некой электрической энергии.

Знаменитый художник Ван Гог в своем письме пишет о Гогене:

«Зачастую наши беседы оживлялись исключительно сильным электрическим флюидом. Иногда же мы кончали беседу с усталыми головами, как электрические батареи после разрядки».

Видимо, открытие биотоков и всякого рода излучений живого организма не является чем-то новым.

Эти излучения, эти токи есть, видимо, нечто бесспорное, неотделимое от всего, что живет.

Это свойство живых тканей не противоречит общему принципу, найденному и в отношении всех тел. Было найдено, что в основе строения атомов лежит сложный электрический заряд.

Причем это относится к атомам[1] любого вещества.

Стало быть, вещество является носителем сложных электрических зарядов [2].

И, стало быть, электрический заряд есть в каком-то счете основной состав материи, это есть, видимо, первичный материал, из которого создан мир.

Наука не вполне знает, что такое электричество и сколько имеется видов этой энергии.

Однако многие соотношения в этой области известны.

---

[1] Всякое вещество состоит из молекул, которые являются самой малой частью вещества. Молекула — это есть мельчайшее подразделение, которое мы можем получить, не изменяя химических свойств вещества. Скажем, лед состоит из молекул воды. Но если подразделять молекулу воды, то это уже будет не вода, а атомы кислорода и водорода.

[2] Сами атомы являются резервуарами огромнейших запасов энергии. Распад или расщепление атома — это превращение материи в энергию.

Одно из самых элементарных соотношений — это то, что электрический ток любого порядка вызывает вокруг провода, по которому он идет, магнитные силы. И всякое изменение электрического поля сопровождается возникновением магнитных полей.

И принцип этот в одинаковой мере относится к токам любого свойства.

Стало быть, любые излучения есть электромагнитные излучения.

Это относится и к свету, и к теплу, и к радио, и, видимо, к биотокам, ибо все виды этой энергии возникают с помощью электрических волн.

Эти электромагнитные волны распространяются лучеобразно, подобно тому как на поверхности воды распространяются волны от упавшего камня.

Если это так, то должно существовать и влияние электромагнитных волн на окружающую материю.

Стало быть, мозг человека, находящийся в сложной электрической цепи и в сложных электрических отношениях, несомненно, испытывает разнообразнейшие влияния.

Можно смело сказать, что мозг не является чем-то обособленным, каким-то единым изолированным хозяйством. Он не огражден от всякого рода влияний. Он не замкнут в себе. Это противоречило бы элементарным принципам.

Мы знаем, что деятельность больших полушарий характеризуется двумя основными процессами — возбуждением и торможением.

Стало быть, если говорить о каких-либо влияниях извне, то эти влияния в первую очередь отнесутся именно к этим процессам. И если действительно аппарат нашего мозга не замкнут в себе, то влияния извне могут сказаться на том или ином изменении этих процессов. Причем эти изменения, видимо, могут последовать как в соответствии с внутренними импульсами, так и вопреки им.

Во всяком случае, если допустить, что влияние извне имеется хотя бы в самой малой степени, то процессы возбуждения и торможения не протекают только лишь от единых внутренних причин, замкнутых в человеческом теле.

Другой вопрос — какой силы эти влияния и каково происхождение этих влияний.

Такого рода вопрос наука решить пока не сумела.

И далее предположений, иной раз весьма сомнительных, не пошла.

Однако и в нашу задачу не входит решение этого вопроса. В нашу задачу входит только лишь сделать предположение о наличии этих влияний и возможных последствиях этого на деятельность больших полушарий мозга.

Мне кажется, что сомнений нет — влияние извне имеется. Известен опыт, произведенный А. Г. Гурвичем. Ученый доказал, что две луковицы, посаженные рядом, влияют друг на друга. Короткие ультрафиолетовые лучи, возникающие в одной луковице, способствуют и вызывают усиленное деление живой клетки в соседней луковице.

Во всяком случае, если эти луковицы отделить друг от друга пластинкой, не пропускающей ультрафиолетовые лучи, то рост этих луковиц замедляется и значительно ослабляется процесс деления клетки. Стало быть, эти лучи являются ближайшей причиной клеточного деления. И, стало быть, такого рода влияние извне на живые ткани бесспорно.

Видимо, бесспорно, что все живые существа в той или иной степени оказывают влияние друг на друга. Видимо, не только мозг находится в сложной цепи электрических отношений, видимо, весь организм животного не есть нечто локализованное в своем едином хозяйстве.

Целый ряд такого рода влияний извне мы знаем на практике жизни. Мы знаем хотя бы, что крайняя степень неврастении, психической угнетенности неблагоприятно действует на окружающих. Окружающие, в свою очередь, начинают в какой-то мере испытывать подобную угнетенность. Иной раз даже незнакомый человек, вошедший в комнату, влияет неблагоприятно — окружающие начинают чувствовать какую-то «неловкость», скованность, начинают чувствовать, что им «не по себе».

Такого рода примеры подтверждают, что влияния извне имеются. И что влияния эти в первую очередь сказываются на процессах торможения, происходящих в мозгу.

Если это так, если существует влияние, если мозг человека улавливает излучения, возникающие извне, то как отражаются эти внешние колебания на человеческой психике? Какое значение имеет этот внешний «фон» для поведения человека?

Нам кажется, что не следует преуменьшать значения этих влияний. В какой бы малой степени они ни были, они играют роль в психической жизни.

Допустим, что мозг человека начал испытывать весьма сильное влияние, и оно выразилось в усиленном торможении. Не зная, почему возникла эта заторможенность, человек непременно постарается мотивировать эту свою угнетенность какой-либо материальной или нравственной причиной.

На здоровой психике человека такая случайная, иной раз фальшивая мотивировка не отразится сколько-нибудь существенно. Заторможенность уйдет, и мотивировка забудется. Однако для психики нездоровой (в особенности при случаях психоневроза) такая неверная мотивировка весьма существенна, ибо причина угнетенности будет разыскиваться среди тех «больных» предметов, среди тех объектов устрашения, с какими произошли «столкновения». Тем самым эти «больные» предметы еще в большей степени будут утверждены в психике как предметы опасные. Иными словами, ложные доказательства опасности утвердятся.

Нет сомнения, эти вопросы весьма нелегко поддаются анализу, и предположения здесь следует делать весьма осмотрительно, однако принцип соотношений уже можно увидеть.

Все эти вопросы — вопросы дальнейших поисков науки.

Что касается силы внешних влияний и происхождения их, то эти вопросы тем более не поддаются еще учету.

В науке не раз высказывались предположения о космических влияниях, о влияниях солнца и звезд на органическую жизнь Земли. Вопросы эти древнего происхождения. И наука прошлого не раз склонялась к решениям, по которым организм животного рассматривался как микрокосмос.

Во всяком случае, современная наука вовсе не отвергает значение тех излучений и той энергии, какие получает извне наша планета.

Были открыты так называемые космические лучи. Они представляют собой поток огромной силы и состоят из электрических зарядов, которые бомбардируют нашу Землю. Падая на границу нашей атмосферы, они способны деформироваться, способны превращаться в иные силы [1].

---

[1] Нейтральный атом (ядро, заряженное положительно, и окружающие это ядро отрицательно заряженные электроны) способен делиться на две заряженные частицы. Процесс этого деления называется ионизацией.

Энергия этих электрических зарядов чрезвычайно велика, однако, падая на нашу Землю, заряды эти весьма ослабляются в своей энергии.

Во всяком случае, наука ведет огромную работу по изучению интенсивности этих излучений. В свое время этим был занят погибший при аварии стратостата Т. Усыскин. Им были проделаны измерения до 22 километров. Установлено, что на высоте 5 километров интенсивность излучения в 6 раз превышает интенсивность на уровне моря. На высоте же 10 километров эта интенсивность лучей в 40 раз больше, чем на уровне моря.

Стало быть, энергия лучей, проходящих атмосферу, чрезвычайно снижается. И, видимо, влияние этих лучей не столь существенно, как иной раз предполагается теми, кто хочет снизить значение человеческой жизни и человеческого разума.

Во всяком случае, будущая наука решит вопросы о силе этого влияния и о значении этого влияния на психику и поведение человека. И если окажется, что влияние это сколько-нибудь имеет значение и тем самым люди испытывают некоторые страдания, о которых они не знают, разум человека и в этой области принесет освобождение.

XIII. РАЗУМ ПОБЕЖДАЕТ СТАРОСТЬ

Но старость, черт ее дери, с котомкой и клюкой
Стучится, черт ее дери, костлявою рукой.

1

Однажды я шел с моим другом по улице, беседуя с ним о старости.

Мой друг склонялся к тому, что старость не так уж отвратительна, как многие думают. Он напомнил мне слова Л. Толстого о старости: «Я никогда не думал, что старость так привлекательна».

Я спорил с моим другом. В то время я не без страха взирал на людей, которые гаснут, дряхлеют, превращаются в жалкую рухлядь.

Я спорил с моим другом, доказывая ему, что старость есть нечто ужасное, даже ужаснее, нежели смерть. Это есть потеря и ослабление чувств, желаний, намерений. Что может быть хуже?

У меня тогда были неверные мысли о старости, и вот почему я так спорил.

Когда мы, беседуя, свернули с Невского на Фонтанку, произошел несчастный случай. Мой друг оступился, упал, и проходящий грузовик слегка задел его. Ранение было не слишком велико. Оно выразилось в царапинах щеки и уха. Однако верхняя губа оказалась изрядно рассеченной.

Я вызвал карету скорой помощи и отвез моего стонущего друга в больницу. И там тотчас его положили на стол, чтобы зашить рассеченную губу.

Я присутствовал при этой операции, крепко сжимая руку своего товарища, который страшно нервничал и стонал.

Перед тем как приступить к операции, хирург (молодая женщина) обратился с вопросом ко мне, так как у пострадавшего необычайно вспухла губа и он не смог бы ответить. Женщина-хирург спросила:

— Сколько лет вашему знакомому?

Я не знал. Пожал плечами. Сказал:

— Вероятно, ему лет за сорок. Однако какое это имеет значение? Скорей делайте операцию — видите, в каком он состоянии.

Женщина-хирург, тоже пожав плечами, сказала:

— Это имеет не маленькое значение. Если ему меньше сорока-пятидесяти лет, я сделаю ему пластическую операцию. А если пятьдесят, так я... так зашью... Нет, все будет хорошо и как полагается, но уже, конечно... не то что... как бывает при пластической операции.

Тут пострадавший, услышав эти слова, застонал и заметался на столе. Рассеченная его губа не позволила ему вступить в пререкания с врачом. Подняв руку, он выкинул четыре пальца и, потрясая ими, как бы говорил: только сорок, только, черт возьми, сорок, делайте пластическую операцию.

Слегка поломавшись, женщина-врач приступила к пластической операции.

Нет, губа была зашита порядочно, шрам был невелик, но моральное потрясение еще долго сказывалось на моем друге. Он позабыл о том, что его задела машина, его потрясение было в ином — он не мог позабыть слова хирурга о пятидесятилетних людях, которым можно зашивать губы так, как иной раз зашивают матрацы, стегая грубой ниткой через край.

Вот эта душевная боль моего стареющего друга осталась у него надолго. Эта боль осталась и у меня. И о старости я стал думать еще хуже, чем я до сих пор думал.

И решил с ней бороться.

2

Нет, я никогда не мечтал жить долго, никогда не хотел жить до ста лет. Я не видел в этом прелести или удовольствия.

Но я бы хотел жить так, чтоб не особенно стареть, чтоб не знать жалкой слабости, дряхлости, уныния. Я бы хотел до конца своих дней быть сравнительно молодым. То есть таким, который не потерял бы в битвах с жизнью некоторую свежесть своих чувств. Вот это примирило бы меня со старостью. Я не стал бы так гнушаться этих предстоящих лет. Я бы ожидал мою старость не столь озлобленно и не с таким отвращением, какое было в моем сердце.

Но как это сделать? — думал я.— Как поступать мне, чтобы объятия старости не были бы для меня слишком чувствительны? Что нужно сделать для того, чтобы в старости чувствовать себя здоровым, цветущим, сравнительно молодым, если не юным?

Неужели человеческий разум не придет на помощь в этом весьма законном желании?

И вот тогда я стал присматриваться ко всем старикам. Из них я выбирал себе таких, у которых были яркие щеки, твердая походка, гладкая кожа, крепкие руки, гибкие ноги и молодые, сияющие глаза.

Я не столь часто находил таких стариков, но, когда находил, не выпускал их из вида. Я следил за ними, присматривался к их жизни, к их поведению, к их привычкам.

Я хотел, наблюдая за ними, вывести какое-нибудь правило, по которому не угасает молодость.

Я не мог вывести такого правила, ибо каждый из этих стариков жил по-разному, по-своему, не придерживаясь каких-либо норм.

Я стал расспрашивать многих цветущих стариков об их секретах. И они охотно мне отвечали.

Впрочем, каждый из них говорил по-разному, каждый имел свои особенности и свои мотивировки, по которым он считал, что его жизнь продолжает цвести.

Один старик, которому было 70 лет, так ответил мне:

— Я никогда не курил. Табак изнашивает наши ткани. И вот, быть может, причина, отчего я молод.

Другой старик, которому было не меньше лет, сказал:

— Табак не влиял на меня в дурную сторону. Но я всегда занимался спортом, физкультурой. Спал при открытом окне. Вот что, вероятно, подействовало на меня благоприятно.

Третий замечательный и даже великолепный старик, юношески бодрый и свежий (а это был Бернард Шоу), ответил мне на одном обеде, который давали в его честь. Усмехаясь, писатель сказал:

— Вот уже тридцать пять лет я не ем мясо. Не найдете ли вы в этом обстоятельстве причины моей молодости?

Нет, в этом обстоятельстве я не нашел причину молодости 75-летнего старика.

Я тем более не нашел этой причины, ибо рядом со мной сидел другой 70-летний старик (а это был Ф. Кон), который сказал:

— Я всю жизнь ем мясо. И тем не менее здоров и бодр. Причины в ином — я работаю, работа меня увлекает, я точен и аккуратен в работе, как часы. И вот, быть может, тот секрет, который вы ищете.

Еще один старик, весьма выдающийся деятель искусства М., сказал:

— Причина моей молодости — работа, вдохновение. Вот откуда я черпаю мою сравнительную свежесть. Но зато когда работа закончена — я выдуваюсь, как резиновая свинка, которой прокололи бок.

Еще один замечательный старик (а это был народный артист Ю.) сказал:

— Видите ли, в чем дело,— я много ем, много работаю, я все делаю много, я ни в чем себя не ограничиваю. Не запрещаю себе ничего из того, что мне хочется. И знаю, когда я начну себя ограничивать, когда начну бояться, когда страх проникнет в мое сердце,— тогда я погиб. Тогда и жизнь, и молодость закончатся одновременно.

Мне очень понравился этот ответ. Но это правило было не для меня — я не привык много есть и не привык исполнять все мои желания. И не намерен был изменять своим привычкам. Однако вторую часть ответа я признал справедливой.

Еще один человек, которому было 70 лет, а выглядел он сорокалетним (это был датский писатель М. А. Н.), ответил мне, взглянув на свою молодую жену:

— Я люблю.

Смутившись, жена этого человека сказала:

— Нет, нет, не только это. Мой муж любит свою литературную работу. Он много работает. И вот причина, которую вы ищете.

Еще один цветущий старик, которому на вид было 40, а на самом деле ему было 63 года (это был поэт Ц.), сказал мне, тяжко вздохнув:

— Я молод оттого, что ем помидоры, клюкву и морковь. Но что толку в моей молодости.

И тут, продолжая тяжко вздыхать, поэт рассказал мне маленькую историйку, случившуюся с ним. В него влюбилась молодая девушка — студентка Н. Она однажды осталась у него. И они были счастливы. Наутро, когда поэт вышел в коридор, девушка, сидя перед зеркалом, случайно увидела паспорт, его паспорт, который лежал на столе.

Когда поэт вернулся в комнату, он застал девушку в слезах.

Сквозь рыдания она сказала:

— Боже мой! Я не знала, что вам столько лет. Я бы никогда не пришла к вам. Боже мой, как я низко пала!

Я утешил поэта, сказав, что девушка глупа. И вот почему она так сказала. Однако мое сердце сжалось. Но потом утешилось, когда я подумал, что я ищу молодость вовсе не для любовных встреч. А если они и будут происходить, то паспорт можно будет прятать.

Еще один старик, от которого пахло винным перегаром, сказал мне:

— Только вино поддерживало мои силы. Только вино давало мне бодрость, молодость и, если хотите, юность.

Я внимательно взглянул на этого старика. Нет, это была не молодость и не юность. Разбухшее лицо, красные, слезящиеся глаза и дрожащие руки говорили об ином. Они говорили об эпитафии, которой надлежало бы увековечить скорую кончину старика:

«Здесь покоится жалкое тело, разлученное с жалкой душой».

В общем, я расспрашивал еще многих и многих стариков. И все они отвечали по-разному. Все они находили свои правила, годные им, но, быть может, не совсем пригодные другим людям.

Однако некоторые их правила были полезны для меня, и я ими воспользовался. Тем не менее молодость ускользала от меня даже в мои 30 лет.

И тогда я стал думать о таком правиле, которое надле-

жало мне найти для своих надобностей, для своей жизни, для своих свойств.

И вот мне показалось, что я нашел это правило и что оно пригодно для меня в высшей степени.

Я имел в виду то, о чем я пишу в этой книге.

Я имел в виду контроль, который я в дальнейшем установил для того, чтобы освободить мой разум и мое тело от низших сил, от их страхов и ужасов, от их действия, каковые выражались в бессмысленной, дикой, ошибочной обороне перед тем, перед чем обороняться не следовало.

И вот в силу этого мой разум и мое тело стали свободными от множества препятствий и бед. И от страданий, какие я покорно сносил, полагая, что это так и должно быть.

И это мне дает надежду, что старость не коснется меня в столь ужасной степени, какую мы иной раз наблюдаем.

ЭПИЛОГ

Сознание — это такая вещь, которую люди приобретут — хотят они этого или нет.

К. Маркс. Из переписки 1843 г.

1

И вот моя книга подходит к концу.

Что остается еще сказать? Сказано немало. Остается добавить, как это полагается в финалах, о судьбе героев.

Основной герой — это отчасти я, отчасти та страдающая личность, ради которой и было предпринято мое сочинение.

Обо мне, пожалуй, все сказано, что можно было сказать.

Юношеские мои годы были выкрашены черной краской, меланхолия и тоска сжимали меня в своих объятьях. Образ нищего преследовал меня на каждом шагу. Тигры подходили к моей кровати, даже когда я не спал. Рев этих тигров, удары и выстрелы довершали картину моей печальной жизни.

И куда бы я ни обращал свой смущенный взор — всюду я видел одно и то же.

Гибель ожидала меня в любой момент моей жизни.

Я не захотел погибнуть столь плачевным образом.

Я захотел изменить свою несчастную судьбу.

Я предпринял атаку против тех врагов, каких я обнаружил путем следственного розыска.

Этих врагов оказалось немало.

Среди них один — неосознанный страх — был обращен в бегство вместе со своим коварным оборонным оружием.

Другие мои враги сдались на милость победителя.

Некоторые из них были мной уничтожены. Другие были закованы в кандалы и брошены в свою прежнюю темницу.

Я вышел победителем. Я стал иным после этой битвы. Мало сказать иным — возникла новая жизнь, совершенно непохожая на то, что было раньше.

Временами противник делал попытки вернуть свои позиции. Однако мой разум контролировал все его действия, и эти попытки прекратились.

2

Значит, победа принадлежит разуму, сознанию?

Но разве этот контроль, постоянная бдительность, настороженный взор не приносят, в свою очередь, огорчений, несчастий, тоски?

Нет. Этот контроль, эта бдительность и настороженность были нужны только лишь во время сражений. В дальнейшем я обходился без этого и жил почти добродушно, как живет большинство.

Но разве от этих битв не пострадало мое ремесло художника? Разве победивший разум не изгнал вместе с врагами то, что мне было дорого,— искусство?

Нет. Напротив. Моя рука стала тверже. И голос звонче. И песни веселей. Я не потерял мое искусство. И тому порукой мои книги за последние двенадцать лет. Тому порукой эта моя книга. Она написана во многих жанрах. И жанр художника здесь вовсе не слабей.

Значит, подобный контроль сознания над низшими силами можно осуществлять без всякого вреда для себя?

Да. Но такой контроль надлежит делать людям, умеющим профессионально мыслить, умеющим анализировать. Такой контроль необходимо произвести только лишь с помощью врача. Я остерегал читателя от дилетантских попыток, приводя в пример первые свои поражения.

Я знаю, что имеется немало противников, кои выступают и будут выступать, понося этот метод контроля да и сам контроль.

Что лежит в этом протесте и какие доводы приводят противники?

Некоторые из них считают, что такой контроль неосуществим. А если и осуществим, то это и не контроль вовсе, а нечто вроде самогипноза.

Это, конечно, вздор. Элементы самогипноза отсутствуют. А если иной раз и возникают, то от них нет вреда.

Иные противники считают, что подобный контроль и весь процесс анализа доступен только лишь немногим. Дескать, это наука для немногих, она, дескать, не массового характера как метод для излечения.

Ну что ж. И болезнь, связанная с психикой, относится весьма к немногим. Эта болезнь также не носит массового характера. И, стало быть, мотив противника неоснователен.

Есть и еще довод у противников. Заторможенность, говорят они, есть в некотором роде биологическая необходимость. Если возникает заторможенность (пусть и патологического характера), то она возникает оттого, что этого требует тот или иной неполноценный организм, неполноценный от рождения. Такая заторможенность есть в некотором роде норма. С ней надлежит примириться. Как и надлежит примириться с тоской и меланхолией. Ибо счастье человечества не в свободной воле и не в свободном разуме. Счастье — в тех тисках, которые ограничивают людей в их желаниях.

Эти мотивы обычно приводят те люди, которые страшатся заглянуть в самих себя, те люди, которых сжимают страхи, сжимают низшие силы, не позволяя им поднять свою голову, чтоб увидеть мир, освещенный ослепительным солнцем.

Именно об этих людях сказано у поэта:

О горе! Бежать от блеска солнца
И услады искать в тюрьме, при свете ночника...

Эти люди согласны провести свои дни при свете ночника, только чтоб не потревожить своих страхов.

Каждая страница моей книги будет вызывать у таких людей лихорадку.

Уже я слышу их визгливые голоса.

Когда-то один человек, неглупый, но крайне скованный, сжатый неосознанным страхом, почти уничтоженный им в его личной жизни, писал мне:

«Не думайте, что я вылечился от неврастении, я только изобрел способ... Неврастения состоит в тоске (главным образом). Значит, надо ассимилировать себе тоску. Вот и весь способ. Я внушил себе, что это состояние неизбежно и что к нему надо привыкнуть».

Вы понимаете, что сказал этот человек? Он сказал, что к тоске нужно привыкнуть. Не изгнать ее, не уничтожить, не исследовать причины этой тоски, а привыкнуть к ней, полюбить ее.

Какие рабские чувства! Какое раболепство перед страхом! Как явственно видны причины протеста!

Такого рода примеры протестующих «страдальцев» еще более убеждают меня, что контроль разума необходим.

В 1936 году я получил одно ужасное письмо. Крестьянин (Воронежской области) из мести зарубил топором семью своего соседа. У соседей была давняя ссора, и вот этот крестьянин, охваченный бешеным чувством ненависти, наконец совершил свое кровавое преступление.

Этого человека, естественно, приговорили к высшей мере. Находясь в камере, этот малограмотный человек читал книги и среди них повстречался и с моей книгой «Возвращенная молодость».

Я не знаю, что понял этот человек, прочитав мою книгу, но одну идею он уразумел. Он понял, что человек может и должен руководить собой.

Пораженный этой простой мыслью, преступник написал мне письмо о том, что, если б он знал об этом, он не совершил бы своего преступления. Но он не знал, что можно управлять своими чувствами.

Это необыкновенное письмо я опубликовал (в 1941 году) в «Ленинградском альманахе». Сейчас у меня нет под рукой этого письма. Но это письмо следовало бы прочитать. Оно написано малограмотной рукой. Но мысли в этом письме так ясны и так страшны, что я сосчитал своей обязанностью навязывать людям свои мысли о необходимости руководить собой, о необходимости управлять своими чувствами.

Не дело, чтобы низшие силы одерживали верх. Должен побеждать разум.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, книга закончена.

Последние строчки этой книги я дописываю 8 октября 1943 года.

Я сижу за столом в своем номере на десятом этаже гостиницы «Москва».

Только что по радио сообщили о разгроме немецких войск на Днепре. Наши доблестные войска форсировали Днепр. И вот теперь гонят противника дальше.

Итак, черная армия, армия фашизма, армия мрака и реакции пятится назад.

Какие счастливые и радостные слова! Впрочем, иначе и не могло быть. Не могло быть, чтоб победили люди, выступившие против всего, что дорого народам,— против свободы, против разума, за рабство, за звериный вой вместо человеческой речи.

Наша доблестная Красная Армия гонит и уничтожает противника, черные мысли которого стали еще черней.

Ночь. Передо мной листы моих рукописей.

Я перелистываю их и вношу последние поправки.

Сквозь занавешенные окна пробивается рассвет.

Я открываю дверь и выхожу на балкон.

Холодное октябрьское утро. Тишина. Москва еще спит. Улицы пустынны и безлюдны.

Но вот где-то на востоке розовеет небо. Наступает утро. Лязгая железом, проходит первый трамвай. Улица заполняется народом.

Холодно.

Я возвращаюсь в свой номер. Собираю разбросанные листы моей законченной книги. Мысленно прощаюсь с ней. Восемь лет эта книга была в моей голове. Восемь лет я думал о ней почти ежедневно. Восемь лет — это не маленькая часть человеческой жизни.

Мне приходят на ум прощальные стихи. Нет, я, быть может, произнесу их когда-нибудь в дальнейшем, когда буду прощаться не с этой книгой и не с восьмью годами моей жизни, а со всей жизнью.

Это стихи греческого поэта:

Вот что прекрасней всего из того, что я в мире оставил:
Первое — солнечный свет, второе — спокойные звезды
С месяцем, третье — яблоки, спелые дыни и груши...

Впрочем, к звездам и к месяцу я совершенно равнодушен. Звезды и месяц я заменю чем-нибудь иным, более для меня привлекательным. Эти стихи я произнесу так:

Вот что прекрасней всего из того, что я в мире оставил:
Первое — солнечный свет, второе — искусство и разум...

А уж на третьем месте можно будет перечислить что-нибудь из фруктов — спелые груши, арбузы и дыни...

РАЗУМ ПОБЕЖДАЕТ

(О научно-художественных повестях М. Зощенко)

Вклад М. Зощенко в научно-художественный жанр представляет значительный интерес, хотя известен мало. Широкое хождение имеет образ Зощенко только как юмориста и сатирика. Но у писателя была и другая ипостась. Начиная повесть «Возвращенная молодость», автор спрашивает себя, на что похоже его произведение, и отвечает: «С одной стороны, это сочинение также можно будет назвать художественным. Но это только с одной стороны. А с другой стороны — нечто совершенно иное. Это такое, что ли, научное сочинение, научный труд, изложенный, правда, простым, отчасти бестолковым, бытовым языком, доступным, в силу знакомых сочетаний, самым разнообразным слоям населения, не имеющим ни научной подготовки, ни смелости или желания узнать, что творится за всей поверхностью жизни.

В этой книге будут затронуты вопросы сложные и даже отчасти чересчур сложные, отдаленные от литературы и непривычные для рук писателя».

Зощенко не сразу пришел к научно-художественному жанру. Определенным этапом на этом пути была документальная книга «Письма к писателю». Это был своеобразный опыт исследования читательской аудитории, ее настроений, кругозора, устремлений и запросов. Зощенко принадлежали скупые строки комментариев, основной текст составляли письма, полученные им от читателей. Письма приходили разные — глупые, смешные, корыстные, удручающие и даже отчаянные. В «Возвращенной молодости» приведено одно такое письмо-исповедь, которое заканчивалось просьбой о помощи: «Ответьте мне. Что мне делать? Как мне выбраться из этого воображаемого болота, в котором я захлебываюсь. Ведь это болото хуже топкого».

Вчитываясь в читательскую корреспонденцию (которая в нарастающем количестве продолжала поступать к нему), писатель все отчетливее убеждался в том, что его задача не только учить, но и лечить людей. Во

всяком случае, от мук душевных в той мере, на какую способны слово и мысль. А для этого нужны знания.

Зощенко говорил, что его всегда поражало: художник, прежде чем рисовать человеческое тело, должен изучить анатомию,— только знание этой науки избавляет художника от ошибок в изображении. А писатель, в ведении которого больше, чем человеческое тело — его психика, его сознание,— нечасто стремится к подобного рода знаниям. Зощенко счел своей обязанностью взяться за серьезное изучение сознания. Учась, писатель учил других, то популяризируя уже добытые знания, то проникая в область неизведанного.

Ученье стимулировал нервный недуг, которым смолоду страдал писатель. Болезнь оказалась непонятной и неизлечимой. Лекарства не помогали, от прописанных врачом водных процедур писателю становилось хуже. Кризис наступил в 1926 году, когда больной перестал есть и чуть не погиб от голода. Именно тогда он почувствовал, что никто, кроме него самого, не в состоянии ему помочь.

«Я встречался с писателем,— вспоминает профессор А. А. Портнов,— в ту пору, когда в Ленинграде уже не было издательства, не сделавшего ему лестного предложения, когда ученые самым серьезным образом говорили о лингвистическом феномене писателя, а в издательстве «Academia» подготавливалась о нем книга. И даже тогда время от времени Зощенко впадал в состояние подавленности, сомневался в ценности своих произведений. У меня не было сомнений: он страдал циклотимией, болезнью, выражающейся в смене настроений — от нормального до тяжелейшей хандры. И вот в одно прекрасное время Михаил Михайлович решил эту болезнь победить — почти без помощи врачей, своей волей и интеллектом. И, надо сказать, эксперимент удался» [1].

Первую попытку осмыслить собственный эксперимент содержала повесть «Возвращенная молодость». Вышла повесть в 1933 году, но замысел возник значительно раньше. В сентябре 1927 года Зощенко писал М. Горькому: «Очень желаю Вам здоровья и долгой жизни, которая, мне думается, зависит главным образом от воли человека».

Я прочел у Гете замечательную фразу. Когда умер один из его друзей — 70-летний старик З.,— Гете сказал: «Я удивляюсь, как это у людей не хватает храбрости жить дольше».

Стало быть, Гете считал, что для долгой жизни надо только иметь желание и как бы представление, уверенность в том, что жить можно долго и даже сколько угодно...

Я хотел вас спросить, как вы думаете — верно ли это? Верно ли, что люди сами, собственными руками делают себе долгую жизнь. Верно ли,

---

[1] Смена, 1972, № 4. С. 27.

что люди часто создают себе философию (как, например, Л. Толстой), которая не идет вразрез ни с собственными силами, ни с возможностью жить долго.

Или я заблуждаюсь. И люди живут как придется, по временам советуясь с врачами о своих недомоганиях и кушая пилюли, которые поддерживают жизнь. Мне все же кажется, что это не так» [1].

«Возвращенная молодость» — повествование о том, как управлять своим здоровьем, как «собственными руками» делать долгую и плодотворную жизнь. Сама повесть занимает меньше трети текста, ей предшествует «научное рассуждение с разными сносками», ее дополняют «комментарии и статьи». Можно, конечно, прочитать только повесть и получить эстетическое удовольствие от зощенковской прозы, подобное тому, которое дают его рассказы. Но можно (и нужно) проникнуть в глубинный пласт произведения, прочитать (и продумать) комментарии, которые, строго говоря, не комментарии, а размышления автора на волнующую его тему. Речь идет не столько о медицине, сколько об этике и общем взгляде на человека и мироздание. Сам Зощенко подчеркивал, что в книге он высказывает «некоторые философские мысли по поводу жизни», а комментарии представляют собой «записи скорее философского характера, чем медицинского» [2]. Зощенко писал для массового читателя, сохраняя свою привычную, сделавшую его популярным манеру, она не должна нас дезориентировать сегодня; речь идет о серьезных вещах.

Сделав героя повести профессора Волосатова астрономом, автор получил повод в комментариях вспомнить о книге Дж. Джинса «Вселенная вокруг нас», порассуждать о солнечной системе, о космосе, пофантазировать о судьбах человечества, о возможной его гибели. «Однако нас более интересует будущая жизнь, чем будущая гибель, и еще более интересует настоящая жизнь, чем будущая». О ней автор и ведет свой главный разговор.

Иногда приходится слышать, что Зощенко находился под влиянием книги австрийского писателя М. Нордау «Вырождение». Эта книга, появившаяся в конце прошлого века, в свое время наделала много шума. Нордау нарисовал довольно мрачную картину европейского вырождения, вызванного, по его мнению, «органическим истощением, постигшим народы» [3]. Зощенко, не упоминая имени Нордау, фактически с ним полемизирует, он согласен с тезисом «о гибельности буржуазной европейской культуры, о неправильном ходе истории и о всей утонченной цивилизации, которая изнашивает мозг», но причину справедливо усматривает «в тех социальных установках, которые существовали», он твердо убеж-

---

[1] Лит. наследство. Т. 70. 1963. С. 157.

[2] Стенограмма диспута о книге «Возвращенная молодость» от 13 апреля 1934 года; Архив Зощенко.

[3] Нордау М. Вырождение. СПб., 1894. С. 48.

ден в том, что «социальное переустройство общества ведет к новым, здоровым формам жизни, а стало быть и к новому здоровью». Социальному биологизму Нордау Зощенко противопоставляет материалистическое понимание истории.

В этом свете объемнее становится заголовок повести: «Возвращенная молодость» — книга об обновлении человечества. В отношении главного героя, заработавшего в результате неумеренного «омоложения» инсульт, название звучит иронично и гротескно; никаких рецептов персонального «возвращения молодости» автор не дает, он говорит лишь об обновляющем материалистическом миропонимании, впервые открывшем путь к самопознанию человека и человечества.

Кое-что Зощенко трактует неубедительно и упрощенно (такова, в частности, попытка объяснить высокие чувства результатом «повышенного обмена веществ»). Но в целом философский поиск Зощенко ведет в продуктивной плоскости, опережая свое (а иногда и наше) время. В нашей «Философской энциклопедии» нет, например, статьи «Болезнь». Это не значит, что в философии нет такой проблемы. Немецкий философ Шеллинг (это имя упоминается в «Возвращенной молодости» в связи с проблематикой творчества), имевший также и ученую степень доктора медицины, определял болезнь как нарушение пропорций, в рамках которых протекает нормальная жизнедеятельность организма. Зощенко ставит вопрос о том, чтобы нарушенное равновесие восстановить за счет активизации внутренних потенций личности.

Другой великий немецкий философ, Кант, на собственном опыте, изложенном в трактате «О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения» [1], показал, как можно сознательно управлять здоровьем. «Это был поразительный опыт, который закончился победой,— констатирует Зощенко.— Но тут крылась и ошибка, которая создавала из человека некое подобие машины для работы... Можно создать любую привычку для тела, но нельзя забывать, что при частой повторности психика как бы усиливает эту привычку и доводит ее до крайности». Зощенко как раз обеспокоен тем, чтобы устранить из жизни человека любую маниакальность. Надо, чтобы человек управлял своей «машиной», а не подчинялся ей.

Горький ознакомился с повестью до опубликования, оценил ее как «замечательную вещь» и помог появлению на свет. Выход в свет «Возвращенной молодости» вызвал оживленную полемику. Перелистывая пожелтевшие подшивки «Литературной газеты» и «Литературного Ленинграда» за март-май 1934 года, наталкиваешься на самые различные оценки повести. Спорили не только литераторы, но и ученые — медики, физиологи и психологи. Даже тогдашний министр (нарком) здравоохра-

---

[1] Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 298—319.

нения Н. Семашко счел долгом высказать публично свое мнение: «Самая главная заслуга книги т. Зощенко, целиком оправдывающая появление ее в свет,— это призыв к «организации жизни», к «сохранению и укреплению умственной» (да и физической) «энергии». Хвала т. Зощенко за это!» [1]

Раздавались, правда, и голоса, хулившие автора, но в целом вердикт ученого мира был недвусмысленным: Зощенко начал получать приглашения на заседания в Институт мозга, а И. П. Павлов приглашал его на свои «среды»: ученые стали разговаривать с писателем как с равным.

Этот вердикт проверен и утвержден высшей контрольной инстанцией — временем. Мы приводили слова одного из наиболее крупных сегодня наших психиатров профессора А. А. Портнова. Вот еще одно мнение — профессора Г. С. Васильченко (НИИ психиатрии Минздрава РСФСР), считающего, что программа сознательного руководства своим здоровьем Зощенко (как и его великого предшественника Канта) «находит полную поддержку современной медицинской науки. Здоровье, этот природный дар, в начале жизненного пути зависящий от воли субъекта и определяемый прежде всего наследственными факторами, в дальнейшем все в большей степени зависит от умения индивидуально организовать свою жизнь. Если естественный ритм, сочетающий физическую и духовную активность, способен укрепить даже самую слабую наследственную конституцию, то физическая и интеллектуальная лень, отсутствие активной целеустремленности, расслабление организма комфортом, праздность, дополняемые разрушающим влиянием таких широко распространенных наркотиков, как табак и алкоголь, способны расшатать и развалить самую хорошую наследственность» [2].

После выхода «Возвращенной молодости» Зощенко приступил к работе над новым необычным произведением. Это «Голубая книга» — брызжущий остроумием монтаж из юмористических рассказов, назидательных притч, анекдотов и афоризмов. Зощенко все время обращается к материалу истории, но подает историю в предельно «остраненном» виде. Стержень книги — философская идея, мысль о нравственном несовершенстве старого мира, о необходимости воспитания нового человека, воспитании его чувств.

«Я не стремился к форме романа,— пояснял свой замысел автор,— и не пытался найти эту форму. Я новеллист. И мое дело найти идею, которая бы двигала бы новеллы. Сюжетное движение новеллы уже не звучит. Я хотел найти новые методы движения не по сюжету, а по теме, по внутреннему содержанию...

---

[1] Лит. газета, 1934, 6 апр.

[2] Наука и жизнь, 1973, № 10. С. 63.

Я считаю, что «Голубая книга» держится не новеллой, а философской идеей, которая двигает ею. Рассказы сами по себе в этой книге не существуют»[1]. Видимо, поэтому (поскольку «рассказы сами по себе в этой книге не существуют») автор позволил себе включить в текст старые свои вещи (некоторые из них в переработанном виде), как бы сводя их воедино, показывая, какой высокой цели служит его смех.

Зощенко бичует пороки, рассказывает о стяжательстве, коварстве, жестокости и других низменных страстях. Обобщая, он выводит формулу мещанина всех времен и народов: «Вообще говоря, неизвестно, сколько человеку всего нужно. Наверное, больше того, чем сколько ему нужно, и не менее того, чем сколько он хочет». А для нового человека в «Возвращенной молодости» у Зощенко была припасена другая, проникновенно мудрая формула: «Смысл жизни не в том, чтобы удовлетворять свои желания, а в том, чтобы иметь их». Завершает «Голубую книгу» раздел «Удивительные истории», где речь идет о высоком и возвышающем, о мужестве, стойкости в борьбе за светлое будущее. Путь в будущее лежит через прошлое, не только через преодоление бескультурья и варварства, но также через усвоение культурной традиции. Здесь автор находит верный ориентир — «пресветлого нашего поэта и философа» Пушкина.

В «Возвращенной молодости» о Пушкине было сказано: «Солнце в мировом пространстве». Вскоре после «Голубой книги» возникает «Шестая повесть Белкина», написанная как прямое подражание Пушкину. «Относительно Пушкина у меня всегда особый счет», — признается писатель. По его мнению, учиться надо именно у Пушкина, который «был велик в своей работе». Зощенко имеет в виду не только языковую, «техническую» сторону дела. Пушкинская «пресветлость» устремлений, цельность характера, любовь и мудрость — вот те черты, которые должен обрести человек настоящего и будущего. Это тот положительный идеал, без которого сатира не имеет права на существование.

Автор прав, утверждая, что в «Голубой книге» «больше радости и надежды, чем насмешки, меньше иронии, чем настоящей сердечной любви и нежной привязанности к людям», и читатель верит словам послесловия: «Есть абсолютная справедливость. И эта идея в свое время торжествует. И значит, ничего не страшно и ничего не безнадежно».

Горький одобрил «Голубую книгу». В письме Зощенко он хвалил повесть и давал автору новое напутствие: «Страдание — позор мира, и надобно его ненавидеть для того, чтоб истребить... Высмеять профессиональных страдальцев — вот хорошее дело, дорогой Михаил Михайлович

[1] Лит. Ленинград, 1936, 14 марта.

...высмеять всех, кого идиотские мелочи и неудобства личной жизни настраивают враждебно к миру» [1].

Зощенко начинает работать над новой книгой. Сначала ему видится повесть, которая объединила бы «Возвращенную молодость» и «Голубую книгу» в единую трилогию. В 1935 году он публикует статью «О моей трилогии», в которой рассказывает о своем замысле: «Эта книга будет мало похожа на обычную художественную прозу. Это будет скорее трактат, философский и публицистический, нежели беллетристика. Впрочем, я не думаю лишить ее элементов художественного произведения» [2]. В дальнейшем идея трилогии отпадет. В записи о творческих планах, относящейся к более позднему времени, фигурирует «новая книга под названием «Ключи счастья» — продолжение «Возвращенной молодости» [3].

Над «Ключами счастья» Зощенко работал вплоть до 1943 года. Перед публикацией название, повторившее А. Вербицкую, автор меняет на «Перед восходом солнца», полемически повторяющее название первой драмы Г. Гауптмана. Зощенко не впервые использовал прием заимствования заголовка. Рассказ «Врачевание и психика» заставлял вспомнить о книге С. Цвейга; «Страдания молодого Вертера» напоминал о романе Гете. Это было заимствование, продиктованное не недостатком фантазии,— читатель, знакомый с литературной традицией, приглашался к размышлению, к тому, чтобы сопоставить «век нынешний и век минувший», разные ситуации, разные проблемы и подходы к ним. Пьеса Гауптмана «Перед восходом солнца» содержала, в свою очередь, перекличку с пьесой Л. Толстого «Власть тьмы». Теперь Зощенко возвращал тему преодоления «тьмы» сознания на русскую почву.

Первая часть повести была напечатана в журнале «Октябрь» (№ 6—7 и 8—9 за 1943 год). В дни войны повесть прозвучала диссонансом и подверглась критике. Печатание ее было приостановлено. Окончание увидело свет посмертно под названием «Повесть о разуме».

История публикации окончания вкратце такова. Собирая материал для работы о бессознательных компонентах творчества, я наткнулся на повесть «Перед восходом солнца». Текст обрывался на самом интересном месте. Где продолжение? Существует ли оно вообще? «Литературная энциклопедия» уверяет, что повесть осталась незавершенной. Но К. Чуковский сообщает, что в его письменном столе лежит окончание. Увы, Корнея Ивановича не было в живых, он недавно скончался, и я не мог тревожить его близких. Я надеялся на то, что еще где-нибудь сохранился экземпляр рукописи. И в конце концов мне сообщили, что в архиве Всево-

---

[1] Лит. наследство. Т. 70. С. 166—168.

[2] Лит. Ленинград, 1935, 26 окт.

[3] Рукопись, хранящаяся в ИМЛИ. Цит. по кн.: Старков А. Юмор Зощенко. М., 1974. С. 126.

лода Иванова есть рукопись, которую я ищу. Тамара Владимировна Иванова любезно ее предоставила в мое распоряжение. Это была копия машинописного экземпляра, подготовленного к набору, с правкой М. Зощенко. После неудачной попытки напечатать окончание повести в журнале «Октябрь», я обратился в ленинградскую «Звезду», где встретил полное понимание и поддержку со стороны заведовавшего тогда отделом прозы ныне покойного А. С. Смоляна. Он предложил назвать публикацию «Повесть о разуме» — так звучал один из первоначальных вариантов названия всей повести. Без каких-либо изменений в тексте окончание повести «Перед восходом солнца» увидело свет в мартовской книжке «Звезды» за 1972 год [1].

Готовя рукопись к печати, журнал «Звезда» обратился к действительному члену АПН СССР профессору Б. Ананьеву с просьбой дать оценку повести Зощенко с позиций современной науки о человеке. Б. Ананьев откликнулся положительным отзывом, в котором напомнил об интересе Горького и Зощенко к успехам советской психологии и медицины, об их участии в научной жизни того времени. О повести «Перед восходом солнца» он писал, что она «посвящена той стороне разумной деятельности человека, которая обращена на «внутреннюю среду» организма и включена в общий процесс его «высочайшей саморегуляции», говоря словами И. П. Павлова. Нет оснований считать, что для М. М. Зощенко разумная деятельность исчерпывается именно этой «психо-соматической» сферой, которая сама определяется отношением субъекта к предметному миру окружающей природы и общества. Однако он отвлекается от этих «объектных» характеристик сознания и сосредоточивается на проблеме «сознание и жизнедеятельность человека». Допустимо ли такое отвлечение вообще и в смежной с наукой художественной литературе особенно? Несомненно!» [2]

Что сближало новую повесть с «Возвращенной молодостью», позволяло рассматривать первую в качестве продолжения второй? Все тот же интерес автора к проблеме сознательного самоуправления жизнью организма. Только теперь речь шла не о физиологии, а о психике, о тренировке не тела, а души. В поисках причины своего недуга Зощенко вдруг понял, что в его жизни произошло что-то такое, что подействовало угнетающим образом, вызвало болезнь. Но что именно? И когда? Писатель начал вспоминать свою жизнь, попытался психологически осмыслить пережитое. Юношей Зощенко ушел на войну, мужественно вел себя на фронте, в гражданскую войну служил в Красной Армии, затем сменил ряд профессий, пока не стал писателем; потерял мать, пережил другие потрясения, но ни в одном из них (ни в их совокупности) не увидел при-

---

[1] Нет никаких оснований для утверждения, будто в «Звезде» была осуществлена публикация «сильно переработанного варианта повести» (см.: Молдавский Дм. Михаил Зощенко. Л., 1977. С. 251).

[2] Архив М. Зощенко.

чины своего заболевания. В поисках ее он обратился к своему детству.

Детские впечатления — «моментальные снимки», но оказалось, что они волнуют писателя больше, чем переживания зрелых лет. Он чувствует, что приближается к цели. Его память доходит почти до младенческого возраста, но дальше пути нет. Первые два года жизни окутаны плотным туманом, не позволяющим взору проникнуть в таинственную жизнь маленького существа. У писателя уже нет сомнений, что драма разыгралась именно тогда.

Итак, надо было проникнуть в мир, лишенный разума, лишенный логики, о котором решительно ничего не помнишь. Чем живет этот мир? Ответ Зощенко искал в учении академика Павлова об условных рефлексах. Вполне возможно, что решимость преодолеть болезнь, проникнув в мир бессознательного, возникла на одной из павловских сред, где он мог слышать слова великого физиолога, отмечавшего значение осознания больным причины невроза. «Изолированные пункты, которые, однако, существуют и действуют втемную, против которых нет управы,— их надо перевести в сознание, т. е. привести в связь с полушариями, и тогда, раз полушария функционируют правильно, то наводят порядок и там» [1]. И. П. Павлов в этом плане вполне положительно оценивал результаты, достигнутые З. Фрейдом.

Зощенко познакомился с работами венского психиатра. В тридцатые годы у нас началась критика фрейдизма, страдавшая, однако, на первых порах рядом существенных недостатков: сложные психологические феномены толковались порой прямолинейно, с позиций физиологизма и вульгарного материализма. Следы этой односторонности заметны и у Зощенко. Но основной его тезис безошибочен: Фрейд переоценил значение сексуальных мотивов в бессознательном поведении человека. Зощенко иронизирует по поводу того, как врач-фрейдист толковал его сновидения[2]. Но интерес к сновидениям как средству проникнуть в далекий мир младенца не оставляет писателя.

Сон — процесс торможения, хотя это торможение частичное; оно не охватывает целиком наш мозг, не спускается ниже подкорковых центров. Мозг человека имеет как бы два этажа. Высший этаж — это кора мозга; здесь центр контроля, логики, жизненного опыта. Низший этаж — источник наследственных рефлексов, животных навыков и сил. Ночью высший этаж погружается в сон, но низший продолжает бодрствовать. И если логика, разум затормозили или оттеснили какой-либо некогда возникший

[1] Павловские клинические среды. Т. 2. М., 1955. С. 296.

[2] У писателя были все основания иронизировать над доморощенными фрейдистами. В архиве М. Зощенко сохранился диагноз, который поставил врач-фрейдист, обследовавший писателя в 1937 году и настаивавший на том, что картина недомогания якобы «указывает путь к комплексу Эдипа и только к нему».

страх ребенка, то при отсутствии контроля он может снова возникнуть. Он возникает в сновидении.

Повесть Зощенко содержит описание детских кошмаров автора. Фрейдистская трактовка сновидений им отброшена, он руководствуется материалистическим подходом к символике сновидений. Умело расшифровывая символический язык своих снов, осмысливая, рационализируя их, Зощенко в конце концов добирается до первопричин невроза, до тех раздражителей, которые создали устойчивые «опасные связи», возникшие помимо сознания. Эти связи возникли в младенческом возрасте, но укреплялись на протяжении последующих лет благодаря случайным совпадениям. Зощенко силой разума разорвал эти связи, отделил подлинные беды от мнимых причин, от условных объектов раздражения, вернул этим объектам их реальное значение. Поразительный результат был достигнут — наступило выздоровление.

В архиве М. Зощенко сохранилось письмо, в котором автор дает общую характеристику своему произведению: «Это — антифашистская книга. Она написана в защиту разума и его прав.

Помимо художественного описания жизни в книгу включена научная тема об условных рефлексах И. П. Павлова.

Эта теория проверена в основном на животных.

Мне удалось собрать материал, доказывающий полезную применимость ее к человеческой жизни.

При этом с очевидностью были обнаружены идеалистические ошибки Фрейда и, в свою очередь, доказана большая правда и значение теории Павлова — простой, точной, достоверной.

Редакция журнала «Октябрь» не раз давала мою книгу на отзыв еще в период, когда я написал эту книгу, академику А. Д. Сперанскому. Он признал, что книга написана в соответствии с данными современной науки и заслуживает печати и внимания...» [1]

В том, что рассказал Зощенко, многое спорно, но писатель не претендует на общезначимость своих наблюдений. «Если наука не согласится со мной или найдет мое обобщение слишком смелым, то я не буду на нем настаивать». Но в том-то и дело, что писатель обогнал на несколько десятилетий развитие науки. Зощенко если не раскрыл, то, во всяком случае, нащупал некоторые душевные механизмы, которые при всей своей индивидуальности (вернее, в силу своей индивидуальности) приобретают важное социальное значение и привлекают внимание современной науки. Для пояснения мысли сошлюсь на репортаж «Психологи толкуют сны», опубликованный в «Правде» 18 апреля 1971 года.

Речь идет об отборе космонавтов, который, как известно, осуществляется чрезвычайно тщательно. Помимо высокой профессиональной подго-

---

[1] Упоминаемый в письме отзыв акад. А. Д. Сперанского в архиве М. Зощенко не сохранился.

товки, от человека, посылаемого в космос, требуется воля, мужество, выдержка и ряд особых психологических качеств. Каковы в этом смысле возможности личности, внутреннего «я» человека? На этот вопрос и помогает частично ответить изучение снов.

«Некоторые сюжетные мотивы сновидений могут приоткрыть психологу те или иные переживания, о которых человек умалчивает. Например, полеты и падения во сне — это по большей части символ какого-то ущемления желаний или внутренних порывов. А большое число действующих лиц в сновидении нередко говорит о трудном переживании одиночества. Не в меньшей мере, чем характер снов, психологов интересует уровень самопонимания сновидений. Путь к отличной слаженности, органической слитности микроколлектива чрезвычайно сложен. В обычных условиях он идет подчас через многие конфликты, через болезненное порой исправление ошибок. В космическом полете такой путь неприемлем. Поэтому психологи скрупулезно и тщательно разрабатывают методы отбора кандидатов в космонавты. В этой трудной и многоплановой проблеме свое место занимает и изучение сновидений».

Помимо терапии неврозов и исследования психологических особенностей личности (знать которые необходимо для того, чтобы предугадать, как поведет себя человек в экстремальной ситуации), есть еще один механизм психики, для открытия которого могут пригодиться «ключи» Зощенко. Мы имеем в виду процесс творчества. «Творчество,— читаем в «Возвращенной молодости»,—...необычайным образом связано с „бессознательным“». Сегодня стало уже тривиальной истиной в эвристике (науке о творчестве) расчленять процесс открытия на четыре этапа — подготовка, вызревание, озарение, завершение. Первый и четвертый этапы — работа сознания, второй и третий — бессознательного. Сошлюсь на французского математика Адамара, который, основываясь на собственном и чужом опыте (особенно гениального Пуанкаре), приходит к следующему выводу о роли бессознательного: «Бессознательное решает не только задачу создания различных идей, но и существенную и деликатную задачу выбора сочетаний, удовлетворяющих нашему чувству красоты и, следовательно, имеющих шансы быть полезными»[1].

Повесть Зощенко написана во славу науки, во славу разума. Зощенко занят выявлением бессознательных условных связей, но он не забывает о «верхнем этаже» психики. В последних главах повести он ведет разговор о высших духовных потенциях человека.

Зощенко в дальнейшем неоднократно возвращался к волновавшей его проблеме. Сохранилась относящаяся к 1957 году черновая запись сюжета рассказа «Поиски здоровья». Большой художник исследует возникшие в его мозгу болезненные условные связи. «В финале освобождение от

---

[1] Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в математике. М., 1970. С. 34.

условных связей. Не Фрейд, ибо нравственная категория; его борьба с сексом. В итоге чистый павловский рефлекс. Но Павлов на животных, а тут разница» [1]. Разница в том, что у человека есть «нравственная категория», разум, воля.

В повести «Перед восходом солнца» Зощенко ставит философско-нравственную проблему сознательного отношения к смерти. «Отношение к смерти — это одна из величайших проблем, с которой непременно сталкивается человек в своей жизни. Однако эта проблема не только не разрешена (в литературе, в искусстве, в философии), но она даже мало продумана. Решение ее предоставлено каждому человеку в отдельности. А ум человеческий слаб, пуглив. Он откладывает этот вопрос до последних дней, когда решать уже поздно. И тем более поздно бороться... Устрашенные, трусливые люди погибают скорей. Страх лишает их возможности руководить собой».

Зощенко, разумеется, не прав, настаивая на том, что проблема отно шения к смерти «мало продумана» в предшествующей культурной традиции. Русская философская мысль — от трактата «О человеке, его смертности и бессмертии» А. Радищева до «Философии общего дела» Н. Федорова — неизменно возвращалась к этой проблеме. В творчестве Л. Толстого она занимает одно из центральных мест. Но если образцом для Толстого была «растительная» смерть, уход из жизни сознательно не развитого существа, то Зощенко как раз уповает на разум человека, понимая разум предельно широко, включая сюда «идеи и добрые чувства», представление о высших ценностях. Именно они создают то, что Шиллер называл «моральной безопасностью», бесстрашным отношением к страшному, толкают без рассуждения на возвышенный поступок. Зощенко рассказывает о случае на фронте, когда в блиндаже, где находилось четырнадцать человек, один офицер выронил случайно ручную гранату. Выбросить ее не было возможности, и офицер упал на гранату, погиб, спасая своих товарищей. Страх смерти был ничтожен по сравнению с тем чувством, которое было в сердце этого замечательного человека. Нет сомнения, говорит Зощенко, таких фактов можно найти немало и в истории прошлого, и в истории наших дней.

Перед закономерным естественным концом в жизни человека наступает период увядания, старость. Как вести себя при этом, как не стать обузой для близких и в тягость самому себе? Можно ли отодвинуть дряхлость, продлить работоспособность? В наши дни это серьезная социальная проблема: средняя продолжительность жизни возросла, а возрастная граница, за которой начинаются старческие заболевания, снизилась, увеличилось количество пожилых людей. Возникла и активно развивается наука о старении живых организмов — геронтология. В числе первых, кто философски подошел к проблеме, был Зощенко. Сегодня философские проблемы геронтологии становятся предметом специаль-

---

[1] Архив М. Зощенко.

ного исследования. Зощенко не дает никаких медицинских рекомендаций, он даже иронизирует над таковыми: один старик (Б. Шоу) видит панацею в вегетарианстве, другой (Ф. Кон) считает, что его поддерживает как раз мясная пища, и т. д. Зощенко только формулирует общую установку на сознательное «преодоление» старости, на продуктивное долголетие. Старость — это не «живая могила», как когда-то выразился Мартин Лютер, надо овладеть искусством счастливой старости. И здесь опять-таки многое зависит от разума и воли.

И еще одна жизненно важная проблема — человеческое страдание. Горький советовал «высмеять профессиональных страдальцев», высмеять было нетрудно, и Зощенко сделал это, но одновременно он искал и конструктивный метод борьбы с душевными муками. Может быть, когда-нибудь наука найдет способ физического воздействия на мозг. Но пока все надежды на другую науку — «науку достойной и справедливой человеческой жизни», то есть философию, дающую социальное и этическое решение проблемы, ориентирующую на устранение мучительных общественных конфликтов, прививающую оптимизм, чувство долга и взаимного доверия. Дело и здесь за разумом. «Боже мой! — восклицает Зощенко.— Какие счастливые надежды зажглись бы в наших сердцах, если б высокий разум присутствовал на каждом шагу, при каждой малости, при каждом вздохе».

У читателя повести «Перед восходом солнца» может возникнуть вопрос, почему в ней так скупо говорится о внушении и самовнушении. Видимо, потому, что достаточно подробно об этом автор говорил в «Возвращенной молодости» (комментарий XV), приводя многочисленные примеры возникновения и исчезновения болезней за счет силы внушения — посторонней или собственной. «Во всей нашей жизни, во всех наших поступках и, может быть, во всех склонностях самовнушение всякий раз играет большую роль, чем можно даже предположить». В тридцатые годы, когда Зощенко писал эти строки, за рубежом уже разрабатывалась методика аутогенной тренировки. Ныне такая тренировка получила повсеместное признание. Укрепить «волю к жизни» помогает даже простое повторение по утрам самоуспокоительных формул вроде: «Я верю в защитные силы своего организма», «Уходит неуверенность, боязнь, озабоченность», «Я счастлив — все идет к лучшему». Для психики это такая же зарядка, как физические упражнения — для тела. И многое из того, о чем идет речь на страницах повести «Перед восходом солнца», связано с игрой воображения и силой внушения.

Зощенко писал не только о себе («полкниги будет занято моей особой»). Как и в двух предшествующих научно-художественных повестях, писатель обращается к опыту истории, к жизни других людей, живших ранее и живущих ныне. В строгом смысле слова «Перед восходом лнца» — не автобиография. В этом отношении интересно письмо Зо-

щенко от 17 ноября 1943 года, в котором он отвечает жене: «Ты писала, будто я про наши отношения (прошлые) неважно писал. Это вздор. Там ведь 2 фразы о том, что после смерти мамы я переехал к тебе. Я не считал удобным писать более подробно. Кроме того, это не есть подлинная биография. Это литература. И мне нужно было отметить такую черту».

Книга, отмечал автор, «написана во многих жанрах. И жанр художника здесь, смею надеяться, не самый слабый!». Он был убежден и в научных достоинствах своей работы. Когда возникли трудности с публикацией повести, нашлись советчики, предлагавшие убрать из текста научную канву, оставить только художественную прозу. Другие советовали убрать «новеллы». Зощенко наотрез отказался и от того, и от другого. И был прав: образ здесь органически слит с понятием, доминирует новая интеллектуально-художественная структура — образ-понятие, где эмоциональное, эстетическое воздействие опирается на научное знание, а последнее приобретается и закрепляется средствами искусства.

С именем Зощенко у читателя, как правило, ассоциируется весьма своеобразная юмористическая литературная манера. В ранних (и наиболее известных) рассказах автор всегда говорил устами своего неизменного героя — носителя обывательских черт, мещанина, утрируя, пародируя его язык, высмеивая его позицию и отношение к жизни. Эта манера присутствует и в «Возвращенной молодости», и в «Голубой книге». Приступая к повести «Перед восходом солнца», автор высказывал намерение заговорить «своим языком». И он им заговорил, своим подлинным языком. Его слог кристально чист, как чисты его помыслы. Язык — форма мысли, и мысль прославить разум, водившая рукой писателя, помогла ему обрести слова простые и выразительные, создать произведение высокой прозы.

Повесть пронизана жизнеутверждающим научным мировоззрением. Не случайно она завершилась в дни войны с фашизмом, поднявшим руку на образованность и интеллигентность, пытавшимся разбудить в человеке звериные инстинкты. Инстинкт может быть губителен для человека, утверждает Зощенко, разум всегда спасителен и всемогущ. Так воздадим же хвалу разуму, пусть он восторжествует и победит неразумие!

К такому выводу автор подводит читателя исподволь. Зощенко чужд дидактики, писатель-реалист, он знает, что человек руководствуется в своем поведении не одним только разумом, он показывает, по каким лабиринтам приходится блуждать человеческой психике. Младенец вообще лишен разума, и смешно требовать от него даже минимальной разумности. Первое воспоминание писателя о своем детстве: наелся спичек. У взрослых паника. «Кто-то плачет. Я плачу громче и оттого, что горько, и оттого, что отняли». Гимназист уже многое понимает, но плохо себя контролирует. На уроке задан вопрос, почему листья зеленые, и обе-

щана за ответ пятерка. Первый ученик молчит, он не знает. Миша Зощенко знает, но молчит: «Я не хочу быть выскочкой... Кроме того, я не нуждаюсь в пятерке. Что она одна будет торчать среди моих двоек и троек». Юный Михаил Зощенко командует батальоном, солдаты называют его «внучек». Дисциплина падает, из землянки комбата пропадают вещи. Однажды он ловит на месте преступления рядового, схватившего бритву в никелированной коробке. Солдат падает на колени; он позарился на футляр, чтобы держать в нем махорку. «Я понимаю, что его надо наказать, отдать под суд. Но у меня не хватает сил это сделать. Я вижу его унылое лицо, жалкую улыбку, дрожащие руки. Мне отвратительно, что я погнался за ним. Вынув бритву, я отдаю ему коробку».

Сущее не делится на разум без остатка, сказал великий поэт. Какой там разум, когда исполненный воистину «смердяковского» вдохновения поэт Т. слагает циничный гимн еде, ради которой готов пойти на любое унижение. Здоровый малый, с каким-то сладострастием он предается нищенству. Зощенко, встретив его на улице, вручает ему значительные деньги, но тот продолжает стоять с протянутой рукой. «Я и до сих пор не понимаю — почему он не ушел. Почему он не тотчас бросился в пивную, в ресторан, домой?» Это зарисовка с натуры, выразительная зарисовка сложного характера.

Зощенко обладает изумительной способностью предельно концентрированного и точного изображения. Несколько штрихов, и портрет готов. Поскольку речь идет подчас о знаменитых современниках, повесть приобретает характер интереснейших мемуаров. Вот молодой Шкловский: «Он в восточной тюбетейке. У него умное и дерзкое лицо. Он с кем-то яростно спорит. Он ничего не видит — кроме себя и противника». Смертельно усталый Блок: «Я никогда не видел таких пустых и мертвых глаз. Я никогда не думал, что на лице могут отражаться такая тоска и такое безразличие». Есенин: «Он в черной бархатной блузе. На груди у него большой белый кисейный бант. Лицо этого человека обсыпано пудрой. Губы и брови подведены. На лице улыбка — пьяная и немного сконфуженная». В гостях у Горького: «Что-то изящное в его бесшумной походке, в его движениях и жестах. Он не улыбается, как это полагается хозяину, но лицо у него приветливое... Покашливая, Горький говорит о литературе, о народе, о задачах писателя. Он говорит интересно и даже увлекательно».

Все три научно-художественные повести Зощенко так или иначе связаны с именем Горького. Алексей Максимович напутствовал Зощенко на его новом пути и помогал преодолевать непонимание. Благодарный автор посвятил ему и «Голубую книгу», и «Перед восходом солнца».

Перед нами — не трилогия. Но есть в этих трех произведениях одна стержневая проблема — мир человека, физическое и духовно-нравственное здоровье. Зощенко призывает человека быть творцом самого себя,

управлять своей натурой. Это не призыв к самолечению, любое лечение, в том числе и анализ психики, должно идти под наблюдением врача, писатель неоднократно это подчеркивает. Зощенко не был медиком и не считал себя таковым. Он решал мировоззренческую задачу. Если нужно назвать область науки, в которую писатель проникал художественными средствами, то это отнюдь не медицина и даже не психология, а философия. И здесь он был новатором, предвосхитившим движение профессиональной философии. Эпиграфом к эпилогу повести «Перед восходом солнца» Зощенко взял слова Маркса из его письма к Руге (сентябрь 1843 г.): «Сознание — такая вещь, которую мир должен приобрести себе, хочет он этого или нет» [1]. В этих словах основная идея всего научно-художественного творчества Зощенко.

Арс. Гулыга

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 381. Зощенко цитирует Маркса в неточном переводе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Третий том настоящего Собрания сочинений М. Зощенко включает в себя «Возвращенную молодость», «Голубую книгу», «Перед восходом солнца».

ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ.— Звезда, 1933, № 6, 8, 10. Печ. по кн.: Зощенко Мих. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1968.

ГОЛУБАЯ КНИГА.— Красн. новь, 1934, № 3, 10; 1935, № 6, 7, 12. Печ. по кн.: Зощенко Мих. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1968.

Каждая из пяти частей «Голубой книги» имеет разделы, состоящие из рассказов на современную (для Зощенко) тему. Практически все эти рассказы были написаны задолго до возникновения замысла «Голубой книги» и появились в ней в переработанном виде, в результате чего получили новое звучание. Приводим сведения об их первых (в первоначальном звучании) публикациях.

ДЕНЬГИ

Сколько человеку нужно.— Дрезина, 1923, № 1. Под названием: Карусель. Печатался также под названием «Бесплатно» и «Сколько человеку нужно».

Рассказ про няню.—Ревизор, 1929, № 12/13. Под названием: Няня.

Мелкий случай из личной жизни.—*Зощенко М.* Избранное. Л., 1934. Под названием: Смешная историйка.

Таинственная история.— Бегемот, 1925, № 50. Под названием: Святочная история.

Рассказ про спекулянта.— Ревизор, 1929, № 3. Под названием: Сильнее смерти.

Рассказ о том, как жена не разрешила мужу

умереть.— Лит. еженедельник, 1923, № 23. Под названием: Матренища.

Рассказ про одну корыстную молочницу.— Ревизор, 1930, № 15. Под названием: Не надо спекулировать. Печатался также под названием «Спекуляция».

Трагикомический рассказ про человека, который выиграл деньги.— Крокодил, 1933, № 34. Под названием: Морока. Печатался также под названием «Трагикомедия».

Последний рассказ под лозунгом «Счастливый путь».— Огонек, 1933, № 26. Под названием: Счастливый путь.

ЛЮБОВЬ

Рассказ о старом дураке.— Написан специально для «Голубой книги». Позже выходил под названием «Неравный брак».

Женитьба — не напасть, как бы не пропасть.— Смехач, 1924, № 2. Под названием: Брак по расчету.

Рассказ о письме и о неграмотной женщине.— Смехач, 1924, № 18. Под названием: Ликвидация. Печатался также под названиями «Пелагея» и «Письмо».

Рассказ про даму с цветами.— Прожектор, 1929, № 38. Под названием: Дама с цветами.

Мелкий случай из личной жизни.— Крокодил, 1933, № 2. Под названием: Личная жизнь.

Свадебное происшествие.— Бегемот, 1927, № 14. Под названием: Свадьба. Сюжет рассказа лег в основу одноактной пьесы «Свадьба», опубликованной в журн. «Красн. новь» (1933, № 3).

Забавное приключение.— Написан специально для «Голубой книги».

Последний рассказ под названием «Коварство и любовь».— Ревизор, 1929, № 36. Под названием: Расписка.

КОВАРСТВО

Интересная кража в кооперативе.— Крокодил, 1933, № 7. Под названием: Кража. Сюжет рассказа лег в основу одноактной пьесы «Неудачный день», опубликованной в журн. «Красн. новь» (1933, № 2).

Рассказ о том, как чемодан украли.— Бегемот, 1925, № 23. Под названием: Воры.

Поимка вора оригинальным способом.— Смехач, 1925, № 1. Под названием: Дрова.

Мелкий случай из личной жизни.— Крокодил, 1932, № 10. Под названием: Слабая тара.

Рассказ о подлеце.— Крокодил, 1934, № 3. Под названием: Подарок. Печатается также под названием «Подлец».

Интересный случай в гостях.— Бегемот, 1927, № 27. Под названием «Неприятная история».

Забавное происшествие с кассиршей.— Ревизор, 1929, № 14/15. Под названием: Не дают развернуться. Подпись: *Михал Михалыч.*

Хитрость, допущенная в одном общежитии.— Ревизор, 1930, № 7. Под названием: Хитрость. Подпись: *Мих. Гаврилов.*

Рассказ о том, как девочке сапожки покупали.— Пушка, 1927, № 38. Под названием: Баретки.

История с переодеванием.— Веч. Москва, 1932, 11 нояб. Под названием: Юмористический рассказ. Печатался также под названием «С луны свалился».

НЕУДАЧИ

Происшествие на Волге.— Бегемот, 1927, № 33. Под названием: Пароход.

Рассказ о банях и их посетителях.— Крокодил, 1935, № 11. Под названием: Баня и люди.

Страдания молодого Вертера.— Крокодил, 1933, № 1.

Рассказ об имениннице.— Бегемот, 1926, № 13. Под названием: Именинница.

Мелкий случай из личной жизни.— Бегемот, 1927, № 15. Под названием: Галоша. Печатался также под названием «Калоша» и «Галоши».

Интересное происшествие в канцелярии.— Бузотер, 1927, № 5. Под названием: Волокита. Под таким же названием печатался фельетон другого содержания.

Романтическая история с одним начинающим поэтом.— Крокодил, 1935, № 15. Под названием: Романтическая история.

Рассказ о человеке, которого вычистили из партии.— Ревизор, 1929, № 38. Под названием: Бурлацкая натура. Подпись: *Мих. Гаврилов.*

Рассказ о беспокойном старике.— Крокодил, 1933, № 3. Под названием: Беспокойный старичок.

Рассказ о зажиточном человеке.— Написан специально для «Голубой книги».

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

Бедная Лиза.— Крокодил, 1935, № 23.

Рассказ о студенте и водолазе.— Чудак, 1929, № 4. Под названием: Серенада.

Происшествие.— Ревизор, 1929, № 23.

М е л к и й с л у ч а й и з л и ч н о й ж и з н и.— Чудак, 1929, № 39. Под названием: Приятная встреча. Под таким же названием печатался рассказ другого содержания.

П о с л е д н и й р а с с к а з.— Красный ворон, 1924, № 7. Под названием: Электрификация. Подпись: *Семен Курочкин.* Печатался также под названием «Бедность».

ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА.— Октябрь, 1943, № 6/7, 8/9; Звезда, 1972, № 3. Под названием: Повесть о разуме. Печ. по тексту журналов.

При подготовке текста «Перед восходом солнца» к предпринимаемому ныне первому книжному изданию проведена сверка текста журнальных публикаций с рукописью, в результате чего осуществлены необходимые исправления и уточнения.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ*

* Первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

СОДЕРЖАНИЕ

Зощенко М.
З 88 Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Возвращенная молодость; Голубая книга; Перед восходом солнца/Послесл. Арс. Гулыги; Сост., подгот. текста, примеч. Ю. В. Томашевского.— Л.: Худож. лит., 1987.— 720 с.

В третий том входят наиболее характерные и интересные произведения, раскрывающие талант Зощенко-исследователя, к которым писатель обратился в 1930—1940-е годы.

З $\frac{4702010200\text{-}062}{028(01)\text{-}87}$ без объявл. **ББК 84.Р7**

Михаил Михайлович Зощенко

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

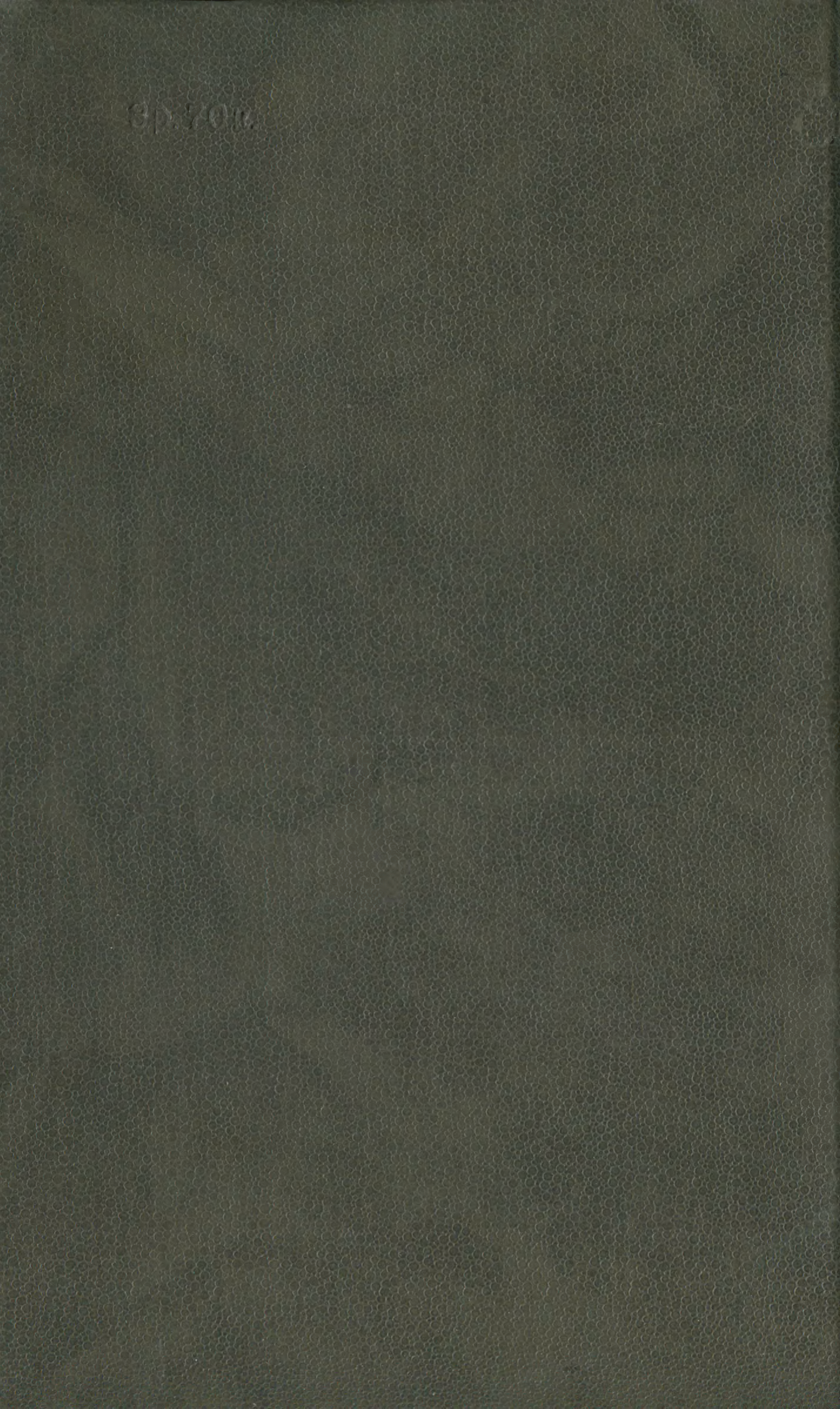
Том 3

Составитель
Юрий Владимирович Томашевский

Редактор А. Рулёва
Художественный редактор Р. Чумаков
Технический редактор Н Литвина
Корректоры А. Борисенкова, М. Зимина

ИБ № 3908

Сдано в набор 28.05.86. Подписано в печать 27.11.86. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл печ. л. 37,8. Усл. кр.-отт. 37,8. Уч.-изд. л. 41,56. Тираж 100 000 экз. Изд № ЛIII—84. Заказ № 431. Цена 3 р. 70 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Sp. 70 m.